

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus®

Clarivate
Web of Science™

OPEN
ACCESS

We are
Crossref
Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

РИНЦ

DOAJ

NSD ERIH PLUS
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Dimensions

Google
scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 13, выпуск 7, 2024

NAUCHNYI DIALOG

Volume 13, Issue 7, 2024

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

Научный диалог

Том 13, выпуск 7, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	<ul style="list-style-type: none">• WoS (Emerging Sources Citation Index)• Scopus• DOAJ• ERIH PLUS• Российский индекс научного цитирования – РИНЦ• КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Прессы России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов» http://www.nauka-dialog.ru/
Электронный адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
Адрес издателя	cniop@bk.ru
E-mail издателя	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Типография	500 экземпляров
Тираж	

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Архангельск	Нижний Новгород
	Баку (Азербайджан)	Новосибирск
	Владикавказ	Омск
	Волгоград	Орехово-Зуево
	Вологда	Санкт-Петербург
	Екатеринбург	Саранск
	Елец	Тамбов
	Кемерово	Тула
	Красноярск	Тюмень
	Москва	Челябинск
	Нальчик	Чжэнчжоу (КНР)
		Чита

Авторы, имеющие ученую степень 91 %

© Центр научных и образовательных проектов, 2024

Дата выхода в свет 20.09.2024

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

**Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)**

Volume 13, Issue 7, 2024

ISSN

ISSN 2225-756X (Print),
ISSN 2227-1295 (Online)
Key title: Naučnyj dialog,
Abbreviated key title: Naučn. dialog

Creative Commons

Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)

Mass Media Registration Certificate
(by Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications)

PI № FS 77-86214 of 27.10.2023

DOI:

10.24224

Subscription Code

29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian
Press)

Coverage

Russian Federation, foreign countries

Publication Frequency

10 issues per year

Publisher

Centr naučnyh i obrazovatel'nyh proektov,
620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57

Presence in Citation Bases, indexation

- WoS (Emerging Sources Citation Index)
- Scopus
- DOAJ
- ERIH PLUS
- Science Index (Rus)
- CyberLeninka
- Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library
- CyberLeninka
- LLC Publishing House Azhur. 620075,
Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54.
Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
- 500 copies

Text Presentation Form

Printing house

Circulation

Reviewing

All manuscripts submitted to the editorial office are
to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2024

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Аlessandro Vitale, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефтикова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савосыкина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Аlessandro Vitale, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думиника, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Ачнабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS . MEDIA COMMUNICATIONS . JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marić, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES . FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospišil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosanova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Dumitru, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Голиков Л. М.</i> . Национальный вопрос и его решение : семантика этнической дезинтегративности и интегративности на страницах учебников российской истории XX—XXI веков	9
<i>Горяев С. О., Рябцева Е. С.</i> Готлиб Зигфрид Байер и классическая латинская поэзия в научной полемике о начальной истории Древней Руси.....	28
<i>Гу Цзюньлин, Чжан Сяоюй, Погребняк Ю. В.</i> Способы передачи на русский язык названий объектов материальной культуры (на основе перевода книги Юань Ке «Мифы древнего Китая»).....	49
<i>Дзапарова Е. Б.</i> Личность автора и личность переводчика : столкновение позиций и творческий синтез	70
<i>Мельник Н. В., Савельева И. В., Никифорова Е. В.</i> Актуализация аксиологем в политическом дискурсе России и Китая (на материале новогодних обращений В. В. Путина и Си Цзиньпина)	89
<i>Ненашева Л. В.</i> Наименования русской печи и её частей в архангельских говорах....	110
<i>Радиль Т. Б.</i> Языковое воплощение концепта ЗДОРОВЬЕ в современных отечественных дискурсивных практиках (на материале газетных корпусов)	128
<i>Шигуров В. В., Шигурова Т. А.</i> Гибрид следом в зоне взаимодействия существительных и наречий : семантика и грамматика.....	154

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Ефимова А. Д.</i> Медиапрезентация тыоторства как феномена педагогического дискурса	172
<i>Радионцева Е. С.</i> Медиакоммуникации как среда для формирования импринтинга ..	196
<i>Реброва А. Д.</i> Интеграция блогинга и детского телевидения : проблемы и перспективы	217

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Воронченко Т. В., Фомина М. Н., Фёдорова Е. В.</i> Трансценденталистские идеи в творчестве писателей мексикано-американского пограничья XX века Мэри Хантер Остин и Рудольфо Анайи	237
<i>Ильченко Н. М., Чернышева Е. Г.</i> «Растительный орнамент действительности» : цветы в картине мира Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого	256
<i>Киселева И. А., Поташова К. А.</i> Текстологическая критика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1840).....	276

Кублицкая О. В. «Неизмеримое воздушное пространство» : образ России
в трапезе М. И. Невзорова 293

Макаров С. С. Сюжетно-мотивные параллели в героических эпосах якутов,
карачаевцев и балкарцев : испытания эпического героя 311

Подоксенов А. М. Пришвин о сталинской коллективизации : заметки современника 333

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авдашкин А. А., Салганова Е. И., Пасс А. А. Мигранты из Китая и Вьетнама
на Южном Урале (1991—2014 годы) 352

Арбеков А. Б. Армии Германии и Австро-Венгрии в восприятии российского
офицерства в 1870—80-е годы 369

Жерлицина Н. А. Трансформация системы религиозного образования
в постколониальном Марокко 391

Колпаков П. А. Полицейский надзор за законностью железнодорожных
грузоперевозок в Российской империи в годы Первой мировой войны 410

Махрачев Г. С. Промысловая кооперация на территории Тамбовской губернии
в 1920-х годах 427

Морозова Т. И. Самоубийства в Сибири в 1925—1937 годы : причины,
динамика, значение 445

Несторов А. Г., Муслимова Е. О. Регионы Италии в контексте итальянско-
китайских отношений в XXI веке 470

Седова С. М. Национальные конфликты на Северном Кавказе : истоки и
урегулирование 486

Татаров А. А. Община горских евреев Кабардино-Балкарии в 1944—1965 годах 505

Тишикина К. А. Мемориализация В. И. Сурикова в культурно-историческом и
городском пространстве Красноярска (1916—1926 годы) 522

АВТОРАМ 540

CONTENTS 547

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Виктор Васильевич Шигуров, д-р филол. наук (Саранск)
Гу Цзюньлин, д-р филол. наук (Чжэнчжоу, КНР)
Екатерина Сергеевна Рябцева, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Елена Владимировна Никифорова, ассистент (Кемерово)
Елизавета Борисовна Дзапарова, канд. филол. наук (Владикавказ)
Ирина Викторовна Савельева, д-р филол. наук (Кемерово)
Лариса Викторовна Ненашева, д-р филол. наук (Архангельск)
Леонид Михайлович Голиков, канд. филол. наук (Вологда)
Наталья Владимировна Мельник, д-р филол. наук (Кемерово)
Сергей Олегович Горяев, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Татьяна Алексеевна Шигурова, д-р культурологии (Саранск)
Тимур Бенюминович Радбиль, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Чжан Сяоюй, магистрант (Чжэнчжоу, КНР)
Юлия Владимировна Погребняк, д-р филол. наук (Чжэнчжоу, КНР)

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Голиков Л. М. Национальный вопрос и его решение : семантика этнической дезинтегративности и интегративности на страницах учебников российской истории XX—XXI веков / Л. М. Голиков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-9-27.

Golikov, L. M. (2024). National Question and Its Resolution: Semantics of Ethnic Disintegration and Integration in Russian History Textbooks of 20th-21st Centuries. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-9-27. (In Russ.).

Clarivate
Web of Science™

Scopus®

DOAJ

NSD ERIH PLUS
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU
РИНЦ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU
РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Национальный вопрос и его решение: семантика этнической дезинтегративности и интегративности на страницах учебников российской истории XX—XXI веков

Голиков Леонид Михайлович

orcid.org/0000-0002-9952-4116

кандидат филологических наук, доцент,
отдел организации и сопровождения
научной деятельности
lgolikov@mail.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00854,
<https://rscf.ru/project/23-28-00854/>

National Question and Its Resolution: Semantics of Ethnic Disintegration and Integration in Russian History Textbooks of 20th-21st Centuries

Leonid M. Golikov

orcid.org/0000-0002-9952-4116

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Organization and Support
of Scientific Activities
lgolikov@mail.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00854,
<https://rscf.ru/project/23-28-00854/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме вербализации семантики этнической дезинтегративности (отделенности) или интегративности (единства) терминологическими средствами. Исследование проводилось на материале 40 сочетаний со словом *нация* и его производными, регулярно используемых в современных учебных изданиях, посвященных отечественной истории XX—XXI веков. Целью работы явилось описание понятийных полей этнической дезинтегративности или интегративности, репрезентируемых терминологическими средствами учебно-исторического дискурса. Посредством логико-семантического подхода выявлены границы терминологий дезинтегративности / интегративности и их логические модели; описана семантика отдельных терминологических единиц, в том числе указаны их аксиологические потенции. Определены структуры понятийных полей, репрезентируемых сочетаниями с *нацией* и его производными. Автор приходит к выводу о том, что термины *национальный вопрос* и *решение национального вопроса* являются базовыми для учебно-исторического дискурса номинациями, организующими терминологические системы дезинтегративности и интегративности. Они трактуются как противопоставленные, но дополняющие друг друга поля, отражающие состояния нации и государства в их противопоставлении (политическом дистанцировании нации и государства) или отождествлении (политическом единстве), имеющие пограничную зону, которую наполняют признаки, способствующие переходу нации и государства из одного состояния в другое.

Ключевые слова:

нация; государство; дезинтегративность; интегративность; учебно-исторический дискурс; терминология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of verbalizing the semantics of ethnic disintegration (separation) and integration (unity) through terminological means. The study is based on an analysis of 40 combinations featuring the word “nation” and its derivatives, which are regularly employed in contemporary educational publications on Russian history from the 20th to the 21st century. The aim of this work is to describe the conceptual fields of ethnic disintegration or integration as represented by the terminological tools of educational historical discourse. Through a logical-semantic approach, the boundaries of the terminologies of disintegration / integration and their logical models are identified; the semantics of individual terminological units are described, including their axiological potentials. The structures of the conceptual fields represented by combinations with “nation” and its derivatives are delineated. The author concludes that the terms “national question” and “resolution of the national question” serve as foundational nominations within educational historical discourse, organizing the terminological systems of disintegration and integration. These terms are interpreted as opposing yet complementary fields that reflect the states of the nation and state in their opposition (political distancing of the nation from the state) or identification (political unity), encompassing a border zone filled with characteristics that facilitate the transition of the nation and state from one state to another.

Key words:

nation; state; disintegration; integration; educational historical discourse; terminology.

УДК 811.161.1'42:371.671.11+37.035.43

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-9-27

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

Национальный вопрос и его решение: семантика этнической дезинтегративности и интегративности на страницах учебников российской истории XX—XXI веков

© Голиков Л. М., 2024

1. Введение = Introduction

Современную учебную литературу, посвященную истории России XX—XXI веков, необходимо рассматривать как институциональный дискурс, входящий в парадигму инструментов идеологического воздействия власти. Так, 8 мая 2024 года указом Президента РФ были утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения [Об утверждении..., 2024]. Данный политico-правовой документ в качестве одного из положений-основ предлагает тезис о том, что «Россия — великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы... в единую культурно-историческую общность...», целью государственной политики, регулирующей историческое образование, постулирует стремление к формированию «общероссийской гражданской идентичности», а ее основным принципом признает «осознание исторического единства народов Российской Федерации» [Там же, п. 5, 8, 21].

Таким образом, очевидно, что единство является ключевым для российского учебно-исторического дискурса значением в той же мере, что и для политического [Гаврилова, 2010], а оппозиция «дезинтегративность — интегративность», или «отделенность — единство», воспринимается в качестве конституирующего признака, на основе которого реализуется регламентированное целенаправленное дискурсивное конструирование межнациональных отношений [Политический ..., 2018]. Данное обстоятельство свидетельствует о несомненной актуальности исследования. Вопросы межэтнических отношений («национальные вопросы») наиболее остро стояли и стоят в многонациональном российском государстве в периоды значительных политических и социальных кризисов, с точки зрения историче-

ской науки имеют циклический характер. Авторы учебных исторических изданий, в последние годы уже в формате единого канонического текста, предлагают логически обоснованные презентации ситуаций этнической дезинтегративности / интегративности, определенным образом пополняющие арсенал средств идеологического воздействия власти, что позволяет значительно расширить имеющиеся представления о семантике единства. Кроме того, то обстоятельство, что «закономерно большее внимание общества к социокультурным явлениям, несущим опасность, имеет следствием количественный перевес в пользу научных исследований, посвященных феноменам вражды, конфликта» [Лики..., 2022, с. 5], не означает наличие комплексных описаний семантики дезинтегративности.

Новым в работе является то, что исследование проводится на материале учебно-исторического дискурса, а семантика этнической дезинтегративности / интегративности описывается на текстовом материале через моделирование противопоставленных понятийных полей, отражающих ситуации каузации соответствующих состояний.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данная статья представляет анализ специальных наименований с терминообразующим элементом *нация* или его производными как средств выражения семантики этнической дезинтегративности / интегративности на материале учебных текстов, посвященных истории России XX—XXI веков (всего 10 изданий с 2006 года по настоящее время), отражающих исторические реалии последних лет и их современную оценку.

Под *этнической интегративностью* мы, вслед за С. А. Громыко, понимаем функционирующее в семантической сфере этнического «поле различных смыслов, объединенных общими семами сплоченности, цельности, единства» [Громыко, 2023, с. 42]. Предполагается, что дезинтегративность противопоставляется интегративности по признакам этнической отделенности и конфликтности, ср. определение дезинтегративности как одного из компонентов когнитивной модели «свой — чужой»: «...процесс и результат... разделения целого на части» [Нехорошева, 2012, с. 140].

Репрезентации семантики дезинтегративности / интегративности в настоящей статье рассматривались в качестве фрагмента институционального дискурса [Карасик, 1998], отражающего систему культурных ценностей большинства в определенном языковом сообществе [Dubrovskaya et al., 2012, p. 110], способного формировать социокультурную реальность [Политический ..., 2018; Kress et al., 1993].

В основу исследования легли труды, посвященные семантике единения / единства [Джиоева и др., 2017; Дубровская, 2022а; Щетинина и др.,

2021], анализу концепта НАЦИЯ [Воронцова, 2017; Жданова, 2000], значимой характеристикой которых является взаимосвязь нации и государства. Известно, что семантика единства в условиях политического дискурса связана с «общегосударственным строительством», в том числе с «общественным процессом сплочения граждан страны» [Щетинина и др., 2021, с. 21, 22], когда единство, обладая аксиологической сущностью, может объективироваться «как образ народа, республики, государства» [Джиоева и др., 2017, с. 58] или концептуализироваться «как состояние разных общественных сущностей» [Дубровская, 2022а, с. 756]. В целом единство в политическом контексте зависит от «задач внутренней и внешней политики» государства, что приводит к расширению семантической валентности до пределов «“интерес в политике” (на что / кого направлены усилия политиков)» [Гаврилова, 2010, с. 18].

Представляется, что терминологические сочетания, организованные наименованием *нация* и его производными, являются теми единицами, которые наиболее наглядно демонстрируют пересечение понятий «нация» и «государство» в институциональных дискурсах, например в политико-правовом или медийном [Голиков, 2023; Щетинина и др., 2021]. Так, наименование *нация* в русском языке начиная с XVIII века реализует значения ‘народ’ и ‘государство’, объединяя понятия «этническая нация» (этнокультурная общность) и «гражданская нация» (этнополитическая общность) [СРЯ XVIII, вып. 14, с. 97; ТСРЯ, т. 2, стлб. 461—462; БАС, т. 11, с. 468]. В последнее время исследователями отмечается либо доминирование политического над культурным, либо их неразличение, что объясняется и закономерными языковыми процессами, и определенными идеологическими предпосылками [Васильев, 2012; Воронцова, 2017]. В целом этническое, на наш взгляд, неотделимо от государственного, а их оппозиция определенным образом соотносится с семантикой дезинтегративности / интегративности, рассматриваемой нами как противопоставленные понятийные поля, соответствующие логическими моделями, производимыми исторической наукой.

Таким образом, целью исследования послужило стремление описать семантику этнической дезинтегративности / интегративности, репрезентируемую терминологическими средствами с *нация* и его производными в условиях учебно-исторического дискурса.

Методом сплошной выборки для анализа были отобраны 40 значимых для исследования лексических единиц, функционирующих в контекстах, пропозиции которых отражают смыслы этнической дезинтегративности / интегративности.

Анализу не подвергались случаи, когда терминологические номинации очевидно не несут этнический семантический компонент (*национальные ин-*

тересы России), когда регулярно номинируют понятия, связанные с историческими реалиями зарубежных стран (*национально-освободительная борьба*), когда имеют единичные употребления (*национальная обособленность*).

Оценка материала осуществлялась с помощью методов семантического и логического анализа и предусматривала 1) выявление границ и логическую иерархизацию терминологий дезинтегративности / интегративности, 2) анализ значения отдельных терминологических единиц, в том числе выявление аксиологической семантики, 3) описание структуры понятийных полей дезинтегративности / интегративности и характера их отношений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Национальный вопрос и решение национального вопроса как базовые для учебно-исторического дискурса термины

В современной учебно-исторической литературе, посвященной истории России двух последних веков, термин *национальный вопрос* приобретает характер базового, или «концептосозидающего» «с точки зрения роли в познавательном процессе» [Куликова и др., 2016, с. 28], термина, способного подчинять себе иные номинации в рамках категорий, связанной с межнациональными отношениями. Подобный статус специального наименования требует его дефинирования, что и происходит в некоторых источниках, в которых национальный вопрос понимается как конфликтное взаимодействие этнополитических актантов: *Национальный вопрос — конфликт самодержавного правительства и резко усиливавшихся национальных движений на окраинах империи* [Данилов и др., 2016, с. 110]; ... *национальный вопрос (противоречия в отношениях между народами)*... [Барсенков и др., 2006, с. 346].

В учебно-историческом дискурсе исследуемая номинация, действительно, последовательно реализует значение, ядерную часть которого формируют компоненты ‘противоположность’, ‘борьба’. Благодаря этому национальный вопрос может приобретать признаки 1) резкой выраженности, напряженности и 2) наличия предпосылок для социальных столкновений, которые вербализуются в ближайшем контексте с помощью наименований *острота, обострить, обострение* [БАС, т. 13, с. 263, 264; БАС, т. 14, с. 285] и *взрывоопасный, взрывоопасность* [БАС, т. 2, с. 534] соответственно: ... *недооценка правящими кругами степени остроты и взрывоопасности аграрного, рабочего, национального вопросов* [Левандовский и др., 2013, с. 76]; *Конституция СССР 1977 г. <...> законсервировала взрывоопасные противоречия в национальном вопросе* [Барсенков и др., 2006, с. 712].

Представляется, что *национальный вопрос* в учебно-историческом дискурсе является базовым препрезентантом семантики дезинтегративности,

который максимально абстрагированно констатирует наличие конфликта между нацией и государством, лежащего в основе этнической отделенности. Это обстоятельство позволяет авторам исторической литературы соотносить понятия «национальный вопрос» и «национальная политика» как объект деятельности и деятельность (ср. пример, функционирующий в составе оглавления учебного издания: *Национальный вопрос и национальная политика в послевоенном СССР* [Данилов и др., 2020]).

Подобное соотношение отражается коллокацией, организованной единицами *решить / решение (разрешение)* и *национальный вопрос*, номинирующей действие по значению ‘находить способ, прием, возможности для преодоления противоречий, конфликта нации и государства’ [БАС, т. 22, с. 502; БАС, т. 23, с. 655, 660], что предполагает указание на его осуществимость / неосуществимость (...о принципиальной невозможности решить национальный вопрос в условиях капитализма [Левандовский и др., 2013, с. 141]), завершенность / незавершенность (Концепция «развитого социализма» включала положения... об окончательном решении национального вопроса [Мединский и др., 2023б, с. 165]).

Таким образом, базовый статус номинаций *национальный вопрос* и *решение национального вопроса* предполагает возможность построения терминологических множеств дезинтегративности / интегративности.

3.2. Понятийное поле «Этническая дезинтегративность»

В учебно-историческом дискурсе терминологию этнической дезинтегративности представляют следующие сочетания с *нацией* и его производными (всего 20 наименований), которые иерархизируются, отражая модель ситуации достижения состояния этнической отделенности, включающую мотивы, методы, актантов, переходные состояния, результат каузации дезинтегративности:

1. *Национальный вопрос*. 1.1. *Национальное движение*.
 - 1.2. *Национализм, национальное самосознание, право наций на самоопределение*.
 - 1.3. *Национальный сепаратизм*.
 - 1.4. *Национальные меньшинства, окраина, регион, элита*. 1.4.1. *Националист*. 1.4.2. *Национально-культурная (культурно-национальная, национальная) автономия*.
 - 1.5. *Межнациональные проблемы, противоречия*. 1.5.1. *Межнациональные вражда, распря, рознь*. 1.5.2. *Межнациональные конфликты*.
 - 1.6. *Национальные государственность, независимость*.
- Ситуация этнической дезинтеграции имеет общее определение с помощью гиперонимов *национальный вопрос, национальное движение* как ситуации, связанной с деятельностью нации (агенса), направленной на до-

стижение (ср. значение *национальное движение* [БАС, т. 4, с. 546]) обособленности, или «отделенности... от других аналогичных образований» [Жданова, 2000, с. 165]: *Поэтому даже там, где национальные движения, а тем более сепаратизм не имели поддержки большинства населения..., местные компартии начинали проводить политику установления регионального контроля...* [Мединский и др., 2023б, с. 256]. Подобная цель определяется в результате выявления агентом своей воли в отношении своего национального и государственного устройства, ср. значение лексемы *самоопределение* в составе термина *право наций на самоопределение* [БАС, т. 24, с. 328]: ...*коммунистическую идеологию пронизывала идея о праве наций на самоопределение вплоть до отделения* [Левандовский и др., 2013, с. 300].

Национальному самоопределению предшествует этап национальной рефлексии, обозначаемый термином *национальное самосознание*, реализующим значение ‘ясное понимание нацией своей сущности, своих отличительных свойств, своей роли’ [БАС, т. 24, с. 356]: *Национальное самосознание — чувство принадлежности к определённому этносу, осознание своего единства и отличия от других этнических групп* [Данилов и др., 2016, с. 386]. На данном этапе актуализируется оппозиция «нация — государство» как противопоставление агента (нация) и субъекта-малефактива (государство): в этом случае национальная рефлексия приобретает аксиологический статус опасности (...*большинство высших партийных руководителей усматривали в возрождении национального самосознания опасность для идеально-политического единства общества* [Филиппов, 2007, с. 159]). Пейоративная оценка в учебно-исторических текстах обеспечивается соотношением самосознания с национализмом, приближенным к понятию «национал-социализм» [Соколов, 2014, с. 142], когда актуализируются признаки национальной исключительности, превосходства (ср. значение наименования *национализм* [БАС, т. 11, с. 466]: *Напишите эссе-размышление «Национальные движения в СССР в 1970-е годы: проявление национального самосознания или национализма?*) [Данилов и др., 2020, с. 97]).

По нашим наблюдениям, единственный вектор каузации ситуации де-зинтегративности в современном учебно-историческом дискурсе номинируется термином *национальный сепаратизм* в значении ‘стремление к отделенности; к отделению части государства, образованию отдельного государства’ [БАС, т. 25, с. 362]: ...*побудительными мотивами для вступления под нацистские знамёна были неприятие советского строя или национальный сепаратизм* [Мединский и др., 2023а, с. 350]. Данный метод авторами учебных изданий однозначно подвергнут аксиологической оценке посредством

определения в качестве угрозы для государства, ср. название раздела: *Сепаратизм и угроза распада России* [Филиппов, 2007, с. 392].

Государство, или получатель вреда, представляется прежде всего пространством, в структуре которого агент ситуации дезинтегративности соотносится с периферией (*национальная окраина*) или отдельной частью (*национальный регион*), отличаемой от других по национальному признаку. И в первом, и во втором случае актанты локализованы в своей инаковости и характеризуются политической отдаленностью и зависимостью от центра государства как высшего органа управления (ср. значение наименований *центр, центральный* [СлРЯ, т. IV, с. 641]): *Вскоре ситуация на национальных окраинах обострилась. По мере ослабления центральной власти местные элиты приобретали всё больший политический вес* [Мединский и др., 2023а, с. 116]; *Практика отношений центра с национальными регионами все большее напоминала систему унитарной империи* [Филиппов, 2007, с. 46].

Противопоставление нации государству может препрезентироваться на идеологическом уровне с помощью терминов *национальная элита* в значении ‘лучшие представители нации’ [СлРЯ, т. IV, с. 758] и *националист* (также ряда сочетаний с *националистический*) в значении ‘приверженец идеологии и политики, основывающихся на идеях исключительности и превосходства какой-либо нации в ее противопоставленности другим нациям’ [БАС, т. 11, с. 466, 467]: *При этом в ряде республик наблюдался постепенный рост национализма. Постепенно назревали скрытые противоречия между усиливающимися национальными элитами и союзным центром* [Мединский и др., 2023б, с. 190]; *Играя на русофобских настроениях националистов среди некоторых горских мусульманских народов, Берлин наделил их местные комитеты… политической автономией* [Левандовский и др., 2013, с. 208]. В условиях учебно-исторического дискурса национальные элиты нередко препрезентируются как носители признака национализма, получая соответствующий аксиологический статус (ср. *Однако и это не гарантировало от разного рода… националистических проявлений. Например, на Украине серьезной проблемой стали «хвылевизм», «воловобуевица» и «шумскизм», получившие свое название по именам видных представителей национальной элиты* [Барсенков и др., 2006, с. 390]).

Контраст актантов ситуации дезинтегративности в их отношении к государству может опираться на количественную шкалу, состоящую из позиций меньшего и большего числа представителей той или иной нации по отношению друг к другу. Первую занимает актант, называемый термином *национальное меньшинство* [БАС, т. 10, с. 65] (*Представители национальных меньшинств подвергались психологической обработке, направленной на разжигание националистических настроений…* [Мединский и др.,

2023а, с. 349]), вторую — термином *титульная нация*, так как атрибут *титульный*, определяющий право именовать государственное образование, в том числе указывает на значительный количественный состав нации (... *каждая из союзных республик создавалась на базе крупной титульной нации, дававшей субъекту СССР своё историческое имя* [Левандовский и др., 2013, с. 300]).

Следует отметить, что реализация оппозиции «нация — государства» возможна и в культурном плане, когда государство не препрезентируется как получатель вреда: в данном случае у агенса ситуации дезинтегративности констатируется право на культурную самостоятельность, обособленность, ср. сочетания *национально-культурная* (*культурно-национальная*, *национальная*) автономия [БАС, т. 1, с. 91—92]: ...на деле их права не выходили за рамки *культурно-национальной автономии* — *субъекты советской Федерации пользовались известной свободой самоуправления лишь в области культуры, школы, языка и быта* [Левандовский и др., 2013, с. 145]. Однако смена культурного плана на политический может привести к приобретению государством статуса малефактива: *Требования национально-культурной автономии менялись на откровенный сепаратизм, стремление к выходу из состава России* [Мединский и др., 2023а, с. 116].

Репрезентация ситуации дезинтегративности в учебно-историческом дискурсе предполагает констатацию отдельных состояний государства прежде всего при помощи сочетаний с терминоэлементом *межнациональный*, которые связаны с существованием сложных вопросов между агенсами, требующих разрешения (ср. *межнациональные проблемы* [БАС, т. 20, с. 628]: *Подспудно тлевшие в СССР межнациональные проблемы <...>, через несколько лет приведших к развалу единого государства* [Герасимов, 2022, с. 46]); с наличием каких-либо несоответствий (ср. *межнациональные противоречия* [БАС, т. 20, с. 628]: *Необоснованные репрессии и дискриминация по нациальному признаку были особенно опасными для многогранного Советского государства. Они усиливали межнациональные противоречия* [Данилов и др., 2020, с. 36]).

Подобные состояния способны перерастать в противостояние наций в форме столкновения (ср. *межнациональный конфликт* [БАС, т. 8, с. 398]: *Межнациональный конфликт — одна из форм отношений между национальными общностями, характеризующаяся состоянием взаимных претензий, имеющая тенденцию к нарастанию, противостоянию, вплоть до вооружённых столкновений, открытых войн* [Мединский и др., 2023б, с. 432]) — или определяться как характеризующиеся признаком ненависти (ср. *межнациональные вражды* [БАС, т. 3, с. 222]; *распра* [БАС, т. 23, с. 63—64], *рознь* [БАС, т. 24, с. 10]).

Результат каузации ситуации отделенности нации от государства презентируется номинациями *независимость, государственность* в сочетании с атрибутом *национальный*. Их семантика затемняет этнический компонент, актуализируя оппозицию «государство — государство», когда нация отождествляется с иным государством: ...*хозяйственный и культурный подъём республик сопровождался дальнейшим ростом национального самосознания населявших их коренных народов, стремлением к реальному утверждению собственной национальной государственности и суверенитета* [Левандовский и др., 2013, с. 146]; ...*полагали необходимым сохранить за союзными республиками «атрибуты национальной независимости*, считали, что они будут <...> отвечать интересам свободного развития наций [Барсенков и др., 2006, с. 349—350].

3.3. Понятийное поле «Этническая интегративность»

Синонимичные гипернимы *решение национального вопроса* и *национальная политика* в учебно-историческом дискурсе организуют терминологию этнической интегративности, проецирующую модель ситуации преодоления этнической дезинтегративности, состоящей из интегрирующей деятельности, ее актантов, инструментов, факторов, состояний интегративности, условий и результата каузации единства:

1. *Решение национального вопроса, национальная политика.*
- 1.2. *Национально-государственные конструкция, строительство.*
- 1.2.1. *Национально-территориальное размежевание.* 1.2.2. *Национально-территориальное образование.* 1.2.3. *Государствообразующая нация.* 1.2.4. *Межнациональный язык, язык межнационального общения.*
- 1.2.5. *Общенациональный лидер, общенациональная идея.*
- 1.3. *Общенациональное согласие, межнациональный мир.* 1.3.1. *Равенство, равноправие, сближение наций.*
- 1.4. *Интернациональное, многонациональное государство.* 1.4.1. *Интернациональная общность; многонациональный народ.*

Ситуация этнической интегративности предполагает преодоление противостояния нации и государства в результате их отождествления. Такая деятельность и ее результаты номинируются терминами, организованными атрибутом *национально-государственный* в сочетании с наименованиями *строительство* и *конструкция*, объединенными семами ‘устройство’, ‘построение’ / ‘строение’ [СлРЯ, т. IV, с. 289; БАС, т. 8, с. 372], где компонент *национально-* реализует значение политического конструкта, встроенного в разноуровневые государственные отношения, так или иначе определяющие архитектуру государства: *Но особенно много извращений национальной политики было допущено во взаимоотношениях России и ее автономных республик и областей. Для их устранения Политбюро ЦК ВКП(б)*

в 1926 году вынуждено было создать специальную Комиссию по подготовке и рассмотрению вопросов национально-государственного строительства в национальных районах РСФСР [Мунчаев, 2024, с. 200]; Правящая партия шла на такую своеобразную национально-государственную конструкцию, искренне полагая, что <...> реальный унитаризм... обеспечит оптимальные условия для социалистического переустройства страны, в ходе которого будет происходить сближение наций с их последующим слиянием в новую историческую общность людей и устраниением таким образом самой почвы для межнациональных конфликтов [Левандовский и др., 2013, с. 145].

Следует отметить, что национально-государственное устройство в учебно-историческом дискурсе может корректироваться признаком, определяемым атрибутом *национально-территориальный*, что исключает единство на пространственном уровне: данный процесс сопровождается проведением территориальных границ между отдельными нациями, ср. номинацию *национально-территориальное размежевание* в значении ‘разделять территорию по национальному признаку, устанавливая границы’ [БАС, т. 22, с. 398], в результате чего возникают отдельные пространственные субъекты, ср. *национально-территориальное образование*. Подобная пространственная отделенность национальных субъектов в некоторых источниках репрезентируется в качестве способной трансформироваться в признак этнической дезинтегративности: *В итоге сложилось что-то вроде национально-территориальных наместничеств <...>, а чтобы всю эту конструкцию удержать, постоянно велась игра на национальных чувствах и шло натравливание одних народов на другие* [Воробьева, 2019, с. 72].

Агенсом ситуации интегративности в условиях учебно-исторического дискурса, кроме государства, может выступать актант, определяемый термином *государствообразующая нация*. Учебно-исторический дискурс таким статусом наделяет русский народ: *Русские, как и до революции, оставались... государствообразующей нацией и во многом обеспечивали выживание и модернизацию всех советских республик* [Барсенков и др., 2006, с. 393]. Агенс в этом случае репрезентируется 1) как источник основного инструмента каузации интегративности — единого средства коммуникации, определяемого терминами *межнациональный язык, язык межнационального общения: Доказательством формирования новой общности можно считать также распространение русского языка как языка межнационального общения* [Филиппов, 2007, с. 365]; 2) как субъект, противопоставленный иным нациям, выступающим в роли субъекта пользы, или бенефактива ситуации интегративности.

Государственное конструирование предполагает объединение наций на основе поиска чего-либо общего, исключающего этнокультурное, тем самым обеспечивающего политическое единство, ср. наименование *общенациональный* [БАС, т. 13, с. 397]. Такие общие факторы могут определяться наименованиями *лидер* (*Глава государства выступал в роли общенационального лидера, проводящего политику с учетом позиций всех социальных групп* [Герасимов, 2022, с. 215]), идея (....*сталинский тезис о «построении социализма в одной стране* <...> был оптимально приспособлен к тому, чтобы сыграть роль общенациональной объединяющей идеи [Левандовский и др., 2013, с. 136]).

Состояние государства как состояние этнической интегративности определяется характером взаимодействия этнических актантов, вербализуемым с помощью сочетаний *общенациональное согласие, межнациональный мир*, выступающих антонимами специальных наименований состояний дезинтегративности *межнациональные вражда, конфликт, распри, рознь*. Очевидно, что первые и вторые образуют аксиологически мотивированную семантическую оппозицию полярных состояний государства. В этом случае значение состояние интегративности (обладающее позитивным аксиологическим статусом) реализуется за счет отрицания состояния дезинтегративности (оцениваемого отрицательно) и наоборот.

Для возникновения состояния этнической интегративности учебно-историческим дискурсом постулируются условия, связанные 1) с политическим равенством этнических актантов (ср. *равенство, равноправие наций* [БАС, т. 22, с. 53]: ...*период победы социализма в одной стране* <...> утверждения равноправия наций; ликвидации взаимного национального недоверия; налаживания и укрепления международных связей между нациями [Барсенков и др., 2006, с. 392]); 2) с их сближением в социокультурном плане (ср. *ближение наций*: Эта общность (советский народ — Л. Г.) означает итог многолетнего сближения социалистических наций и народов [Данилов и др., 2020, с. 93]).

Результат каузации ситуации этнической интегративности в учебной литературе, посвященной отечественной истории эпохи СССР и современной России, репрезентируется с помощью сочетаний с атрибутами *интернациональный* и *многонациональный*. В первом случае подчеркивается идея одинаковости наций, ср. значение префикса *интер-* ‘находящийся (в пространстве или во времени) или происходящий, совершающийся между одинаковыми предметами, явлениями’ [Русская грамматика ..., 1980, с. 304]. Очевидно, что признак одинаковости в данном случае следует понимать не в этнокультурном смысле, а в политическом, когда предполагается тождественность статусов в иерархии государства, ср. *интернациональное государство и интернациональная общность*).

Во втором случае выделяется значение множественности этнополитических акторов в составе единого государства, ср. *многонациональное государство, многонациональная страна*, или этнокультурного множества в его политической трансформации, когда реализуется «идея “единство в разном / многообразии”» [Дубровская, 2022б, с. 247], ср. *многонациональный народ*. В целом множественность отражает монолитность сложной политической и этнической структуры государства, государство и нация в учебно-историческом дискурсе вслед за правовыми источниками отождествляются: *Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ* [Левандовский и др., 2013, с. 326].

4. Заключение = Conclusions

В условиях учебно-исторического дискурса термин *национальный вопрос* и коллокация *решение национального вопроса* обладают статусом базовых (или концептосозидающих) единиц, которые организуют терминологии этнической дезинтегративности / интегративности, противопоставленные по характеру отображаемых отношений нации и государства. Даные множества, состоящие из номинаций с терминоэлементом *нация* или его производными, представляют проекцию исторического знания, репрезентируемую как циклическая смена состояний отделенности и единства, определяемых состояниями нации и государства.

Терминология этнической дезинтегративности репрезентирует исторически обусловленную модель ситуации достижения состояния этнической отделенности, включающую мотивы, методы, актантов, периферийные состояния и результат каузации дезинтегративности.

Семантика этнической дезинтегративности строится на противопоставлении нации как агента ситуации дезинтегративности государству, выступающему в качестве ее малефактива, на пространственном, идеологическом и количественном уровнях, когда возникают состояния, способствующие конфликтному взаимодействию наций. В целом семантика дезинтегративности в условиях учебно-исторического дискурса понимается как деятельность, направленная на достижения состояния политической отделенности нации от государства в результате выявления национальной воли, основанной на осознании своей сущности, роли, отличительных черт. В результате каузации ситуации дезинтегративности оппозиция «нация — государство» трансформируется в оппозицию «государство — государство», когда этническое затемняется, а политическое актуализируется.

Сочетания с *нация* или его производными, представляющие ситуацию этнической интегративности в учебно-исторической литературе, проеци-

рут модель преодоления состояния дезинтегративности, которую составляют интегрирующая деятельности, ее актанты, инструменты, факторы единства как способствующие обстоятельства, состояния и условия интегративности, результат каузации единства.

Таким способом в учебной литературе, посвященной истории России XX—XXI веков, семантика этнической интегративности отражает процесс отождествления нации и государства, в котором первая играет роль политического конструкта второго, при этом агент интегративности противопоставляется национальным субъектам, презентируемым в качестве получателей пользы. Предполагается, что интегративность достигается за счет общих объединяющих факторов, исключающих этнокультурные компоненты и тем самым способствующих существованию условий для возникновения состояний единства, связанных с политическим равенством этнических актантов и с их сближением в социокультурном плане. Общий результат каузации ситуации интегративности заключается в возникновении политических субъектов, представляющих собой единое национальное множество в его политической трансформации на основе иерархического тождества.

Семантика этнической интегративности / дезинтегративности в исторических учебных изданиях организуется как противопоставленные, но дополняющие друг друга поля, обладающие обширной пограничной зоной, которую наполняют признаки противопоставленности этнических субъектов, их культурной или территориальной отделенности, способствующие переходу нации и государства из одного состояния в другое.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Барсенков А. С. История России XX — до начала XXI века / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, С. В. Воронкова ; под ред. Л. В. Милова. — Москва : Эксмо, 2006. — 960 с. — ISBN 5-699-18159-8.
2. БАС — Большой академический словарь русского языка. — Москва : Наука ; Санкт-Петербург. — Наука, 2004. — 27 см. — ISBN 5-02-033660-2.
3. Воробьев Э. А. История России с 1917 по 2010 г. : учебник / Э. А. Воробьев. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2019. — 324 с. — ISBN 978-5-7782-4028-5.
4. Герасимов Г. И. История России (1985—2008 годы) : учебное пособие / Г. И. Герасимов. — 2-е изд. — Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2022. — 315 с. — ISBN 978-5-369-00753-2.
5. Данилов А. А. История. История России : 1946 г. — начало XXI в. : 11 класс : учебник для общеобразовательных организаций : базовый уровень : в 2 ч. / А. А. Данилов, А. В. Торкунов, О. В. Хлевнюк, С. М. Шахрай, В. А. Шестаков ; под ред. А. В. Торкунова. — Москва : Просвещение, 2020. — Ч. 1. — 112 с. — ISBN 978-5-09-075396-8.

6. Данилов и др., 2016 — *История* : середина XIX — начало XXI в. 11 кл. В 2 ч. / Д. Д. Данилов, В. Г. Петрович, Д. Ю. Беличенко, П. И. Селинов, В. М. Антонов, А. В. Кузнецов, Д. В. Лисейцев. — Москва : Баласс, 2016. — Ч. 1. — 400 с. — ISBN 978-5-905683-05-3.
7. Левандовский А. А. История России, XX — начало XXI века : 11 класс : учебник для общеобразовательных учреждений : базовый уровень / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов, С. В. Мироненко ; под ред. С. П. Карпова. — Москва : Просвещение, 2013. — 384 с.
8. Мединский В. Р. История. История России, 1914—1945 годы. 10-й класс : базовый уровень : учебник / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов. — Москва : Просвещение, 2023а. — 496 с. — ISBN 978-5-09-112828-4.
9. Мединский В. Р. История. История России. 1945 год — начало XXI века. 11 класс : базовый уровень : учебник / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов. — Москва : Просвещение, 2023б. — 447 с. — ISBN 978-5-09-109477-0.
10. Мунчаев Ш. М. Политическая история России. От образования русского централизованного государства до начала XXI века : учебник / Ш. М. Мунчаев. — 3-е изд., пересмотр. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2024. — 384 с. — ISBN 978-5-91768-686-8.
11. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения [Электронный ресурс] : Указ Президента России от 08.05.2024. — № 314. — Режим доступа : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408897564/> (дата обращения 17.06.2024).
12. Русская грамматика : в 2 т. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
13. СлРЯ — Словарь русского языка : в 4 т. — Москва : Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. — Т. IV. — 797 с.
14. СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. — Санкт-Петербург : Наука, 1984. — Выпуск 14. — 280 с.
15. ТСРЯ — Толковый словарь русского языка : в 4 т. — Москва : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935—1940. — Т. 2. — 1938. — 1040 стб.
16. Филиппов А. В. Новейшая история России, 1945—2006 гг. : кн. для учителя / А. В. Филиппов. — Москва : Просвещение, 2007. — 494 с. — ISBN 978-5-09-017249-3.

Литература

1. Васильев А. Д. Игры в слова : современные национальные загадки / А. Д. Васильев // Политическая лингвистика. — 2012. — № 1 (39). — С. 1—17.
2. Воронцова Т. А. Функционирование концептов нация и национальность в русском языковом сознании / Т. А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — № 12 (408). — С. 39—45.
3. Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX—XXI веков / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4 (34). — С. 13—18.
4. Голиков Л. М. Многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) : дискурсивная презентация политического субъекта / Л. М. Голиков // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-9-27.
5. Громыко С. А. Речевые презентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем единство и единение) / С. А. Громыко //

Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 39—54. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54.

6. Джоева В. П. Реализация концептов единство/иудзинад в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинского двуязычия / В. П. Джоева, Т. Ю. Тамерян // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4 (64). — С. 53—59.

7. Дубровская Т. В. Лексические маркеры единения в российских государственных программных документах : слова с морфемой -един- / Т. В. Дубровская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Языки и литература. — 2022а. — Т. 19. — № 4. — С. 740—759. — DOI: 10.21638/spbu09.2022.406.

8. Дубровская Т. В. Маркеры единения в правовом и политico-правовом дискурсе / Т. В. Дубровская // Лики единения в языке и дискурсе : монография. — Екатеринбург : Ажур, 2022б. — С. 196—264. — ISBN 978-5-91256-571-7.

9. Жданова Л. А. Народ и нация : соотношение понятий и концептов / Л. А. Жданова // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкоznания. — Москва : Изд-во МГУ, 2000. — С. 162—172.

10. Карасик В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты. — Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. — С. 185—197.

11. Куликова И. С. К вопросу о терминологическом статусе словосочетания «базовый термин» / И. С. Куликова, Д. В. Салмина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 2 (21). — С. 20—32.

12. Лики единения в языке и дискурсе : монография / Т. В. Дубровская, А. Н. Кислицина, Т. В. Леонтьева, Л. Н. Ребрина, А. С. Семехина, А. В. Щетинина ; под ред. Т. В. Леонтьевой. — Екатеринбург : Ажур, 2022. — 292 с. — ISBN 978-5-91256-571-7.

13. Некорошева А. М. Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой — чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений ангелы Меркель) / А. М. Некорошева // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (40). — С. 140—144.

14. Политический, юридический и массмедиийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации : монография / Т. В. Дубровская, Е. К. Рева, Е. А. Кожемякин [и др.] ; под общ. ред. Т. В. Дубровской. — Москва : ФЛИНТА, 2018. — 248 с. — ISBN 978-5-9765-3497-1.

16. Соколов Д. В. К проблеме генезиса концепта «национализм» / Д. В. Соколов // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — № 3 (144). — С. 138—144.

17. Щетинина А. В. Языковая презентация идеи национального единения в медиийном дискурсе / А. В. Щетинина, А. С. Семехина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021. — № 1 (213). — С. 18—27. — DOI: 10.23951/1609-624X-2021-1-18-27.

18. Dubrovskaya T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse / T. Dubrovskaya, T. Kharlamova // Philologia Hispaniensis. — 2012. — № 26 / 1—2. — Pp. 107—127.

19. Kress G. Language as ideology / G. Kress, R. Hodge. — London : Routledge and Kegan Paul, 1993. — 163 p.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024,
одобрена после рецензирования 10.09.2024,
подготовлена к публикации 16.09.2024.

Material resources

- Barsenkov, A. S., Vdovin, A. I., Voronkova, S. V. (2006). *The history of Russia XX — before the beginning of the XXI century*. Moscow: Eksmo. 960 p. ISBN 5-699-18159-8. (In Russ.).
- BAS — *A large academic dictionary of the Russian language*. (2004). Moscow: Nauka; St. Petersburg. Nauka. 27 cm. ISBN 5-02-033660-2. (In Russ.).
- Danilov, A. A. (2020). *History. The history of Russia. 1946 — the beginning of the XXI century. 11th grade. Studies for general education. organizations. The basic level. In 2 hours, 1*. Moscow: Prosveshchenie. 112 p. ISBN 978-5-09-075396-8. (In Russ.).
- Danilov, D. D. (2016). *History. The middle of the XIX — the beginning of the XXI century. 11 cl. At 2 o'clock, 1*. Moscow: Balass. 400 p. ISBN 978-5-905683-05-3. (In Russ.).
- Filippov, A. V. (2007). *The modern history of Russia, 1945—2006: book for teachers*. Moscow: Prosveshchenie. 494 p. ISBN 978-5-09-017249-3. (In Russ.).
- Gerasimov, G. I. (2022). *History of Russia (1985—2008): textbook. 2nd ed.* Moscow: RIOR: INFRA-M. 315 p. ISBN 978-5-369-00753-2. (In Russ.).
- Levandovsky, A. A. (2013). *History of Russia, XX — the beginning of the XXI century. 11th grade: studies. for general education. institutions: basic level*. Moscow: Prosveshchenie. 384 p. (In Russ.).
- Medinsky, V. R., Torkunov, A. V. (2023a). *History. The history of Russia, 1914—1945. 10th grade: basic level: textbook*. Moscow: Prosveshchenie. 496 p. ISBN 978-5-09-112828-4. (In Russ.).
- Medinsky, V. R., Torkunov, A. V. (2023b). *History. The history of Russia. 1945 is the beginning of the XXI century. Grade 11: basic level: textbook*. Moscow: Prosveshchenie. 447 p. ISBN 978-5-09-109477-0. (In Russ.).
- Munchaev, Sh. M. (2024). *The political history of Russia. Russian centralized state formation to the beginning of the XXI century: textbook. 3rd ed., revision*. Moscow: Norm: INFRA-M. 384 p. ISBN 978-5-91768-686-8. (In Russ.).
- On the approval of the Foundations of the state policy of the Russian Federation in the field of historical education: Decree of the President of Russia 314 dated 05.08.2024.* Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408897564/> (accessed 17.06.2024). (In Russ.).
- Russian grammar: in 2 vols., 1. (1980). *Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow: Nauka. 783 p. (In Russ.).
- Since the XVIII century — *Dictionary of the Russian language of the XVIII century, 14*. (1984). St. Petersburg: Nauka. 280 p. (In Russ.).
- SIRYa — *Russian Dictionary: in 4 volumes, IV*. (1999). Moscow: Russian language, Polygraph Resources. 797 p. (In Russ.).
- TSRYA — *Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 2*. (1935—1940). Moscow: Soviet Encyclopedia: OGIZ. 1040 stb. (In Russ.).
- Vorobyova, E. A. (2019). *History of Russia from 1917 to 2010: textbook*. Novosibirsk: NSTU Publishing House. 324 p. ISBN 978-5-7782-4028-5. (In Russ.).

References

- Dubrovskaya, T., Kharlamova, T. (2012). Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse. *Philologia Hispanensis*, 26 (1—2): 107—127.
- Dubrovskaya, T. V. (2022). Lexical markers of unity in Russian state program documents: words with morpheme -one-. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 19 (4): 740—759. DOI: 10.21638/spbu09.2022.406. (In Russ.).

- Dubrovskaya, T. V. (2022). Markers of unity in legal and political-legal discourse. In: *Faces of unity in language and discourse: monograph*. Yekaterinburg: Azhur. 196—264. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Dzhioeva, V. P., Tamerian, T. Y. (2017). Realization of unity concepts/judzinade in South Ossetian political discourse in the situation of Russian-Ossetian bilingualism. *Political linguistics*, 4 (64): 53—59. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (ed.). (2022). *Faces of unity in language and discourse: a monograph*. Yekaterinburg: Azhur. 292 p. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Gavrilova, M. V. (2010). The development of meaningful forms of the concept of “unity” in the Russian political discourse of the XX—XXI centuries. *Political linguistics*, 4 (34): 13—18. (In Russ.).
- Golikov, L. M. (2023). Multinational People of Russian Federation (Russian Nation): Discursive Representation of a Political Subject. *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 9—27. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-9-27> (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2023). Speech Representations of Unity in Early 20th Century Russian Parliamentary Discourse: A Study of Lexemes ‘Edinstvo’ [Unity] and ‘Edinenie’ [Unification]. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 39—54. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54>. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (1998). On the categories of discourse. In: *Linguistic personality: sociolinguistic and emotive aspects*. Volgograd; Saratov: Peremena. 185—197. (In Russ.).
- Kress, G. (1993). *Language as ideology*. London: Routledge and Kegan Paul. 163 p.
- Kulikova, I. S. (2016). On the issue of the terminological status of the phrase “basic term”. *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2 (21): 20—32. (In Russ.).
- Nekhorosheva, A. M. (2012). Mechanisms of formation of the cognitive matrix “friend — foe” in German political discourse (on the example of speeches by Angela Merkel). *Political linguistics*, 2 (40): 140—144. (In Russ.).
- Political, legal and mass media discourse in the aspect of constructing interethnic relations of the Russian Federation: monograph*. (2018). Moscow: FLINT. 248 p. ISBN 978-5-9765-3497-1. (In Russ.).
- Shchetinina, A. V., Semekhina, A. S. (2021). Linguistic representation of the idea of national unity in media discourse. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 1 (213): 18—27. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-1-18-27. (In Russ.).
- Sokolov, D. V. (2014). On the problem of the genesis of the concept “nationalism”. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 3 (144): 138—144. (In Russ.).
- Vasiliev, A. D. (2012). Word games: modern national riddles. *Political linguistics*, 1 (39): 1—17. (In Russ.).
- Vorontsova, T. A. (2017). Functioning of the concepts of nation and nationality in the Russian linguistic consciousness. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 12 (408): 39—45. (In Russ.).
- Zhdanova, L. A. (2000). The people and the nation: the ratio of concepts and concepts. In: *Functional and semantic characteristics of the text, utterances, words. Questions of Russian linguistics*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 162—172. (In Russ.).

The article was submitted 03.07.2024;
approved after reviewing 10.09.2024;
accepted for publication 16.09.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Горяев С. О. Готлиб Зигфрид Байер и классическая латинская поэзия в научной полемике о начальной истории Древней Руси / С. О. Горяев, Е. С. Рябцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 28–48. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-28-48.

Goryaev, S. O., Ryabtseva, E. S. (2024). Gottlieb Siegfried Bayer and Classical Latin Poetry in Scholarly Debate on Early History of Ancient Rus. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 28-48. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-28-48. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Готлиб Зигфрид Байер и классическая латинская поэзия в научной полемике о начальной истории Древней Руси

Горяев Сергей Олегович^{1,2}
orcid.org/0000-0002-1684-0384
кандидат филологических наук,
корреспондирующий автор
gorajev@yandex.ru

Рябцева Екатерина Сергеевна²
orcid.org/0000-0002-7029-4919
кандидат филологических наук,
научный сотрудник центра
цифровой гуманитаристики
ekaterinakogan@yandex.ru

¹ Миссионерский институт
(Екатеринбург, Россия)

² Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01692 «Народы Восточной Европы и начальная история Древней Руси в научном наследии Готлиба Зигфрида Байера», <https://www.rscf.ru/project/23-28-01692/>

Gottlieb Siegfried Bayer and Classical Latin Poetry in Scholarly Debate on Early History of Ancient Rus

Sergey O. Goryaev^{1,2}
orcid.org/0000-0002-1684-0384
PhD in Philology, associate professor,
Corresponding author
gorajev@yandex.ru

Ekaterina S. Ryabtseva²
orcid.org/0000-0002-7029-4919
PhD of Philology, research scientist,
Digital Humanities Center
ekaterinakogan@yandex.ru

¹ Missionary Institute
(Yekaterinburg, Russia)

² Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-28-01692
“The Peoples of Eastern Europe and the Early History of Ancient Rus in the scientific heritage of Gottlieb Siegfried Bayer”, <https://www.rscf.ru/project/23-28-01692/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Данная статья посвящена такой стилистической черте научного текста XVII века, как включение в научное изложение polemического характера поэтических цитат, придающих экспрессию оценкам оппонентов и их концепций. Проводится анализ текстов Готлиба Байера. Ряд работ академика Императорской Академии наук Готлиба Зигфрида Байера (1694—1738) посвящен ранней истории Древней Руси. При их подготовке Байер широко опирался на античные исторические источники, а сами его статьи были написаны на латинском языке, что естественным образом вовлекало традиции классической словесности в круг вопросов, посвященных древнерусской исторической проблематике. В настоящей публикации рассматриваются цитаты и реминисценции из классической латиноязычной поэзии, введенные Г. З. Байером в статью «*Origines russicae*» («Происхождение русских», посмертная публикация 1741 года). Стихотворные вкрапления в научный текст являются элементами авторского стиля и служат двум целям. Во-первых, они используются автором для иллюстрации высказанных положений, что придает академическому рассуждению эмоциональную окраску и поддерживает впечатление о научной достоверности работы подспудным указанием на широту авторского кругозора. Во-вторых, они поддерживают polemический настрой Г. З. Байера по отношению к некоторым сложившимся в его время историческим концепциям и позволяют придать высказыванию острый критический характер, заостряя polemический пафос без перехода на личности.

Ключевые слова:

Готлиб Зигфрид Байер; Древняя Русь; латинский язык; классическая латинская поэзия; новолатинская научная литература; аргументация; цитация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to a stylistic feature of 17th-century scholarly texts, namely the incorporation of poetic quotations into polemical scientific discourse, which enhances the expressiveness of evaluations concerning opponents and their concepts. An analysis of Gottlieb Bayer's texts is conducted. A number of works by the academician of the Imperial Academy of Sciences, Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738), focus on the early history of Ancient Rus. In preparing these works, Bayer extensively relied on ancient historical sources, and his articles were written in Latin, which naturally involved the traditions of classical literature in discussions pertaining to the historical issues of early Rus. This publication examines quotations and reminiscences from classical Latin poetry introduced by G. S. Bayer in his article “*Origines russicae*” (“The Origins of the Russians,” posthumously published in 1741). The poetic interpolations within the scholarly text serve as elements of the author’s style and fulfill two purposes. Firstly, they are utilized by the author to illustrate his assertions, lending emotional depth to academic reasoning and subtly indicating the breadth of his intellectual horizon, which enhances the perception of the scholarly reliability of his work. Secondly, they sustain Bayer’s polemical stance towards certain established historical concepts of his time, allowing for a sharp critical tone that accentuates the polemical fervor without resorting to personal attacks.

Key words:

Gottlieb Siegfried Bayer; Ancient Rus; Latin language; classical Latin poetry; neo-Latin scholarly literature; argumentation; citation.

УДК: 811.124'02+821.124+94(47).01/02

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-28-48

Научная специальность ВАК

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.2. Литературы народов мира

5.6.1. Отечественная история

Готлиб Зигфрид Байер и классическая латинская поэзия в научной полемике о начальной истории Древней Руси

© Горяев С. О., Рябцева Е. С., 2024

1. Введение = Introduction

Готлиб (или Теофил) Зигфрид Байер (1694—1738) — знаковая фигура в истории российской науки, один из первых академиков Императорской академии наук (статьи ученого, написанные на латинском языке, выходили под именем *T. S. Bayer*, так как *Theophilus* — латинское написание греческого имени, буквально соответствующего нем. *Готлиб*). Не случайно в статье о становлении Академии наук говорится, что «среди академиков-историков, назначенных в 1725 году, заслуживают внимания Федор Иванович (Герард Фридрих) Миллер (Мюллер) и Готлиб или Теофил-Зигфрид Байер» [Ананьев и др., 2006, с. 15]. Также авторы другой публикации несколько эмоционально отмечают, что «группу первых университетских историков открывает славное имя Готлиба Зигфрида Байера» [Дворниченко и др., 2019, с. 28]. На сайте Российской академии наук его профиль представлен и сейчас, см. [Байер Готлиб ...].

В сферу научных интересов академика входило прежде всего востоковедение — языки и история Индии и Китая, — а также античность и история Древней Руси. Последнее важно для предмета настоящей статьи, поэтому чуть подробнее скажем о Байере как антиковеде и как о специалисте по русской истории.

Байер занимал должность «академика по кафедре греческих и римских древностей» (что отражено в заглавии очерка о нем, см. [Пекарский, 1870]), в терминологии того времени это обозначало отрасль знания, которая сейчас называется *классическая филология*. По мнению Е. Д. Фролова, Байер был «как и в других областях историко-филологического знания, так и в антиковедении великим предуготовителем новейшего научного движения» [Фролов, 2006, с. 66]. При этом сам Байер подчас несколько преуменьшал свои «греко-римские» знания. Так, в письме Феофану Прокоповичу 1735 года он, отвечая на просьбу об одной научной справке, с юмором

пишет: «Есть у меня некий скучный запасец знаний греческого языка, и тот, пока я вращаюсь много лет среди китайских, арабских, персидских и прочих варварских дел, давно уж более чем весьма скучен» (здесь и далее перевод с латинского наш. — С. Г., Е. Р.) [СПбФ АРАН, ф. 784, оп. 2, д. 5, л. 93], при этом, конечно же, Байер употребляет слово *варварские* по отношению к предмету своих основных научных занятий не в уничижительном смысле, но в том, как определяли бы эти языки сами греки классического античного времени, обозначавших *варварами* всех, кроме себя.

При этом о своем знании другого классического языка, латинского, Байер даже в шутку уничижительно не отзывался. Латинский язык был для Байера почти родным. Как замечает его биограф, «Байеръ, будучи въ школѣ, такъ сдѣлался твердъ въ латини, что сталь, сначала противъ воли учителя, безъ приготовленій (ex tempore) писать по латини нѣмецкую диктовку. “Чрезъ это, замѣчасть при томъ Байеръ, я отвыкъ мало по малу мыслить по нѣмецки и началь думать по латини, когда писаль”» [Пекарский, 1870, с. 181]. Все свои научные статьи, переписку, заметки Байер вел на латинском языке. Собственно говоря, даже родной немецкий язык не был для него так же удобен: «Введеніе въ древнюю исторію для употребленія императора Петра II есть также трудъ Байера. Онъ безъ сомнѣнія нравился бы болѣе, когда бы былъ написанъ по латини. Однако сочиненіе вѣльно было писать на нѣмецкомъ языкѣ, къ чему Байеръ не былъ привыченъ» [Там же, с. 192—193]. Латинский язык Г. З. Байер знал настолько, что был отнюдь не чужд стихосложения. Г. Ф. Миллер упоминает, что в 1728 году на собрании Академии, приуроченном к коронации Петра II, «господин Байер завершил торжественное событие восхваляющим новокоронованного императора латинским стихотворением в героических строках, к которому он присоединил горацианскую оду, как если бы об этом пели нимфы невских берегов» (перевод с немецкого наш. — С. Г., Е. Р.) [Миллер, 1890, с. 154]. Позже стихотворение было издано, хотя и от имени Академии наук, без указания автора [Там же]. Сообщая об этом издании в письме Феофану Прокоповичу 1728 года, Байер беспокоится, что текст был напечатан с нарушением порядка строф [СПбФ АРАН, ф. 784, оп. 2, д. 8, л. 114 об.]. А речь в честь Екатерины I, произнесенная им опять же на латинском языке, считалась одним из образцов ораторского искусства XVIII века, см.: [Иодко, 2018, с. 33].

Занятия же древнерусской проблематикой Г. З. Байер вел «отчасти из естественной научной любознательности, отчасти же — ex officio, поскольку этого если и не требовали, то все-таки ожидали от него как от единственного на первых порах представителя историко-филологической науки в русской Академии» [Фролов, 2006, с. 71]. Русского языка сам Байер не знал, но, пользуясь помощью переводчиков, одним из которых был,

вероятно, В. Тредиаковский, работал с текстом русских летописей и особое внимание уделял анализу доступных ему по языку европейских и античных источников. (Во всяком случае, «консультации по славянским именам днепровских порогов Байер получал, в частности, от Тредиаковского» [Симанков, 2017, с. 4]). Незнание русского языка не помешало Г. З. Байеру критически рассмотреть и опровергнуть ряд этимологий этонима *русские*, при этом некоторые из них в его время считались вполне научными, см.: [Соколов и др., 2024].

Байер считается основателем так называемой «норманнской теории», хотя это не совсем точно. Есть мнение, что вызывающую до сих пор идеологические разногласия норманнскую теорию, скорее, развил на основе трудов Байера Г. Ф. Миллер, см. об этом [Клейн, 2019, с. 184]. Однако значение работ Байера для исследования русской истории признают и норманисты, и серьезные ученые-антинорманисты.

В рамках же настоящей публикации нас интересует обращение Г. З. Байера к античной, точнее, латинской словесности не как к источнику информации, идей для принятия, развития или критики, а для того, чтобы наглядно проиллюстрировать или заострить свои собственные научные построения. Конечно же, в современном русском научном стиле такое невозможно. Но Байер писал на латинском языке, стилистика научных работ в котором вполне допускает риторическое построение, технику повествования, художественное украшение фразы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Латинский язык исторических и историографических сочинений античности, безусловно, подвергался серьезному изучению и исследуется сейчас (см., например, [Kraus, 2011]). Язык авторов позднего времени изучается гораздо меньше, отрадно в этом отношении появление издания [Korenjak, 2023], хотя книга посвящена естественнонаучному языку, который во многом, в силу предмета описания, отличается от классического латинского языка гуманитарных наук. Впрочем, специфика научного стиля рассматриваемой статьи академика Байера во многом определяется общей авторской полемической интенцией, воплощение которой не зависит от метаязыка научного сочинения. Современный научный текст не предполагает яркого выражения автором его эмоциональной оценки тех или иных положений, хотя, как отмечают Э. М. Рянская и А. М. Яковleva, «языковой анализ позволяет обнаружить авторские стратегии, характерные для научного стиля. Так, использование цитат, косвенной речи, фоновых ссылок служит средством аргументации, оценки или иллюстрации излагаемых в тексте положений, выступает способом выражения автором нового зна-

ния и одновременно показателем его эрудиции [Рянская и др., 2019, с. 172]. Однако во времена Г. З. Байера столь строгие требования к «непроявленности» автора в тексте еще не выработались, как не сформировалась еще и традиция обращения с цитируемыми текстами: «Философия раннего Нового времени не знала историко-философского исследования. Более того, она не имеет какой-либо законченной формы восприятия текста и работы с ним, оказываясь своего рода подростковым периодом, когда отрицается жесткая привязка мысли к авторитету» [Платонов, 2018, с. 329].

Особенностям цитирования в период Нового времени посвящена заключительная статья «трилогии» Г. Ч. Синченко «Империя цитирования. Философско-исторический этюд. Часть III. Новое время (до середины XVIII века), где анализируются тексты ведущих европейских ученых и мыслителей эпохи. Автор отмечает, что реминисценции и парадигмы представляют собой характерный для этого периода способ представления чужого текста [Синченко, 2023, с. 24—25]. В исследовании Н. Ю. Игнатовой и С. В. Докучаева, посвященном анализу научного стиля В. Н. Татищева, приводятся более общие наблюдения о научном дискурсе его времени: «Ученые умели писать как для публики, так и для коллег, при этом могли использовать для передачи смысла своих научных открытий библейские тексты, стихотворения или аллегории» [Игнатова и др., 2020, с. 62]. Экспрессивность как допустимая черта научного стиля, находящегося в стадии становления, отмечается А. Д. Комышковой и А. П. Судаковой на примере текстов М. В. Ломоносова [Комышкова и др., 2018]. И по языку рассматриваемая нами работа Г. З. Байера является, пожалуй, наиболее экспрессивной из его статей.

Материалом нашего исследования послужил текст неоконченной статьи Г. З. Байера «*Origines Russicae*» («Происхождение русских»), которая была опубликована в 1741 году, уже после смерти академика. Полагаем, эта статья, к сожалению, оставшаяся незаконченной, должна была быть своего рода *opus magnum* Г. З. Байера по вопросам русской истории, по-видимому, он предполагал доказать по отношению к династии Рюриковичей, что «этот августейший русский дом не только можно возвести далее Рюрика к Скъельдунгам, но что его генеалогию можно проследить даже от времени Рождества Христова» [Bayer, 1741, p. 410—411].

По всему тексту статьи Г. З. Байер щедро рассыпает цитаты и отсылки к классическим и более поздним текстам латинской литературы. В некоторых случаях такие цитаты используются для подтверждения выдвигаемых положений либо критического анализа первоисточников. Однако, как мы уже отметили, Г. З. Байер овладел латинским языком на столь высоком уровне, что писал на нем органичнее и изящнее, чем на родном для него немецком. Его стилю в целом присущи отсылки к античной культуре. И

латинские цитаты, и — шире — культурные реминисценции, используются для образной эмоциональной оценки обсуждаемых идей, превращаясь в своеобразные средства научной полемики.

Так, например, характеризуя гипотезу о происхождении польского, богемского и русского как трех наиболее сильных славянских государств от трех легендарных братьев Леха, Чеха и Руся, З. Г. Байер иронично замечает: *credo, ut Palladem Iouis repente prosiluisse armatos e cerebro commentatoris* [Bayer, 1741, с. 432] (я [скорее по]верю, что Юпитерова Паллада неожиданно выпрыгнула, вооруженная, из комментаторской головы), — что, учитывая «функционал» греческой богини, следует, по-видимому, понимать как образный эвфемизм фразы «автор этой гипотезы совсем утратил ум». А чтобы возвыщенно отозваться о французском филологе Шарле Дюканже, он пишет: *De Graecis et Latinis monumentis dicit Ducangius, ὁ ἐπιείκελος ἀθανάτων* [Ibid., с. 394] (О греческих и латинских памятниках пишет Дукангий, подобный богам). Здесь ввод греческой цитаты, с одной стороны, обусловлен упоминанием греческих же памятников. Однако стоит, как кажется, обратить внимание, на то стилистическое изящество, с которым Байер апеллирует к древнеантальным текстам и, называя Ш. Дюканжа «подобным бессмертным» (богам), ставит его в один ряд с гомеровским Ктесием, отцом Эвмене («Одиссея», ч. 15, стих 413—414: τῇσιν δ' ἄμφοτέρῃσι πατήρ ἐμὸς ἐμβασίλευε, Κτῆσιος Ὄρμενίδης, ἐπιείκελος ἀθανάτοισιν — «В городе том и другом властителем был мой родитель, Ктесий, Орменом рожденный, подобный бессмертному богу» [Цит. по: Гомер. Одиссея, 1953]), и Тифоном, братом троянского царя Приама, из гомеровского гимна Афродите (218—219: ὃς δ' αὖ Τίθωνὸν χρυσόθρονος ἥρπασεν Ἕός, μετέρης γενεῖς, ἐπιείκελον ἀθανάτοισι [Homeric Hymns] — Так и Тифона к себе увлекла златотронная Эос, Тоже из вашего рода и видом подобного богу (пер. по: [Эллинские поэты ..., 1963]), — персонажами, с одной стороны, не первостепенными, однако в высшей мере достойными уважения и значительными для хода событий.

Г. З. Байер цитирует и более близких к своему времени авторов. Так, например, язвительно отзываясь о тех историках, которые объединяли русских с тавро斯基фами, он пишет: *Quare homines vanos et temerarios relinquamus* [Bayer, 1741, с. 404] (Оставим этих пустых и опрометчивых людей). Здесь *homines vanos et temerarios* отсылает к письму, написанному Иоганном Тритием к Жермену де Гане (Germain de Ganay) от 24 августа 1505 года, где Тритий, восхваляя силу и мудрость божью, риторически восклицает: *Abeant homines temerarii, homines vani et mendaces astrologi, deceptores mentium et frivola garrientes* [Ioannis Tritemii ..., 1536, р. 93] (Долой безрассудных людей, тщеславных людей и лживых астрологов, обман-

щиков умов и легкомысленную болтовню). Здесь можно почувствовать ту степень иронии, с которой относится Г. З. Байер к упомянутым историкам, оценивая достоверность их суждений как равную «лживой астрологии» и «легкомысленной болтовне».

Семантическая тонкость, с которой Г. З. Байер использует цитаты, кажется достойной обсуждения. И в рамках нашего исследования мы обращаемся к поэтическим латинским цитатам в статье Г. З. Байера «*Origines Russicae*, используемым в полемических целях.

Одному из авторов настоящей статьи уже случалось обратиться к анализу некоторых поэтических цитат этой работы Байера [Горяев, 2017]. Для данной статьи сбор материала производился методом сплошной выборки по тексту произведения. В изданном тексте источника [Bayer, 1741] цитаты, используемые Г. З. Байером, выделены при помощи курсива, что облегчает их поиск. Однако автор, вероятно, мыслил своего читателя равным себе по культурному уровню и ознакомленности с классическими античными текстами, поэтому ни одну из используемых цитат он не снабжал указанием на первоисточник, считая, по-видимому, это избыточным. Все цитаты были нами атрибутированы и разделены согласно их функции в тексте, для определения которой мы воспользовались методами контекстного анализа и интерпретации. Функции конкретных поэтических цитат в научной работе определяются нами методом интерпретации и контекстного анализа.

Отдельным вопросом обращения к этому материалу стало выполнение перевода цитат на русский язык, способствующее погружению читателя статьи в освоенное русской культурой античное наследие в той же мере, как могли воспринимать текст читатели латиноязычного произведения Г. З. Байера.

При цитировании ниже приводится фрагмент указанной статьи академика Байера, выделение обсуждаемой цитаты жирным шрифтом наше.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Использование Г. З. Байером цитат можно разделить на две основные группы. Первая группа — это те фрагменты, в которых цитаты выполняют собственно научную функцию иллюстрации выдвигаемых положений. Вторая группа — те фрагменты, в которых цитаты служат риторическим средством, чтобы прокомментировать, обычно в несколько пейоративном смысле, мнение оппонента. Рассмотрим каждую группу последовательно.

3.1. Цитаты как иллюстрации к заявленным положениям

3.1.1. При обсуждении гипотезы об отождествлении *русских с рутенами*, представленную у Саксона Грамматика и других авторов, Г. З. Байер пишет:

quorum ab commemoratione abstineo (l), in mentem venisse Rutenos in Gallia, iam sub C. Iulii Caesaris expectationem, maximam suam partem in provincia Romana, de quibus et Luanus:

Solvuntur flavi longa statione Ruteni.

Hos, inquam, nonnulli ad Russos referunt. Credo equidem, Saxonem Grammaticam et reliquos istarum aetatum cum Rutenos dicerent Russos, istum Gallicum populum recordatos fuisse, ut tum eruditio[n]is per exiguae insanis esse solebat ostentation [Bayer, 1741, c. 397].

(некоторым, от упоминания которых я воздерживаюсь, приходят в голову рутены в Галлии, уже во время походов Гая Юлия Цезаря расположившиеся по большей части в римской провинции, о которых и Лукан пишет:

Вот и давнишний постой уходит от русых рутенов (перевод поэтической цитаты по: [Лукан, 1993]. — С. Г., Е. Р.).

Я утверждаю, что они не имеют к russkим никакого отношения. Я уверен, что Саксонский Грамматик и прочие [авторы] того времени, когда рутенов называли russами, упоминали тот самый галльский народ, поскольку тогда была обычной неудержимая демонстрация очень малой учености).

Г. З. Байер цитирует стих 402 главы 1 «Фарсалии» Марка Аврелия Лукана, поэмы о гражданской войне между Цезарем и Помпеем [Там же]. Здесь цитата служит для введения культурно-исторического контекста первоисточника и доказательства того, что идентификация рутенов и russких не может быть достоверной: если обратиться к Лукану, то у него рутены перечисляются наряду с другими галльскими племенами (*лингоны*) и среди тех географических объектов (*Леман* — совр. Женевское озеро; *Восег* — ныне Вогезы, горный хребет в Кельтской Галлии, *порт Геркулеса* — совр. Монако и др.), где russкие никак не могли существовать.

3.1.2. Рассматривая различные фонетические варианты этнонимов с корнем *рус-* / *рос-* и их сближения с названиями народов, не имеющих отношения к russким, Г. З. Байер подчеркивает:

Corruptissime ad Italicam pronunciationem, qui Rugiam et Rugios et deinde Rugos (p). Nisi hoc potius factum ob memoriam Rugiorum, qui in exercitu Atillae fuerunt,

subito cum rupta tumultu

Barbaries, totas in te transfuderat arctos

Gallia: pugnacem Rugum comitante Gelono.

ut Sidonius Apollinarius cecinit (q) [Bayer, 1741, p. 412].

(Наиболееискажено, соответственно итальянскому произношению [пишиут *те*], кто приводит *Rugiam* и *Rugios* и затем *Rugos*. Это, скорее

всего, не что иное, как воспоминание о ругиях, которые были в войске Атиллы,

вдруг мятежом, разорвавшим

Варварский мир, излился весь на тебя почти север

Галлия: жадный до битв руг и гелон за них сразу...

как сказал в стихах Сидоний Аполлинарий).

Сидоний Аполлинарий (430—486 годы н. э.) — галло-римский писатель и поэт, а также клермонский епископ. Его сборник *Carmina* («Стихи» или «Песни») состоит из 24 поэм, в число которых входят панегирики. Цитируемые строки относятся к 7 поэме-панегирику [Carmina e poetis..., 1854, p. 281] в честь Авита (395—457 годы н. э.), префекта Галлии (и даже — очень недолго — императора Западной Римской империи), существенно уменьшившего набеги варварских племен на территорию вверенной ему претории. Здесь, как и в предыдущем случае, Г. З. Байер использует цитату, чтобы показать функционирование этнонима в контексте и при помощи этого выявить историко-географические обстоятельства бытования народа, названного им.

3.1.3. Чтобы, как он сам отмечает, «осветить большим светом» [Bayer, 1741, p. 420] дорюриковский период русской истории, Г. З. Байер касается вопроса о государственном устройстве славян и их делении на множество народов. Рассуждая далее о том, что такое деление присуще славянам, но не является только лишь их специфичной чертой, он пишет:

Nam apud plerosque eum statum fuisse reperio, qualem Saxo, poëta Caroli M. aequalis, editus a Reineccio et Leibnitio, cecinit paullo ante se fuisse in Germania:

Quae nec rege fuit saltem sociata sub uno,

Ut se militiae pariter defenderet usu:

Sed variis divisa modis plebs omnis habebat

Qiot pagos, tot paene duces, velut unius artus

Corporis in diversa forent hinc inde revulsi [Ibid., p. 420—421].

(Я нахожу, что такое состояние было у большинства, какое воспел Саксон, поэт, современный Карлу величому, изданный Рейнеккием и Лейбнитием, о временах немного раньше него в Германии:

Не было царства когда, соединенного вместе,

Чтобы себя защитить в равной службе военной,

Но владел всем тогда народ, меж собой разделенный,

Сколько ни есть деревень, столько вождей, словно тело

На суставы разъяв насильно, так они жили.

Цитата представляет собой 40—44 строки 9 части (индикта) за 722 год «Анналов о действиях императора Карла Великого» [Monumenta germaniae historica ..., 1807, p. 8] и призвана проиллюстрировать ситуацию государ-

ственного устройства у других народов, современных славянам в том историческом периоде.

3.2. Цитаты как комментарии к мнениям оппонентов

Г. З. Байер активно использует цитаты из поэтических текстов для выражения своего отношения (как правило, весьма ехидного) к тезисам, выдвигаемым другими учеными, с которыми он вступает в полемику. В этом случае цитирование выступает в роли риторического приема и имеет целью украшение собственного текста, а также придает ему индивидуальную характерность — практически не свойственную современному научному стилю.

3.2.1. Комментируя гипотезу о происхождении этнонима *московиты* от имени древнегреческого философа *Мосха* (современное произношение его имени — *Mox*¹) (в современной науке она не рассматривается по причине очевидной абсурдности), Г. З. Байер замечает: *illi, qui Russos etiam Moscovitas dixerunt, Moschum Sidonium philosophum eorum in memorias invexere.*

Bacchum in remotis carmina rupibus

Vidi docentem, credite posteri:

Nymphasque discentes et aures

Capripedum satyrorum acutas

Neque enim alius deus talem mentem indere alicui potuit, ut sic caespitaret
[Bayer, 1741, p. 398]

(Прежде всего те, кто называют русских московитами, в своих воспоминаниях обращаются к сидонскому философу Мосху.

В горах пустынных Вакха увидел я.

Он песням — верь мне, племя грядущее!

Учил и Нимф и козлоногих,

Настороживших свой слух Сатиров (поэтическая цитата в переводе Г. Ф. Церетели [Цит. по: Гораций, 1936]. — С. Г., Е. Р.).

Действительно, никакой другой бог не смог бы внушить кому-нибудь эту мысль, чтобы тот так спотыкался».

Здесь цитата из оды Горация не вписана в контекст предложения и представляет собой отдельное эмоциональное восклицание, вводящее образ Вакха. Вакх-Дионис — божество, обладающее богатейшими мифологическими и мистическими коннотациями. Он встроен в мифологему

1 Мок Сидонский (или Финикийский) — один из древнейших упоминаемых философов, предположительно «физиологов», см.: Диоген Лаэртский, 1.1. Страбон отмечает, что этот философ жил еще до Троянской войны, что одними исследователями рассматривается как метафора, указывающая на его древность, а другими — вписывается в контекст финикийской истории культуры.

умирающих и воскресающих богов и потому, кроме культа смерти и возрождения, закономерно связан также с культом плодородия и почитается как податель даров природы — см., например, у Вергилия:

О хлебопашестве я рассказал и созвездьях небесных.

Ныне тебя воспою, о Вакх, воспою и деревья

Дикие леса, и плод неспешно растущей маслины.

К нам, о родитель Леней! Кругом твоими дарами

Полнится все, для тебя созревшими гроздьями поле

Отягчено, и пенится сбор виноградный в точилах.

К нам, о родитель Леней, приди и вместе со мною

Суслом новым окрась себе голени, скинув котурны! [Вергилий, 1971, с. 65].

Вакх мог почитаться и как бог-освободитель, снимающий узы социальных норм.

У Г. З. Байера, как кажется, обращение к образу Вакха имеет двоякий смысл. Подчеркивается, что этот бог *mentem indere* — ‘внушил мысль’. Однако, согласно мифологии, основной ход мыслей, внушаемых Вакхом, — это полное безумие и потеря связи с действительностью, чем и считает Г. З. Байер рассматриваемую теорию (отдельно обратим внимание на эпитет *talem mentem* — ‘столь важную мысль’ — усиливающий иронию Г. З. Байера). В то же время весь мистический контекст, стоящий за образом бога, нивелируется, и в тексте статьи Вакх предстает в достаточно бытовом понимании — как бог виноделия и, как следствие, пьянства. Эта мысль проявлена в завершении комментария, где используется глагол *caespitare* ‘спотыкаться’, внутренняя форма которого связана с *caespes* ‘кочка; клубок корней или стеблей’. То есть концепция оцениваемых Г. З. Байером историков расценивается как «спотыкающаяся» мысль, бредни пьяного человека, а сами эти историки получают образное сближение с «козлоногими» сатирами.

3.2.2. Далее Г. З. Байер обращается к гипотезе, связывающей русских со скифами:

Iam deinde Graeci Russos ab Scythia stirpe repetunt. Terentianus Pamphilus, cui uxor ducenda erat invito,

Nisi si id est, quod suspicor:

Aliquid monstri alunt: ea quoniam nemini obtrudi potest,

Itur ad me!

Nam quid ego nunc dicam de Scythis? Quidquid obscurae originis est et pervetustae, vix deliberandi amplius atque considerandi spatio relicto, despondetur Scythis [Bayer, 1741, p. 400].

(Уже греки повторяют, что русские — это потомки скифов. У Терентия Памфил, которому жену дали против его воли, [говорят].

Да не для чего другого — так подозреваю я,

Что какого-то урода воспитали: некому

Славить — обращаются ко мне! (Поэтическая цитата в переводе

А. В. Артюшкова [Цит. по: Теренций, 1985]. — С. Г., Е. Р.).

Что же мне теперь сказать о скифах? Все, что имеет темное и в высшей степени древнее происхождение, торжественно возлагается на скифов, лишь только остается больше места для рассмотрения и размышления).

Здесь Г. З. Байер обращается к комедии Публия Теренция Афра «Девушка с Андроса» [The Andrian..., 1836, p. 31] и цитирует из нее строки 15—17 из 5 сцены 1 акта, а также описывает ситуацию, в которой эти слова звучат. В таком контексте скифы сопоставляются Г. З. Байером с героям комедии, Памфилом; приписываемое им родство с русскими становится аналогичным навязыванию жены. Сама же концепция такого родства обретает нелестную параллель в словах Памфила — *Aliquid monstri alunt* ‘какого-то урода / монстра воспитали’. Байеровское *despondetur* ‘возлагается’ звучит особенно иронично на фоне стилистически антонимичного ему *obtrudi* ‘втолкнуть, впихнуть’ у Теренция.

3.2.3. Чуть ниже, говоря об этой же гипотезе, Г. З. Байер замечает:

Ergo cum Herodotus, cum ceteri istis in regionibus ad semptentriōnem prodidissent Scythes, eo in nomine Graeculi sese iactabant,

et tum mirifice sperabant se esse locutos,

cum, quantum poterant

dicebant Scythes. At Scythae illis et Cimmerii et Hunni et Avares, Slavi, Getae, Chazari, Pazinacitae, Uzi, Germani et qui non? [Bayer, 1741, p. 401—402].

(Поэтому, когда Геродот, когда другие [авторы] указали, что к северу от тех областей находятся скифы, на это название набросились пресловутые греки,

и при этом себя, речистыми мня чрезвычайно,

сил не жалея (парафраз из стихотворения, 85 (LXXXIV) Катулла; в настоящем переводе парафраз основан на переводе М. Амелина [Цит. по: Катулл, 2010, с. 305]. — С. Г., Е. Р.).

начали говорить скифы. При этом скифы у них и киммерийцы, и гунны, и авары, славяне, геты, хазары, пазинакиты, узы, германцы и кто только еще!.

Уничтожительным словом *Graeculi* (букв. ‘гречишки’) обозначены византийские авторы, чьи труды в целом являются весьма важными историческими источниками: Иоанн Киннам, Никита Хониат и Никита Пафлагон. Оценка, впрочем, направлена не столько лично на них или их работы,

сколько на всех, небрежно оперирующих информацией и распространяющих понятие *скифы* на размытую группу различных народов.

Приведенные Г. З. Байером строки относятся к эпиграмме Катулла LXXXIV «К Аррию» [Там же, с. 304] с заменой единственного числа глагола на множественное. Ирония цитирования здесь представляется довольно «многослойной». На более очевидном уровне оппоненты сравниваются с объектом катулловской насмешки, Аррием: предполагается, что они подобно ему гордятся своими достижениями (*mirifice sperabant se esse locutos*). Однако Аррий высмеивается за свое вульгарное произношение — и такая оценка переносится и на критикуемую гипотезу. Однако если рассмотреть цитату в контексте всей эпиграммы, то стоит, как кажется, обратить внимание на то, в чем именно заключается вульгарность речи Аррия: он добавляет к начальным звукам некоторых слов густое приподыхание. Эта манера речи развилась в латинском языке под влиянием греческого — и, как кажется, к этому контексту (и культурно-историческому, и контексту эпиграммы в целом) отсылает Г. З. Байер, отмечая происхождение гипотезы от Геродота и других греческих авторов.

3.2.4. Далее Г. З. Байер обращается к смежной гипотезе — о происхождении русских от «тавро斯基дов» и доказательстве ее, якобы найденном Евстафием Солунским у Геродота. Ошибочность доказательства заключается в приписывании Геродоту названия *Таврические* или *Скифские горы*. Причисляя Евстафия Солунского к числу *graecolorum*, Г. З. Байер замечает: *Vide quantum Graecia mendax ausa sit in Geographia* [Bayer, 1741, p. 403] (*Смотри, сколь Греция лживая может быть в географии*). Фраза представляет собой парафраз из 10 сатиры Ювенала. Оригинальный ее текст — *quidquid Graecia mendax / audet in historia* [Латинская хрестоматия ..., 1857, с. 291]. В переводе Ф. А. Петровского эти строки звучат так: *И верят всем басням / Греции лживой...* [Ювенал]. То есть изменена форма глагола, а *география* сменяет *историю*, поскольку того требует контекст. Можно предположить, впрочем, что читатель, знакомый с источником цитаты, должен был учитывать и исходную, и указанную в тексте Г. З. Байер «сферы лживости» — и проникаться презрительным недоверием к «гречишкам».

3.2.5. Еще одна совсем небольшая цитата непосредственно включена в предложение. Завершая рассуждение о трех легендарных братьях-основателях славянских государств, Лехе Чехе и Русе, Г. З. Байер пафосно восклицает: *tamen gravissimis de caussis fratres Annonis filios inter umbras regnare iubetus. Illa se iacet in aula et Lech et Czech et Rus* [Bayer, 1741, p. 433] (мы же по серьезнейшим причинам повелеваем, чтобы три брата сына аннона, правили среди теней. *Пусть величится в этом черто-*

гे (перевод поэтической цитаты В. Брюсова, цит. по: [Хрестоматия ..., 1965]. — С. Г., Е. Р.) и Лех, и Чех, и Рус). Эта цитата отсылает к сцене из I книги «Энеиды» Вергилия: Посейдон, увидев, как флот Энея гибнет в жестоком штурме, усмиряет ветра и призывает их к порядку, обращая внимание, что морская стихия — это его вотчина, Эолу же как повелителю ветров пристало господствовать в «чертоге» (*aula*), где они заключены [P. Vergili Maronis opera]. Включая цитату в свой текст, Г. З. Байер словно уподобляет себя Посейдону, обладающему силой и властью определять судьбу. «Пусть величится в этом чертоге» же относится не столько к легендарным братьям, сколько к самой выдумке о их существовании и авторам, поддерживающим ее и рассматривающим братьев как реальных исторических личностей. Можно заметить также, что у слова *aula* одним из значений является ‘подземный чертог’, так что призыв оставить гипотезу о братьях в нем становится равносилен призыву похоронить данную концепцию.

4. Заключение = Conclusions

Снабжая текст своей статьи научным аппаратом, соответствующим эпохе, и тщательно атрибутируя используемые цитаты из исторических источников, Г. З. Байер не прибегает к атрибуции поэтических цитат, которые он вкрапляет в свой текст.

В тех случаях, когда цитаты используются как полемический прием с целью высказать уничтожительную оценку мнения оппонента, точки соединения используемой цитаты и рассматриваемой концепции, как правило, множественны и не всегда находятся на поверхности. Таким образом, по достоинству оценить уместность и точность цитирования можно, лишь прибегнув к рассмотрению широкого контекста — иногда литературного, иногда культурно-исторического.

Конечно же, современный стиль научного текста предполагает большую информативность и гораздо меньшую риторичность, чем два столетия назад, но богатая традиция перевода латинских классических произведений на русский язык почти всегда позволяет подобрать адекватный «байеровским» задачам перевод цитат, хотя, учитывая то, что «латынь из моды вышла ныне», вкрапление поэтического текста в научную статью может требовать некоторых комментариев.

Г. З. Байер, включая поэтические цитаты в текст научной статьи, предполагает, что они входят в базовый культурный фон любого образованного человека и знание классической античной литературы является непременным атрибутом ученого-историка и, в более широком плане, читателя, обремененного знакомством с гуманитарной мыслью.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Байер* Готлиб или Теофил Зигфрид : персональная страница на сайте Российской академии наук [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=.id-49607.ln-ru.dl-.pr-inf.uk-0 (дата обращения 11.11.2023).
2. *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида / Вергилий ; пер. с лат. С. А. Ошерова. — Москва : Художественная литература, 1971. — 539 с.
3. *Гомер*. Одиссея / пер. В. В. Вересаева ; под ред. акад. И. И. Толстого ; прим. С. В. Поляковой. — Москва : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953. — 320 с.
4. Гораций — *Квинт Гораций Флакк*. Полное собрание сочинений / пер. под ред. и с прим. Ф. А. Петровского ; вступ. статья В. Я. Каплинского. — Москва ; Ленинград : Academia, 1936. — XX, 447 с.
5. Катулл Гай Валерий. Стихотворения / Гай Валерий Катулл ; пер. с латин., состав., предисл. и примеч. М. Амелина. — На латин. и русск. яз. — Москва : Текст, 2010. — 445 с. — ISBN 978-5-7516-0907-8.
6. *Латинская хрестоматия*, составленная Николаем Отто, учителем Новгородской гимназии. — Санкт-Петербург : Типография Ю. Штауфа, 1857. — 174 с.
7. *Лукан* М. А. Фарсалия, или поэма о гражданской войне / М. А. Лукан ; пер. с лат. Л. Е. Остроумова ; ред., статья и комм. Ф. А. Петровского. — Москва : Ладомир — Наука, 1993. — 348, [1] с. — ISBN 5-86218-056-7.
8. СПбФ АРАН — *Санкт-Петербургский* филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Архива Российской академии наук. Ф. 784. Оп. 2. Д. 8. Л. 114—115 об. (Байер Г. З. Письмо Феофану Прокоповичу. Май 1728 года) ; Ф. 784. Оп. 2. Д. 5. Л. 93—94 об. (Байер Г. З. Письмо Феофану Прокоповичу. 28 июня 1735 года).
9. *Теренций Афр, Публий*. Комедии / Публий Теренций Афр ; сер. Библиотека античной литературы ; пер. с латин. А. В. Артюшкова. — Москва : Художественная литература, 1985. — 574 с.
10. *Хрестоматия по античной литературе* ; в 2 томах / Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева. — Римская литература. — Москва : Просвещение, 1965. — Т. 2. — 651 с.
11. *Эллинские поэты* [Электронный ресурс] / пер. В. В. Вересаев. — Москва : Художественная литература, 1963. — Режим доступа : <https://ancientrome.ru/antlitr/homer/hymn/athrod1.htm> (дата обращения: 18.11.2023).
12. *Ювенал, Децим Юний*. Сатиры. КНИГА IV. Сатира десятая [Электронный ресурс] / Децим Юний Ювенал ; пер. Ф. А. Петровского. — Режим доступа : <https://ancientrome.ru/antlitr/juvenal10.htm> (дата обращения 12.08.2023).
13. *Bayer T. S. Origines Russicae* / T. S. Bayer // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. — 1741. — Vol. VIII. — Pp. 388—436.
14. *Carmina e poetis christianis* : excerpta ad usum scholarum edidit, et permultas interpretationes, cum notis gallicis quae ad diversa carminum genera vitamque poetarum pertinent, adjecit Félix Clément. — Parisiis, 1854. — 693 p.
15. *Homeric Hymns* [Electronic resource]. — Access mode : https://sasansom.github.io/sedes/homerichymns_homer.html (accessed 8.11.2023).

16. *Ioannis Tritemii abbatis Spahnemensis Epistolae familiarium libri duo ad diuersos Germaniae Principes, Epistolos, ac eruditione praestantes uiros, quorum Catalogus subieccetus est.* — Haganoae : Ex officina Petri Brubacchij, 1536. — Pp. 286—287.

17. *Monumenta germaniae historica inde ab anno christi quingentesimo vsqve ad annvm millesimvm et qvingentesimvm edidit societas aperiendis fontibus rerum germanicarvm medii aevi poetarvm latinorvm medii aevi tom i pars prior berolini apvd weidmannos. MDCCC-CIC (1807).*

18. *P. Vergili Maronis opera : The first six books of the Aeneid ; with the commentary by John Conington, M. A.* — London : Whittaker : G. Bell, 1884. — 368 p.

19. *The Andrian, Heautontimoreumenos, and Hecyra of Terence* [Electronic resource] / ed. by J. A. Phillips. — Dublin, 1836. — Access mode : https://books.google.ru/books?id=jT0EAAAAQAAJ&pg=PA31&dq=Nisi+si+id+est,+quod+suspicio%0D%0AAliquid+monstri+alunt:+ea+quoniam+nemini+obtrudi+potest,%0D%0AItur+ad+me!&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&ved=2ahUKEwjqo4yI4oqDAxWkGhAIHReHAQM6AF6BAgJEAI#v=onepage&q=Nisi%20si%20id%20est%2C%20quod%20suspicio%3A%20%20Aliquid%20monstri%20alunt%3A%20ea%20quoniam%20nemini%20obtrudi%20potest%2C%20%20Itur%20ad%20me!&f=false (accessed 12.10.2023).

Литература

1. Анальч Б. В. Историческая наука в Академии и академических учреждениях Петербурга / Б. В. Анальч, В. М. Панеях // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. — 2006. — Т. 2005. — С. 15—47.

2. Горяев С. О. Три поэтические цитаты в научном тексте : на материале статьи Г. З. Байера «*Origines Russicae*» (1741) / С. О. Горяев // Классические языки в постклассический период : сб. ст. — Казань : Бриг, 2017. — С. 178—183.

3. Дворниченко А. Ю. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи / А. Ю. Дворниченко, Е. А. Ростовцев, Д. А. Баринов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2019. — Т. 64. — Выпуск 1. — С. 24—52. — DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.102.

4. Игнатова Н. Ю. Научные практики и языки описания в России XVIII века (на примере любительских занятий В. Н. Татищева) / Н. Ю. Игнатова, С. В. Докучаев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2020. — № 4. — С. 56—65. — DOI: 10.37482/2227-6564-V034.

5. Иодко О. В. Байер Готлиб (Теофил) Зигфрид / О. В. Иодко // Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук : краткий биографический справочник : А—В / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина ; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. — Санкт-Петербург : Реноме, 2018. — 196 с.

6. Клейн Л. С. Спор о варягах как пережитое / Л. С. Клейн // Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. — Санкт-Петербург : Невская Типография, 2019. — С. 183—200. — ISBN 978-5-8071-0329-1.

7. Комышкова А. Д. Субъективная модальность научного текста XVIII века : к вопросу о формировании специфики научного стиля русского языка / А. Д. Комышкова, А. П. Судакова // Экология языка и коммуникативная практика. — 2018. — № 2. — С. 55—61.

*Статья поступила в редакцию 11.07.2024,
одобрена после рецензирования 12.09.2024,
подготовлена к публикации 16.09.2024*

Material resources

- Anthology of ancient literature; in 2 volumes.* (1965). Moscow: Prosveshchenie. 2: 651 p. (In Russ.).
- Bayer, T. S. (1741). *Origines Russicae*. In: *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, VIII: 388—436. (In Latin).
- Bayer Gottlieb or Theophil Siegfried: personal page on the website of the Russian Academy of Sciences. Available at: https://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=id-49607.ln-ru-dl-pr-inf.uk-0 (accessed 11.11.2023). (In Russ.).
- Carmina e poetis christianis : excerpta ad usum scholarum edidit, et permultas interpretationes, cum notis gallicis quae ad diversa carminum genera vitamque poetarum pertinent, adiecit Félix Clément.* (1854). Parisiis. 693 p. (In French).
- Catullus Gaius Valerius. *Poems*. (2010). Moscow: Text. 445 p. ISBN 978-5-7516-0907-8. (In Latin; in Russ.).
- Hellenic poets. (1963). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Available at: <https://ancientrome.ru/antlitr/homer/hymn/athrod1.htm> (accessed 18.11.2023). (In Russ.).
- Homer. *Odyssey*. (1953). Moscow: State Publishing House of Artists. Lit. 320 p. (In Russ.).
- Homeric Hymns. Available at: https://sasansom.github.io/sedes/homerichymns_homer.html (accessed 08.11.2023).
- Horace — Quintus Horatius Flaccus. (1936). *Complete Works* (translation edited and with notes by F. A. Petrovsky; introduction by V. Ya. Kaplinsky). Moscow; Leningrad: Academia. XX, 447 p. (In Russ.).
- Ioannis Tritemii abbatis Spahnenensis *Epistolae familiarium libri duo ad diuersos Germaniae Principes, Epistolos, ac eruditione praestantes uiros, quorum Catalogus subiecctus est.* (1536). Haganoae: Ex officina Petri Brubacchij. 286—287. (In Latin).
- Juvenal, Decimus Junius. *Satires. BOOK IV. Satire the tenth*. Available at: <https://ancientrome.ru/antlitr/juvenal10.html> (accessed 08.12.2023). (In Russ.).
- Latin anthology compiled by Nikolai Otto, a teacher at the Novgorod Gymnasium.* (1857). St. Petersburg: Printing house of Yu. Stauf. 174 p. (In Russ.).
- Lukan, M. A. (1993). *Farsalia, or a poem about the civil war*. Moscow: Ladomir, Science. 348, [1] p. ISBN 5-86218-056-7. (In Russ.).
- Monumenta germaniae historica inde ab anno christi quingentesimo vsqve ad annvm millesimvm et qvingentesimvm edidit societas aperiendis fontibvs rervm germanicarvm medii aevi poetarvm latinorvm medii aevi tomi iv pars prior berolini apvd weidmannos. MDCCCIC* (1807). (In Latin).
- P. Vergili Maronis opera: *The first six books of the Aeneid*. (1884). London: Whittaker: G. Bell. 368 p.
- SPbF ARAN — St. Petersburg Branch of the Federal State Government-financed Institution of Science of the Archive of Russian Academy of sciences. F. 784. Op. 2. d. 8. l. 114—115 vol. (Bayer, G. Z. Letter to Feofan Prokopovich. May, 1728); F. 784. Op. 2. d. 5. l. 93—94 vol. (Bayer, G. Z. Letter to Feofan Prokopovich. June 28, 1735). (In Russ.).
- Terentius Afri; Publius. *Comedies*. (1985). Moscow: Fiction. 574 p. (In Russ.).
- The Andrian, Heautontimoreumeno, and Hecyra of Terence.* (1836). Dublin. Available at: https://books.google.ru/books?id=jT0EAAAQAAJ&pg=PA31&dq=Nisi+si+id+est,+quod+suspicio;%0D%0AAliquid+monstri+alunt:+ea+quoniam+nemini+obtrudi+potest,%0D%0AItur+ad+me!&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sax=X&ved=2ahUKEwjyo4yI4oqDAXWkGhAIHReHAOMQ6AF6BAgJEAI#v=one

page&q=Nisi%20si%20id%20est%2C%20quod%20suspicio%3A%20%20Aliq-
uid%20monstri%20alunt%3A%20ea%20quoniam%20nemini%20obtrudi%20
potest%2C%20%20Itur%20ad%20me!&f=false (accessed 12.10.2023).
Virgil. (1971). *Bucolic. Georgics. The Aeneid*. Moscow: Fiction. 539 p. (In Russ.).

References

- Ananyich, B. V., Paneyakh, V. M. (2006). Historical science in the Academy and academic institutions of St. Petersburg. *Proceedings of the Joint Scientific Council on Humanitarian problems and historical and cultural heritage, 2005*: 15—47. (In Russ.).
- Dvornichenko, A. Yu., Rostovtsev, E. A., Barinov, D. A. (2019). The experience of collective portrait of historians of the Capital University of the Russian Empire. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 64 (1): 24—52. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.102. (In Russ.).
- Frolov, E. D. (2006). *Russian science of antiquity: historiographical essays*. St. Petersburg: Humanities Academy. 604 p. ISBN 5-93762-051-8. (In Russ.).
- Goryaev, S. O. (2017). Three poetic quotations in a scientific text: based on the article by G. Z. Bayer “Origines Russicae” (1741). In: *Classical languages in the postclassical period: collection of articles*. Kazan: Brig. 178—183. (In Russ.).
- Ignatova, N. Yu., Dokuchaev, S. V. (2020). Scientific Practices and Languages of Description in 18th-Century Russia (Exemplified by the Scientific Pursuits of V. N. Tatishchev). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 4: 56-65. DOI: 10.37482/2227-6564-V034. (In Russ.).
- Iodko, O. V. Bayer Gottlieb (Theophilus) Siegfried. In: Basargin, E. Yu., Tunkina, I. V. (eds.). (2018). *Scientists — find-formers of the St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences: a brief biographical reference: A-B*. St. Petersburg: Renome. 196 p. (In Russ.).
- Klein, L. S. (2019). The dispute about the Varangians as experienced. In: *Our land is great and abundant: a collection of articles dedicated to the 90th anniversary of A. N. Kirpičnikov*. St. Petersburg: Nevelsky Printing House. 183—200. ISBN 978-5-8071-0329-1. (In Russ.).
- Komyshkova, A. D., Sudakova, A. P. (2018). Subjective modality of the scientific text of the 18th century: on the issue of the formation of the specifics of the scientific style of the Russian language. *Ecology of language and communicative practice*, 2: 55-61. (In Russ.).
- Korenjak, M. (2023). Latin Scientific Literature, 1450-1850. Oxford: Oxford University Press. ISBN 9780198866053. DOI: 10.1093/oso/9780198866053.001.0001.
- Kraus, Ch. Sh. (2011). The Language of Latin Historiography. In: Clackson, J. (ed.). *A Companion to the Latin Language*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd. 408—425. DOI: 10.1002/9781444343397.ch23.
- Miller, G. F. (1890). The history of the Academy of Sciences of G. F. Miller with continuations by I. G. Stritter (1725—1743). In: *Materials for the history of the Imperial Academy sciences*, 6. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 635 p. (In Russ.).
- Pekarsky, P. P. (1870). Bayer (Bayer) Gottlieb (Theophilus) Siegfried, academician in the Field of Greek and Roman Antiquities. In: *History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg*, 1. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. 180—196. (In Russ.).

OPEN
ACCES

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

*The article was submitted 11.07.2024;
approved after reviewing 12.09.2024;
accepted for publication 16.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Гу Цзюньлин. Способы передачи на русский язык названий объектов материальной культуры (на основе перевода книги Юань Ке «Мифы древнего Китая») / Гу Цзюньлин, Чжан Сяоюй, Ю. В. Погребняк // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 49—69. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-49-69.

Gu Junling, Zhang Xiaoyu, Pogrebnyak, Yu. V. (2024). Methods of Translating Names of Material Culture Objects into Russian (Translation of Yuan Ke's "Myths of Ancient China"). *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 49-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-49-69. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Способы передачи
на русский язык
названий объектов
материальной культуры
(на основе перевода
книги Юань Ке
«Мифы древнего Китая»)**

Гу Цзюньлин

orcid.org/0009-0007-3042-3695

доктор филологических наук, доцент,
декан факультета русского языка
852600325@qq.com@qq.com

Чжан Сяоюй

orcid.org/0009-0001-6270-3954

магистрант факультета русского языка
Zhyowoo77@163.com

Погребняк Юлия Владимировна

orcid.org/0000-0002-6029-1474

доктор филологических наук, доцент,
доцент факультета русского языка,
корреспондирующий автор
pyuma@yandex.ru

Чжэнчжоуский университет
(Чжэнчжоу, КНР)

**Methods of Translating
Names of Material
Culture Objects
into Russian (Translation
of Yuan Ke's
“Myths of Ancient China”)**

Gu Junling

orcid.org/0009-0007-3042-3695

Doctor of Philology, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Russian Language
852600325@qq.com

Zhang Xiaoyu

orcid.org/0009-0001-6270-3954

Master's student, Faculty of Russian
Zhyowoo77@163.com

Yuliya V. Pogrebnyak

orcid.org/0000-0002-6029-1474

Doctor of Philology, Associate Professor,
Faculty of Russian,
corresponding author
pyuma@yandex.ru

Zhengzhou University
(Zhengzhou, China)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В данной статье анализируется существующий перевод книги Юань Ке «Мифы древнего китая» (1960), выполненный Е. И. Лубо-Лесниченко и Е. В. Пузицким (1965) с точки зрения предпринятых переводчиками стратегий при передаче китайских наименований на русский язык в случаях, когда имеют место культурологические лакуны. Целью статьи является обобщение стратегий, которых придерживаются авторы перевода китайских мифологических сюжетов и выявление наиболее подходящих для этого способов передачи на русский язык названий объектов материальной культуры. Данна оценка корректности перевода фрагментов мифов, в которых упоминаются образы «треножник», «нефритовая заколка», «нефритовая пластишка», «джайгун», дворец воздержания» и др. Анализ показал, что методы, используемые переводчиками древнекитайских мифов, в основном таковы: фонетическая транслитерация, дословный перевод, добавление, опущение и аннотирование. Однако при использовании данных стратегий иногда наблюдается некоторое искажение и опущение исходной информации. В данной статье в рамках метода форенизации предлагаются переводческие стратегии, которых следует придерживаться при переводе китайских мифологических сюжетов: добавление, опущение, трансфер, замена, деление, комбинация и транслитерация.

Ключевые слова:

китайская мифология; Древний Китай; культурологические лакуны; переводческие стратегии; форенизация; доместикация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the existing translation of Yuan Ke's "Myths of Ancient China" (1960), carried out by E. I. Lubo-Lesnichenko and E. V. Puzitsky (1965), focusing on the strategies employed by the translators in conveying Chinese names into Russian in instances of cultural gaps. The aim of the article is to summarize the strategies adhered to by the authors in translating Chinese mythological narratives and to identify the most suitable methods for rendering names of material culture objects into Russian. An assessment is provided regarding the accuracy of translations of fragments of myths that mention concepts such as "tripod," "jade hairpin," "jade tablet," "Jai-gong, Palace of Abstinence," and others. The analysis reveals that the methods utilized by translators of ancient Chinese myths primarily include phonetic transliteration, literal translation, addition, omission, and annotation. However, the application of these strategies sometimes results in distortion and omission of the original information. This article proposes translational strategies, within the framework of foreignization, that should be adhered to when translating Chinese mythological narratives: addition, omission, transfer, substitution, division, combination, and transliteration.

Key words:

Chinese mythology; Ancient China; cultural gaps; translation strategies; foreignization; domestication.

УДК 811.581.03+811.161.1'255.2+821.581=161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-49-69

Научная специальность ВАК

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Способы передачи на русский язык названий объектов материальной культуры (на основе перевода книги Юань Ке «Мифы древнего Китая»)

© Гу Цзюньлин, Чжан Сяоюй, Погребняк Ю. В., 2024

1. Введение = Introduction

Китай обладает многовековой историей и великолепной древней культурой, а богатые мифы и легенды являются символами его многовековой истории. Как первая систематическая энциклопедия мифов ханьского народа, книга «Мифы Древнего Китая» [Юань Ке, 1960] была высоко оценена после выхода в свет, а затем переведена на русский, японский, английский, французский, итальянский и другие языки и приобрела широкую известность по всему миру. Ни один язык не может существовать вне культуры, он вырастает в культурном контексте, являясь одновременно продуктом общества, а также проводником культуры. В свою очередь, литературный перевод неотделим от учета культурных факторов, которые переводчик обязательно должен принимать во внимание при подготовке перевода.

В круг задач нашего исследования входят обобщение переводческих стратегий, которых обычно придерживаются при литературном переложении китайских мифологических сюжетов, и выявление наиболее подходящих способов передачи на русский язык названий объектов материальной культуры при переводе китайских мифов.

Данная статья является первой частью комплексного исследования, проводимого группой ученых в Чжэнчжоуском университете, которое направлено на поиск новых путей продвижения китайской культуры за рубежом, а именно — знакомства широкой аудитории русскоговорящих стран с китайскими мифами в эпоху цифровых технологий. В данной статье проводится анализ перевода на русский язык китайских языковых единиц, соотносительных с материальными культурологическими лакунами в русской лингвокультуре. В дальнейшем исследовании планируется провести анализ переводческих стратегий при передаче на русский язык обозначений институциональных и духовных культурологических реалий, отраженных в древнекитайских мифах.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Терминологический инструментарий для описания различий и расхождений в современном переводоведении весьма неоднороден. Одним из таких терминов является термин *лакуна* (ср.: лат. *lacuna* — углубление, впадина, провал, фр. *lacune* пустота, брешь), который наилучшим образом отражает этнические и культурные особенности сравниваемых языков и культур. Понятие «лакуна» было впервые введено американским лингвистом К. Ф. Хоккетом в 1950-х годах. Сравнивая грамматические формы двух разных языков, он использовал термин «случайные дыры в узорах» (*random holes in patterns*) [Hockett, 1954] для описания этого лингвистического явления. Проблема лакунарности давно изучается в России, прежде всего в области этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, переводоведения и межкультурной коммуникации.

Изучение проблемы лакунарности в настоящее время привело к формированию важной научной школы, основными представителями которой являются Ю. С. Степанов, Ю. А. Сорокин, И. А. Стернин, З. Д. Попова, М. А. Стернина, И. Ю. Марковина; Г. В. Быкова и др. [Степанов, 1965; Сорокин, 1977; Попова и др., 2002; Markovina et al., 2016; Быкова, 2003]. Сначала термин *лакунарность* просто отражал систематизацию лексических недостатков и безэквивалентной лексики, затем в процессе развития культурологии термин *лакуна* был переосмыслен и получил расширенные трактовки.

Лакуны определяются как «следствие неполноты и / или избыточности опыта лингвокультурной общности» [Сорокин, 1977, с. 120], «белые пятна семантического поля языка» [Степанов, 1965, с. 120], «сигнал отсутствия концепта и одновременно его лексического выражения» [Panasiuk et al., 2007, с. 221], «несоответствия, возникающие при сопоставлении понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур» [Жельвис и др., 1979, с. 194].

Т. Ю. Данильченко понимает лакуны как «пустоты», то есть области, где материи, смыслы и ценности не существуют [Данильченко, 2004]. П. Н. Донец выделяет «биполярность» понятия «лакуны», возникающую во взаимодействии двух культур, в ситуации контраста [Донец, 2003]. З. Д. Попова, И. А. Стернин и М. А. Стернина считают, что лакунарными являются как языковые явления, так и культурные расхождения (разные ассоциации, значения событий и вещей в процессе восприятия) [Попова и др., 2002].

Китайские ученые также исследовали культурологические лакуны. Ли Сяндун (李向东) в статье «Лакуны в русском языке и стратегии перевода» подробно рассматривает классификацию и переводческие стратегии российских ученых в отношении феномена лакун, а также предлагает создать «когнитивную карту» как средство устранения лакун в понимании

инокультурных текстов [Ли Сяндун, 1993]. Лю Хун (刘宏) анализирует и объясняет неразрывную связь между феноменом лакун и культурными концептами с точки зрения межкультурной коммуникации, указывая на сложные отношения между ними, и утверждает, что преподаватели должны ориентироваться на соответствующие культурные концепты в преподавании иностранных языков [Лю Хун, 2005].

Культурологические лакуны, в отличие от лингвистических, возникают в основном под влиянием деятельностно-коммуникативных и культурно-пространственных факторов как отражение национально-культурных особенностей участников коммуникации между различными лингвокультурными общностями, а также специфики национального характера.

Современные исследователи проводят многоаспектный анализ лакун, принимая во внимание перечисленные выше факторы, которые влияют на возникновение лакун [Вандышева и др., 2022; Ли Ифан, 2017; Корчагина, 2022; Малмыго, 2023; Фоменко, 2023; Zabotkina et al., 2024; Markovina et al., 2016; Toktomatova, 2023 и др.].

Для удобства исследования мы разделяем культурологические лакуны на три типа: материальные культурологические лакуны, институциональные культурологические лакуны и духовные культурологические лакуны, опираясь на определение культуры, данное Б. К. Малиновским, который утверждает, что культура как органическое целое включает в себя материальный, групповой и духовный аспекты. Б. К. Малиновский подразумевает под *групповым аспектом* человеческие организационные единицы, которые называются *институтами* [Малиновский, 1987]. Анализ культурологических лакун, которые выявляются при переводе на русский язык книги Юань Ке «Мифы древнего Китая», показал, что все лакуны целесообразно разделить на три типа: материальные (конкретные предметы), институциональные (статусные отношения в социальных группах) и духовные (ценственно-духовные ориентиры общества).

В данной статье анализируется существующий перевод книги Юань Ке «Мифы древнего Китая» [Юань Ке, 1960], выполненный Е. И. Лубо-Лесниченко и Е. В. Пузицким, изданный под редакцией и с послеследствием Б. Л. Рифтина [Мифы древнего Китая ..., 1965], с точки зрения избранных переводчиками стратегий при передаче названий артефактов, существующих или существовавших в период становления мифов в китайской лингвокультуре.

Книга «Мифы древнего Китая» стала первой попыткой систематизации древних ханьских мифов в Китае, которые ранее были разбросаны в различных текстах. Юань Кэ, посвятив всю свою жизнь исследованию древнекитайской мифологии, не только записал и систематизировал древ-

ние китайские мифы, но и стал теоретиком древнекитайской мифологии, проследив эволюцию китайской мифологии с исторической точки зрения, а также с точки зрения ее влияния на литературу и искусство последующих поколений. Эта книга и по сей день является основополагающим источником по китайской мифологии, на основании которой строятся современные представления о китайских мифах и осуществляется популяризация китайской мифологии в стране и во всем мире.

Ю. А. Сорокин выделяет два подхода к методу установления лакун в тексте: 1) сопоставление понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур; 2) установление инварианта и вариантов некоторого вербального поведения, присущего той или иной локальной культуре [Сорокин, 1977]. В нашем исследовании мы придерживаемся в основном первого подхода для выявления лакун в целевом языке при анализе перевода книги «Мифы древнего Китая», то есть в русском языке. При выявлении лакун мы анализируем следующие аспекты: (1) русские языковые единицы, соотносительные с китайской номинацией; (2) понятийную составляющую концепта китайского артефакта, которая в идеале должна быть препрезентирована русскоязычному читателю; (3) наличие в переводном аналоге тех уникальных коннотаций, которые составляют своеобразие китайской мифологической реалии. Выбор первого подхода для определения явления лакунарности в переводе обусловлен тем, что материальные объекты в основном не связаны с характеристикой вербального поведения. В дальнейшем при рассмотрении институциональных и духовных лакун мы планируем пользоваться обоими подходами для установления явлений лакунарности при анализе перевода.

На сегодняшний момент не существует чётко систематизированной теории перевода с китайского языка на русский, имеются лишь разрозненные исследования, касающиеся различных аспектов такого перевода. Между тем качественный перевод с китайского на русский язык (и наоборот) обеспечивает успешную межкультурную коммуникацию. Особенно перевод значимых для обеих культур произведений литературы, прецедентных текстов оказывает огромное влияние на межкультурный диалог.

Многие авторы отмечают проблему структурного несоответствия между китайским и русским языками, что приводит к большим трудностям при переводе с китайского языка на русский и наоборот [Ван Мэнюо, 2012; Чэнь Чжу, 2023; Киндикова, 2014; Рusanova, 2023; Хань Сюцзюань и др., 2018; Чжан Юань, 2016].

В китайском языке почти каждое слово содержит скрытый смысл, который необходимо расшифровать при переводе и не потерять “характер” и “дух” переводимого текста [Проблемы перевода ..., 2022].

Н. В. Пушкарская говорит о необходимости учета фоновых знаний при переводе, рассматривая универсальную понятийную систему древнего Китая, неотъемлемой частью которой является пятеричная классификация или учение о пяти стихиях. Данная система возникла приблизительно в 1045—221 годах до нашей эры и имеет огромное влияние на современную культуру Китая [Пушкарская, 2022].

Гуань Сюцзюань, помимо форенизации и доместикации, выделяет такой метод перевода, как гармонизация, который соотносится с равноправным диалогом между различными культурами и учитывает культурные контексты как исходного языка, так и языка перевода [Гуань Сюцзюань, 2022].

М. П. Баева предлагает учитывать не только существующие этимологические гипотезы при переводе на китайский язык древнерусских лексем с неясным значением, но и архаичное значение других слов, используемых в контексте с этими лексическими единицами. Для установления точного прочтения фрагмента, включающего данную лексему с неясным значением, следует сопоставлять также ее другое значение в случае употребления данной лексемы в других текстах [Баева, 2021]. Подобную сложную методику возможно использовать и при переводе древнекитайских мифов на русский язык.

Е. В. Романовская уделяет особое внимание теории фасциации при переводе китайских классических стихов на русский и белорусский языки, уделяя особое внимание принципу ритмической организации китайской классической поэзии [Романовская, 2019].

Би Юэ говорит о таких стратегиях перевода, как экзотикизация и русификация перевода. Экзотеция понимается как стремление переводчика сохранить максимум особенностей оригинала, а русификация рассматривается как максимальное отклонение от оригинальной культуры, стремление превратить китайский текст в русский. Автор также указывает на то, что некоторые переводчики придерживаются принципа золотой середины между экзотикизацией и русификацией [Би Юэ, 2009].

Некоторые переводчики описывают наиболее подходящие стратегии перевода, которые могут быть использованы при передаче культурных контекстов, и дают общие рекомендации, которые следует использовать при переводе с русского языка на китайский и наоборот. Такой перевод должен быть образным, описательным, контекстуальным [Goun Boushi, 2020]. В переводе должны учитываться реалии, степень воспроизводимости культурных констант, их ассоциативный потенциал в исходной и целевой культурах, исходная символика. Всё это может быть передано на целевой язык с помощью переводческого просветительского комментария [Сюй Лихун и др., 2019].

Юань Яньпин, исследуя конверсию китайских и русских культурных образов при переводе уникальных метафор, предлагает использовать стратегию добавления в виде культурного комментирования как важный способ объяснения уникальных метафор при переводе [Юань Яньпин и др., 2023].

Р. Р. Хуснулина подробно анализирует упущения, которые существуют при переводе русских имен, фамилий и особенно отчеств в произведениях художественной литературы [Хуснулина и др., 2019]. Подобные упущения мы отмечаем и при переводе названий артефактов в мифах древнего Китая.

Описываются этапы перевода с китайского языка на русский отдельных языковых элементов, имеющих специфическое культурное значение, например, предлагается при переводе идеологем с китайского языка на русский активно использовать язык-посредник, прецедентные тексты на двух языках и другие актуальные для понимания исходного смысла источники [Мэй У и др., 2022].

Ван Юйся использует такие стратегии, тактики и навыки перевода, как перевод с взаимной заменой, транслитерация и интерпретация аннотаций, добавление сносок к китайским географическим названиям и личным именам, а также к словам с ярко выраженной культурной коннотацией для передачи денотативной информации [Ван Юйся, 2024, с. 90].

В. А. Кузнецова, Л. К. Бободжанова продемонстрировали, что при переводе китайских сказок переводчики используют не только такие приемы перевода, как конкретизация, опущение, транскрибирование и добавление, но и контекстуальную замену и поиск аналога, что помогает им адаптировать тексты для русского читателя. Помимо этого, основная сложность перевода китайской сказочной литературы обусловлена особенностями менталитета и культуры, и перевод детской сказочной литературы требует от переводчика обширных фоновых знаний и учета национально-культурных особенностей Китая [Кузнецова и др., 2020].

Обзор научной литературы показал, что на сегодняшний момент не существует единой системы рекомендаций для осуществления успешного перевода с китайского языка на русский и с русского на китайский. Многие исследователи отмечают, что из-за структурной разницы между этими языками, а также из-за большой разницы китайской и русской культур перевод древних текстов, прецедентных текстов, а также передача отдельных культурологически значимых реалий с исходного языка на целевой язык является необычайно сложным делом. Отмечаются значительные упущения в существующих переводах такой литературы, предлагаются сложные методы переводческого анализа, а также разнообразные переводческие стратегии, которые следует использовать при переводе с русского языка на китайские и с китайского языка на русский. Как видно из приведенного

выше обзора, многие авторы предлагают использовать стратегию добавления в виде переводческого комментария. Данную стратегию мы также считаем целесообразным широко применять при переводе древнекитайских мифов на русский язык.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Материя пронизывает все стороны общественной жизни, и в ходе непрерывного прогресса истории люди создали разнообразные материальные достижения, которые существуют объективно, но испытывают влияние ценностей и образа мышления людей, несут в себе производные смыслы, порождая материальную культуру. Материальные объекты в книге «Мифы древнего Китая» в основном воплощены в словах, обозначающих некоторых персонажей, животные и растения, географические места, kostюмы, пищу, архитектуру и орудия производства.

Нами были замечены некоторые закономерности в переводе книги «Мифы древнего Китая» на русский язык. Для перевода имен широко известных мифологических образов или персонажей в исходном тексте переводчики используют метод транслитерации, например: 混沌 — Хуньдунь, 盘古 — Паньгу, 伏羲 — Фуси и т. д., а для передачи имен менее распространенных мифологических образов или персонажей переводчики прибегают к методам транслитерации + дословного перевода, кратко объясняя значение этих имен при их первом появлении, например: 巨灵 — Цзюйлин — Гигантский дух, 鬼母 — Гуй-му — Мать бесов, 烛龙 — Чжисулун — Дракон со свечой с горы Чжуншиань. Данная закономерность объясняется, очевидно, тем, что большая масса русских читателей знает имена самых распространенных мифических героев китайского этноса. Менее известные мифические существа незнакомы большинству русских читателей, поэтому переводчики книги «Мифы древнего Китая» считают необходимым обратиться к дословному переводу имени того или иного персонажа, который, как правило, описывает наиболее существенные характеристики данного мифического героя.

Для передачи названий географических мест переводчики применяют метод дословного перевода и транслитерацию, например, 华山 — гора Хуашань, 黄河 — река Хуанхэ. Такой выбор способа также объясняется тем, что большинство русских читателей книги «Мифы древнего Китая» не знают китайский язык, поэтому переводчики считают необходимым обозначить рельефные характеристики данного географического объекта и добавить название данного объекта в русской транслитерации.

Переводчики прибегают к более сложным методам и стратегиям перевода для передачи других материальных предметов, представленных в книге «Мифы древнего Китая». Обратимся к примерам.

3.1. Передача на русский язык названий мифических животных

ИТ — исходный текст.

ПП — текст перевода.

ИТ1: 黄帝的军队，除了四方鬼神之外，还有罴、熊、貔、貅、豸、
虎种种野兽。

ПП: В войске Хуан-ди, кроме богов и злых духов четырех сторон света, были всякие звери: обычные медведи и бледно-желтые с головой, похожей на лошадиную, сычуаньские медведи, барсы, хищные звери сю, похожие на леопардов, ягуары и тигры.

Пи (罴), пи (貔), сю (貅), чу (豸) — это иероглифы, используемые для обозначения нескольких зверей в древних китайских мифах, которые представлены в древнейшем из дошедших до наших дней толковом словаре «接近正确的语言» (букв. «Приближенный к правильному языку»), коллективном труде ученных древнего Китая. «Чудовища» — это восемнадцатый раздел этого словаря, где подробно описаны следующие мифические животные: *пи* — вид медведя, его тело, как у медведя, голова длинная и ноги высокие, как у лошади, это животное имеет желтовато-белый мех. *Пи-сю* по форме тела напоминает тигра и леопарда, голова и хвост как у дракона, цвет золотой и нефритовый. *Чу* — это вид животных, подобных циветтам, относящихся к роду волков или тигров, на древнем осеннем празднике использовали *чу* в качестве жертвоприношений. Эти звери упоминаются только в «Каталоге гор и морей» и других древних книгах. Объяснить русским читателям при помощи буквального перевода, что это за звери, нет возможности без иллюстраций и комментариев, помогающих понять значение слова. Таким образом, переводчик использует метод дополнения, описывая внешний вид нескольких видов зверей или животных, похожих на упомянутых в мифах, чтобы облегчить читателям понимание (尔雅·释兽 — Чудовища).

ИТ2: 鸾鸟在这里唱歌，凤凰在这里舞蹈，各种各样的飞禽走兽都聚集在这里，草木冬夏常青。

ПП: Там пели волшебные птицы луань, кружились в танце птицы фэн, собирались самые разные птицы и звери, потому что деревья и травы зеленели в Дугуане зимой и летом.

Птицы луань и фэнхуан считаются мифическими птицами древнего Китая, символами благоприятствования, бессмертия, любви, авторитарной императорской власти и национальной культуры. Также считается, что птица луань является близким родственником птицы фэнхуан. Переводчики использовали методы дословного перевода + транслитерации: значение, выраженное иероглифами 鸾鸟, передано сочетанием *птица луань*, а значение, выраженное иероглифами 凤凰, — сочетанием *птица фэн*. В то

же время переводчики добавляют комментарий, сообщая, что принято переводить эти названия словом *феникс*, хотя понятия, стоящие за китайскими номинациями *луань* и *фэн*, не несут тех смыслов, которые характерны для понятия «феникс» как птицы, возрождающейся из пепла. Гэн Ицзинь, сравнивая мифологические прототипы в разных культурах, указывает, что птица Феникс имеет следующие характеристики: это птица-богиня, которая связана с поклонением солнцу, имеет атрибуты вечной жизни, она королева птиц, испускает сияние, может петь, является благоухающим существом [Гэн Ицзинь, 2020]. Однако в китайском языке существует понятие *фэнхуан* для обозначения мужского и женского начала этой двуполой птицы, мужского пола — *фэн*, а женского пола — *хуан*, в совокупности — *фэнхуан*, поэтому перевод словом *феникс* названия этой птицы не вполне точен, так как не отражает двуполой природы этого существа, которая является чрезвычайно важной для понимания сути мифов. Название этой птицы может быть переведено только как *птица фэн-хуан*, и предложенное наименование должно сопровождаться соответствующим комментарием.

3.2. Передача на русский язык названий драгоценных украшений

ИТ3: 西王母原是一个长着豹子尾巴，老虎牙齿，头发乱蓬蓬地披着，头上戴了一只玉胜，善于啸叫，掌管瘟疫刑罚的怪神。

ПП: Изображали ее с хвостом барса, зубами тигра, длинными всклокоченными волосами и с нефритовой заколкой на голове.

Юишэн (玉胜) — нефритовое украшение для волос, упомянутое в «Каталоге гор и морей — Западные горы». Обычно две шпильки, которые вставляются в пучок волос с левой и правой стороны, соединены веточкой из нефрита. Перевод иероглифа 胜 словом *заколка* не очень точен, поскольку *заколкой* обозначается обычно зажим для волос, а юишэн — безделушка, украшающая волосы, и более точно значение этого слова было бы перевести как *нефритовая шпилька*.

ИТ4: 翼从崩坏的山里得到了一个天赐的尖利而精美的玉搬指。

ПП: Среди обломков горы И нашел удивительно твердый и красивый нефритовый перстень, посланный небом.

Баньчжи (搬指), первоначально служивший для стрельбы из лука, носили на большом пальце, у этого предмета был желобок прямо под большим пальцем, чтобы удерживать тетиву для натягивания стрелы; цель такого украшения заключалась в том, чтобы предотвратить ушиб пальца тетивой, которая резко оттягивалась при выпуске стрелы. Позднее этот предмет превратился в украшение, похожее на кольцо из жадеита и нефрита, которое носили на большом пальце правой руки. Переводчики использовали стратегию доместикации, переведя это слово как *перстень*. И хотя в западной культуре перстень также является массивным

украшением, которое надевается на палец, от обычного кольца перстень отличается тем, что имеет какую-либо вставку — в виде печатки или драгоценного камня и обычно носится на безымянном пальце. Видно, что между этими двумя украшениями есть очевидные различия по внешнему виду, месту ношения и скрытой за ними историко-культурной информации. Чтобы отличить это украшение от перстня и избежать путаницы на когнитивном уровне для русских читателей, можно использовать прием добавления примечания, чтобы обозначить этот предмет как *кольцо, надеваемое на большой палец*.

3.3. Передача на русский язык названий предметов архитектуры

ИТ5: 给她洗了澡，穿上绫罗绸缎的新衣裳，把她安顿在河边临时搭就的“斋宫”里。

ПП: *Жертве давали деньги в приданое, купали ее, одевали в новые шелковые одежды и помещали во «дворец воздержания».*

Джайгун (斋宫) является местом проведения церемонии жертвоприношений императора перед постом, где королевская семья проводит особые жертвенные мероприятия. У китайских императоров на протяжении веков одним из главных видов деятельности было приношение разнообразных жертвоприношений, императору самому нужно было приносить жертвы небу за три дня до поста в Джайгуне, не есть мясо, лук и чеснок, не пить, не развлекаться, миловать преступников, и в особенности содержать себя в абсолютной чистоте, больше мыться, что называется “斋戒”, поэтому переводчики перевели Джайгун как «дворец воздержания».

3.4. Передача на русский язык названий артефактов

ИТ6: 禹治水不但得到了“河图” — 就是河伯送给他的那块记载着河川道路的大青石头，据说，还得到了另外一样宝贵的东西：玉简。

ПП: *Юй пользовался не только нанесенной на камень «картой рек». По преданию, у него было еще одно сокровище — нефритовая пластинка.*

Цзянь (简) первоначально означает «бамбуковые дощечки». До изобретения бумаги древние использовали длинные, узкие кусочки бамбука для письма, которые назывались цзянь. Тогда выражение 玉简 в соответствии с буквальным значением понималось как *нефритовая дощечка*. Согласно «Записи о забытых событиях» Ван Цзя, Фуси хотел помочь Юю в его усилиях по борьбе с водной стихией, поэтому он подарил ему нефритовую дощечку. По форме она напоминала бамбуковую планку длиной в один чи и два цуня, с ее помощью можно было измерять небо и землю, и Юй использовал ее, чтобы укреплять землю и усмирять воду [Сокровищница китайской культуры]. Из этого следует, что нефритовая дощечка предназначена для измерения расстояния, как и линейка, поэтому точнее перевести это выражение как *нефритовая линейка*.

ИТ 7: 在黃帝曾经在那里铸鼎的荆山足下，铸造了九个极大的宝鼎。

ТП: *И у подножия горы Цзинишань, где некогда Хуан-ди изготовил треножник, он также отлил девять громадных треножников.*

Изначальное определение треножника (дин, 鼎) следующее: это древний кухонный сосуд, имеющий форму кувшина, круглого или квадратного, с ножками снизу. Обычно круглый треножник имеет три ножки, а квадратный — четыре. В рабовладельческом обществе он использовался исключительно для пирам или жертвоприношений, а позже превратился в символ власти правящего класса, знак трона, важный инструмент для обозначения и передачи власти в государстве. Позже треножники стали использовать для разграничения статуса знати. В связи с необходимостью проведения ритуалов, а также в качестве церемониального инструмента стали расставлять определенное количество треножников в жилищах важных особ — у императора девять треножников, у чжугоу семь треножников и т. д. По контексту можно судить, что функция треножников здесь в основном заключается в воплощении символа власти правящего класса, поэтому в переводе данного предложения, на наш взгляд, необходимо добавить пояснение, которое заключается в том, что девять треножников являлись символом императорской власти.

4. Заключение = Conclusions

Сталкиваясь с явлением культурной лакуны, переводчик всегда стремится ее компенсировать в переводе с целью раскрытия и воспроизведения точного содержания.

Ученые Уханьского университета Ху Гумин (胡谷明) и Шэнь Ман (沈满) предлагают использовать следующие переводческие стратегии при явлении лакунарности: транслитерацию, буквальный перевод, вольный перевод и создание новых слов [Ху Гумин и др., 2001]. Чжан Цинь (张琴) предлагает три метода перевода для решения проблемы лингвистических и культурных лакун в межкультурной коммуникации, а именно: фонетический перевод, дословный перевод и аннотация [Чжан Цинь, 2008]. Метод полного перевода, предложенный Хуан Чжунлянем (黄忠廉) и Ли Яшу (李亚舒), также может быть использован в качестве руководства для устранения явления культурной лакуны. Полный перевод — мыслительная и межъязыковая деятельность, в которой переводчик преобразует культурную информацию исходного языка в культурную информацию переведенного языка, чтобы достичь максимально схожего стиля. Для осуществления полного перевода существует 7 методов: добавление, опущение, трансфер, замена, деление, комбинация и транслитерация [Хуан Чжунлянь и др., 2007].

Все эти методы в своей основе связаны с вопросом доместикации и форенизации в переводе. Термины *доместикация* и *форенизация* впервые были предложены немецким философом Фридрихом Шлейермахером в его лекции о разных методах перевода еще в 1813 году. Данные переводческие стратегии, таким образом, существуют уже более двух столетий. Ученые спорят о том, какая стратегия должна быть преимущественной при передаче наименований специфических объектов и явлений другой культуры на целевой язык. Мы придерживаемся того мнения, что при переводе книги Юань Кэ «Мифы древнего Китая» следует прибегнуть к стратегии форенизации с целью более полной передачи специфики древнекитайской культуры, которая в большей степени отличается от современной русской культуры. Ведь через подробное описание и объяснение названий предметов материальной культуры, упомянутых в древнекитайских мифах, российский читатель может более глубоко постигнуть древнюю и современную китайскую культуру.

Проведенный нами анализ переводческих стратегий при работе с культурными лакунами на уровне материальной культуры в русском переводе «Мифов Древнего Китая» позволяет сделать вывод, что методы, используемые переводчиками при работе с этим материалом, в основном включают фонетическую транслитерацию, дословный перевод, добавление, упоминание и аннотацию. В целом, при передаче названий специфических материальных объектов, упомянутых в мифах, переводчики стараются сохранить культурные образы оригинального текста и пытаются восстановить стоящую за ними глубокую социальную и историческую культурную информацию, но иногда бывают случаи неправильного перевода, неверного толкования или упущения. Чтобы корректно передать на русский язык названия специфических объектов в древнекитайских мифах, переводчикам необходимо более тщательно исследовать содержание древнекитайских мифов и продумать переводческие стратегии. На сегодняшний момент из-за того, что существует единственная устаревшая версия перевода книги «Мифы древнего Китая», в которой присутствуют некоторые орфографические ошибки, устаревшие выражения и упущения перевода, российские читатели не могут в полной мере ознакомиться с оригиналом данной известной книги, которая имеет важнейшее значение в понимании современной китайской культуры. Мы предлагаем в рамках метода форенизации более широко использовать описательную стратегию и стратегию комментирования при передаче названий материальных объектов на русский язык. Для того чтобы дать российским читателям возможность познакомиться с древнекитайской мифологией, понять и принять китайскую культуру, мы надеемся обновить некоторые части перевода данной книги.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Мифы древнего Китая* / пер. текста Е. И. Лубо-Лесниченко и Е. В. Пузицкого ; год ред. и с послесл. Б. Л. Рифтина. — Москва : Наука, 1965. — 496 с.
2. *Юань Ке*. Древние китайские мифы (пересмотренное издание) / Юань Ке. — Москва ; Пекин : Китайское книжное бюро, 1960. — 323 с. (袁珂. 中国古代神话(修订本) [M]. 北京:中华书局,1960. — 323 с.).

Литература

1. *Баева М. П.* Перевод древнерусских лексем с неясным значением на материале китайских переводов «Слова о полку Игореве» / М. П. Баева // Русский язык и культура в зеркале перевода. — 2021. — № 1. — С. 7—15.
2. *Би Юэ*. Проблемы освоения культуры китайского «золотого века» (поэзия Ли Бо и русские переводы) : автореферат диссертации ... степени кандидата культурологии : 24.00.01 / Би Юэ. — Москва, 2009. — 24 с.
3. *Быкова Г. В.* Лакунарность как категория лексической системологии / Г. В. Быкова. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. — 364 с. — ISBN 5-8331-0045-3.
4. *Ван Мэнъяо*. Направление китайского перевода с точки зрения развития китайской теории перевода / Ван Мэнъяо // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. — 2012. — № 1. — С. 16—22.
5. *Вандышева А. В.* Тактика восполнения смысловых лакун на примере коррупционных текстов / А. В. Вандышева, Л. Б. Темникова // Русистика без границ. — 2022. — Т. 6. — № 1. — С. 13—26.
6. *Ван Юйся*. Исследование тематического учебного модуля курса «перевод классики китайской литературы на русский язык» / Ван Юйся // Актуальные вопросы переведоведения и регионоведения : сборник статей Международного форума, Нижний Новгород, 20—22 октября 2023 года. — Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2024. — С. 84—91. — DOI: 10.47388/978585394259.
7. *Гуань Сюцюань*. О гармонизации культурных контекстов перевода (на материале переводов с китайского и на китайский) / Сюцюань Гуань // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2022. — Т. 14. — № 4. — С. 728—741. — DOI: 10.21638/spbu13.2022.411.
8. *Гэн Ицзинь*. Особенности мифологического образа Феникса в культуре разных стран / Гэн Ицзинь // Libri Magistri. — 2020. — № 4 (14). — С. 128—137.
9. *Данильченко Т. Ю.* Феномен лакунарности в языке и речи : диссертация ... кандидата философских наук : 24.00.01 / Татьяна Юрьевна Данильченко. — Краснодар, 2004. — 165 с.
10. *Донец П. Н.* Об исследовательской единице межкультурной коммуникации / П. Н. Донец // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2003. — № 2. — С. 183.

11. Жельвис В. И. Опыт систематизации англо-русских лакун / В. И. Жельвис, И. Ю. Марковина // Исследование проблем речевого общения. — Москва : Наука, 1979. — С. 194.
12. Киндикова Н. М. Переводы китайской литературы в Республике Алтай (история и поэтика переводов) / Н. М. Киндикова // Востоковедные исследования на Алтае. — 2014. — № 8. — С. 44—50.
13. Корчагина Е. Л. Лакуны в содержании обучения РКИ в свете формирования умений межкультурной коммуникации / Е. Л. Корчагина // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2022. — № 7. — С. 1298—1302.
14. Кузнецова В. А. Интерпретация и особенности перевода китайской детской сказочной литературы / В. А. Кузнецова, Л. К. Бободжанова // Неделя науки СПбГУ : Материалы научной конференции с международным участием, в 3 ч., Санкт-Петербург, 18—23 ноября 2019 года / отв. ред. : А. В. Рубцова, М. С. Коган. — Санкт-Петербург : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2020. — Ч. 1. — С. 180—183.
15. Ли Ифан. Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе русского и китайского языков / Ли Ифан, Н. В. Проценкова // Современная русская культура : сборник материалов Недели современной русской культуры, Хэйхэ, КНР, 12—16 июня 2017 года. — Хэйхэ : Благовещенский государственный педагогический университет, 2017. — С. 68—75.
16. Ли Сяндун. Проблемы лакун в понимании русских разделов и способы их устранения / Ли Сяндун // Русский язык в Китае. — 1993. — № 03. — С. 3—7. (李向东. 俄语篇章理解中的空缺及解决方法[J]. 中国俄语教学, 1993(03): 3-7).
17. Лю Хун. Исследование проблемы лакун и культурных представлений в межкультурной коммуникации / Лю Хун // Иностранные языки и их преподавание. — 2005. — № 07. — С. 37—41. (刘宏. 跨文化交际中的空缺现象与文化观念研究[J] 外语与外语教学, 2005(07): 37-41).
18. Малиновский Б. К. Научная теория культуры. Перевод. Фэй Сяотун / Б. К. Малиновский. — Пекин : Китайское народное литературное и художественное издательство, 1987. — 97 с.
19. Малмыго В. К. Внутриязыковые и межязыковые лакуны и их типы (на материале глагольной лексики) / В. К. Малмыго // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина. — 2023. — № 1 (61). — С. 136—141. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.69.
20. Мэй У. Перевод и интерпретация идеологем : опыт перевода базовых ценностей социализма с китайской спецификой на русский язык / Мэй У, О. В. Дубко-ва // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2022. — № 58. — С. 23—36. — DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-23-36.
21. Попова З. Д. Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин, М. А. Стернина // Язык и национальное сознание : вопросы теории и методологии : монография. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. — С. 155—170.
22. Проблемы перевода чэньюэй с китайского языка на примере цветовых обозначений / А. В. Жандарова, С. Н. Семенова, В. В. Захарова, Е. Н. Негребецкая // Russian Linguistic Bulletin. — 2022. — № 2 (30). — DOI: 10.18454/RULB.2022.30.22.

23. *Пушкарская Н. В.* Проблема аутентичности и обзор основных первоисточников учения о пяти стихиях у син / Н. В. Пушкарская // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. — 2022. — Т. 1. — № 10. — С. 109—133. — DOI: 10.48647/IFES.2022.84.79.038.
24. *Романовская Е. В.* Теория фасцинации в контексте проблем художественного перевода (на примере переводов китайской классической поэзии «ши») / Е. В. Романовская // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. — 2019. — № 1 (112). — С. 125—131.
25. *Русанова С. В.* Сопоставительное исследование китайских сказок и фразеологизмов и дидактический потенциал их перевода на русский язык / С. В. Русанова // Филология и лингводидактика: российско-китайский научный диалог : монография / под редакцией А. Г. Кротовой. — Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2023. — С. 104—121.
26. *Сокровища китайской культуры*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://guoxue.httpcn.com/html/book/MEKOKOME/CQMECQAZTBRN.shtml> (дата обращения 21.07.2024).
27. *Сорокин Ю. А.* Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) / Ю. А. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого поведения. — Москва : Наука, 1977. — С. 120—136.
28. *Степанов Ю. С.* Французская стилистика / Ю. С. Степанов. — Москва : Высшая школа, 1965. — С. 120.
29. *Сюй Лихун.* Особенности перевода китайской классической поэзии / Сюй Лихун, Т. А. Казакова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2019. — Т. 16. — № 3. — С. 480—500. — DOI: 10.21638/spbu09.2019.309.
30. *Фоменко Л. Н.* Проблемы лакун в номинативной системе английского языка (на примере этнографических лакун) / Л. Н. Фоменко // Вестник ИМСИТ. — 2023. — № 2 (94). — С. 24—26.
31. *Хань Сюцзюань.* Особенности перевода имен собственных на материале переводов китайских сказок на русский язык / Хань Сюцзюань, У Мэнчжу // Преподавание, изучение и усвоение иностранного языка в контексте реализации средовой модели образования : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной научному наследию профессора Л. А. Дерибас, Москва, 01 02 февраля 2018 года. — Москва : Московский педагогический государственный университет, 2018. — С. 259—263.
32. *Ху Гумин.* Переводческие стратегии культурных лакунах в переводе с китайского языка на русский / Ху Гумин, Шэнь Ман // Русский язык в Китае. — 2011. — № 30 (01). — С. 17—21. (胡詠明, 沈曼. 汉俄翻译中文化空缺词汇的翻译策略[J]. 中国俄语教学, 2011, 30 (01): 17-21).
33. *Хуан Чжунлянь.* Научно-технический перевод / Хуан Чжунлянь, Ли Яшу. — Пекин : Китайская корпорация переводов и издательств, 2007. — 20 с. (黄忠廉, 李亚舒. 科学翻译学[M]. 北京: 中国对外翻译出版公司. 2007:20.).
34. *Хуснулина Р. Р.* Антропонимы как атрибут перевода (на примере перевода «Кроткой» Ф. М. Достоевского на английский и китайский языки) / Р. Р. Хуснулина, М. Хой // Казанская наука. — 2019. — № 3. — С. 7—10.
35. *Чжан Цинь.* Анализ культурологических лакун и стратегий их перевода / Чжан Цинь // Газета Юго-Западного национального университета (Гуманитарные и со-

циальные науки изд.). — 2008. — № 29 (03). — С. 120—122. (张琴.试析文化空缺及其翻译策略[J].西南民族大学学报(人文社科版).2008, 29(03): 120-122.)

36. Чжан Юань. Китайское стихосложение и особенности перевода китайской поэзии / Чжан Юань // Молодость. ИнтеллекТ. Инициатива : Материалы IV международной научно-практической конференции студентов и магистрантов, Витебск, 29 апреля 2016 года / главный редактор И. М. Прищепа. — Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2016. — С. 249—250.

37. Чэн Чжу. Русско-китайский неточный перевод с точки зрения препрезентативности перевода на микроуровне / Чэн Чжу // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. — 2023. — Т. 16. — № 2. — С. 43—57. — DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-43-57.

38. Юань Яньпин. Исследование перевода китайских и русских культурных образов : на примере метафорического перевода / Юань Яньпин, Шэнь М // Культура и цивилизация. — 2023. — Т. 13. — № 9—1. — С. 273—280. — DOI: 10.34670/AR.2023.34.89.034.

39. Goun Boushi. Symbolic meaning of somatisms translated from Chinese into Russian / Goun Boushi // Languages in professional communication : Сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов, Екатеринбург, 28 мая 2020 года / ответственный редактор Л. И. Корнеева. — Екатеринбург : Ажур, 2020. — С. 171—174.

40. Hockett C. F. Chinese versus English : an exploration of the Whorfian thesis / H. F. Hoijer. — Chicago : University of Chicago Press, 1954. — Pp. 106—123.

41. Markovina I. Yu. Cross-cultural investigation of the concept of business : a new step in the development of the lacuna theory / I. Yu. Markovina, I. Lenart // Journal of Psycholinguistics. — 2016. — № 29. — Pp. 145—161.

42. Panasiuk I. Lakunen-Theorie : Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprache und Kulturforschung / I. Panasiuk, H. Schröder // Вопросы психолингвистики. — 2007. — № 6. — С. 219—224.

43. Toktomatova A. Cultural Lacunae : Lacunas of Activity as Intercultural Communication in Translation / A. Toktomatova // Bulletin of Science and Practice. — 2023. — Vol. 9. — № 12. — Pp. 454—460. — DOI: 10.33619/2414-2948/97/63.

44. Zabotkina V. I. Unveiling the unseen : the challenge of phenomenological conceptual untranslatables / V. I. Zabotkina, E. L. Boyarskaya // Slovo.ru : Baltic Accent. — 2024. — Vol. 15. — № 1. — Pp. 113—125. — DOI: 10.5922/2225-5346-2024-1-6.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.08.2024,
подготовлена к публикации 02.09.2024.

Material resources

Myths of ancient China. (1965). Moscow: Nauka. 496 p. (In Russ.).

Yuan Ke. (1960). *Ancient Chinese Myths (revised edition).* Moscow; Beijing: Chinese Book Bureau. 323 p. (In Chin.).

References

Baeva, M. P. (2021). Translation of Old Russian lexemes with unclear meaning based on the material of Chinese translations of “The Words about Igor’s regiment”. *Russian language and culture in the mirror of translation, 1:* 7—15. (In Russ.).

- Bi Yue. (2009). *Problems of mastering the culture of the Chinese “golden Age” (poetry by Li Bo and Russian translations)*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Bykova, G. V. (2003). *Lacunarity as a category of lexical systemology*. Blagoveshchensk: Publishing house of BSPU. 364 p. ISBN 5-8331-0045-3. (In Russ.).
- Chen Zhu. (2023). Russian-Chinese inaccurate translation from the point of view of the representativeness of translation at the micro level. *Bulletin of the Moscow University. Episode 22: Theory of Translation*, 16 (2): 43—57. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-43-57. (In Russ.).
- Danilchenko, T. Y. (2004). *The phenomenon of lacunarity in language and speech*. PhD Diss. Krasnodar. 165 p. (In Russ.).
- Donets, P. N. (2003). On the research unit of intercultural communication. *Bulletin of the VSU. The Humanities series*, 2: P. 183. (In Russ.).
- Fomenko, L. N. (2023). Problems of lacunae in the nominative system of the English language (on the example of ethnographic lacunae). *IMSIT Bulletin*, 2 (94): 24—26. (In Russ.).
- Geng Yijin. (2020). Features of the mythological image of the Phoenix in the culture of different countries. *Libri Magistri*, 4 (14): 128—137. (In Russ.).
- Goum Boushi. (2020). Symbolic meaning of somatisms translated from Chinese into Russian. In: *Languages in professional communication: A collection of materials from the international scientific and practical conference of teachers, graduate students and students, Yekaterinburg, May 28, 2020*. Yekaterinburg: LLC “Azhur Publishing House”. 171—174.
- Guan Xiujuan. (2022). On the harmonization of cultural contexts of translation (based on the material of translations from Chinese and into Chinese). *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies*, 14 (4): 728—741. DOI: 10.21638/spbu13.2022.411. (In Russ.).
- Han Xiujuan, Wu Mengzhu. (2018). Features of translating proper names based on the material of translations of Chinese fairy tales into Russian. In: *Teaching, learning and assimilation of a foreign language in the context of the implementation of the environmental model of education: Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the scientific heritage of Professor L. A. Deribas*. Moscow: Moscow Pedagogical State University. 259—263. (In Russ.).
- Hockett, C. F. (1954). *Chinese versus English: an exploration of the Whorfian thesis*. Chicago: University of Chicago Press. 106—123.
- Huang Zhonglian, Li Yashu. (2007). *Scientific and technical translation*. Beijing: China Corporation of Translations and Publishing Houses. 20 p. (In Chin.).
- Khusnulina, R. R., M. Hou. (2019). Anthroponyms as an attribute of translation (on the example of the translation of F. M. Dostoevsky’s “Meek” into English and Chinese). *Kazan Science*, 3: 7—10. (In Russ.).
- Kindikova, N. M. (2014). Translations of Chinese literature in the Altai Republic (history and poetics of translations). *Oriental studies in Altai*, 8: 44—50. (In Russ.).
- Korchagina, E. L. (2022). Lacunae in the content of RCT teaching in the light of the formation of intercultural communication skills. *Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*, 7: 1298—1302. (In Russ.).
- Kuznetsova, V. A., Bobodzhanova, L. K. (2020). Interpretation and features of translation of Chinese children’s fairy tale literature. In: *SPbPU Science Week: Materials*

- of a scientific conference with international participation, at 3 a.m., St. Petersburg, November 18—23, 2019, 1: St. Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University”. 180—183. (In Russ.).*
- Li Xiangdong. (1993). Russian language in China: Problems of gaps in understanding Russian sections and ways to eliminate them. *Russian language in China*, 03: 3—7. (In Chin.).
- Li Yifang, Proschennikova, N. V. (2017). Lacunae and equivalent units in the lexical system of Russian and Chinese languages. In: *Modern Russian Russian Culture: a collection of materials from the Week of Modern Russian Culture, Heihe, China, June 12—16, 2017*. Heihe: Blagoveschensk State Pedagogical University. 68—75. (In Russ.).
- Liu Hong. (2005). The study of the problem of lacunae and cultural representations in intercultural communication. *Foreign languages and their teaching*, 07: 37—41. (In Chin.).
- Malinovskiy, B. K. (1987). *Scientific theory of culture. Translation. Fei Xiaotong*. Beijing: Chinese People’s Literary and Artistic Publishing House. 97 p. (In Russ.).
- Malmygo, V. K. (2023). Intra-linguistic and interlanguage lacunae and their types (based on the material of verbal vocabulary). *Bulletin of the I. P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University*, 1 (61): 136—141. DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.69. (In Russ.).
- Markovina, I. Yu., Lenart, I. (2016). Cross-cultural investigation of the concept of business: a new step in the development of the lacuna theory. *Journal of Psycholinguistics*, 29: 145—161.
- Mei U, Dubkova, O. V. (2022). Translation and interpretation of ideologues: the experience of translating the basic values of socialism with Chinese specifics into Russian. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov*, 58: 23—36. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-58-2-23-36. (In Russ.).
- Panasiuk, I., Schröder, H. (2007). Lakunen-Theory: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprache und Kulturforschung. *Questions of psycholinguistics*, 6: 219—224.
- Popova, Z. D., Sternin, I. A., Sternina, M. A. (2002). Lacunae and non-equivalent units in the lexical system of the language. In: *Language and national consciousness: issues of theory and methodology: monograph*. Voronezh: Voronezh State University. 155—170. (In Russ.).
- Pushkarskaya, N. V. (2022). The problem of authenticity and a review of the main primary sources of the doctrine of the five elements in Sin. *Man and Culture of the East. Research and translations*, 1 (10): 109—133. DOI: 10.48647/IFES.2022.84.79.038. (In Russ.).
- Romanovskaya, E. V. (2019). Fascination theory in the context of literary translation problems (on the example of translations of Chinese classical poetry “shi”). *Proceedings of the Gomel State University named after F. Skoriny*, 1 (112): 125—131. (In Russ.).
- Rusanova, S. V. (2023). Comparative study of Chinese fairy tales and phraseological units and the didactic potential of their translation into Russian. In: *Philology and linguodidactics: Russian-Chinese scientific dialogue: Monograph*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. 104—121. (In Russ.).
- Sorokin, Yu. A. (1977). The method of establishing gaps as one of the ways to identify the specifics of local cultures (fiction in the cultural aspect). In: *National-cultural specificity of speech behavior*. Moscow: Nauka. 120—136. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1965). *French stylistics*. Moscow: Higher School. P. 120. (In Russ.).

- The treasury of Chinese culture.* Available at: <https://guoxue .httpcn.com/html/book/MEKO-KOME/CQMECQAZTBRN.shtml> (accessed 21.07.2024). (In Russ.).
- Toktomatova, A. (2023). Cultural Lacunae: Lacunas of Activity as Intercultural Communication in Translation. *Bulletin of Science and Practice*, 9 (12): 454—460. DOI: 10.33619/2414-2948/97/63.
- Vandysheva, A. V., Temnikova, L. B. (2022). Tactics of filling semantic gaps on the example of corrupt texts. *Rusistics without borders*, 6 (1): 13—26. (In Russ.).
- Wang Yuya. (2024). Research of the thematic training module of the course “translation of classics of Chinese literature into Russian”. In: *Topical issues of translation and regional studies: collection of articles of the International Forum, Nizhny Novgorod, October 20—22, 2023*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov. 84—91. DOI: 10.47388/9785858394259. (In Russ.).
- Wang Mengyao, V. M. (2012). The direction of Chinese translation from the point of view of the development of Chinese translation theory. *Bulletin of the Moscow University. Episode 22: Theory of Translation*, 1: 16—22. (In Russ.).
- Xu Lihong, Kazakova, T. A. (2019). Features of the translation of Chinese classical poetry. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 16 (3): 480—500. DOI: 10.21638/spbu09.2019.309. (In Russ.).
- Hu Humic, Shen Man. (2011). Russian in China. *Russian language in China*, 30 (01): 17—21. (In Chin.).
- Yuan Yanping, Shen M. (2023). Research on the translation of Chinese and Russian cultural images: on the example of metaphorical translation. *Culture and Civilization*, 13 (9—1): 273—280. DOI: 10.34670/AR.2023.34.89.034. (In Russ.).
- Zabotkina, V. I., Boyarskaya, E. L. (2024). Unveiling the unseen: the challenge of phenomenological conceptual untranslatables. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 15 (1): 113—125. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-1-6.
- Zelvis, V. I., Markovina, I. Yu. (1979). The experience of systematization of English-Russian lacunae. In: Research of problems of speech communication. Moscow: Nauka. P. 194. (In Russ.).
- Zhandarova, A. V., Semenova, S. N., Zakharova, V. V., Negrebetskaya, Y. N. (2022). Problems of translating chengyu from Chinese on the example of colour notation. *Russian Linguistic Bulletin*, 2 (30): 78—84. DOI: 10.18454/RULB.2022.30.22.
- Zhang Qin. (2008). Analysis of cultural gaps and strategies for their translation. *Newspaper South-West national University (Humanities and social Sciences ed.)*, 29 (03): 120—122. (In Chin.).
- Zhang Yuan. (2016). Chinese versification and features of the translation of Chinese poetry. In: *Youth. intelligence. Initiative: Materials of the IV International Scientific and Practical conference of students and undergraduates, Vitebsk, April 29, 2016*. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov. 249—250. (In Russ.).

*The article was submitted 15.06.2024;
approved after reviewing 25.08.2024;
accepted for publication 02.09.2024.*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дзапарова Е. Б. Личность автора и личность переводчика : столкновение позиций и творческий синтез / Е. Б. Дзапарова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 70—88. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-70-88.

Dzaparova, E. B. (2024). Author's Identity and Translator's Identity: A Clash of Positions and Creative Synthesis. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 70-88. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-70-88. (In Russ.).

Clarivate
Web of Science™

Scopus®

DOAJ

NSD ERIH PLUS
BUDapest REfERENCE INDEX FOR
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU
РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Личность автора и личность переводчика: столкновение позиций и творческий синтез

Дзапарова Елизавета Борисовна
orcid.org/0000-0002-1388-0268
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
l-dzaparova@mail.ru

Северо-Осетинский институт
гуманитарных и
социальных исследований
им. В. И. Абаева — филиал
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр
Российской академии наук»
(Владикавказ, Россия)

Author's Identity and Translator's Identity: A Clash of Positions and Creative Synthesis

Elizaveta B. Dzaparova
orcid.org/0000-0002-1388-0268
PhD of Philology,
senior research scientist
l-dzaparova@mail.ru

V. I. Abaev North Ossetian Institute
for Humanitarian and
Social Studies — the Filial
of the Vladikavkaz Science Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Vladikavkaz, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросам художественного перевода. Оцениваются возможности взаимного сотрудничества автора и переводчика или возникновения конфликта между ними. Проанализированы разные виды художественного перевода. Отмечается, что в традиционном переводе творческая индивидуальность переводчика проявляется там, где устраняется личность автора и больше отражается собственный опыт переводчика. Подобный подход приводит к неизбежным отклонениям в переводе, к расхождению мировоззренческих установок, к столкновению двух идиолектов. В произведении, созданном совместно автором оригинала и переводчиком, учитывается лингвокультурная специфика акторов перевода, в том числе и реципиента как полноправного участника межкультурной коммуникации. В автопереводе столкновение двух мышлений автора и переводчика неизбежно в том случае, когда отраженные в разноязычных текстах социально-культурные реальности не совпадают. Фактически создается аутентичный текст со своим историко-культурным, литературным контекстом. Создатель текста думает в разных языковых и культурных плоскостях, стремится создать полноценное произведение на другом языке, вследствие чего трансформации подвергается не только сюжетно-композиционная структура подлинника, жанровые особенности, но и утрачивается самобытность художественного стиля писателя.

Ключевые слова:

художественный перевод; языковая личность переводчика; межъязыковая коммуникация; идиолект.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issues of artistic translation. It evaluates the potential for mutual collaboration between the author and the translator, as well as the conflicts that may arise between them. Various types of artistic translation are analyzed. It is noted that in traditional translation, the creative individuality of the translator is manifested where the author's identity is diminished, resulting in a greater reflection of the translator's own experiences. This approach inevitably leads to deviations in translation, discrepancies in worldview orientations, and clashes between two idiolects. In works co-created by the original author and the translator, the linguistic and cultural specifics of the translation actors are taken into account, including the recipient as a full-fledged participant in intercultural communication. In self-translation, the clash of the author's and translator's mindsets is unavoidable when the socio-cultural realities reflected in the texts of different languages do not align. An authentic text emerges with its own historical, cultural, and literary context. The creator of the text thinks across different linguistic and cultural dimensions, striving to produce a complete work in another language, which consequently transforms not only the plot-compositional structure of the original but also its genre characteristics, ultimately leading to a loss of the writer's unique artistic style.

Key words:

artistic translation; translator's linguistic identity; interlingual communication; idiolect.

УДК 821.221.18.032+81'255.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-70-88

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Личность автора и личность переводчика: столкновение позиций и творческий синтез

© Дзапарова Е. Б., 2024

1. Введение = Introduction

Художественный перевод по праву считается наиболее сложным видом межкультурной коммуникации, поскольку текст на переводящем языке (ПЯ) не только отражает окружающую действительность через смыслы и образы, но и запечатлевает творческую манеру — идиостиль своего создателя, вместе с тем раскрывая личность самого переводчика. Художественный перевод как процесс есть акт речевой коммуникации двух творческих личностей: автора и переводчика. При их взаимодействии в процессе перевода непременно сталкиваются этнические, психологические, временные и другие факторы, обнаруживается несовпадение лингвокультур.

Вопрос о языковой личности [Караулов, 1987] переводчика является актуальным в поле зрения современного переводоведения [Романова, 2015; Шевченко, 2005]. Вопросы о роли личности переводчика и ее влиянии на переводной текст (ПТ), о мере проявления индивидуальности переводчика входят в круг задач многих исследователей в области когнитивной лингвистики. Учеными, в частности, исследуется мера проявления личности переводчика в его национально-культурных особенностях [Осипова, 2013], в стратегиях перевода [Волкова, 2012], субъект переводческой коммуникации рассматривается как «дискурсивная личность... обладающая широким набором компетенций» [Новикова, 2017, с. 99]. В ряде работ поднимается проблема языковой личности переводчика как отражение антропоцентрического подхода в переводоведении [Иванова (Шелингер), 2017; Кушнина, 2016].

Цель нашего исследования — рассмотреть факторы, влияющие на отражение позиции автора и переводчика в художественном переводе (их степень проявления), особенности взаимодействия (или столкновения) в художественном переводе двух языковых личностей, вовлеченных в переводческий процесс.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данном исследовании впервые на материале переводной осетинской литературы рассматривается степень проявления в разных видах художественного перевода личности автора и переводчика, поднимается вопрос о влиянии роли личности переводчика на конечный результат переводческой деятельности — текст, на его pragматическую адекватность. В статье используются описательный, сравнительно-сопоставительный, структурно-семиотический методы исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проявление личностей автора и переводчика при переводе художественного текста

Передача текста транслятором из одной языковой системы в другую охватывает следующие этапы: выбор текста → предпереводческий анализ (знакомство с текстом, изучение и постижение, восприятие и осмысление, анализ, выбор схемы и тактики перевода) → процесс перевода (интерпретация текста на языке перевода) → ввод текста в культуру другого народа [Сокаева и др., 2023, с. 104]. Личность переводчика проявляется на различных уровнях коммуникации: от выбора переводимого текста до его порождения на ПЯ. Переводчик, выступая медиатором между исходной и переводящей культурами, стремится к естественному транспонированию текста в новое языковое пространство. Передача интенций автора — основа мотиваций переводчика. Ориентация на личность автора подразумевает невербальное общение переводчика с автором. И от способности переводчика вжиться в образ автора, понять и воспроизвести его этические и эстетические взгляды зависит совместимость и сотрудничество участников двуязычной коммуникации либо конфликт между ними. Как указывают В. В. Сдобников и О. В. Петрова, чтобы перевод стал сотрудничеством, транслятору текста необходимы глубокие знания творчества писателя, его биографии, знакомство с литературной критикой об исходном тексте, историей его создания, а также он должен исходить из собственных впечатлений. Только при таком подходе, — заключают авторы, — возможны перевоплощение переводчика в эстетическую систему писателя и создание полноценного (адекватного. — Е. Д.) перевода [Сдобников и др., 2008, с. 410].

При этом переводчик сталкивается с дилеммой: ориентироваться на автора и текст оригинала либо на текст перевода и менталитет реципиента. Подчиниться творческому мышлению автора или проявить свой творческий потенциал? Выбор инварианта перевода становится решающим для переводчика.

Декодирование исходной информации на язык перевода предусматривает владение языками, вовлеченными в переводческий процесс. Но и уровень знания языков, с которого осуществляется перевод и на который переводится текст, еще не гарантирует создание полноценного художественного текста. Так как в переводческом процессе участвуют не только разные языки, но и культуры, то мы считаем допустимым говорить о «билингвистичности» и «бикультурности» перевода. Большие ограничения на качество перевода и возможности переводчика накладывает незнание им языка оригинала, отсутствие у него фоновых знаний о культуре носителя исходного языка. Как показывает практика перевода, редки случаи, когда переводчик бывает двуязычным, «чистым» билингвом. Незнание языка оригинала ограничивает переводчика и в правильном осмыслении запечатленных в нем интенций автора, в способности вжиться в ткань переводимого произведения, влияет и на выбор стратегий перевода. Недостаточно точно понятая авторская концепция может наложить отпечаток вольности на текст перевода. Переводчик навязывает реципиенту свое эстетическое видение оригинала, где индивидуальность переводчика превалирует над авторской или попросту может с ней не совпадать.

Более сложный вид переводческой коммуникации формируется при условии, когда переводчик сам писатель. Особенno ярко проявляется индивидуальность, самобытность у переводчика, обладающего художественным талантом. Используя свой творческий потенциал, переводчик может либо создать текст, близкий к эстетической системе автора, полностью переключившись на его манеру, копируя стиль, либо создать свое произведение по мотивам оригинала. При подобной демонстрации переводчиком собственного литературного «я» столкновение его мировоззрения с мироощущением создателя оригинала неизбежно, а художественная картина мира, отраженная автором в произведении, бывает подменена другой системой представлений об окружающем мире. Талантливый писатель может быть посредственным переводчиком. И наоборот, слабые произведения, благодаря мастерству переводчика, обретают высокохудожественный уровень. Нередко текст в переводе становится настолько независимым от оригинала, что узнать в нем подлинник невозможно. Художественно воплощенная в литературном произведении авторская концепция действительности, ограниченная субъективным пониманием и отражением, интерпретируется на языке перевода близкой к оригинальному творчеству самого писателя-переводчика идейно-художественной концепцией. Поэтому для расшифровки смыслового кода ПТ нередко приходится обращаться к его оригинальным текстам.

3.2. Художественный перевод как отражение собственной картины мира поэта-переводчика

Осетинскую поэзию в 1950—80-х годах переводили известные русские поэты, профессиональные переводчики, демонстрировали всесоюзному читателю художественный опыт как классиков осетинской литературы, так и молодых авторов. Однако не всегда их переводческий метод позволял объективно отразить позицию автора, глубинный смысл оригинального текста. Поэт-переводчик, становясь соперником автора, навязывал ему собственную творческую манеру, заслонял профиль автора своим переводческим лицом.

Подобное «заслонение» складывалось из-за отсутствия у переводчика ряда профессиональных компетенций, особенно вследствие незнания языка, культуры народа, психологической составляющей его уклада жизни и т. д. Так, по причине отсутствия у большинства переводчиков лингвистической и культурологической эрудиций произведения, например, основоположника осетинской литературы К. Л. Хетагурова на русском языке противоречат стилистическим, эстетическим и другим принципам оригинала и в конечном итоге теряют авторское своеобразие. Процесс национального освоения перевода происходит с помощью единиц языка, асимметрично отражающих запечатленную в художественном произведении действительность.

Значительно упрощает работу переводчика, не знающего язык оригинала, наличие подстрочника. Становясь промежуточным звеном, посредником между автором и переводчиком, подстрочник, по мнению Л. Г. Портера, способен «передать смысловые и лексические нюансы оригинала в той мере, в какой переводчик, погруженный в иноязычную культуру и ее язык, способен чувствовать эти нюансы» [Цит. по: Никонова, 2008, с. 180]. В зависимости от использованного типа подстрочника (дословный перевод слов оригинала; комментирующий перевод, облегчающий понимание подлинника, способный запечатлеть стиль, оригинальность автора) результатом работы переводчика становятся художественные тексты, близкие к эстетической системе, языковому сознанию реципиента, тексты, не потерявшие свою инородность (см. переводы Н. Заболоцкого, С. Шервинского). В противном случае перед нами осознанное игнорирование подстрочника (с подробными пояснениями, примечаниями) и создание вольного перевода, близкого к чистой поэзии.

Осетинскую поэзию на русский язык в основном переводили по подстрочникам, созданным специально для дальнейшего перевода текста в другую языковую и эстетическую систему. Однако не всегда подстрочки могли удовлетворять заданным в оригинале лингвистическим и

стилистическим нормам языка. При подобной «подаче» оригинала прочувствовать индивидуальный стиль автора невозможно. И здесь уже поэт-переводчик «фактически создавал самостоятельное произведение на основе подстрочника» [Тарасова, 2017, с. 87]. Становится очевидным, что адекватность ПТ зависит и от компетентности автора подстрочника. Так, качество подстрочников, с которых А. Ахматова осуществляла переводы осетинской поэзии, не позволяло отразить лексические особенности языка. Подстрочки не отличались точностью, не были снабжены подробной исторической справкой, транскрипцией, вследствие чего ей не раз приходилось «дорабатывать уже опубликованный перевод на основе нового подстрочника» [Найфонова, 2014, с. 69—70].

Переводчик, создающий на иноязычном материале иную версию исходного текста (ИТ), — соучастник процесса, при котором продуцируется вторичный текст, а следовательно, он становится соавтором. Исследовательский опыт в области художественного перевода осетинской литературы на русский язык позволяет нам привести несколько примеров, в которых имплицитно или эксплицитно больше проявляется творческая позиция переводчика, нежели автора. В процессе создания смысла и его декодирования на другом языке роль переводчика амбивалентна: он не только медиатор, посредник, но и полноправный участник коммуникации: автор = переводчик → читатель.

Стратегии поэта и переводчика совмещались в творчестве В. Т. Шаламова. Талантливый поэт и не менее талантливый прозаик свою творческую энергию в 1950-х — начале 1970-х годов направлял и на художественный перевод, главным образом с языков национальных республик. Отлученный от оригинальной литературы за «антисоветскую пропаганду», Шаламов мог открыто выражать свой жизненный и литературный опыт только в переводе.

При переводе осетинских поэтов наблюдается намеренное изменение Шаламовым авторского стиля. Вместе с тем в некоторых переводах смешаются смысловые доминанты текста в плоскость оригинального творчества поэта. Примером может послужить перевод стихотворения Б. Муртазова «Окрыленный Осетией», в котором выражается идея возвращения к поэзии после застоя. Тема, близкая для переводчика, находит воплощение на русском языке в новых для автора оригинала смыслах. Ср.:

*Мæ зарджытæ дæ баҳтыл
Күы нæ уадзор сæ дугъ,
Мæ зæрдаіы дæ хæхтæ
Күы нæ хæссон аедзух* [Муртазов, 1961, с. 4].

*Мои песни на твоих конях
Если не будут пускаться вскачь,
В моем сердце твои горы
Если не буду носить постоянно* (подстрочный перевод наш. — Е. Д.).

*Не будут кони в песне
На бешеном скаку
Все ярче и прелестней
Вызыванивать строку* [Муртазов, 1963, с. 68].

В этой строфе обращает на себя внимание развернутая метафора, которую вводит переводчик в последних двух строках: *Не будут кони в песне... вызыванивать строку*. В словосочетание *вызыванивать строку* (контаминация картины и звука) Шаламов вложил глубокий смысл, символический подтекст. В лексеме *вызыванивать* ('вызывать звоном' [Даль, т. 1, с. 295], 'звонить в колокол длительно и отчетливо' и 'исполнять ударами в колокола, бубенцы и т. п. что-л. музыкальное' [Ефремова, 2006, с. 379]) выражена тема колокола, которая часто представлена «в творчестве поэтов, в той или иной мере не принимаемых официальной культурой» [Лассан, 2014, с. 69] (набат в колокол как выражение тревоги, грядущей опасности). В другом стихотворении упомянутого автора «Ялтинские картины» Шаламов заменяет образ Мефистофеля Люцифером. По функциональным признакам подобная трансформация не кажется ошибочной: оба персонажа выступают персонификацией зла. Однако Люцифер, нередко трактуемый в поэзии как отверженный ангел, восставший против Бога (см. [Метц, 2008, с. 58]), у Шаламова «в переводе может восприниматься как страдалец, изгнаник (аналогия с самим поэтом-переводчиком)» [Дзапарова, 2022, с. 198].

Автору оригинальных строк Б. Муртазову не довелось пройти такие же испытания судьбы, какие выпали на долю В. Шаламова, поэтому эти строки на русском языке чужды его жизненному опыту. Стараясь соединить в данных строках две творческие ипостаси — автора (запечатлевая его художественную концепцию) и переводчика, В. Шаламов больше выражает свой личный жизненный опыт и демонстрирует низкую степень адаптивности при отражении художественного метода автора. Авторская индивидуальность Шаламова здесь доминирует над переводческой. Представленный отрывок менее соответствует тексту перевода, а больше — новому оригинальному произведению. Перед нами не сотворчество двух концептуальных систем автора и переводчика на основе перевода, а перевод-подражание, где переводчик проявляет в значительной мере свою творческую индивидуальность. Именно из опасений потенциальной не-

компетентности переводчика осетинские поэты нередко отказывались от представления своих произведений русскоязычной аудитории в переводе (например, Г. Плиев, Н. Джусойты, Ш. Джикаев).

3.3. Авторизованный перевод как процесс сотворчества автора и переводчика

Определенной формой сотворчества автора и переводчика является авторизованный / авторизированный перевод. Но речь идет не о переводах, формально утвержденных на заключительном этапе автором ИТ, а переводы, сделанные при относительно равном участии автора и переводчика. Фрагментарное участие переводчика при исключительном участии автора не свидетельствует о равноправном проявлении их коммуникативных установок в одном переводе. Синтез «представителей двух лингвокультурных общностей» [Томахин, 1997, с. 130] с индивидуальным мировосприятием и определенной системой культурных ценностей на основе осетинского и русского языков наблюдается в творчестве прозаиков середины XX века. Авторизация становится особенно популярной в осетинской литературе в форме литературного наставничества по отношению к национальным писателям, сложившегося в советской культурной практике 1930—1950-х годов [Цориева, 2022, с. 56]. Процесс сотворчества двух писателей в художественном переводе содействовал появлению между ними многолетних профессиональных и личностных отношений. Примером сотворчества и впоследствии дружбы могут служить взаимоотношения осетинских литераторов Д. Мамсурова, М. Цагараева, Т. Джатиева с русскими писателями Ю. Либединским, Л. Либединской, Б. Руниным и др. Автор и переводчик в процессе перевода были в постоянном контакте, согласовывали любые изменения, вносимые в текст и замысел автора. Сотрудничество автора и переводчика наблюдалось в выборе переводческого метода (текст больше соответствует адекватному переводу, в котором содержание и форма соответствуют категориям оригинала), межъязыковых преобразований — переводческих трансформаций, минимизирующих расхождения в каждом из уровней ИЯ и ПЯ (фонетический, лексический, грамматический, синтаксический). Проблема передачи национально-культурной специфики осетинских текстов при переводе накладывала ограничения на стратегии переводчика. Понимание и передача интенций автора в плане страноведческой информации нередко требовали дополнительных объяснений и комментирования самого автора, которые позволяли избегать насыщения текста лжереалиями. В случае отсутствия у переводчика при авторизации знаний о системе ценностей той нации, о которой идет речь в произведении, в равнозначном понимании инокультурного контекста решающая роль отводится самому автору. Интеграция на каждом этапе перевода автора и

профессионального переводчика (от выбора текста до ввода в иноязычное культурное пространство) дала ряд замечательных произведений осетинской прозы на русском языке. Так, авторизованный перевод романа В. Малиева «Дом Сурме» (см. [Малиты, 1974], [Малиев, 1986]) демонстрирует сохранение доминантных для самого автора смыслов. Речь идет не только о передаче содержания ИТ, отражении в переводе морально-нравственных проблем, поднимаемых в произведении, декодировании лингвистических особенностей, но и о способности ориентироваться на внеязыковую, фоновую информацию. Переводчик А. Вольнов продемонстрировал способность вжиться в мироощущение писателя, вникнуть в авторскую эстетику и систему его этических взглядов. Опираясь на авторскую концепцию, переводчик пересоздает национальную картину мира, запечатленную в романе, в которой главенствующее место отводится женщине — хранительнице «деревенского мира», выступающей своего рода оберегом фарна, благодати своего села. Таким образом, адекватное постижение переводчиком художественной действительности, запечатленной автором в произведении, способствует рациональному формированию в сознании реципиента национальной картины мира этноса.

3.4. Соперничество и сотрудничество субъекта повествования в авторском переводе

Феномен авторского перевода в осетинской литературе позволяет рассматривать обозначенную проблему и в этом виде перевода. Как быть, когда автор и переводчик одно лицо? Соперничает ли переводчик с автором (с самим собой) при абсолютном равноправии ролей? Или роль переводчика и здесь вторична? Должен ли автор-переводчик быть биполярным, размышлять как автор и как переводчик? Наличие у автора-переводчика компетенций — знание языков, культур — заставляет его все равно думать в разных мыслительных плоскостях, так как доминирующей компетенцией является ориентация на реципиента, в частности на «систему образов, на менталитет представителей иной культуры» [Сдобников и др., 2008, с. 402].

Мнение исследователей о двух полноценных вариантах, имеющих равный статус по отношению к самому произведению, а не о его двух копиях, находит выражение в авторском переводе (В. Н. Базылев, Н. М. Нестерова). Но только абсолютное двуязычие субъекта повествования / субъекта переводческой деятельности, равное владение двумя языками на высоком уровне позволяет ему воспроизвести свою индивидуальную форму видения мира на материале другого языка. О равнозначности ролей автора и самопереводчика в процессе создания текста (оригинала и перевода) высказывался писатель и критик, автор переводов собственных произведений Т. Бесаев: «Когда автор переводит, он неизбежно пишет за-

ново, заново переживает ситуацию и судьбы героев, заново входит в то творческое настроение, в ту, если угодно, психологическую ситуацию, как и при создании оригинального произведения» [Бесаев, д. 28, л. 21]. Недооценка им межкультурных различий чревата тем, что текст в переводе не воспринимается той средой, для которой предназначен. Насыщение страноведческой информацией или, наоборот, игнорирование законов построения текста, господствующих в иноязычной литературе, способствует формированию совершенно иных впечатлений от произведения, иных ассоциаций в другой этнокультурной среде. И здесь возникает оппозиция автор ↔ самопереводчик.

Склад мышления создателя первичного и вторичного текстов все равно разграничивает в сознании языки на родной и приобретенный. Как правило, первоначально произведение создается на родном, а затем переводится автором на язык приобретенный. При создании самоперевода автор меняет язык произведения (ориентируется на лексическую, синтаксическую, фразеологическую системы языка перевода), но сохраняет «культурно-исторический фон» той действительности, которая единожды была воспроизведена в оригинале, «копираясь на прошлый опыт, связанный с пребыванием в старой (родной) среде, и опыт, полученный в новой культурной среде» [Хованская и др., 2014, с. 1308]. Поэтому сохранение национального колорита актуализируется в переводных произведениях, наиболее близких к народной тематике.

При традиционном переводе транслятор выполняет, как известно, ряд дополнительных опций. Перевод ИТ в другую языковую систему начинается с декодирования оригинала — с понимания его смысла, информации о народе, его языке и культуре. Только после постижения смысла ИТ происходит кодирование — порождение текста на языке перевода.

В авторском переводе, казалось бы, субъективный фактор отсутствует, у переводчика нет необходимости тратить время на понимание текста, определение индивидуального стиля автора, но границы субъективности нередко проявляются в другом. Контаминация в самопереводе в одном лице автора и переводчика не гарантирует создание равноценного оригиналу перевода. Степень эквивалентности нарушается чаще всего в передаче национального колорита в случае, когда ориентация на принимающую культуру является доминирующей и переводчик пытается акцентировать внимание на экзотике текста или подчеркивает его чужеродность для исходной культуры. Риска межкультурной интерполяции не избежать. С другой стороны, нередки переводы, в которых автор пытается сказать недосказанное в оригинале. Например, пытается усовершенствовать ранее написанный текст: дописывает или убирает некоторые отрывки, меняет смысл,

начиная с заглавия. При подобном подходе текст будет и восприниматься по-иному. Мысль Е. Г. Эткинда о рациональности перевода собственных произведений, «...потому что доверить текст другому человеку — все равно, что отдать часть своего тела, часть своей крови кому-то, кто этим будет распоряжаться по своему разумению» [Эткинд, 2004, с. 596], не всегда находит свою реализацию на практике. Проблема адекватности актуальна не только для традиционного перевода, но и для авторского. Чрезмерная вольность способствует позиционированию разноязычных текстов уже в противоположных художественно-эстетических плоскостях как полноценные явления родной и принимающей культурной традиции.

Соперничество автора и переводчика в рамках автоперевода имеет место там, где создатель текста, как бы соревнуясь с самим собой, пытается полностью перевоплотиться, абстрагироваться от первоначального варианта и создает новое произведение в другой языковой и культурной среде, воплощает не реализованный прежде замысел. В том же случае, когда в переводе над ним доминирует собственное авторское лицо, он с точностю воспроизводит лингвистические, синтаксические и др. особенности ИЯ, но остается в рамках чужой для реципиента культуры. Адаптация особенностей ПЯ, законов построения произведения и при этом избегание подмены своего колорита чужим — наиболее оптимальный вариант при создании художественного текста в переводе.

В осетинской литературе существуют примеры сюжетно-композиционной адаптации в авторском переводе. Так, в русскоязычном варианте романа «Адәймаджы мәләт» Н. Джусойты убирает отрывки, насыщенные культурно-маркированной лексикой и дающие читателю понимание о духовной обрядности осетин, в переводе также отсутствуют заключительные строчки повести — рассуждения автора и цитаты о смысле жизни, о месте человека на земле, о судьбе каждого человека — составляющие лейтмотив всего произведения (см. [Нафи, 1976; Джусойты, 1981]). И наоборот, в переводе Н. Джусойты дополняет ПТ новой информацией (например, приводит притчу о знании смертного часа, добавляет главы о радио), меняет местами сюжетные линии. Принцип адекватности нарушен в заглавии повести. Исходное название повести «Адәймаджы мәләт» (досл. «Смерть человека») в переводе интерпретируется как «Возвращение Урузмага». В произведении тема смерти является стержневой. Она заключена и в заглавии осетиноязычного текста. По мнению И. В. Мамиевой, уже в названии автор помещает мысль об извечной борьбе человека со смертью, в конечном счете отражая его духовную победу [Мамиева, 2019, с. 235]. Меняя заглавие произведения, переводчик реализует иную авторскую концепцию, закладывает в его русскоязычный вариант глубокий смысл. Речь

идет не только о возвращении героя к истокам и к своим корням, к родным местам. Н. Джусойты «еще раз хотел подчеркнуть, что такие люди, как Урузмаг, не умирают, а возвращаются и живут в человеческой памяти вечно» [Дзапарова, 2012, с. 66]. Так, в образе главного героя Урузмага писатель воплотил человека, несущего людям благо, оставляя добрую память о себе и после смерти. «Прощаясь с жизнью, — пишет Н. Высоцкая, — он не сжигает мостов, а как бы прокладывает их в будущее» [Высоцкая, 1978]. Размышляет над заглавием повести Н. Джусойты и А. Х. Газдарова, трактуя смысл понятий «возвращение» и «уход»: «Повесть учит человека жить красиво и умереть с честью. Автор поступил правильно, что про Урузмага сказал “ушел”. То же самое сказал Распутин о своей старухе Анне в повести “Последний срок”. Такие люди, как Урузмаг и Анна, не умирают. Они своими душевными качествами, человеческими свойствами становятся бессмертными. И Урузмаг “уходит” своим началом вторую часть своей жизни» [Газдарова, 2002, с. 133] — уже в памяти людей.

Двойственная природа переводчика проявляется и при передаче лексических единиц с ярко выраженной национальной спецификой, в переводе идиом эквивалентами, близкими к принимающей культуре. При столкновении двух языковых систем приоритетным для переводчика местами становится русский язык, менталитет носителя языка принимающего. Поэтому Джусойты вводит в текст, например, фраземы с тождественными принимающему языку или близкими образами и значениями: *показывать зубы, над душой смерть стоит, всегда себе на уме, тянуть свою лямку, солдат свое дело сделал, кто с зарей встает, того удача ждет!, от добра добра не ищут* и т. д. Однако подобное не наблюдается при передаче безэквивалентной лексики — слов, называющих предметы быта, социально-исторические и культурные объекты, принадлежащие носителю ИЯ и чуждые другому народу. Автор / переводчик избегает насыщения текста культурно-маркированной лексикой ПЯ даже там, где можно было подобрать аналог по функциональному признаку, или использует описательный перевод — объясняет реципиенту значение той или иной реалии при помощи трансформированного соответствующим образом контекста: *уайсадын — сноха, по обычаю, не могла говорить со свекром; чындоzхасджыстае — гости из рода женника* (существует аналог *поезжане*) и т. д.

Содержательно-формальные расхождения с оригиналом наблюдаются в авторском переводе повести Т. Джатиева «Мои седые кудри». Автор-переводчик на русском языке пытается воплотить не реализованные в оригинале идеи. Поэтому перевод ИТ сопровождается не только его порождением в новой лингвокультурной среде, но и параллельной актуализацией на русском языке информации, связанной с имеющимися у самопереводчика

фоновыми знаниями. Т. Джатиев дописывает отсутствующие в оригинале три главы — знакомит реципиента со свадебной традицией осетин. Авторство также позволило сократить некоторые эпизоды.

Таким образом, представленные примеры из осетинской литературы демонстрируют смену в рамках автоперевода исходной художественной концепции. Самопереводчик, словно соревнуясь с самим собой, пытается заложить в ПТ дополнительный смысл, что придает ему в некоторых фрагментах статус самостоятельного произведения, независимого от оригинала. С другой стороны, переводчики с родного языка на язык приобретенный «склоняются к языку-рецептору» [Nida, 1975, с. 97] — местами заменяют ФЕ, реалии инокультурными понятиями. Порождение новых смыслов необходимо для естественного интегрирования ПТ в новое культурное пространство.

4. Заключение = Conclusions

Итак, проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

1. Художественный перевод предоставляет переводчику возможность реализовать на своем языке сходную иллокцию автора. Для этого он становится солидарен с автором в оригинальной трактовке идей, концептов и старается воспроизвести их равноценными лингвистическими, синтаксическими средствами ПЯ. Подобный текст будет равнозначен исходному и по своему pragматическому потенциалу. Перлокутивный эффект достигается при адекватном воспроизведении в переводе лингвокультурного кода оригинального текста.

2. Столкновение творческих позиций автора и переводчика в традиционном художественном переводе наблюдается в случае реализации на этапе создания переводчиком текста на ПЯ собственной художественной концепции. В процессе межкультурной коммуникации личность переводчика доминирует над авторской. Текст перевода, создаваемый талантливым писателем, демонстрирует своеобразие индивидуального стиля переводчика, а не автора. Взяв за основу идею оригинала, он создает новое произведение по законам той литературной традиции, для которой создается текст. Интерпретировать подобные художественные произведения, на наш взгляд, необходимо в рамках индивидуального творчества писателя / поэта и той национальной литературы, на языке которой они вновь создаются.

3. Сотворчество автора и переводчика в авторизованном переводе осуществляется на каждом этапе перевода. Роли участников в межъязыковой коммуникации распределены по принципу активен ↔ пассивен. На этапе знакомства с текстом, его изучения и осмыслиения позиция автора более активна. Автор активизирует в сознании переводчика исходные концепты-понятия, не-

обходимые фоновые знания, объясняет заложенный в оригинале смысловой код. Роль переводчика активна на этапе выбора переводческих стратегий и непосредственно в процессе интерпретации текста на языке перевода. Подобный творческий tandem автора и переводчика позволяет точно определить переводческие доминанты и воспроизвести инвариант в переводе.

4. Целостность сознания писателя-билингва не предотвращает от столкновения двух художественных картин мира в авторском переводе. Автор, зная все тонкости оригинала, с одной стороны, способен избежать субъективизма в переводе. С другой — намеренно отказывается от создания копии оригинала и старается реализовать в переводе не реализованную ранее идею. Автоперевод обретает промежуточный статус между художественным переводом и текстом оригинала, так как разрушает в сознании автора-переводчика языковые и культурные преграды, что позволяет ему создать полноценный текст и на другом языке.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Бесаев Т. Статьи и черновые наброски по вопросу об авторском переводе / Т. Бесаев // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Отдел «Литературоведение». Ф. 58. Оп. 1. Д. 28.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Санкт-Петербург ; Москва : Типография М. О. Вольфа, 1880. — Т. 1 : А–З. — 723 с.
3. Джусойты Н. Г. Возвращение Урзумага. Повесть. С осетинского перевел автор / Н. Г. Джусойты // Реки вспять не текут. Повести. — Москва : Советский писатель, 1981. — С. 3—139.
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Астрель, 2006. — Т. 1 : А–Л. — 1165 с. — ISBN 5170295219.
5. Малиев В. Г. Дом Сурме: роман / авторизованный перевод с осетинского А. Вольного / В. Г. Малиев. — Орджоникидзе : Ир, 1986. — 288 с.
6. Малиты В. Г. Дом Сурме. Роман / В. Г. Малиев. — Орджоникидзе : Ир, 1974. — 358 с. (на осет. языке).
7. Муртазов Б. Земные дороги : стихи ; пер. с осет. / Б. А. Муртазов. — Москва : Советский писатель, 1963. — 87 с.
8. Муртазов Б. Осетия окрыленная : стихи / Б. А. Муртазов. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1961. — 126 с. (на осет. яз.).
9. Нафи. Смерть человека (Повести) / Нафи. — Цхинвал : Иристон, 1976. — 300 с. (на осет. языке).

Литература

1. Волкова Т. А. Стратегия перевода как параметр изучения языковой личности переводчика / Т. А. Волкова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2012. — № 6. — С. 192—209.

2. Высоцкая Н. Выйти за предел / Н. Высоцкая // Литературная газета. — 1978. — № 32. — С. 3—14.
3. Газдарова А. Х. История и современность в художественной интерпретации Нафи Джусойты / А. Х. Газдарова. — Владикавказ : Ир, 2002. — 140 с. — ISBN 5-7534-0903-2.
4. Дзапарова Е. Б. Автоперевод как вид художественного перевода в осетинской литературе / Е. Б. Дзапарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 5 (16). — С. 65—69.
5. Дзапарова Е. Б. Варлам Шаламов — переводчик Бориса Муртазова / Е. Б. Дзапарова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 79. — С. 190—207. — DOI: 10.17223/19986645/79/10.
6. Иванова (Шелингер) Т. Н. Антропоцентрическая парадигма в переводческом аспекте / Т. Н. Иванова (Шелингер) // STUDIA LINGUISTICA. — 2017. — № 26. — С. 209—217.
7. Карапулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Карапулов ; отв. ред. Д. Н. Шмелев. — Москва : Наука, 1987. — 261 с.
8. Кушнина Л. В. Языковая личность переводчика в свете современных научных парадигм / Л. В. Кушнина // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкоznания и педагогики. — 2016. — № 4. — С. 75—85.
9. Лассан Э. Колокол как политический символ русской культуры (на материале русского поэтического дискурса) / Э. Лассан // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 62—71.
10. Мамиева И. В. Художественный мир Нафи Джусойты в контексте духовно-нравственных исканий осетинской культуры середины XX — начала XXI вв. / И. В. Мамиева // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Н. Ванеева. — 2019. — № 42. — С. 223—259.
11. Метц Э. Прометей и Люцифер в творчестве Константина Бальмонта / Э. Метц // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2008. — Т. 67. — № 2. — С. 53—59.
12. Найфонова Ф. Т. Анна Ахматова — переводы из осетинской поэзии / Ф. Т. Найфонова // Известия СОИГСИ. — 2014. — Выпуск 11 (50). — С. 67—74.
13. Никонова Н. Е. Подстрочник поэтического текста : история, типология и роль в межкультурной коммуникации / Н. Е. Никонова // Сибирский филологический журнал. — 2008. — № 1. — С. 179—189.
14. Новикова Э. Ю. Дискурсивная личность переводчика : переводческие компетенции и ролевой портрет / Э. Ю. Новикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкоznание. — 2017. — Т. 16. — № 3. — С. 90—102. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.9._
15. Осипова И. С. Национально-культурные особенности языковой личности переводчика / И. С. Осипова // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. — 2013. — № 1. — С. 82—87.
16. Романова М. С. А. А. Тарковский как языковая личность : способы репрезентации в поэтическом тексте : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Марина Сергеевна Романова. — Махачкала, 2015. — 22 с.
17. Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. — Москва — Владимир : АСТ, 2008. — 448 с. — ISBN 978-5-17-037815-9.
18. Сокаева Д. В. Осетинская историко-героическая песня о куртатинцах : генезис, перевод, исполнение / Д. В. Сокаева, Е. Б. Дзапарова, Дз. М. Дзлиева // Известия СОИГСИ. — 2023. — Выпуск 47 (86). — С. 99—113. — DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.001.

19. Тарасова М. А. О двойственности роли переводчика поэзии и о разделении ролей / М. А. Тарасова // Слово.ру: балтийский акцент. — 2017. — Т. 8. — № 4. — С. 81—90. — DOI: 10.5922/2225-5346-2017-4-7.
20. Томахин Г. Д. Перевод как межкультурная коммуникация / Г. Д. Томахин // Перевод и коммуникация. — Москва : Ин-т языкоznания РАН, 1997. — С. 129—137.
21. Хованская Е. С. Авторский перевод. Причины обращения / Е. С. Хованская, О. В. Праченко // Научный журнал КубГАУ. — 2014. — № 99 (05). — С. 1304—1314.
22. Цориева И. Т. Литературное наставничество в советской культурной практике : Ю. Н. Либединский и осетинские писатели / И. Т. Цориева // Известия СОИГСИ. — 2022. — Выпуск 43 (83). — С. 56—69. — DOI: 10.46698/VNC.2022.82.43.005.
23. Шевченко О. Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б. В. Заходера) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ольга Николаевна Шевченко. — Волгоград, 2005. — 255 с.
24. Эткинд Е. Здесь и там / Е. Г. Эткинд. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 637 с. — ISBN 5-7331-0282-9.
25. Nida E. A. Language structure and translation / E. A. Nida. — Stanford : Calif, 1975. — 230 p.

*Статья поступила в редакцию 20.04.2024,
одобрена после рецензирования 28.08.2024,
подготовлена к публикации 15.09.2024.*

Material resources

- Besaev, T. Articles and rough sketches on the issue of author's translation. *Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies (ON SOIGSI). Department of "Literary Studies". F. 58. Op. 1. D. 28.* (In Russ.).
- Dahl, V. I. (1880). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes, 1: A–Z.* St. Petersburg; Moscow: M. O. Wolf Printing House. 723 p. (In Russ.).
- Dzhusoity, N. G. (1981). The return of Uruzmag. The story. Translated from Ossetian by the author. In: *Rivers do not flow backwards. The story.* Moscow: Soviet Writer. 3—139. (In Russ.).
- Efremova, T. F. (2006). *Modern explanatory dictionary of the Russian language: in 3 volumes, 1: A–L.* Moscow: Astre. 1165 p. ISBN 5170295219. (In Russ.).
- Maliev, V. G. (1986). *House of Surme: a novel.* Ordzhonikidze: Ir. 288 p. (In Russ.).
- Mality, V. G. (1974). *Surme House. Roman.* Ordzhonikidze: Ir. 358 p. (In Osset.).
- Murtazov, B. (1963). *Earthly roads: poems.* Moscow: Soviet Writer. 87 p. (In Russ.).
- Murtazov, B. (1961). *Ossetia inspired: poems.* Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 126 p. (In Russ.).
- Nafi. (1976). *The Death of a Man (Novella).* Tskhinval: Iriston. 300 p. (In Osset.).

References

- Dzaparova, E. B. (2012). Self-translation as a type of literary translation in Ossetian literature. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 5 (16): 65—69. (In Russ.).
- Dzaparova, E. B. (2022). Varlam Shalamov — translator of Boris Murtazov. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 79: 190—207. DOI: 10.17223/19986645/79/10. (In Russ.).

- Etkind, E. (2004). *Here and there*. St. Petersburg: Academic Project. 637 p. ISBN 5-7331-0282-9. (In Russ.).
- Gazdarova, A. H. (2002). *History and modernity in the artistic interpretation of Nafi Dzhusoity*. Vladikavkaz: Ir. 140 p. ISBN 5-7534-0903-2. (In Russ.).
- Ivanova (Schelinger), T. N. (2017). The Anthropocentric paradigm in the translation aspect. *STUDIA LINGUISTICA*, 26: 209—217. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka. 261 p. (In Russ.).
- Khovanskaya, E. S., Prachenko, O. V. (2014). Author's translation. Reasons for the appeal. *Scientific journal of KubGAU*, 99 (05): 1304—1314. (In Russ.).
- Kushnina, L. V. (2016). The linguistic personality of the translator in the light of modern scientific paradigms. *Bulletin of PNRPU. Problems of linguistics and pedagogy*, 4: 75—85. (In Russ.).
- Lassan, E. (2014). The Bell as a political symbol of Russian culture (based on the material of Russian poetic discourse). *Political linguistics*, 2 (48): 62—71. (In Russ.).
- Mamieva, I. V. (2019). The artistic world of Nafi Dzhusoity in the context of the spiritual and moral quest of the Ossetian culture of the mid-twentieth — early twenty-first centuries. *Proceedings of the Z. N. Vaneev South Ossetian Scientific Research Institute*, 42: 223—259. (In Russ.).
- Metz, E. (2008). Prometheus and Lucifer in the works of Konstantin Balmont. *News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*, 67 (2): 53—59. (In Russ.).
- Naifonova, F. T. (2014). Anna Akhmatova — translations from Ossetian poetry. *Izvestiya SOIGSI*, 11 (50): 67—74. (In Russ.).
- Nida, E. A. (1975). *Language structure and translation*. Stanford: Calif. 230 p.
- Nikonova, N. E. (2008). The substring of a poetic text: history, typology and role in intercultural communication. *Siberian Philological Journal*, 1: 179—189. (In Russ.).
- Novikova, E. Y. (2017). The discursive personality of the translator: translation competencies and role portrait. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 16 (3): 90—102. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.9. (In Russ.).
- Osipova, I. S. (2013). National and cultural peculiarities of the translator's linguistic personality. *Current problems and prospects for the development of modern psychology*, 1: 82—87. (In Russ.).
- Romanova, M. S. (2015). *A. A. Tarkovsky as a linguistic personality: ways of representation in a poetic text*. Author's abstract of PhD Diss. Makhachkala. 22 p. (In Russ.).
- Sdobnikov, V. V., Petrova, O. V. (2008). *Theory of translation*. Moscow — Vladimir: AST. 448 p. ISBN 978-5-17-037815-9. (In Russ.).
- Shevchenko, O. N. (2005). *The linguistic personality of the translator (based on the material of B. V. Zahoder's discourse)*. PhD Diss. Volgograd. 255 p. (In Russ.).
- Sokaeva, D. V., Dzaparova, E. B., Dzlieva, D. M. (2023). Ossetian historical and heroic song about the Kurtatians: genesis, translation, performance. *Izvestiya SOIGSI*, 47 (86): 99—113. DOI: 10.46698/VNC.2023.86.47.001. (In Russ.).
- Tarasova, M. A. (2017). On the duality of the role of the translator of poetry and on the division of roles. *Word.<url>: Baltic accent*, 8 (4): 81—90. DOI: 10.5922/2225-5346-2017-4-7. (In Russ.).

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

- Tomakhin, G. D. (1997). Translation as intercultural communication. In: *Translation and communication*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 129—137. (In Russ.).
- Tsorieva, I. T. (2022). Literary mentoring in Soviet cultural practice: Y. N. Libedinsky and Ossetian writers. *Izvestiya SOIGSI*, 43 (83): 56—69. DOI: 10.46698/VNC.2022.82.43.005. (In Russ.).
- Volkova, T. A. (2012). Translation strategy as a parameter for studying the translator's linguistic personality. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 6: 192—209. (In Russ.).
- Vysotskaya, N. (1978). Go beyond the limit. *Literaturnaya gazeta*, 32: 3—14. (In Russ.).

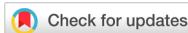
*The article was submitted 20.04.2024;
approved after reviewing 28.08.2024;
accepted for publication 15.09.2024.*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Мельник Н. В. Актуализация аксиологем в политическом дискурсе России и Китая (на материале новогодних обращений В. В. Путина и Си Цзиньпина) / Н. В. Мельник, И. В. Савельева, Е. В. Никифорова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 89—109. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-89-109.

Melnik, N. V., Savelieva, I. V., Nikiforova, E. V. (2024). Actualization of Axiolemmas in Political Discourse of Russia and China (New Year Addresses of V. V. Putin and Xi Jinping). *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 89-109. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-89-109. (In Russ.).

Scopus®

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ**Актуализация аксиологем
в политическом дискурсе
России и Китая
(на материале новогодних
обращений В. В. Путина
и Си Цзиньпина)**

Мельник Наталья Владимировна
orcid.org/0000-0001-9390-5842
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой
стилистики и риторики,
корреспондирующий автор
saikova@mail.ru

Савельева Ирина Викторовна
orcid.org/0000-0003-4437-8489
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры иностранных языков
saviren@mail.ru

Никифорова Елена Владимировна
orcid.org/0000-0003-1330-9536
ассистент кафедры
стилистики и риторики
sldrrsl@gmail.com

Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия)

**Actualization of Axiolemmas
in Political Discourse
of Russia and China
(New Year Addresses
of V. V. Putin and Xi Jinping)**

Natalya V. Melnik
orcid.org/0000-0001-9390-5842
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Stylistics and Rhetoric,
Corresponding author
saikova@mail.ru

Irina V. Savelieva
orcid.org/0000-0003-4437-8489
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department
of Foreign Languages
saviren@mail.ru

Elena V. Nikiforova
orcid.org/0000-0003-1330-9536
Assistant of the Department
of Stylistics and Rhetoric
sldrrsl@gmail.com

Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены результаты сопоставительного исследования ценностей, моделируемых на основе новогодних обращений политических лидеров России и Китая. Решается проблема поиска детерминант, предопределяющих их выбор в эпидейтическом тексте. Анализ новогодних обращений Владимира Путина и Си Цзиньпина 2019—2023 годов в лингвоаксиологическом аспекте позволил выделить концепты НАРОД и ПРАВИТЕЛЬСТВО, что указывает на важность тем, связанных с населением и представителями власти, в политических дискурсах обеих стран. Показано, что в поздравительных речах актуализированы витальные, политические, национально-культурные, морально-этические, экономические, экологические концепты. Установлено, что среди них наибольшее внимание в обращениях российского президента уделено репрезентации морально-этических концептов, в то время как в обращениях председателя КНР наиболее подробно представлены политические концепты. Выявлено, что в речах китайского политического лидера концепт ПРАВИТЕЛЬСТВО вербализован упоминанием политической партии страны, а также выражением личных чувств политика с помощью местоимения первого лица единственного числа. Результаты исследования позволили выявить факторы объективного и субъективного характера, детерминирующие выбор ценностных доминант, отраженных в новогодних обращениях политических лидеров России и Китая.

Ключевые слова:

лингвоаксиология; политическая лингвистика; аксиологемы; новогоднее обращение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents the findings of a comparative study on the values articulated in the New Year addresses of the political leaders of Russia and China. The research addresses the challenge of identifying the determinants that influence their choices within epideictic texts. An analysis of the New Year addresses delivered by Vladimir Putin and Xi Jinping from 2019 to 2023, approached from a linguo-axiological perspective, has highlighted the concepts of PEOPLE and GOVERNMENT, indicating the significance of themes related to the populace and representatives of authority in the political discourses of both countries. It is demonstrated that these congratulatory speeches actualize vital, political, national-cultural, moral-ethical, economic, and ecological concepts. Among these, the Russian President's addresses place the greatest emphasis on the representation of moral-ethical concepts, while the Chinese leader's addresses provide a more detailed presentation of political concepts. It has been revealed that in the speeches of the Chinese political leader, the concept of GOVERNMENT is verbalized through references to the country's political party and through the expression of personal sentiments using the first-person singular pronoun. The results of this study have identified both objective and subjective factors that determine the selection of value dominants reflected in the New Year addresses of the political leaders of Russia and China.

Key words:

linguistic axiology; political linguistics; axiologemes; New Year address.

УДК 81'42:395.82+808.51+394.48

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-89-109

Научная специальность ВАК

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Актуализация аксиологем в политическом дискурсе России и Китая (на материале новогодних обращений В. В. Путина и Си Цзиньпина)

© Мельник Н. В., Савельева И. В., Никифорова Е. В., 2024

1. Введение = Introduction

Исследования политического дискурса с позиции аксиологического подхода сегодня достаточно популярны и востребованы. Введение терминов и понятий этой довольно новой области философии в анализ дискурса способствует вскрытию глубинных механизмов, влияющих на языковую объективацию «нефизических сущностей», на интенциональный репертуар субъектов дискурса, на отбор политическими акторами дискурсивных стратегий и тактик.

Конструирование базовых политических идей ведется с опорой не только на политические ценности, но и на ценности морали, права, религиозных взглядов, не говоря уже о том, что вся политическая риторика пронизана субъектностью, оценочный модус детерминирует «привлекательность» политических идей для их адресата — общества. Ценностные смыслы определяют семантику, синтаксику и pragmatику политического слова, поэтому аксиологический ракурс дает возможность изучить системообразующие признаки и структуру политического дискурса на более глубинном уровне, представить его «в объемной проекции».

Исследование строится на анализе ценностей, реконструируемых на основе продуктов речевой деятельности лидера государства как субъекта политической коммуникации, частным проявлением которой является обращение с новогодним поздравлением к народу. Создаваемый при этом текст, с одной стороны, акумулирует ценности, с другой — является их транслятором, а потому заявленная в исследовании проблема может решаться в двух направлениях: 1) текстоцентрическом, в рамках которого изучается текст как хранитель ценностей, их отбор детерминирован в том числе и канонами жанра, а также типом дискурса, в котором текст функционирует; и 2) персоноцентрическом, в рамках которого изучению подвергается ценностное сознание (коллективное и индивидуальное) и аксио-

логическая картина мира представителей разных лингвокультур в целом и политических лидеров России и Китая в частности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Введение ключевых категорий аксиологии [Брожик, 1982; Perry, 1954]) в анализ политического текста, рассматриваемого в совокупности с экстравербальными факторами: социокультурными, историко-политическими, антропоцентрическими, коммуникативно-прагматическими, — выполнено в работах таких известных деятелей, как Е. В. Бабаева [Бабаева, 2004], И. Т. Вепрева, А. Мустайоки, Ц. Магсар [Вепрева и др., 2019], В. И. Карасик [Карасик, 2012], В. А. Марьинчик [Марьинчик, 2013], А. П. Чудинов [Чудинов, 2001] и др. Так, В. И. Карасик моделирует лингвосемиотическое пространство политического дискурса с позиции аксиологии, принимая во внимание разные лингвофилософские концепции и отмечая, что информативное и фасцинативное восприятие текста детерминирует формирование ценностного отношения к нему и к культуре в целом [Карасик, 2012]. Можно утверждать, что в русле лингвосемиотического подхода выявляется система знаковых презентаций, в итоге формирующих и транслирующих культурный код нации.

Последовательный и системный анализ медиаполитического текста выполнен в работе В. А. Марьинчик. Исследовательница разрабатывает целостную модель аксиологической структуры медиаполитического текста, демонстрирующую связь ценностной и оценочной составляющих, взаимодействие компонентов ценностной картины мира и категорий текста [Марьинчик, 2013]. Семантическое пространство политического дискурса сегодня во многом определяется объективацией в тексте модели субъекта — носителя ценности и его антагониста — носителя антиценности. В прагмасемантических исследованиях дискурса эти модели репрезентируются через оппозицию «свои — чужие» [Мельник и др., 2022; Молодыченко, 2015].

Большое значение в русле аксиологических исследований дискурса уделяется лингвистическим способам оценки. Понимание оценки и ценности разграничивается. Оценка — это суждение о значении того или иного понятия / объекта для личности. До сих пор в лингвистике базовым трудом по теории оценки в языке и речи является книга Н. Д. Арутюновой «Язык и мир человека» [Арутюнова, 1999]. Оценка в политическом дискурсе имеет различные способы презентации и является одной из смыслообразующих категорий. Типология оценки строится на разграничении рационального и иррационального познания [Бабаева, 2004; Телегина, 2021].

С социокультурной точки зрения политический дискурс рассматривается как субъект-субъектное взаимодействие, опосредованное текстом,

при этом и адресат, и адресант являются носителями определенных социальных ценностей. Подчёркивается существенная роль ценностей при оформлении дискурсивных типов и жанров [Асмус, 2021; Карасик, 2012 и др.].

Фундаментальными в этом направлении являются труды представителей критического анализа дискурса. В работах Т. ван Дейка, Н. Фэйерклафа, Д. Матисона, Р. Водак, Д. Шиффрин, Д. Таннен, А. Яворски и др. показано, какие ценности транслируются через дискурс и как ценности и нормы конструируются в дискурсе. Большой вклад сделан зарубежными представителями критического анализа дискурса в исследование медиаполитического дискурса. В дискурсе транслируются идеологически окрашенные смыслы, которые влияют на сознание адресата и либо созвучны с его ценностной картиной мира, либо формируют у него принятие комплекса ценностей и идеалов, которые навязываются ему извне [Матисон, 2017; Dijk, 1993; Fairclough, 1998; Schiffrin, 1994].

С историко-политической точки зрения каждая формация сопровождается формированием и легитимизацией определенных политических идеалов, редефинированием и корректировкой образа власти и системы ее взаимоотношений с обществом. Аналитический взгляд на политический дискурс, порождаемый в рамках той или иной формации, позволяет проследить последовательное узаконивание системы аксиологических координат, в которой функционирует общество.

Носителем ценностного мира и его выразителем является языковая личность. В политических исследованиях это в первую очередь личность политического деятеля. Производство дискурса бесспорно репрезентирует его политическую картину мира [Цущиева, 2019]. В свою очередь, второй антропоцентр — адресат, воспринимающий и интерпретирующий политический дискурс лидера — волен встраивать транслируемую точку зрения в свою обыденную картину мира. В результате формируется понятийно-аксиологическое поле, которое структурировано согласно осиям «политическое vs повседневное». В этой системе координат немаловажную роль играет ценностная парадигма лингвокультуры [Пикулева, 2019; Савельева, 2022; Linguistic-personological strategies ..., 2022].

Связанное с трансляцией ценностей в политическом дискурсе понятие легитимизации также имеет ценностную основу, сопряженную со сложившимися в обществе правовыми нормами. Кроме того, легитимизация выражается и в осознании себя как субъекта, обладающего правом принимать одни нормы существования в социуме и отвергать другие. Оправдание принадлежности к узким группам также ценностно-ориентировано [Проблема легитимизации ..., 2021].

В рамках настоящего исследования проводится сопоставление ценностей, актуализированных в новогодних обращениях лидеров двух государств. Язык рассматривается как отражение народной культуры и сознания, вследствие чего позволяет получить целостное представление о мировоззрении народа [Гумбольдт, 1985, с. 370]. При рассмотрении вопроса связи языка и культуры язык называется основным инструментом усвоения культуры, так как выполняет не только коммуникативную, но и кумулятивную функцию. Более того, язык представляется основным способом формирования и реализации концептов [Самситова и др., 2014, с. 1376], в вербализованном виде являющихся ключевыми словами культуры [Зусман и др., 2013, с. 162]. Так, исследование текстов помогает выявить явные и скрытые смыслы культуры: в частности, анализ речей политических лидеров предоставляет информацию об истории народа, так как речи выступают средством хранения и трансляции культурного опыта [Фалилеев, 2009, с. 15]. Особенности сознания представителей культур, обусловленные ценностными установками, воплощаются в речи членов культурных сообществ и оказывают влияние на поведение этнической языковой личности [Гурулева, 2020, с. 32], что дает возможность выявлять особые черты национального сознания, изучая тексты, созданные представителями разных народов.

При изучении культуры немаловажно проведение анализа материала в аксиологическом аспекте. Ценности — концентрат культуры [Карасик, 2015, с. 6], поэтому при рассмотрении аксиологических картин мира народов становится возможным выявление особенностей национального сознания представителей культур. Обращаясь к различиям мировоззрения народов в ценностном аспекте, стоит заметить, что такие различия заключаются в основном не в отсутствии или наличии определенных ценностей, а в их иерархии [Карасик, 2019, с. 38]. В рамках лингвоаксиологии существует три способа изучения ценностей, одним из них является описание лингвокультурных концептов [Карасик, 2015, с. 6]. Изучение данных единиц позволяет рассматривать язык, сознание и культуру в их взаимосвязи [Карасик и др., 2001, с. 75], это касается и лингвокультурологической значимости ценностей в сфере политической коммуникации [Шакlein и др., 2023].

Концепт отражает ценностные и категориальные сведения о явлениях и предметах мира, а также подчеркивает значимые для культуры особенности предмета [Пименова, 2013, с. 129]. Привычки и нормы, составляющие культуру, также концептуализируются [Мёрдок, 1997, с. 51]. Если концепт представляет часть языковой картины мира, то его содержание всегда имеет национальную окраску и отражает особенности мировосприятия народа, поэтому при проведении концептуального анализа необходимо учитывать культурную специфику концепта [Гофман, 2002, с. 217], отраженную

в наборе признаков концепта, степени их проявления и отличающемся способе организации концепта в разных культурах [Попова и др., 2007, с. 100]. Концепт заключает в себе информацию о ценностных доминантах народа, в совокупности составляющих особый тип культуры, выражающийся в языке [Карасик, 1996, с. 5], — это дает основания рассматривать концепт в качестве ключа к пониманию культуры, так как в основе культуры лежит ценностный принцип [Карасик, 2005, с. 14].

В качестве материала исследования были выбраны новогодние обращения президента России Владимира Путина 2019—2023 годов, а также новогодние обращения председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина 2019—2023 годов. В исследовании применены методы концептуального и сопоставительного анализа. Целью использования метода концептуального анализа является выделение концептов, представляющих основные ценности народов России и Китая. Метод сопоставительного анализа был использован для выявления универсального и специфического при конструировании аксиологем на материале новогодних обращений политических лидеров России и Китая. Методика исследования аксиологических доминант, отраженных в языке, тесно связана с проведением концептуального анализа материала. Применение метода когнитивного анализа, заключающегося в рассмотрении концептов, эксплицированных в политических текстах, позволяет определить представления человека о действительности, в том числе и его ценностные ориентации [Гаврилова, 2004, с. 129].

В современном языкоznании вопрос выявления сущности концепта остается достаточно актуальным и дискуссионным. многими лингвистами представляются различные определения концепта: Е. С. Кубрякова рассматривает концепт с точки зрения лингвокогнитивного подхода, определяя данное понятие как «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996, с. 90]. С другой стороны, существуют определения, подчеркивающие лингвокультурологическую окрашенность концепта: согласно определению, предложенному С. Г. Воркачевым, концепт является «единицей коллективного знания / сознания <...>, имеющей языковое выражение и отмеченной этнокультурной спецификой» [Воркачев, 2003, с. 276]. Тем не менее в рамках данной работы важно учесть особенности как лингвокогнитивного, так и лингвокультурологического подхода, в связи с чем нами предлагается следующее определение: концепт — ментальная единица, несущая информацию об индивидуальном или коллективном опыте и знаниях, а также обладающая лингвокультурной спецификой.

Концепт имеет образное, понятийное и ценностное измерения [Карасик, 2002, с. 157]; с точки зрения лингвоаксиологии наиболее значимым является ценностный компонент [Карасик, 2013, с. 150], отражающий степень важности концепта для человека или коллектива. Рассмотрение нескольких концептов в ценностном аспекте позволяет выстроить аксиологическую картину мира [Карасик, 2002, с. 157].

При анализе концепты классифицируются с учетом сферы их функционирования. Так, выделяются следующие группы концептов: 1) витальные — концепты, связанные с жизнью человека и его здоровьем; 2) политические — концепты, представляющие политический курс государства, ценности страны в сфере политики; 3) национально-культурные — концепты, связанные с историей и культурой страны; 4) морально-этические — концепты, несущие информацию о морально-нравственных ценностях народа; 5) экономические — концепты, дающие представление об экономической ситуации в государстве и событиях, происходящих в сфере экономики страны; 6) экологические — концепты, освещдающие вопросы состояния окружающей среды.

Таким образом, изучение материала при помощи избранной методики позволяет классифицировать вербализованные в новогодних обращениях политиков концепты в контексте системы ценностей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Анализ новогодних обращений В. В. Путина

Одним из основных в речах российского политика является концепт НАРОД. Важной особенностью народа называется его многообразие: так, президентом отмечается многонациональность населения России (*Её [страны] судьбу вершим, создаём все мы — многонациональный народ России, Но наш многонациональный народ, как это было во все сложные эпохи российской истории, проявил мужество и достоинство...*). Также В. Путин акцентирует внимание на ответственном отношении россиян к профессиональному долгу и готовности исполнять его даже в выходные и праздничные дни, тем самым выражая благодарность от правительства за деятельность, направленную на процветание государства (*<...> хочу отдельно поздравить с Новым годом всех, кто исполняет сейчас свой профессиональный и воинский долг. Спасает и выхаживает больных, находится на боевом посту, обеспечивает правопорядок. Не прерывается работа на транспортных магистралях, на ряде производств и служб жизнеобеспечения. В этих сферах работают сотни тысяч наших граждан*). Помимо того, глава страны, упоминая различные профессии и места работы граждан и обращаясь к каждому жителю, выражает мысль о важности и высо-

кой ценности приложенных усилий и участия населения в жизни государства для будущего процветания страны (*<...> а сегодня вновь убеждаемся, что суверенное, независимое, безопасное будущее России зависит только от нас, от нашей силы и воли, От усилий и вклада каждого из нас зависит её настоящее и будущее, будущее наших детей*). Президент подчеркивает и необходимость взаимодействия россиян, что позволит решить существующие проблемы и поможет развитию страны в будущем (...*вместе мы преодолеем все трудности и сохраним нашу страну великой и независимой, ... только вместе мы сможем обеспечить дальнейшее развитие и процветание нашей Родины*). Рассматриваемый концепт вербализован единицами *врачи, работники, люди разных возрастов и достатка, вместе*.

Рассмотрим особенности экспликации концепта ПРАВИТЕЛЬСТВО. Обращается внимание на единство власти и народа, отраженное в общности ценностей и интересов (*В году уходящем мы напряжённо трудились и многое сделали. Гордились общими достижениями, радовались успехам. И были тверды, отстаивая национальные интересы, нашу свободу и безопасность, наши ценности, которые были и остаются для нас нерушимой опорой*). В новогодней речи Россия называется одной семьей, что также указывает на сплоченность правительства и населения (*Мы — одна страна, одна большая семья*) и актуализирует важные для российской лингвокультуры понятия соборности [Колесов, 2006] и соборной (симфонической) личности [Трубецкой, 1995]. Концепт ПРАВИТЕЛЬСТВО репрезентирован единицами *мы, единые*. В свете упомянутой ранее идеи соборности отметим значимость употребления именно личного местоимения *мы, а не я*.

Витальные концепты эксплицированы единицами *эпидемия, здоровье, вирус*. Как отмечает президент, вирус значительно повлиял на жизнь россиян, однако в стране велась активная борьба с эпидемией (*Да, новый опасный вирус изменил, перевернул привычный образ жизни, работы, учёбы. К сожалению, эпидемию ещё не удалось полностью остановить. Борьба с ней не прекращается ни на минуту*). Актуализация данных концептов обусловлена глобальными событиями окружающей действительности, повлиявшими на жизнь граждан во всем мире.

Политические концепты представлены упоминанием различных направлений деятельности правительства: называются цели социальной (...*главная цель [общенациональных планов] — повышение благосостояния и качества жизни людей*) и экономической политики, проводимой Правительством России (*То, что мы сделали и делаем в этой сфере, всё это и направлено на укрепление нашего суверенитета в важнейшей области — в экономике*). Таким образом, политические концепты репрезентированы

единицами *качество жизни людей, благосостояние, экономика и восстановить экономику.*

Единицы *Великая Победа, Победа в Великой Отечественной войне* вербализуют группу национально-культурных концептов и называют важнейшие события из истории государства, память о которых является долгом каждого гражданина страны (*Мы равняемся на наших дорогих ветеранов, на доблестное поколение, победившее заразу нацизма, Несмотря ни на что, мы исполнили наш священный сыновний долг — с благодарностью и признательностью отметили 75-летие Великой Победы, в наступающем году мы будем отмечать 75 лет Победы в Великой Отечественной войне*). Как следует из приведенных примеров, в новогодних обращениях 2019 и 2020 годов упоминается юбилейная дата, связанная с важным событием истории России, что указывает на наличие концепта ЮБИЛЕЙ в группе национально-культурных концептов.

Морально-этические концепты представлены единицами *верность, отзывчивость, милосердие, солидарность, единство, стойкость, любовь, поддержка, щедрость, добро, забота, взаимопонимание, бескорыстная помощь, открытость, чуткость, благородство, честность, героизм, сила духа, отвага*. Президент говорит о значимости данных качеств для народа России (*Считаю очень важным, что в уходящем году в нашем народе приобрели особую значимость такие качества, как милосердие, солидарность и деятельная отзывчивость, Мы едины в наших помыслах, <...> проявляя самые главные черты народа России — солидарность, милосердие, стойкость, <...> нет выше силы, чем любовь к своим родным и близким, верность друзьям...*).

3.2. Анализ новогодних обращений Си Цзиньпина

Как и в обращениях президента России, в число основных концептов, вербализуемых в речах китайского политического лидера, входит концепт НАРОД. Раскрывая содержание данного концепта, отметим: председателем КНР подчеркивается особая значимость упорного труда граждан в решении государственных проблем, а также энергичность и сила граждан страны (每一个平凡的人都作出了不平凡的贡献! 人民永远是我们战胜一切困难挑战的最大依靠) (*Миллионы таких простых трудящихся своей силой и энергией вносят ценный вклад в наши великие начинания! Народ есть неиссякаемый источник энергии, позволяющей нам преодолеть любые испытания*) (здесь и далее перевод наш. — Н. М., И. С., Е. Н.). Одновременно с этим Си Цзиньпин говорит о многообразии занятий китайского народа (辛勤劳作的农民, 埋头苦干的工人, 敢闯敢拼的创业者, 保家卫国的子弟兵, 各行各业的人们都在挥洒汗水...) (*Они [люди Китая] — это те, кто усердно работает в поле и на заводе, кто смело создаёт свой*

бизнес, кто отважно стоит на страже отчизны...). Как и в обращениях В. Путина, данный концепт вербализован упоминанием различных профессий, а также народа страны в целом, а именно единицами 中华民族 (китайская нация), 老百姓 (простые люди), 健儿 (спортсмены).

Рассматривая особенности содержания и экспликации концепта ПРАВИТЕЛЬСТВО, заметим: целью китайского правительства объявляется изменение жизни населения к лучшему (我们的目标很宏伟, 也很朴素, 归根到底就是让老百姓过上更好的日子) (Мы амбициозны, при этом цель наша, по сути, весьма проста, а именно: изменить жизнь простых людей к лучшему). Власти Китая заявляют, что внимательно относятся к решению сложных вопросов государственного значения и восхищаются гражданами страны (一些企业面临经营压力, 一些群众就业、生活遇到困难, 一些地方发生洪涝 台风、地震等自然灾害, 这些我都牵挂在心。大家不惧风雨、守望相助, 直面挑战、攻坚克难, 我深受感动) (Знаю, что бизнес переживает определённые сложности, некоторые люди испытывают трудности в трудоустройстве и жизни в целом. Отдельные регионы страдали от наводнений, тайфуна, землетрясения и других стихийных бедствий. Из-за всего этого я постоянно беспокоюсь. Я глубоко восхищен всеми, кто никогда не сдается, подставляет друг другу плечо, не отступает перед вызовами и преодолевает трудности). Средствами языковой презентации рассматриваемого концепта выступают единицы 我们 (мы), 我 (я), 党 (партия). Отдельно отметим выражение посредством местоимения 我 (я) личной оценки политическим лидером Китая значимости деятельности граждан страны, чего не было выявлено в новогодних обращениях президента России, а также актуализацию значимости партии в жизнедеятельности государства.

Витальные концепты представляют единицы 疫情防控 (профилактика и контроль эпидемии), 疫情 (эпидемия). Глава государства обращает внимание на успехи страны в борьбе с коронавирусом (疫情发生以来 我们始终坚持人民至上、 生命至上, 坚持科学精准防控, 因时因势优化调整防控措施, 最大限度保护了人民生命安全和身体健康) (С момента вспышки пандемии мы твердо придерживаемся принципа «люди и их жизнь превыше всего», в духе научной обоснованности и целенаправленности предпринимаем противоковидные мероприятия и оптимизируем их в соответствии с развитием эпидситуации, максимально защищаем безопасность и сохранность жизни человека).

Говоря о группе политических концептов, отметим, что Си Цзиньпин подчеркивает важность развития внешней и внутренней политики: Китай является активным участником международных общественно-политических мероприятий, а также проводит внутренние реформы, направленные

на повышение уровня жизни в стране и воссоединение частей страны (我们成功举办中国—中亚峰会、第三届“一带一路”国际合作高峰论坛，坚定不移落实好“一国两制”，香港、澳门必将长期繁荣稳定) (Мы успешно провели Саммит «Китай — Центральная Азия», третий Форум по международному сотрудничеству в рамках «Одного пояса, одного пути», Следуя курсу «одна страна — две системы», мы обеспечиваем долгосрочное процветание и стабильность в Сянгане и Аомэне). Помимо того, называются задачи социальной политики Китая: борьба с бедностью граждан, развитие образования в стране, проведение модернизации китайского общества (我们巩固脱贫攻坚成果，全面推进乡村振兴…，我们要坚定不移 推进中国式现代化<...>，以更大力度办教育、兴科技、育人才) (Нам удалось закрепить достижения в области ликвидации бедности, всесторонне стимулировать подъем сельской местности… Нужно <...> усиливать меры по развитию образования, науки и техники для подготовки высококвалифицированных специалистов. Будем неуклонно продвигать вперёд китайскую модернизацию). Группа концептов эксплицируется единицами 国际合作 (международное сотрудничество), 改革开放 (политика реформ и открытости), 一国两制 (одна страна — две системы), 教育 (образование), 中国式现代化 (китайская модернизация), 脱贫攻坚 (борьба с бедностью).

Единицы 新中国成立 (образование Нового Китая), 长征 (Великий поход Китайской Красной армии), 党的二十大 (20-й Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая), 中国共产党百年华诞 (Столетие образования Коммунистической партии Китая) эксплицируют национально-культурные концепты, называя главные события из истории страны (2021年是中国共产党百年华诞。百年征程波澜壮阔，百年初心历久弥坚。…一艘小小红船承载着人民的重托、民族的希望，越过急流险滩，穿过惊涛骇浪，成为领航中国行稳致远的巍巍巨轮。胸怀千秋伟业，恰是百年风华) (В 2021 году празднуется столетие образования Компартии Китая. Столетие широкомасштабного и бурного развития. Первоначальная цель КПК за этот век остаётся твёрдой и непоколебимой. … маленькая «Красная лодка», неся повеления народа и надежду нации, преодолела бурные течения и волны, обошла опасные отмелы и превратилась в гигантский корабль, который ведёт Китай к стабильному развитию. Мы прошли сто прекрасных лет из бесконечного пути к достижению великолепных целей). В речах 2020 и 2021 годов упоминается юбилейная дата — столетие образования Коммунистической партии Китая, что указывает на наличие концепта ЮБИЛЕЙ в новогодних обращениях китайского политика — данный концепт был также представлен в обращениях российского президента. Отметим, что дважды в речи китайского лидера

употребляются имена собственные: 江泽民 (Цзян Цзэминь) — китайский государственный и политический деятель и 苏轼 (Су Ши) — китайский поэт. Это имена людей, внесших важный вклад в становление китайского государства или развитие китайской культуры, их упоминание в новогоднем обращении Си Цзиньпина говорит об эффективности тактики апелляции к авторитету в китайском политическом дискурсе.

Группа морально-этических концептов вербализована единицами 浩然之气 (*врожденное благородство*), 清澈的爱、只为_{中国} (*чистая любовь к Родине*), называющими нравственные ценности китайского народа, передающиеся из поколения в поколение и вдохновляющие страну на будущее развитие (*每当辞旧迎新，总会念及中华民族千年传承的浩然之气，倍增前行信心，“清澈的爱、只为_{中国}”的深情告白*) (*Новогодняя ночь всегда наполнена добрыми чувствами о благородстве — ценности, которая передается из поколения в поколение и вдохновляет китайскую нацию на протяжении тысячелетий. Сточки из дневника молодого солдата о чистой любви к Родине трогают каждого до глубины души*).

Экономические концепты представлены в языковом материале единицами 经济稳健发展 (*устойчивое экономическое развитие*), 粮食产业 (*производство зерна*), 自由贸易试验区 (*экспериментальная свободная экономическая зона*), 一带一路 (*один пояс, один путь*), отражающими направления экономического развития в Китае, а также успехи, достигнутые в данной сфере общественной жизни, например, решение проблем, связанных с продовольственной системой, а именно производством зерна (*我国继续保持世界第二大经济体的地位，经济稳健发展，面对全球粮食危机，我国粮食生产实现“十九连丰”，中国人的饭碗端得更牢了*) (*Как вторая экономика мира, Китай сохраняет устойчивое экономическое развитие. Несмотря на глобальный продовольственный кризис, производство зерна в Китае увеличивается 19 лет подряд*).

Что касается экологических концептов, то в обращениях китайского политического лидера упоминаются успехи в решении экологических проблем в стране. Данные концепты препрезентированы единицами 低碳生活 (*низкоуглеродный образ жизни*), 垃圾分类 (*сортировка отходов*) (*低碳生活渐成风尚, 垃圾分类引领着低碳生活新时尚*) (*Все большую популярность получает низкоуглеродный образ жизни, Представлена сортировка бытового мусора — возможность вести низкоуглеродный образ жизни*).

3.3. Сопоставление результатов анализа речей В. В. Путина и Си Цзиньпина

Представим концепты, моделируемые в рамках новогодних обращений глав государств: в новогодних обращениях В. Путина и Си Цзиньпина эксплицируются концепты НАРОД и ПРАВИТЕЛЬСТВО. Говоря о спец-

ифике содержания данных концептов, необходимо сказать, что в российском политическом дискурсе особой ценностью представляется сплоченность жителей страны, несмотря на отмечаемые различия (что коррелирует с идеей соборности, развиваемой в русской философии); что касается концепта ПРАВИТЕЛЬСТВО, значимым положением программы развития государства является взаимодействие с жителями страны — совместная реализация национальных планов, а также общность ценностей и достижений с гражданами. Говоря о речах председателя Китайской Народной Республики, скажем, что Си Цзиньпином, как и В. Путиным, выражается идея о важности усилий каждого гражданина для укрепления государства, однако выявляется специфика вербализации данного положения: присутствует обращение к таким чертам китайского народа, как энергичность и жизненная сила. Также скажем, что лидерами обеих стран подчеркивается многообразие населения государств, а общим признаком деятельности Правительства РФ и КНР является постоянное стремление к изменению жизни народа к лучшему. Обратим внимание на выявленное различие в способах презентации концепта ПРАВИТЕЛЬСТВО: в речах китайского политического лидера данный концепт вербализован упоминанием политической партии страны, а также выражением личных чувств политика с помощью местоимения первого лица единственного числа, чего не было замечено в обращениях В. Путина, — данный факт обусловливается спецификой политических систем России и Китая, особенностями общественного строя Китайской Народной Республики, а также спецификой самого жанра официального публичного торжественного поздравительного слова в русской лингвокультуре. В речах Си Цзиньпина большее внимание было уделено презентации концептов, связанных с различными политическими идеями и мероприятиями, что отражает направленность рассматриваемых речей на формирование ценностей в сфере политики, представляющих особую значимость в условиях жизни самого многочисленного единого государства, сформированного в условиях племенных и языковых различий. В обращениях же В. Путина наиболее развернуто были эксплицированы морально-этические концепты — данный факт указывает на стремление поставить особый акцент на группе моральных ценностей в новогодних обращениях, что соотносится с аксиологемой духовного, детально описанной, например, в монографии В. В. Колесова «Русская ментальность в языке и тексте» [Колесов, 2006].

При сравнении результатов анализа материала было отмечено отсутствие представления экологических концептов в обращениях В. В. Путина — таким образом, в российском дискурсе присутствует ориентация на нравственные, вечные ценности; меньшее внимание уделяется событиям,

происходящим в настоящее время. В отличие от рационалистической установки китайского лидера, актуализирующего в новогодних обращениях ценности прагматического типа, вербализация экономических концептов в обращениях российского президента менее подробна, чем экспликация морально-этических концептов, что говорит о преобладании духовных ценностей над материальными в российской лингвокультуре. Соответственно, в обращениях Си Цзиньпина наименее развернутой является вербализация группы морально-этических концептов, что, с одной стороны, дает основания сделать вывод об установке в жанре новогоднего обращения на формирование ценностей, связанных с политической, социальной, экономической сферами жизни общества, а с другой, — отсылает к особенностям менталитета китайского народа с его установкой интровертированного типа: события внутренней жизни не принято обсуждать публично ни на личностном, ни на государственном уровнях.

Таким образом, представляется, что различия заключаются не в наличии в разных лингвокультурах качественно иных ценностей, а в разной их значимости для представителей разных культурных сообществ, в их иной иерархии, обусловленной национальными традициями речевого поведения в том или ином виде дискурса, канонами жанра текста, содержащего актуальные аксиологемы, идеологическим фоном эпохи, формирующимися по влиянию исторических, социально-политических и культурных детерминант, а также лингвоперсонологическими причинами, восходящими к индивидуальным, институциональным и национальным особенностям языковой личности.

4. Заключение = Conclusions

Предложенная методика концептуального анализа текста реализовала свой гносеологический потенциал, в результате были выявлены конструируемые на государственном уровне базовые аксиологемы, выбор которых детерминирован факторами объективного и субъективного характера. Объективные детерминанты связаны с особенностями поздравительного дискурса в целом и жанровыми канонами функционирующих в нем текстов в частности, при этом может быть актуализирована национальная дискурсивная специфика разных лингвокультур. Субъективный характер детерминант лингвоперсонологического плана связан с доминированием институциональных характеристик личности главы государства при нивелировании его индивидуальных и национальных черт.

В своих новогодних обращениях лидеры государств, с одной стороны, аккумулируют общечеловеческие и национальные аксиологемы, с другой — задают ценностные ориентиры населению. Подобное конструиро-

вание на государственном уровне и трансляция ценностей ограничиваются жанровыми канонами новогодней поздравительной речи лидера государства, в которой, с одной стороны, подводятся итоги, а с другой — высказывается пожелание на будущее, на предстоящий год, при этом сама система ценностей предопределяется как особенностями социальной, экономической, политической жизни народов, так и ментальностью его представителей.

Полученные результаты имеют значимость в теоретическом и прикладном аспектах, поскольку могут быть применены как при изучении теории межкультурной коммуникации, так и при практическом осуществлении контактов между членами российского и китайского лингвокультурных сообществ.

В перспективе возможно расширение эмпирического материала для сравнения ценностных картин мира представителей других лингвокультур с целью выявления ценностных ориентиров разных народов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. — ISBN 5-7859-0027-0.
2. Асмус Н. Г. Аксиологический потенциал интернет-комментария как отражение социальных ценностей / Н. Г. Асмус // Российские исследования. — 2021. — Т. 2. — № 2. — С. 22—32.
3. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.20 / Е. В. Бабаева. — Волгоград, 2004. — 40 с.
4. Брожик В. Марксистская теория оценки : пер. со словацкого / В. Брожик. — Москва : Прогресс, 1982. — 261 с.
5. Вепрева И. Т. Что варят на политической кухне : аксиологический потенциал кулинарно-гастрономической метафоры в публицистическом дискурсе / И. Т. Вепрева, А. Мустайоки, Ц. Магсар // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 21. — № 2 (187). — С. 241—257. — DOI: 10.15826/izv2.2019.21.2.038.
6. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2003. — Т. 17. — Выпуск 2. — С. 268—276. — ISBN 5-83333-0083-5.
7. Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М. В. Гаврилова // Полос. Политические исследования. — 2004. — № 3. — С. 127—139. — DOI: 10.17976/jpps/2004.03.13.

8. Гофман О. В. К вопросу о методе концептуального анализа / О. В. Гофман // Картина мира : модели, методы, концепты : материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых, Томск, 01—03 ноября 2001 года. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2002. — С. 213—217. — ISBN 5-00-011459-0.
9. Гумбольдт В. фон. Характер языка и характер народа / В. фон Гумбольдт ; перевод с немецкого О. А. Гулыга // Язык и философия культуры. — Москва : Прогресс, 1985. — С. 370—382.
10. Гурулева Т. Л. Китайская языковая личность. Характеристика речевого портрета и его сопоставительный анализ : монография / Т. Л. Гурулева. — Москва : Издательский дом ВКН, 2020. — 162 с. — ISBN 978-5-7873-1660-5.
11. Зусман В. Г. Ключевые концепты национального культурного мира / В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе // Языки и культуры. К юбилею Людмилы Георгиевны Ведениной. — Москва : МГИМО (У) МИД РФ, 2013. — С. 162—172. — ISBN 978-5-9228-0966-5.
12. Карасик В. И. Базовые характеристики концептов в лингвокультурной концептологии / В. И. Карасик, Г. Г. Слыскин // Антология концептов ; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Т. 1. — С. 13—15. — ISBN 5-89395-236-9.
13. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность : культурные концепты : сборник научных трудов. — Волгоград-Архангельск : Перемена, 1996. — С. 3—16. — ISBN 5-88234-216-3.
14. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слыскин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж : ВорГУ, 2001. — С. 75—79. — ISBN 5-9273-0130-4.
15. Карасик В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. — 2012. — № 1. — С. 43—50.
16. Карасик В. И. Нормы поведения в языковой картине мира / В. И. Карасик // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2019. — № 4. — С. 35—49. — DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49.
17. Карасик В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2013. — 320 с. — ISBN 978-5-94244-043-5.
18. Карасик В. И. Языковая спираль : ценности, знаки, мотивы / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2015. — 432 с. — ISBN 978-5-903601-87-5.
19. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-7333-0143-0.
20. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. — 624 с. — ISBN 978-5-85803-339-4.
21. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. — Москва : Московский государственный университет, 1996. — 245 с. — ISBN 5-89042-018-6.
22. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста : лингвостилистический аспект : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / В. А. Марьянчик. — Архангельск, 2013. — 382 с.
23. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиатекстов / Д. Матисон ; перевод с английского. — Харьков : Гуманитарный центр, 2017. — 264 с. — ISBN 978-617-7022-95-3.
24. Мельник Н. В. Аксиологическая категория «свой-чужой» в комментариях американских пользователей к постам мэра Нью-Йорка / Н. В. Мельник, О. В. Митякина // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения. Сборник научных статей по

материалам Международной научной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Л. А. Араевой. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2022. — С. 154—159.

25. Мёрдок Дж. П. Фундаментальные характеристики культуры / Дж. П. Мёрдок ; перевод с английского В. Г. Николаева // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. — Т. 1. — С. 49—57. — ISBN 5-7914-0020-9.

26. Молодыченко Е. Н. Аксиологические основания политического дискурса / Е. Н. Молодыченко // Terra Linguistica. — 2015. — № 1 (215). — С. 9—17. — DOI: 10.5862/JHSS.215.1.

27. Пикулева Ю. Б. «Наивная» политическая аксиология, или Разговоры о политике в семейном кругу / Ю. Б. Пикулева // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тезисы докладов Международной научной конференции (УрФУ, 15—17 октября 2019 г.). — Екатеринбург : Ажур, 2019. — С. 147—148. — ISBN 978-5-91256-452-9.

28. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 2 (54). — С. 127—131. — DOI: 10.21603/2542-1840.

29. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Издательство Истоки, 2007. — 250 с.

31. Проблема легитимизации в политическом дискурсе : лингвоперсонологический аспект : коллективная монография / К. А. Артемова, Д. В. Девятяров, Ю. С. Игнатова, В. А. Каменева, О. Н. Кондратьева, С. М. Кукарцева, Н. В. Мельник, О. В. Митякина, И. В. Савельева, М. А. Силкова. — Москва : Пере, 2021. — 176 с. — ISBN 978-5-00189-673-9.

32. Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление : лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты моделирования: диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / И. В. Савельева. — Кемерово, 2022. — 496 с.

33. Самситова Л. Х. Понятие концепта в лингвокультурологии : история развития, структура, классификация / Л. Х. Самситова, Г. М. Байназарова // Вестник Башкирского университета. — 2014. — Т. 19. — № 4. — С. 1373—1378.

34. Телегина В. А. Средства выражения оценки в характеристике политической элиты (на материале современной французской прессы) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / В. А. Телегина. — Белгород, 2021. — 200 с.

35. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. — Москва : Прогресс, 1995. — 799 с. — ISBN 5-01-002627-8.

36. Фалилеев А. Е. Политический текст как феномен культуры (лингвокультурологический анализ) : автореферат диссертации ... кандидата культурологии : 24.00.01 / А. Е. Фалилеев. — Саранск, 2009. — 27 с.

37. Цуциева М. Г. Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.04 / М. Г. Цуциева. — Санкт-Петербург, 2019. — 40 с.

38. Чудинов А. П. Динамика метафорических образов в российской политической коммуникации XXI века / А. П. Чудинов // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке : коллективная монография / под ред. М. Н. Володиной. — Москва : Академический проект, 2001. — С. 53—63. — ISBN 978-5-8291-1387-2.

39. Шакlein B. M. Концепт ДЕМОКРАТИЯ в русском политическом дискурсе с позиций китайской лингвокультурной традиции / В. М. Шакlein, Ц. Гуань, Д. Сунь // Научный диалог. — 2023. — № 12 (9). — С. 117—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-117-140.

40. Dijk van T. A. Principles of critical discourse analysis / T. A. van Dijk // Discourse and Society. — 1993. — Vol. 4 (2). — Pp. 249—283. — DOI: 10.1177/0957926593004002006.

41. Fairclough N. Political discourse in the media : analytical framework / N. Fairclough // Approaches to Media Discourse. — Blackwell, Oxford : E. Arnold, 1998. — Pp. 142—162.

42. Linguistic-personological strategies and practices of commenting on political texts in virtual space / S. Yergaliyeva, A. Anesova, N. Melnik, M. Uaikhanova, B. Sarybayeva // International Journal of Society, Culture and Language. — 2022. — Vol. 10. — № 3. — Pp. 125—136.

43. Perry R. B. Realms of Value. The Critique of the Human civilization / R. B. Perry. — Cambridge, MA : Harward University Press, 1954. — 497 p.

44. Schiffarin D. Approaches to discourse / D. Schiffarin. — Cambridge, MA & Oxford : Blackwell, 1994. — 470 p.

*Статья поступила в редакцию 19.03.2024,
одобрена после рецензирования 20.08.2024,
подготовлена к публикации 02.09.2024.*

References

- Arutyunova, H. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Russian Culture. 896 p. ISBN 5-7859-0027-0. (In Russ.).
- Asmus, N. G. (2021). The axiological potential of Internet commentary as a reflection of social values. *Russian research*, 2 (2): 22—32. (In Russ.).
- Babaeva, E. V. (2004). *Linguistic and cultural characteristics of Russian and German axiological worldviews*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 40 p. (In Russ.).
- Brozhik, V. (1982). *Marxist theory of evaluation: per. co. Slovak*. Moscow: Progress. 261 p. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2001). Dynamics of metaphorical images in Russian political communication of the XXI century. In: *Language and discourse of mass media in the XXI century: a collective monograph*. Moscow: Academic Project. 53—63. ISBN 978-5-8291-1387-2. (In Russ.).
- Dijk van, T. A. (1993). Principles of critical discourse analysis. *Discourse and Society*, 4 (2): 249—283. DOI: 10.1177/0957926593004002006.
- Fairclough, N. (1998). Political discourse in the media: analytical framework. In: *Approaches to Media Discourse*. Blackwell, Oxford: E. Arnold. 142—162.
- Falileev, A. E. (2009). *Political text as a cultural phenomenon (linguistic and cultural analysis)*. Author's abstract of PhD Diss. Saransk. 27 p. (In Russ.).
- Gavrilova, M. V. (2004). Political discourse as an object of linguistic analysis. *Polis. Political research*, 3: 127—139. DOI: 10.17976/jpps/2004.03.13. (In Russ.).
- Guruleva, T. L. (2020). *Chinese linguistic personality. Characteristics of the speech portrait and its comparative analysis: a monograph*. Moscow: Publishing House VKN. 162 p. ISBN 978-5-7873-1660-5. (In Russ.).
- Hoffman, O. V. (2002). On the question of the method of conceptual analysis. In: *Picture of the world: models, methods, concepts: materials of the All-Russian Interdisciplin-*

- ary School of Young Scientists, Tomsk, November 01—03, 2001. Tomsk: National Research Tomsk State University. 213—217. ISBN 5-00-011459-0. (In Russ.).
- Humboldt, V. von. (1985). The character of the language and the character of the people. In: *Language and Philosophy of culture*. Moscow: Progress. 370—382. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (1996). Cultural dominants in language. In: *Linguistic personality: cultural concepts: collection of scientific papers*. Volgograd-Arkhangelsk: Peremen. 3—16. ISBN 5-88234-216-3. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-7333-0143-0. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2012). Linguosemiotic modeling of values. *Political linguistics*, 1: 43-50. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2013). *The linguistic matrix of culture*. Moscow: Gnosis. 320 p. ISBN 978-5-94244-043-5. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2015). *The language spiral: values, signs, motives*. Volgograd: Paradigm. 432 p. — ISBN 978-5-903601-87-5. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2019). Norms of behavior in the linguistic picture of the world. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 4: 35—49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49. (In Russ.).
- Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2001). Linguocultural concept as a unit of research. In: *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh: VorSU. 75—79. ISBN 5-9273-0130-4. (In Russ.).
- Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2005). *Basic characteristics of concepts in linguocultural conceptology*, 1. Volgograd: Paradigm. 13—15. ISBN 5-89395-236-9. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. (2006). *Russian mentality in language and text*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 624 p. ISBN 978-5-85803-339-4. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1996). *A concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: Moscow State University. 245 p. ISBN 5-89042-018-6. (In Russ.).
- Maryanchik, V. A. (2013). *Axiological structure of the media-political text: linguistic and stylistic aspect*. Doct. Diss. Arkhangelsk. 382 p. (In Russ.).
- Mathison, D. (2017). *Media discourse. Analysis of media texts*. Kharkiv: Humanitarian Center. 264 p. ISBN 978-617-7022-95-3. (In Russ.).
- Melnik, N. V., Mityakina, O. V. (2022). The axiological category “friend-foe” in the comments of American users to the posts of the mayor of New York. In: *Topical issues of linguistics and literary criticism. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference in memory of Doctor of Philology*. Kemerovo: Kemerovo State University. 154—159. (In Russ.).
- Molodychenko, E. N. (2015). Axiological foundations of political discourse. *Terra Linguistica*, 1 (215): 9—17. DOI: 10.5862/JHSS.215.1. (In Russ.).
- Murdoch, J. P. (1997). Fundamental characteristics of culture. In: *An anthology of cultural studies. Interpretation of culture*, 1. St. Petersburg: University Book. 49—57. ISBN 5-7914-0020-9. (In Russ.).
- Perry, R. B. (1954). *Realms of Value. The Critique of the Human civilization*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 497 p.
- Pikuleva, Yu. B. (2019). “Naïve” political axiology, or Conversations about politics in the family circle. In: *Axiological aspects of modern philological research: abstracts of the International Scientific Conference (UrFU, October 15—17, 2019)*. Yekaterinburg: Azhur. 147—148. ISBN 978-5-91256-452-9. (In Russ.).

- Pimenova, M. V. (2013). Types of concepts and stages of conceptual research. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2 (54): 127—131. DOI: 10.21603/2542-1840. (In Russ.).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Semantic and cognitive analysis of language*. Voronezh: Istoki Publishing House. 250 p. (In Russ.).
- Samsitova, L. H., Baynazarova, G. M. (2014). The concept of a concept in linguoculturology: the history of development, structure, classification. *Bulletin of Bashkir University*, 19 (4): 1373—1378. (In Russ.).
- Savelyeva, I. V. (2022). *Unprofessional political discourse as a new communicative phenomenon: linguopragmatic and linguopersonological aspects of modeling*. Doct. Diss. Kemerovo. 496 p. (In Russ.).
- Schiffrin, D. (1994). *Approaches to discourse*. Cambridge, MA & Oxford: Blackwell. 470 p.
- Shaklein, V. M., Guan Qi, Sun Daman. (2023). Concept of DEMOCRACY in Russian Political Discourse from Perspective of Chinese Linguistic-Cultural Tradition. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 117—140. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-117-140> (In Russ.).
- Telegina, V. A. (2021). Means of expressing evaluation in the characteristics of the political elite (based on the material of the modern French press). PhD Diss. Belgorod. 200 p. (In Russ.).
- The problem of legitimization in political discourse: a linguopersonological aspect: a collective monograph*. (2021). Moscow: Pero. 176 p. ISBN 978-5-00189-673-9. (In Russ.).
- Trubetskoy, N. S. (1995). *History. Culture. Language*. Moscow: Progress. 799 p. ISBN 5-01-002627-8. (In Russ.).
- Tsutsieva, M. G. (2019). *Actualization of the linguistic personality of a politician in modern German political discourse*. Author's abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 40 p. (In Russ.).
- Vepreva, I. T., Mustajoki, A., Magsar, Ts. (2019). What is cooked in the political kitchen: the axiological potential of culinary and gastronomic metaphor in journalistic discourse. *Izvestiya Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 21 / 2 (187): 241—257. DOI: 10.15826/izv2.2019.21.2.038. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2003). Cultural concept and meaning. *Proceedings of the Kuban State Technological University. Series: Humanities*, 17 (2): 268—276. ISBN 5-83333-0083-5. (In Russ.).
- Yergaliyeva, S., Anesova, A., Melnik, N., Uaikhanova, M., Sarybayeva, B. (2022). Linguistic-personological strategies and practices of commenting on political texts in virtual space. *International Journal of Society, Culture and Language*, 10 (3): 125—136.
- Zusman, V. G., Kirnose, Z. I. (2013). Key concepts of the national cultural world. In: *Languages and Cultures. For the anniversary of Lyudmila Georgievna Vedenina*. Moscow: MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 162—172. ISBN 978-5-9228-0966-5. (In Russ.).

*The article was submitted 19.03.2024;
approved after reviewing 20.08.2024;
accepted for publication 02.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ненашева Л. В. Наименования русской печи и её частей в архангельских говорах / Л. В. Ненашева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 110—127. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-110-127.

Nenasheva, L. V. (2024). Names of Russian Oven and Its Components in Arkhangelsk Dialects. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 110-127. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-110-127. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Наименования русской печи и её частей в архангельских говорах

Ненашева Лариса Викторовна
orcid.org/0000-0001-8580-5980
доктор филологических наук,
доцент, профессор
кафедра русского языка
и речевой культуры
l.nenasheva@narfu.ru

Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Российского
научного фонда № 23-28-01380,
«Тематический словарь архангельских
говоров с электронной поддержкой»
(<https://rscf.ru/project/23-28-01380/>)

Names of Russian Oven and Its Components in Arkhangelsk Dialects

Larisa V. Nenasheva
orcid.org/0000-0001-8580-5980
Doctor of Philology,
Associate Professor, Professor
Department of Russian Language
and Speech Culture
l.nenasheva@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
(Arkhangelsk, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried out
with the financial support of the Russian
Science Foundation № 23-28-01380,
“Thematic Dictionary of Arkhangelsk
Dialects with Electronic Support”
(<https://rscf.ru/project/23-28-01380/>)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению диалектной лексики, входящей в тематическую группу «Русская печь» и включенной во второй выпуск «Тематического словаря архангельских говоров», в котором зафиксирована лексика, связанная с деревянными постройками и их частями. Целью исследования является фиксация номинаций, входящих в тематическую группу «Русская печь», и определение значений отобранных для словаря слов. Материалом для статьи и словаря стали диалектные записи, находящиеся в картотеке кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. В статье использовались метод сплошной выборки слов из картотеки кафедры, описательный метод, лексикографический метод для уточнения значения слов. Исследование показывает многообразие диалектной лексики, называющей части русской печи: одна и та же часть носит различные наименования в разных районах Архангельской области, что приводит к образованию синонимов, фонетических, морфологических и словообразовательных вариантов. Большое деривационное гнездо составляют слова с корнем *-печ-*, слова образованы суффиксальным (печка, печища, печурок, печурочек и др.) и префиксально-суффиксальным способом (опечек, опечье, подпечек, подпечье, припечек, припечье, противопечье и др.).

Ключевые слова:

архангельские говоры; тематический словарь; русская печь; фонетические варианты; морфологические варианты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to the study of dialectal vocabulary belonging to the thematic group “Russian Oven,” which is included in the second volume of the “Thematic Dictionary of Arkhangelsk Dialects.” This dictionary documents lexicon related to wooden structures and their components. The primary aim of this research is to record the nominations within the thematic group “Russian Oven” and to determine the meanings of the selected words for inclusion in the dictionary. The material for this article and the dictionary comprises dialectal records housed in the archive of the Department of Russian Language and Speech Culture at the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. The study employed a method of comprehensive sampling of words from the department’s archive, along with descriptive and lexicographic methods to clarify word meanings. The research reveals the diversity of dialectal vocabulary that names parts of the Russian oven; the same component may have various designations across different regions of Arkhangelsk Oblast, leading to the formation of synonyms, as well as phonetic, morphological, and derivational variations. A significant derivational cluster consists of words with the root *-печ-*, which are formed through suffixation (*pechka*, *pechishecha*, *pechurok*, *pechurochek*, etc.) and prefix-suffixation (*opechek*, *opechyе*, *podpechek*, *podpechyе*, *pripechek*, *pripechyе*, *protipечье*, etc.).

Key words:

Arkhangelsk dialects; thematic dictionary; Russian oven; phonetic variants; morphological variants.

УДК 811.161.1'28(470.11)

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-110-127

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Наименования русской печи и её частей в архангельских говорах

© Ненашева Л. В., 2024

1. Введение = Introduction

Русский Север является сокровищницей русской народной культуры и служит неисчерпаемым источником для изучения живого народного слова. Диалекты постепенно разрушаются, испытывая постоянное воздействие литературной нормы и не имея письменной традиции, поэтому отсутствие должного внимания к диалектам лишает исследователей ценного лингвистического материала, утраченного которого с течением времени оказывается невосполнимой.

Большое количество исследований посвящено изучению духовного богатства Русского Севера: словари, атласы, диссертационные исследования, монографии, научные статьи. Более сорока лет выходит в свет «Архангельский областной словарь», сначала под редакцией О. Г. Гецовой, затем Е. А. Нефедовой [АОС]. В 1994 году опубликован «Лексический атлас Архангельской области», составленный Л. П. Комягиной, в атласе представлены лексические карты, на которых показано наличие слова в одних говорах и отсутствие в других, также представлено распространение слова в разных значениях [Комягина, 1994]. Исследуются также вопросы происхождения диалектных единиц. Так, в «Русском диалектном этимологическом словаре» С. А. Мызникова дано описание заимствованной лексики, зафиксированной в русских говорах, значительная часть данной лексики не отражена в работах этимологов [Мызников, 2019].

Помимо «Архангельского областного словаря» лексика архангельских говоров публикуется в словарях, где представлены лексические материалы, зафиксированные в различных отдельных районах Архангельской области: «Словарь пинежских говоров» включает в себя лексику, которая отражает материальную и духовную культуру сельских жителей, проживающих на территории Пинежского района [Левичкин и др., 2014]; «Устьянский народный словарь» фиксирует лексику Устьянского района, соединяющую в себе черты архангельской и вологодской групп говоров, а также исторические черты новгородских и ростовских говоров, поскольку район

заселялся выходцами из новгородских и ростовских земель [Устьянский народный словарь ..., 2012, с. 3]; «Словарь как жизнь родной деревни» содержит диалектную и просторечную лексику одной деревни Блёшково Черевковского сельского совета Красноборского района [Словарь как жизнь ..., 2023].

Перечисленные лексикографические издания относятся к толковым и этимологическим словарям. Однако до сих пор не было создано тематического словаря архангельских говоров, в котором были бы представлены лексемы, отражающие традиционные ремесла и промыслы северян, их отношение к окружающему миру, их нравственные приоритеты и т. д. Актуальность данного исследования состоит в том, что необходима систематизация богатого эмпирического материала, собранного в многочисленных диалектологических экспедициях.

Новизна заключается в этнолингвистическом описании тематических групп северной диалектной лексики, позволяющем сохранить и преумножить языковое богатство Русского Севера. В данной статье рассматривается тематическая подгруппа «Русская печь», входящая в тематическую группу «Дом, надворные постройки и их части».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили архивные записи из картотеки кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, сделанные в диалектологических экспедициях по Архангельской области на протяжении шестидесяти лет.

В настоящее время в рамках грантового проекта составляется многотомный «Тематический словарь архангельских говоров». Первый выпуск словаря — «Одежда, обувь, головные уборы, украшения, ткани» — был опубликован в 2023 году [ТСАГ, 2023], сейчас готовится второй выпуск «Наименования построек и их частей в архангельских говорах». В тематическом словаре слова распределяются по тематическим подгруппам.

Цель исследования — анализ семантических особенностей лексики архангельских говоров, входящей в тематическую группу «Русская печь». В работе использовались описательный метод, метод сплошной выборки слов из картотеки кафедры русского языка и речевой культуры, а также лексикографический метод, с помощью которого уточнялись значения исследуемых слов. Для этого привлекались такие словари, как «Архангельский областной словарь» [АОС], «Словарь русских народных говоров» [СРНГ], «Словарь говоров Русского Севера» [Словарь говоров Русского Севера], «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей»

[Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей], а также словари, включающие лексику отдельных районов Архангельской области [Словарь как жизнь ..., 2023; Устьянский народный словарь, 2012].

Исследований о лексике, называющей русскую печь и её части, немногого. Особенности деривационно-фразеологического гнезда слова *печь* в северорусских говорах рассматриваются в исследованиях И. Н. Дьячковой. На материале словарей северных говоров, куда включены не только архангельские диалекты, рассматривается словообразовательное гнездо слова *печь*, состав которого отличается большим числом производных и типов словообразовательных значений [Бутурлина и др., 2022]. И. Н. Дьячкова рассматривает не только дериваты слова *печь*, но и фразеологические обороты, включающие слово *печь* и его производные, зафиксированные в словарях северных говоров, а также освещает историческое значение слова по материалам «Словаря русского языка XI—XVII веков» [Дьячкова, 2021]. В статье Т. Г. Паниковской собраны слова, относящиеся к тематической группе «Русская печь с топкой по-белому», зафиксированные в Тотемском районе Вологодской области [Паниковская, 1984]. Исследование И. В. Якушевич и В. И. Бурминой посвящено описанию сомонимов русской печи. «В работе описаны и проанализированы сомонимы верхнего, среднего и нижнего уровней тела человека. Перенос названий осуществлен на основе сходства по форме частей тела и деталей печи с учетом их функционирования» [Якушевич, Бурмина, 2023, с. 118].

В исследованиях, посвященных наименованиям жилых и хозяйственных построек в разных говорах, анализируются лишь некоторые слова, называющие печь и её части, однако по этим исследованиям можно выявить наименования, которые являются принадлежностью не только архангельских говоров, но в целом и всех северорусских говоров, и тех, которые бытуют в среднерусских и южнорусских говорах. Так, в работе Н. Г. Шубиной представлена ЛСГ «Наименования отопительных сооружений и их частей», в которую входят слова, зафиксированные в говоре села Городище Старооскольского района Белгородской области [Шубина, 2004, с. 14—15]; некоторые из указанных слов употребляются в речи архангельских жителей, например: *печка, печурка, опечек, подпечка, под, загнета, устье, заслонка*.

В статье, посвященной лексическим и фразеологическим единицам, связанным с наименованиями дома и его частей в говорах Республики Мордовия, представлен лексико-семантический анализ понятийного поля *изба, жилье*, отмечены слова, называющие части дома, соотносимые с расположением печи, и слова, называющие пространство между стеной и русской печью [Денисова и др., 2017, с. 33].

Вопрос о названиях русской печи и некоторых её частей в речи жителей деревни Борбушино Кирилловского района Вологодской области рассматривается в статье Е. Н. Ильиной [Ильина, 2022, с. 145—146]. Некоторые слова, перечисленные в работе, отмечены в архангельских говорах: *печка, запечек, печурка, печурочка, прилавок, приступочек, шесток, устье*.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Наименования печи, пространства между стеной и печью в архангельских говорах

Одной из главных частей русской избы была печь. Г. В. Киселева отмечает, что «русская печь исстари занимала центральное место в русской избе, являясь не только центром избы, но и центром всей крестьянской жизни, поскольку велика была ее роль в жизни человека: печь и кормила, и грела, и лечила» [Киселева, 1998, с. 73]. В северных деревнях печь занимала примерно одну четвертую — одну пятую часть жилого помещения. Русская печь была расположена направо или налево от входа в одном из задних углов избы, устьем повернута к передней стене.

Русская печь в северных домах нередко отодвигалась от стены. Пространство между стеной и печью использовалось для хранения домашней утвари на полках, вход закрывался занавеской; здесь могли также готовить, поэтому данное место воспринималось и как кухня. В некоторых домах пространство также было и за печью, отсюда и названия *задоски, запечь, запечек, запечка, запечье, зау́к, закутка, закутóк, закутóчек, зау́лок, зау́лочек, жарáтка, прилу́б, сólныша, прилу́бок, сólныши, сóмуша, сóмыши, шóмуши, шóлныши, шóлныши, шóменка* и др.: *запечек* — «А мéжду стенóй в кóмнату и пéчкой есть запéчек» (Пинежский район); *запечь* — «Мéжду пéчкой и стéнкой и есть запéчь» (Лешуконский район); *зау́к* — «Вся úтварь домáшняя в зау́ке былá» (Пинежский район); *закутóк* — «Мы все в закутóк заберéмся, там теплó» (Ленский район); *закутóчек* — «Закутóчек за пéчью» (Плесецкий район); *зау́лок* — «В зау́лок за пéць постáвлен телéнок // Зау́лок — мéжду пéчью и стенóй» (Пинежский район); *зау́лочек, шóлныши* — «Зау́лочек, и́ли шóлныши, нахóдится мéжду пéчью и стенóй» (Холмогорский район); *жарáтка* — «Ухвáт стоит в жарáтке» (Холмогорский район); *прилу́б* — «Что за пéцкой, прилу́б называéтся» (Плесецкий район), «*Прилу́б* — это тéмный прохóд мéжду стенóй и пéчью. В прилу́бе у нас полки с кáшниками да самовáр кипятýм» (Каргопольский район); *сólныши* — «За пéчкой мéсто сólныши назывáлась, щас всё запéчёв почтí назывáются» (Мезенский район), «*Сólныши* — мéсто меж пéчкой и стéнкой» (Холмогорский район); *сólныши, шóлныши* — «*Сólныши* и́ли, у нас ещé говорят, *шóлныши* — уйтное мéсто мéжду пéчкой и стенóй» (Мезен-

ский район). С. А. Мызников отмечает, что слова *солныш(a)* / *шолныш(a)* и фонетические варианты распространены от Онежского озера до Северной Двины и Пинеги, предполагает прибалтийско-финское происхождение слова [Мызников, 2019, с. 752].

Различалось несколько типов печей в зависимости от их формы и назначения. В XVIII — первой половине XIX веков большинство русских печей было глинобитными, они назывались *бýтая печь* / *нéчка*, *бýта*, *битúха*. Их изготавливали с помощью обмазывания глиной деревянного основания: *бýта* — «Рáньше бýты из гlíны дéлали с оréхом» (Пинежский район); *бýтая печь* / *нéчка* — «Скóлько мужикóв дéлали ёту пéчку, деревя́нными молотkáми бýли гlíну и назывáли бýта нéчка; Та пе́чь из гlíны бýта, бráли гlíну, колотíли молотkáми, прýжили потóм, склáдывали» (Холмогорский район); «Пéчи бýли бýтые, из гlíны, а трубá моглá быть из кирпичéй слóжена» (Красноборский район); *битúха* — «Сбýли мужикý пе́ць, пе́ць битúха, кíями бýли // Рáньше битúхи бýли, почитáй, в кáжной избé» (Устьянский район).

В конце XIX века постепенно стали класть печи из обожжённого кирпича. В крестьянских жилищах вплоть до конца XIX века преобладали русские печи, топившиеся «по-чёрному», то есть они не имели вытяжной трубы для выхода дыма, который выпускался через дверь или специальное отверстие в стене — *дуплó*, *дýмник*: *дуплó* — «Потóм дуплó туды на подволóку вýведено да» (Плесецкий район); *дýмник* — «Рáньше в íзбах трýб-то нé было, íзы-то по-чёрному топíлись, а дым чéрез дýмник выходит» (Шенкурский район). К концу XIX — началу XX веков распространились «белые» печи с трубой, выведенной непосредственно через потолок на улицу.

Во времена Петра I появилась высокая печь *голландка*, её появление связано с изменениями быта в русском обществе, название печи происходит от названия страны: *Holland* — Голландия. В архангельских говорах отмечены фонетические варианты *голánка*, *галánка*: «Пéцка былá голánка высóкая, на нéй тóлько спать нельзя, для теплá топíли // А кák врéмя-то прошлó, и голánки запоивláлись, éки крýглы пíчи бýли, но их как-то ма́ло дíлали» (Вилегодский район); «Галánка — крýгла пе́ць, обклáдывается вокруг пéцьки желéзной. Галánка у Петrá Péрвого так нáзвана» (Плесецкий район); «В перéдних всех кóмнатах да галánка былá» (Холмогорский район). Голландка отапливала комнату, на ней и в ней не готовили.

Обычная русская духовая печь называлась *пекárка*, в ней готовили пищу и пекли хлеб: «Пéцька былá пекárка, на нéй жítники пеклý // Пе́ць — пекárка, а лежáноцька дак галánка» (Плесецкий район); «В кúхне пéцька — пекárка, в ней хлеб, коровáй пеклý, пирогý» (Устьянский район).

Чугунка — это железная печка, которой отапливали комнату зимой либо летом готовили пищу: «Кроме русской да галанки была у нас ещё печка чугунка, зимой её топили» (Котласский район); «На печке чугунке лётом варят» (Ленский район); «А зимой я чугунку топлю» (Верхнетоемский район).

Большую печь называют *печица*: «В перёдней така печица, надо две охапки дров» (Онежский район); «У нас в избе была большая печица» (Пинежский район).

Маленькая печь, пристроенная сбоку к русской печи, в архангельских говорах носит название *подтопок*; её топили в тёплое время года, когда было прохладно, а также при приготовлении пищи: «Студено, принеси дров в подтопок» (Вельский район); «Печь-пекарка, там подтопков не было» (Конешский район); «Когда не холодно, подтопок топлю» (Плесецкий район); «Подтопок-то топить севодни не будём, жарко и так // Есть на подтопке готовим» (Устьянский район); «У русской печи есть подтопок, теперя только стали делать» (Холмогорский район).

В северных домах еще была *времянка* — небольшая печь с трубой для временного пользования: «Печка железна так и называлась — *времянка*, трубы больши такие // На холодную пору ставили *времянку*» (Холмогорский район). А в хозяйственной постройке небольшая печка называется *печёнка*: «Около гумна овён из дерева срублен, и в нём *печёнка*, только каменка, она из каменьев складена» (Вельский район).

3.2. Наименования частей русской печи в архангельских говорах

Основу печи, её фундамент составляло *печное место / ме́сто / ме́стышико*, которое называлось также *опечье, опечек, под, подпечек*. Оно делалось из обтесанных брусьев или распиленных пополам нетолстых бревен, реже — из обожженного кирпича: *печное место (ме́стышико)* — «Печи бьют из глины (глины. — Л. Н.), а это будёт *печное место* из брусьёв-то которо» (Лешуконский район); «Сделашь перво деревянино *пецыно* там *ме́стышико*» (Пинежский район); «Когда печку кладут, внизу *печное место*» (Плесецкий район); «*Пецыно-то ме́сто* на цементи сделано, цементны столбы, ведь всё в фунтаменти // Под печкой *пецыние места* // Печное место делят на полу // Глину клади в *печное место* // Печка-то строится на *печном месте*» (Холмогорский район); «Лод из глины ровной полуцялсе» (Лешуконский район); «Подпечек — на нём основание печи ложат» (Ленский район).

Основание печи околачивалось деревом: *опечье* — «У печи основание деревяниное — *опечье*, оно прямоугольное делятся» (Каргопольский район); «*Опечье* — низ печки, околочено деревом до высоты полметра» (Приморский район). Слово *опечек* распространено во многих районах: «*Опечек* — нижняя деревянная часть печи от приступки до пола» (Вель-

ский район); «У пéцьки-то деревáнна отdéлка — *опéчек* éто // *Опéчек* — пе́ць на ём стойт» (Верхнетоемский район); «Как пе́чь кладут, так *опéчок* и дéлают // *Опéчек* дéлают из дóсок, внутрь насыпáется гли́на, а на неё *песóк*» (Вилегодский район); «Вот когдá пéчку кладут, то сначáла сруб деревáнныи дéлают, навáлят землí, тóжно зачнúт клась кирпичí — сруб и есь *опéчёк*» (Устьянский район)

В нижней части основания печи делалось углубление — *зaláвок*, *запéчек*, *опéчек*, *ошéсток*, *пeчýрок*, *подпéчek*, *подпéчka*, *подпéчъe*, *подпéчье*, *póд*, *припéчek*, — в котором хранили ухваты, лопаты, сковородники и другую кухонную утварь, держали зимой кур, хранили дрова: *зaláвок* — «У рúссской пе́чи деревáнная обnóска, а шестóк выступáет, вот под ним тóже шkáфчик дéлался — *зalávok*» (Красноборский район); *запéчек* — «Там подпóлье иль *запéчек*» (Приморский район); *опéчек* (*опéчек*) — «Мéсто под пéцью — *опéчек* // Возьмí дровá-то, в *опéчке* лежáт // в *опéчок* запехáем крюк, ухвáт» (Лешуконский район); «А под пéчкой есь *опéчек*, где хранили всяки предметы // Ребáтами бýли, когдá игрáли в прáтки, чáсто прýтались в *опéчек* // Кýры зимóй в *опéчке* живút» (Холмогорский район); *ошéсток* — «Ухвáт в *ошéске*» (Верхнетоемский район); *пeчýrok* — «В *пeчýrke* крóликов держáли» (Няндомский район); *подпéchek* (*подпéчek*) — «Подпéчek — лаз под пéцью, где хранят помелó, ухвáты, кочергú, иногда кур» (Верхнетоемский район), «Под пéчкой *подпéchok* зовéтся» (Холмогорский район), «Вýгони котéйка из *подпéchka*, взял мóду тудí пólзать» (Шенкурский район); *póд* — «Кýры-то, те в *pód* зимóй» (Устьянский район); «Принесí-ка дров да складí в *pód*» (Шенкурский район); *припéchek* — «*Припéchek* дéлали под пéцью, чтоб дровá сушít» (Холмогорский район).

Сразу же под шестком в печи могло быть ещé одно углубление, находя́щееся между шестком и залавком — *прилáвок*, куда складывали продукты: «В *прилáвок* продúкты стáвили. Возьмí молокá там в *прилáвке*» (Каргопольский район).

Вход во внутреннюю часть русской печи носит название *устье*. Слово употребляется во многих районах: «Вот шестóк пéред *устьем* пе́чи, а *устье*-то за шестkóм» (Вельский район), «Пе́чь эта рúссская, вот *усьё* — вход // *Усьё* крúгло-то назывáецца, а дálше самá пéцька» (Каргопольский район). Вход в печь (*устье*) закрывался железным листом — *заслóном*, *заслóнком*, *заслónкой*, *заслónницей*, *заслónochкой*, *затвóрником*, *прислóном*: *заслón* — «*Усьё* *заслónом* заставлýется» (Вельский район), «*Заслón* желéзной, им закрывáли пéцьку» (Каргопольский район); *заслónок* — «Пе́чь-то *заслónком* закрóю» (Холмогорский район); *заслónка* — «А пéчку *заслónкой* закрывáли с рúцкой» (Пинежский район), «*Заслónка* деревáнна былá, а потóм желéзna» (Устьянский район); *заслónница* — «*Заслónница* — пе́чнáя

заслёнка» (Верхнетоемский район); затвóрник — «Пéчи мы закрывáли затвóрниками» (Пинежский район); прислóн — «Уберí прислóн, пускай теплó идёт» (Холмогорский район).

В боковой стене располагалось отверстие — *жарáток*, *загнёта*, *загнёта загнёты*, *загнётика*, *загнётик*, *загнёток*, *задорга*, *задорога*, — в которое сгребались угли, благодаря чему дольше сохранялся жар: *жарáток* — «У пéчки *жарáток* — такó отвérстие, кудá загребáли уголь» (Онежский район), «Когдá спíчек мáло было, углý в *жарáток* ложíли» (Каргопольский район); *загнёта (загнёта загнёты)* — «Нáдо вы́грести всю *загнёту* из пéци, севóдни бúду пе́ць пироги. Постáвь цюгунóк с картóшкой на *загнёту*, бóльше тут жáру» (Вельский район), «*Загнёты* полны золы» (Приморский район); «Горшкам в *загнёте* мéсто» (Холмогорский район); *загнётика* (*загнётик*) — «До вéчера порóй шáст *загнётика*-то // *Загнётику*, как спíчек нé было, живóй держáли, всегдá огóнь мóжно добýть» (Красноборский район); *загнёток* (*загнётом*) — «*Загнёток* — углубléние в пéчке, кудá угли выграбéли, чтóбы живíнку сохранить» (Онежский район); *задорга* — «Сгребай углý в *задороге*» (Холмогорский район); *задорога* — «У нас *задороги* назывáли внутрí печí. Máма говорíла: по *задорогам* углý разгребáли и оставляли, чтóбы в пе́чи жárче бы́ло» (Верхнетоемский район). Словами *жарáток*, *загнёта*, *загнёта загнёты* называли и сами горячие угли, которые загребали к боковой части пода русской печи. *Загнётоj*, *загнёtoj*, *загнёtoj* называют также лучину для растопки.

Перед устьем был расположен *шестóк*, *соштóк*, *зарáдок*, *зарóдок*, *загнётом* — деревянная или глинобитная площадка перед устьем русской печи: *шестóк* (употребляется во всех районах Архангельской области) — «Вы́ставил сúп-от на *шостóк*, чичás ись бúдём» (Устьянский район), «Крынки, чугуны из пéчки вынимáли на *шестóк*» (Холмогорский район); *соштóк* — «Положí цюгун на *соштóк*» (Мезенский район); *зарáдок*, *зарóдок* — «Полóжь на *зарáдок* // *Зарóдок* здíся, хлеб в амбáре держáли» (Каргопольский район); *загнётом* — «А вот по *загнётом* был залáвок» (Ленский район).

За шестком в особое углубление — *загнётика*, *зástоронок*, *опéчек*, *опéчье* — ставили горшки и чугунки, вынутые из печи, различную утварь, грели спину: *загнётика* — «Чугункý на *загнётике* постáвлю» (Приморский район); *зástоронок* — «Лучýна в *зástоронке* лежít» (Мезенский район); *опéчек* — «На *опéчек* стáвился чугунóк с готовой едóй // И тéсто в квашнé замесíла, на *опéчек* постáвила, лúцыше поднимáется» (Плесецкий район); *опéчье* — «Вон возьмí солónку-то на *опéчье*» (Плесецкий район).

Справа от шестка находилось круглое отверстие для трубы самовара — *вьюшка*, *душník*, *душничóк*, *продúх*, *самовáрня*: *вьюшка* — «*Вьюшка* —

часть пёчки, дырá, кудá трубú самовáра вставляют» (Приморский район); *душиник* (распространено во многих районах области) — «В *душиник* трубú самовáрную вставляли, когдá самовáр кипятили. А так закрывáлся крышкой, чáсто мéдной, чтоб блестéла — начищáли еé» (Красноборский район); *душничóк* — «Трубú-то в *душничóк* сунь // А вот *душничóк* для самовáра» (Приморский район); *продúх* — «В *продúх* трубú самовáра стáвили» (Лешуконский район); *самовáрня* — «А это *самовáрня*, здесь самовáр грéется» (Каргопольский район). В говорах Республики Мордовия *вьюшкой* называют *сруб дома* [Гришулина и др., 2020, с. 371].

Прямо над устьем располагался фигурный выступ, который образовывал дымоход — *вы́вод*, *колпáк*, *кошéль*, *палáтка*: *вы́вод* — «Дым чéрез ѿсье в дýмник уходíл, чéрез *вы́вод* шéл» (Мезенский район); *колпáк* — «*Колпáк* для вращéния и направлéния дýма в дымохóд // Дым из ѿсья выходит, потóм в *којупáк* идéт, потóм в дýмник» (Холмогорский район); *кошéль* — «У нас был *кошéль*, а по рекé вниz-от дак колпаком звáли. Вельский район); *палáтка* — «Когдá печь тóпится, дым чéрез *палáтку* в трубú» (Плесецкий район).

Трубу после протопки для сохранения тепла закрывали круглой же-лезной задвижкой — *вьюшкой*, *гозунóм*, *голзунóм*, *гулзунóм*: *вьюшка* — «Печь истóпим, *вьюшкой* трубú-ту закрывáли» (Виноградовский район); *гозúн*, *голзúн*, *гулзúн* — «*Гозúн*: печь тóпишь, открывáешь *гозúн*, *вьюшку*, печь вýтипишь — закрóешь *гозúн* // *Голзúн*, егó выéдернешь, ковдá тóпишь пеçь, протóпишь, задérnешь, чтоб тепло бýло // *Гулзúн*, егó открывáют да закрывáют» (Плесецкий район).

Сразу за устьем начинался под (пот) — внутреннее пространство печи, которое иногда именовалось также *пекárка*. Здесь разводят огонь, пекут хлеб, пироги, готовят пищу, а раньше еще и мылись. Слово под распространено повсеместно, во многих русских говорах, однако в архангельских говорах употребляется и фонетический вариант слова пот — «В пеци-то пód; пироги в подú пеклý, пód вýмашешь цистó да и пекéшь» (Мезенский район), «А хлеб и колобочки жйтны пекút прямó на подú» (Онежский район); «Вýпашут это там на подú-то, чтóбы ницé нé было; у пеçьки-то дно-то назывáлся пód» (Пинежский район), «Подовоý хлеб, потомý что на пód клáли, крúглой такóй» (Приморский район); «Наливúшки пеклý на потú в пеçи // Крúглой хлеб на потú пекút // Пеклý на потú потовоý хлеб» (Плесецкий район); *пекárка* — «Возьмý картóшки-то в *пекárке*» (Плесецкий район).

Сферический свод печи — пода — назывался *нéбо* (*нéбo*): «А я прotrú покá *нéбо* у пеçи и посажú в пеçь пирóг с бруsníkoy» (Пинежский район), «Вот вéрх-от пéчки назывáют *нéбо*» (Плесецкий район), «*Нéбо* как потолóк в пеçи» (Устьянский район), «Свод к пеçи — *нéбо*» (Холмогорский район).

С внешней стороны печи располагались деревянные широкие ступеньки или скамейки, на которых стояли тазы и вёдра с водой для умывания и которые одновременно служили в качестве лестницы. В различных районах Архангельской области ступеньки называются по-разному — *опéчек, прилáвник, припéчек, присты́п, присту́пок, присту́пки: опéчек* — «Сядь на *опéчек* вот у *печи*» (Ленский район), «*Опéцек* — ступенька у *пéцьки*» (Пинежский район), «На *опéчке* сдёланы *присты́пки*» (Холмогорский район); *прилáвник* — «Ужó хоть посижú малéнько на *прилáвнике* да пойдú давáй» (Устьянский район); *припéчек* — «*Припéцёк* нать бы покrásить» (Приморский район); *присты́п* — «А тут *присты́п*, на нём вéдра стояли» (Плесецкий район); *присты́пка* — «*Присты́пка* — это úзкая доскá, ступéнька, поднóжка, скамéйка, примóсток, чтобы на пéчь залéзть; на её ступáют ногóй, поднимáются» (Верхнетоемский район), «*Присты́пка* — это ступéнька на пéчь, на нéй мóжно дáже лежáть» (Красноборский район); *присты́пок* — «Это *присты́пок*, а то как на пéцьку-то попáсь // Стань на *присты́пок*-то и достáнёшь с пéчки рукавíцы» (Устьянский район); *присты́пки* — «По *присты́пкам* на пе́ць поднимáемся» (Лешуконский).

В боковой части печи на уровне человеческого роста находились небольшие углубления — *печúрки, прогóны* (если одно углубление, то оно называется *печúрка, печúрок, запéчек, опéчек*), в которые клали для просушки рукавицы, валенки, носки и прочие предметы обихода: *запéчек* — «Рукавíцы клáли сушить в *запéчек*» (Красноборский район); *опéчек* — «Шубники на *опéчки* сóхнут» (Мезенский район); *печúрка* — «Там в *пецёрке* шубники лёжáт, сходí и возьмá// Рукавíцы да носкí в *печурку* всё кладú, там бýстро сóхнет» (Верхнетоемский район), «Спíчки-те в *печурке* лежáт» (Вилегодский район); *печúрок* — «*Печурок* вот, на перéдней сторонé пéчки, спíчки кладúт» (Лешуконский район); «*Печурок* — выéмка в пéчи; рукавíчки сúшат, а у менé всегдá крúжка для воды стóйт» (Няндомский район); *печúрки* — «Зимóй одéжу на пéчи сушíли, кáтанцы на лежáнке, а рукавíцы да верхóньки в *печурках*» (Пинежский район); *прогóны* — «*Прогóны*-то у пéцьки как *пецёрки*» (Холмогорский район).

Для тепла с задней стороны печи пристраивалась невысокая печка — *лежáнка*, на ней тоже спали: «*Лежáнка* внизу, а галáнка высокó» (Плесецкий район), — а сбоку иногда пристраивали маленькую печь — *подтóпок*: «Когда не холóдно, *подтóпок* топлó» (Плесецкий район), «У нáшой-то пе́чи *подтóпок* пристрóён» (Устьянский район).

3.3. Лексико-фонетические и морфологические варианты слов

Русская печь — это сложное сооружение, каждая часть печи имеет свое назначение в быту, отсюда в русских, в частности архангельских, го-

ворах разнообразие лексико-фонетических и морфологических (лексико-грамматических и лексико-морфологических («словообразовательных»)) вариантов [Блинова, 1984, с. 55, 58—59]. Из приведенных примеров можно выделить лексико-фонетические варианты, различающиеся звуковым составом корневой морфемы при неизменном месте ударения: 1) варианты слова, различающиеся гласными: *загнёта* — *загнёта*; *задорга* — *задорога*, *зарáдок* — *зарóдок*; 2) варианты слова, различающиеся согласными: *под* — *пот*; *зымza* — *зынза*; 3) варианты слова, различающиеся гласными и согласными одновременно: *у́сье* — *у́сьё* — *у́сье* — *у́сьё*; *челó* — *целó* — *цалó* — *салó*; *сólныша* — *сóвныша* — *сóуныша* — *сóмныша*; *шóлнуша* — *шóлныша* — *шóуныша* — *шóлноша* — *шóвныша* — *шóмоша* — *шóмноша* — *шóмныша*; *шóлныш* — *шóлнуши* — *сólныши*.

Из приведенных примеров можно выделить морфологические варианты слова, которые различаются грамматическими показателями, например, имеют отличия в категории числа: *загнёта*, *загнёты* ‘место в топке русской печи, куда загребают угли’; в категории рода: *сólныша* — *сólныши*, *шóлныша* — *шóлныши*, *шóлнуша* — *шóлнуши* ‘пространство между стеной и печью; помещение за печью; кухня’.

Среди лексико-морфологических вариантов слова можно выделить большое количество вариантов; среди них варианты суффиксального типа (*заслónка* — *заслónница* — *заслónочка* ‘железный лист, закрывающий топку в русской печи’) и варианты префиксально-суффиксального типа (*запéчек* — *опéчек* — *подпéчек* — *припéчек* ‘пространство между (или за) печью и боковой стеной’). Морфологические варианты отличаются аффиксальными и грамматическими показателями одновременно [Блинова, 1984, с. 58]: *загнётика*, *загнётка* — *загнёток*, *загнёток* ‘место в топке русской печи, куда загребают угли’; *печурка* — *печурок* ‘небольшое углубление в боковой части печи для просушки рукавиц, валенок, носков и проч.’; *запéчек* — *опéчек* — *подпéчек* — *подпéчка* — *подпéчь* — *подпéчье* ‘пространство под русской печью между полом, подом и шестком’; *опéчье* — *опéчек* — *подпéчек* ‘деревянное основание, фундамент печи’.

А. Н. Тихонов определяет морфемный состав слов *печ-к-а*, *печ-е-ч-к-а*, *печ-урк-а*, *печ-н-ой*, *за-пe[ч-ј-э]*, *при-печ-ек*, *под-печ-ек* [Тихонов, 2014, с. 349]. В исследовании «Лексема печь и её дериваты в северорусских говорах» указан морфемный состав слов *за/печ/ек*, *за/печ/к/а*, *о/печ/ек*, *о/печ/е*, *печ/урок*, *печ/уроч/ек*, *печ/уроч/к/а*, *под/печ/к/а*, *под/печ/е* [Бутурлина и др., 2022, с. 78]. Слов, называющих части русской печи и входящих в тематическую группу «Русская печь», много, поэтому наглядно представим деривационные связи однокоренных слов с общим корнем *-печ-*:

печь →

пе-чíн-а
печ-ишка
печ-ищ-а
пéч-к(а) → пéчеch-к-а (черед. к-ч)
печ-и-ой
печ-оинк-а
печ-у́рк-а → печ-у́роch-к-а (черед. к-ч)
печ-у́рок → печ-у́роch-ек (черед. к-ч)
пек-áрк-а (черед. ч-к)
зá-печь
за-пéч-к-а
за-пéч-ек
за-пé[ч-ј-э] (запéчье)
о-пéч-ек
о-пé[ч-ј-э] (опéчье)
под-пéчь
под-пéч-к-а
под-пéч-ек
под-пé[ч-ј-э] (подпéчье)
при-пéч-ек
при-пé[ч-ј-э] (припéчье)
проти-пé[ч-ј-э] (протипéчье)

Данное словообразовательное гнездо характеризуется структурной однородностью. На первой ступени производности слова образуются суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом.

4. Заключение = Conclusions

Лексика, называющая разновидности русской печи и её составляющие части в русских говорах, изучена недостаточно полно в научной литературе. В статье предпринята попытка представить диалектные наименования русской печи и её частей в говорах разных районов Архангельской области.

Как показал исследуемый материал, в северных деревнях использовались разные типы печей. По функции печи делились на те, которые обогревали помещение (*времянка, голландка, печь, печка, печища, подтопок, столбянка, стояк, чугунка*), и печи, в которых пекли пироги и готовили пищу (*печь, печка, печища, пекарка*). По размеру печи могли быть большими, занимающими одну четвертую часть жилого помещения избы (*печь, печка, печища*) и маленькими, присоединенными сбоку, их использовали,

как правило, для подтапливания, чтобы сохранить тепло в помещении (*времянка, подтопок*). Кроме того, актуальным семантическим признаком в наименованиях печи является параметр высоты, к числу высоких печей относятся *голландка, столбянка, стояк*. По материалу изготовления печи делятся на сделанные из глины (*бита, битая печь, битуха, лежанка, лежаночка, пекарка*) и из металла (*времянка, чугунка*).

В архангельских говорах, как и в других русских диалектах, широко используются общенародные наименования частей русской печи: *вьюшка, дымоход, загнета, загнетка, заслонка, печь, печка, печурка, под, шесток, устье*.

Разнообразие архангельских наименований частей русской печи позволяет выделять синонимические ряды: *закутка = закутóк = закутóчек = заúлок = сólныша = шóлныша = шóменка = зáук; залáвок = запéчек = опéчек = ошéсток = печúрок = подпéчек = подпéчка = подпéчъ = подпéчъе = нóд = припéчек; шестóк = соштóк = зарáдок = зарóдок = загнéток; загнéтка = зáсторонок = опéчек = опéчье; вьюшка = душník = душничóк = продúх = самовáрня* и др.

Как показал анализ, в архангельских говорах встречаются лексико-фонетические варианты, например: *загнéта — загнéтка; под — пом; устье — юстьё — юсье — юсьё; морфологические варианты слова, различающиеся грамматическими показателями: например, загнéта, загнéты (различия в числе), сólныша — сólныши, шóлныша — шóлныши, шóлнуша — шóлнуши (различия в роде); лексико-морфологические варианты составляют ряды единиц — образований суффиксального типа: заслónка — заслónница — заслóночка — и префиксально-суффиксального типа: запéчек — опéчек — подпéчек — припéчек.*

Представленный в статье анализ позволит пополнить диалектные словари новыми материалами, поможет в изучении фольклорных текстов и художественных произведений северных писателей. Данный диалектный материал вошел в состав тематического словаря архангельских говоров, в котором зафиксирована лексика, называющая постройки и их части в говорах Архангельской области.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. АОС — *Архангельский областной словарь* — Москва : Изд-во Мос. ун-та, Наука, 1980—2022. — Выпуск 1—23.
2. Блинова О. И. *Русская диалектология. Лексика : Уч. Пособие / О. И. Блинова.* — Томск : Изд-во Томск, ун-та, 1984. — 133 с.

3. Бутурлина М. Ю. Лексема печь и её дериваты в севернорусских говорах / М. Ю. Бутурлина, Д. А. Писарева, И. Н. Дьячкова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия : Исторические и филологические науки. — 2022. — № 1 (24). — С. 76—81.
4. Гришунина В. П. Структурно-семантические особенности названий построек и их частей в говорах Республики Мордовия / В. П. Гришунина, Н. И. Ершова // Финно-угорский мир. — 2020. — Т. 12. — № 4. — С. 368—378. — DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.368-378.
5. Денисова Л. Н. Этнолингвистическая презентация семантического пространства «жилье» в русских говорах Республики Мордовия / Л. Н. Денисова, А. Ю. Маслова, Т. И. Мочалова // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 420. — С. 29—37. — DOI: 10.17223/1561-7793/420/4.
6. Дьячкова И. Н. Этнолингвистический комментарий к деривационно фразеологическому гнезду слова печь в севернорусском диалектном дискурсе / И. Н. Дьячкова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2021. — № 6 (105). — С. 15—26. — DOI: 10.23859/1994-0637-2021-6-105-2.
7. Ильина Е. Н. Описание крестьянского жилища в борбушинском говоре / Е. Н. Ильина // Вестник Костромского государственного университета. — 2022. — Т. 28. — № 1. — С. 143—149. — DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-1-143-149.
8. Киселева Г. В. Русская печь как явление духовной культуры / Г. В. Киселева // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1995. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 1998. — С. 73—76.
9. Комягина Л. П. Лексический атлас Архангельской области / Л. П. Комягина. — Архангельск : Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1994 (1995). — 235 с. — ISBN 5-88086-047-7.
10. Левичкин А. Н. Словарь пинежских говоров : Проект. Пробные словарные статьи / А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — 196 с.
11. Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов / С. А. Мызников. — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — 1076 с. — ISBN 978-5-4469-1552-1.
12. Паникаровская Т. Г. Названия реалий крестьянского быта в вологодских говорах (русская печь и ее части) / Т. Г. Паникаровская // Эволюция лексической системы севернорусских говоров : [сборник статей]. — Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т., 1984. — С. 20—25.
13. Словарь как жизнь родной деревни : К истокам русской речи / сост. А. А. Алсуфьева и др. ; под общ. ред. Э. Н. Осиповой. — Архангельск : Свѣточъ, 2023. — 412 с. — ISBN 978-5-6048527-7-4.
14. Словарь говоров Русского Севера. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001—2018. — Т. 1—7.
15. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-П етербург. ун-та, 1994—2005. — Выпуск 1—6.
16. СРНГ — Словарь русских народных говоров. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2021. — Выпуск 1—52.
17. ТСАГ — Тематический словарь архангельских говоров. Одежда, обувь, головные уборы, украшения, ткани / под ред. Л. В. Ненашевой. — Архангельск : КИРА, 2023. — Выпуск 1. — 192 с. — ISBN 978-5-98450-831-5.

18. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А. Н. Тихонов. — Москва : АСТ, 2014. — 639 с. — ISBN 978-5-17-082826-5.
19. Устьянский народный словарь / Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Устьянский краеведческий музей». — П. Октябрьский, Устьян. краеведч. музей : Вельти, 2012. — 496 с. — ISBN 978-5-88362-134-4.
20. Шубина Н. Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села Городище Старооскольского района Белгородской области : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. Г. Шубина. — Елец, 2004. — 22 с.
21. Якушевич И. В. Соматический код русской печи в русских народных говорах / И. В. Якушевич, В. И. Бурмина // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2023. — № 4 (52). — С. 118—127. — DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.09.

*Статья поступила в редакцию 04.06.2024,
одобрена после рецензирования 31.07.2024,
подготовлена к публикации 13.08.2024.*

References

- AOS — *Arkhangelsk Regional Dictionary*, 1—23. (1980—2022). Moscow: Publishing House of the Moscow University, Nauka. (In Russ.).
- Blinova, O. I. (1984). *Russian dialectology. Vocabulary: Textbook*. Tomsk: Tomsk Publishing House, University. 133 p. (In Russ.).
- Buturlina, M. Yu., Pisareva, D. A., Dyachkova, I. N. (2022). The lexeme of the furnace and its derivatives in Northern Russian dialects. *Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences*, 1 (24): 76—81. (In Russ.).
- Grishunina, V. P. (2020). Structural and semantic features of the names of buildings and their parts in the dialects of the Republic of Mordovia. *Finno-Ugric world*, 12 (4): 368—378. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.368-378.5. (In Russ.).
- Denisova, L. N. (2017). Ethnolinguistic representation of the semantic space “housing” in the Russian dialects of the Republic of Mordovia. *Bulletin of Tomsk State University*, 420: 29—37. DOI: 10.17223/15617793/420/4. (In Russ.).
- Dyachkova, I. N. (2021). Ethnolinguistic commentary on the derivational phraseological nest of the word oven in the Northern Russian dialect discourse. *Bulletin of Cherepovets State University*, 6 (105): 15—26. DOI: 10.23859/1994-0637-2021-6-105-2. (In Russ.).
- Ilyina, E. N. (2022). Description of a peasant dwelling in the Borbushinsky dialect. *Bulletin of Kostroma State University*, 28 (1): 143—149. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-1-143-149. (In Russ.).
- Kiseleva, G. V. (1998). Russian oven as a phenomenon of spiritual culture. In: *Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research)* 1995. St. Petersburg: OR RAS. 73—76. (In Russ.).
- Komyagina, L. P. (1994 (1995)). *Lexical atlas of the Arkhangelsk region*. Arkhangelsk: Pomor Publishing House. international ped. Unita. 235 p. ISBN 5-88086-047-7. (In Russ.).
- Levichkin, A. N. (2014). *Dictionary of Pinezh dialects: A project. Trial dictionary entries*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 196 p. (In Russ.).

- Myznikov, S. A. (2019). *Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 1076 p. ISBN 978-5-4469-1552-1. (In Russ.).
- Panikarovskaya, T. G. (1984). Names of the realities of peasant life in Vologda dialects (Russian oven and its parts). In: *The evolution of the lexical system of Northern Russian dialects: [collection of articles]*. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute. 20—25. (In Russ.).
- Dictionary as a native village life: To the origins of the Russian speech*. (2023). Arkhangelsk: Svitoch. 412 p. ISBN 978-5-6048527-7-4. (In Russ.).
- Dictionary of dialects of the Russian North, 1—7*. (2001—2018). Yekaterinburg: Ural Publishing House. unita. (In Russ.).
- Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions, 1—6*. (1994—2005). St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. (In Russ.).
- SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects, 1—52*. (1965—2021). Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).
- TSAG — *Is a thematic dictionary of Arkhangelsk dialects. Clothes, shoes, hats, jewelry, fabrics, 1*. (2023). Arkhangelsk: KIRA. 192 p. ISBN 978-5-98450-831-5. (In Russ.).
- Tikhonov, A. N. (2014). *A new word-formation dictionary of the Russian language for everyone who wants to be literate*. Moscow: AST. 639 p. ISBN 978-5-17-082826-5. (In Russ.).
- Ustyansk folk Dictionary / Municipal Budgetary Cultural Institution “Ustyansk Museum of Local Lore”*. (2012). P. Oktyabrsky, Ustyian. local history. Museum: Velti. 496 p. ISBN 978-5-88362-134-4. (In Russ.).
- Shubina, N. G. (2004). *Names of residential and outbuildings in the dialect of the village of Gorodishche, Starooskolsky district, Belgorod region*. Author's abstract of PhD Diss. Yelets. 22 p. (In Russ.).
- Yakushevich, I. V. (2023). Somatic code of the Russian furnace. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series “Philology. Theory of language. Language education”*, 4 (52): 118—127. DOI: 10.256888/2076-913X.2023.52.4.09. (In Russ.).

*The article was submitted 04.06.2024;
approved after reviewing 31.07.2024;
accepted for publication 13.08.2024.*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Радбиль Т. Б. Языковое воплощение концепта ЗДОРОВЬЕ в современных отечественных дискурсивных практиках (на материале газетных корпусов) / Т. Б. Радбиль // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 128—153. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-128-153.

Radbil, T. B. (2024). Linguistic Manifestation of Concept of HEALTH in Contemporary Domestic Discursive Practices (Newspaper Corpora). *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 128-153. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-128-153. (In Russ.).

Clarivate
Web of Science™

Scopus®

DOAJ

NSD ERIH PLUS
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК
ДИССЕРТАЦИЙ И АВТОРСКИХ РАБОТ
ПО ГУМАНИТАРНЫМ И ПРИРОДОВЕДЕНИИ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU
РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Языковое воплощение концепта ЗДОРОВЬЕ в современных отечественных дискурсивных практиках (на материале газетных корпусов)

Радбиль Тимур Бенюминович
orcid.org/0000-0002-7516-6705
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики
timur@radbil.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-18-00371,
<https://rscf.ru/project/24-18-00371/>

Linguistic Manifestation of Concept of HEALTH in Contemporary Domestic Discursive Practices (Newspaper Corpora)

Timur B. Radbil
orcid.org/0000-0002-7516-6705
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Theoretical
and Applied Linguistics
timur@radbil.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-00371,
<https://rscf.ru/project/24-18-00371/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема языковой экспликации концепта ЗДОРОВЬЕ в отечественном медиадискурсе наших дней. Осуществлено исследование функционирования имени концепта — лексемы *здоровье* на языковом материале контекстов, извлеченных из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка. Использована методика корпусно-дискурсивного анализа. Выявлены концептуально-метафорические модели смыслового обогащения концепта и расширения его семантического объема. Показано, что семантические преобразования лексемы здоровье в ее дискурсной актуализации обнаруживают рефлексы осмысливания абстрактного концепта ЗДОРОВЬЕ как ресурса, вещества, физического объекта, механизма, контейнера, живого существа и пр. Установлено, что наращение смыслового объема концепта в контекстах атрибутивной и генитивной сочетаемости демонстрирует распространение представлений о здоровье как о нормальном состоянии или функционировании чего-либо на самые разнообразные духовные, нравственные, психологические, эмоциональные, социальные, политические, экономические, финансовые, производственные, природные и культурные области, в том числе на сферу работы устройств, предметов быта, приборов и механизмов. Делается вывод о наличии у анализируемого концепта презентативного ценностного потенциала, связанного с когнитивной доминантой нормы.

Ключевые слова:

лексема *здоровье*; концепт ЗДОРОВЬЕ; дискурсивные практики; сетевая медиаречь; газетный корпус; корпусно-дискурсивный анализ; современная русская речь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study addresses the issue of the linguistic explication of the concept of HEALTH within contemporary domestic media discourse. An investigation has been conducted into the functioning of the conceptual name — the lexeme ‘health’ — through linguistic material derived from contexts extracted from newspaper corpora within the National Corpus of the Russian Language. A corpus-based discursive analysis methodology was employed. Conceptual-metaphorical models that enrich the meaning of the concept and expand its semantic scope have been identified. It is demonstrated that the semantic transformations of the lexeme ‘health’ in its discursive realization reveal reflections on the understanding of the abstract concept of HEALTH as a resource, substance, physical object, mechanism, container, living entity, and more. It has been established that the augmentation of the semantic volume of the concept in contexts of attributive and genitive compatibility illustrates the dissemination of notions regarding health as a normal state or functioning of various entities across a wide array of spiritual, moral, psychological, emotional, social, political, economic, financial, industrial, natural, and cultural domains, including the operational sphere of devices, household items, instruments, and mechanisms. The study concludes with the assertion that the analyzed concept possesses a representative value potential linked to the cognitive dominance of normativity.

Key words:

lexeme *health*; concept of HEALTH; discursive practices; network media discourse; newspaper corpus; corpus-based discursive analysis; contemporary Russian.

УДК 811.161.1'37:392.7

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-128-153

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Языковое воплощение концепта ЗДОРОВЬЕ в современных отечественных дискурсивных практиках (на материале газетных корпусов)

© Радбиль Т. Б., 2024

1. Введение = Introduction

Представление о значимости здоровья относится к числу универсальных идей мировой культуры, восходящих еще к истокам формирования человеческой цивилизации. В мифологии любого народа, населяющего планету, издревле существует устойчивая связка между полноценностью человека как представителя своего рода или племени и его физической крепостью, силой, выносливостью и пр., в основе чего лежит здоровье. Болезнь всегда воспринимается как некое отклонение, вызванное враждебными человеку сверхъестественными силами, но и здоровье тоже понимается в качестве дара богов, на который можно воздействовать разными магическими манипуляциями.

Подобный комплекс идей и представлений в той или иной степени сохранился и до нашего времени, о чем свидетельствуют данные языка. В частности, в русском языке само приветствие *здравствуйте* (в просторечном варианте — *здраво*) отражает приоритетную роль физического здоровья как базовой ценности личности, пожелание наличия которой выходит на первый план в оценке набора ожидаемых личностных качеств и свойств. Аналогичную функцию в речевом взаимодействии людей выполняет и ритуализованная речевая формула благопожелания *будь здоров* в разных типовых ситуациях общения, а также частотный тост *За твое / ваше здоровье!*, этикетная ответная реплика *На здоровье* как субститут стандартного *Пожалуйста* в ряде реактивных иллокутивно вынужденных речевых интеракций и под. Также устойчивым является и представление о связи физического и духовного здоровья, которое зафиксировано еще в знаменитом прецедентном тексте, восходящем к Ювеналу: *Mens sana in corpore sana* ‘В здоровом теле здоровый дух’. Эта же идея отражена и в универсальной фразеологизованной коллокации *здравый смысл*.

В наше время, когда, казалось бы, цивилизация выработала ряд более значимых ценностей, чем просто физическое здоровье, мы, напротив, наблюдаем всплеск интереса именно к проблематике здоровья как ключевой, так сказать, парадигмальной константы человеческого существования в современном мире — ср., например, влиятельную в мировом сообществе американскую концепцию «Healthy People 2010» («Здоровая нация 2010»). Развивается, в сущности, простая мысль: без физического здоровья не будет у человека ничего — ни карьеры, ни успеха, ни личностного развития, ни нормальной семейной жизни. Здоровье человека является основой благосостояния этноса, социума, государства. В свою очередь, одним из важнейших факторов улучшения здоровья нации выступает оптимальная коммуникация в сфере здравоохранения: «Коммуникация в сфере здравоохранения — это дисциплина и практика применения коммуникативных стратегий для того, чтобы предоставлять информацию и влиять на принятие решений, которые улучшают здоровье как на индивидуальном уровне, так и на уровне сообщества в целом» [CDC, 2012]. Эти положения развиваются также в монографии «Health Communication in the 21st Century» [O'Hair et al., 2012] и в статье «Developments in Health Communication in the 21st Century» [Jones et al., 2012]. Мощный всплеск представлений о приоритетной значимости здоровья в мировом коммуникативном пространстве был закономерно вызван в период, связанный с распространением COVID-19 (об отечественных дискурсивных практиках в эпоху коронавируса — см. тематический выпуск журнала [Коммуникативные исследования, 2020, № 7(4), 725–964]).

Настоящая работа открывает цикл исследований, посвященных описанию современных отечественных дискурсивных практик в сфере здравоохранения. Как известно, дискурс в современном понимании — это прежде всего формирование и ретрансляция определенных ценностей и речеповеденческих установок [Карасик, 2020]. Содержание указанных ценностей и установок определяется системой ключевых концептов, которыми оперирует языковое сообщество. Таким образом, вполне закономерно, что исследование дискурсивных практик в сфере здравоохранения следует начать с изучения особенностей языкового воплощения ключевого концепта ЗДОРОВЬЕ в национальной концептосфере новейшего периода.

Согласно концепции А. Вежбицкой, одним из базовых факторов, определяющим культурную значимость концепта, выступает его «культурная разработанность» [Вежбицкая, 1997], которая заключается в значительном семантическом объеме, в обширных рефлексах в словообразовании, фразеологии, паремиологии, иных областях прецедентности, в многочисленных языковых расширениях слов — rappresentantov концепта (прежде всего —

в моделях концептуальной метафоризации и метонимизации), в их активной реализации в дискурсах разного типа, а также в их существенном оценочном потенциале. Все эти особенности, вне всякого сомнения, присущи и современному бытованию языковых репрезентантов концепта ЗДОРОВЬЕ.

В настоящей работе мы остановимся на анализе имени концепта — существительного *здоровье*. Мы рассмотрим такую область функционирования этой лексемы, как отечественный медийный дискурс, так как именно дискурсивные практики современных медиа являются, по общему мнению, наиболее репрезентативной и активно функционирующей коммуникативной средой в плане моделирования и транслирования базовых ценностей и установок языкового сообщества [Клушкина, 2019; Цветова, 2020]. Все сказанное особенно справедливо для его сетевой разновидности, где реализуются специфические модели использования языка, обусловленные особенностями канала коммуникации [Костадинов и др., 2016; Facchinetti, 2021]. Как нам представляется, предложенный путь рассмотрения языковой и дискурсивной объективации концепта ЗДОРОВЬЕ может стать своего рода «точкой отсчета» для дальнейших исследований современных отечественных дискурсивных практик в сфере здравоохранения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Интерес к изучению концептуального поля здоровья в отечественном гуманитарном знании активизируется на рубеже XX—XXI веков, причем в самых разных аспектах — см., например, работу «Тезаурус болезни. Русско-польские параллели» [Шмелева, 2001]. Репрезентативное описание семантического наполнения концепта ЗДОРОВЬЕ было предложено в известной «Антологии концептов», созданной в рамках исследований Волгоградской концептологической школы [Усачева, 2005, с. 110—118]. Концепт ЗДОРОВЬЕ также нашел отражение и в философско-культурологических исследованиях [Пилющенко, 2016; Туркина и др., 2019]. В эти и последующие годы в отечественной лингвистике появился целый ряд диссертационных исследований, освещающих как семантические представления о здоровье в различных языковых картинах мира — русской, английской, французской (и в описательном, и в сопоставительном отношении) [Тимошенко, 2005; Туленинова, 2008; Бухтоярова, 2009; Бацуева, 2016], так и различные дискурсивные практики, связанные со здоровьем [Аксенова, 2008; Бурова, 2008; Тванба, 2013; Троян, 2017].

Научные работы последних лет отражают новые исследовательские акценты в описании концепта ЗДОРОВЬЕ и связанных с ним дискурсивных практик. В основном актуализируются лингвокультурологические и коммуникативно-дискурсивные штудии. В лингвокультурологическом на-

правлении исследований концепта ЗДОРОВЬЕ прежде всего следует отметить работы Ю. А. Петкау, посвященные комплексному, в том числе экспериментальному, описанию данного концепта как культурного феномена [Петкау, 2013; Петкау, 2014]. Лингвокогнитивное исследование концепта осуществлено в работах Е. Б. Пенягиной и С. В. Ковалевой [Пенягина, 2020; Ковалева, 2023]. В аспекте сопоставительной лингвокультурологии на материале русского, английского, немецкого, французского, китайского и др. языков концепт рассматривается в статьях [Чайко и др., 2021; Ван Сюециао и др., 2022; Абсаматова, 2023]. Коммуникативно-дискурсивный аспект реализации концепта ЗДОРОВЬЕ в разных речевых практиках носителей современного русского языка представлен в работах А. С. Корольковой, посвященных проблеме концептуализации здорового образа жизни в интернет-коммуникации и СМИ [Королькова, 2020; Королькова, 2021], и О. С. Иссерс, рассматривающих разные аспекты коммуникации в сфере здравоохранения [Иссерс, 2021; Иссерс, 2023].

В настоящей работе, с учетом рассмотренного выше значительного научного материала, предлагается исследовательская модель комплексного описания особенностей языковой объективации концепта ЗДОРОВЬЕ в сетевом медиадискурсе на основе предлагаемой нами научной процедуры когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных. Указанная методика базируется на принципах корпусно-дискурсивного анализа [Чернявская, 2018], экспериментальной и «аффективной» прагматики [Scarantino, 2017; Noveck, 2021] комплексного описания активных процессов на разных уровнях языка [Русский язык ..., 2021; Радбиль и др., 2022]. Как показано нами в работе [Радбиль, 2023], данный исследовательский инструментарий является эффективным средством обнаружения и верификации контекстуально обусловленных семантических компонентов и моделей неизуальной сочетаемости анализируемых единиц, которые отсутствуют в их системно-языковом представлении, отраженном в словарях.

Материалом исследования выступают данные основных русских толковых словарей [ССРЛЯ, т. 4, 1955, стлб. 364; СРЯ, т. 1, с. 605; Ефремова, т. 1, 2000, с. 747] и контексты, извлеченные из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Принятая в работе процедура исследования включает в себя следующие этапы. На предварительном этапе рассматриваются данные лексикографических источников, которые позволяют сформировать базовое семантическое наполнение концепта. Затем анализируются рефлексы семантических преобразований лексемы *здравье* в ее дискурсной реализации в сетевой

медиаречи, которые позволяют выделить основные концептуально-метафорические модели смыслового обогащения концепта [Lakoff et al., 2018], а также контексты ее атрибутивной сочетаемости, которые способствуют выявлению рефлексов расширения его семантического объема. В соответствии с концепцией исследования, установление фактов значительного смыслового обогащения концептуального содержания и существенного расширения его семантического объема является репрезентативным свидетельством «культурной разработанности» концепта ЗДОРОВЬЕ в дискурсивных практиках носителей современного русского языка.

3.1. Лексикографический анализ лексемы *здравое*

В основных русских толковых словарях лексема *здравое* выступает как полисемант и имеет следующие значения: (1) ‘Состояние живого организма, при котором правильно совершаются все его действия. Противопол.: болезнь. Заботиться о здоровье. *Рассстроить здоровье. Поправить здоровье*’ [ССРЛЯ, т. 4, стлб. 1364], в варианте: ‘Состояние организма, при котором правильно, нормально действуют все его органы. *Потерять здоровье. Вредно для здоровья. Заботиться о своем здоровье*’ [СРЯ, т. 1, с. 605; Ефремова, т. 1, с. 747]; (2) ‘Чье-либо самочувствие, состояние. *Расseyание было ей необходимо после такого несчастия, да и здоровье ее требовало теплого климата*. Тург. Дворян, гнездо’ [ССРЛЯ, т. 4, стлб. 1364], в варианте: ‘То или иное состояние организма, самочувствие’ [СРЯ, т. 1, с. 605], ‘Самочувствие’ [Ефремова, т. 1, с. 747]; (3) ‘перен. Духовное, социальное благополучие’ [Там же]. Укажем, что метафорическое переносное значение, отражающее отмеченную ранее связь представлений о физическом и духовном здоровье, представлено только в более позднем по времени словаре Т. Ф. Ефремовой.

Также лексема *здравое* входит в состав устойчивых формул речевого этикета: (4) *За здоровье* (кого-либо). ‘Здравица при выпивании вина на банкете, в гостях и т. п.’; (5) *На здоровье! На доброе здоровье!* ‘Доброе пожелание при угощении или в ответ на благодарность угощаемого; пожелание чихнувшему’ [ССРЛЯ, т. 4, стлб. 1364; СРЯ, т. 1, с. 605]; (6) *Ваше здоровье*. ‘Устар. Почтительное обращение лица, ниже стоящего по общественному положению, к лицу, выше стоящему. Здесь крестьяне величают господ титлом Ваше здоровье; титло завидное, без коего все прочие ничего не значат. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому, 5 ноября 1830’ [ССРЛЯ, т. 4, стлб. 1364].

Данные газетных корпусов НКРЯ регулярно отражают три базовых значения лексемы *здравое*:

(1) ‘Состояние живого организма, при котором правильно совершаются все его действия’: *Чтобы не ощущать тяжесть после любимого соуса*

и не навредить здоровью, лучше снизить его калорийность (Парламентская газета, 29.12.2021) [НКРЯ]; Уже существуют программы, которые обеспечивают людей с ограниченными возможностями здоровья техническими средствами, деньги выделяются, напомнил он (Парламентская газета, 23.12.2021) [НКРЯ];

(2) ‘Чье-либо самочувствие, состояние’: в эти дни состоялись непростые разговоры с семьей и с командой. Семья серьезно обеспокоена моим здоровьем (Парламентская газета, 11.01.2021) [НКРЯ]; Работа начала разрушать ее здоровье и личность, и она уволилась с завидной должности, чтобы восстановиться (Ведомости, 05.11.2020) [НКРЯ];

(3) ‘перен. Духовное, социальное благополучие’: к традиционным приоритетам — борьба с преступностью, обеспечение безопасности и т. п. — добавились еще и аспекты, связанные с социальным здоровьем общества… (Московский комсомолец, 13.06.2016) [НКРЯ]; Да, порой это была суровая правда, но правда, высказанная со всей страстью гражданина, коммуниста по убеждению, верящего в духовное здоровье своего народа (Парламентская газета, 06.11.2017) [НКРЯ].

Однако даже предварительный эмпирический анализ корпусного материала обнаруживает значительное смысловое обогащение концептуального содержания и существенное расширение семантического объема исследуемой лексемы, что не отражено в ее лексикографическом представлении. Согласно принятой концепции исследования, именно это является свидетельством культурной разработанности соответствующего концепта в дискурсивных практиках носителей русского языка новейшего периода. Далее, по данным газетных корпусов, рассматриваются семантические преобразования лексемы *здоровье*, связанные с изменениями в области содержания и объема выражаемого ей концепта (соответственно, подразделы 3.2 и 3.3 настоящей статьи).

3.2. Концептуально-метафорические модели смыслового обогащения лексемы *健康发展* по данным газетных корпусов

Признаком культурного освоения значимого концепта абстрактной семантики, к каковым, в частности, относится и концепт ЗДОРОВЬЕ, в коммуникативной среде языкового сообщества, в соответствии с принципами описания активных процессов в языке [Русский язык ..., 2021], является активное вхождение слов — репрезентантов концепта в модели концептуальной метафоризации по типу овеществления или одушевления [Lakoff et al., 2018], в которых абстрактная сущность может быть представлена как явление природы, вещь, предмет, вещества, а также как живое существо. В результате этого наблюдаются эффекты смыслового обогащения концептуального содержания на уровне дискурсной реализации воплощающих его слов.

Ниже мы рассмотрим типичные для лексемы *здоровье* контексты концептуальной метафоризации, к которым прежде всего относятся: (1) субъектно-предикатные и предикатно-объектные сочетания с глаголами физического действия / состояния, с акциональными глаголами, обозначающими действия, в норме приписываемые живому существу; (2) генитивные метафоры, организованные по модели «конкретное существительное + существительное *здоровье* в род. пад.».

Наиболее активно представлены в обследованном материале модели структурной метафоры ЗДОРОВЬЕ — ЭТО РЕСУРС [Lakoff et al., 2018]. В соответствии со структурой этой метафоры абстрактная сущность «Здоровье» может быть представлена как вид материального вещества, которое:

— можно хранить и тратить: *Как сохранить здоровье россиян, выясняла «Парламентская газета»* (Парламентская газета, 21.10.2021) [НКРЯ]; *«Школьная форма является вторым по значимости фактором после рационального и здорового питания детей, чтобы максимально сберегать здоровье школьника»*, — пояснил врач (Парламентская газета, 20.08.2021) [НКРЯ]; *Но при этом они тратят свое здоровье, чтобы приносить радость людям* (Комсомольская правда, 09.04.2010) [НКРЯ];

— можно целесообразно (или нецелесообразно) расходовать или восстанавливать утраченное количество: *Важно быстро восстановить здоровье людей, подчеркнула Голикова* (Парламентская газета, 02.06.2021) [НКРЯ]; ... *Оснащение оборудованием проводится, чтобы ранняя диагностика и малоинвазивное вмешательство стало доступным нижегородцам, помогало врачам спасать жизни и возвращать здоровье пациентам...* (Lenta.ru, 22.07.2020) [НКРЯ];

— можно измерять количественно (много / мало здоровья): *Элементарный расчет показывает, что годовой доход одинокой, не обладающей избытком здоровья пенсионерки в 20 раз превысил доход семьи Кашигановых, состоящей из шести потенциальных работников* (Труд-7, 18.07.2000) [НКРЯ]; *Жоресу Ивановичу немного не хватило, возможно, потому что много здоровья он потратил в российском парламенте и занимаясь просветительской и политической работой* (Парламентская газета, 02.03.2019) [НКРЯ]; *Надо реагировать на постоянные перемещения мяча и меняющихся оппонентов, не забывая при этом закрывать уже вроде бы освобожденные теми фланги, потому что освобождаются они не просто так, а под «вингеров» Босингву и Пауду Феррейру, у которых вагон здоровья* (Коммерсант, 09.06.2008) [НКРЯ]; *Во время спаривания самки мушек получают от самцов пептид, который вызывает воспаление, уменьшает здоровье и продолжительность жизни* (Lenta.ru, 13.07.2020) [НКРЯ].

— является ценностью и имеет стоимостный эквивалент и пр.: *Многочисленные трауры и страдания делают ещё более зримой ценность здоровья*, являющегося основным условием права на жизнь... (Парламентская газета, 07.04.2020) [НКРЯ]; Геннадий Онищенко заявил, что россияне стали меньше употреблять алкоголь из-за того, что в стране появилось поколение, которое осознаёт цену своего здоровья... (Парламентская газета, 14.03.2018) [НКРЯ]; *Здоровье нынче стоит дорого и будет все дорожать — для каждого из нас и для каждой из стран* (Парламентская газета, 09.03.2018) [НКРЯ]; *Просто повезло — вовремя пролечили, кошачье здоровье обошло в 15 тысяч рублей* (Vesti.ru, 04.04.2016) [НКРЯ].

«Вещество» здоровья также может подвергаться порче: *Если работа не в радость, это постоянный стресс — здоровье портится, да и вся жизнь* (lenta.ru, 12.12.2019) [НКРЯ]; *Здоровье портилось, психосоматика, жесткий тур — и ты просто получаешь нервный срыв и оказываешься в таком состоянии, когда ты сам себе не можешь помочь* (lenta.ru, 22.10.2019) [НКРЯ].

В других случаях, широко представленных в обследованном материале, здоровье может метафорически осмысляться как физический объект / вещь (совокупность объектов / вещей), которому приписываются разные типы физических состояний или с которым совершаются ряд физических действий («онтологическая метафора» согласно [Lakoff et al., 2018]): *А мое здоровье рухнуло, начался дефицит клеток — мне поставили диагноз СПИД* (lenta.ru, 16.01.2019) [НКРЯ]; *Слушай, у меня пока нет никаких переживаний по этому вопросу, кроме того, что здоровье пошатнулось* (lenta.ru, 22.10.2019) [НКРЯ]; *После диагностики ясно, кому нужна медицинская помощь, а кто может поправить здоровье самостоятельно — заниматься спортом, делать дыхательную гимнастику, большие гулять на свежем воздухе* (Парламентская газета, 06.12.2021) [НКРЯ].

Опредмеченное представление здоровья имеет место и в контекстах генитивных метафор, например: *Вчера компания При напряженной ответственной работе, больших нагрузках одинаково важны и психологическая разрядка, и физическая платформа здоровья* (Труд-7, 27.07.2007) [НКРЯ]; к тому же человек, регулярно сидящий в «*Башне здоровья*», обретает душевное внутреннее равновесие (Аргументы и факты, 22.09.2005) [НКРЯ]; *Матрицы здоровья* (их иногда еще называют матрицами продления жизни) для более качественного избирательного воздействия обычно разбиваются по возрастам, по половому признаку или профессиональной деятельности пациентов... (Аргументы и факты, 11.12.2003) [НКРЯ]; *Среди сотен тысяч ключей вирусов, обнаруженных у животных, к замку здоровья человека подходит только один, который изменился таким об-*

разом, что может поражать иммунную систему... (Vesti.ru, 12.05.2003) [НКРЯ]; «*Ключ здоровья*», которая продает в городе питьевую артезианскую воду, увеличила время работы своих киосков на час (Комсомольская правда, 25.04.2011) [НКРЯ].

Здоровье как предмет, вещь можно передавать, приносить кому-либо, отдавать в дар, выбрасывать как ненужную вещь: *Кто-то отдал за это жизнь, кто-то — здоровье, кто-то отдавал еще много-много лет нашему государству, восстанавливая его после войны* (РИА Новости, 09.05.2020) [НКРЯ]; *Пусть наступающий год принесет всем здоровье, счастье и благополучие, а желания, загаданные под праздничный перезвон кремлевских курантов, обязательно сбудутся!* (Парламентская газета, 31.12.2020) [НКРЯ]; *Крупнейший в России детский комплекс подарит здоровье многим детям* (Vesti.ru, 05.10.2020) [НКРЯ].

Еще один аспект овеществленного представления здоровья — его осмысление в качестве определенным образом функционирующего устройства, механизма, которое может работать нормально, а может давать сбои в работе: *Первоклашки за первые полгода учебы могут дать колossalный сбой в здоровье* (Комсомольская правда, 28.08.2009) [НКРЯ]; *Врачи рекомендуют вставать на учет в женской консультации на раннем сроке беременности — для диагностики и профилактики возможных неполадок в здоровье мамы и малыша* (Комсомольская правда, 21.01.2009) [НКРЯ]; *По крайней мере у 85 процентов неуспевающих детей имеются скрытые дефекты в здоровье* (Труд-7, 24.12.2005) [НКРЯ]; *А если принять во внимание связанные со школой издержки в здоровье, то ноль с минусом* (Аргументы и факты, 08.12.2003) [НКРЯ]; *Сегодня крайне необходимо раннее выявление изъянов в здоровье* (Аргументы и факты, 21.02.2001) [НКРЯ].

Здоровье также может входить в концептуально-метафорическую модель трехмерного контейнера (вместилища), в который может быть помещен физический объект, или физической среды / пространства [Lakoff et al., 2018]: *Никаких патологий в здоровье динамовского защитника не обнаружено* (Советский спорт, 29.01.2013) [НКРЯ]; *в здоровье есть физическая часть — тело; интеллектуальное — разум, мышление, образование; социальное и психологическое — что я чувствую у себя внутри, гармония, душа* (Ведомости, 30.08.2020) [НКРЯ]; *Еще новая тенденция: люди пошли в здоровье* (lenta.ru, 23.11.2016) [НКРЯ].

Еще один кластер контекстов концептуально-метафорического употребления лексемы *здоровье* связан с метафорическими моделями одушевления, которые характеризуются субъектно-предикатной сочетаемостью лексемы с акциональными глаголами, в норме присущей номинациям, которые обозначают целесообразно действующих субъектов, например:

— с глаголами желания или волеизъявления: *Он сказал, что его здоровье требует пребывания в больнице* (*gazeta.ru*, 19.12.2019) [НКРЯ]; *Худое здоровье заставило меня сидеть дома...* (*lenta.ru*, 03.12.2016) [НКРЯ]; ... *Но, на мой взгляд, если здоровье позволяет, лучше привиться, чем выбирать борьбу с жестоким вирусом не в боевой готовности...* (Парламентская газета, 18.06.2021) [НКРЯ]; *На дому осмотр проводят лишь в исключительных случаях, только если врачебная комиссия подтвердит, что здоровье пациента не позволяет ему приехать* (Парламентская газета, 25.02.2021) [НКРЯ];

— с предикатами внутреннего состояния, обозначающими чувства живого существа: *Здоровье граждан страдает, но есть ещё и откровенное мошенничество...* (Парламентская газета, 18.07.2021) [НКРЯ]; *в общем-то, для того чтобы ваше здоровье не пострадало, необходимо воспользоваться одним из них ...* (*Vesti.ru*, 22.12.2020) [НКРЯ]; *Главное, чтобы его не беспокоило здоровье, всякие мелкие травмы* (*Известия*, 12.05.2016) [НКРЯ];

— с глаголами контролируемого физического перемещения или движения: *Пусть здоровье придёт, все недуги уйдут* (Парламентская газета, 07.03.2021) [НКРЯ]; *Правда, если уж так сложилось, что игрок попал под огонь пулемета или пары автоматчиков, его мало что спасет, ведь здоровье уходит быстро и восполняется очень медленно* (*lenta.ru*, 21.10.2016) [НКРЯ];

— с глаголами, обозначающими ненормальное, ущербное состояние живого существа: *Иногда очень тяжело переношу минусовые температуры, здоровье хромает, поэтому о теплых городах и странах думаю все чаще* (*lenta.ru*, 29.05.2017) [НКРЯ]; *Минстрой должен строить дома, а не курительные комнаты, а Минздрав должен заботиться о здоровье граждан, и не о местах, где это здоровье калечится* (Парламентская газета, 14.10.2015) [НКРЯ].

В целом анализ семантических преобразований на уровне содержания концепта ЗДОРОВЬЕ в его дискурсной актуализации обнаруживает значительную представленность моделей концептуально-метафорического осмыслиения абстрактного концепта ЗДОРОВЬЕ как ресурса, вещества, физического объекта, механизма, контейнера, живого существа и пр., что свидетельствует о существенном смысловом обогащении данного концепта в дискурсе современных медиа, а следовательно, о его культурной разработанности в национальной концептосфере новейшего времени.

3.3. Модели расширения семантического объема лексемы *здоровье* по данным газетных корпусов

Согласно принятой концепции исследования, наращение семантического объема концепта как признак его культурной разработанности

связано с расширением сочетаемости слов — репрезентантов концепта, в нашем случае имени концепта *здоровье*, посредством чего мы можем зафиксировать распространение области проекции концепта ЗДОРОВЬЕ на такие дискурсивные пространства, которые не соответствуют принятым для него способам оперирования — на политическую, социальную, экономическую, финансовую, производственную и другие сферы. Прежде всего нас интересуют следующие типы сочетаний: (1) атрибутивные сочетания по схеме «(относительное) прилагательное + существительное *здоровье*» (какое / чье здоровье); (2) генитивные сочетания по схеме «существительное *здоровье* + неодушевленное существительное в род. пад.» (здоровье чего). По формально-структурным и функциональным основаниям собранный языковой материал можно разделить на контексты **метонимического и метафорического преобразования**.

Метонимические контексты подразделяются, соответственно, на модели метонимического сужения и метонимического расширения. Атрибутивные или генитивные сочетания с **метонимическими сужениями** реализуют возможность посредством относительного прилагательного или зависимого существительного в родительном падеже конкретизировать, здоровье какого отдельного органа или какой сферы организма имеется в виду, например: Ученые утверждают: последние десятилетия стали переломными для нашего зрительного здоровья (Коммерсант, 31.08.2020) [НКРЯ]; Учёные установили, что приблизительно на 50 % увеличение продолжительности жизни после раннего выхода на пенсию связано также с укреплением сердечно-сосудистого здоровья и пищеварительной системы (Парламентская газета, 29.01.2018) [НКРЯ]; Ученые нашли причину осложнений со здоровьем глаз после COVID-19 (Ведомости, 14.10.2021) [НКРЯ]; Елена Алешкович рассказала, что для здоровья сердца особо опасны газированные сладкие напитки, полуфабрикаты и жирное мясо (Парламентская газета, 07.10.2021) [НКРЯ]; Обыкновенная питьевая вода может положительно повлиять на здоровье кишечника (Парламентская газета, 21.07.2020) [НКРЯ]; Чтобы сохранить здоровье сосудов, Галле советует заниматься спортом и следить за весом (Парламентская газета, 02.09.2019) [НКРЯ]; По данным официальной статистики, 80 процентов россиян имеют проблемы со здоровьем зубов (Парламентская газета, 08.09.2021) [НКРЯ]; Для здоровья печени следует принимать отвар чистотела (РИА Новости, 02.12.2020) [НКРЯ]; Александр Мясников рассказал, как сберечь здоровье ушей... (Vesti.ru, 28.11.2020) [НКРЯ]; Он рекомендовал параллельно использовать крем для рук, чтобы сохранить здоровье кожи (Lenta.ru, 23.11.2020) [НКРЯ]; При плохих результатах выполнения теста стоит задуматься о здоровье печени и обратиться

к врачу (Vesti.ru, 10.06.2020) [НКРЯ]; *Как отмечают исследователи, сон на левом боку благотворно влияет на здоровье спины, пищеварительной системы и сердечно-сосудистой системы* (Парламентская газета, 07.07.2017) [НКРЯ]; *На втором месте кардиологический препарат «Ксералто», на третьем — препарат для здоровья вен «Детралекс»* (lenta.ru, 26.03.2019) [НКРЯ]; *Его цель — привлечь внимание к проблеме важности здоровья мозга...* (Парламентская газета, 22.07.2021) [НКРЯ]; *Так, овес и капуста важны для здоровья кишечника...* (lenta.ru, 23.12.2019) [НКРЯ].

Аналогично конкретизируется здоровье:

— органов или сфер организма животных: *Понять, что молоко получено от больного животного, можно по содержанию в нём соматических клеток — показатель здоровья вымени* (Парламентская газета, 20.01.2020) [НКРЯ]; *Добавка для здоровья шерсти* (Комсомольская правда, 03.12.2007) [НКРЯ];

— растений: *На общее состояние здоровья растения сильно влияет то, насколько точно его циркадные ритмы синхронизированы с продолжительностью каждого дня и сменой времён года* (Vesti.ru, 21.12.2020) [НКРЯ]; *А сбивание шишек палками и обрезание сучков нежелательно для здоровья деревьев* (Россияне в кризис собрали рекордный урожай шишек // Известия, 17.03.2015) [НКРЯ].

К сочетаниям с метонимическим сужением мы также относим контексты, в которых прилагательное конкретизирует типологическую разновидность здоровья, например: *Если же мы проведём работу по созданию новых вакцин, развитию услуг в области репродуктивного здоровья, то мы уменьшим его, возможно, на 10—15 %* (Аргументы и факты, 23.04.2020) [НКРЯ]; *... право на секс без принуждения ... входят в понятия сексуального здоровья и зафиксированы ВОЗ* (lenta.ru, 21.05.2019) [НКРЯ]; *Врач-психиатр должен будет провести осмотр и патопсихологическое исследование, в ходе которого состояние психического здоровья пациента будет оцениваться с применением скрининговых вопросников и других методов диагностики* (Парламентская газета, 01.11.2021) [НКРЯ]; *Директор института наркологического здоровья нации Олег Зыков отметил социально-психологическую зависимость от табака* (Vesti.ru, 31.05.2020) [НКРЯ].

Атрибутивные или генитивные сочетания с **метонимическими расширениями** реализуют возможность посредством относительного прилагательного или зависимого существительного в родительном падеже охарактеризовать здоровье совокупности лиц, выделенной по гендерному, возрастному, социальному и пр. признакам: *Врач-терапевт по проблемам женского здоровья Луиза Ньюсон рассказала...* (Парламентская газета,

21.12.2020) [НКРЯ]; Считается, что чабрец полезен и для **мужского здоровья** (РИА Новости, 30.11.2020) [НКРЯ]; Вопросы здравоохранения всегда были на нашем особом контроле, как и вопросы **детского здоровья**... (Парламентская газета, 16.09.2020) [НКРЯ]; Так же бренд финансирует различные проекты в поддержку сексуальных и репродуктивных прав, **материнского здоровья и свободы индивидуального выбора по всему миру** (lenta.ru, 29.05.2019) [НКРЯ]; При этом, по его словам, общим для всех моделей стал мониторинг состояния здоровья семьи, а также создание школ «**семейного здоровья**» (Парламентская газета, 18.04.2019) [НКРЯ]; Это приводит к тому, что люди покупают дешёвое, грязное, некачественное пиво, это вопрос **национального здоровья**... (Парламентская газета, 18.06.2020) [НКРЯ]; Это другой орган <...> требует чрезвычайных мер во всех областях жизни, в том числе в области охраны **народного здоровья** (Коммерсант, 05.06.2020) [НКРЯ]; Главными темами станут вопросы правового регулирования **общественного здоровья**... (Парламентская газета, 05.10.2020) [НКРЯ]; Всемирная организация здравоохранения в июльском отчете назвала устойчивость к антибиотикам одной из наиболее серьезных угроз для **здравья человечества** (NEWSru.com, 12.12.2020) [НКРЯ]; Ключевые стратегические площадки Форума будут посвящены обсуждению глобальных вызовов и перспектив развития социальной сферы после пандемии, инноваций на службе **здравья нации**... (Парламентская газета, 09.09.2021) [НКРЯ]; При этом к началу осени стало очевидным наступление новой разрушительной волны COVID-19, что в сочетании с низким уровнем вакцинации создает в России угрозу и для экономики, и для **здравья населения** (Ведомости, 01.12.2021) [НКРЯ]; Не только экономическая, но и политическая. Это и **здравье государства**... (Парламентская газета, 24.07.2019) [НКРЯ]; Как ранее отметил спикер Госдумы Вячеслав Володин, этот закон парламентарии приняли исключительно для защиты **здравья молодёжи** (Парламентская газета, 04.08.2021) [НКРЯ]; Нам важно, чтобы все женщины страны понимали, что **здравье семьи** начинается с женщины [Парламентская газета, 2021.09.02]; Так, перенесенное заболевание может неблагоприятно сказаться на **здравье потомства** (Lenta.ru, 08.11.2020) [НКРЯ].

Также в числе генитивных сочетаний с метонимическим расширением отмечаются контексты, указывающие на здоровье какой-либо группы людей, как правило профессиональной: *Инцидент не представляет опасности для жизни и здоровья экипажа МКС* (Lenta.ru, 29.09.2020) [НКРЯ]; Это ведь очень связано с работоспособностью сотрудников, и любой думающий работодатель должен понимать, что, если он вложит какую-то часть своих доходов в **здравье коллектива**, то и отдача будет лучше...

(Парламентская газета, 31.01.2020) [НКРЯ]; ... *а программы по отслеживанию здоровья персонала не сообщали о респираторных заболеваниях...* (NEWSru.com, 30.03.2021) [НКРЯ].

Метафорические атрибутивные или генитивные сочетания связаны с переносом области приложимости концепта ЗДОРОВЬЕ на сферы, которые изначально не имеют отношения к представлению о физическом здоровье организма. Прежде всего отметим атрибутивные контексты, отражающие семантическое развитие переносного лексического значения (3) 'перен. Духовное, социальное благополучие'. В этих моделях воплощается отмеченная нами концептуальная связь между физическим и духовным здоровьем: *По словам представителя администрации учреждения, это делается ради психологического, идеологического и нравственного здоровья граждан* (lenta.ru, 28.05.2019) [НКРЯ]; ... требуется квалифицированная помощь врачей для определения состояния душевного здоровья ребенка, а также совет опытного пастыря (РИА Новости, 03.11.2020) [НКРЯ]; *Под Вашим патриаршим попечением Русская православная церковь вносит большой вклад в сохранение и развитие наших духовных и культурных ценностей, заботится о нравственном здоровье общества* (Парламентская газета, 01.02.2021) [НКРЯ]; в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, нет лучшего средства поддержания ментального здоровья, чем культура (Парламентская газета, 20.02.2020) [НКРЯ]; ... в целях обеспечения психологического здоровья ребенка и позитивного эмоционального климата в ее семье... (Ведомости, 26.12.2021) [НКРЯ]; Более 40 процентов жителей Литвы считают, что из-за пандемии коронавируса и карантина ухудшилось состояние их эмоционального здоровья (Парламентская газета, 27.07.2020) [НКРЯ].

В обследованном материале зафиксировано несколько смысловых линий метафорического преобразования представления о здоровье. Во-первых, это осмысление в терминах здоровья успешной политической, экономической, финансовой, производственной, торговой деятельности, например, в атрибутивных сочетаниях: *Активное участие людей в голосовании, их стремление принять участие в решении без преувеличения исторического вопроса, вопроса о будущем каждого из нас и своего государства является признаком политического здоровья российского общества и зрелости сложившейся политической системы* (Парламентская газета, 03.07.2020) [НКРЯ]; Согласно данным индекса IHS Markit, который является показателем экономического здоровья, в августе объемы производства выросли только в обрабатывающей промышленности... (Lenta.ru, 04.09.2020) [НКРЯ]; в Министерстве здравоохранения России

обсуждают идею измерения охвата талии в качестве способа профилактики производственного здоровья [Известия, 18.02.2019] [НКРЯ]; Собрана библиотека лучших программ корпоративного здоровья от различных работодателей (Парламентская газета, 17.12.2021) [НКРЯ]; И это было отмечено на рынке как очень позитивный показатель, демонстрирующий финансовое здоровье «Роснефти» (Известия, 15.05.2018) [НКРЯ]; Индекс кредитного здоровья россиян (*Credit Health Index*) вырос в IV квартале 2019 года сразу на четыре пункта — до 96 пунктов с 92 пунктов в III квартале (Vesti.ru, 17.02.2020) [НКРЯ].

Также и в генитивных сочетаниях в терминах здоровья отражено метафорическое представление:

— о благосостоянии социальных и экономических систем, политических, коммерческих, культурных или религиозных институций: *Она подчеркнула, что от пандемии пострадало не только здоровье людей, но и «здоровье экономик»* (Парламентская газета, 06.09.2021) [НКРЯ]; *Здоровье бизнеса оценивается не только по показателям, определяющим его финансовые результаты, для которых характерна ретроспективность* (Ведомости, 20.07.2020) [НКРЯ]; Потому стоит ждать от Центробанка других, менее затратных действий, чтобы поддерживать *здравье рубля* (Парламентская газета, 28.04.2020) [НКРЯ]; Другие рассматривали для себя такой вариант, и это многое говорит о *здравье системы*. Опыт московских и саратовских бэйби-бумеров, когда они сталкивались с экономическими реалиями позднего социализма, различен (lenta.ru, 16.08.2015) [НКРЯ]; Главный показатель *здравья системы* социальных гарантий государства — соотношение работающих и неработающих граждан ... (Труд-7, 28.07.2009) [НКРЯ]; Внезапно оказалось, что залог *здравья церкви* — не единоличный викарий Христа, а собор ... (Коммерсант, 25.09.2020) [НКРЯ];

— об оптимальном функционировании отдельных организаций, учреждений, компаний: *Чтобы исключить влияние других факторов, сделали поправки на силу патентов, наличие конкуренции, внимание СМИ к запуску нового средства, а также размер, возраст и финансовое здоровье компаний* (Ведомости, 17.09.2018) [НКРЯ]; *Территориальный аспект в «здравье» предприятия* возник в последние годы, когда город столкнулся с дефицитом земельных участков для жилищного строительства (Труд-7, 09.06.2006) [НКРЯ]; Банк должен любить своего клиента, потому что именно от клиента зависит *здравье банка* (Коммерсант, 28.09.2020) [НКРЯ]; Хорошо для *здравья «Локомотива»*: теперь очевидно, что «так дальше жить нельзя», исчез соблазн высаживать в обороне три оставшиеся игры с суперклубами... (Известия, 20.09.2001) [НКРЯ]; ... повышение

благосостояния россиян находится в прямой зависимости со «**здоровьем** ВАЗа (Труд-7, 04.05.2000) [НКРЯ].

Во-вторых, это осмысление в терминах здоровья благоприятного состояния географических и / или природных систем, явлений, реалий, объектов и под., например, в генитивных метафорических сочетаниях: *Сокращение потребления молочных продуктов будет полезно для здоровья планеты и людей, считает Фабер* (Ведомости, 18.11.2019) [НКРЯ]; Мы планируем применить то, что мы узнали, и к другим областям и проблемам, с помощью экспертов по охране **здравья океана** и других организаций... (Vesti.ru, 04.03.2020) [НКРЯ]; *Спустя четверть века все исследования говорят, что здоровье моря ухудшилось, а не улучшилось* (Парламентская газета, 05.01.2019) [НКРЯ]; *Хотя к российскому берегу примыкает только небольшая северная зона Японского моря, тем не менее, она способна оказывать существенное влияние на общее здоровье бассейна* (РИА Новости, 07.11.2007) [НКРЯ]; *Парламентарий уверен, что это поспособствует также развитию села, повышению уровня жизни населения и сохранению здоровья почв* (Парламентская газета, 07.10.2019) [НКРЯ]; ... *исчезновение тараканов окажется очень негативное влияние на «здравье» лесов и следовательно на все виды фауны, которые в них проживают* (Комсомольская правда, 26.06.2012) [НКРЯ]; *«Всё требует регулирования: от здоровья поля до здоровья человека», — отметил депутат* (Парламентская газета, 14.10.2020) [НКРЯ]; *Под девизом «Заповедная природа — здоровье земли» сегодня состоится шествие по главной улице в поддержку Керженского заповедника, которому в этом году исполняется 15 лет* (Vesti.ru, 22.04.2008) [НКРЯ].

В-третьих, это осмысление в терминах здоровья рабочего состояния или нормального функционирования без сбоев инструмента (часто — музыкального), предмета быта, устройства, механизма, прибора или их частей, например, в генитивных метафорических сочетаниях: *На поправку «здравья» механизма* (светофора. — Т. Р.) по правилам, принятым еще 30 лет назад (за это время количество автотранспорта в столице увеличилось в 10 раз), отводится трое суток (Труд-7, 11.08.2004) [НКРЯ]; *Ведь чистота авто — залог здоровья автомобиля и его хозяина* (Комсомольская правда, 05.12.2003) [НКРЯ]; *Часть пользователей хотели «рискнуть здоровьем» телефона, а часть — окунуться в ретростилистику...* (Известия, 23.02.2016) [НКРЯ]; *Зарядка вредна для здоровья мобильника* (Аргументы и факты, 25.02.2003) [НКРЯ]; *Но с каждым годом «здравье» оргАна становится для нее все важней. Ведь сколько бед он пережил на своем веку!* (Труд-7, 23.12.2002) [НКРЯ]; ... *Старк выпотрошил классические образцы, оставив от пухлых и пышущих здоровьем стульев и кресел*

лишь бледные призраки (Коммерсант, 26.05.2005) [НКРЯ]; *Собственники жилья, объединившись в товарищества, могут отныне сами выбирать тех, кто будет следить за здоровьем труб и батарей в их домах...* (Труд-7, 20.04.2007) [НКРЯ]; *Приложением ведется календарь зарядок и контролируется «здоровье» аккумулятора* (РБК Дейли, 05.07.2013) [НКРЯ]; *Продиагностировать здоровье термостата можно и потрогав рукой нижний патрубок радиатора на автомобиле с работающим не менее 10 минут двигателем* (Комсомольская правда, 01.10.2004) [НКРЯ].

В целом анализ моделей смыслового расширения концепта ЗДОРОВЬЕ в его дискурсной актуализации обнаруживает распространение представлений о здоровье как о нормальном состоянии или функционировании чего-либо на самые разнообразные духовные, нравственные, психологические, эмоциональные, социальные, политические, экономические, финансовые, производственные, природные и культурные области, в том числе на сферу работы устройств, предметов быта, приборов и механизмов, что также свидетельствует о значительном обогащении смыслового объема концепта ЗДОРОВЬЕ в дискурсе современных медиа, а следовательно, о его культурной разработанности в национальной концептосфере новейшего времени.

4. Заключение = Conclusions

Результаты корпусно-дискурсивного анализа функционирования лексемы *здоровье* как репрезентанта соответствующего концепта в сетевой медиаречи продемонстрировали значительное смысловое обогащение концептуального содержания и существенное расширение семантического объема концепта ЗДОРОВЬЕ, что является свидетельством его культурной разработанности в дискурсивных практиках носителей русского языка нового периода.

Также анализ приводит нас к значимым в лингвокультурологическом плане обобщениям, связанным с репрезентативным ценностным потенциалом концепта ЗДОРОВЬЕ в современной русской языковой картине мира. Столь разнообразные рефлексы рецепции в терминах здоровья благоприятного состояния систем, институций, реалий и явлений в самых различных областях современной жизни позволяет выявить когнитивную доминанту в концептуальной схеме «Здоровье», за счет которой и становится возможным наложение структуры данного концепта на другие концептуальные пространства. Это исходное представление о норме, о том, как кто-то или что-то должны функционировать, работать для достижения оптимального состояния системы, институции, организованной совокупности, организма, механизма и пр.

При этом данная норма имеет регулятивно-оценочный характер, она ценностно окрашена в рамках оппозиции общеоценочных предикатов ХОРОШО — ПЛОХО как положительно маркированный компонент. С этим связано имплицируемое представление о том, что избыток качества здоровья не является нарушением нормы, но представляет собой максимальное проявление позитивных свойств (здоровья не бывает много, избыток здоровья кого-либо или чего-либо — это тоже хорошо, точно так же, как не бывает много доброты, милосердия, сострадания и под.).

Напомним, что в нашей концепции норма в мире ценностей в отличие от нормы в мире внеценостных сущностей (типа большой / маленький, высокий / низкий, глубокий / мелкий и пр.) — не средний показатель на параметрической шкале (средняя температура, а не высокая или низкая), а положительный полюс на шкале ценностей (норма — это умный, а не «средний член» между умным и глупым). Именно так и ведет себя анализируемый концепт ЗДОРОВЬЕ в рецепции носителей русского языка, что и позволяет метафорически распространять ценностно-окрашенное представление о здоровье на самые разнообразные аспекты нашего существования в мире.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его основные результаты в лексикографических штудиях, в вузовском преподавании дисциплин лингвокультурологического и лингвокогнитивного цикла, а также для решения разного рода прикладных задач предпринятого исследовательского проекта в направлении оптимизации дискурсивных практик институциональной и межличностной коммуникации в сфере здравоохранения и медицины.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный : в 2-х томах / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — Т. I. — 1088 с. — ISBN 5-200-02802-7.
2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 20.06.2024).
3. СРЯ — *Словарь русского языка* : в 4-х томах / Академия наук СССР, Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — Т. I : А—Й. — 1985. — 696 с.
4. ССРЛЯ — *Словарь современного литературного языка* : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950—1965. — Т. IV : Ж—З. — 1955. — 1364 стлб.
5. CDC — *U. S. Centers for Disease Control and Prevention* : An official website of the United States government [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.cdc.gov/healthyyouth/HECAT/index.htm> (accessed 12.05.2012).

Литература

1. Абсаматова Э. А. Репрезентативы концептов «здоровье» и «болезнь» в английском и русском языках / Э. А. Абсаматова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2023. — Т. 23. — № 10. — С. 51—58. — DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-10-51-58.
2. Аксенова Е. Д. Лингвокультурологический анализ концептосферы «здоровье человека» в русской паремиологии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Д. Аксенова. — Москва, 2008. — 260 с.
3. Бацуева В. С. Категоризация здорового образа жизни в современном английском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. С. Бацуева. — Волгоград, 2016. — 187 с.
4. Бурова Г. П. Фармацевтический дискурс как культурный код : семиотические, pragматические и концептуальные основания : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Г. П. Бурова. — Ставрополь, 2008. — 467 с.
5. Бухтоярова Г. Ю. Отображение феноменов болезнь и здоровье в русской языковой картине мира : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. Ю. Бухтоярова. — Москва, 2009. — 257 с.
6. Ван Сюецзяо. Сравнительный анализ концепта «здоровье» / «健康» в китайском и русском языках / Ван Сюецзяо, Ф. Г. Фаткулина // Российский гуманитарный журнал. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 428—434. — DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.3.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; Перевод с английского ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. — Москва : Русские словари, 1997. — 412 с.
8. Иссерс О. С. Диалог с потребителем в эпоху медиатизации : ответы на отзывы о медицинских услугах в условиях интернет-коммуникации / О. С. Иссерс // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2023. — № 2. — С. 43—54. — DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-43-54.
9. Иссерс О. С. Конфликтогенные факторы общения врача с пациентом в русскоязычных дискурсивных практиках / О. С. Иссерс // Journal of Siberian Federal University — Humanities and Social Sciences. — 2021. — Т. 14. — № 10. — С. 1567—1580. — DOI: 10.17516/1997-1370-0840.
10. Карасик В. И. Языковые картины бытия : Монография / В. И. Карасик. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. — 468 с. — ISBN 978-5-98269-222-1.
11. Клушина Н. И. Медиастилистика : монография / Н. И. Клушина. — Москва : Флинта-Наука, 2019. — 280 с. — ISBN 978-5-9765-3899-3.
12. Ковалева С. В. Специфика представления концептуальной зоны *здравье* в текстах народных заговоров [Электронный ресурс] / С. В. Ковалева // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — № 7 (43). — DOI: 10.18454/RULB.2023.43.15. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifikasiapredstavleniya-kontseptualnoy-zony-zdorovie-v-tekstakh-narodnyh-zagovorov/viewer> (дата обращения 08.06.2024).
13. Коммуникативные исследования. — 2020. — № 7(4). С. 725—964.
14. Королькова А. С. Лексические средства концептуализации здорового образа жизни в современных молодёжных СМИ / А. С. Королькова // Мир русского слова. — 2021. — № 3. — С. 2—11. — DOI: 10.24412/1811-1629-2021-3-32-41.
15. Королькова А. С. Способы передачи негативной pragmaticальной оценки концептуальной сферы «Здоровый образ жизни» в блогосфере / А. С. Королькова // Медиастилистика : монография / Н. И. Клушина. — Москва : Флинта-Наука, 2019. — 280 с. — ISBN 978-5-9765-3899-3.

диалингвистика. — 2020. — Т. 7. — № 1. — С. 83—94. — DOI: 10.21638/spbu22/2020/107.

16. Костадинов В. И. Медиаконвергенция и языковые особенности интернет-пространства в современных условиях / В. И. Костадинов, А. Е. Базанова // Вестник Российского университета дружбы народов, Серия Литературоведение. Журналистика. — 2016. — № 4. — С. 139—146.

17. Пенягина Е. Б. Вариативность концепта «здоровье» : лингвокогнитивное исследование / Е. Б. Пенягина // Социо- и психолингвистические исследования. — 2020. — Выпуск 8. — С. 156—160.

18. Петкай А. Ю. Концепт «здоровье» как культурный феномен: на материале русского паразиологического фонда / А. Ю. Петкай // Известия Уральского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2014. — № 1 (124). — С. 192—201.

19. Петкай А. Ю. Концепт « здоровье » в сознании молодых носителей русского языка : экспериментальный эксперимент / А. Ю. Петкай // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2013. — № 4 (037). — С. 20—24.

20. Пилощенко А. В. Здоровый образ жизни как феномен субъектно-объектных отношений : диссертация ... кандидата филологических наук : 09.00.11 / А. В. Пилощенко. — Москва, 2016. — 140 с.

21. Радбиль Т. Б. Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода / Т. Б. Радбиль, Л. Ясаи, И. Палоши // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 101—121. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121.

22. Радбиль Т. Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема *по-хорошему*) / Т. Б. Радбиль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 170—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.

23. Русский язык в интернет-коммуникации : лингвокогнитивный и прагматический аспекты : Коллективная монография / под ред. Л. В. Рацебурской. — Москва : Флинта, 2021. — 328 с. — ISBN 978-5-9765-4454-3.

24. Тванба Т. А. Аксиологические характеристики концептуализации предметной сферы здоровья во французском медийном критическом дискурсе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.05 / Т. А. Тванба. — Иркутск, 2013. — 233 с.

25. Тимошенко Л. О. Скалярно-антонимический комплекс концепта «здоровье» в русском и английском языках : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Л. О. Тимошенко. — Уфа, 2005. — 190 с.

26. Троян С. В. Концептуальная оппозиция *больной* — *здоровый* как векторный скалярно-антонимический комплекс (в лексико-фразеологическом фонде русского языка и текстах региональных СМИ) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / С. В. Троян. — Омск, 2017. — 183 с.

27. Туленинова Л. В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Л. В. Туленинова. — Волгоград, 2008. — 248 с.

28. Туркина В. Г. Концепт «Здоровье» в философско-культурологической рефлексии / В. Г. Туркина, О. В. Вербина // Наука. Искусство. Культура. — 2019. — № 4 (24). — С. 23—44.

29. Усачева А. Н. Здоровье / А. Н. Усачева // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград : Парадигма, 2005. — Т. 1. — С. 110—118.

30. Цветова Н. С. Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики / Н. С. Цветова // Медиалингвистика. — 2020. — № 7. — С. 280—292. — DOI: 10.21638/spbu22.2020.301.
31. Чайко Н. Н. Концепт *здравье* и его репрезентация в паремиях немецкого и французского языков / Н. Н. Чайко, М. В. Муриева // Современные исследования социальных проблем. — 2021. — № 13 (2). — С. 179—189. — DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-179-189.
32. Черняевская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы : необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов / В. Е. Черняевская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 2. — С. 31—37.
33. Шмелева Т. В. Тезаурус болезни. Русско-польские параллели / Т. В. Шмелева // Studia Litteraria Polono-Slavica, 6 : Morbus, medicamentum et sanus. — Warszawa : Slawistyczny Osrodek Wydawniczy, 2001. — Pp. 13—33. — ISBN 83-86619-72-4.
34. Facchinetto R. News discourse and the dissemination of knowledge and perspective : From print and monomodal to digital and multisemiotic / R. Facchinetto // Journal of Pragmatics. — April 2021. — Vol. 175. — Pp. 195—206. — DOI: 10.1016/j.pragma.2021.01.015.
35. Jones L. Developments in Health Communication in the 21st Century / L. Jones, B. Watson // Journal of Language and Social Psychology. — 2012. — № 31 (4). — Pp. 415—436. — DOI: 10.1177/0261927X12446612.
36. Lakoff G. Metaphor We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Repr. ed. Chicago, IL. : University of Chicago Press, 2018. — 277 p.
37. Noveck I. Review of Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science / I. Noveck. — Cambridge UK : Cambridge University Press, 2021. — 282 p.
38. O'Hair H. D. Health Communication in the 21st Century. — 2nd Ed. / H. D. O'Hair, K. B. Wright, L. Sparks. — Hoboken, New Jersey : Wiley-Blackwell, 2012. — 360 p.
39. Scarantino A. How to Do Things with Emotional Expressions : The Theory of Affective Pragmatics / A. Scarantino // Psychological Inquiry. — 2017. — № 28 (2—3). — Pp. 65—185. — DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.08.2024,
подготовлена к публикации 02.09.2024.

Material resources

- CDC — U. S. Centers for Disease Control and Prevention: An official website of the United States government. Available at: <http://www.cdc.gov/healthyyouth/HECAT/index.htm> (accessed 12.05.2012).
- Efremova, T. F. (2000). *A new dictionary of the Russian language: explanatory and word-information: in 2 volumes*, 1. Moscow: Russian Language. 1088 p. ISBN 5-200-02802-7. (In Russ.).
- NKRYA — National Corpus of the Russian language. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 20.06.2024). (In Russ.).
- SRYA — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, I: A—Y*. (1985). Moscow: Russian language. 696 p. (In Russ.).

The SSRL — *Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vols., IV: Zh.* (1955). Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1364 stlb. (In Russ.).

References

- Absamatova, E. A. (2023). The representations of the concepts of “health” and “disease” in English and Russian. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 23 (10): 51—58. DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-10-51-58. (In Russ.).
- Aksanova, E. D. (2008). *Linguistic and cultural analysis of the concept sphere “human health” in Russian paremiology*. PhD Diss. Moscow. 260 p. (In Russ.).
- Batsueva, V. S. (2016). *Categorization of a healthy lifestyle in modern English*. PhD Diss. Volgograd. 187 p. (In Russ.).
- Bukhtoyarova, G. Y. (2009). *Mapping of the phenomena of illness and health in the Russian language picture of the world*. PhD Diss. Moscow. 257 p. (In Russ.).
- Burova, G. P. (2008). *Pharmaceutical discourse as a cultural code: semiotic, pragmatic and conceptual foundations*. Doct. Diss. Stavropol. 467 p. (In Russ.).
- Chaiko, N. N., Murieva, M. V. (2021). The concept of health and its representation in the parodies of the German and French languages. *Modern research on social problems*, 13 (2): 179—189. DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-179-189. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2018). Discursive analysis and corpus methods: a necessary evidentiary link? Explanatory possibilities of qualitative and quantitative approaches. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 31—37. (In Russ.).
- Communication studies (2020), 7(4): 725-964.
- Facchinetti, R. (2021). News discourse and the dissemination of knowledge and perspective: From print and monomodal to digital and multisemiotic. *Journal of Pragmatics*, 175: 195—206. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.01.015.
- Issers, O. S. (2021). Conflictogenic factors of doctor-patient communication in Russian-speaking discursive practices. *Journal of Siberian Federal University — Humanities and Social Sciences*, 14 (10): 1567—1580. DOI: 10.17516/1997-1370-0840. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2023). Dialogue with the consumer in the era of mediatization: responses to reviews of medical services in the context of Internet communication. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2: 43—54. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-43-54. (In Russ.).
- Jones, L., Watson, B. (2012). Developments in Health Communication in the 21st Century. *Journal of Language and Social Psychology*, 31 (4): 415—436. DOI: 10.1177/0261927X12446612.
- Karasik, V. I. (2020). *Linguistic pictures of being: A monograph*. Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language. 468 p. ISBN 978-5-98269-222-1. (In Russ.).
- Klushina, N. I. (2019). *Mediastilistics: Monograph*. Moscow: Flint-Nauka. 280 p. ISBN 978-5-9765-3899-3. (In Russ.).
- Korolkova, A. S. (2021). Lexical means of conceptualizing a healthy lifestyle in modern youth media. *The world of the Russian word*, 3: 2—11. DOI: 10.24412/1811-1629-2021-3-32-41. (In Russ.).
- Korolkova, A. S. (2020). Ways of transmitting a negative pragmatic assessment of the conceptual sphere of “Healthy lifestyle” in the blogosphere. *Media linguistics*, 7 (1): 83—94. DOI: 10.21638/spbu22/2020/107. (In Russ.).

- Kostadinov, V. I., Bazanova, A. E. (2016). Media convergence and linguistic features of the Internet space in modern conditions. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Literary Studies Series. Journalism*, 4: 139—146. (In Russ.).
- Kovaleva, S. V. (2023). The specifics of the representation of the conceptual zone of health in the texts of folk conspiracies. *Russian Linguistic Bulletin*, 7 (43). DOI: 10.18454/RULB.2023.43.15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-predstavleniya-konseptualnoy-zony-zdorovie-v-tekstah-narodnyh-zagovorov/viewer> (accessed 08.06.2024). (In Russ.).
- Lakoff, G., Johnson, M. (2018). *Metaphor We Live by*. Repr. ed. Chicago, IL.: University of Chicago Press. 277 p.
- Noveck, I. (2021). *Review of Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge UK: Cambridge University Press. 282 p.
- O'Hair, H. D., Wright, K. B., Sparks, L. (2012). *Health Communication in the 21st Century*. 2nd Ed. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell. 360 p.
- Penyagina, E. B. (2020). Variability of the concept of “health”: a linguocognitive study. *Socio-and psycholinguistic studies*, 8: 156—160. (In Russ.).
- Petkau, A. Y. (2014). The concept of “health” as a cultural phenomenon: based on the material of the Russian paremiological foundation. *Proceedings of the Ural Federal University. Humanities*, 1 (124): 192—201. (In Russ.).
- Petkau, A. Y. (2013). The concept of health in the minds of young native speakers of the Russian language: an explicative experiment. *Questions of cognitive linguistics*, 4 (037): 20—24. (In Russ.).
- Pilyushenko, A. V. (2016). *Healthy lifestyle as a phenomenon of subject-object relations*. PhD Diss. Moscow. 140 p. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2023). Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme ‘po-khoroshemu’). *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 170—189. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189> (In Russ.).
- Radbil, T. B., Jaszay, L., Palosi, I. (2022). Linguopragmatic Potential of Active Processes in Russian Neologism Word Formation of Latest Period. *Nauchnyi dialog*, 11 (1): 101—121. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121> (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L. V. (ed.). (2021). *The Russian language in Internet communication: linguocognitive and pragmatic aspects: Collective monograph*. Moscow: Flint. 328 p. ISBN 978-5-9765-4454-3. (In Russ.).
- Scarantino, A. (2017). How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics. *Psychological Inquiry*, 28 (2—3): 65—185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.
- Shmeleva, T. V. (2001). Thesaurus of the disease. Russian-Polish parallels. In: *Studia Litteraria Polono-Slavica*, 6: *Morbus, medicamentum et sanus*. Warszawa: Slawistyczny Osrodek Wydawniczy. 13—33. ISBN 83-86619-72-4. (In Russ.).
- Timoshenko, L. O. (2005). *Scalar-antonymic complex of the concept “health” in Russian and English*. PhD Diss. Ufa. 190 p. (In Russ.).
- Troyan, S. V. (2017). *The conceptual opposition of the sick — healthy as a vector scalar-antonymic complex (in the lexical and phraseological fund of the Russian language and texts of regional media)*. PhD Diss. Omsk. 183 p. (In Russ.).
- Tsvetova, N. S. (2020). Criticism of media speech as a vector of development of media linguistics. *Media linguistics*, 7: 280—292. DOI: 10.21638/spbu22.2020.301. (In Russ.).

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

- Tuleninova, L. V. (2008). *Concepts of “health” and “disease” in English and Russian linguistic cultures*. PhD Diss. Volgograd. 248 p. (In Russ.).
- Turkina, V. G., Verbina, O. V. (2019). The concept of “Health” in philosophical and cultural reflection. *Nauka. Art. Culture*, 4 (24): 23—44. (In Russ.).
- Tvanba, T. A. (2013). *Axiological characteristics of the conceptualization of the subject area of health in French media critical discourse*. PhD Diss. Irkutsk. 233 p. (In Russ.).
- Usacheva, A. N. (2005). Zdorovye. In: *Anthology of concepts, 1*. Volgograd: Paradigm. 110—118. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian Dictionaries. 412 p. (In Russ.).
- Xuejiao Wang, Fatkullina, F. G. (2022). Comparative analysis of the concept of “health”/“健康” in Chinese and Russian. *Russian Humanitarian Journal*, 11 (6): 428—434. DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.3. (In Russ.).

*The article was submitted 05.06.2024;
approved after reviewing 25.08.2024;
accepted for publication 02.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Шигуров В. В. Гибрид следом в зоне взаимодействия существительных и наречий : семантика и грамматика / В. В. Шигуров, Т. А. Шигурова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 154–170. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-154-170.

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A. (2024). Hybrid 'seldom' [follows] in Area of Interaction of Nouns and Adverbs: Semantics and Grammar. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 154-170. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-154-170. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ**Гибрид следом
в зоне взаимодействия
существительных и наречий:
семантика и грамматика****Шигуров Виктор Васильевич**

orcid.org/0000-0002-4898-6484

WoS Researcher ID ABG-5770-2021

Scopus AuthorID 56584484400

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка,
корреспондирующий автор
shigurov@mail.ru**Шигурова Татьяна Алексеевна**

orcid.org/0000-0001-5342-8471

WoS Researcher GVV-4201-2022

Scopus AuthorID 56584529200

доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры культурологии и
библиотечно-информационных ресурсов
shigurova_tatyana@mail.ruНациональный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)**Благодарности:**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00674 «Исследование авербализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка»

**Hybrid 'seldom' [follows]
in Area of Interaction
of Nouns and Adverbs:
Semantics and Grammar****Victor V. Shigurov**

orcid.org/0000-0002-4898-6484

WoS Researcher ID ABG-5770-2021

Scopus AuthorID 56584484400

Doctor of Philology, Professor, Head
of the Department of Russian Language,**Corresponding author**

shigurov@mail.ru

Tatyana A. Shigurova

orcid.org/0000-0001-5342-8471

WoS Researcher GVV-4201-2022

Scopus AuthorID 56584529200

Doctor of Cultural Studies,
Associate Professor, Professor
of the Department of Cultural Studies
and Library and Information Resources
shigurova_tatyana@mail.ruNational Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)**Acknowledgments:**

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-28-00674
“Study of Adverbialization as a Type
of Stepwise Transposition of Nominal
Word Forms in the System of Parts
of Speech in the Russian”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены результаты исследования процесса и результата ступенчатой адвербализации творительного падежа имени в русском языке. Актуальность работы обусловлена вниманием к проблеме взаимодействия грамматического и семантического в лексических единицах, подверженных транспозиции на уровне частей речи. Цель статьи — показать специфику гибридных структур, формируемых в результате функциональной адвербализации существительных в форме творительного падежа. В качестве материала использованы контексты употребления субстантивных словоформ типа *следом* из Национального корпуса русского языка, демонстрирующие разные стадии адвербализации. В рамках междисциплинарного подхода применяются методы оппозиционного анализа, индексации, лингвистический эксперимент, элементы компонентного и дистрибутивного анализа. На примере словоформы «*следом*» определены основные этапы (стадии) адвербальной транспозиции существительных в русском языке. В результате анализа установлено, что в зоне гибридности словоформа «*следом*» демонстрирует 55 % соответствия своих признаков признакам исходного существительного («*следом*») и 60 % соответствия признакам ядерного наречия («*следом*»). Лексикализации словоформы на этой стадии адвербализации не наблюдается: она продолжает функционировать в семантической зоне исходной субстантивной лексемы. Значимость исследования определяется ее вкладом в разработку общей теории переходности и синкремизма в грамматическом строе языка, а также возможностью использования предлагаемой методики оппозиционного анализа и индексации при изучении других типов транспозиционных преобразований единиц в системе частей речи русского языка.

Ключевые слова:

русский язык; грамматика; существительное; наречие; адвербальная транспозиция; гибрид.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents the results of a study on the process and outcome of the stepwise adverbialization of the instrumental case of nouns in the Russian. The relevance of this work is underscored by the attention to the interaction between grammatical and semantic aspects within lexical units subject to transposition at the level of parts of speech. The aim of the article is to elucidate the specifics of hybrid structures formed as a result of the functional adverbialization of nouns in the instrumental case. The material used consists of contexts from the *Russian National Corpus* featuring substantive word forms like ‘seldom’, demonstrating various stages of adverbialization. An interdisciplinary approach is employed, utilizing methods of oppositional analysis, indexing, linguistic experimentation, as well as elements of componential and distributional analysis. Using the word form ‘seldom’ as a case study, the primary stages of adverbial transposition of nouns in Russian are identified. The analysis reveals that within the hybrid zone, the word form ‘seldom’ exhibits 55 % correspondence with the features of its original noun (‘sled’) and 60 % correspondence with the characteristics of a core adverb (‘seldom’). Lexicalization of the word form at this stage of adverbialization is not observed; it continues to function within the semantic domain of the original substantive lexeme. The significance of this research lies in its contribution to the development of a general theory of transitivity and syncretism in the grammatical structure of language, as well as the potential application of the proposed methods of oppositional analysis and indexing in studying other types of transpositional transformations within the system of parts of speech in the Russian.

Key words:

Russian; grammar; noun; adverb; adverbial transposition; hybrid.

УДК 811.161.1'367.624.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-154-170

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

Гибрид следом в зоне взаимодействия существительных и наречий: семантика и грамматика

© Шигуров В. В., Шигурова Т. А., 2024

1. Введение = Introduction

Данная работа представляет собой часть системного исследования ступеней, признаков и предела адвербиализации беспредложных форм падежей русских существительных. К настоящему моменту описаны уже такие типы ступенчатой транспозиции языковых единиц, как адъективация, адвербиализация, субстантивация атрибутивных форм глаголов с отрицанием, предикативация слов и словоформ разных частей речи, модаляция языковых единиц разной частеречной принадлежности, прonomинализация языковых единиц.

Методологическую базу данного исследования составили труды по теории транспозиции (трансляции, деривации, конверсии и т. п.: [Балли, 1955; Курилович, 1962, с. 57—71; Теньер, 1988; Мельчук, 1995; Урысон, 1996, с. 25—38; Кубрякова, Гуреев, 2002, с. 33—37; Баудер, 2003, с. 79—81; Кравцов и др., 2017, с. 123—131; Eichinger, 1982; Stekauer, 1996; Elsen, 2011]. Из последних работ в этой области следует назвать исследование А. А. Зализняк, содержащее глубокие и интересные выводы о трехступенчатой семантической эволюции языковых единиц, подвергающихся транспозиции из предлогов со значением исключения в вопросительные частицы (см. об этом на материале лексемы *разве*: [Зализняк, 2020, с. 5—11], а также работу И. Мельчука, показывающую ослабление и утрату глагольных признаков в языковых единицах, подвергнутых преобразованиям в императивные междометия, аспектуальные частицы в значении неожиданного действия при возможном сохранении или утрате лексемного тождества (см., например: [Мельчук, 2023, с. 13—14]). Заслуживает внимания и концепция лексикографической интерпретации гибридных структур в исследовании Е. В. Урысон, по мнению которой при решении проблемы частеречной квалификации образований, балансирующих в переходной зоне между деепричастиями и предлогами, важно учитывать фактор эко-

номности их описания в грамматике и словаре. С ее точки зрения, трактовка словоформ типа *включая, исключая, считая* как отглагольных (отдеепричастных) предлогов в контекстах *Пришли все включая (исключая) Еву; в крепости оставалось двести защитников, считая женщин и подростков* не может считаться адекватной, поскольку не соответствует их реальному поведению. Согласно Е. В. Урысон, лексикографически структуры, синтезирующие признаки деепричастия и предлога, необходимо давать в пределах словарных статей на глаголы, так как это намного экономнее. В противном случае пришлось бы перечислять все релевантные признаки типичных предлогов, которые не свойственны деепричастиям типа *исключая* в функции предлогов (см.: [Урысон, 2023, с. 7—26]).

В настоящей работе использованы также наблюдения и выводы ученых о структурно-семантических особенностях адвербальных слов, их аспектуальных признаках, системных парадигматических связях, участии в экспликации тех или иных фрагментов языковой картины мира, а также о разных аспектах адвербиализации словоформ при сентенциальном и несентенциальном употреблении (см., например: [Потебня, 1958; Тихомирова, 1958, с. 313—350; Виноградов, 1972; Буланин, 1976; Богуславский, 1996; Левонтина и др., 1996, с. 53—57; Филипенко 2003; Пеньковский, 2004; Савелова, 2009; Апресян, 2014, с. 9—41; Иомдин, 2019, с. 16—17; Циммерлинг, 2021; Кустова, 2022, с. 110—123]). Кроме того, учитывался опыт описания синкетичных (периферийных и гибридных) образований, изложенный в исследованиях авторов данной статьи (см., например: [Шигуров, 2009; 2016; 2020, с. 42—55]).

Объект исследования — зона переходности между существительными в форме творительного падежа без предлогов и наречиями, предмет рассмотрения — гибридные образования, в структуре которых примерно в равной пропорции совмещаются свойства взаимодействующих при адвербиализации классов слов. На примере словоформы *следом* прослеживается изменение категориальных свойств существительного, подвергающегося ступенчатой адвербиализации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили художественные тексты авторов XX—XXI веков, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], и собственные примеры авторов статьи. В решении научных задач применялся метод оппозиционного анализа (со шкалой адвербиализации, содержащей звенья переходности), метод индексации, позволяющий установить степени соответствия гибрида исходному и конечному звеньям адвербальной транспозиции), структурно-семантический метод,

элементы компонентного и дистрибутивного анализа, лингвистический эксперимент. Актуальность работы обусловлена необходимостью системного подхода к познанию природы механизма транспозиции слов и словоформ разной категориальной отнесенности в класс наречий, продуцирующего в речи периферийные и гибридные образования, а также лексико-грамматические омонимы. Изучение разных стадий адвербиализации словоформ позволяет глубже понять особенности взаимодействия лексики и грамматики в процессе категориального перерождения языковых единиц. Привлечение количественных данных обеспечивает минимизацию субъективного начала в оценке переходных фактов в поэтапной транспозиции существительных в наречия.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В результате исследования на материале конкретной субстантивной словоформы выявлены основные стадии, которые проходят существительные в творительном падеже на пути к наречиям. Представлен опыт исчисления индексов адвербиализации субстантивных словоформ, демонстрирующих в зоне гибридности примерное равновесие признаков взаимодействующих существительных и наречий.

3.1. Гибрид: семантика, синтагматика, контексты употребления

К исследуемой зоне гибридных структур относится промежуточное образование *следом*, употребляемое без зависимых слов в двух синтаксических функциях одновременно — дополнения и обстоятельства способа действия. Гибрид *следом* присуща синкретичная объектно-обстоятельственная семантика, что подтверждается возможностью двух вопросов — чем? и каким способом?

Рассматриваемый гибрид встречается в основном в двух речевых ситуациях.

Во-первых, это ситуации, в которых говорится о создании чего-либо при помощи определенных средств, в частности следа. Таковы высказывания с глаголами *изображать*, *рисовать*, *создавать* и т. п.

(1) *И тень от её полёта, как по дну быстрого ручья с очень прозрачной водой, рисует следом слегка размытую картину* (Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть, 2011) [НКРЯ].

Во-вторых, это ситуации, в которых речь идет о том, что некое животное (заяц, лось и др.) путает своим следом преследовавшего его охотника или зверя. В этом случае гибрид примыкает к глаголам типа *путать*, *спутать*, *запутать / запутывать* в значении ‘8. Сбивать с толку, вводить в заблуждение’ Я *кого-либо своими вопросами, увертками. Что ты путаешь меня?!* ... [БТСРЯ, 2000, с. 1048]. Возможно употребление исследуемо-

го гибрида и при глаголах *обмануть*, *дурить* и выражениях типа *обвести вокруг пальца*. Напр.:

(2) *Заяц мастерски путает следом охотников.*

Нечто схожее можно наблюдать также при употреблении гибрида *шепотом*, также используемого в русском языке для передачи объектно-обстоятельственных отношений; ср.:

(3) *Этот человек научился шепотом останавливать кровь* (Чем? При помощи чего?)

Гибрид *следом* возник на базе периферийного существительного *следом*, которое в сочетании с адъективными и субстантивными распространителями совмещает функцию дополнения с функцией обстоятельства способа действия; см. пример периферийного существительного:

(4) *Заяц долго путал охотников своим хитроумным следом* (чем? каким способом?).

Употребляясь в качестве распространенного обстоятельства образа действия, периферийное существительное *следом* минует в процессе ступенчатой адвербализации зону гибридных, субстантивно-адвербальных структур и преобразуется в позиции одиночного обстоятельства образа действия сразу в периферийное, собственно грамматическое наречие.

Приведем примеры употребления периферийного существительного *следом* в роли обстоятельства образа действия (5) и периферийного наречия *следом* (6а-б):

(5) *Они действуют стремительно..., не видя угрюмых глаз растущих без отцов детей, тянувшихся за пилотами инверсионным следом* (В. Тучков. Русская книга военных // «Новый Мир», 1999) [НКРЯ];

(6) (а) *Из-под копыт ее летели плитки спрессованного белого снега, и в вихре закручивалась следом сухая снежная поземка...* (Г. Семенов. Приезд сына, 1963) [НКРЯ] (Как? в виде чего?);

(б) *Так вот, завидел он тогда автолавку, она спускалась с горы, а за ней по дороге пыль клубилась следом* (Ч. Айтматов. Белый пароход, 1970) [НКРЯ] (Как? в форме чего?).

3.2. Векторы и этапы функционального и функционально-семантического развития субстантивной словоформы

Субстантивная словоформа *следом* демонстрирует в разных условиях речи две линии семантико-грамматического развития при адвербализации. Первая линия включает четыре этапа ее семантико-грамматической транспозиции в наречия, связанные соответственно с зонами ядерного существительного (9), периферийного существительного (10), гибрида (11) и ядерного наречия (12); ср.:

(9) *Охотник заинтересовался путанным **следом** зайца* (Чем? — ядерное существительное в функции дополнения);

(10) *Заяц умеет запутать охотника **своим необычным следом*** (Чем? Каким способом? — периферийное существительное в роли дополнения и обстоятельства способа действия, употребляемое при поддержке распространителей адъективного типа);

(11) *Заяц путает обычно **следом** преследующих его охотников* (Чем? Каким способом? — гибридное, субстантивно-адвербильное образование, совмещающее при одиночном употреблении функцию дополнения с функцией обстоятельства способа действия);

(12) *Проводник был впереди, остальные шли **следом**, по пятам, стараясь не отставать* (Где? Каким способом? — ядерное отсубстантивное наречие без зависимых слов в функции обстоятельства места и способа действия).

Вторая линия семантико-грамматического развития рассматриваемой словоформы представлена тремя этапами (стадиями) ее категориального перерождения, включающими зоны ядра существительного (13), периферии существительного (14) и периферии отсубстантивных наречий (15); ср.:

(13) *Они заинтересовались необычным **следом** от самолета, тянувшимся до горизонта* (Чем? — ядерное существительное в функции дополнения);

(14) *Дым из трубы уходит длинным **следом** к горизонту* (Как? в виде чего? — периферийное существительное в роли обстоятельства образа действия в сочетании с адъективным распространителем);

(15) *Дым тянется **следом** к горизонту* (Как? в виде чего? в какой форме? — одиночно употребляемое периферийное наречие в роли обстоятельства образа действия).

В первом случае пределом адвербализации субстантивной словоформы *следом* является зона ядра наречий [**Б / Н(ареч)**], во втором — зона периферии наречий [**аб / с(ущ) Н(ареч)**]. Словоформа *следом* в позиции одиночного обстоятельства образа действия грамматически преобразуется в периферийное наречие, которое выступает в качестве функционального омонима существительного (*следом*), не порывающего, однако, семантической связи с исходной субстантивной лексемой. Мы имеем дело в этом случае с употреблением словоформы в функции наречия, или с адвербальным типом использования существительного. Это сфера грамматики, не имеющая отношения к морфолого-синтаксическому способу словообразования.

Образование же новой языковой единицы — наречия *следом* — имеет место при функционально-семантическом типе адвербализации существительного, то есть при перерождении субстантивной словоформы *сле-*

дом в наречия времени, места и / или способа действия, что подтверждается и лексикографически — толковыми словарями русского языка (см., например: [СлРЯ, 1984, т. 4, с. 134; БАСРЯ, 2019, т. 26, с. 173; БТСРЯ, 2020, с. 1208]).

В целом функциональный потенциал субстантивной словоформы *следом* изменяется по мере ее продвижения к разным подклассам наречий, как изменяется и семантический тип представляемого ею обстоятельства. Как было показано выше, в зонах ядра и периферии класса существительных данной словоформе при первой линии ее семантико-грамматического развития свойственна первичная синтаксическая функция дополнения, совмещаемая на стадии периферии существительного с функцией обстоятельства способа действия. При второй линии развития данная словоформа в зоне периферии существительных используется в функции распространенного обстоятельства образа действия, без совмещения ее с функцией дополнения. Будучи гибридом, *следом* полифункционален: он выступает одновременно в качестве дополнения и обстоятельства способа действия. Функция одиночного обстоятельства образа действия присуща периферийному наречию *следом*, соотносительному с периферийным существительным *следом*. Функциональный синкретизм данному наречию не свойственен. Ядерному отсубстантивному наречию *следом* присуща функция обстоятельства времени или синcretичная функция обстоятельства места и способа действия. Теоретически не исключена для него и функция присубстантивного атрибута (*Движение следом* по узкой лесной тропинке всех сильно утомило).

Обозначенные выше векторы функционального и функционально-семантического развития субстантивной словоформы *следом* сопряжены в конечном итоге с утратой функции дополнения, категорий и парадигм, трансформацией морфемной структуры и меной семантических типов обстоятельств образа и способа действия, времени и места. Типовые контексты употребления *следом* демонстрируют разные стадии ее адвербиализации и соответственно степени отдаления от существительных и сближения с адверbialным классом.

3.3. Исчисление индексов адвербиальной транспозиции творительного падежа субстантива в зоне гибридности

Одиночное использование словоформы *следом* в синcretичной функции дополнения и обстоятельства способа действия приводит к изменению ее категориального статуса: она становится гибридом, который характеризуется определенной пропорцией и комбинаторикой признаков исходного существительного *след* (*следом*) и производного наречия *следом*. Исчисление индексов его адвербиализации позволяет более точно определить сте-

пени соответствия данного гибрида ядерным представителям существительных и наречий.

Общими у гибрида *следом* [Заяц умело путал *следом* своих преследователей (путал чем и каким способом?)] с исходным ядерным существительным *след* (*следом*) [Охотники заинтересовались путанным *следом* зайца (заинтересовались чем?)] являются следующие характеристики:

- лексическая семантика существительного *след* ‘Отпечаток, оттиск ноги, лапы на какой-либо поверхности’ [БТСРЯ, 2000, с. 1207]; 1 балл;
- общеграмматическая (категориальная) семантика предметности [совмещаемая в гибридце с адвербиальной семантикой признака признака]; ср.: заинтересовались (чем?) *следом* (исходное прототипическое существительное) и *путал* (чем? каким способом?) *следом* (≈ ‘при помощи следа’) (гибрид); 1 балл;
- разряды нарицательных, неодушевленных, конкретных существительных; 3 балла;
- форма мужского рода у ядерного существительного и гибрида (Зоологи были удивлены необычным *следом* зайца / Заяц долго путал *следом* преследовавших охотников); 1 балл;
- категория числа (в фиксированном употреблении единственного числа в гибридце и противопоставленном употреблении чисел в ядерном существительном); 1 балл;
- категория падежа (в фиксированном употреблении творительного падежа в гибридце и противопоставленном употреблении падежей в ядерном существительном); 1 балл;
- парадигматическая структура слова [ущербный характер парадигмы у гибрида *следом*, что вызвано фиксированным употреблением форм падежа и числа, и полновесный характер общей парадигмы ядерного существительного *след*, включающей оппозиции (рядов) грамматических форм в структуре словоизменительных категорий падежа и числа]; 1 балл;
- членимый характер морфемной структуры слова: (*заинтересовать-ся*) *след-ом* (ядерное существительное) / (*путал*) *след-ом* (гибрид); 1 балл;
- первичная синтаксическая функция дополнения, совмещаемая в гибридце с функцией обстоятельства (способа действия); ср.: Зоологи заинтересовались хитроумным *следом* зайца (ядерное существительное) и Заяц запутал *следом* преследовавших его охотников (гибридное, субстантивно-адвербиальное образование); прототипическому существительному *след* свойственна, кроме того, первичная синтаксическая функция подлежащего (*След* зайца был необычный); 1 балл.

Таким образом, с ядерным существительным *следом* (*след*) гибрид *следом* сближают 11 признаков (баллов).

Отличают от ядерного существительного *следом (след)* такие параметры гибрида, как:

- неизменяемость; 1 балл;
- меньшее количество форм в парадигме; 1 балл;
- неупотребляемость в первичной субстантивной функции подлежащего; 1 балл;
- наличие гибридной морфемы (флексия-суффикс *-ом*); 1 балл;
- отсутствие типичной сочетаемости с адъективными и субстантивными распространителями (ср.: *заинтересовались этим замысловатым, отчетливо выступающим на снегу следом зайца*); 2 балла;
- отсутствие такой присловной предсказующей связи с главными компонентами словосочетаний, как сильное управление; ср.: *интересоваться следом лося и путать следом*; 1 балл;
- наличие облигаторной функции обстоятельства способа действия, совмещаемой с функцией дополнения (чем? каким способом?); 1 балл;
- наличие сочетаемости с глаголами, требующими для раскрытия своего лексического значения слов с объектно-обстоятельственным значением (типа *путать, запутать, рисовать* и т. п.); ср. употребляемость исходного ядерного существительного *следом* с главными словами словосочетаний, предполагающими реализацию сугубо объектных отношений, не сопряженных с какой-либо обстоятельственной коннотацией (ср.: *заинтересоваться, любоваться, восхищаться, быть довольным чем-то* и т. п.); 1 балл.

В итоге от ядерного существительного *следом (след)* гибрид *следом* отграничивают 9 признаков (баллов).

В зоне промежуточных, гибридных образований словоформа *следом* сохраняет ряд категориальных характеристик исходной части речи (общеграмматическая семантика предметности; набор морфологических категорий и лексико-грамматических разрядов). В то же время на этой стадии адвербализации у гибрида *следом* нет уже признака изменяемости, что вызвано фиксацией форм твор. падежа и ед. числа. Общая его парадигма имеет ущербный характер в отличие от ядерного существительного *след*. Но полного обособления и изоляции форм твор. падежа и ед. числа от общей парадигмы существительного не происходит. Не наблюдается и нарушения лексемного тождества.

Сохранившаяся от существительных функция дополнения облигаторно сопряжена с функцией обстоятельства (способа действия). У рассматриваемого гибрида нет функции подлежащего и типичного синтаксического окружения существительных в виде адъективных и субстантивных распространителей. Отсутствует и связь с главным словом способом сильного управления; гибрид используется для реализации объектно-обстоя-

тельственных отношений способом слабого управления. Специфична, по сравнению с исходным ядерным существительным, и лексическая сочетаемость гибрида *следом*, который не способен сочетаться с главными компонентами словосочетаний типа *интересоваться* обязательной предсказующей связью сильного управления. На стадии гибридности в словоформе *следом* изменяется категориальный статус морфа *-ом*: из флексии он перерождается в флексию-суффикс.

Исчисление первого индекса адвербиализации гибрида позволяет в количественном аспекте определить степень его соответствия исходному существительному.

$$x_1 \text{ [следом... с(ущ) н(ареч)]} = 11 / (11 + 9) = 11 / 20 \approx 0,55 (55\%)$$

Как показывают подсчеты, на этапе гибридности словоформа *следом* демонстрирует 55 % соответствия соотносительному с ним ядерному существительному *след* (*следом*).

Аналогичным образом в результате индексации может быть установлена и степень соответствия дифференциальных признаков исследуемого гибрида признакам ядерного отсубстантивного наречия *следом*, образовавшегося в результате функционально-семантической адвербиализации исходной формы творительного падежа существительного *следом*: *Охотники заинтересовались необычным следом зайца* (ядерная субстантивная словоформа в функции дополнения) > *Проводник по-прежнему был впереди, остальные или следом, по пятам, стараясь не отставать* (ядерное отсубстантивное наречие в функции обстоятельства места и способа действия).

Исчисление второго индекса адвербиализации (x_2) позволяет выявить признаки сходства и различия гибрида *следом* (*Заяц долго путал охотников следом*) с отсубстантивным наречием *следом*, употребляемым в синкретичной функции обстоятельства места и способа действия (*Впередишел проводник, остальные двигались следом, по пятам*).

Установлено, что гибрид *следом* сближается с ядерным наречием *следом* общностью таких дифференциальных признаков, как:

— категориальная семантика признака (она совмещена в гибриде с субстанциальной семантикой); 1 балл;

— принадлежность к подгруппе наречий способа действия (у ядерного наречия значение способа действия совмещено со значением места); 1 балл;

— неизменяемость; 1 балл;

— членимость слова на морфы; 1 балл;

— функция обстоятельства и несогласованного определения; ср.: *запутывание кого-либо следом / движение следом*; 2 балла;

— отсутствие функции детерминанта высказывания; ср. присловные связи гибрида с объектно-обстоятельственным значением (*запутывал следом*) и ядерного локально-качественного наречия (*двигались следом, по пятам*); 1 балл;

— присловный характер подчинительной связи с главным компонентом словосочетания: слабое управление — у гибрида *следом*, выражающего объектно-обстоятельственные отношения (*Заяц путал следом* — Чем? Каким способом? При помощи чего?), и примыкание — у ядерного наречия *следом*, выражающего локально-качественные отношения [ср.: *Впереди шел обоз, путешественники или следом, по пятам, стараясь не отставать* (Где? Каким способом?)]; 1 балл;

— неспособность употребляться в роли чисто функционального омонима по отношению к исходному ядерному существительному *следом*; 1 балл.

Интегральных признаков у сравниваемых объектов девять.

Отграничивают гибрид (*запутал*) *следом* от ядерного наречия (*или*) *следом* такие свойства, как:

— отсутствие омонимичного лексического значения, формируемого обычно в зоне ядра новой части речи при функционально-семантической авербализации творительного падежа; ср. ядерное локально-качественное наречие *следом*, образования которого связано с нарушением смыслового тождества исходной субстантивной лексемы *след*; 2 балла;

— наличие у гибрида (*путал*) *следом* морфемы переходного типа — флексии-суффикса *-ом*; ср. суффикс *-ом* у наречия (*или*) *следом*; 1 балл;

— отсутствие у гибрида пространственной семантики; 1 балл;

— наличие у гибрида присловной связи слабого управления: *рисует следом*; *путает следом*; ср. примыкание ядерного наречия *следом* к глаголу, существительному (*двигался / движение следом*); 1 балл;

— иная лексическая сочетаемость; гибрид употребляется при глаголах, обозначающих обычно либо создание чего-либо при помощи определенных средств (*рисовал, изображал следом*), либо введение в заблуждение при помощи чего-либо (*путал, запутывал, обманывал следом*); ср. употребление ядерного пространственно-качественного наречия *следом* при глаголах конкретного действия, преимущественно движения: *шел, ехал, бежал, летел следом*; 1 балл.

Таким образом, отличие гибрида *следом* от ядерного наречия *следом* заключается в 6 признаках.

Более точно степень их соответствия друг другу определяется по формуле:

$$x_2 [\text{следом... с(ущ) н(ареч)}] = 9 / (9 + 6) = 9 / 15 \approx 0,6 (60\%).$$

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование свидетельствует о том, что семантико-грамматическое развитие формы творительного падежа существительного *следом* связано с формированием в контексте адвербиализации как собственно грамматического омонима, функционирующего в семантической зоне исходной субстантивной лексемы, так и лексико-грамматического омонима, нарушающего смысловое тождество лексемы и демонстрирующего факт грамматики и словаря, то есть образование новой адвербиальной единицы языка.

Структурно-семантический анализ и индексация гибрида *следом* показывают, что в его структуре синтезированы свойства двух частей речи — существительных и наречий. С первыми гибрид сближают такие признаки, как субстанциальная семантика; категории рода, числа и падежа; лексико-грамматические разряды, функция дополнения, способ присловной связи (слабое управление), со вторыми — семантика признака признака, неизменяемость, функция обстоятельства, принадлежность к наречиям способа действия. Степень соответствия признаков гибрида (*путать*) *следом* признакам исходного ядерного существительного (*интересоваться заячьим*) *следом* определяется в 55%, а степень соответствия признаков гибрида признакам ядерного отсубстантивного наречия *следом* — в 60%. Лексикализации словоформы *следом* в зоне гибридных структур не происходит: она продолжает функционировать как промежуточное, субстантивно-адвербиальное образование в семантической зоне исходной лексемы *след*, относясь к группе гибридов, находящихся на полпути от существительных к наречиям.

Заявленный вклад авторов:

Шигуров В. В. — анализ научной литературы, разработка концепции, проведение исследования и обработка его результатов, написание части текста статьи.

Шигурова Т. А. — анализ научной литературы, проведение исследования и обработка его результатов, написание части текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

Viktor V. Shigurov — analysis of scientific literature, concept development, research and processing of its results, writing part of the text of the article.

Tatyana A. Shigurova — analysis of scientific literature, conducting research and processing its results, writing part of the text of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 19.07.2024).
3. СлРЯ — *Словарь русского языка* : в 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой ; 2-е изд. испр. и доп. — Москва : Русский язык, 1984. — Т. 4 : С–Я. — 794 с.

4. БАСРЯ — *Большой академический словарь русского языка* / Российская академия наук ; Институт лингвистических исследований. — Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2019. — Т. 26. — 696 с. — ISBN 5-02-033660-2.

Литература

1. Апресян В. Ю. Тут, здесь и сейчас : о временных значениях пространственных дейктических слов / В. Ю. Апресян // Русский язык в научном освещении. — 2014. — № 1 (27). — С. 9—41.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с.
3. Баудер А. Я. К лингвистической интерпретации явлений переходности в грамматическом стиле русского языка / А. Я. Баудер // Филологические науки. — 2003. — № 5. — С. 79—81.
4. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 461 с.
5. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии / Л. Л. Буланин. — Москва : Прогресс, 1976. — 208 с.
6. Виноградов В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1972. — 614 с.
7. Евтохин В. Б. Наречие / В. Б. Евтохин. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. — 48 с.
8. Зализняк А. А. Русское разве : от предлога к вопросительной частице / А. А. Зализняк // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2020. — Т. 79. — № 4. — С. 5—11. — DOI: 10.31857/S241377150010943-0.
9. Иомдин Л. Л. Русские адвербальные единицы с точки зрения микросинтаксиса / Л. Л. Иомдин // Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов международной конференции Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2019. — С. 16—17.
10. Кубрякова Е. С. Конверсия в современном английском языке / Е. С. Кубрякова, В. А. Гуреев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2002. — № 2. — С. 33—37.
11. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. — С. 57—71.
12. Кустова Г. И. Предикативы ощущения и предикативы интерпретации : семантические и синтаксические процессы / Г. И. Кустова // Критика и семиотика. — 2022. — № 1. — С. 110—123. — DOI: 10.25205/2307-1737-2022-1-110-123.
13. Кравцов С. М. Адъективация как вид узуальной конверсии (на материале французского и русского языков) / С. М. Кравцов, А. Ю. Голубева // Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — № 1. — С. 123—131.
14. Левонтина И. Б. Русское «заодно» как выражение жизненной позиции / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Русская речь. — 1996. — № 2. — С. 53—57.
15. Мельчук И. Русский язык в модели «Смысл – Текст» / И. Мельчук. — Москва — Вена : Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. — 682 с.
16. Мельчук И. Две русские лексемы : ВОЗЬМИ [и Y-ни] и ВЗЯТЬ [и Y-нуть] / И. Мельчук // Русский язык в научном освещении. — 2023. — № 2. — С. 9—25. — DOI: doi.org/10.31912/jano-2023.2.1.

17. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 464 с. — ISBN 5-94457-166-7.
18. Потебня А. Из записок по русской грамматике : в 2 томах / А. А. Потебня. — Москва : Учпедгиз, 1958. — 536 с.
19. Савелова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Л. А. Савелова. — Архангельск, 2009. — 46 с.
20. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — Москва : Прогресс, 1988. — 656 с.
21. Тихомирова Т. С. Процесс адвербализации творительного падежа (на материалепольского языка) / Т. С. Тихомирова // Творительный падеж в славянских языках. — Москва : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 313—350.
22. Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е. В. Урысон // Вопросы языкоznания. — 1996. — № 4. — С. 25—38.
23. Урысон Е. В. К уточнению границ класса производных предлогов : грамматика и семантика единиц исключая (присутствующих), включая (присутствующих), считая (женщин и детей) / Е. В. Урысон // Вопросы языкоznания. — 2023. — № 3. — С. 7—26. — DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.7-26.
24. Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербальных выражений / М. В. Филипенко. — Москва : Азбуковник, 2003. — 304 с. — ISBN 5-93786-043-8.
25. Циммерлинг А. В. От интегрального к аспективному / А. В. Циммерлинг. — Москва : Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. — 652 с. — ISBN 978-5-4469-1792-1.
26. Шигуров В. В. Интеръективація как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка) / В. В. Шигуров. — Москва : Academia, 2009. — 464 с. — ISBN 978-5-87444-342-9.
27. Шигуров В. В. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи : теория транспозиционной грамматики русского языка / В. В. Шигуров. — Москва : Наука, 2016. — 702 с. — ISBN 978-5-02-039233-5.
28. Шигуров В. В. “Судя по” в контексте модальности и препозиционализации : к исчислению индексов транспозиции / В. В. Шигуров // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2020. — Т. 79. — № 6. — С. 42—55. — DOI: 10.31857/S241377150013063-2.
29. Eichinger L. M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation : die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch / L. M. Eichinger. — Tübingen : Syntaktische Transposition und semantische Derivation, 1982. — 241 p.
30. Elsen H. Grundzüge der Morphologie des Deutschen / H. Elsen. — Berlin ; Boston, 2011. — 326 p.
31. Stekauer P. A theory of conversion in English / P. Stekauer. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. — 155 p.

Статья поступила в редакцию 12.07.2024,
одобрена после рецензирования 01.09.2024,
подготовлена к публикации 05.09.2024.

Material resources

BASRYA — A large academic dictionary of the Russian language, 26. (2019). Moscow; St. Petersburg: Nauka. 696 p. ISBN 5-02-033660-2. (In Russ.).

- BTSRYA — *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (2000). St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 4: S–Ya.* (1984). Moscow: Russian language. 794 p. (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 19.07.2024). (In Russ.).

References

- Apresyan, V. Yu. (2014). Here, here and now: on the temporal meanings of spatial deictic words. *Russian language in scientific coverage*, 1 (27): 9—41. (In Russ.).
- Bally, Sh. (1955). *General linguistics and questions of the French language*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 416 p. (In Russ.).
- Bauder, A. Ya. (2003). To the linguistic interpretation of the phenomena of transitivity in the grammatical structure of the Russian language. *Philological sciences*, 5: 79—81. (In Russ.).
- Boguslavsky, I. M. (1996). *The scope of lexical units*. Moscow: School of “Languages of Russian culture”. 461 p. (In Russ.).
- Bulanin, L. L. (1976). *Difficult questions of morphology*. Moscow: Prosveshchenie. 208 p. (In Russ.).
- Eichinger, L. M. (1982). *Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch*. Tübingen: Syntaktische Transposition und semantische Derivation. 241 p. (In Germ.).
- Elsen, H. (2011). *Grundzüge der Morphologie des Deutschen*. Berlin; Boston. 326 p. (In Germ.).
- Filipenko, M. V. (2003). *Semantics of adverbs and adverbial expressions*. Moscow: Azbukovnik. 304 p. ISBN 5-93786-043-8. (In Russ.).
- Iomdin, L. L. (2019). Russian adverbial units from the point of view of microsyntax. In: *Grasmatic processes and systems in synchrony and diachrony. Abstracts of the international conference in Memory of Andrei Anatolyevich Zaliznyak*. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. 16—17. (In Russ.).
- Kravtsov, S. M., Golubeva, A. Y. (2017). Adjectivation as a type of customary conversion (based on the material of the French and Russian languages). *Humanities and Social Sciences*, 1: 123—131. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Gureev, V. A. (2002). Conversion in modern English. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2: 33—37. (In Russ.).
- Kurilovich, E. (1962). Lexical derivation and syntactic derivation. In: *Essays on linguistics*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 57—71. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2022). Predicatives of sensation and predicatives of interpretation: semantic and syntactic processes. *Criticism and semiotics*, 1: 110—123. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-1-110-123. (In Russ.).
- Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (1996). Russian “at the same time” as an expression of a life position. *Russian speech*, 2: 53—57. (In Russ.).
- Melchuk, I. (2023). Russian lexemes: TAKE [and Y-neither] and TAKE [and Y-nut]. *Russian language in scientific coverage*, 2: 9—25. DOI: doi.org/10.31912/rjano-2023.2.1. (In Russ.).
- Melchuk, I. (1995). *The Russian language in the “Meaning — Text” model*. Moscow — Vienna: School of “Languages of Russian Culture”, Vienna Slavistic Almanac. 682 p. (In Russ.).

- Penkovsky, A. B. (2004). *Essays on Russian semantics*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 464 p. ISBN 5-94457-166-7. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (1958). *From notes on Russian grammar: in 2 volumes*. Moscow: Uchpedgiz. 536 p. (In Russ.).
- Savelova, L. A. (2009). *Semantics and pragmatics of the Russian dialect*. Author's abstract of Doct. Diss. Arkhangelsk. 46 p. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2020). "Judging by" in the context of modalization and prepositionalization: towards calculating transposition indices. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. A series of literature and language*, 79 (6): 42—55. DOI: 10.31857/S241377150013063-2. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2009). *Interjection as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech (Materials for the transpositional grammar of the Russian language)*. Moscow: Academia. 464 p. ISBN 978-5-87444-342-9. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2016). *Predication as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech: theory of transpositional grammar of the Russian language*. Moscow: Nauka. 702 p. ISBN 978-5-02-039233-5. (In Russ.).
- Stekauer, P. (1996). *A theory of conversion in English*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 155 p.
- Tenier, L. (1988). *Fundamentals of structural syntax*. Moscow: Progress. 656 p. (In Russ.).
- Tikhomirova, T. S. (1958). The process of adverbializing the creative case (based on the material of the Polish language). In: *The creative case in Slavic languages*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 313—350. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (1996). Syntactic derivation and the "naïve" picture of the world. *Questions of linguistics*, 4: 25—38. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2023). To clarify the boundaries of the class of derivative prepositions: grammar and semantics of units excluding (present), including (present), counting (women and children). *Questions of linguistics*, 3: 7—26. DOI: 10.31857/0373-658X.2023.3.7-26. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1972). *Russian language: grammatical teaching about the word*. Moscow: Higher School. 614 p. (In Russ.).
- Yevtyukhin, V. B. (1999). *Adverb*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 48 p. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2020). Russian unless: from the preposition to the interrogative particle. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. A series of literature and language*, 79 (4): 5—11. DOI: 10.31857/S241377150010943-0. (In Russ.).
- Zimmerling, A. V. (2021). *From integral to prospective*. Moscow: St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 652 p. ISBN 978-5-4469-1792-1. (In Russ.).

*The article was submitted 12.07.2024;
approved after reviewing 01.09.2024;
accepted for publication 05.09.2024.*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Александр Модестович Подоксенов, д-р филос. наук (Елец)
Екатерина Владимировна Фёдорова, старший преподаватель (Чита)
Елена Геннадьевна Чернышева, д-р филол. наук (Москва)
Ирина Александровна Киселева, д-р филол. наук (Москва)
Ксения Алексеевна Поташова, канд. филол. наук (Москва)
Марина Николаевна Фомина, д-р филос. наук (Чита)
Наталья Михайловна Ильченко, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Ольга Викторовна Кублицкая, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Семен Семенович Макаров, канд. филол. наук (Москва)
Татьяна Викторовна Воронченко, д-р филол. наук (Чита)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ефимова А. Д. Медиапрезентация тыюторства как феномена педагогического дискурса / А. Д. Ефимова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 172—195. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-172-195.

Efimova, A. D. (2024). Media Representation of Tutoring as a Phenomenon of Pedagogical Discourse. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 172-195. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-172-195. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Медиапрезентация тыюторства как феномена педагогического дискурса

Ефимова Анна Дмитриевна
orcid.org/0000-0002-4465-3148

кандидат филологических наук
¹ младший научный сотрудник
кафедры теории и практики
перевода и лингвистики;

² доцент кафедры английского языка
lady-ann2792@yandex.ru

¹ Волгоградский
государственный университет»
(Волгоград, Россия)

² Государственный
гуманитарно-технологический
университет
(Орехово-Зуево, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00509,
<https://rscf.ru/project/23-28-00509>

Media Representation of Tutoring as a Phenomenon of Pedagogical Discourse

Anna D. Efimova
orcid.org/0000-0002-4465-3148

PhD in Philology
¹ Junior Researcher, Department
of Translation Theory and
Practice and Linguistics;

² Associate Professor, Department
of English Language
lady-ann2792@yandex.ru

¹ Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

² State Humanities and
Technological University
(Orekhovo-Zuevo, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00509,
<https://rscf.ru/project/23-28-00509>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью исследования является изучение медиарепрезентации тьюторства как феномена педагогического дискурса. Анализ тематического корпуса текстов показывает, что импортируемый концепт ТЬЮТОРСТВО приобретает новые концептуальные признаки, отражающие лингвокультурную специфику его осмысления в русскоязычном медийном пространстве. Установлены отличительные черты медиарепрезентации концептуального образования ТЬЮТОР в сравнении с традиционными педагогическими профессиями и его определением в профессиональном стандарте. Показано, что в русскоязычном медийном дискурсе тьюторство воспринимается профессиональным дискурсивным сообществом как профессия будущего, которая призвана сформировать личность способную ответить на глобальные вызовы современности. Выявлены оценочные признаки феномена ТЬЮТОРСТВО, отражающие его восприятие профессиональным дискурсивным сообществом и широкой читательской аудиторией. В первом случае преобладает положительная оценочность, образованная признаками ‘помощь’, ‘сопровождение’; во втором случае появляются отрицательные оценочные признаки, связанные с недоверием к тьюторству. Представлены образно-перцептивные характеристики тьюторства, выраженные метафорическими стратегиями, основанными на областях-источниках «Спорт», «Путь» и «Природа». Изучение феномена «тьюторство» указывает на значимость дискурсивного фактора в изучении концепта.

Ключевые слова:

медицинский дискурс; тьютор; импорт концептов; заимствованная лексика; аксиология; концепт тьюторства; лингвокультурология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of this study is to explore the media representation of tutoring as a phenomenon within pedagogical discourse. An analysis of a thematic corpus of texts reveals that the imported concept of TUTORING acquires new conceptual features that reflect the linguistic and cultural specificity of its interpretation in the Russian-speaking media landscape. Distinctive characteristics of the media representation of the conceptual education of TUTOR are established in comparison with traditional pedagogical professions and its definition in professional standards. It is demonstrated that in the Russian-speaking media discourse, tutoring is perceived by the professional discursive community as a profession of the future, tasked with shaping individuals capable of addressing the global challenges of modernity. Evaluative characteristics of the phenomenon of TUTORING are identified, reflecting its perception by both the professional discursive community and a broader readership. In the former case, positive evaluations prevail, characterized by notions of ‘assistance’ and ‘support’; in the latter, negative evaluative traits emerge, associated with skepticism towards tutoring. Figurative-perceptual characteristics of tutoring are presented, expressed through metaphorical strategies based on source domains such as “Sport,” “Journey,” and “Nature.” The study of the phenomenon of tutoring underscores the significance of the discursive factor in understanding the concept.

Key words:

media discourse; tutor; concept importation; borrowed vocabulary; axiology; tutoring concept; linguistic cultural studies.

УДК 811.161.1'42:17.022.1+070:37.018.8

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-172-195

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Медиапрезентация тьюторства как феномена педагогического дискурса

© Ефимова А. Д., 2024

1. Введение = Introduction

В настоящее время глобализация является фактором, который влияет на различные сферы жизни общества, вызывая трансформацию их ценностной картины мира, внедряя модели поведения, свойственные лидеру глобализации — англоязычному социуму. Особую роль в проникновении ценностей англоязычной культуры как основного проводника глобализации играют заимствования. Среди них выделяется особый класс лексических единиц, который В. И. Карасик, описывая разные типы языкового импорта, определяет как ценностные, поскольку они вносят в принимающий социум ориентиры поведения, устоявшиеся в иной культуре [Карасик, 2015, с. 106].

В контексте глобализации педагогический дискурс находится под влиянием общемировых образовательных трендов, воплощающих ценности англоговорящих стран. Интеграция в мировое образовательное пространство, обусловленная воздействием внешних и внутренних факторов, приводит к тому, что в последнее время в русскоязычном педагогическом дискурсе появляется целый пласт лексики, номинирующей новые реалии, к числу которых относятся и лексические единицы, репрезентирующие понятие «тьюторство». Данный феномен связан с импортом слов (*тьютор*, *тьюторант*, *тьюториал*), объективизирующих соответствующий институциональный концепт, отражающий специфику культуры и образования лидеров глобализации. Внедрившись в институциональный дискурс другой культуры, он расширяет свои границы, обогащаясь новыми понятийными, оценочными и образными концептуальными признаками.

Важную роль в освоении дискурсивным сообществом новых концептуальных образований играет медиийный дискурс [Antonova, 2014; Bednarek, 2006; Ilbury, 2022; Kochetova, 2023; Talbot, 2007], который помимо медиатизации специализированных концептов (см., например, [Кондратьева и др., 2021]) активно транслирует и интерпретирует заимствованные поня-

тия, влияющие на ценностную картину мира того типа дискурса, в котором они функционируют, формируя представления, стимулируя обсуждение и определяя общественное мнение.

Новизна работы обусловлена, во-первых, изучением заимствованных единиц, номинирующих концептуальные образования, которые под влиянием процессов глобализации проникают в другие культуры, встраиваясь в систему ценностных координат институциональных дискурсов; во-вторых, описанием роли медийного дискурса в их адаптации и трансформации в пространстве принимающей культуры.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретическую базу работы составили труды, посвященные проблемам аксиологической лингвистики [Карасик, 2019; Радбиль, 2023; Беляков, 2023], лингвокультурного анализа дискурса [Карасик, 2023], труды по теории заимствований [Крысин, 2008; Китанина, 2005; Кузина, 2022].

Материалом исследования стал тематический корпус текстов медийного дискурса, созданный на основании поисковых запросов по ключевым словам «тыоторство», «тыотор», «тыоторант», включающий тексты различной жанровой принадлежности: тексты форумов, посвященных обсуждению тыоторства, объемом 18 тысяч слов; тексты, опубликованные на медийных образовательных платформах skillbox.ru, digital-academy.ru, «Вести образования», объемом 31 тыс. слов; собственно медиатексты, освещающие представления о тыоторстве для широкой читательской аудитории, опубликованные в таких изданиях, как «Аргументы и факты», ТАСС, РБК, а также размещенные на платформах, разъясняющих тренды в образовании; объемом 18 тыс. слов.

В работе использованы следующие методы:

- корпусное исследование заимствованных лексем, а также построение их коллокационного профиля с целью выявления понятийных признаков «тыоторства» в русскоязычном медийном дискурсе;
- анализ контекстов, содержащих оценочные квалификации феномена, которые управляют его восприятием в дискурсивном сообществе;
- установление образно-ценностных характеристик концепта в русскоязычном медийном дискурсе на основе идентификации метафорических контекстов объективирующих его лексем.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Понятийные признаки ментального образования «тыоторство» в английской культуре и русских нормативных документах

Трансформация российской образовательной системы, сопровождающаяся заимствованиями англоязычной лексики, способствует тому, что

в педагогическом дискурсе наряду с традиционной профессией учителя, согласно «Атласу новых профессий», появляются такие новые номинации педагогических профессий, как *тьютор, инструктор, коуч, менеджер в образовании, веб-психолог, лайфстайл-тренер, инструктор по интеллект-фитнесу* и т. д. [Крючкова..., 12.07.2017; Атлас...].

В словарных дефинициях языка отдающей культуры закреплены несколько основных направлений деятельности тьютора, определяющих понятийное содержание данной единицы в английском языке: учитель (частный), обучающий одного или нескольких учеников; особая должность в системе университетского образования, человек, ответственный за руководство работой небольшого количества студентов; опекун девочки и мальчика до достижения зрелости. Интересно, что английский глагол “*to tutor*” сохранил семантику ранее заимствованного из латыни слова, имевшего значение ‘присматривать’ (быть опекуном, заботиться о ком-либо), а также значения ‘наставлять’ и ‘обучать в частном порядке’; самым ранним значением слова в английском языке было ‘человек, нанятый для присмотра и обучения молодежи в частных домах, а также сопровождавший учащихся в поездках заграницу’ [Dictionary.com; WordReference]. Таким образом, в содержание концепта ТЬЮТОР в английском языке входит и образовательный, и воспитательный аспекты, включены следующие виды деятельности: сопровождение, наставничество, присмотр и опека, руководство образовательным процессом и его организация; обучение конкретному предмету (частное) для достижения определенной цели; рекомендации при обучении. Англо-русские словари дают несколько наиболее близких педагогических профессий в русской культуре: домашний учитель или репетитор; наставник; руководитель группы студентов в университете; опекун [Мюллер, 2007, с. 1356]. Анализ контекстов корпуса показывает, что в русскоязычном дискурсе сохраняются воспитательный и образовательный аспекты деятельности тьютора, однако в основном тьюторство трактуется как школьная практика, а сам феномен получает уникальные концептуальные признаки, отражая специфику его осмыслиения в русской культуре.

Широкое распространение заимствований *тьютор* и *тьюторство* и их активное освоение в педагогической практике привело к тому, что профессия «тьютор» закреплена законодательно (Письмо Министерства образования и науки РФ от 11.03.2016 г. № ВК-452/07 «О введении ФГОС ОВЗ»), приравнена к профессии воспитатель (Приказ министерства труда и социальной защиты РФ от 14 ноября 2023 г. № 807н «Об установлении тождества наименования должности «тьютор» наименованию должности «воспитатель») [О введении..., 11.03.2016; Об установлении..., 14.11.2023]. В настоящее время «тьютор» закреплен как педагогическая профессия

в профессиональных стандартах, относящихся к группе воспитательных профессий (Профессиональный стандарт «Специалист в области воспитания», утвержденный Министерством труда и социальной защиты РФ от 30.01.2023 г. № 53н, включает номинацию «тьютор» в качестве одного из наименований воспитательных профессий, одной из обобщенных трудовых функций которого является «тьюторское сопровождение обучающихся»). Деятельность тьютора включает работу с обучающимися с ОВЗ и инвалидностью, а также составление индивидуальных образовательных маршрутов и проектов [Специалист..., 30.01.2023].

Анализ текста профессионального стандарта позволил выделить следующие понятийные признаки исследуемого концептуального образования: 1) организация и проектирование образовательной среды организации; 2) оказание помощи обучающимся, координация взаимодействия участников образовательного процесса; 3) выявление и систематизация образовательных ресурсов.

Таким образом, зафиксированные в нормативных документах понятийные признаки профессии определяют тьютора как организатора образовательного процесса, ответственного за доступ к образовательным ресурсам и их наличие, промежуточное звено между преподавателями (учителями, воспитателями) и обучающимися.

3.2. Осмысление русскими массмедиа понятия тьюторства в контексте педагогических профессий

Вхождение заимствованной единицы *тьютор* в русский язык маркируется ее сопоставлением с уже существующими в русском языке наименованиями педагогических профессий с целью обозначения места профессии тьютора и разъяснения членам социума сути новой реалии. Данная тактика медиатизации тьюторства позволяет выявить понятийное содержание языковых единиц-репрезентантов концепта. Можно отметить, что медийный дискурс играет важную роль в концептуализации данной единицы и формировании отношения к ней.

Как показывают контексты тематического корпуса, самым близким синонимом, входящим в понятийное ядро единицы *тьютор*, становится *наставник* (52 употребления слова *наставник* и 55 употреблений слова *наставничество* из общего количества слов). Действительно, именно функция наставничества обозначена как одна из важнейших, прописанных в профессиональном стандарте. Тьюторство интерпретируется как форма институционального наставничества: *«Наставник» — более широкое понятие, а «тьютор» — это уже конкретная профессия. Это как в спорте — есть любительский спорт, а есть профессиональный* [Тьютор — это..., 14.05.2021].

Анализ медийных текстов показал, что в русской культуре «тьютор» становится сложным многокомпонентным понятием, включающим в свою структуру воспитательную деятельность (29 употреблений слов *воспитание* и *воспитатель*), основной функцией тьюторства становится сопровождение детей (48 употреблений слова *сопровождение*): *Тьюторы, которые работают с группами продленного дня, выполняют скорее функцию воспитателей: они играют, гуляют с детьми, помогают им делать домашнее задание. Их главные задачи — присмотр и уход* [Салтыкова, 21.04.2023].

В текстах русскоязычного медийного дискурса тьютор контекстуально сближается с учителем и психологом, при этом он противопоставляется данным профессиям, которые позиционируются как дидактические, регулирующие и предписывающие, а тьютор должен мотивировать обучающегося и предоставлять ему выбор: *Если учитель занимает, как правило, менторскую позицию, а психолог — консультативную, то тьютор не вправе советовать ребенку поступать так или иначе и тем более оказывать на него давление* [Дашковская, 13.06.2023].

Профессия тьютора интерпретируется как находящаяся на пересечении разных педагогических профессий и занимающая свою нишу: *Нам предстоит соединить профессионализм, самые сильные стороны разных специалистов, чтобы дать тьюторам максимально эффективные навыки для работы с детьми* [Салтыкова, 21.04.2023].

Отметим, что в настоящее время, в эпоху глобальной цифровизации, когда можно мгновенно найти любую информацию, функция учителя как транслятора культурно-значимых моделей поведения и знаний трансформируется, а тьютор сопровождает и помогает разобраться в потоке информации, слово *тьютор* приобретает ряд синонимов: *Тьютор (помощник, фасилитатор, коуч, консультант, менеджер и т. п.) сопровождает, проводит, помогает человеку в его самостоятельном пребывании в знаниях* [Чиркова, 2009, с. 39].

В текстах акцентируются различия между такими близкими профессиями, как «коуч» и «тьютор»: *Для коуча рабочий инструмент — цель. Если у человека нет цели, то, как правило, коуч работать с ним не будет. А для тьютора, поскольку у него образовательная практика, цели — слишком жёсткая категория <...> Поэтому тьютор работает с приоритетами, спонтанными интересами, с активностью. Отсюда второе отличие: коучи в основном работают со взрослыми, а тьюторы — с людьми любого возраста, начиная с трёх лет* [Тьютор — это..., 14.05.2021]. Следовательно, различие между коучем и тьютором прослеживается в цели, охвате возрастных категорий обучаемых, в инструментарии: целью тьютора становится выстраивание такой образовательной траектории ученика, которая

приведет к реализации его потенциала, поможет ему с самоопределением, в то время как коуч работает с уже готовой целью и помогает в достижении карьерного роста.

Изучение примеров использования лексемы *тьютор* в жанрах сетевого дискурса показывает, что в обыденном сознании данная профессия сближается с понятием репетиторства и часто встречается в контекстах, относящихся к школьному образованию и работе с детьми в начальной школе, а также с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, заимствование *тьютор* в русскоязычном педагогическом дискурсе, интерпретируясь в медиадискурсе, приобретает новые понятийные признаки, соотносясь с такими понятиями, как воспитатель (например, в группе продленного дня); классный руководитель (человек, который хорошо знает детей и их особенности); молодой педагог, работающий под руководством более опытного наставника (в системе *dual-teaching*); репетитор (в том числе готовящий к поступлению в ведущие зарубежные учебные заведения), педагог, работающий с одаренными детьми или с детьми с ОВЗ, семейный педагог.

3.3. Коллокационный профиль лексем,reprезентирующих феномен тьюторства

О значимости концепта ТЬЮТОРСТВО и его интенсивном внедрении в русскоязычное сознание свидетельствует тот факт, что в настоящее время в русскоязычном медийном дискурсе наблюдается активное формирование словообразовательного гнезда лексемы *тьютор* и выделяются следующие устойчивые сочетания с его дериватами:

— лексема *тьюторант*, обозначающая обучающихся, лиц, с которыми работает тьютор, часто используется в позиции объекта или в родительном падеже со значением принадлежности: *работать с тьюторантами, задавать вопросы тьюторанту, обсуждать с тьюторантом, составлять карты совместно с тьюторантами, сложился контакт с тьюторантом, взаимодействовать с тьюторантом, соотноситься с запросом тьюторанта, поиск тьюторантом ответов, родители тьюторанта, интересы тьюторанта*. Как видно из примеров, большая часть коллокаций включает глаголы, обозначающие действия, которые производит тьютор;

— лексема *тьюторство*, означающая разновидность педагогического сопровождения: *споры вокруг тьюторства, семейное тьюторство, феномен тьюторства, внедрение в школах тьюторства, источники тьюторства, практиковать тьюторство, поддержка тьюторства, скрытые следы тьюторства, прийти в тьюторство, содержание тьюторства, тьюторство в инклюзии, тьюторство с одаренными детьми, тьюторство в серебряном возрасте, развивается тьюторство, этика тьюторства,*

проблемы тьюторства, книга по тьюторству, тьюторство в школах, институт тьюторства, Летний университет тьюторства, кафедра тьюторства, многокомпонентное тьюторство, внедрять тьюторство, ценность тьюторства, освоить тьюторство, обучение тьюторству, преподавать тьюторство, презентация тьюторства;

— относительное прилагательное тьюторский: тьюторские консультации, тьюторские игры, тьюторские события, тьюторские навыки, тьюторская деятельность, тьюторская профессия, тьюторское движение, тьюторское сопровождение, тьюторская организация, тьюторская система, тьюторские собрания, тьюторские занятия, тьюторская поддержка, тьюторская ассоциация, тьюторские технологии, тьюторские практики, тьюторская компетентность, тьюторская модель, тьюторские precedents, тьюторская работа, тьюторские методики, тьюторские конференции, тьюторский сейшн, тьюторское развитие, тьюторская магистратура, тьюторский центр, тьюторские группы, тьюторская позиция.

Менее употребительные лексемы — тьюторинг (построить тьюторинг — работа, выполняемая тьютором, учебное консультирование тьютора); тьюториал, лексема, номинирующая определенную форму работы с группой тьюторантов, вид занятия (проводить тьюториалы, приходить в тьюториал, успешный тьюториал, посетить тьюториал, пробный тьюториал).

Таким образом, в русском языке сложился пласт активной, образующей многочисленные синтагматические единства, лексики, объективирующую концептуальное образование ТЬЮТОРСТВО показывающей, что тьюторство в русском медиадискурсе позиционируется как сложный многоаспектный феномен, представляющий собой: антропопрактическую деятельность; особую форму наставничества; профессию, имеющую систему методик, технологий, методов, форм и приемов работы; институциональный феномен, обозначающий тьюторскую ассоциацию и тьюторские центры.

3.3. Интерпретация феномена тьюторства в русском медийном дискурсе: образно-ценностные характеристики

Транслируемая национальными массмедиа «в эксплицитной или имплицитной форме оценка способна формировать и регулировать отношение общества к освещаемым феноменам» [Кондратьева, 2016, с. 41]. В медийном дискурсе тьюторство интерпретируется как перспективная, важная и необходимая профессия в контексте глобализации и интеграции образовательных систем: интересная и новая сфера, новый формат преподавания, форма наставничества, антропопрактическая деятельность, работу «тьютора» часто относят к профессиям будущего, становится сегодня ключевым ми-

ровым трендом, возможный ресурс современного образования; пока эта специальность воспринимается как новая, она активно развивается. В медийных дискурсивных практиках система тьюторства часто увязывается с инновационной практикой: *Тьюторство в основном существует в инновационных государственных школах. В госшколах вообще сейчас ситуация колоссальной растерянности. Раньше там многое держалось на формирующей позиции учителя: «Ребята, смотрим все на меня, не отвлекаемся!» Но одно дело — говорить это в классе, и совсем другое — на дистанционном онлайн- занятии [Тьютор — это..., 14.05.2021].*

В медийном дискурсе акцентируется, что особую важность профессия тьютора приобретает в связи с изменением хронотопа педагогического общения, обусловленного увеличением доли онлайн-обучения в связи с эпидемией COVID. Массмедиа, активно обсуждавшие широкое распространение онлайн- и дистанционного обучения, акцентируют, что оно требует иных форм взаимодействия, которые позволяют мотивировать детей к обучению: *To, что хотят ввести в московских школах, в зарубежной практике называют dual teaching (а еще two teacher model и co-teaching). И это тоже про тьюторство, но немного другое [Мягков].* В данном примере под тьюторством понимается особая форма наставничества, когда молодой педагог или студент старших курсов работает под руководством опытного профессионала, передающего свой опыт и знания. Перспективность такой работы объясняется интеграцией дистанционных форм работы в учебный процесс, определяющей особый формат взаимодействия, в котором функция педагога-наставника включает объяснение нового материала для нескольких классов онлайн, а молодому педагогу необходимо закрепить знания и проверить степень их усвоения, что обеспечивает максимальную экономию ресурсов. Таким образом, в данном контексте подчеркивается инновационный характер профессии тьютора как альтернативы традиционным методам наставничества, позволяющий отвечать на вызовы современного общества.

Как следует из примеров, представления о профессии окончательно не сложились, поэтому часто встречаются противоречивые суждения: тьютор не осмысливается как исключительно педагогическая профессия, тем не менее, обязательным для тьютора признается высшее образование: *Базовое образование у тьютора может быть любым, нет никаких ограничений [Тьютор — это..., 14.05.2021]; одновременно выдвигаются требования к знанию основ педагогики и психологии: В идеале нужно иметь образование в области педагогики или психологии и, желательно, пройти профессиональную переподготовку [Садчикова, 26.01.2022] — или наличию сертификата, подтверждающего обладание определенными знаниями и навыками; акцентируются требования к моральным и нравственным каче-*

ствам тьютора: *Назвать себя тьютором может кто угодно, а вот знаком ли этот тьютор с профстандартом и этическим кодексом тьютора — большой вопрос* [Тьютор — это..., 14.05.2021], которым придается большая значимость по сравнению с профессиональными навыками.

С другой стороны, акцентируется значимость для тьютора педагогического опыта, что отрицает необходимость специальных знаний и умений: *Для нас не имело значения, называли они себя тьюторами или нет: это могли быть гувернёры, классные руководители, кто угодно — важно, какая у них была реальная педагогическая практика* [Тьютор — это..., 14.05.2021]. Подчеркивается, что не все педагоги могут освоить профессию тьютора, поскольку она подразумевает другой подход к обучению: *Некоторым педагогам пришлось отказывать, так как очень трудно сменить учительскую позицию на тьюторскую* [Там же].

В русскоязычном медийном дискурсе тьютор концептуализируется как человек, имеющий за плечами солидный жизненный опыт, поскольку ответственность, конструируемая как необходимая черта тьютора, сочетается с возрастом: *У нас на курсе средний возраст — 47 лет; ...возрастная профессия...; ...это ответственная работа, для неё надо уже иметь за плечами жизненный опыт...; ...осознанно хотят получать профессию тьютора...; ...можешь стать тьютором, потому что ты можешь многое в сопровождении тьюторанта со своим опытом связывать; ...сильные педагоги, которые мыслят инновационно...* [Там же]. Основные личностные характеристики тьютора получают следующее дискурсивное воплощение: *авторитетный человек с широким кругозором* [Тьютор. Новая..., 21.01.2023], *сопровождающий, поддерживающий, очень личный* [Салтыкова, 21.04.2023], *очень рефлексивный человек непростой судьбы* [Тьютор — это..., 14.05.2021], *средовой педагог* [Волошко, 26.04.2023], *друг и наставник, независимые значимые взрослые* [Дашковская, 13.06.2023]; Перечисляются такие качества, как *гибкость, коммуникативные навыки, самоорганизованность, эмпатия, доброжелательность и спокойствие* [Садчикова, 26.01.2022].

В медийном профессиональном дискурсе тьютор позиционируется как сложная профессия, овладеть которой может не каждый, необходима совокупность различных навыков, высокая мотивация к выполнению данной деятельности, знание форм и методов работы: *На должность тьютора у нас происходит строгий отбор: мотивация, конечно, важный критерий, но одного желания здесь мало* [Дашковская, 13.06.2023]; *Не каждый даже замечательный педагог на это способен, поэтому некоторым приходилось расстаться с тьюторской должностью* [Там же].

В интерпретационное поле «тьюторства» входят лексемы *интерес* (106) (здесь и далее в скобках указывается число употреблений лексемы

в корпусе), помошь (54), личность (40), выбор (40), индивидуализация (34), запрос (32), счастье (27), поддержка (27), успех / успешность (19/27), самостоятельность (самостоятельно) (26), ответственность (26), мотивация (22), самоопределение (8), беседа (8), отражающие важнейшие, определяющие содержание данной профессии понятия, выстраивающие систему ценностных ориентиров деятельности тьютора, который позиционируется как взрослый, обладающий необходимыми знаниями, опытом и компетенциями, чтобы в нужный момент поддержать подопечного, оказать ему необходимую помощь и разобраться в причинах ошибок, устранивая негативные последствия: *...видит в своих воспитанниках не только учеников, в той или иной мере усваивающих школьную программу, а личность со своими интересами, запросами и мечтами* [Там же]. В центре внимания тьютора оказывается личность воспитанника с ее достоинствами и недостатками, мечтами, устремлениями, способностями, а тьютор интерпретируется как человек, задача которого — принять каждого ребенка «с чистого листа», рассмотреть его потенциал, раскрыть сильные стороны и реализовать его задумки и планы: *Задача тьютора — помочь ребенку оценить свои способности и интересы и на основании этого помочь ему составить индивидуальную программу развития* [Мягков]. Как видно из примера, лингвоаксиологической основой деятельности тьютора становится учет возможностей ученика, которые задают вектор работы и определяют индивидуальный маршрут деятельности. Следовательно, тьюторство презентируется как выстраивание траектории развития личности человека, связанной с осознанием ребенком своих способностей и недостатков, учетом трудностей, что, в конечном итоге, помогает личности найти свое место в мире и быть конкурентоспособной в эпоху изменчивости мира.

Контексты показывают, что важнейшей ценностью для деятельности тьютора становится уважение к ребенку и его личному выбору, концепт ВЫБОР актуализируется при описании взаимодействия тьютора с семьей воспитанника, когда задачей тьютора становится показать необходимость учета мнения ребенка при его самоопределении в старшей школе, а также понять его перспективы: *То есть в случае выбора будущего важно сопротивляться своим желаниям с реальными возможностями и понять, стоит ли двигаться к цели, которую тебе не дано достигнуть* [Дашковская, 04.12.2023].

В связи с лингвоаксиологическими доминантами современного общества, связанными с конкуренцией, необходимостью постоянной адаптации к изменяющимся условиям и большим объемом информации, в медийном дискурсе отмечается необходимость для тьютора формирования у воспитанников в процессе обучения ряда организационных умений, таких, как по-

становка целей, преодоление препятствий на пути к ним, правильная организация работы, распределение времени, расстановка приоритетов: *Тьютор помогает им правильно планировать время, формировать индивидуальное расписание, реализовывать цели* [Салтыкова, 21.04.2023, 2023]. Как один из важнейших навыков воспринимается навык взаимодействия и работы в команде: *Большое внимание уделяется формированию социальных навыков, прежде всего умению работать в команде, которое пригодится ребятам в дальнейшей профессиональной деятельности* [Дашковская, 20.06.2023].

Как показывает количественный анализ лексем в собранном корпусе текстов, приоритетом при работе тьютора становятся виды деятельности, в структуре названий которых есть компонент *само*: *саморазвитие, само совершенствование, самостоятельность, самоопределение, самообразование, самоконтроль, самоопределение, самообразование, самовыражение, самореализация, самоанализ, самосознание, самооценка, самоорганизация, самосовершенствование, самоподготовка* (64 употребления). Иначе говоря, основным навыком тьютора, получающим актуализацию в медийных текстах, является умение и желание учиться в течение жизни: *Она подчеркнула, что участники семинара выделили «самостоятельность» и «самоопределение» как основные характеристики успешного развития ребенка, и это очень важно* [Мягков].

В русскоязычных медийных текстах беседа позиционируется как один из наиболее эффективных методов, используемых тьютором для достижения необходимых результатов. Примеры употребления лексемы *беседа* отражают ценностные приоритеты в отношениях тьютора с воспитанниками и их родителями. Социально неодобряемому поведению учителя, которое связано с авторитарностью, принуждением, натаскиванием, равнодушением к мнению ребенка, использованием окриков и командного тона голоса, противопоставляется желание тьютора наладить дружеские, доверительные отношения с ребенком, вступая в диалог с учеником, подстраивая общение с ним под особенности его личности: *Тьютор много разговаривает с ребёнком. Ему важно создать доверительные отношения* [Тьютор. Новая ..., 21.01.2023].

Цель профессии тьютора расширяется и вбирает не только сопровождение учебного процесса и формирование организационных умений и самостоятельности, но и воспитание нравственных черт личности: ответственности, любви к знаниям, стремления к саморазвитию: *Быть счастливым — это не значит быть беспечным* [Дашковская, 23.05.2022]. Подчеркивается, что основная задача тьютора не просто играть с детьми, но развивать умение преодолевать трудности и получать радость от труда: *Можно прожить опыт совершенно феерического счастья — не от чаепи-*

тий на переменах, не от беготни по коридорам, а от познания нового [Там же]. Акцентируется важность воспитания глубокого человека, умеющего сопереживать, рефлексировать по поводу своей деятельности, познавать смыслы, преодолевать трудности, что и является задачей тьютора.

Анализ примеров корпуса показывает, что ориентация тьютора на формирование нравственных качеств личности требует особых форм и методов работы. Нравственный выбор ребенка, основанный на возможности попробовать себя в различных сферах, позиционируется в качестве основы самоопределения в старших классах. Милосердие и сострадание осмысливаются как качества, которые важно развивать в процессе волонтерской деятельности: *Это очень важная часть образовательной программы, нам важно обеспечить не только интеллектуальное развитие, но и формирование зрелой нравственной личности, способной на добрые поступки, имеющей опыт помочь другим людям* [Дашковская, 04.12.2023]. Следовательно, основным приоритетом работы тьютора, не менее значимым, чем развитие интеллектуальных способностей, становится воспитание нравственности учащегося.

Оценочные контексты лексемы показывают, что субъекты оценки, не принадлежащие к педагогической профессии, относятся к тьюторству с недоверием: *Покажите мне такую странноватую маму, которая нормального ребенка к тьютору какому-то поведет — или не понимают необходимость введения еще одной педагогической профессии: «Обычный» человек отведет к репетитору. Продвинутый — к психологу-педагогу или нейропсихологу. Мне этот рынок услуг закрывают по-своему детские нейропсихологи и проф. консультанты; Вряд ли обычным нужны тьюторы* [Тьютер (моя новая идея)]. В обыденном сознании тьютор воспринимается как человек, который работает только с определенной категорией людей, сопровождает их: *Тьютер для меня специалист именно по детям с задержкой развития, сдвиг, аутизмом; Если тьютором сопровождения, то это всегда работа с ненормативными детьми, неважно ОВЗ или очень талантливыми* [Там же] (орфография сохранена. — А. Г.).

Профессиональные субъекты оценочной квалификации отмечают, что форма слова, отсылающая к реалиям западных стран, может восприниматься как отражение чужих ценностей и оцениваться отрицательно:

Реакция общества на слово «тьютор» не всегда положительная. Чем это можно объяснить?

— Это связано с тем, что в России вообще не очень любят иностранные слова. Поэтому само слово «тьютор» как непривычное слово кого-то отпугивало, кого-то раздражало. Вот у нас сейчас 2023 год — это год наставника. А «тьютор» в переводе с английского значит «наставник» [Волошко, 26.04.2023].

Отрицательная оценка понятия фиксируется в следующем контексте, где лексема *тыютор* интерпретируется в ряду других заимствований, получивших негативные коннотации: *Страна не любит иностранные слова — ваучеры, риелторы, — тут ты ещё с тыюторами!* [Тьютор — это..., 14.05.2021]. Таким образом, понятие «тыютор» осмысливается как что-то чуждое, похожее по внешней форме на слово *губернер*, которое имело негативную коннотацию в связи с тем, что в данной профессии было много людей, ничего не понимавших в педагогике (например, бродячих актеров), при этом стремившихся к зарабатыванию денег легким путем. В этой связи фраза *толпа этих тыюторов* приобретает пренебрежительное оценочное значение [Тьютер (моя новая идея)].

В медийном дискурсе положительная оценка тьюторства связывается с его нацеленностью не на успех и достижение результата, а на воспитание успешного человека, активного, деятельностного, созидающего члена общества, способного ответить на глобальные вызовы современности. Однако понимание «успешности» может быть разным: *Когда коуч говорит, что его цель — успех, это значит, он работает в социальной действительности, потому что успех — социальное действие, это то, как человека оценивает социум <...>. Но для нас не так важна сама успешность — для нас важно, чтобы человек понимал свои приоритеты, видел свои образовательные шаги, ресурсы и мог выстраивать собственную образовательную программу* [Тьютор — это..., 14.05.2021]. Таким образом, успех коуча понимается как получение клиентом социального одобрения в обществе и достижение высокой позиции в нем, а деятельность тьютора ориентируется на формирование успешной личности через раскрытие возможностей ученика и поиск своего места в жизни. «*Успешный человек*» в данном контексте — это не тот, кто сдал ЕГЭ с высокими баллами, а тот, кто реализовал свои таланты и смог стать полезным членом общества: *Цель такого специалиста не отметки, а развитие личности ребенка, его самостоятельности. Учитывая интересы своего подопечного, его психофизиологические особенности специалист ведёт личность к успеху. Например, школьник увлекается греко-римской борьбой, но не любит физику. Задача тьютора — заинтересовать своего подопечного: показать, как законы сложной науки работают в спорте* [Тьютор. Новая ..., 21.01.2023].-

Сделаем вывод, что оценка профессии тьютора зависит от субъекта оценочной квалификации. Оценка, субъектом которой выступают представители педагогического сообщества, является положительной. Тьюторство получает неодобрительную оценку со стороны социума. Так, негативно может восприниматься внешняя форма слова, которая отсылает к другим заимствованиям, пришедшим с запада, имеющим отрицательные коннотации.

ции в русской культуре, а *тыютор* осмысливается как знак чуждого. Недобирательная оценочная квалификация возникает как результат непонимания сути профессии.

3.4. Метафора в осмыслении феномена тыюторства в русском медийном дискурсе

Изучение дискурсивных механизмов смыслообразования, очерчивающих интерпретативное поле социально значимых феноменов в медийной коммуникации, выдвигает в фокус научного интереса метафорические нарративы, отражающие опыт осмысления человеком социальной реальности и образующие культурное социально-значимое пространство [Lakoff et al., 2003; Баранов, 2014; Болдырев, 2013 и др.].

Являясь важным механизмом формирования оценочного содержания и восприятия изучаемого феномена в сознании членов дискурсивного сообщества, метафорические нарративы определяют его место в ценностной картине мира социума. Метафора как важнейший когнитивный механизм устанавливает векторы интерпретации социальных феноменов и обладает мощным воздействующим потенциалом. Активное внедрение новых образовательных технологий в общественное сознание требует изучения их метафорической концептуализации, задающей интерпретационное поле формирования ценностных смыслов. Метафорические модели структурируют знание в определенной области, переводя его в привычные, доступные для понимания на уровне обыденного сознания термины, задавая их эмоционально-оценочное восприятие, передавая ценностные смыслы, выражющие ориентиры поведения, и устанавливая связь между языком и культурой.

В медиатизации феномена тыюторства используется метафорическая модель «спорт — тыюторство». В основе метафоры лежит признак командной игры, в частности игры в футбол, где нет борьбы и конкуренции между членами команды, но есть объединяющая цель, а каждый игрок выполняет свою функцию, которая передает необходимость сознательного выбора обучающимся своего места в команде, наиболее соответствующей его способностям и интересам: *В качестве примера Татьяна Ковалева привела футбольную команду, где есть вратарь, нападающий, защитник, и каждый знает своё место. И если тренер обладает тыюторской компетентностью, то он не сам назначает ребят на эти роли, а даёт им возможность попробовать быть нападающим, защитником, вратарём, и он согласует с ними, в какой позиции им интересно попробовать себя. И вот когда каждый видит свою позицию в коллективе, понимает свои ресурсы и дефициты для выполнения той или иной задачи — это и есть процесс индивидуализации* [Дашковская, 04.12.2023].

Таким образом, в метафорическом нарративе имплицируется необходимость взаимодействия со сверстниками, оказания взаимопомощи и взаимоподдержки, уважения личности другого человека, его индивидуальности. Тьютор метафорически осмысливается как тренер, в задачу которого входит достижение командой результата.

Областью-источником метафорических моделей в интерпретации тьюторства является «Путь», что актуализируется лексемами *траектория, маршрут, путь, навигация*: *Но если пустить этот процесс на самотек, то человек набьет себе шишки и рискует даже сбиться с путем, а вот если его будет сопровождать человек с тьюторской компетентностью, который поможет ему обустроить этот процесс, то он проходит свой путь гораздо интенсивнее* [Там же]; *Тьютор выступает в роли навигатора детских интересов, он обсуждает с тьюторантом (так называют ребенка, с которым встретился тьютор), преимущества и «подводные камни» на пути движения к той или иной образовательной цели* [Там же].

В приведенных контекстах тьютор выступает в роли навигатора, который прокладывает маршрут на пути к знаниям, учитывая интересы и индивидуальные способности обучающегося. Знания осмысливаются как внешний объект, место назначения и цель, а тьютор, как опытный штурман, прокладывает путь, минуя опасные места и помогая команде не заблудиться в большом потоке информации.

Сферой-источником в концептуализации тьюторства выступает «Природа»: *В начальной школе у ребенка часто наблюдаются стихийные интересы, и задача тьютора — перевести их в область устойчивых. В основной школе под руководством тьютора происходит «окультуривание» познавательных интересов за счет проектирования, исследовательской и творческой деятельности* [Там же].

В приведенном контексте природа соотносится с часто обладающей разрушительной силой стихией, которой человеку трудно противостоять. Тьютор концептуализируется как профессионал, который направляет стихийные силы природы в нужное русло, задавая вектор развития обучающегося. Познавательные интересы ребенка осмысливаются как почва, которая для получения хорошего урожая, должна хорошо обрабатываться с применением научных знаний и опыта.

4. Заключение = Conclusions

Медийная интерпретация тьюторства как феномена педагогического дискурса отражает существенно изменившуюся роль педагога и трансформацию педагогической профессии, вызванную влиянием общемировых образовательных трендов. Осмысливаясь в контексте российской пе-

педагогической мысли и традиций, заимствованный феномен «тьюторство» претерпевает ряд трансформаций и получает новые концептуальные признаки. Их изучение позволило проследить изменение образовательных ценностей и приоритетов, норм педагогического взаимодействия, а также выявить отношение социума к данным изменениям.

В медиином дискурсе профессия тьютора осмысливается как позволяющая решить задачи, стоящие перед современной образовательной системой в условиях конкуренции во всех сферах жизни как результата процесса глобализации, происходящего под влиянием западной системы ценностей. Глобальная конкуренция вызывает необходимость формирования нового типа мышления, гибкого и подвижного, и определяет систему требований к человеку, сводящихся к умению адаптироваться к изменяющимся условиям, учиться в течение всей жизни, действовать быстро в соответствии с обстоятельствами, прогнозировать результаты своих действий, и др. Установлено, что концепт ТЬЮТОР расширяет содержательный минимум, приобретая новые концептуальные признаки, отражающие особенности системы образования в России. Тьюторство интерпретируется как профессиональная педагогическая практика будущего, которая может помочь ответить на глобальные вызовы современности.

Освещение оценочного позиционирования, то есть представления типичных точек зрения на рассматриваемое явление, которые отражают расхождение ориентиров поведения в обыденном и профессиональном общении, показывает, что представители непрофессионального сообщества проявляют недоверчивое или негативное отношение к профессии, обусловленное влиянием внешней формы слова и его связи с другими заимствованиями, получившими отрицательные коннотации, а также непониманием специфики профессии.

В профессиональном педагогическом сообществе тьюторство получает положительную оценку в связи с его инновационным характером и теми ценностными доминантами, которые детерминируют обучение с помощью тьюторской модели и позволяют обеспечить адаптацию обучающихся к условиям современного мира и противостоять негативным влияниям, связанным с непрекращающимся информационным потоком, определяющим наличие множественности точек зрения. Важнейшим требованием становится индивидуализация обучения, направленная на формирование таких приоритетных качеств учащегося, как самостоятельность, ответственность, умение критически мыслить, организационные умения, познавательный интерес. Базовыми ценностными ориентирами во взаимоотношениях с тьюторантами становятся принятие уникальности личности воспитанника, уважение к его выбору, помощь в самореализации

и раскрытии способностей, поддержка личности ребенка, развитие его талантов, творческого потенциала, нравственных качеств.

Оценка деятельности тьютора происходит по линии ценностных оппозиций: эффективный — неэффективный; деструктивный — конструктивный, вызывающий конфликт — позволяющий урегулировать конфликтную ситуацию; уважительный — неуважительный; устаревший — инновационный. Авторитарный стиль общения, критика, давление на учащегося, оценка воспитанника на основе рейтингов заслуживают негативного отношения, а конструктивный диалог, желание прислушаться к мнению собеседника, партнерские, доверительные отношения оцениваются положительно.

Метафорические модели концептуализации феномена тьюторства основаны на сферах-источниках «Спорт», «Природа», «Путь», определяющих метафорические импликации и ценностные суждения, соотносимые с ценностными ориентирами поведения в ситуациях педагогического общения.

Предложенная методика изучения осмысления феномена тьюторство в специальном и медийном дискурсах может считаться перспективной для описания лингвокультурных характеристик других импортируемых концептов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://new.atlas100.ru/> (дата обращения 03.03.2024).
2. Волошко Т. Если слово «тьютор» раздражает, можно сказать, что мы — образовательные наставники [Электронный ресурс] / Т. Волошко // Вести образования : [сайт]. — 26.04.2023. — Режим доступа : [https://vogazeta.ru/articles/2023/4/26/quality_of_education/22590-Esli_slovo_tyutor_razdrazhaet_mozhno_skazat_chто_my_obrazovatelnye_nastavniki](https://vogazeta.ru/articles/2023/4/26/quality_of_education/22590-Esli_slovo_tyutor_razdrazhaet_mozhno_skazat_chto_my_obrazovatelnye_nastavniki) (дата обращения 03.03.2024).
3. Дацковская О. Человек рождается с крыльями. Тьютор лишь помогает ему взлететь [Электронный ресурс] / О. Дацковская // Вести образования : [сайт]. — 04.12.2023. — Режим доступа : https://vogazeta.ru/articles/2023/12/4/quality_of_education/24229-chelovek_rozhdaetsya_s_krylyami_tyutor_lish_pomogaet_emu_vzletet (дата обращения 03.03.2024).
4. Дацковская О. Командные тренинги, карты впечатлений, «Декады погружения», или Все о работе тьютора в Школе будущего [Электронный ресурс] / О. Дацковская // Вести образования : [сайт]. — 20.06.2023 — Режим доступа : https://vogazeta.ru/articles/2023/6/20/quality_of_education/23079-komandnye_treningi_karty_vpechatleniy_dekady_pogruzheniya ili_vse_o_rabote_tytora_v_shkole_buduschego (дата обращения 03.03.2024).

5. *Дашковская О.* Тьютор — это значимый взрослый, который помогает ребенку принять самостоятельное решение [Электронный ресурс] — 13.06.2023. — Режим доступа : https://vogazeta.ru/articles/2023/6/13/quality_of_education/23018-tyutor_eto_znachimyy_vzroslyy_kotoryy_pomogaet_rebenku_prinyat_samostoyatelnoe_reshenie (дата обращения 03.03.2024).

6. *Дашковская О.* Школа счастья завтрашнего дня [Электронный ресурс] / О. Дашковская // Вести образования : [сайт]. — 23.05.2022. — Режим доступа : https://vogazeta.ru/articles/2022/5/23/edpolitics/19919-shkola_schastya_zavtrashnego_dnya (дата обращения 03.03.2024).

7. *Крючкова А.* Интеллект-тренер и тьютор. Какие еще специальности появятся в образовании? [Электронный ресурс] / А. Крючкова // АиФ : [сайт]. — 12.07.2017. — Режим доступа : https://aif.by/social/science/intellekt-trener_i_tyutor_kakie_eshche_speicalnosti_poyavyatsya_v_obrazovaniy (дата обращения 03.03.2024).

8. *Мягков М.* Кто такие тьюторы и зачем они нужны школам [Электронный ресурс] / М. Мягков // РБК Тренды : [сайт]. — Режим доступа : <https://trends.rbc.ru/trends/education/5ffdb80e9a794781af1ad8d0> (дата обращения 03.03.2024).

9. *Мюллер В. К.* Большой англо-русский словарь / В. К. Мюллер, А. Б. Шевнин, М. Ю. Бродский. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007. — 1536 с. — ISBN 978-5-903036-64-6.

10. *О введении ФГОС ОВЗ* [Электронный ресурс] // Письмо Министерства образования и науки РФ от 11 марта 2016 г. № ВК-452/07. — Режим доступа : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71254376/> (дата обращения 03.03.2024).

11. *Об установлении тождества наименования должности «тьютор» наименованию должности «воспитатель»* [Электронный ресурс] // Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 14.11.2023 № 807н (Зарегистрирован 12.12.2023. — № 76356). — Режим доступа : <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312130008> (дата обращения 03.03.2024).

12. *Садчикова Е.* Кто такой тьютор и как им стать [Электронный ресурс] / Е. Садчикова // Digital Academy : [сайт]. — 26.01.2022. — Режим доступа: <https://digital-academy.ru/blog/kto-takoy-tyutor> (дата обращения 03.03.2024).

13. *Салтыкова К.* «Сопровождающий, поддерживающий, очень личный». Как тьюторы помогают детям в школе [Электронный ресурс] / К. Салтыкова // ТАСС : [сайт]. — 21.04.2023. — Режим доступа : <https://tass.ru/obschestvo/17563125> (дата обращения 03.03.2024).

14. *Специалист в области воспитания* [Электронный ресурс] // Профессиональный стандарт, утвержденный Министерством труда и социальной защиты РФ от 30.01.2023. — № 53н. — Режим доступа : <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2769> (дата обращения 03.03.2024).

15. *Тьютор (моя новая идея)* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.b17.ru/forum/topic.php?id=442254&p=2> (дата обращения 03.03.2024).

16. *Тьютор. Новая образовательная реальность или хорошо забытое старое?* [Электронный ресурс] // АиФ-Омск : [сайт]. — 21.01.2023. — Режим доступа : https://omsk.aif.ru/society/tyutor_novaya_obrazovatelnaya_realnost_ili_horosho_zabytoe_staroe (дата обращения 03.03.2024).

17. *Тьютор* — это очень рефлексивный человек непростой судьбы [Электронный ресурс]. — 14.05.2021. — Режим доступа : <https://skillbox.ru/media/education/tyutor-eto-ochen-refleksivnyy-chelovek-neprostoy-sudby/> (дата обращения 03.03.2024).

18. *Dictionary.com* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dictionary.com/browse/tutor> (accessed 03.03.2024).

19. *WordReference* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.wordreference.com/definition/tutor> (accessed 03.03.2024).

Литература

1. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 632 с. — ISBN 978-5-9905856-7-6.
2. Беляков М. В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса : на материале открытой профессиональной дипломатии : автореферат докторской ... доктора филологических наук : 5.9.8 / Михаил Васильевич Беляков. — Москва, 2023. — 48 с.
3. Болдырев Н. Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2013. — Выпуск 15. — С. 12—21.
4. Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса / В. И. Карасик // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2023. — № 2 (50). — С. 118—129. — DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.10.
5. Карасик В. И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения / В. И. Карасик // Гуманитарные технологии в современном мире. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. — Калининград : Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. — С. 22—25.
6. Карасик В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик. — Москва : Гно-зис, 2015. — 382 с. — ISBN 978-5-94244-055-8.
7. Китанина Э. А. Прагматика иноязычного слова в русском языке : автореферат докторской ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Элла Анатольевна Китанина. — Краснодар, 2005. — 40 с.
8. Кондратьева О. Н. «Словарь политических терминов в СМИ» как новый лексикографический продукт / О. Н. Кондратьева // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Филология. — 2016. — № 6 (44). — С. 38—49.
9. Кондратьева О. Н. Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ) / О. Н. Кондратьева, Ю. С. Игнатова // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 69—85. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-69-85>.
10. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях : очерки о русской лексике и лексикографии [Электронный ресурс] / Л. П. Крысин. — 2008. — Режим доступа : <https://studfile.net/preview/2958204/> (дата обращения 05.03.2024).
11. Кузина М. А. Заимствования в современном английском языке в эпоху глобализации : монография / М. А. Кузина. — Москва : МПГУ, 2022. — 240 с. — ISBN 978-5-4263-1070-4.
12. Радбиль Т. Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема по-хорошему) / Т. Б. Радбиль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 170—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.
13. Чиркова Н. В. «Тьютор» versus «учитель»? / Н. В. Чиркова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2009. — Выпуск 2 (80). — С. 38—41.

14. Antonova T. G. Social Conflict through Conceptual Metaphor in Media Discourse / T. G. Antonova // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2014. — Vol. 154. — Pp. 368—373. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.10.165>.
15. Bednarek M. Evaluation in Media Discourse : Analysis of a Newspaper Corpus (Corpus and Discourse) / M. Bednarek. — London : Continuum, 2006. — 235 p. — ISBN 082649126X.
16. Ilbury Ch. Discourses of social media amongst youth : An ethnographic perspective / Ch. Ilbury // Discourse, Context & Media. — 2022. — Vol. 48. — Pp. 1—9. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2022.100625>.
17. Lakoff G. Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. — London : University of Chicago Press, 2003. — 250 p.
18. Kochetova L. A. Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse : Corpus-Based Approach / L. A. Kochetova // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. — 2023. — Vol. 22. — № 5. — Pp. 6—18. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>.
19. Talbot M. Media Discourse : Representation and Interaction / M. Talbot. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007. — 208 p. — ISBN 0748623485.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024,
одобрена после рецензирования 06.09.2024,
подготовлена к публикации 16.09.2024.

Material resources

- A tutor is a very reflective person with a difficult fate.* (2021). 14.05. Available at: <https://skillbox.ru/media/education/tyutor-eto-ochen-refleksivnyy-chelovek-neprostoy-sudby/> (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Atlas of new professions.* Available at: <https://new.atlas100.ru/> (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Dashkovskaya, O. (2022). School of happiness of tomorrow. *Education news: [website].* 23.05. Available at: https://vogazeta.ru/articles/2022/5/23/edpolitics/19919-shkola_schastya_zavtrashnego_dnya (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Dashkovskaya, O. (2023). A person is born with wings. The tutor only helps him to take off. *Education news: [website].* 04.12. Available at: https://vogazeta.ru/articles/2023/12/4/quality_of_education/24229-chelovek_rozhdaetsya_s_krylyami_tyutor_lish_pomogaet_emu_vzletet (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Dashkovskaya, O. (2023). Team trainings, maps of impressions, “Decades of immersion”, or All about the work of a tutor at a School of the future. *Education news: [website].* 20.06. Available at: https://vogazeta.ru/articles/2023/6/20/quality_of_education/23079-komandnye_treningsi_karty_vpechatleniy_dekady_pogruzheniya ili_vse_o_rabote_tytora_v_shkole_buduschego (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Dashkovskaya, O. (2023). *Tutor is a significant adult who helps a child make an independent decision.* 13.06. Available at: https://vogazeta.ru/articles/2023/6/13/quality_of_education/23018-tytutor_eto_znachimyy_vzroslyy_kotoryy_pomogaet_rebenku_prinyat_samostoyatelnoe_reshenie (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Dictionary.com.* Available at: <https://www.dictionary.com/browse/tutor> (accessed 03.03.2024).
- Kryuchkova, A. (2017). Intellect-coach and tutor. What other specialties will appear in education? *AiF: [website].* 12.07. Available at: <https://aif.by/social/science/intellekt-coach-i-tutor-kak-dobavlyat-novye-spetsialnosti-v-uchebnye-programmy>

- trener_i_tyutor_kakie_eshche_specialnosti_poyavyatsya_v_obrazovani (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Muller, V. K., Shevnin, A. B., Brodsky, M. Y. (2007). *The Great English-Russian dictionary*. Yekaterinburg: U-Factoriya. 1536 p. ISBN 978-5-903036-64-6. (In Russ.).
- Myagkov, M. Who are tutors and why do schools need them. *RBC Trends*: [website]. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5ffdb80e9a794781af1ad8d0> (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- On establishing the identity of the title of the position “tutor” to the title of the position “educator”. (2023). *Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated 11/14/2023 № 807n (Registered 12.12.2023. № 76356)*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312130008> (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- On the introduction of the Federal State Budgetary Educational Institution. (2016). *Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated March 11, 2016 № VK-452/07*. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71254376/> (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Sadchikova, E. (2022). Who is a tutor and how to become one. *Digital Academy*: [website]. 26.01. Available at: <https://digital-academy.ru/blog/kto-takoy-tyutor> (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Saltykova, K. (2023). “Accompanying, supportive, very personal.” How tutors help children at school. *TASS*: [website]. 21.04. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/17563125> (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Specialist in the field of education. (2023). *Professional standard approved by the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated 30.01.2023, 53n*. Available at: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2769> (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- The computer (my new idea). Available at: <https://www.b17.ru/forum/topic.php?id=442254&p=2> (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Tutor. Is it a new educational reality or a well-forgotten old one? (2023). *AiF-Omsk*: [website]. 21.01. Available at: https://omsk.aif.ru/society/tyutor_novaya_obrazovatelnaya_re-almost ili horosho_zabytoe_staroe (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- Voloshko, T. (2023). If the word “tutor” is annoying, we can say that we are educational mentors. *Education news*: [website]. 26.04. Available at: [https://vogazeta.ru/articles/2023/4/26/quality_of_education/22590-Eсли_слово_титуор_раздражает_может_no_skazat_chто_my_образовательные_наставники](https://vogazeta.ru/articles/2023/4/26/quality_of_education/22590-Eсли_слово_титуор_раздражает_может_no_skazat_chto_my_образовательные_наставники) (accessed 03.03.2024). (In Russ.).
- WordReference. Available at: <https://www.wordreference.com/definition/tutor> (accessed 03.03.2024).

References

- Antonova, T. G. (2014). Social Conflict through Conceptual Metaphor in Media Discourse. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 154: 368—373. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.10.165>.
- Baranov, A. N. (2014). *Descriptive theory of metaphor*. [Text]. Moscow: Languages of Slavic Culture. 632 p. ISBN 978-5-9905856-7-6. (In Russ.).
- Bednarek, M. (2006). *Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus (Corpus and Discourse)*. London: Continuum. 235 p. ISBN 082649126X.
- Belyakov, M. V. (2023). *Linguoaxiology and linguosemiotics of diplomatic discourse: based on the material of open professional diplomacy*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 48 p. (In Russ.).

- Boldyrev, N. N. (2013). The interpretative potential of a conceptual metaphor. *Cognitive studies of language*, 15: 12—21. (In Russ.).
- Chirkova, N. V. (2009). "Tutor" versus "teacher"? *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2 (80): 38—41. (In Russ.).
- Ilbury, Ch. (2022). Discourses of social media amongst youth: An ethnographic perspective. *Discourse, Context & Media*, 48: 1—9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2022.100625>.
- Karasik, V. I. (2023). Linguistic and cultural characteristics of pedagogical discourse. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*, 2 (50): 118—129. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.10. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2015). *Linguistic manifestation of personality*. Moscow: Gnosis. 382 p. ISBN 978-5-94244-055-8. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2019). Values as culturally significant guidelines of behavior. In: *Humanitarian technologies in the modern world. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference*. Kaliningrad: Western Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. 22—25. (In Russ.).
- Kitanina, E. A. (2005). *Pragmatics of a foreign language word in the Russian language*. Author's abstract of Doct. Diss. Krasnodar. 40 p. (In Russ.).
- Kochetova, L. A. (2023). Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22 (5): 6—18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1>.
- Kondratieva, O. N. (2016). "Dictionary of political terms in the media" as a new lexicographic product. *Bulletin of the Tomsk State University. Ser. Philology*, 6 (44): 38—49. (In Russ.).
- Kondratyeva, O. N., Ignatova, Yu. S. (2021). Strategies for the Mediatization of Legal Concepts in Russian Mass Media of XXI Century (Concept LEGITIMACY). *Nauchnyi dialog*, 3: 69—85. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-69-85 (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2008). *The word in modern texts and dictionaries: Essays on Russian vocabulary and lexicography*. Available at: <https://studfile.net/preview/2958204/> (accessed 03.05.2024). (In Russ.).
- Kuzina, M. A. (2022). *Borrowings in modern English in the era of globalization: a monograph*. Moscow: MPSU. 240 p. ISBN 978-5-4263-1070-4. (In Russ.).
- Lakoff, G., Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live By* [Text]. London: University of Chicago Press. 250 p.
- Radbil, T. B. (2023). Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (the Lexeme 'po-khoroshemu'). *Nauchnyi dialog*, 12 (6): 170—189. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189> (In Russ.).
- Talbot, M. (2007). *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 208 p. ISBN 0748623485.

*The article was submitted 04.07.2024;
approved after reviewing 06.09.2024;
accepted for publication 16.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Радионцева Е. С. Медиакоммуникации как среда для формирования импринтинга / Е. С. Радионцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 196—216. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-196-216.

Radiontseva, E. S. (2024). Media Communications as a Context for Imprinting Formation. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 196-216. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-196-216. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Медиакоммуникации как среда для формирования импринтинга

Радионцева Екатерина Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2248-198X
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра истории, философии
и социальных коммуникаций
rakaty@yandex.ru

Омский государственный
технический университет
(Омск, Россия)

Media Communications as a Context for Imprinting Formation

Ekaterina S. Radiontseva
orcid.org/0000-0002-2248-198X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History, Philosophy
and Social Communication
rakaty@yandex.ru

Omsk State
Technical University
(Omsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Автор статьи утверждает, что медиакоммуникации становятся средой для формирования импринтинга — психофизиологического механизма, в соответствии с которым впечатление или образ запечатлеваются в мозге, превращаясь в устойчивые поведенческие программы. Выявить их позволяет анализ медиатекстов с высоким коэффициентом внимания. Материал исследования составили 200 единиц медиатекстов. Анализ проводился в следующих типологических нишах современной медиасистемы: онлайн-СМИ, social media (ВКонтакте, Одноклассники), блогах, в том числе на платформе «Дзен». Выявлено, что в текстах разных типологических сегментов медиасистемы репрезентируются разные поведенческие программы. В онлайн-СМИ поведенческие программы эксплицируются в когнитивные действия, направленные на осмысливание процессов, связанных с экономическим и политическим положением России. В social media ведущей поведенческой программой становится сентенция, навеянная феноменологией случайной удачи. Блог-площадка «Дзен» раскрывает импринтинг через категории «безответственность», «шалость», «хулиганство». В остальных блогах в медиатекстах с высоким индексом внимания импринтинг видится в осмысливании вопросов профессионального характера, связанных с деятельностью в цифровом пространстве. Разные типологические ниши медиасистемы направлены на формирование неоднородных психофизиологических механизмов, трансформирующихся в аксиологический фундамент, формирующий разные поведенческие программы.

Ключевые слова:

медиа; импринтинг в медиа; медиакоммуникации; медиасистема.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The author of this article posits that media communications serve as a context for the formation of imprinting — a psychophysiological mechanism whereby impressions or images are etched into the brain, evolving into stable behavioral programs. The identification of these programs is facilitated through the analysis of media texts with a high attention coefficient. The study analyzed 200 media texts across various typological niches within the contemporary media system: online news outlets, social media platforms (VK, Odnoklassniki), and blogs, including the “Zen” platform. The findings indicate that different typological segments of the media system represent distinct behavioral programs. In online news outlets, behavioral programs are explicitly manifested in cognitive actions aimed at understanding processes related to Russia’s economic and political landscape. In social media, the prevailing behavioral program is encapsulated in a sentiment inspired by the phenomenology of serendipity. The “Zen” blog platform reveals imprinting through the categories of “irresponsibility,” “playfulness,” and “hooliganism.” In other blogs featuring high attention indices, imprinting is observed in the contemplation of professional issues related to activities in the digital space. The various typological niches of the media system are geared towards the formation of heterogeneous psychophysiological mechanisms, which transform into an axiological foundation that shapes diverse behavioral programs.

Key words:

media; imprinting in media; media communications; media system.

УДК 070:004.738.5+659.04

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-196-216

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Медиакоммуникации как среда для формирования импринтинга

© Радионцева Е. С., 2024

1. Введение = Introduction

Мозг способен обучаться бессознательно, основываясь на данных, предлагаемых средой, формируя поведенческие программы, порой далекие от рациональных, сознательных, разумных.

Последствия постижения медийной картины мира современности нам еще предстоит осмыслить, однако уже сегодня исследователи бьют тревогу, призывая задуматься над эстетикой контента, который транслируется с экранов телевизоров и радио, доносится из Интернета.

Научное медиаполе насыщено исследованиями, посвященными ценностям отдельных фрагментов современной медиасистемы [Руденко, 2014; Распопова, 2018; Манскова, 2009; СМИ в системе..., 2001; Базылев, 2021]. Эти работы завершаются выводами с тревожными коннотациями. «Роль трэш-эстетики...» [Манскова, 2009], «Негативная медийная информация...» [Руденко, 2014], «От хулигов к трэш-току...» [Базылев, 2021] — фрагменты заголовочных комплексов научных работ, иллюстрирующие недвусмысленную оценку контента СМИ.

Опасность ситуации, транслируемой медиа, может подстерегать нас на уровне импринтинга — психофизиологического механизма, в соответствие с которым впечатление или образ, воспринятые в определенный критический период развития, прочно запечатлевается в мозге, превращаясь в устойчивую поведенческую программу.

Импринтинг в основном приходится на чувствительные или эмоциональные моменты жизни, когда нервная система уязвима и восприимчива. Человек не в состоянии контролировать процесс «запечатлевания» сознательно или самостоятельно. Не случайно в психологии и нейролингвистическом программировании существуют техники реимпринтинга — нивелирования последствий феномена.

История развития понятия «импринтинг» представлена в публикации М. Ю. Смирнова и М. Ю. Трофимова [Смирнов и др., 2017]. Изначально явление было обнаружено и исследовалось на животных. С момента открытия процесса и по сей день орнитологи активно его исследуют [Gottlieb, 1961; DePaul et al., 1980; Nagy et al., 2004; McCabe, 2013; Bolhuis et al., 2015]. В научном дискурсе термин закрепился благодаря трудам Конрада Лоренца [Лоренц, 1998].

В современном мире явление импринтинга рассматривается в рамках клинической и функциональной медицины [Ершов и др., 2023; Метилирование ..., 2022], в науке об образовании [Механизмы ..., 2022; Жизненные стратегии ..., 2022], экономике [Бочко, 2023; Антипов, 2019], философии и эстетике [Каулин, 2023; Алемасов, 2020], психологии [Лукьянов и др., 2023; Югова, 2021], социологических науках [Аверкиева, 2023; Делягин, 2023], языкоznании и литературоведении [Кабрин и др., 2023; Самойлова, 2023] и др. Уместно говорить об импринтинге и применительно к продуктам журналистского творчества и медиакоммуникаций.

Явление импринтинга вышло за пределы исключительно научной картины мира; процесс запечатлевания «культурных кодов» сегодня осмысливается в качественном типологическом сегменте СМИ: журнале «Форбс» [Долголаптева], газете «РБК» [Александров], на площадках social media [Что такое импринтинг].

Отечественные исследователи В. В. Чешев [Чешев, 1999], с. Ф. Денисов, Л. М. Дмитриева [Денисов и др., 1997] полагают, что в процессе импринтинга формируются новые смыслы и ценности. Это происходит посредством сильного аффективного воздействия. В дальнейшем человек, не осознавая, будет воспроизводить те или иные смыслы в определенных жизненных ситуациях при схожих или аналогичных обстоятельствах. При этом «если импринтинг животных ограничивается запечатлеванием внешних обстоятельств в рамках биологической поведенческой программы, то в эмоциональной жизни человека запечатления связаны по преимуществу с формированием мотивационных установок, с восприятием и переживанием социальных смыслов и значений... Многообразие социальных смыслов предопределяет всестороннее развитие эмоционально-психической активности человека, которая оказывается несравненно более мощным и более развитым средством организации поведения в сравнении с психической жизнью животных» [Чешев, 1999, с. 129].

Таким образом, импринтинг можно рассматривать «как особого рода культурную традицию», характерную для человеческой активности [Денисов, 1997, с. 323], формирующую «культурный код» [Рапай, 2008].

На формирование импринтинга оказывают влияние три социальных фактора:

1) микрофакторы (семья, друзья, ближайшее окружение, образовательные учреждения);

2) мезофакторы (условия, в которых растет ребенок, этнические особенности, средства массовой коммуникации);

3) макрофакторы (процесс глобально-общественного масштаба: экология, политика, демография, экономика).

В фокусе нашего внимания — средства массовой коммуникации и социальные медиа. Закрепление социального опыта обеспечивается СМИ и social media через механизмы эмоционального импринтинга.

Datareportal, We Are Social и Meltwater опубликовали ежегодный отчет, в котором проанализировали основные изменения цифрового пространства как на мировом рынке в целом, так и в каждой конкретной стране. Согласно исследованию, в России на момент сбора информации проживало 144,2 млн человек, из которых 130,4 млн активно пользовались Интернетом. Проникновение сети в стране достигло 90,4 %. В начале 2024 года число пользователей социальных сетей в России составило 106,0 млн человек, что составляет 73,5 % от общего населения. В 2024 году российские пользователи проводят в интернете 8 часов 21 минуту в день, что на 4,5 % больше, чем в 2023 году. Исследование Datareportal-2024 подтвердило, что основной мотивацией для людей оставаться онлайн является потребность в поиске информации. Этую причину назвали 82,4 % респондентов.

Как видим, среда, в которой сегодня формируются ценности и установки личности, во многом определяется спецификой контента медиасистемы. «В традиционном обществе человек заимствовал нормы поведения и ценностные ориентиры из непосредственного окружения, а цели предписывались исходя из потребностей общества и господствующей в данном обществе религии. Современная глобальная система духовного производства, базисным и наиболее действенным элементом которой являются, прежде всего, средства массовой коммуникации, декларирует многие новые социальные цели...» [Нерсесова, 2011].

Вопрос о том, декларируют ли СМИ и соцмедиа социальные цели или же отражают их, остается в научном сообществе открытым. Цитируя К. Р. Ниглатуллину, В. А. Сидоров пишет, что «... на протяжении вот уже почти двух столетий вслед за К. Марксом мы говорим о журналистике как о неотъемлемой части надстройки общества, которая, тем не менее, оказывает значительное воздействие на его базис; в результате общество не остается неизменным. Верно и обратное прочтение известной закономерности: в своем облике журналистика особым образом воспроизводит складывающиеся внутри социума отношения, динамично реагирует на следствия большинства социальных перемен» [Сидоров, 2023, с. 251].

М. Г. Делягин отмечает, что информационная революция показала значимость мира массовых коммуникаций и его влияние на многие социальные процессы. «Современная молодежь — уже второе поколение людей, разум и характер которых формируются во взаимодействии с музыкой и видеопродукцией, транслирующими, прежде всего, не накопленный в прошлом опыт, а искусственную реальность, сформированную на основе разного рода фантазий. При этом непосредственным инструментом воздействия на личность в процессе ее формирования является в основном ... эмоция» [Делягин, 2023, с. 6].

Средства массовой информации, включая телевидение, радио, печатные и онлайн-платформы, а также социальные медиа оказывают значительное влияние на общественное мнение и общественные настроения, считает Димам Бхарат [Dhiman, 2023]. Каждый день мир средств массовой информации у нас под рукой, будь то просмотр фильмов, прослушивание радио или просмотр онлайн-СМИ. В среднем люди тратят более 8 часов в день, пишет исследователь, на восприятие сообщений средств массовой информации, что составляет общую пожизненную дозу, превышающую 20 лет, в течение которой концептуальный контент стимулирует наш мозг. Эффекты от этого потока информации варьируются от краткосрочных всплесков внимания (например, в результате последних новостей или вирусных «мемов») до воспоминаний на всю жизнь (например, о любимом детском фильме) и от воздействия на микроуровне на индивидуальное сознание, память, отношение и поведение к воздействию на макроуровне на нации или поколения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи стало выявление психофизиологических установок или программ в поведении человека, транслируемых средствами массовой информации и социальными медиа или отражаемых ими.

Эмпирической базой исследования послужили тексты СМИ и социальных медиа, представленные компанией Brand Analytics, лидером системы мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ на рынках России и СНГ, в разделе «Медиатренды», в котором фиксируются наиболее комментируемые информационные поводы или медиатексты. С 16.03.2024 в базу анализа выгружалось по 10 наиболее обсуждаемых медиатекстов за неделю. База анализа составила 200 материалов, структурированных по 5 направлениям: медиатексты онлайн-СМИ, «ВКонтакте», «Одноклассниках», «Дзене» и блогах.

Достоинием раздела «Медиатренды» Brand Analytics являются медиатексты, набравшие наибольшее количество комментариев. Комментарий

в данном случае — это маркер интереса аудитории к медиатексту, в котором фиксируется эффективность конкретного журналистского материала. «... Перечень индикаторов интереса (или атрибутов эффективности журналистского текста) включает в себя не только воспроизведение информации при прочих равных условиях, повторения ее, но и подразумевает совершенное действие. Последний содержательный компонент требует от потребителя очередной раз купить ту же газету, включить ту же передачу, реализовать предлагаемую идею медиатекста. Если опустить частности, то мы перечислили основные механизмы реализации формулы: «предлагаемый интерес — стереотипы поведения и мышления аудитории» [Ерофеева, 2008, с. 50—51].

Создать информационный повод, к которому будет не просто прикован общественный интерес, но и внимание, зафиксированное в верbalном действии, — задача для журналиста непростая. В рамках отдельных онлайн-школ и курсов существует направление, цель которого — обучить разработке «цепляющего» информационного повода, рассказать, как попасть в фокус общественного интереса и найти те информационные потребности, которые удовлетворяет человек через обращение к СМИ и соцмедиа.

Современные технологии продвижения текста как продукта медиасистемы в случае необходимости позволяют достичь определенных показателей по количеству просмотров, времени погружения в единицу контента. Запланировать размещение комментария — вербального действия со стороны реципиента — средства маркетинга позволяют с большим трудом.

Отметим, что формы, специфика контента, эмоциональная оценка комментария будут вне фокуса внимания настоящего исследования, поскольку этот вопрос не коррелирует с нашей целью.

В процессе исследования использовался метод контент-анализа, позволяющий выявить приоритетные темы, площадки, форматы, жанры материалов с наибольшим вербальным вниманием реципиентов; выполнялся интент-анализ, предпринятый с целью выявления интенциональной (целевой) направленности и моделирования спектра мотивационных установок, полученных в процессе импринтинга при обращении к продуктам медиасистемы; привлекался сопоставительный метод с целью сравнения результатов в разных типологических сегментах медиасистемы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Онлайн-СМИ

Какие онлайн-СМИ вызывают широкий общественный интерес? Кто формирует самую обсуждаемую повестку дня? Какие поведенческие программы производят онлайн-СМИ?

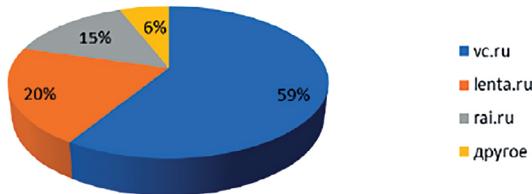
Традиционно большая часть информационных поводов с самым высоким количеством комментариев приходится на три издания; их поводы входят в ТОП-10 наиболее обсуждаемых.

На первом месте — vc.ru, лидер рейтинга в номинации «онлайн-СМИ», на долю которого приходятся 59 % материалов. Это российское интернет-издание о бизнесе, стартапах, инновациях, маркетинге, технологиях; входит в издательский дом «Комитет»; основано в 2010 году.

Следующая позиция закреплена за медиаресурсом Lenta.ru — российским новостным интернет-изданием, основанным в 1999 году Антоном Носиком при содействии Фонда эффективной политики. В настоящий момент издание принадлежит холдингу «Рамблер-Афиша».

Еще один медиаресурс, входящий в ТОП-3 изданий, формирующий наиболее обсуждаемую повестку дня, — Ria.ru, или РИА «Новости». Согласно официальным данным, дата основания компании — 1991 год, хотя свою историю ресурс связывает с Совинформбюро, появившимся в 1941 году. Издателем является медиагруппа «Россия сегодня».

Распределение информационных поворотов по каналам распространения

В отличие от vc.ru, набирающего 20 млн посетителей в месяц (статаика SimilarWeb), и lenta.ru с 21 млн посетителей в месяц (данные LiveInternet), охват сайта ria.ru — более 81 млн уникальных посетителей в месяц (статаика Google Analytics) и более 446 млн просмотров страниц в месяц (статаика открытых данных Интернет, дата обращения — 30.03.2024).

Каковы основные тематические приоритеты этих изданий? В чем заключается смысловое ядро контента медиатекстов с высоким коэффициентом верbalного внимания? На какие вопросы направлен фокус общественного интереса читающего населения России?

Приведем примеры: «Почему айтишники получают 500 к в мес за 2 часа работы в день, избегая ответственности: вся боль ИТ-рынка в одной статье» (810 комментариев, vc.ru, дата обращения — 15.04.2024), «В Госдуме разработали проект о полном запрете розничной продажи вейпов в России» (574 комментария, vc.ru, дата обращения — 15.04.2024), «Бесит, что путешествия стали привилегией богатых» (463 комментария, journal.tinkoff.ru, дата обращения — 17.04.2024) и т. д. Темы — разные, их объединяет топик «общественно-экономическая и политическая ситуация в стране и мире».

Большая часть медиатекстов направлена на осмысление текущей ситуации России и мировых стран на политической арене, небольшая часть связана с рефлексией относительно планируемых и предстоящих процессов в стране, а именно — инициатив и проектов законодательной ветви власти (Госдумы РФ).

Следует отметить, что в период, когда в мире происходят события с наивысшим индексом общественной значимости (например, «Иран выпустил по территории Израиля более 300 ракет и беспилотников»; информация от 7.04.2024; источник — lenta.ru), фокус внимания читателей прикован к легитимным СМИ с традиционно высоким импакт-фактором (lenta.ru и ria.ru).

Количество комментариев за единицу / медиатекст в анализируемый период варьируется от 948 до 351. Это относительно небольшое число, если сопоставлять с комментариями в социальных медиа, исчисляемых десятками тысяч.

Отдельного слова требуют жанры, в которых фиксируются обсуждаемые темы. У изданий lenta.ru и ria.ru — это в основном образцы информационной группы жанров. Vc.ru, как известно, публикует материалы не только профессионального журналистского сообщества, но и любителей-читателей, чьи тексты прошли модерацию. В силу этого на vc.ru часто наблюдается более свободный подход к освещению темы с позиции жанров и жанрообразующих признаков: в материалах эксплицируется субъективная точка зрения автора, придающая тексту публицистическое начало, эмоциональность. В жанрах vc.ru наблюдается диффузия разных признаков, близость к аналитическому проблемному очерку. Авторы фиксируют в текстах систему аргументов, основанную на разноплановых фактах, встраивают их в предмет отображения — в анализируемый процесс или ситуацию. Учитывая, что vc.ru — лидер нашего рейтинга, можно констатировать, что именно такой подход импонирует читателю. Наличие эмоциональной, подчас эпатажной точки зрения придает материалу приватность, уменьшает дистанцию между автором и читателем, переводя разговор из плоскости

массовой коммуникации в межличностную. В этом читается приглашение к диалогу, на который читатель не может не откликнуться.

При анализе интенций, транслируемых СМИ и соцмедиа, была использована типология коммуникативных стратегий М. Ю. Олешкова [Олешков, 2006]. В медиатекстах онлайн-СМИ представлены интенции разных блоков. К информационно-воспроизведяющему блоку относятся интенции, сопровождающие коммуникативный акт: удивление, вопрос, проявление симпатии, сомнение, выражение позиции. В эмотивно-консолидирующий блок вошли приемы проявления внимания (риторические вопросы, рассуждения, прогнозы, оправдания без осуждения). Манипулятивный блок был основан на морализаторстве и экспрессии. Одобрение и похвала, критика отражали контрольно-рекреативный блок.

В онлайн-СМИ в меньшей степени, чем в других типологических сегментах медиасистемы, представлен волютивно-директивный блок, отражающийся в побуждении к действию и рекомендациям, предупреждении о последствиях.

Психофизиологические установки эксплицируются в когнитивные действия, направленные на осмысление процессов и ситуаций, связанных с экономическим и политическим положением России, будущего страны. Человек размышляет над аксиологическими нормами, задумывается над социальным развитием державы.

3.2. ВКонтакте

Социальная сеть «ВКонтакте» — лидер по формированию поведенческой активности населения. Количество комментариев варьируется от 93 315 до 18 053.

Что вызывает поведенческую активность? Какой повод позволяет мотивировать человека на размещение комментария?

Топовую десятку инфоповодов, получивших широкий общественный резонанс, объединяет конкурсное начало. Семиотическая структура конкурсных медиатекстов, как правило, однообразна: фото (или видео) и текст, представляющий собой алгоритм участия в конкурсе. Зачастую он включает в себя от 2 до 4 шагов, которые сводятся к следующим направлениям деятельности:

- подписка на аккаунт;
- наличие репоста в своей ленте;
- размещение комментария.

Эти шаги обеспечивают и широкий охват, и высокую вовлеченность аудитории. Основная интенция медиатекстов с высоким коэффициентом внимания сфокусирована на волютивно-директивном блоке. Он реализуется в побуждении к действию и четкой рекомендации, в сообщении о воз-

можном приятном последствии. От интернет-пользователя не требуется ни интеллектуального напряжения, ни физических усилий, ни временных затрат, что мотивирует аудиторию на активные когнитивные действия.

Следует отметить, что все медиатексты с высокой вовлеченностью объединяют еще два аспекта: обещание большого количества призов, исчисляемого десятками или сотнями, и принадлежность к сегменту FMCG (англ. fast-moving consumer goods — быстро, в большом объеме продающиеся товары) — компаниям с продуктами потребительской категории или товарами народного потребления. Приведем несколько примеров: ЛЭТУАЛЬ — сеть магазинов косметики и парфюмерии в России; «Мой SPAR» — сеть супермаркетов SPAR и EVROSPAR в ряде регионов России со службой доставки; Alure — представитель игрового мира с геймерами по всему земному шару; Sushi Moij — компания по производству натуральных продуктов и БАДов и т. д. Бренды становятся инициаторами информационных поводов с высоким коэффициентом когнитивного внимания.

Тематическая специфика предприятий-инициаторов конкурсов разнородна — от компаний, проводящих игры, турниры, стримы, предоставляющих сервисы для поколения Z, до организаций фармакологической индустрии, чьи продукты предназначены по преимуществу поколениям X, Y и Бэби-бумеров.

Функции подобных текстов видятся не только в развлечении и релаксе. Прежде всего, это психоэмоциональная функция, проявляющаяся в попытке испытать судьбу и якобы призвать удачу.

Что мотивирует широкий круг общественности на когнитивные действия? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить сказки с образами скатерти-самобранки, золотой рыбки, русской печи Емели. В них отражена мечта человека — удовлетворить утилитарную, прагматичную цель, не прикладывая усилий. Сегодня сказка как элемент межличностной коммуникации трансформировалась в пространство медиакоммуникаций. За этим процессом продолжает стоять вера в волшебство и чародейство. Аксиологическая ценность связана с удовлетворением меркантильного интереса, и на уровне импринтинга она видится в закреплении «феноменологии халавы».

3.3. Одноклассники

«Одноклассники» — российская социальная сеть, принадлежащая «Вконтакте». Проект был запущен в 2006 году.

Количество комментариев варьируется от 10 662 до 1771.

Тематика популярных инфоповодов делится на несколько категорий:

- розыгрыши;
- ностальгия по прошлому;
- политическая ситуация.

Как видим, в отличие от социальной сети «ВКонтакте», «Одноклассники» в тематических приоритетах более неоднозначны. Безусловно, и здесь ярко выражен интерес аудитории к получению бесплатных призов и подарков, основанный на возможности проверить фортуну. Как правило, участие в розыгрышах здесь предлагают бренды эконом-класса — «Магнит», «Магнит косметик», «585 Золотой».

Топик «Ностальгия» представляют собой информационные поводы, созданные вне актуальной повестки дня. Группа «История России» стала создателем поста ««Очередь за обувью. СССР. 1987 год» (от 5.04.2024) (1771 комментарий, дата обращения — 7.04.2024). Сообщество «Любовные истории статусы» выложило 03.04.2024 пост «Молодец бабуля! Золотые слова» (1881 комментарий, дата обращения — 7.04.2024) о том, что дама постфертального возраста не готова выходить замуж повторно, о прелестях жизни вне брака. Все материалы имеют сложную семиотическую природу: сопровождаются фото или видео и завершаются приглашением к диалогу.

Медиатексты «Одноклассников» реализуют интенции не только волево-директивного блока, но и эмотивно-консолидирующего, последняя интенция транслируется через эмоцию ностальгии. Психофизиологический механизм, запечатленный через СМИ и социальные медиа, трансформируется в следующие поведенческие программы: желание удовлетворить базовые потребности без усилий, полагаясь на удачу, фортуну, чудо; развернутость во времени, транслируемую через ностальгию.

Следует обратить внимание, что ностальгия — сложная смешанная эмоция, которая нередко носит негативный характер. Человек любит преддаваться воспоминаниям о прошлом тогда, когда в настоящем он не удовлетворен жизнью. Ностальгия в соцмедиа позволяет не чувствовать себя одиноким, вокруг эмоции формируется сообщество, это ослабляет тревожность и фиксирует принадлежность к определенной социальной группе. Цифровая память оказывается мощным медийным конструктором.

3.4. Дзен

Контентная платформа «Дзен» — российская блог-площадка для создания и просмотра контента. Изначально создана Яндексом в 2015 году, с сентября 2022 года принадлежит «ВКонтакте». Посещаемость ресурса, согласно открытым официальным данным, составляет 32,5 млн пользователей в день; общее количество пользователей — 70 млн человек.

«Дзен» является примером реализации технологии специализированного искусственного интеллекта. Система анализирует просматриваемые ресурсы пользователя для создания уникальной модели контента. С расширением объема данных система предлагает более актуальные и релевантные публикации, в том числе из новых источников.

Согласно данным Brand Analytics от 01.04.2024 года, в разделе «Самое популярное за неделю» представлены материалы с количеством комментариев от 133 до 80 в ТОП-10. Если сопоставлять со всеми анализируемыми нами площадками, то можно сделать вывод, что на «Дзен» приходятся самые низкие показатели комментарийного контента.

Стоит отметить, что «Дзен» — это не разработчик оригинального контента, а элемент системы его дистрибуции наряду с другими мессенджерами и соцсетями. Не являясь медиа в традиционном понимании, он привлекает на свою площадку профессиональные медиапроекты и СМИ, множество начинающих авторов, известных блогеров и маркетологов. Соответственно, здесь можно найти как известные издания, например «Аргументы недели», так и менее популярные: «Накругло 3.0. перезагрузка», «Князь Меньшиков», «ЛисЯша» и т. д.

Формат размещения материала на «Дзене» исследователи определяют как «мультимедийный нарратив» [Каминская и др., 2020]. В нарративах Яндекс.Дзен находит свое место экранный формат — в каждом материале из числа анализируемых контент дополняется видео.

Обсуждаемые и комментируемые нарративы построены на смысловом ядре «трэш-эстетики», раскрывающемся через категории жестокости, злобы, неэтичного, а местами девиантного поведения. Вот несколько примеров: «В тюменской больнице врачи выбили неадеквата, пока охранник пытался назад» (199 комментариев в системе Brand Analytics; 397К просмотров первоисточника); «Выродки убивали людей, а эти радовались. Царьград покажет сочувствующих террористам» («Когда убивали людей в “Крокусе” нашли те, кто веселился, благодарил террористов и записывал “кружочки”») (88 комментария в системе Brand Analytics; 183К просмотров первоисточника); «Ляся с Тихоном на улице» — сюжет о дружбе животных (109 комментария в системе Brand Analytics; 1,7К просмотров первоисточника). Часто лексемы, употребляемые в названии, носят маркированный характер; в заголовочных комплексах встречается сниженная лексика.

Следует отметить, что такой концепт не коррелирует с основным потоком информации «Дзена». В целом ресурс отражает ценности, значимые для конкретной личности.

«Дзен» активно использует интенции информационно-воспроизведящего блока, реализуемые через удивление, вопросы, выражение позиции. Трэш-эстетика контента, эмоциональная заряженность медиатекста, формат, основанный на видеосообщении, сторителлинг — все это делает тексты «Дзена» востребованными аудиторией. Импринтинг раскрывается через категории «безответственность», «насилие», «хулиганство». Поведенческие реакции — шутки, возмущение, сарказм — демонстрируют, что

в фокусе внимания аудитории — поле ценностей, вовлеченных в выполнение функции развлечения через негативную семантику.

3.5. Блоги

Раздел «Блоги» традиционно представляют разные ресурсы, среди приоритетных — Harb.com (безусловный лидер нашего рейтинга: 80 % инфоповодов с комментариями) и Smart-lab.ru. Другие блоги размещены на таких ресурсах, как d3.ru, drom.ru и т. д.

Harb.com — русскоязычный веб-сайт в формате системы тематических коллективных блогов — их называют *хабами* — с элементами новостного сайта; ресурс создан для публикации новостей, аналитических материалов, идей, связанных с информационными технологиями, бизнесом, Интернетом; был основан в 2006 году. Контекст наиболее популярного среди блогеров ресурса harb.com формируется пользователями-читателями, которые пишут в коллективные и персональные блоги, публикуют подкасты, переводят иностранные статьи, проводят опросы и голосования и общаются с другими пользователями. С 2011 года на ресурсе действует программа поощрения авторов, в рамках которой собственники портала выплачивают вознаграждения авторам лучших публикаций.

Smart-lab.ru — это российский ресурс для инвесторов и трейдеров с информацией по рынкам и площадка, где общаются и делятся друг с другом опытом и переживаниями инвесторы и трейдеры. Ресурс позиционирует себя как блог для инвесторов и трейдеров, а также форум для обсуждения акций и других финансовых тем. Контент создают пользователи, что выливается в огромный массив информации, который требует от пользователя навыков верификации данных. Ресурс привлекателен не только объемом информации, но и своими блогерами, среди которых много известных частных инвесторов.

Количество комментариев в блогах варьируется от 537 до 158. Тематика активно комментируемых блогов всегда строго коррелирует со спецификой ресурса, на котором опубликован материал. Приведем несколько примеров:

- 1) «Правда ли, что в Европе отсталые сервисы, медленные платежи и плохие онлайн-услуги» (harb.com, 587 комментария, дата обращения — 06.04.2024).
- 2) «Rust — это не «memory safe C» (harb.com, 448 комментариев, дата обращения — 06.04.2024).
- 3) «Мы шутили над “опытными пользователями” ПК, а ведь они вымирают» (harb.com, 304 комментария, дата обращения — 06.04.2024).
- 4) «Как поднять качество контента на Смартлабе» (smart-lab.ru, 229 комментария, дата обращения — 06.04.2024).

5) «С-5060 — цифровая фотокамера, способная удивить и сегодня» (harb.com, 206 комментариев, дата обращения — 06.04.2024).

Обратим внимание, что и в текстах блога, и в комментариях — большой пласт профессионализмов — лексических единиц, значение которых понятно узкому кругу специалистов. Человеку, не владеющему этой лексикой, не погруженному в тему обсуждения, подчас тяжело уловить смысл и назначение комментария, однако для recipиентов лексика не носит маркированной характер и воспринимается ими как ясная и доступная.

Информационно-воспроизведяющий блок блогов нацелен на выражение позиции, а также вопросы и реакции на них. С точки зрения импринтинга блоги формируют поведенческие программы, настраивающие личность на поиск ответов в профессиональной цифровой среде; развитие навыков коммуникации в онлайн-среде.

Внимание читателей к специализированным темам, связанным с технологиями, инвестициями, бизнесом, свидетельствует, что в России существует пласт специалистов, для которых медиасфера — это возможность развития профессиональных навыков. Общение здесь выполняет образовательную функцию, связанную с возможность сравнить и сопоставить свою позицию с иным мнением, услышать совет, пересмотреть свой взгляд на проблемную ситуацию. Импринтинг видится в осмыслении вопросов профессионального характера, в настойчивой попытке разобраться в вызовах профессиональной среды.

4. Заключение = Conclusions

Результаты исследования можно представить в виде нескольких основных выводов.

Медиатексты сложной семиотической природы, построенные на сочетании текста, видео, инфографики, фото, вызывают внимание, оказываяющее влияние на формирование поведенческих установок. Немаловажно игровое начало медиатекста, которое может быть выражено как эксплицитно (конкурс, приглашение к участию, представление алгоритма), так и имплицитно (авторская позиция зафиксирована в аналитическом материале, подкреплена системой аргументов с эмоциональным посылом).

Тексты сложной семиотической природы не только информируют, убеждают, развлекают, но и формируют тематическую доминанту, отражающую медиатопику в соответствии с национальным медиаландшафтом. Они способны давать оценку, побуждать, выдвигать аргументы, формировать культуру, воспроизводить идеологию, вызывать эмоции, — словом, выполнять разные функции.

Импринтинг, рассматриваемый сквозь призму разных элементов медиасистемы: онлайн-СМИ, блогов, social media, — раскрывается через целый ряд разнородных понятий: через идеологемы, направленные на осмысление экономических и общественно-политических процессов в России и за рубежом; через феноменологию «хаявьи», ностальгию; ценности интеллектуального потенциала нации. Понятия, через которые преломляется смысловое ядро поведенческих программ личности, носят разнонаправленный характер. Отдельный элемент системы медиакоммуникации берет на вооружение определенный семантический тренд и активно его эксплицирует, формируя вокруг него сообщество. Это свидетельствует о том, что аксиологический фундамент общества разнороден и формирует различные поведенческие программы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Литература

1. Аверкиева Е. В. Исследования социокультурных процессов в гражданском обществе / Е. В. Аверкиева // Наука. Культура. Общество. — 2023. — № 1. — С. 38—50. — DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.3>.
2. Александров Д. С первого взгляда : как работает импринтинг и на что он влияет [Электронный ресурс] / Д. Александров. — Режим доступа : <https://trends.rbc.ru/trends/social/61eabf7f9a79479beffccf3e> (дата обращения 04.06.2024).
3. Алемасов В. А. Общий культурный код народов Евразии и его социальные факторы / В. А. Алемасов // Культура в евразийском пространстве : традиции и новации. — 2020. — № 1 (4). — С. 11—13. — DOI: 10.32340/2514-772X-2020-1-11-13.
4. Антипов Г. А. Поведенческая экономика : методологический нарратив / Г. А. Антипов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 2. — С. 76—85. — DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.76.
5. Базылев В. Н. От хулилок к трэш-току : эволюция жанра / В. Н. Базылев // Жанры речи. — 2021. — № 4 (32). — С. 259—266. — DOI: 10.18500/2311-0740-2021-4-32-259-266.
6. Бочко В. С. Зеленая экономика — переход от научного знания к молодому осознанию / В. С. Бочко // Экономика. Налоги. Право. — 2023. — Т. 16. — № 3. — С. 6—15. — DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-6-15.
7. Делягин М. Г. Технологический социализм. Метод сохранения разума и прогресса в обществе социальных платформ / М. Г. Делягин // Свободная мысль. — 2023. — № 2 (1698). — С. 5—24.
8. Денисов С. Ф. Естественные и технические науки в мире культуры : учебное пособие / С. Ф. Денисов, Л. М. Дмитриева. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 1997. — 448 с.
9. Долголаптева К. Запечатленный навеки : что такое импринтинг и как он влияет на характер и поведение [Электронный ресурс] / К. Долголаптева. — Режим доступа : [https://www.forbes.ru/forbeslife/481293-zapecatlenyyj-naveki-cto-takoe-imprinting-i-kak-on-vliaet-na-harakter-i-povedenie_\(дата обращения 07.06.2024\)](https://www.forbes.ru/forbeslife/481293-zapecatlenyyj-naveki-cto-takoe-imprinting-i-kak-on-vliaet-na-harakter-i-povedenie_(дата обращения 07.06.2024)).

10. Ерофеева И. В. Российский менталитет в дискурсе рыночной журналистики (к вопросу о потребностях и интересах современной аудитории) / И. В. Ерофеева // Гуманитарный вектор. — 2008. — № 3. — С. 50—59.
11. Ершов А. В. Влияние секса на нормальное функционирование предстательной железы / А. В. Ершов, Е. Н. Саверская // Consilium medium. — 2023. — № 25 (1). — С. 63—68. — DOI: 10.26442/20751753.2023.1.202181.
12. Жизненные стратегии молодежи в воспитательном аспекте образовательного пространства вуза на современном этапе / И. А. Ледовских, И. В. Карпова, М. Т. Меретуков, Р. И. Баженов // Современное педагогическое образование. — 2022. — № 7. — С. 20—23.
13. Кабрин В. И. Коммуникативная психосемантика индивидуального образовательного мира личности / В. И. Кабрин, Э. В. Галажинский // Сибирский психологический журнал. — 2023. — № 89. — С. 28—43. — DOI: 10.17223/17267080/89/2.
14. Каминская Т. Л. Яндекс.Дзен : новый медийный и обучающий формат / Т. Л. Каминская, Т. Томмингас // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. — 2020. — № 4 (29). — С. 1—4. — DOI: 10.34680/2411-7951.2020.4(29).1.
15. Каулин К. В. Истоки подверженности человека влиянию пропаганды / К. В. Каулин // Психолог. — 2023. — № 2. — С. 22—43. — DOI: 10.25136/2409-8701.2023.2.40092.
16. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала / К. Лоренц. — Москва : Республика, 1998. — 1493 с.
17. Лукьянов О. В. Социальные аспекты вариативности индивидуальных различий высших психических функций у детей дошкольного возраста / О. В. Лукьянов, М. С. Неровных // СибСкрипт. — 2023. — Т. 25. — № 2. — С. 147—160. — DOI: 10.21603/sibscript-2023-25-2-147-160.
18. Манскова Е. А. Роль трэш-эстетики в формировании современной концепции телевизионной документалистики [Электронный ресурс] / Е. А. Манскова // Медиаскоп. — 2009. — № 1. — Режим доступа : <https://mediascope.ru/роль-трэш-эстетики-в-формировании-современной-концепции-телевизионной-документалистики> (дата обращения 5.06.2024).
19. Метилирование ДНК: распределение в геноме, механизм регуляции и мишень для терапии / Д. С. Каплун, Д. Н. Калюжный, Е. Б. Прохорчук, С. В. Женило // Acta Nature. — 2022. — Т. 14. — № 4 (55). — С. 4—19. — DOI: 10.32607/actanatura.11822.
20. Механизмы формирования системы мотивации молодежи к здоровому образу жизни / Е. С. Садовников, Г. Е. Середина, Н. В. Сведере, Н. В. Серединцева // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2022. — № 12 (214). — С. 497—504. — DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.12.p497-504.
21. Нерсесова Т. Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки [Электронный ресурс] / Т. Е. Нерсесова // Медиаскоп. — 2011. — № 2. — Режим доступа : <https://www.mediascope.ru/node/835> (дата обращения 5.06.2024).
22. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса : монография / М. Ю. Олешков. — Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. — 336 с. — ISBN 5-8299-0082-5.
23. Рапай К. Культурный код : Как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай ; пер. с англ. — Москва : Альпина Бизнес Букс, 2008. — 167 с.

24. Распопова С. Фейковые новости. Информационная мистификация : учеб. пособие / С. Распопова, Е. Богдан. — Москва : Аспект Пресс, 2018. — 112 с. — ISBN 978-5-756-70940-7.
25. Руденко М. О. Негативная медийная информация и ее влияние на человека / М. О. Руденко // Медиаобразование. — 2014. — № 2. — С. 108—112.
26. Самойлова В. С. Англоязычные политические неологизмы : от семантики к прагматике использования / В. С. Самойлова // Вестник НГУ. Серия : лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — Т. 23. — № 1. — С. 145—159. — DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159.
27. Сидоров В. А. Самоцензура в журналистике: диалектика искажений профессиональной культуры / В. А. Сидоров // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2023. — № 84. — С. 250—264. — DOI: 10.17223/19986645/84/13.
28. СМИ в системе антинаркотических практик / под общ. ред. Е. В. Шмелевой. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2001. — 1 электрон. опт. диск (CD-R) : цв.; 12 см. — ISBN 978-5-8465-1165-1.
29. Смирнов М. Ю. Импринтинг как механизм формирования нравственного поведения человека / М. Ю. Смирнов, М. Ю. Трофимов // Психология и психотехника. — 2017. — № 2. — С. 33—44. — DOI: 10.7256/2454-0722.2017.2.23462.
30. Чешев В. В. Человек как мыслящее существо, или оправдание разума / В. В. Чешев. — Томск : Изд-во Том. Арх-строит. Ун-та, 1999. — 203 с.
31. Что такое импринтинг, и как он влияет на нашу жизнь [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://dzen.ru/a/XLReZP3SagCzNeUS>(дата обращения 5.06.2024).
32. Югова О. В. Влияние социально-психологических факторов и семейной среды на психическое развитие ребенка / О. В. Югова // Специальное образование. — 2021. — № 1. — С. 127—139.
33. DePaul P. The temporal pattern of attachment behavior in the context of imprinting / P. DePaul, H. S. Hoffman // Behavioral and Neural Biology. — 1980. — № 28 (1). — Pp. 48—64. — DOI: 10.1016/S0163-1047(80)93146-5.
34. Dhiman, Bh. Enhancing Positivity in Mass Media for Nation Building : A Critical Review : June 15, 2023 : [preprint] : [Electronic resource]. DOI: 10.2139/ssrn.4480810. Access mode : <https://ssrn.com/abstract=4480810> (accessed 23.07.2024).
35. Gottlieb G. Developmental age as a baseline for determination of the critical period in imprinting / G. Gottlieb // Journal of Comparative and Physiological Psychology. — 1961. — № 54 (4). — Pp. 422—427. — DOI: <https://doi.org/10.1037/h0049127>
36. McCabe B. J. Imprinting / B. J. McCabe // WIREs Cogn Sci. — 2013. — № 4. — Pp. 375—390. — DOI: 10.1002/wcs.1231.
37. Nagy E. Homo imitans or homo provocans? Human imprinting model of neonatal imitation / E. Nagy, P. Molnar // Infant Behavior and Development. — 2004. — № 27 (1). — Pp. 54—63. — DOI: 10.1016/j.infbeh.2003.06.004.
38. Bolhuis J. J. Birdsong memory and the brain : In search of the template / J. J. Bolhuis, S. Moorman // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. — 2015. — № 50. — Pp. 41—55. — DOI: 10.1016/j.neubiorev.2014.11.019.

Статья поступила в редакцию 11.07.2024,
одобрена после рецензирования 25.08.2024,
подготовлена к публикации 16.09.2024.

References

- Alemasov, V. A. (2020). The common cultural code of the peoples of Eurasia and its social factors. *Culture in the Eurasian space: traditions and innovations*, 1 (4): 11—13. DOI: 10.32340/2514-772X-2020-1-11-13. (In Russ.).
- Alexandrov, D. *At a glance: how imprinting works and what it affects*. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61eaebf7f9a79479beffccf3e> (accessed 04.06.2024). (In Russ.).
- Antipov, G. A. (2019). Behavioral economics: a methodological narrative. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2: 76—85. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.76. (In Russ.).
- Averkieva, E. V. (2023). Studies of socio-cultural processes in civil society. *Nauka. Culture. Society*, 1: 38—50. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.3>. (In Russ.).
- Bazylev, V. N. (2021). From hooligans to trash talk: the evolution of the genre. *Genres of speech*, 4 (32): 259—266. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-4-32-259-266. (In Russ.).
- Bochko, V. S. (2023). Green economy — transition from scientific knowledge to young awareness. *Economy. Taxes. Right*, 16 (3): 6—15. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-6-15. (In Russ.).
- Bolhuis, J. J., S. Moorman. (2015). Birdsong memory and the brain: In search of the template. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 50: 41—55. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2014.11.019.
- Cheshev, V. V. (1999). *Man as a thinking being, or the justification of reason*. Tomsk: Publishing House Vol. Arch-builds. Unita. 203 p. (In Russ.).
- Delyagin, M. G. (2023). Technological socialism. The method of preserving reason and progress in the society of social platforms. *Free Thought*, 2 (1698): 5—24. (In Russ.).
- Denisov, S. F., Dmitrieva, L. M. (1997). *Natural and technical sciences in the world of culture: a textbook*. Omsk: Publishing House of OmSTU. 448 p. (In Russ.).
- DePaul, P., Hoffman, H. S. (1980). The temporal pattern of attachment behavior in the context of imprinting. *Behavioral and Neural Biology*, 28 (1): 48—64. DOI: 10.1016/S0163-1047(80)93146-5.
- Dhiman, Bh. (2023). *Enhancing Positivity in Mass Media for Nation Building : A Critical Review* (June 15) : [preprint]. DOI: 10.2139/ssrn.4480810. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4480810> (accessed 23.07.2024).
- Dolgolapteva, K. *Imprinted forever: what is imprinting and how it affects character and behavior*. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/481293-zapecatlennyj-naveki-cto-takoe-imprinting-i-kak-on-vliaet-na-harakter-i-povedenie> (accessed 07.06.2024). (In Russ.).
- Ershov, A. V., Saverskaya, E. N. (2023). The influence of sex on the normal functioning of the prostate gland. *Consilium medium*, 25 (1): 63—68. DOI: 10.26442/20751753.2023.1.202181. (In Russ.).
- Gottlieb, G. (1961). Developmental age as a baseline for determination of the critical period in imprinting. *Journal of Comparative and Physiological Psychology*, 54 (4): 422—427. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0049127>.
- Kabrin, V. I., Galazhinsky, E. V. (2023). Communicative psychosemantics of the individual educational world of personality. *Siberian Psychological Journal*, 89: 28—43. DOI: 10.17223/17267080/89/2. (In Russ.).
- Kaminskaya, T. L. (2020). Yandex.Zen: a new media and educational format. *Scientific notes of Yaroslav the Wise Novgorod State University*, 4 (29): 1—4. DOI: 10.34680/2411-7951.2020.4(29).1. (In Russ.).

- Kaplun, D. S., Kalyuzhny, D. N., Prokhorchuk, E. B., Zhenilo, S. V. (2022). DNA methylation: distribution in the genome, regulation mechanism and target for therapy. *Acta Nature, 14 / 4 (55)*: 4—19. DOI: 10.32607/actanaturae.11822. (In Russ.).
- Kaulin, K. V. (2023). The origins of human exposure to the influence of propaganda. *Psychologist, 2: 22—43*. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.2.40092. (In Russ.).
- Ledovskikh, I. A., Karpova, I. V., Meretukov, M. T., Bazhenov, R. I. (2022). Life strategies of youth in the educational aspect of the educational space of the university at the present stage. *Modern pedagogical education, 7*: 20—23. (In Russ.).
- Lorenz, K. (1998). *The reverse side of the mirror*. Moscow: Respublika. 1493 p. (In Russ.).
- Lukyanov, O. V., Nerovnykh, M. S. (2023). Social aspects of variability of individual differences in higher mental functions in preschool children. *Transcript, 25 (2)*: 147—160. DOI: 10.21603/sibscript-2023-25-2-147-160. (In Russ.).
- Manskova, E. A. (2009). The role of trash aesthetics in the formation of the modern concept of television documentaries. *Mediascope, 1*. Available at: <https://mediascope.ru/роль-трэш-эстетики-в-формировании-современной-концепции-телеизионной-документалистики> (accessed 5.06.2024). (In Russ.).
- McCabe, B. J. (2013). Imprinting. *WIREs Cogn Sci, 4*: 375—390. DOI: 10.1002/wcs.1231.
- Nagy, E., Molnar, P. (2004). Homo imitans or homo provocans? Human imprinting model of neonatal imitation. *Infant Behavior and Development, 27 (1)*: 54—63. DOI: 10.1016/J.INFBEDH.2003.06.004.
- Nersesova, T. E. (2011). The axiological basis of media content as a way of forming a subjective perception of cultural values of society and their assessment. *Mediascope, 2*. Available at: <https://www.mediascope.ru/node/835> (accessed 5.06.2024). (In Russ.).
- Oleshkov, M. Yu. (2006). *Modeling of the communicative process: monograph*. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy. 336 p. ISBN 5-8299-0082-5. (In Russ.).
- Rapai, K. (2008). *Cultural code: How we live, what we buy and why*. Moscow: Alpina Business Books. 167 p. (In Russ.).
- Raspopova, S., Bogdan, E. (2018). *Fake news. Information hoax: studies. The manual*. Moscow: Aspect Press. 112 p. ISBN 978-5-756-70940-7. (In Russ.).
- Rudenko, M. O. (2014). Negative media information and its impact on a person. *Media education, 2*: 108—112. (In Russ.).
- Sadovnikov, E. S., Seredina, G. E., Svedere, N. V., Seredintseva, N. V. (2022). Mechanisms of formation of the system of motivation of youth to a healthy lifestyle. *Scientific notes of the P. F. Lesgaft University, 12 (214)*: 497—504. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.12. (In Russ.).
- Samoilova, V. S. (2023). English-language political neologisms: from semantics to pragmatics of use. *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and intercultural communication, 23 (1)*: 145—159. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159. (In Russ.).
- Sidorov, V. A. (2023). Self-censorship in journalism: dialectics of distortions of professional culture. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 84*: 250—264. DOI: 10.17223/19986645/84/13. (In Russ.).
- Smirnov, M. Yu., Trofimov, M. Yu. (2017). Imprinting as a mechanism for the formation of moral human behavior. *Psychology and Psychotechnics, 2*: 33—44. DOI: 10.7256/2454-0722.2017.2.23462. (In Russ.).
- The media in the system of anti-drug practices*. (2001). St. Petersburg: St. Petersburg State University. ISBN 978-5-8465-1165-1. (In Russ.).

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

What is imprinting, and how it affects our lives. Available at: <https://dzen.ru/a/XLReZP-3SagCzNeUS> (accessed 5.06.2024). (In Russ.).

Yerofeeva, I. V. (2008). Russian mentality in the discourse of market journalism (on the question of the needs and interests of a modern audience). *Humanitarian vector*, 3: 50—59. (In Russ.).

Yugova, O. V. (2021). The influence of socio-psychological factors and the family environment on the mental development of a child. *Special education*, 1: 127—139. (In Russ.).

*The article was submitted 11.07.2024;
approved after reviewing 25.08.2024;
accepted for publication 16.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Реброва А. Д. Интеграция блогинга и детского телевидения : проблемы и перспективы / А. Д. Реброва // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 217—235. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-217-235.

Rebrova, A. D. (2024). Integration of Blogging and Children's Television: Issues and Perspectives. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 217-235. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-217-235. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ**Интеграция блогинга
и детского телевидения:
проблемы и перспективы**

Реброва Александра Дмитриевна^{1,2}
orcid.org/0000-0002-9817-0256
¹исследователь,
кафедра массовых коммуникаций;
²шеф-редактор телевизионного проекта
«Самая народная программа»
a.rebrova@mail.ru

¹Российский университет
дружбы народов
(Москва, Россия)

²РЕН ТВ
(Москва, Россия)

**Integration of Blogging
and Children's Television:
Issues and Perspectives**

Alexandra D. Rebrova^{1,2}

orcid.org/0000-0002-9817-0256

¹Researcher,
Department of Mass Communications;
²Editor-in-Chief,
TV project “Most popular program”
a.rebrova@mail.ru

¹Peoples' Friendship
University of Russia
(Moscow, Russia)

²REN-TV
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об интеграции практик блогосферы в программы детского телевидения как одном из факторов популяризации последнего среди молодого поколения. Отмечается, что дети отдают предпочтение развлекательным интернет-ресурсам. Показано, что родители обеспокоены погружением детей в виртуальную сферу, сложностью контроля за получаемой информацией и влиянием популярных блогеров на формирование мировоззрения детей. Указывается на то, что ресурсы для детей до 13 лет широко представлены в сети Интернет и на телевидении, в то время как для подростков таких специальных ресурсов, в частности, на центральном телевидении нет. Между тем государство приняло программный документ по развитию воспитания детей и подростков, в чем мог бы оказать определенную помощь специализированный телевизионный канал для них. Автором статьи предлагается рабочая концепция программ детского телеканала для подростков, в которую интегрированы блогинговые практики. Делается вывод, что синтез образовательных, воспитательных, развлекательных функций, привлечение к разработке программ и их ведению детей-блогеров и самой целевой аудитории, организация активной обратной связи со зрителями и другие факторы будут способствовать успеху канала при условии заинтересованности государства.

Ключевые слова:

детское телевидение; медиапотребление; блогер; блогерство; подростковая целевая аудитория; интернет-ресурсы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of integrating blogging practices into children's television programs is considered as one of the factors for popularizing the latter among the younger generation. It is noted that children prefer entertaining online resources. It is shown that parents are concerned about their children's immersion in the virtual sphere, the difficulty of controlling the information received, and the influence of popular bloggers on shaping children's worldview. It is pointed out that resources for children under 13 are widely available on the Internet and television, while there are no such specialized resources for teenagers, particularly on central television. Meanwhile, the government has adopted a program document for the development of education for children and adolescents, in which a television channel for the latter could provide certain assistance. The author of the article proposes a working concept for a children's television channel for teenagers, which integrates blogging practices. It is concluded that the synthesis of educational, developmental, and entertainment functions, involving child bloggers and the target audience in program development and hosting, organizing active feedback with the audience, and other factors will contribute to the channel's success, provided there is government interest.

Key words:

Children's television; media consumption; blogger; blogging; teenage target audience; online resources.

УДК 811.161.1'342.62:791.43-252.5+81'271.14

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-217-235

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Интеграция блогинга и детского телевидения: проблемы и перспективы

© Реброва А. Д., 2024

1. Введение = Introduction

Одной из существенных характеристик XXI века, определяющих особенности жизни современного человека, в частности представителей молодого поколения, является интенсивное развитие интернет-технологий, которые обуславливают специфику воспроизведения и потребления информации. Технологии дают возможность использовать медиапространство в качестве не только источника информации, транслируемой профессиональными медиа, но и ресурса для самопрезентации неспециалистов. По данным исследовательской компании Brand Analytics, опубликованным в СМИ, «количество авторов в соцмедиа в России выросло в 2024 году до 69 млн» [В России..., 2024]. При этом, как отмечают социологи, изучавшие особенности детского медиапотребления в 2023 году, наряду со взрослыми детьми и подростками также являются активными пользователями Интернета. С точки зрения возраста детская аудитория характеризуется следующим образом: 88 % детей 4—5 лет, 96 % детей 6—8 лет, 100 % детей 9—11 лет, 95 % детей 12—17 лет используют социальные сети, мессенджеры и другие виртуальные ресурсы [Пикулева, 2024]. Таким образом, очевидно, что детская целевая аудитория является активным медиапотребителем наряду со старшими поколениями.

Кроме того, доступ к технологиям, возможность самостоятельно создавать материалы для размещения в сети закономерно формируют у ребенка потребность быть не только пассивным потребителем информации, но и активным участником создания медиаконтента. В упомянутом выше исследовании представлено характерное высказывание 5-летнего ребенка: «Когда я вырасту, я буду вести блог и выйду замуж за Влада А4 (видеоблогера. — А. Р.)» [Там же]. Блогерство рассматривается детьми и часто их родителями как путь к успеху и получению существенных доходов. Так, по данным сервиса Whatstat, на момент написания данной статьи первые строки рейтинга молодых блогеров возглавляют несовершеннолетние дети. Более того, первое место занимает блог Kids Diana Show со 124 млн

подписчиков, созданный американской семьей в 2015 году, главным героем которого является девочка Диана, начавшая сниматься еще в младенческие годы; второе место занимает российский блог LikeNastya со 118 млн подписчиков, главной героиней которого также является маленькая девочка [Рейтинг...]. Данный список можно продолжать. Очевидно, что созданием блогов занимаются не дети, а их родители или нанятые специалисты, однако для зрителя главным персонажем-блогером является ребенок: на него смотрят, ему подражают. Контент указанных каналов относится к разновидности развлекательных: распаковка покупок, игры, прогулки и др. Основными подписчиками являются дошкольники. Исследователи отмечают, что каналы «детей-блогеров, демонстрирующие повседневность с бесконечным потреблением игрушек и развлечений, находят своего зрителя. Миллиарды просмотров такого контента для детей обусловлены в том числе и позицией родителей по этому вопросу» [Салистая, 2020, с. 218].

Важно отметить, что на YouTube Kids отсутствует контент для подростков, который в то же время не системно представлен на каналах взрослого YouTube, где предлагается материал, созданный самими подростками или молодыми людьми на темы, актуальные для этого возраста: отношений в школе («Школа подростков! Отношения Подростков в школе!»¹ и др.), полезных советов о правильной коммуникации, здоровом питании, моде и под. («Лайфхаки для подростков / скраб для губ / кудри за 5 минут / вазелин в носки»; «Нормы Веса При Росте у Девочек» и др.) [Каналы...]. Предлагаются различные анонсы и обзоры («Трещевые телеграм каналы школьников» и др.), скетчи («Девушки в 6 лет vs 16 лет vs 30 лет | скетч» и др.) и др. [Там же]. При этом качество контента варьируется: с точки зрения грамотности и содержания роликов, от достаточно высокого уровня до низкого, с использованием нецензурной лексики, демонстрацией пошлости и подобного материала, нежелательного для просмотра детьми и подростками.

В настоящее время популярный у молодежи видеохостинг YouTube предлагает подросткам как детский, так и сугубо взрослый контент, к которому у данной аудитории при отсутствии функции «родительский контроль» доступ ничем не ограничен.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Обращение к изучению темы детского медиапотребления обусловлено заявленным направлением государственной политики, согласно которой страна и общество заинтересованы в формировании ответственной, нрав-

1 Здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены. — A. P.

ственной, патриотично ориентированной молодой личности, что отражено в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Стратегия...], а также существующим запросом общественности (родителей, учителей, детей и др.), отражающим в отзывах, интервью, анкетировании обеспокоенность качеством детской медиапродукции [Бльох, 2016; Шестерикова, 2020 и др.].

Тема детского медиапотребления, в частности блогинга, находится в центре внимания исследователей из разных отраслей: психологов, социологов, философов, педагогов, культурологов, филологов. Можно выделить ряд вопросов в связи с заявленной темой, которые обсуждаются научным сообществом [Громова, 2015; Друкер, 2022; Леван, 2022; Печерская, 2013; Салистая, 2020, Шестерикова, 2020 и др.] и практиками, непосредственно работающими с детьми [Иова и др., 2021; Опыт..., 2022; Чурсинова и др., 2023 и др.]. Так, отечественные исследователи поднимают проблему влияния медиаконтента на детей и подростков, в частности, девальвации традиционных для российского общества ценностей и культивирования гедонистического отношения к жизни [Шестерикова, 2020], восприятия мира как компьютерной игры [Петракова, 2019]. Кроме того, анализируются агрессивность медийного контента и его влияние на формирование личности ребенка [Петрунько, 2011; Рысин, 2014 и др.], рассматривается необходимость формирования и развития медиаграмотности молодого поколения, внедрения медиобразовательных практик [Губанова, 2017; Люликова, 2020; Львова, 2021 и др.]. В то же время вовлечение детей в блогерство вызывает опасения у специалистов «преждевременной социализацией», которая рассматривается как негативное явление наряду с ранними сексуальными связями, детским трудом, бродяжничеством и под. [Салистая, 2020, с. 221].

Аналогичные и другие проблемы освещают в своих работах иностранные авторы, исследования которых подтверждают тенденцию активного использования интернет-ресурсов детьми начиная с раннего возраста [Girouard-Hallamet et al., 2023], отмечается агрессивность медийного контента и ее опасность, слабая способность детей правильно их идентифицировать [Shtulman, 2024], а также определяются позитивные возможности влияния Интернета на молодое поколение, например, блогерства в социальных сетях [Leyman, 2022; Radovic et al., 2019] и др.

Исследование влияния Интернета на детей и подростков имеет долговременные перспективы, так как непрерывное развитие технологий, в частности «искусственного интеллекта», создает новые условия, которые оказывают воздействие на молодое поколение. На сегодняшний день можно утверждать, что тема детского блогерства мало изучена, хотя оно стало сегментом экономики в разных странах.

Цель данной статьи — изучить возможности использования блогерства в развитии детского телевидения в свете внедрения государственной программы «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года».

Материалом для исследования послужили интернет-ресурсы, адресованные детям и подросткам, которые изучены и классифицированы в результате контент-анализа. Предложены тематические блогерские проекты, которые могут быть внедрены в программы нового детского телеканала и его электронной версии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Воспитательно-образовательный потенциал интернет-ресурсов в российском сегменте

Анализ сайтов для детей и подростков позволяет охарактеризовать их по разным основаниям. Прежде всего, можно отметить тематическое разнообразие ресурсов, посвященных популярной науке, религии, вопросам моды, приготовлению различных блюд и др. По формату это игры, видео, аудио, форумы и др., по виду агрегатора информации — социальные сети, видеосервисы, веб-сайты и др.; по доступности — открытые, закрытые, частично закрытые, по типу воздействия — положительный или деструктивный и др. С точки зрения выполняемой функции выделяются образовательно-развивающие, воспитательные, развлекательные, коммуникационные платформы. Рассмотрим последние подробнее.

Наиболее продуктивно представлены образовательные ресурсы: предлагаются основная и дополнительная подготовка по предметам школьной программы (например, «Онлайн-школа № 1» — резидентом «Сколково», «Российская электронная школа», «Первая художественная онлайн-школа» и др.); многочисленные краткосрочные курсы, в том числе в формате онлайн (языковые: Yes online, «Скайфорд» и др., шахматные: Online Intellect, Chess First и др., программистские: GeekBrains, Skysmart Pro и др.); различные учебные материалы (конспекты, статьи, видео и др.), например, «УчительПРО», GetAClass, «Зооклуб» и др. Виртуальное пространство содержит большое количество разнообразных ресурсов для образования детей разного возраста, от совсем маленьких до старшеклассников, с гибким ценообразованием, включая бесплатное использование материалов, бесплатные уроки и др. Кроме того, предлагаются различные сайты, которые призваны развивать практические навыки по приготовлению блюд, пошиву одежды, танцам (кулинарная школа «Пудра», онлайн-школа «Мама шила малышу», «Делай сам» и др.).

Ресурсы воспитательной направленности представлены платформами, призванными объединять детей, имеющих общие интересы («Движение

первых», «ЮНАРМИЯ» и др.), консультировать детей и их родителей по вопросам воспитания (центр «Воспитанный ребенок», платформа «Дети России Онлайн» и др.).

Контент развлекательной направленности представлен на ресурсах, целевой аудиторией которых являются дети дошкольного, младшего и среднего школьного возраста, например, «345-games.ru», «Детский сайт» и др. Материалы для подростков рассредоточены по онлайн-кинотеатрам: «Кинопоиск», «Иви», игровым сайтам, например, в «Яндекс Игры», социальным сетям, видеосервису YouTub.

Коммуникационные ресурсы представлены в соцсетях и мессенджерах, ср: группа «AniStar | АниСтар — новые серии аниме, дунхуа» (более 58 тыс. подписчиков) и др. Подросткам предлагаются вакансии, сообщества знакомств («Знакомства для подростков») и др. Один из самых популярных сервисов у молодежи — «TikTok», предлагающий детям разнообразный контент в формате коротких видео.

Можно утверждать, что Интернет предоставляет неограниченный охват контента для разных запросов пользователей, однако, как показывает исследование О. В. Пинчук, проведенное среди учащихся 2, 6, 9 классов воронежских школ, дети главным образом ищут развлекательные ресурсы и коммуникационные, а не образовательные и развивающие [Пинчук, 2013]. Данная ситуация сохраняется и в настоящее время, что, согласно исследованиям, беспокоит родителей. В 2023 году компанией Online Interviewer по заказу «Лаборатории Касперского» проведено изучение родительского мнения, в результате чего установлено, что «родителей беспокоит контент, с которым дети сталкиваются в сети, и его влияние на интеллектуальное развитие подрастающего поколения. Большинство (69 %) уверены, что игры, посты блогеров, сериалы и фильмы оказывают негативное влияние на ребёнка» [Взрослые и дети..., 2023, с. 6]. Беспокойство родителей оправданно, поскольку «больше половины детей (55 %), по их ответам, за год смотрели в сети видео с жестоким или взрослым содержанием. Подавляющее большинство из них встречали такие материалы случайно» [Там же]. Таким образом, можно предположить, что у ребенка в целом нет запроса на негативный контент, ему нужна подсказка, как и где найти правильный, полезный материал.

Специалисты считают, что делать качественные интернет-ресурсы для детей нужно, развивая медиаграмотность [Губанова, 2017; Люликова, 2020 и др.]. Однако самостоятельные настройки каналов получения информации детьми ограничивают возможности для целенаправленного, но в то же время нативного воздействия со стороны государства, поскольку детей привлекает в первую очередь то, что интересно, а не то, что заставляют

смотреть. При этом, как отмечают исследователи, в «столе непостоянном и динамичном мире мы просто обязаны задуматься о том, что наших детей нужно направлять в потоке информации, дать им не только лодку, но и руль, и весла, и удочку на случай голода» [Пинчук, 2013, с. 62]. Телевидение видится здесь как раз таким инструментом, целенаправленно созданным для воспитательно-образовательных целей в соответствии с государственной стратегией. Задача специалистов сделать его интересным.

3.2. Детский блогинг как инструмент реализации «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»

На наш взгляд, инструментом влияния государства на развитие воспитания молодого поколения могло бы стать создание нового детского телевизионного канала и его интернет-версии, основной целевой аудиторией которого станут подростки, поскольку государство в настоящее время не имеет такого инструмента воздействия и не может оказывать влияние на широкую подростковую аудиторию, которая переживает переходный возраст и нуждается в социализации. Благодаря подобному ресурсу возможны реализация медиаобразования детей; ознакомление аудитории с государственными проектами поддержки детей и молодежи, например «Движение первых», деятельность которого очень мало освещается в СМИ; инициирование создания объединений значительного количества подростков страны, которые в переходном возрасте и нуждаются в поддержке и понимании, определении жизненных ориентиров, профессиональном самоопределении и др. Практика создания и работы подростковых программ уже имела место на российском телевидении, например, программа «До 16 и старше...» освещала острые темы из жизни подростков.

Далее кратко представим рабочую концепцию детского телеканала, которая основывается как на базовых задачах стратегии государства по развитию воспитания детей и подростков, так и на интересах самой целевой аудитории.

Согласно социологическому исследованию «Mediascope Kids&Teens 2023», первые строчки рейтинга досуговых трендов представлены желаниями детей «путешествовать по России» (1-е место), «быть в хорошей физической форме» (2-е место), «заниматься спортом» (4-е место), «придерживаться здорового питания» (5-е место) [Пикулева, 2024] (рис. 1).

Данные предпочтения детской аудитории демонстрируют те тематические области, которые могут быть успешно охвачены блогосферой и телевидением как инструментами целенаправленного воздействия на детей и подростков.

Кроме того, по данным аналитики «Лаборатории Касперского» за 2023 год, 80 % детской аудитории смотрят или читают блоги: «Чаще это

Рис. 1. Тренды досуга у детей 9–17 лет
(по данным «Mediascope Kids&Teens 2023»)

подростки (от 75% среди младших школьников до 85% среди респондентов 15—17 лет). Вместе с тем по сравнению с 2022 годом значительно выросла доля дошкольников, которые следят за лидерами мнений, — с 47% до 69 %» [Взрослые и дети..., 2023, с. 18]. Так, можно предположить, что создание и продвижение блогов той тематики, которой отдают предпочтения дети и подростки (см. рис. 1), на различных ресурсах: в социальных сетях, мессенджерах, в электронных версиях телевизионных каналов, — будут способствовать внедрению стратегии по воспитанию молодого поколения в духе патриотизма, приверженности семейным ценностям, физической культуре и др. Сопутствующей задачей могла бы стать популяризация детского телевидения, которое утрачивает свои позиции, как показывают опросы детей (см. нижнюю строку на рис. 1) и исследования специалистов [Громова, 2015; Реброва и др., 2018 и др.], между тем одной из характеристик которого является культурно-просветительская миссия [Гегелова, 2012], обеспечивающая возможность для развития медиакомпетенций детей [Бльох, 2016].

3.3. Фрагмент рабочей концепции программы детского канала

Представим фрагмент рабочей концепции программы с примерами некоторых передач. В основе концепции находится представление о полезном и интересном содержании передач для подростков. Одним из способов привлечения внимания зрителей должно стать использование практик блогинга, который так популярен у современного молодого поколения, при этом «стоит понимать, что для детей лидеры мнений — не только источник новостей, но и ролевая модель, в том числе с точки зрения собственного карьерного развития» [Взрослые и дети..., 2023, с. 19]. В связи с этим мы полагаем, что основными ведущими передач канала должны стать действующие по-

пулярные блогеры, дети и взрослые, которые принимают концепцию канала, ориентированного на задачи «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Кроме того, предлагается привлекать ребят из регионов, которые хотели бы попробовать себя в роли журналистов или блогеров, ведущих передач, что, на наш взгляд, будет способствовать развитию открытого общества, установлению коммуникативных связей ребят из разных регионов России, формированию у детей представлений о возможностях доступа к работе на телевидении и, как следствие, повышению его конкурентоспособности в отношении к Интернету.

Для того чтобы реализовать указанные задачи по популяризации детского телевидения, контент канала для подростков должен быть разнообразным и интересным. Главными условиями этого может стать участие самих подростков в разработке сценариев и их наполнении материалами, ведении передач. Большое значение имеет и мониторинг оценок юных зрителей и их родителей (например, отзывы и комментарии на сайте канала), следствием которого является корректировка содержания в соответствии с запросами зрителей. Материалы для программ должны объединять образовательные, воспитательные и развлекательные функции. Для продвижения канала и его программ можно использовать другие СМИ и соцсети, а также школы, заинтересованные в использовании полезных и интересных материалов, которые будут предлагаться в интернет-версии канала (короткие видео как дополнение к материалам урока, статьи, постеры, интересная статистика и др.). Особое место в структуре телевидения в настоящее время занимает реклама. Ее минимизация или отсутствие — существенные факторы привлекательности канала. В этом могло бы оказать помощь достаточное государственное финансирование, снимающее проблему заинтересованности руководства канала в рекламодателях.

В рамках концепции мы предлагаем разрабатывать четыре вида программ:

(1) Реалисти-шоу или документальные фильмы о жизни российских подростков и ребят, живущих в других странах, соотечественников и иностранцев. В фокусе внимания находятся подростки, живущие активной социальной жизнью: занимающиеся спортом, спасающие природу, помогающие животным, изобретающие что-то новое и др. Важное рекламно-информационное значение могут иметь передачи о действующих общественных объединениях для детей и подростков, например, РДДМ «Движение первых», «ЮНАРМИИ», «Большая перемена», ЮИД и др., которые имеют отделения в разных регионах России. Например, «Движение первых» предлагает участникам различные активности: конкурсы, фестивали, медиапрограммы, образовательные, экологические проекты и другие фор-

маты реального и виртуального взаимодействия. В формате реалити-шоу могут быть реализованы программы путешествий, которые, как показывают опросы (рис. 1), соответствуют интересам подростков. Приведем пример концепции такой программы.

Концепция: передача «Путешествуем вместе» нацелена на ознакомление зрителей с местами России, интересными для подростков, живущих в разных регионах, например, с природными парками в Якутии («Ленские столбы»), Челябинской области («Таганай»), Карелии («Кивач»); культурными и историческими объектами, например, Иволгинским дацаном (Республика Бурятия), Мамаевым курганом (Волгоград), Казанским Кремлем (Казань) и др. Интересными представляются и достопримечательности в других регионах, например, в странах СНГ и африканского континента, в Китае, Сербии и др. Главные герои программы — подростки — расскажут о полученных впечатлениях и своих приключениях, связанных с путешествием, о встречах со своими ровесниками из других уголков России и мира. Ребята покажут, как они общаются с местными жителями, расскажут о культурных традициях региона, а также о том, как они находят необычные способы развлечения и отдыха. Цель программы — показать, что путешествия — это не просто развлечение, а расширение кругозора, один из путей к пониманию жизни. Кроме того, передачи будут способствовать формированию уважения к своей иной культуре и к традициям других народов.

Цикл передач — 48 (один раз в неделю в течение года).

Ведущие: дети-блогеры и взрослые блогеры, имеющие свои каналы о путешествиях, а также начинающие блогеры-подростки.

Хронометраж — 40 минут.

География — Россия и другие страны (по возможности).

Механика: ведущие каждой передачи на фоне видеинформации о достопримечательностях рассказывают о жизни подростков какого-либо региона, о встречах с местными ребятами, о проведенных интервью, гайд-лайн для которых должен включать вопросы о том, чем они интересуются, чем занимаются, какие традиции свойственны культуре их края.

(2) *Образовательные программы*, цель которых — информационное освещение разных сфер жизни общества. В передачах будет рассказываться о том, что интересного происходит в спорте, моде, науке, как развиваются новые технологии, новые тренды коммуникации и др. Сами подростки как участники разработки сценариев и ведущие передач смогут сориентировать старшее поколение создателей программ в действительно интересных для подростков направлениях. При этом руководители программы должны понимать, что такие передачи предполагают синтез образовательных и развлекательных функций, который позволит привлечь и сохранить

аудиторию, ориентированную, как показывают исследования, приведенные выше, преимущественно на развлекательный контент. Приведем несколько тематических примеров передач.

КОНЦЕПЦИЯ: передача «Техноленд» посвящена новинкам технологий: новым гаджетам, софтам, компьютерным играм, возможностям искусственного интеллекта. Каждый эпизод будет посвящен новой технологии, реализацию которой рассматривают и обсуждают герои программы. В роли героев могут выступать сами подростки, увлекающиеся данной тематикой, а также ученые и другие специалисты, которые готовы поделиться своими знаниями и опытом. Участники программы расскажут о возможностях и недостатках новых технологий, о своей практике их использования, а также дадут рекомендации зрителям. Отдельный цикл передач может быть посвящен искусциальному интеллекту как технологии будущего. Возможна организация дискуссионной площадки в рамках одной из передач или в структуре каждой передачи. Цель данной программы — помочь подросткам сориентироваться в мире технологий, показать, какие плюсы и минусы имеют различные новинки, а также научиться безопасно и эффективно их использовать.

Цикл передач — 48 (один раз в неделю в течение года).

Ведущие: дети-блогеры и взрослые блогеры, имеющие свои каналы о новых технологиях, или начинающие блогеры-подростки, а также специалисты.

Хронометраж — 40 минут.

География — Россия и другие страны.

Механика: ведущие рассказывают о технологиях, которые разработаны в России или появляются у нас из других стран, беседуют с ребятами, которые увлекаются данной темой, и специалистами. Предлагаются репортажи с конкурсов робототехники, игровых турниров и других тематических мероприятий.

КОНЦЕПЦИЯ: программа «Не подкачай!» посвящена популяризации в среде подростков здорового образа жизни (ЗОЖ) и разных видов спорта. Она призвана мотивировать детей заниматься спортом и следить за своим здоровьем. Каждый эпизод предлагает советы по проведению тренировок, здоровому и / или спортивному питанию и поддержанию общего благополучия организма. Ведущие рассказывают о субкультурных сообществах, которые объединяют любителей спорта и спортивного образа жизни, например, воркауте, паркуре, роллерах и др. Также в передаче будут показываться фрагменты спортивных представлений, матчей и др., чтобы зрители могли получить удовольствие от красивого и захватывающего спортивного зрелища.

Цикл передач — 48 (один раз в неделю в течение года).

Ведущие: дети-блогеры и взрослые блогеры, имеющие свои каналы о спорте, или начинающие блогеры-подростки, а также профессиональные спортсмены, в том числе параолимпийцы.

Хронометраж — 40 минут

География — Россия.

Механика: ведущие программы расскажут о разных видах спорта, тренировках, профессиональные спортсмены поделятся секретами своего успеха, побеседуют и потренируются с ребятами из разных спортивных субкультур и др. Ведущие ответят на вопросы зрителей и помогут им выбрать подходящий вид спорта для занятий. В данной программе особенно важной видится возможность обратной связи с аудиторией. Каждый выпуск программы (или часть из них) будет предлагать зрителям конкурсы и игры с призами.

(3) *Развлекательные программы*, задача которых — привлечь аудиторию, желающую получить удовольствие, слушая любимую музыку, просматривая видеоклипы, новые и старые сериалы и др.

Концепция: программа «В ритме поколения» посвящена музыке и танцам, которые являются неотъемлемой частью современной молодежной культуры. В каждом эпизоде представлены новые концерты, клипы, интервью с популярными исполнителями, работающими в разных музыкальных направлениях. Помимо современных музыкальных направлений важно обращаться к классическому наследию и народной музыке, поскольку предпочтения части подростков, в частности тех, кто занимается или планирует заниматься музыкой профессионально, связаны с классическим искусством (музыкой и балетом), а также с народной культурой (русские народные танцы, тувинское пение и др.). С учетом необходимости принятия мер по профессиональной ориентации детей имеет смысл представлять учебные заведения, танцевальные студии, звукозаписывающие компании и др., которые помогают детям освоить путь в профессию. Цель программы — помочь подросткам развить свой музыкальный и танцевальный вкус, научить их технике танца и выбору музыки, познакомить с популярными исполнителями и танцорами, а также с карьерными возможностями.

Цикл передач — 48 (один раз в неделю в течение года).

Ведущие: дети-блогеры и взрослые блогеры, имеющие свои каналы о музыке, или начинающие блогеры-подростки, а также профессиональные музыканты.

Хронометраж — 40 минут

География — Россия.

Механика: Ведущие программы подростки будут рассказывать о различных жанрах музыки и стилях танцев, давать советы по технике танца,

рассказывать о том, как правильно выбирать музыку для танца. Кроме того, в программе будут проводиться интервью с популярными исполнителями и танцорами, которые расскажут о своем опыте работы в этой области и поделятся советами для начинающих музыкантов и танцоров, а также с ребятами, занимающимися музыкой и танцами. В каждом эпизоде предполагается проведение различных конкурсов и игр, связанных с музыкой и танцами, чтобы подростки могли попробовать свои силы и получить призы.

(4) **Новостные программы**, которые рассказывают, во-первых, о жизни юного поколения в разных регионах страны. При этом собирать материал и сообщать новости должны сами ребята, живущие в разных местах России. Кроме того, возможно освещение специалистами мировых событий понятным и интересным для подростков языком. Новостные программы могут быть разбиты на короткие блоки (по 10 минут) в течение дня и включать в себя новости из разных субъектов РФ.

Подытоживая описание фрагмента рабочей программы для молодежного канала, отметим, что непременными условиями успешной разработки контента канала являются обращение к интересам аудитории подростков, синтез образовательной, воспитательной и развлекательной функций, вовлеченность самих модных и начинающих блогеров, а также зрителей в разработку сценариев и ведение программ, краткий временной регламент за счет отсутствия рекламы, разнообразный формат (реалити-шоу, документальные и художественные фильмы, фильмы, подкасты, короткие видео, дискуссионные площадки и др.), регулярность показов программ, активное взаимодействие ведущих с аудиторией, обратная связь через конкурсы, сообщения, звонки, комментарии на сайте канала и др., отказ от дидактичности.

4. Заключение = Conclusions

Создание на телевидении условий, при которых аудитория может быть не только пассивным реципиентом, но и активным создателем контента, подобно тому, как это организовано в пространстве Интернета, представляется одним из факторов популяризации телеканалов, привлекательность которых для современных подростков значительно ниже, чем привлекательность интернет-ресурсов, на многих из которых пользователи могут проявлять активность в виде отзывов, комментариев, создателей постов, художественных произведений, рилсов и др. При этом, если для малышей, дошкольников и детей до 13 лет Интернет и телевидение предоставляют и контент для просмотра, и возможность самим быть блогерами и участниками передач, что для подростков такие ресурсы ограничиваются преимущественно образовательными сайтами и блогами на ресурсах, основной целевой аудиторией которых являются взрослые. Специального телека-

нала, адресованного подросткам (важной и сложной целевой аудитории), приводящего на практике идеи государственной программы «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», на центральном телевидении в настоящее время нет.

Реализация концепции такого канала для подростковой аудитории возможна только при всесторонней (финансовой, технической, профессиональной) поддержке государства, в программных документах которого декларируется запрос на формирование личности ответственного гражданина, которое целесообразно начинать с детского возраста.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. В России число авторов в соцмедиа достигло рекордных 69 млн в марте [Электронный ресурс] // ТАСС. — 24 апреля 2024. — Режим доступа : <https://tass.ru/obschestvo/20633509> (дата обращения 20.07.2024).
2. Каналы для подростков [Электронный ресурс] // YouTube. — Режим доступа : <https://tass.ru/obschestvo/20633509> (дата обращения 20.07.2024).
3. Рейтинг каналов YouTube — Развлечения [Электронный ресурс] // Whatstat. — Режим доступа : <https://whatstat.ru/channels/entertainment> (дата обращения 25.07.2024).
4. Взрослые и дети в интернете : аналитический отчёт [Электронный ресурс] // 13443_Brochure_KidsSecurity_2023.pdf. — Режим доступа : https://kids.kaspersky.ru/article/vzroslye_i_deti_v_internete_analiticheskiy_otchet_2023 (дата обращения 25.07.2024).

Литература

1. Бльох Е. А. Развитие медиакомпетенций детей и подростков посредством телевидения / Е. А. Бльох // Знак : проблемное поле медиабразования. — 2016. — № 5 (22). — С. 12—17.
2. Гегелова Н. С. Культурно-просветительская миссия телевидения : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Н. С. Гегелова. — Москва, 2012. — 31 с.
3. Громова К. В. Детско-юношеское телевидение России : функции, возрастные особенности, требования к контенту : 2008—2014 гг. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / К. В. Громова. — Москва, 2015. — 189 с.
4. Губанова А. Ю. Медиаконтент для детей как элемент образовательного процесса / А. Ю. Губанова // Медиабразование. Media Education. — 2017. — № 2. — С. 155.
5. Друкер М. М. Контент социальных медиа как фактор формирования ценностных ориентиров подростка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / М. М. Друкер. — Воронеж, 2022. — 23 с.
6. Иова М. А. Проект «Юный блогер», как средство развития связной речи детей дошкольного возраста / М. А. Иова, Е. Н. Громовая // Актуальные вопросы науки и практики : сборник научных трудов по материалам XXXVIII Международной научно-практической, Анапа, 05 ноября 2021 года. — Анапа : ООО «Научно-исследователь-

ский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2021. — С. 116—121.

7. Леван Т. Н. Здоровье ребенка в современной информационной среде / Т. Н. Леван. — Москва : Форум, 2022. — 224 с. — ISBN 978-5-00091-040-5.

8. Люликова А. В. От информационной грамотности к медиакомпетентности : приоритетный вектор развития педагогического образования в России / А. В. Люликова // Гуманитарные науки (г. Ялта). — 2020. — № 4 (52). — С. 36—414.

9. Львова Е. Н. Гуманистический потенциал электронных платформ в дистанционных культурно-образовательных практиках / Е. Н. Львова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2021. — Т. 223. — С. 145—155.

10. Отый творческой деятельности современных школьников в информационной среде и его влияние на формирование у ребенка основ эстетической культуры : Аннотативный доклад / И. В. Вагнер, В. В. Комлева, М. С. Бережная [и др.]. — Москва : Институт художественного образования и культурологии РАО, 2022. — 50 с. — ISBN 978-5-6045732-9-7.

11. Петракова Т. И. К вопросу о путях повышения роли информационно-коммуникативных технологий в духовно-нравственном воспитании подростка / Т. И. Петракова // Символ науки. — 2019. — № 8. — С. 39.

12. Печерская Э. П. Дошкольники в сети интернет / Э. П. Печерская, Д. Ю. Меркурова // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 10. — С. 76.

13. Петрунько А. В. Дети и media : социализация в агрессивной медиасреде : монография / А. В. Петрунько. — Нежин : [б. и.], 2011. — 480 с.

14. Пикулева М. KidsnTeens_CSTB.PRO.MEDIA_290224.pdf[Электронный ресурс] / М. Пикулева // Mediascope. — 2024. — Режим доступа : https://mediascope.net/upload/iblock/242/i3nhbuashdcelk6af2h4cz8p77jwf23/KidsnTeens_CSTB.PRO.MEDIA_290224.pdf (дата обращения 20.07.2024).

15. Реброва А. Д. Детское телевидение в условиях процесса конвергенции и медиатизации на примере мультимедийного портала «Мульт» / А. Д. Реброва, Н. С. Гегелова // Язык и речь в Интернете : личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей V Международной научно-практической конференции. — Москва : РУДН, 2021. — Т. 2. — С. 244—249.

16. Пинчук О. В. Дети и подростки в Интернете: медийные практики, педагогический аспект / О. В. Пинчук // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История. Филология. — 2013. — Т. 12. — № 10. — С. 62.

17. Рысин Ю. С. Социально-информационные опасности телерадиовещания и информационных технологий / Ю. С. Рысин. — Москва : Гелеос АРВ, 2014. — 272 с. — ISBN 978-5-85438-162-8.

18. Салистая Г. С. Детское блогерство как проявление преждевременной социализации / Г. С. Салистая // Высшее образование для XXI века : Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы : Доклады и материалы XVI Международной научной конференции : в 2 ч. (онлайн-формат), Москва, 18—19 ноября 2020 года. — Москва : Московский гуманитарный университет, 2020. — Ч. 1. — С. 216—222. — ISBN 978-5-907410-09-1.

19. Шестирекова Н. Г. Ориентиры нравственного воспитания подростков : аксиологический подход / Н. Г. Шестирекова // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 1 (80). — С. 245—246. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00100.

20. Чурсинова Е. С. Сопровождение детей с ОВЗ посредством применения технологии блогерства / Е. С. Чурсинова, Е. С. Кузьминых, Е. С. Сергеева // Реализация ФГОС как механизм развития профессиональной компетентности педагога : инновационные технологии, тьюторские образовательные практики : Материалы V Всероссийской тьюторской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 25–28 апреля 2023 года. — Краснодар : Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Институт развития образования» Краснодарского края, 2023. — С. 278–281.

21. Girouard-Hallam L. N. What can the internet do? : Chinese and American children's attitudes and beliefs about the internet / L. N. Girouard-Hallam, Yu Tong, Fuxing Wang, J. H. Danovitch // Cognitive Development. — 2023. — Volume 66. — P. 101338. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2023.101338>.

22. Shtulman A. Children's susceptibility to online misinformation / A. Shtulman // Current Opinion in Psychology. — 2024. — Volume 55. — P. 101753. — DOI: 10.1016/j.copsyc.2023.101753.

23. Radovic A. Experience of Peer Bloggers Using A Social Media Website For Adolescents With Depression Or Anxiety, Giving Back In A Safe Space / A. Radovic, E. Miller // Journal of Adolescent Health. — 2019. — Volume 64. — Issue 2. — Pp. 66–67. — DOI: 10.2196/26183.

24. Leyman A. Use of digital platforms by autistic children and young people for creative dress-up play (cosplay) to facilitate and support social interaction / A. Leyman // Digital Geography and Society. — 2022. — Volume 3. — P. 100039. — DOI: 10.1016/j.diggeo.2022.100039.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2024,
одобрена после рецензирования 05.08.2024,
подготовлена к публикации 20.09.2024.*

Material resources

Adults and children on the Internet: analytical report. *13443_Brochure_KidsSecurity_2023.pdf*. Available at: https://kids.kaspersky.ru/article/vzroslye_i_deti_v_internete_analiticheskiy_otchet_2023 (accessed 25.07.2024). (In Russ.).

Channels for teenagers. *YouTube*. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/20633509> (accessed 20.07.2024). (In Russ.).

In Russia, the number of authors in social media reached a record 69 million in March. (2024). *TASS. April 24*. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/20633509> (accessed 20.07.2024). (In Russ.).

Rating of YouTube channels — Entertainment. *Whatstat*. Available at: <https://whatstat.ru/channels/entertainment> (accessed 25.07.2024). (In Russ.).

References

Bloch, E. A. (2016). The development of media competencies of children and adolescents through television. *Sign: a problematic field of media education*, 5 (22): 12–17. (In Russ.).

Chursinova, E. S., Kuzminykh, E. S., Sergeeva, E. S. (2023). Accompanying children with disabilities through the use of blogging technology. In: *Implementation of the Federal State Educational Standard as a mechanism for the development of professional*

- competence of a teacher: innovative technologies, tutor educational practices: Materials of the V All-Russian tutor scientific and practical conference with international participation, Krasnodar, April 25–28, 2023 of the year.* Krasnodar: State budgetary educational institution of additional professional education “Institute of Education Development” of Krasnodar Territory. 278—281. (In Russ.).
- Drucker, M. M. (2022). *Social media content as a factor in the formation of value orientations of a teenager*. Author’s abstract of PhD Diss. Voronezh. 23 p. (In Russ.).
- Gegelova, N. S. (2012). *Cultural and educational mission of television*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 31 p. (In Russ.).
- Girouard-Hallam, L. N., Yu Tong., Fuxing Wang., Danovitch, J. H. (2023). What can the internet do?: Chinese and American children’s attitudes and beliefs about the internet. *Cognitive Development*, 66: 101338. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2023.101338>.
- Gromova, K. V. (2015). *Children’s and youth television of Russia: functions, age characteristics, content requirements: 2008—2014*. PhD Diss. Moscow. 189 p. (In Russ.).
- Gubanova, A. Y. (2017). Media content for children as an element of the educational process. *Media Education*, 2: P. 155. (In Russ.).
- Iova, M. A., Gromovaya, E. N. (2021). The Young Blogger project as a means of developing coherent speech of preschool children. In: *Actual issues of science and practice: a collection of scientific papers based on the materials of the XXXVIII International Scientific and Practical Conference, Anapa, November 05, 2021*. Anapa: LLC “Scientific Research Center of Economic and Social Processes” in the Southern Federal District. 116—121. (In Russ.).
- Levan, T. N. (2022). *Child’s health in the modern information environment*. Moscow: Forum. 224 p. ISBN 978-5-00091-040-5. (In Russ.).
- Leyman, A. (2022). Use of digital platforms by autistic children and young people for creative dress-up play (cosplay) to facilitate and support social interaction. *Digital Geography and Society*, 3: 100039. DOI: 10.1016/j.diggeo.2022.100039.
- Lvova, E. N. (2021). The humanistic potential of electronic platforms in remote cultural and educational practices. *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 223: 145—155. (In Russ.).
- Lyulikova, A. V. (2020). From information literacy to media competence: a priority vector for the development of pedagogical education in Russia. *Humanities (Yalta)*, 4 (52): 36—414. (In Russ.).
- Pecherskaya, E. P., Merkulova, D. Y. (2013). Preschoolers on the Internet. *Theory and practice of social development*, 10: S. 76. (In Russ.).
- Petrakova, T. I. (2019). On the question of ways to increase the role of information and communication technologies in the spiritual and moral education of a teenager. *Symbol of Science*, 8: P. 39. (In Russ.).
- Petrunko, A. V. (2011). *Children and media: socialization in an aggressive media environment: monograph*. Nizhnyi: [b. i.]. 480 p. (In Russ.).
- Pikuleva, M. (2024). KidsnTeens_CSTB.PRO.MEDIA_290224.pdf. *Mediascope*. Available at: https://mediascope.net/upload/iblock/242/i3nhbuashdcelk6afr2h4cz8p77jwf23/KidsnTeens_CSTB.PRO.MEDIA_290224.pdf (accessed 20.07.2024). (In Russ.).
- Pinchuk, O. V. (2013). Children and adolescents on the Internet: media practices, pedagogical aspect. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology*, 12 (10): S. 62. (In Russ.).

- Radovic, A., Miller, E. (2019). Experience of Peer Bloggers Using A Social Media Website For Adolescents With Depression Or Anxiety, Giving Back In A Safe Space. *Journal of Adolescent Health*, 64 (2): 66—67. DOI: 10.2196/26183.
- Rebrova, A. D., Gegelova, N. S. (2021). Children's television in the context of the process of convergence and mediatization on the example of the multimedia portal "Mult". In: *Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference*, 2. Moscow: RUDN. 244—249. (In Russ.).
- Rysin, Yu. S. (2014). *Socio-informational dangers of broadcasting and information technologies*. Moscow: Geleos ARV. 272 p. ISBN 978-5-85438-162-8. (In Russ.).
- Salistaya, G. S. (2020). Children's blogging as a manifestation of premature socialization. In: *Higher Education for the 21st Century: The Digital Transformation of Society: new opportunities and new challenges: Reports and materials of the XVI International Scientific Conference: at 2 a.m. (online format), Moscow, November 18—19, 2020, 1*. Moscow: Moscow University of the Humanities. 216—222. ISBN 978-5-907410-09-1. (In Russ.).
- Shestirekova, N. G. (2020). Guidelines for the moral education of adolescents: an axiological approach. *The world of science, culture, and education*, 1 (80): 245—246. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00100. (In Russ.).
- Shtulman, A. (2024). Children's susceptibility to online misinformation. *Current Opinion in Psychology*, 55: P. 101753. DOI: 10.1016/j.copsyc.2023.101753.
- The experience of creative activity of modern schoolchildren in the information environment and its influence on the formation of the foundations of aesthetic culture in a child: An analytical report.* (2022). Moscow: Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Sciences. 50 p. ISBN 978-5-6045732-9-7. (In Russ.).

*The article was submitted 15.06.2024;
approved after reviewing 05.08.2024;
accepted for publication 20.09.2024.*

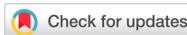

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....
Александр Модестович Подоксенов, д-р филос. наук (Елец)
Екатерина Владимировна Фёдорова, старший преподаватель (Чита)
Елена Геннадьевна Чернышева, д-р филол. наук (Москва)
Ирина Александровна Киселева, д-р филол. наук (Москва)
Ксения Алексеевна Поташова, канд. филол. наук (Москва)
Марина Николаевна Фомина, д-р филос. наук (Чита)
Наталья Михайловна Ильченко, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Ольга Викторовна Кублицкая, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Семен Семенович Макаров, канд. филол. наук (Москва)
Татьяна Викторовна Воронченко, д-р филол. наук (Чита)

Информация для цитирования:

Воронченко Т. В. Трансценденталистские идеи в творчестве писателей мексикано-американского пограничья XX века Мэри Хантер Остин и Рудольфо Анайи / Т. В. Воронченко, М. Н. Фомина, Е. В. Фёдорова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 237—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-237-255.

Voronchenko, T. V., Fomina, M. N., Fyodorova, E. V. (2024). Transcendentalist Ideas in Works of Mexican-American Border Writers of 20th Century: Mary Hunter Austin and Rudolfo Anaya. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 237-255. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-237-255. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Трансценденталистские идеи
в творчестве писателей
мексикано-американского
пограничья XX века
Мэри Хантер Остин
и Рудольфо Анайи**

Воронченко Татьяна Викторовна
orcid.org/0000-0001-7913-3057
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра литературы,
корреспондирующий автор
tavoronch@mail.ru

Фомина Марина Николаевна
orcid.org/0000-0002-5744-9402
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии
marf_05@mail.ru

Фёдорова Екатерина Владимировна
orcid.org/0000-0001-8156-119X
старший преподаватель,
кафедра европейских языков
и лингводидактики
katyaz@bk.ru

Забайкальский
государственный университет
(Чита, Россия)

**Transcendentalist Ideas
in Works of Mexican-
American Border Writers
of 20th Century:
Mary Hunter Austin
and Rudolfo Anaya**

Tatiana V. Voronchenko
orcid.org/0000-0001-7913-3057
Doct. Diss, Professor,
Department of Literature,
Corresponding author
tavoronch@mail.ru

Marina N. Fomina
orcid.org/0000-0002-5744-9402
Doct. Diss, Professor,
Department of Philosophy
marf_05@mail.ru

Ekaterina V. Fyodorova
orcid.org/0000-0001-8156-119X
Senior lecturer,
Department of European Languages
and Linguistic Didactics
katyaz@bk.ru

Transbaikal State University
(Chita, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросам воплощения и развития идей трансцендентализма 1830—50-х годов в произведениях писателей мексикано-американского пограничья начала и последней трети XX века Мэри Остин и Рудольфо Анайи. Проведен анализ идеино-тематического содержания текстов. Выделены ключевые образы и мотивы. Определена специфика отображения взглядов писателей на взаимоотношения человека и природы, охарактеризованы их представления о социальной и личностной гармонии в контексте этнокультурного взаимодействия. Материалом для исследования послужили популярные рассказы-скетчи Мэри Остин (1868—1934) начала XX века и всемирно известные романы и эссе Рудольфо Анайи (1937—2020) последней трети XX века. Методологическую основу данного исследования составляет философская рефлексия, позволяющая анализировать художественный текст сквозь призму философских концепций. Полученные результаты анализа свидетельствуют о том, что трансценденталистские идеи, восходящие к наследию Р. Эмерсона и Г. Торо, актуализируются в творчестве авторов мексикано-американского пограничья XX века. В прозе представительницы региональной литературы Юго-Запада начала XX века Мэри Остин делается акцент на идиллическом характере взаимоотношений человека и природы, поисках гармоничного сосуществования членов социума, которое видится в стремлении к опрощению и «добровольной бедности». Трансцендентальный образ мира Рудольфо Анайи в его произведениях последней трети XX века способствует трансляции сквозной идеи духовно-нравственного совершенствования человека. По замыслу писателя, самосовершенствование личности является важнейшим условием достижения социальной гармонии.

Ключевые слова:

трансцендентализм; мексикано-американское пограничье; литература чикано; Мэри Остин; Рудольфо Анайя; американский Юго-Запад.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the embodiment and development of transcendentalist ideas from the 1830s to the 1850s in the works of Mexican-American border writers Mary Austin and Rudolfo Anaya, spanning the early and late 20th century. An analysis of the ideological and thematic content of their texts is conducted, highlighting key images and motifs. The study identifies the specific ways in which these authors perceive the relationship between humanity and nature, characterizing their views on social and personal harmony within the context of ethnocultural interaction. The research material includes popular sketches by Mary Austin (1868–1934) from the early 20th century, as well as the internationally renowned novels and essays of Rudolfo Anaya (1937–2020) from the latter third of the 20th century. The methodological foundation of this study is philosophical reflection, which enables the analysis of literary texts through the lens of philosophical concepts. The results indicate that transcendentalist ideas, rooted in the legacy of R. Emerson and H. Thoreau, are revitalized in the works of 20th-century Mexican-American border authors. In the prose of Mary Austin, a representative of early 20th-century Southwestern regional literature, there is a focus on the idyllic nature of human-nature relationships and the search for harmonious coexistence among members of society, which is envisioned through a pursuit of simplicity and “voluntary poverty.” Rudolfo Anaya’s transcendental vision of the world in his works from the latter third of the 20th century facilitates the transmission of an overarching theme of spiritual and moral self-improvement. According to the author, personal self-perfection is a crucial condition for achieving social harmony.

Key words:

transcendentalism; Mexican-American border; Chicano literature; Mary Austin; Rudolfo Anaya; American Southwest.

УДК 821.111(73)

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-237-255

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Трансценденталистские идеи в творчестве писателей мексикано-американского пограничья XX века

Мэри Хантер Остин и Рудольфо Анайи

© Воронченко Т. В., Фомина М. Н., Фёдорова Е. В., 2024

1. Введение = Introduction

Рассмотрение вопросов, касающихся актуализации в произведениях писателей мексикано-американского пограничья XX века Мэри Хантер Остин и Рудольфо Анайи резонансных идей философов-трансценденталистов XIX века, в данной статье обусловлено стремлением расширить представления о глубине и значимости литературного наследия указанных авторов. Анализ особенностей отображения текущей реальности в прозе Остин и Анайи ведёт к пониманию степени влияния трансцендентализма, изучение которого традиционно входит в университетские программы, на их творчество. Меняющиеся исторические условия способствуют иному пониманию и преломлению трансценденталистских идей Р. Эмерсона и Г. Торо в произведениях писателей XX века согласно их мировоззрению. Как отмечает известный советский специалист по теории и истории литературы М. Б. Храпченко, «вопрос о мировоззрении писателя — это раньше всего вопрос о “видении” писателем мира, о характере и особенностях раскрытия явлений жизни, об отношении его к действительности» [Храпченко, 1957, с. 75]. Российский литературовед Э. Ф. Осипова справедливо акцентирует внимание на жизнеспособности идей трансцендентализма в последующие эпохи, их долговременном распространении и принятии многими художниками слова: «Он [трансцендентализм] продолжает существовать как мировоззрение <...>, отражая диалектику развития американской мысли» [Осипова, 1999б, с. 208]. Эта тенденция отчётливо проявляется в творчестве Мэри Остин (1868—1934) и Рудольфо Анайи (1937—2020), ярких представителей литературы мексикано-американского пограничья XX века.

В качестве исторической справки необходимо пояснить, что традиционно подразумевается под мексикано-американским пограничьем. Это территория сопредельных с Мексикой американских штатов: Техас, Нью-

Мексико, Аризона, Калифорния и др., — и штатов на севере Мексики: Нижняя Калифорния, Сонора, Чиуауа и др., сформировавшаяся в результате заключения Договора Гудалупе-Идалго в 1848 году (мирный договор, завершивший американо-мексиканскую войну 1846—1848 годов, который установил, что потерпевшая военное поражение Мексика уступает Штатам 1,36 млн км², или около 55 % своей территории).

Мэри Остин и Рудольфо Анайя в своих произведениях мастерски воссоздают отличительные особенности величественного ландшафта, многогранной социальной и культурной жизни пограничья. Симптоматично, что творчество Остин — писательницы, публициста и общественного активиста — высоко оценивал Джек Лондон, с которым её связывали узы дружбы. Рудольфо Анайя — писатель, получивший всемирную известность, «патриарх» англоязычной прозы чикано (англ. *chicano*, исп. *mejicanos* или *texicanos* — испаноязычная этническая группа в США, американцы мексиканского происхождения). Его имя включено в престижные энциклопедии современного литературного творчества [The encyclopedia ..., 2011 и др.], а произведения переведены на многие языки мира.

Актуализация философских идей Р. Эмерсона и Г. Торо в рассказах-скетчах Мэри Остин начала XX века, романах и эссе Рудольфо Анайи последней трети XX века видится результатом проявления схожих мировоззренческих позиций, сформированных под влиянием особого пространства американского Юго-Запада, которое отличается специфическими природными и социокультурными характеристиками. Неслучайно трансценденタルное мышление распространилось в творческой среде этого региона и стало притягательным для писателей в разные периоды. Юго-Запад виделся северянам, англо-американским поселенцам с северо-востока страны, по меткому выражению одного из первых приезжих — юриста, писателя и путешественника XIX века Лэнсфорда Гастингса, — землёй «диких лесов, бескрайних равнин, необработанных долин и безбрежного океана, что представляет одну грандиозную сцену беспрестанного благоустройства» [Цит. по: Воронченко, 2019, с. 18]. Освоение отдалённой от центра страны территории неизбежно связывается с внутренним преображением личности, что в полной мере соответствует закреплённым трансценденталистами представлениям о неисчерпаемой духовной силе природы [ФЭС, с. 693]. Во взаимодействии человека с природой, приближении к естественному, не испорченному цивилизацией ландшафту, в интуитивном переживании и «разгадывании» его потаённого символического смысла философы видели способы достижения нравственного очищения и метод раскрытия «Абсолюта», или «сверхдуши» (термин Эмерсона) [Там же]. Как неоднократно писал Г. Торо, именно «нетронутая природа незаменима

для формирования, развития и совершенствования личности, поскольку она благоприятно действует на интеллектуальное, духовное и физическое здоровье человека» [Благодерова, 2022, с. 99]. Закономерно, что в творчестве М. Остин и Р. Анайя природа занимает особое место.

Ещё одной составляющей проблемы принятия и воплощения трансценденталистских идей писателями XX века видится актуализация представлений о социальной и личностной гармонии. Наряду с диалогом природы и человека, призванным, согласно воззрениям Р. Эмерсона и Г. Торо, служить обновлению и самосовершенствованию *отдельной* личности, в фокусе внимания Остин и Анайя оказываются вопросы построения гармоничного социума. Проблема мирного сосуществования членов общества приобретает особую значимость на пограничных территориях, которые представляют собой «этноконтактную среду, место встречи и интенсивного взаимодействия различных культур в исторической перспективе» [Воронченко, 2022, с. 48] и в то же время являются зоной наиболее частых политических и социокультурных столкновений. Неудивительно, что такие принципы трансцендентализма, как стремление к любви и дружбе, ориентированность на трудовую кооперацию, братское сотрудничество, становятся предметом творческого осмысления писателей пограничья, на территории которого складывается исторический полилог культур: индейской (коренных американцев), испанской (мексиканский элемент) и англоамериканской.

Цель статьи — определить особенности воплощения трансценденталистских идей в творчестве широко известных писателей начала и последней трети XX века Мэри Остин и Рудольфо Анайи. Задачи исследования: выявить типологические черты произведений авторов, позволяющие говорить о литературно-эстетической общности их творчества и наследия трансцендентализма XIX века, рассмотреть своеобразие индивидуально-авторского понимания философских идей; определить характер осмысления писателями XX века М. Остин и Р. Анайей взаимоотношений природы и человека в трансцендентальном ключе; охарактеризовать особенности актуализации трансценденталистских представлений о социальной и личностной гармонии в контексте этнокультурного взаимодействия. Новизна исследования заключается в том, что в научный оборот вводятся тексты известных, но малоизученных в российском литературоведении писателей мексикано-американского пограничья XX века Мэри Остин и Рудольфо Анайи. В статье впервые предпринята попытка определения характера воплощения идей трансцендентализма XIX века в творчестве указанных авторов, что позволяет расширить представления о степени влияния наследия Р. Эмерсона и Г. Торо на мировоззрение писателей XX века.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологическую основу исследования составляет философская рефлексия, обращение к которой стало возможным благодаря работам, посвящённым рассмотрению вопросов отражения философских идей в литературном тексте как продукте общественной жизни в конкретных культурно-исторических условиях. Опираясь на утверждение М. М. Бахтина о том, что «текст <...> как первичная данность <...> вообще всего гуманитарно-филологического мышления (в том числе <...> философского мышления в его истоках)» [Бахтин, 1986, с. 473], мы рассматриваем произведения писателей мексикано-американского пограничья как «субъективное отражение объективного мира, выражение <авторского> сознания» [Там же]. Диалогический подход позволяет рассматривать художественное произведение как «открытый интра- и экстра-диалог», обеспечивающий бытие философской культуры [Фомина и др., 2017, с. 203]. Принцип историзма подразумевает изучение в ходе текстуального анализа явлений историко-культурного характера в динамике их изменения и становления во времени.

Благодаря компаративистскому подходу становится возможным обращение к комплексному анализу представленных в литературных текстах идей трансцендентализма посредством применения типологического, структурно-семиотического и культурно-исторического методов исследования. Применение типологического метода способствует установлению связи между литературными произведениями Мэри Остин и Рудольфо Анайи, выявлению общности мировоззренческих позиций авторов в их корреляции с трансценденталистскими концепциями XIX века, а также выделению черт творческой индивидуальности писателей на фоне общих моментов. Структурно-семиотический метод (по Ю. М. Лотману) позволяет рассмотреть совокупность произведений М. Остин и Р. Анайи и выявить в них инвариантные смысловые образования, ключевые мотивы и образы (природа как источник духовной силы и др.), свидетельствующие о связи авторских установок с трансценденталистскими идеями. Культурно-исторический метод используется при рассмотрении привлечённого литературного материала в контексте различных исторических эпох: начала XX века и его последней трети, — в результате чего выявляется своеобразие индивидуально-авторского воплощения философских концепций.

Творчество М. Остин и Р. Анайи вызывает закономерный интерес отечественных и зарубежных исследователей. В американском литературоведении существует значительное количество научных трудов, посвящённых многостороннему изучению наследия Рудольфо Анайи [Lomeli, 2022; Robinson, 1977; Gonzalez-T., 2000; и мн. др.]. В России творчество Р. Анайя

становится предметом изучения с 1980-х годов в работах А. В. Ващенко, Т. В. Воронченко. В 1996 году защищена докторская диссертация «Основные тенденции становления и развития литературы чикано (к проблеме взаимодействия культурных традиций)» Т. В. Воронченко, которой предшествовал ряд публикаций автора на эту тему, в том числе в издательстве «Наука» (Москва): «Мексикано-американский характер (на литературном материале)» (1991), ««Космический» поиск в литературе ренессанса чиканос (70-е годы XX века)» (1995). В рамках сформированной научной школы в этом направлении выходит ряд книг и материалов международных конференций. В переиздании монографии 2022 года «На перекрёстке миров: мексикано-американский литературный дискурс XIX—XXI веков» Т. В. Воронченко учтены и раскрыты новые тенденции в развитии литературы чикано конца XX — начала XXI века; в приложение включены переводы произведений мексикано-американской авторов на русский язык, выполненные Т. Воронченко в 2001—2022 годы, в том числе переводы эссе, глав романов и рассказа Рудольфо Анайи. В 2010-х годах выходят работы А. В. Ващенко, специалиста по литературе и фольклору коренных народов мира, посвящённые исследованию литературы чикано и обзору переводов произведений мексикано-американских писателей на русский язык, в издательстве МГУ им. М. В. Ломоносова («Цветы пограничья: книга для чтения по литературе мексикано-американцев», 2013) и др. Изучение творчества Рудольфо Анайи в России продолжено последователями научного направления, заданного профессорами А. В. Ващенко и Т. В. Воронченко: С. Плотниковым и А. Гонгадзе.

Исследователи подвергают изучению социальную проблематику работ Мэри Остин [Лунина, 2014; Иванова, 2017], вклад писательницы в развитие региональной литературы американского Юго-Запада [Goodman et al, 2009] и др. Ряд фундаментальных трудов отечественных учёных посвящён масштабному обзору литературы трансцендентализма [Осипова, 1999б; Осипова, 2023; Самохвалов, 1964; Зверев, 1999], уточнены религиозно-философские и политические взгляды основных деятелей течения [Трофимова, 2012], предпринято изучение влияния его концепций на развитие американской поэзии XIX века [Лучинский, 1990; Хаецкая, 2024]. Необходимость рассмотрения творчества писателей мексикано-американского пограничья под углом зрения влияния трансцендентализма вполне очевидна. Как в начале, так и в последней трети XX века такие признанные авторы, как Мэри Остин и Рудольфо Анайя, обращаются к актуализации трансценденталистских идей, заложенных в первую очередь в творческом наследии мыслителей Р. У. Эмерсона и Г. Торо.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Трансценденталистские идеи в малой прозе Мэри Остин начала XX века

Мэри Хантер Остин (1868—1934) — писательница, эссеист, критик и драматург, творчество которой тесно связано с американским Юго-Западом, в частности, с Калифорнией и Нью-Мексико. Получив высшее образование на Среднем Западе, в Колледже Блэкберн, она переезжает в Калифорнию, где в 1889 году публикует первое эссе, основанное на калифорнийских впечатлениях.

Местный ландшафт, уникальная природа, где представлено практически всё: берег океана, лес, заснеженные вершины, водопады, пустыни и долины, самобытность культуры народов, проживающих на пограничных землях, — вдохновляют Мэри Остин на активную творческую и общественную деятельность, в которой она добивается впечатляющих успехов. Остин принимает участие в «социальной и культурной жизни, является активистом движения за сохранение традиционных искусств, ремёсел и культуры коренных американцев» [Потапова и др., 2021, с. 64]. Сразу после переезда в город Кармел (Калифорния) Остин быстро входит в сообщество творческих людей — художников, писателей, фотографов [Лунина, 2014, с. 2], где знакомится с крупнейшим писателем XX века Джеком Лондоном. В работах И. Е. Луниной, посвящённых художественному миру Джека Лондона и созданию творческого портрета Мэри Остин, особое внимание уделяется крепкой дружбе двух литераторов, основанной на «общности творческой программы, гражданской и личностной позиций. Оба полагали важным для писателя не только создавать интересные литературные формы, но и предлагать миру важные, значимые идеи» [Лунина, 2014, с. 2]. Осмыслению насущных проблем современности сопутствует обращение писательницы к общефилософским вопросам взаимодействия человека и природы, гармоничной жизни отдельной личности.

Большинство публицистических и художественных произведений Остин посвящены судьбе жителей мексикано-американского пограничья, в особенности Нью-Мексико, куда она переезжает после Калифорнии. В данной статье мы обращаемся к скетчу-рассказу «Маленький городок Виноградных Лоз», завершающему первую и самую известную книгу Остин «Земля редких дождей» (1903), «которая приносит автору всеобщее признание и становится классикой американской литературы» [Потапова и др., 2021, с. 64]. В скетче Остин описывает уклад жизни населения городка Лас-Уvas — простых людей, живущих в мире и согласии с окружающей природой.

Идеи трансцендентализма становятся ведущими в содержании скетча; описания природы носят неизменно идиллический характер, что определя-

ет специфику понимания писательницей взаимодействия природы и человека, демонстрирует её приверженность к восприятию единства человека и природы в трансцендентальном духе. Ритм «непритеязательной жизни» [Остин, 2020, с. 181] населения городка Виноградных Лоз выстраивается сообразно с природными циклами времён года и сменой времени суток: «Городок окружён густыми, “сумеречными” зарослями винограда, накрыт куполом тополиных крон, навевающих дремоту и тихо шелестящих, как пчёлы в улье» [Там же, с. 180]; «Когда луна поднимается над стеной гор, омываемых морем, и тени, словно кружева, ложатся на утоптаные полы патио, тогда то тут, то там среди виноградных лоз начинают звучать гитары и доносится чьё-то пение» [Там же, с. 181].

Для школы трансцендентализма также характерно стремление к воплощению в жизнь идеала «гуманных общественных отношений» [ФЭС, с. 694]. В соответствии с этим Мэри Остин рисует картины безмятежного существования на лоне природы, ассоциирующегося в авторском сознании с социальной и личной гармонией. Ключевыми мотивами рассказа Остин являются размеренность, простота, добрососедство, которые, по мысли трансценденталистов, возможно обрести, только отринув «власть законов хищнического общества» [Самохвалов, 1964, с. 50]. Гармонично развитое общество, согласно работе Эмерсона «Пути жизни», характеризуется связью индивидуального и общественного, отсутствием принуждения во всех сферах жизни [Трофимова, 2012, с. 78]. Эти черты трансцендентального миропонимания наиболее отчётливо проявляются в finale скетча, где Остин обобщает характерные особенности уклада социальной жизни маленьского городка Виноградных Лоз: «В Лас-Уvas каждый дом как маленькая часть большой земли» [Остин, 2020, с. 185]; «Здесь почти нет преступности. Зачем воровать или убивать, когда у всех одинаково мало денег и брать нечего!» [Там же]. Реализация данных мотивов просматривается также в семантике слов, с помощью которых автор характеризует селение: например, «почтенный городок» [Там же, с. 181] и др.

Особое внимание Мэри Остин уделяет раскрытию темы межкультурного взаимодействия в пограничье, что позволяет расширить представления о препрезентации в её творчестве трансценденталистской идеи братского сосуществования людей в гармонии человека и природы. Исследователи С. Гудмэн и К. Доусон отмечают, что её книги вносят неоценимый вклад в развитие регионального литературного процесса, поскольку Остин по-новому осмысливает возникший здесь «экзотический» сплав культур: индейцев, мексиканцев и англо-американцев [Goodman, 2009, с. 57]. Острота проблемы социокультурных противоречий мексиканцев и англо-американцев, неизбежно возникающих в процессе общения на пограничных

землях, снимается в рассказе Мэри Остин за счёт использования юмора в описаниях традиционных праздников и готовности жителей поселения весело отмечать любые события. В первом предложении рассказа-скетча писательница даёт положительную оценку жителям городка: «На Западе всё ещё есть места, <...> где речь спокойная, манеры благородные, во всех блюдах есть острый перец чили, а 16 сентября значит больше, чем 4 июля» [Остин, 2020, с. 180]. Указанные писательницей даты отсылают читателя к значимым в истории двух стран историческим событиям, в результате которых эти дни стали, соответственно, Днями независимости Мексики и Соединённых Штатов. Остин описывает, с каким трепетом жители города ждут 16 сентября и с каким размахом организуют этот праздник, когда повсюду гремят возгласы «Да здравствует Мексика!», звучит национальный гимн Мексики, а над центральной площадью взвивается огромный мексиканский флаг: «Горожане облачается в свои лучшие наряды, а искусные наездники покажут трюки на взмыленных лошадях и продемонстрируют окровавленные шпоры; и, конечно же, состоятся петушиные бои» [Остин, 2020, с. 184]. Несмотря на «грусть по прошлому», «тоску изгнанников родины» [Остин, 2020, с. 184] и то, что «16 сентября (День независимости Мексики. — Т. В., М. Ф., Е. Ф.) — это святое, праздник сердца» [Остин, 2020, с. 184], жители городка широко и весело празднуют и сугубо американские праздники: День независимости, Президентский день, День благодарения, — салютуют звёздно-полосатому флагу и поют «“Америку”, Марсельезу — для французских пастухов, живущих здесь, гимн Кубы, а также гимн Чили для двух местных семей, <...> и весь Лас-Уvas ест тамалес и танцует до восхода солнца над Сосновой горой» [Остин, 2020, с. 184].

Коренное население Юго-Запада — индейцы, и их судьбы становятся в литературном творчестве Мэри Остин предметом философских размышлений и объектом искреннего сочувствия. Подобно тому, как Торо «испытывал глубокое уважение и симпатию ко всем людям, близким к природе: индейцам, охотникам, лесорубам» [Осипова, 1999а, с. 254], многие черты индейской культуры вызывают у Остин большой интерес, в частности, тесная внутренняя связь индейцев с землёй, местом их обитания и природой в целом. Таким образом, раскрытие темы этнокультурного взаимодействия на пограничных территориях связано у Остин со стремлением показать возможность достижения идеала гуманных общественных отношений в духе трансцендентализма.

Обращаясь к раскрытию сущности личностной гармонии представителей региона, Мэри Остин акцентирует внимание на «истинной набожности» жителей городка и прибегает к открытому противопоставлению их моральных качеств и нравственного облика людей из других, индустири-

ально развитых регионов страны, рождённых «среди асфальта»: «Я убеждена, что только возвышенная душа может постичь добродетель истинной веры. <...> Мы плодим среди асфальта людей, чьи убеждения, главным образом, направлены на осуждение образа жизни себе подобных <...>. Они идут в церковь, чтобы получить наставление, но в Лас-Улас люди идут туда для подлинного поклонения Господу» [Остин, 2020, с. 185]. Так в рассказе Остин реализуется одна из основных идей трансцендентализма, которая заключается в том, что «в приближении к естественному ландшафту» видятся «способы достижения нравственного очищения» [ФЭС, с. 693].

Свообразной квинтэссенцией авторского замысла звучат заключительные строки рассказа: «Приезжайте-ка вы, пыжащиеся понапрасну, ничего не получающие в жизни задаром, а только потом и кровью, отправляйтесь скорее по бурым долинам и волнистым холмам в размеренную жизнь, доброту, простоту и лёгкость Эль-Пуэбло-де-Лас-Улас!» [Остин, 2020, с. 185], которые напрямую связаны с принципами позитивной этической программы трансценденталистов: совершенствованием посредством любви, оправдения, близости к природе и физического труда. Следуя этим принципам, человечество «должно обрести утерянную гармонию и достичь всеобщего счастья» [Осипова, 1999б, с. 192].

Позднее в книге «Земля, где заканчиваются путешествия» (1924) Остин делает своего рода пророчество, предвосхищая путь развития пограничных территорий, который будет связан с возрождением и переосмыслением культурных традиций народов, населяющих эту землю и черпающих из неё силу [Austin, 1983, с. 340]. Немецкий исследователь Г. Бас справедливо отмечает, что её предсказания сбываются, в частности, в развитии литературы чикано [Bus, 2016, с. 54], крупнейшим представителем которой является Рудольфо Анайя. Немаловажное значение для понимания литературно-эстетической общности Остин и Анайя имеет выявление типологических черт произведений, позволяющих говорить об определённом влиянии трансценденталистских концепций на их мировоззрение.

3.2. Актуализация трансценденталистских представлений в творчестве Рудольфо Анайя последней трети XX века

Рудольфо Анайя (1937—2020) — известный мексикано-американский писатель, популярный романист, эссеист, детский писатель [Воронченко, 2019, с. 170]. Мировоззрение Рудольфо Анайи развивается, по его собственному признанию, под влиянием особого «чувства места», величественного, внушающего благование пейзажа Юго-Запада. Родившись в Нью-Мексико и получив здесь университетское образование, он посвящает лучшие годы своей жизни постижению духовной основы существования мексикано-американского сообщества.

Творчество знаменитого писателя пронизано сквозными трансценденталистскими идеями, связанными с построением гармоничного общества, достижением духовного самораскрытия, сопряжённого со следованием высшим христианским ценностям — любви и милосердию — и с наделением природы неисчерпаемой силой. Свообразным манифестом идей трансцендентализма в творчестве Рудольфо Анайи можно назвать его эссе «Писательский пейзаж: Эпифания в пейзаже» (*The Writer's Landscape: Epiphany in Landscape*, 1977). В русском переводе Т. Воронченко оно опубликовано в журнале «Переводчик» (№ 1, 2001) [Анайя, 2001]. В эссе наиболее ярко проявляется философская идея безграничной духовной силы, таящейся в природе. Рудольфо Анайя, как и многие писатели чикано, обладает очень сильным чувством места и обращается к теме одухотворённого, экстатического пейзажа. Он представляет пейзаж живым, говорящим и обладающим особым, божественным влиянием на людей. Подобно тому, как «Эмерсон наделял природу нравственным смыслом <...>, “растворял” Бога в природе» [Осипова, 1999б, с. 189], Анайя проводит мысль о том, что постижение Божественной сущности на лоне природы является обязательным условием морального совершенствования. Действие «магической силы» природы Юго-Запада описывается в соответствии с его теорией «энергии места»: «Сила земли отражена в пейзаже. И каждый из нас устанавливает отношения с энергией места согласно своему собственному особому взгляду на мир. <...> Пейзаж Юго-Запада всегда представлял для меня как писателя большую ценность. Здесь время или ощущение его отсутствия пропитывают черты земли, и это рождает то самое чувство безвременья, при котором взору открывается Божественное ... Это есть подлинная целебная сила, которую сообщает нам святость места» [Анайя, 2001, с. 52]. В эссе Рудольфо Анайи также прослеживаются идеи, вписывающиеся в теорию искусства, представленную в философии трансцендентализма. Эмерсон и Торо «верили в интуитивный характер искусства, его тесную связь с природой, в то, что искусство призвано открыть людям связь Истины, Красоты и Добра» [Осипова, 1999б, с. 197].

Значительная часть исследователей правомерно отмечают связь мировоззренческих позиций прозаика с основными положениями трансцендентализма, которая хорошо прослеживается в широко известном, программном романе Анайи «Благослови, Ультима!» (1972) [Karai, 2008, с. 276; Serrato, 2012], ставшем современной классикой. В основе сюжета книги — история взросления мальчика Антонио, проживающего в городке Гуадалупе штата Нью-Мексико. Как отмечает профессор А. В. Ващенко, «герой-ребёнок для Анайи — ключевая фигура, многомерная и ёмкая: атом, постигающий бесконечность мира, попытка выстроить закономерность в мире хаоса, звено связи

<...> прошлого и будущего» [Ващенко, 1989, с. 186], что прямо соотносится с трансценденталистской идеей самосовершенствования личности. С наибольшей силой в ключевых образах и мотивах романа проявляются следующие установки трансцендентализма: взгляд на человека как «полноправного представителя гармоничного и динамичного космического начала» [ФЭС, с. 693], а также возможность достижения нравственного очищения в соприкосновении с природой. В романе «Благослови, Ультима!» автор живописует процесс постижения главным героем с помощью народной целительницы (курандеры) Ультими силы природы Юго-Запада и тесной связи человека с землёй: «Прежде я боялся непонятного таинства реки и души, в ней заключённой, но благодаря Ультиме обнаружил, что мой дух вместил в себя дух всего сущего» [Анайя, 2000, с. 22]. Писатель приводит героя к осознанию того, что всё, что существует в мире, — это часть всепроникающего, вездесущего Божественного начала.

В основу содержания романа Рудольфо Анайи «Тортуга» (1979) положена концепция духовного самосовершенствования, отсылающая к трансценденталистскому принципу интуитивного постижения макрокосмса через микрокосм. Описывая процесс преодоления главным героем — подростком по прозвищу Тортуга (*Tortuga* — с исп. «черепаха») — телесной боли и немощи, писатель проводит мысль о том, что мир (макрокосм) организован так же, как и живое существо, а человек (микрокосм), в свою очередь, содержит в себе, в своей душе весь мир, который возможно познать, познав самого себя. Рудольфо Анайя прибегает к комплексу художественных приёмов, с помощью которых достигается эмоциональная выразительность воплощения трансценденталистских идей. Самым ярким среди них является символика природных образов: пустыни, солнца, горы, — представленных с помощью красочных метафор, сравнений и эпитетов. Неслучайно автор вкладывает в уста сопровождающего мальчика сотрудника госпиталя — Филомона — слова: «Подожди до весны». С наступлением весны писатель в трансцендентальном духе связывает не только возрождение природы, но и обновление, возрождение духа человека. Глубокое убеждение Анайи о ценности жизни как таковой пронизывает весь текст, наиболее ярко проявляясь в описаниях пейзажа, в которых можно видеть аналогии движениям души человека: «Вокруг расстилалась белая солончаковая пустыня. Она была покрыта колючим кустарником и иссохшими травами, которые, казалось, цеплялись за грубою почву и напоминали пучки седых спутанных волос. Наверху солнце изо всех сил пыталось пробиться сквозь тучи» [Анайя, 2024, с. 125]. Ключевым образом-символом романа становится «магическая» гора Тортуга, способная наполнять человека духовной силой.

В более позднем романе-притче «Халаманта: послание из пустыни» (1997) писатель раскрывает идею, что человек — это часть Вселенной, Универсального духа. В таком ракурсе представления Рудольфо Анайи становятся близки воззрениям ряда трансценденталистов, ощущающих большую притягательную силу древневосточной философии, а именно: концепций пантеизма, всеединства, безличного абсолютного духа. В центральном образе романа — образе проповедника Халаманты — находит выражение авторское видение возможности объединения путей достижения личностной и социальной гармонии: медитации, созерцание, погружение человека в глубины души помогают приблизиться к пониманию истинного смысла жизни — пути к Любви и Свету. Таким образом, мотивы духовного самораскрытия, одухотворённого пейзажа, любви, социальной гармонии являются ключевыми в творческом наследии выдающегося писателя XX века.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет сделать вывод об общности мировоззренческих позиций двух известных писателей мексикано-американского пограничья XX века Мэри Остин и Рудольфо Анайи, углубить понимание заложенных в художественном тексте смыслов. Актуализация философских концепций трансценденталистов просматривается при обращении к идейно-тематическому слою произведений, в которых авторы раскрывают вопросы взаимодействия человека и природы, социальной и личностной гармонии. К типологическим чертам рассказов-скетчей Остин, романов и эссе Анайи, демонстрирующим близость концепциям трансценденталистов XIX века, следует отнести: видение природы как «символа духа», устойчивый оптимизм в следовании представлениям Эмерсона о существовании всеобщей гармонии, стремление воплотить в жизнь идеал гуманных общественных отношений.

В то же время при выделении ключевых образов и мотивов текстов Мэри Остин и Рудольфо Анайи высвечиваются индивидуально-авторские доминанты презентации трансценденталистских идей. В прозе Остин делается акцент на идиллическом характере взаимоотношений человека и природы, поисках гармоничного сосуществования членов социума, которое видится в стремлении к прощению, «добровольной бедности», добрососедским отношениям представителей различных национальностей, проживающих в мексикано-американском пограничье. Ключевые мотивы малой прозы Мэри Остин: размеренность, простота жизненного уклада, нравственное самосовершенствование посредством близости к природе и физического труда — напрямую связаны с принципами позитивной этической программы трансценденталистов.

В системе взглядов Рудольфо Анайи, которая нашла отражение в его произведениях, очевидно более масштабное принятие и воплощение в художественном творчестве комплекса трансценденталистских идей. Писатель осмысливает общефилософские основы духовной жизни человечества и экстраполирует свои размышления на историко-культурное развитие пограничного региона. Немаловажное значение имеет тот факт, что вершина творчества писателя приходится на последнюю треть XX века — период, отмеченный закономерным интересом многих мыслителей и литераторов к поискам пути гармоничного развития человечества. По сравнению с Мэри Остин, которая в духе исторической реальности начала XX века (индустриальный бум, стремительный рост экономики, разрастание городов на восточном побережье) на первый план выдвигает такие трансцендентальные идеи, как возвращение к природе, о прощении, братство и дружбу, писатель конца XX — начала XXI веков Рудольфо Анайя воплощает широкий спектр концепций философов XIX века: от божественной сущности природы до универсалий Истины, Красоты и Добра, способных вести цивилизацию к лучшему будущему. Анайя концентрирует внимание на духовно-нравственном совершенствовании личности в контексте глобализации. Сквозной идеей произведений писателя становится мысль о том, что совершенствование личности есть условие совершенствования общества. Трансцендентальный образ мира, способствующий нравственному очищению, осознанию глубокой связи человечества, приближению к космическому началу и природе как источнику неисчерпаемой духовной силы, является, по Рудольфо Анайе, основой построения благоприятных общественных отношений в будущем.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Анайя Р.* Благослови, Ультима : роман / пер. с англ. О. Кириченко. — Москва : Гудъял-Пресс, 2000. — 315 с. — ISBN 5-8026-0056-X.
2. *Анайя Р. А.* Писательский пейзаж: Эпифания в пейзаже (пер. С англ. Т. В. Воронченко) / Р. А. Анайя. — Переводчик. — Чита : ЗабГПУ, 2001. — Выпуск 1. — С. 46—52. — ISBN 978-5-9293-1423-0.
3. *Анайя Р. А.* Роман «Тортуга». Глава 1 (пер. С англ. Т. В. Воронченко) / Р. А. Анайя. — Переводчик. — Чита : ЗабГУ, 2024. — Выпуск 24. — С. 124—142.
4. *Остин М. Х.* Маленький городок Виноградных Лоз (пер. с англ. Т. Воронченко, Е. Фёдоровой) / М. Х. Остин. — Переводчик. — Чита : ЗабГУ, 2020. — Выпуск 20. — С. 180—185.

5. ФЭС — *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильинев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

6. Austin M. H. *The land of journeys' ending* / M. H. Austin. — Tucson, Ariz. : University of Arizona Press, 1983. — 459 p.

Литература

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1986. — 545 с.

2. Благодерова Е. И. Мотив «дикая местность» (wilderness) в произведениях Г. Торо / Е. И. Благодерова // Труды БГТУ. Серия 4 : Принт- и медиатехнологии. — 2022. — № 1 (255). — С. 96—101. — DOI: 10.52065/2520-6729-2022-255-1-96-101.

3. Ващенко А. В. Реализм и магия Рудольфо Анайя / А. В. Ващенко // Литературная учёба. — 1989. — № 4. — С. 185—188.

4. Воронченко Т. В. Мексикано-американский дискурс в литературе США / Т. В. Воронченко. — Чита : Забайкальский государственный университет, 2019. — 256 с. — ISBN 978-5-9293-2400-0.

5. Воронченко Т. В. Пограничные локусы в историко-культурном контексте : геополитика границы (на литературно-фольклорном материале российско-китайского и мексикано-американского пограничья) / Т. В. Воронченко // Гуманитарный вектор. — 2022. — Т. 17. — № 3. — С. 47—58. — DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-47-58.

6. Зверев А. М. Литература трансцендентализма / А. М. Зверев // История литературы США. — Москва : Наследие, 1999. — Т. 2. — С. 180—181. — ISBN 5-9208-0008-9.

7. Иванова И. А. Социальные и литературные взгляды Мери Хантер Остин / И. А. Иванова // Феномен творческой личности в культуре : Фатющенковские чтения : материалы VII Международной научной конференции, Москва, 28—29 октября 2016 года. — Москва : Международные отношения, 2017. — Выпуск 7. — С. 295—300.

8. Лунина И. Е. Мэри Хантер Остин: штрихи к творческому портрету / И. Е. Лунина // Вестник Московского государственного областного университета. — 2014. — № 4. — С. 1—8.

9. Лучинский Ю. В. Идеи новоанглийского трансцендентализма в американской поэзии XIX века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.05 / Юрий Викторович Лучинский. — Тбилиси, 1990. — 19 с.

10. Осипова Э. Ф. Американский акцент. Статьи о творчестве писателей США XIX—XX веков / Э. Ф. Осипова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2023. — 216 с. — ISBN 978-5-4469-2168-3.

11. Осипова Э. Ф. Генри Дэвид Торо / Э. Ф. Осипова // История литературы США. — Москва : Наследие, 1999. — Т. 2. — С. 247—304.

12. Осипова Э. Ф. Трансценденталисты / Э. Ф. Осипова // История литературы США. — Москва : Наследие, 1999. — Т. 2. — С. 182—210.

13. Потапова К. Р. Историко-культурные реалии индейского бытия в прозе М. Х. Остин и Ш. Алекси : особенности перевода на русский язык / К. Р. Потапова, Е. А. Гладких // Филологическое образование и современный мир : материалы XVII Международной научно-практической конференции : в 2-х частях; Чита, 09 апреля 2021 года. — Чита : Забайкальский государственный университет, 2021. — Ч. 1. — С. 63—65.

14. Самохвалов Н. И. Американская литература XIX в. (Очерк развития критического реализма) / Н. И. Самохвалов. — Москва : Высшая школа, 1964. — 563 с.

15. Трофимова З. П. Религиозно-философские и политические взгляды американского трансцендентализма XIX века / З. П. Трофимова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2012. — № 2. — С. 73—84.
16. Фомина М. Н. Диалог культур в контексте философской компаративистики / М. Н. Фомина, Т. В. Воронченко, О. А. Борисенко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12—3 (86). — С. 202—204.
17. Хаецкая О. Л. Художественное осмысление природы в творчестве Эмили Дикинсон / О. Л. Хаецкая // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1 : Филология. — 2024. — № 1 (128). — С. 104—111.
18. Храпченко М. Б. Мировоззрение и творчество / М. Б. Храпченко // Вопросы литературы. — 1957. — № 9. — С. 71—101.
19. Bus H. Disenchanted the “Land of Enchantment”? Sense of Place in Mary Austin and Rudolfo Anaya / H. Bus // The forked juniper : critical perspectives on Rudolfo Anaya. — Norman, Oklahoma : University of Oklahoma Press, 2016. — Pp. 44—72. — ISBN 9780806154862.
20. Gonzalez-T. C. A. A Sense of Place : Rudolfo A. Anaya : An Annotated Bio-Bibliography / C. A. Gonzalez-T., P. S. Morgan. — Berkeley : University of California, 2000. — 279 p. — ISBN 0918520231.
21. Goodman S. Mary Austin and the American West / S. Goodman, C. Dawson. — Berkeley : University of California Press, 2009. — 344 p. — ISBN 0520942264.
22. Kárai A. The Postmodern Use of Mythopoeia in the Narrative Temporality of Rudolfo Anaya’s *Bless Me, Ultima* / A. Karai // Hungarian Journal of English and American Studies. — 2008. — Vol. 14. — № 2. — Pp. 265—285.
23. Lomelí F. A. A tribute recordando a Rudolfo A. Anaya : from Aztlán to Mictlán / F. A. Lomeli // Camino real : estudios de las hispanidades norteamericanas. — 2022. — Número especial. — Pp. 65—70.
24. Robinson C. Mexico and the Hispanic Southwest in American Literature / C. Robinson. — Tucson : University of Arizona Press, 1977. — 391 p. — ISBN 978-0816505937.
25. Serrato P. Ready or Not : Antonio Márquez y Luna Is Thrown into the World of Rudolfo Anaya’s *Bless Me, Ultima* / P. Serrato. — New York : Salem Pr Inc, 2012. — Pp. 228—248.
26. The encyclopedia of twentieth-century fiction / B. W. Shaffer et al. — Oxford : Blackwell Publishing, 2011. — 1584 p.

Статья поступила в редакцию 01.06.2024,
одобрена после рецензирования 30.08.2024,
подготовлена к публикации 05.09.2024.

Material resources

- Anaya, R. A. (2024). Novel “Tortuga”, 1 (24). Chita: ZabGU. 124—142. (In Russ.).
- Anaya, R. A. (2001). *The Writer’s landscape: Epiphany in the landscape*, 1. Chita: ZabGPU. 46—52. ISBN 978-5-9293-1423-0. (In Russ.).
- Anaya, R. (2000). *Bless, Ultima: a novel*. Moscow: Gudyal Press. 315 p. ISBN 5-8026-0056-X. (In Russ.).
- Austin, M. H. (2020). *A small town of Vines*, 20. Chita: ZabGU. 180—185. (In Russ.).
- Austin, M. H. (1983). *The land of journeys’ ending*. Tucson, Ariz.: University of Arizona Press. 459 p.

FES — Ilyichev, L. F., Fedoseev, P. N., Kovalev, S. M., Panov, V. G. (eds.). (1983). *Philosophical encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 840 p. (In Russ.).

References

- Bakhtin, M. M. (1986). *Literary and critical articles*. Moscow: Fiction. 545 p. (In Russ.).
- Blagoderova, E. I. (2022). The motif “wilderness” in the works of G. Thoreau. *The works of BSTU. Series 4: Print and Media technologies*, 1 (255): 96—101. DOI: 10.52065/2520-6729-2022-255-1-96-101. (In Russ.).
- Bus, H. (2016). Disenchanted the “Land of Enchantment”? Sense of Place in Mary Austin and Rudolfo Anaya. In: *The forked juniper: critical perspectives on Rudolfo Anaya*. Norman, Oklahoma: University of Oklahoma Press. 44—72. ISBN 9780806154862.
- Fomina, M. N., Voronchenko, T. V., Borisenko, O. A. (2017). Dialogue of cultures in the context of philosophical comparative studies. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 12—3 (86): 202-204. (In Russ.).
- Gonzalez-T. C. A., Morgan, P. S. (2000). *A Sense of Place: Rudolfo A. Anaya: An Annotated Bio-Bibliography*. Berkeley: University of California. 279 p. ISBN 0918520231.
- Goodman, S., Dawson, C. (2009). *Mary Austin and the American West*. Berkeley: University of California Press. 344 p. ISBN 0520942264.
- Ivanova, I. A. (2017). Social and literary views of Mary Hunter Austin. In: *The phenomenon of creative personality in culture: Fatushenkov readings: proceedings of the VII International Scientific Conference, Moscow, October 28—29, 2016*, 7. Moscow: International Relations. 295—300. (In Russ.).
- Kárai, A. (2008). The Postmodern Use of Mythopoeia in the Narrative Temporality of Rudolfo Anaya’s Bless Me, Ultima. *Hungarian Journal of English and American Studies*, 14 (2): 265—285.
- Khayetskaya, O. L. (2024). Artistic understanding of nature in the work of Emily Dickinson. *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*, 1 (128): 104—111. (In Russ.).
- Khrapchenko, M. B. (1957). Worldview and creativity. *Questions of literature*, 9: 71—101. (In Russ.).
- Lomelí, F. A. (2022). A tribute recordando a Rudolfo A. Anaya: from Aztlán to Mictlán. *Camino real: estudios de las hispanidades norteamericanas. Número especial*. 65—70. (In Span.).
- Luchinsky, Yu. V. (1990). *Ideas of New English transcendentalism in American poetry of the XIX century*. Author’s abstract of PhD Diss. Tbilisi. 19 p. (In Russ.).
- Lunina, I. E. (2014). Mary Hunter Austin: touches to a creative portrait. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 4: 1—8. (In Russ.).
- Osipova, E. F. (2023). *American accent. Articles about the work of writers of the USA of the XIX—XX centuries*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 216 p. ISBN 978-5-4469-2168-3. (In Russ.).
- Osipova, E. F. (1999). Henry David Thoreau. In: *The history of literature in the USA*, 2. Moscow: Heritage. 247—304. (In Russ.).
- Osipova, E. F. (1999). Transcendentalists. In: *The history of literature in the USA*, 2. Moscow: Heritage. 182—210. (In Russ.).
- Potapova, K. R., Gladkikh, E. A. (2021). Historical and cultural realities of Indian existence in prose by M. H. Austin and S. Alexi: features of translation into Russian. In: *Philoso-*

- logical education and the modern world: materials of the XVII International Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Chita, April 09, 2021, 1. Chita: Zabaikalsky State University. 63—65. (In Russ.).*
- Robinson, C. (1977). *Mexico and the Hispanic Southwest in American Literature*. Tucson: University of Arizona Press. 391 p. ISBN 978-0816505937.
- Samokhvalov, N. I. (1964). *American literature of the XIX century (An essay on the development of critical realism)*. Moscow: Higher School. 563 p. (In Russ.).
- Serrato, P. (2012). *Ready or Not: Antonio Márquez y Luna Is Thrown into the World of Rudolfo Anaya's Bless Me, Ultima*. New York: Salem Pr Inc. 228—248.
- The encyclopedia of twentieth-century fiction*. (2011). Oxford: Blackwell Publishing. 1584 p.
- Trofimova, Z. P. (2012). Religious, philosophical and political views of American transcendentalism of the XIX century. *Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy*, 2: 73—84. (In Russ.). (In Russ.).
- Vashchenko, A. V. (1989). Realism and magic by Rudolfo Anaya. *Literary studies*, 4: 185—188. (In Russ.).
- Voronchenko, T. V. (2022). Border loci in a historical and cultural context: geopolitics of the border (based on literary and folklore material of the Russian-Chinese and Mexican-American borderlands). *Humanitarian Vector*, 17 (3): 47—58. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-3-47-58. (In Russ.).
- Voronchenko, T. V. (2019). *Mexican-American discourse in the literature of the USA*. Chita: Zabaikalsky State University. 256 p. ISBN 978-5-9293-2400-0. (In Russ.).
- Zverev, A. M. (1999). Literature of transcendentalism. In: *History of literature of the USA*, 2. Moscow: Heritage. 180—181. ISBN 5-9208-0008-9. (In Russ.).

*The article was submitted 01.06.2024;
approved after reviewing 30.08.2024;
accepted for publication 05.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ильченко Н. М. «Растительный орнамент действительности» : цветы в картине мира Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого / Н. М. Ильченко, Е. Г. Чернышева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 256–275. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-256-275.

Ilchenko, N. M., Chernysheva, E. G. (2024). "Floral Ornament of Reality": Flowers in Worldview of E. T. A. Hoffmann and N. A. Polevoy. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 256-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-256-275. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**«Растительный орнамент
действительности»:
цветы в картине мира
Э. Т. А. Гофмана и
Н. А. Полевого**

Ильченко Наталья Михайловна¹
orcid.org/0000-0003-2541-5061
доктор филологических наук,
профессор
кафедры русской
и зарубежной филологии
корреспондирующий автор
ilchenko2005@mail.ru

Чернышева Елена Геннадьевна²
orcid.org/0009-0000-9612-331X
доктор филологических наук,
профессор
кафедры русской
классической литературы
el.chernysheva@yandex.ru

¹ Нижегородский государственный
педагогический
университет имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

² Московский педагогический
государственный университет
(Москва, Россия)

**“Floral Ornament
of Reality”:
Flowers in Worldview
of E. T. A. Hoffmann
and N. A. Polevoy**

Natalia M. Ilchenko¹
orcid.org/0000-0003-2541-5061
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
and Foreign Philology
corresponding author
ilchenko2005@mail.ru

Elena G. Chernysheva²
orcid.org/0009-0000-9612-331X
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
Classical Literature
el.chernysheva@yandex.ru

¹ Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

² Moscow Pedagogical
State University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена научной значимостью проблемы русско-немецких литературных связей как важного фактора межкультурного взаимодействия. В статье анализируются произведения, в которых авторы выражают мистическое чувство природы, основанное на натурфилософских идеях Ф. Шеллинга. Предметом изучения выступает национальная самобытность романтизма, проявившаяся в особенностях восприятия природы, в частности, флористической образности. Показано, что писатели-романтики Германии и России в ценностно-эмоциональном плане романтического универсума воспринимали любовь как мистическое чувство, позволяющее проникнуть в таинственные силы природы. Флористический план произведений вносил дополнительный иносказательный смысл в художественный мир Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого. «Цветочный фон» героев анализируемых произведений (тюльпан Гамахея, чертополох Пепуш, невеста Тиса — Розочка; Эмма — василек; Италия — «бедная незабудка» и др.) предопределяет символический язык природы. Внимание уделяется и мотивам, традиционным для немецкой литературы: томление, средство душ, воспоминание о «другом мире», соединение любящих в смерти, — которые нашли отражение в анализируемых произведениях русской литературы. Новизна исследования связана с тем, что диалог Н. А. Полевого с немецкой литературной традицией в лице Э. Т. А. Гофмана рассматривается как результат его мировоззренческих и поэтических поисков.

Ключевые слова:

романтический универсум; образ; символ; цветы; мотив; природа; реминисценция; мифопоэтика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of this study is grounded in the scholarly significance of the issue of Russian-German literary connections as a crucial factor in intercultural interaction. This article analyzes works in which the authors articulate a mystical sense of nature, based on the natural philosophical ideas of F. Schelling. The focus of the investigation is the national distinctiveness of Romanticism, manifested in the peculiarities of nature perception, particularly floral imagery. It is demonstrated that the Romantic writers of Germany and Russia perceived love, within the value-emotional framework of the Romantic universe, as a mystical feeling that enables one to penetrate the mysterious forces of nature. The floral motifs within the works contribute an additional allegorical meaning to the artistic worlds of E. T. A. Hoffmann and N. A. Polevoy. The “floral background” of the characters in the analyzed texts (the tulip Gamachea, the thistle Pepush, the bride Tis — Little Rose; Emma — cornflower; Italy — “poor forget-me-not,” among others) establishes a symbolic language of nature. Attention is also given to motifs traditional to German literature: yearning, soul affinity, reminiscence of a “different world,” and the union of lovers in death, which are reflected in the examined works of Russian literature. The novelty of this research lies in its consideration of N. A. Polevoy’s dialogue with the German literary tradition represented by E. T. A. Hoffmann as a result of his philosophical and poetic explorations.

Key words:

Romantic universe; image; symbol; flowers; motif; nature; reminiscence; mythopoetics.

УДК 821.112.2+821.161.1+82.091

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-256-275

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.3. Теория литературы

«Растительный орнамент действительности»: цветы в картине мира Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого

© Ильченко Н. М., Чернышева Е. Г., 2024

1. Введение = Introduction

Флористический образ является значимой доминантой художественного мира многих писателей. В последние десятилетия появились исследования, связанные с «языком цветов» в этикетно-бытовой культуре, с особенностями природно-этикетных атрибутов жизни первой трети XIX века [Басманова, 2011; Марченко, 2005; Соколов, 2002]. Опора на труды ученых, соотносящих свою самодостаточную методологию с мифологическим направлением [Веселовский, 1989; Потебня, 2000; Пропп, 1998], позволяет успешно создавать «литературную флористику». В данном контексте следует назвать исследования С. Г. Горбовской [Горбовская, 2017]; К. И. Шарафадиной [Шарафадина, 2003; Шарафадина, 2018]; Г. Э. Ионикс и В. Б. Микушевича [Ионикс, 2011; Микушевич, 1998].

«Язык цветов», особенно у Новалиса и Э. Т. А. Гофмана [Ильченко, 2012], наделен тайным смыслом. Г. Гачев, рассматривая особенности германского образа мира, выделяет растение как «гарантию истины»: «...язык, воздымающийся из глубины, из толщи, там укрепленный и укорененный, и оттого имеет гарантию основательности» [Гачев, 2019, с. 796].

«Концепция» «языка цветов», сложившаяся в литературе Германии эпохи романтизма, была воспринята и творчески переработана русскими романтиками — В. Ф. Одоевским, К. С. Аксаковым, Н. А. Полевым.

Николая Алексеевича Полевого (1796—1846) называют «подлинным продолжателем Э. Т. А. Гофмана» [Левит, 1930, с. 337], писателем, которому были близки «эстетические принципы немецкого писателя» [Ботникова, 2004, с. 211]; указывается на использование им тех или иных сюжетных ходов и мотивов [Федоров, 2002, с. 158—171; Вайскопф, 2012, с. 456]. В. И. Сахаров отмечает, что романтические повести Полевого переполнены «спорами о “животном магнетизме”, мистике, Шеллинге и т. п.» [Сахаров, 2002, с. 48]. Один из циклов своих произведений русский романтик на-

звал «Мечты и жизнь». Для Э. Т. А. Гофмана (1776—1822) — позднего немецкого романтика — тоже оставалась значимой «жизнь в мечте», как и для представителей раннего, иенского, романтизма. А. Б. Ботникова, полагая, что рассмотрение литературных связей Э. Т. А. Гофмана с русскими писателями имеет давнюю традицию, все же указывает на их односторонность и узость: «Не учитывались пути и формы гофмановской традиции... Чужеземная традиция не только вбирается иноязычной литературой, но и претерпевает в ней дальнейшее развитие» [Ботникова, 1977, с. 5].

Материалом для изучения стали новелла, написанная Э. Т. А. Гофманом незадолго до смерти — «Повелитель блох. Сказка в семи приключениях двух друзей» [Гофман, 1962] («Meister Floh. Ein Märchen in sieben Abenteuern zweier Freunde», 1822) [Hoffmann, 1972], и две повести Н. А. Полевого из цикла «Мечты и жизнь»: «Блаженство безумия» (1833) [Полевой, 1986а] и «Эмма» (1834) [Полевой, 1986б].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Восприятие природы Э. Т. А. Гофманом соответствовало позиции иенских романтиков — Ф. Шлегеля, Ф. Шеллинга, Новалиса, Л. Тика, а также К. Риттера и Х. Стеффенса.

Своеобразный художественный мир Э. Т. А. Гофмана связан прежде всего с натурфилософией Ф. Шеллинга, позволившей проникнуть во внутреннюю сущность природы. «Произведениям искусства должна быть свойственна такая же, если не большая реальность, чем творениям природы, образам, которые имеют такое же необходимое и вечное бытие, как людские поколения и растения, обладая одновременной индивидуальной и родовой жизнью и таким же бессмертием» [Шеллинг, 1999, с. 113]. Мысль Ф. Шеллинга о реальном, индивидуальном, конечном как воплощении вечного и бесконечного связана с поисками Ф. Шлегелем наглядных образов природы в мифологии и искусстве: «Что представляет собой всякая прекрасная мифология, как не иероглифическое выражение окружающей природы в этом преображении фантазии любовью?» [Шлегель, 1983, с. 190]. О проявлении всеобще-природного одухотворенно-тайинственного в отдельных флористических образах, растительном коде природы много размышляет Новалис во «Фрагментах» и в романе «Генрих фон Офтердинген». Так, о растениях говорится как о «самом непосредственном языке почвы»: «Каждый новый листик, каждый причудливый цветок является некую тайну, пробившуюся наружу» [Новалис, 1922, с. 154].

Герои Э. Т. А. Гофмана тоже разговаривают с природой, которую представляют великим одухотворенным существом. Так, Бальтазар в повести «Крошка Цахес» говорит о «сладком покое», когда он ложится на цвету-

щий луг и смотрит на небо: «О, Фабиан, в такие минуты в моей душе пробуждается какая-то таинственная сила, какой-то волшебный дух, и я слышу, как он переговаривается с деревьями, с кустами, с лесным ручейком, и меня охватывает такое блаженство, такое чувство сладкой и вместе с тем мучительной боли, что этого не выразить никакими словами!» [Гофман, 1930, с. 134].

В новелле «Повелитель блох» мастер говорит о своем «народе» как опередившем людей «в прозрении тайн природы» [Гофман, 1962, с. 385]. Значима сюжетная деталь: не что иное, как укус блохи, спасает Дертье Эльвердинк от гибели. Повествователь в духе Ф. Шеллинга комментирует финал «удивительных приключений» и указывает на «неизбежный дуализм природы» [Там же, с. 469].

Изучение «тайн природы и человека» заставляет героя повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия» «забывать время, когда занимался ими. Исследование магнетизма, феософия, психология были любимыми его занятиями» [Полевой, 1986а, с. 102]. В образе Антиоха писатель запечатлел воодушевление романтической молодежи первой трети XIX века, принявший натурфилософию Ф. Шеллинга и открытия, объединившие представления о связи физического и духовного мира. Объяснение магнетизма Ф. Шеллингом воспринималось и в России как откровение. Герой Н. А. Полевого получил образование в Геттингенском университете, и «самым любимым его чтением» были «Эккардсгаузен, Шведенборг, Шубарт, Бем» [Там же, с. 102]. Ряд этих авторов в списке чтения героя — значимое маркирование философов-мистиков, занимавшихся познанием тайн природы, в той или иной степени — предшественников Ф. Шеллинга.

В том же философско-романтическом поле размышлений о «непостижимом таинстве природы» находятся высказывания героев повести Н. А. Полевого «Эмма». Так, в области глубинных природных загадок видится княгине излечение с помощью «животного магнетизма» ее сына (молодого князя С****) девушки Эммой, наделенной природно-мистическими способностями [Полевой, 1986б, с. 340].

Среди приемов воплощения нравственно-философской проблематики, в культурно-эстетическом генезисе восходящей к натурфилософии Ф. Шеллинга и другим немецким философам, в повести Н. А. Полевого значимыми видятся не только дискурсивные, уводящие в область ноумenalного, высказывания, но предметно-феноменальные природные образы.

В данной статье представлен анализ особенностей создания флористических образов в произведениях Гофмана и Полевого, обеспечивающих, кроме прочего, специфику понимания ими двойственности бытия и глубинных связей человека и природы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «В тайне любви — разгадка тайны природы»: любовь как мистическое чувство в новелле Э. Т. А. Гофмана «Повелитель блох» и повестях Н. А. Полевого «Блаженство безумия» и «Эмма»

В новелле «Повелитель блох» Э. Т. А. Гофман представляет два мира и героев, которые тоже ведут двойное существование. Невидимый мир открывается здесь тридцатишестилетнему жителю Франкфурта-на-Майне Перегринусу Тису — чудаковатому, наивному, инфантильному, названному отцом «мечтателем-дураком» [Гофман, 1962, с. 350]. Э. Т. А. Гофман прибегает к традиционной для его произведений нарративной модели: как Ансельм из «Золотого горшка» или «странствующий энтузиаст» из «Кавалера Глюка», он оказывается вовлеченным в необычную историю вместе с давно умершими Антоном фон Левенгуком (умер в 1725 году), Яном Сваммердамом (умер в 1680 году), а также таинственными порождениями мира природы — владыкой блох, принцем пиявок, гением Тетелем, сотворенным злым демоном «из жалкой глины и перьев, которые потерял глупый, неповоротливый страус» [Там же, с. 478—479]. Все они влюбляются в прекрасную племянницу оптического мастера Дертье Эльвердинк, она же в сказочном мире принцессы Гамехея. Перегринус Тис некоторое время считает ее своей второй половиной, но после встречи с Розочкой, дочерью переплетчика Лэммерхирта, понимает разницу между влюбленностью и любовью.

Растительный код в «Повелителе блох» Гофмана связан с рождественским мифологическим кодом, который определяет художественное время в новелле «Щелкунчик и Мышиный король». «Роковая рождественская елка» именуется «гнездом, где зародились самые удивительные, самые безумные приключения» [Там же, с. 482]. Повесть Н. А. Полевого «Блаженство безумия» начинается с чтения «Повелителя блох», где переплетаются «страна чудесного», «мир волшебства» и «самый обыкновенный мир» [Полевой, 1986а, с. 89]. Реминисценции из гофмановской новеллы непосредственно задают двоемирие в повести Н. А. Полевого.

В «Повелителе блох» много отсылок к предшествующим текстам, которые не только выступают как литературный прием, создающий впечатление чудесного и сказочного, но и служат концептуализации ценностно-смыслового строя новеллы: размышления писателя о мистической сущности вселенной и любви, позволяющей постичь тайны природы, присутствовали и в творчестве иенских романтиков. Так, в романе Л. Тика «Странствия Франца Штернбальда» художник, отправившийся в Италию, часто вспоминает девочку, которой он в детстве подарил цветы под аккомпанемент лесного рога. Спустя годы Штернбальд встречает ее в Риме: снова слышны звуки лесного рога, а в руках Марии он видит засушен-

ные цветы. «Вся природа слала ему свой привет и желала счастья» [Тик, 1987, с. 222]. Герой Гофмана переживает аналогичные пространственно-ментальные приключения. Перегринус Тис в юности тоже отправлялся в «далние края»: «Одни утверждают, что побывал он в далекой Индии, другие, напротив, держатся того мнения, что посетил он ее только в своем воображении» [Гофман, 1962, с. 351]. Спустя годы, после встречи с Розочкой на верхнем этаже дома Кальбахской улицы, гофмановский герой в своем сне видит себя «на великолепном троне, в богатом индийском царском одеянии, со сверкающей диадемой на голове, с знаменательным лотосом, вместо скипетра, в руке» [Там же, с. 477]. Индийский колорит дает сюжету «континентальный» масштаб, а растительный символ — лотос, замещающий в предметном ряду царской символики скипетр, — служит воплощением власти: и земной, и небесной, духовной. Соединение героя с «небесным херувимом Розочкой» приветствует вся природа: зашумели кедры, «подняли цветы свои головки», «сладостные мелодии заструились», «до-неслись ликующие клики» [Там же, с. 480]. Э. Т. А. Гофман, как и иенские романтики, выражает поэтическое чувство природы, которая «говорит» растениями, звуками, камнями, вещами.

Новелла «Повелитель блох» заканчивается двумя свадьбами, как и «Золотой горшок». Однако земные переживания Перегринуса Тиса и Георга Пепуша отличаются от метаний Ансельма и уверенного в своих действиях Геербранда.

Антиох, герой повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия», говорит об Адельгейде так: «половина моей души» [Полевой, 1986а, с. 115]. Имя девушки для него «соединяет в себе и звуки музыки, и слова поэзии, и цветы живописи, и формы ваяния», оно «ясно, громко, просто» «выговаривается природой» [Там же, с. 114]. Адельгейда, как и Дертье Эльвердинк, завлекает зрителей на «мнемо-физико-магические вечера» своего отца Людовика фон Шреккенфельда. «Немецкость» героини подчеркивается и в портрете: «лицо мадонн Альбрехта Дюрера», сравнение с героями Шиллера и Гете — Теклой и Миньоной [Там же, с. 103—104]. Как герои немецких романтиков, которые через любовь постигали тайну природы, раскрывающуюся только любящим, Антиох после встречи с Адельгейдой восклицает: «Мой взор проникает теперь всю природу» [Там же, с. 113]. Счастливый Антиох благодарит природу за встречу с Адельгейдой, а в ее имени ему слышится «все — мысль, душа, жизнь, весь мир» [Там же, с. 114]. Проникнув взором во всю природу, герой получает универсальное интуитивное знание, противоположное прагматике разума.

Природа как всеохватывающее метафизическое явление соединено с мистическим значением любви и в повести Полевого «Эмма», героиня

которой проживает в Немецкой слободе (что служит отправной точкой в системе реминисценций из Гофмана). Мечты девушки о любви и тайне природы неразрывны: «Мне кажется иногда, что создаю себе кого-то, какое-то привидение, из всего, что очаровывает меня в природе; я даю ему образ человеческий, передаю ему *свою душу* — он мне больше, нежели подруга — он *друг мой* — нет! Еще больше: он так любит меня, что друг так любить не может... и я не знаю, как назвать его» [Полевой, 1986б, с. 290]. Эмма не хочет такого союза, о котором мечтает ее подруга Фанни; она не собирается выходить замуж за гусара, надеясь, что любящий ее девушка не будет настаивать; отказывается от полковника Доброка, за которого ее сватает княгиня. Она представляет своего избранника «воздушным привидением», у которого «глаза светятся небом» [Там же, с. 290]. Сопоставление глаз с природной сферой — небом — выступает здесь и топосом, и более глубоким природным символом, несущим мистическое, надмирное духовное единение. Соединение темы любви с пространством неба — национальная особенность отечественной картины мира, присутствующая в повестях К. С. Аксакова «Облако», Н. А. Полевого «Живописец», романе Н. И. Гречи «Черная женщина» и др. [Ильченко и др., 2023].

Сначала Эмма не видит в молодом князе С*** того «прелестного об раза», о котором мечтала, называет чувство к нему «родственною привязанностью» [Полевой, 1986б, с. 343], но потом убеждается в своей любви, называя ее «безнадежным безумием» [Там же, с. 345]. Только доктор-немец с самого начала сближения Эммы и Поля понимает, что их связывает глубокое чувство, «сродство душ», позволившее вылечить молодого князя от сумасшествия. Он прямо говорит княгине, которая сначала была заинтересована в Эмме, лечившей ее сына, а потом задумалась о социальном неравенстве («он князь, а она мещанка» [Там же, с. 240]): «Просто сын ваш и Эмма любят друг друга; и Эмма, и сын ваш могут погибнуть от этого» [Там же, с. 250]. Финал повести связан с гибелюю героев: сначала умирает Эмма, отчаявшаяся найти ответное чувство; вскоре рядом с ней на сельском кладбище хоронят молодого князя С***, погибшего от случайной пули во время Отечественной войны 1812 года. Сельское кладбище — традиционный локус предромантизма — выступает здесь образом, объединяющим героев как в мистическом, так и в природном пространстве.

3.2. Цветочный мир героев Э. Т. А. Гофмана

Ф. Шеллинг называет мифологию особым «миром», «почвой, на которой только и могут расцветать и произрастать произведения искусства. Только в пределах такого мира возможны устойчивые и определенные образы, через которые только и могут получать выражение вечные понятия» [Шеллинг, 1999, с. 113]. В контексте натурфилософских идей, на которых строили свой

универсум немецкие романтики, мифология непосредственно связана с символическим изображением природы. Начиная с Новалиса и Л. Тика особенно значимой становится символика цветов [Schulz, 2002]. Э. Т. А. Гофман тоже представляет свои флористические предпочтения. Они связаны прежде всего с образами розы и лилии [Ильченко и др., 2023]. В «Повелителе блох» выделяются образы тюльпана и чертополоха. История прекрасной Гамахеи передается несколько раз — в изложении укротителя блох Антона ван Левенгугка, Георга Пепуша и мастера-блохи. В описании гибели дочери короля Секакиса и царицы цветов от поцелуев принца пиявок, затем в описании ее чудесного возвращения к жизни в пространстве реальных немецких городов проявляется мастерство Э. Т. А. Гофмана как создателя новой версии романтической картины мира и своеобразной «флористической» мифологии. Представляя свой «растительный орнамент действительности», он опирается на предшествующие тексты. Принцесса Гамахея в виде «маленького зернышка» оказалась лежащей «в цветочной пыли тюльпанной чашечки» [Гофман, 1962, с. 370], как героиня Новалиса — в лепестках голубого цветка. Мотив превращения цветка в женщину и женщины — в цветок встречается в сказках «Белоснежка и Алоцветик», «Милый Роланд», «Шиповничек» Я. и В. Гримм, в «Мирточке» К. Брентано; в произведениях Э. Т. А. Гофмана — «Золотой горшок», «Эликсиры сатаны» и др.

Принцессу Гамахею в Дертье Эльвердинк превращают «два мага». Отметим, что архетипический гендерный аспект (мудрец, учений) ситуации появления красавицы, в том числе куклы, в сопровождении «ученых мужей» присутствует в новеллах Э. Т. А. Гофмана «Песочный человек», «Приключения в ночь под Новый год» и др. Нarrативный прием — сопровождение мудрецами значимых событий — иногда совмещается со сказочным природным пейзажем. В «Повелителе блох» упоминается архиварий Линдхорст, он же — князь Саламандров в «Золотом горшке»; здесь он вместе с другими «мудрейшими магами мира» бывает в «далекой Индии», «в прекрасной долине, окруженной высокими горами» [Там же, с. 372].

Принцесса была найдена в «желто-лиловом тюльпане», присланном из Самарканда. Этот далекий от Германии город возникает в новелле несколько раз. «С XI века тюльпан становится все более важной частью культуры и искусства сельджуков и затем османов» [Козлова и др., 2022, с. 295]. Государство сельджуков располагалось на территории современных Турции, Туркменистана и Узбекистана. Предположительно, луковицы тюльпанов попали в Европу «благодаря австрийскому послу, направленному к Сулайману Великолепному» [Дэвис и др., 2023, с. 84]. Он отдал луковицы тюльпанов директору Венского сада лекарственных растений Карлу Клузиусу, который затем привез их в голландский город Лейден. Из Голландии тюль-

паны попали в Германию. Э. Т. А. Гофман называет Гамахею в новелле «голландкой», «прекрасной голландкой», «маленькой голландкой» [Гофман, 1962, с. 374, 375, 376, 380]. Путь героини, как и цветка, лежит с Востока на Запад. Тюльпан «по сей день является одним из символов Турции и одновременно символом Голландии. Восток и Запад в нем действительно сошлись вместе» [Козлова и др., 2022, с. 301]. Символика этого цветка связана с «безграничной любовью» [Дэвис и др., 2023, с. 84]. «На Востоке он символизирует красоту и любовь, в том числе и к Богу, на Западе напоминает о бренности жизни, подчеркивая тем самым ее ценность» [Козлова и др., 2022, с. 301]. Тюльпаны рано распускаются весной, поэтому с этими цветами связано представление о начале жизни. При этом они и быстро отцветают.

Эти свойства тюльпанов косвенно присутствуют в образе гофмановской героини. Она красива, всем внушиает любовь, хрупка, находится на грани жизни и смерти. Отличие тюльпанов от многих других цветов связано с запахом: они не пахнут. Однако автору «Повелителя блох» важно было соотнести красоту и запах: его героиня окружена цветочной аурой и источает запах. Перегринусу кажется, что даже после исчезновения «прелестного создания» в комнате остается «сладостное дыхание» [Гофман, 1962, с. 391]. Связанная с восприятием дыхания, с атмосферно-обонятельной аурой, деталь повторяется в новелле. Бывший иенский студент Георг Пепуш, а в сказочном мире — чертополох Цехерит, «расцвел пламенной, страстной любовью», когда «сладостное дыхание Гамахеи» коснулось его, «когда же он прикоснулся к виску прелестной принцессы, то и она полюбила его в сладкой своей дремоте» [Там же, с. 372]. Однако не обонятельный, а цветовой (колористический) код проявляется в критической нарративной точке. С гибелю принцессы автор новеллы связывает появление красной окраски цветов: «Самые красивые пурпурные гвоздики, амариллисы и левкои происходят как раз из того кипарисового леска, где принц пиявок зацеловал до смерти прекрасную Гамахею» [Там же, с. 369].

Э. Т. А. Гофман приписывает цветам символическое значение в повседневной жизни Перегринуса Тиса. Отделяя своего героя от других, считавших его за «помешанного», автор говорит о них как о не способных «увлечь себя в сторону каким-нибудь благоухающим кустарником или цветущим лужком» [Там же, с. 345]. Когда мастер-блоха вставил микроскопическое стекло в зрачок Тиса, он увидел «пестрые цветы, принимавшие облик людей, видел людей, растворявшихся в земле и затем выглядывавших из нее в виде блестящих камней и металлов» [Там же, с. 416]. Свою жизнь герой сравнивает с «мрачным, запущенным полем, заросшим чертополохом» [Там же, с. 407].

Однако чертополох у Э. Т. А. Гофмана — не только цветок-колючка: чертополох Цехерит называет себя «чудеснейшим цветком», «прекраснейшим кактусом» [Там же, с. 407]. В оригинальном тексте его гневная речь звучит следующим образом: “Bist du so wenig erfahren in der Naturkunde, um nicht zu wissen, daß die *wunderherrlichste Blume*, die es nur geben mag, nichts anders ist als die Blüte einer Distel? Ich meine den *Cactus grandiflorus*. Und ist die Distel Zeherit nicht eben wieder der *schönste Cactus* unter der Sonne?” [Hoffmann, 1972, S. 437]. В буквальном переводе *wunderherrlichste Blume* — самый замечательный цветок; *schönste Cactus* — самый красивый кактус. Георг Пепуш раскрывает тайну своему другу Тису: «Я сам и есть чертополох Цехерит и не отказывался и никогда не откажусь от моих прав на руку дочери достойного короля Секакиса» [Гофман, 1962, с. 407]. В земной жизни Георг Пепуш оказывается таким же стойким и крепким, как чертополох. Кроме того, чертополох символизирует печаль, в библейском мифологическом символизме — крестные муки Христа, а «название растения отражает его магическую функцию — отгонять нечистую силу» [Любовь к ботанике ..., 2019, с. 199]. В новелле Георг Пепуш / Цехерит выполняет охранительную функцию по отношению к Дертье Эльвердинк / принцессе Гамахее.

В России семантика чертополоха восходит к словосочетанию «пугающий чертей»: «колючая сорная трава, равно ненавистная всей нечистой силе» [Грушко и др., 1995, с. 318]; «в Германии это растение в народе называют “мужская верность” (Mannstreu)» [Козлова и др., 2022, с. 263]. Соответствия этому очевидны у Гофмана: о преданности своей возлюбленной и желании ее спасти свидетельствуют, например, сцены в погребке, когда Георг Пепуш вступает в схватку с балетмейстером *Legénie* / гением Тетелем и таможенным чиновником / принцем Пиявкой, борющимися за принцессу, а также в комнате Левенгука, когда вновь становится участником «войны с демоническими пришельцами» [Гофман, 1962, с. 454], что придает образу окторелигиозную коннотацию. К указанным ранее философским истокам восходит мистическая нота в сознании героя. Удостоверившись, что его возлюбленную может спасти только Тис, Пепуш «понял, что его брак с Дертье Эльвердинк противоречит сочетанию светил и сулит только всякие беды и гибель... отказался от своих притязаний... заявив только, что он готов пожертвовать жизнью в защиту прекраснейшей» [Там же, с. 460].

Однако Дертье вспомнила Пепуша и их доземное бытие. Они возвращаются в «цветочную», сказочную жизнь. Свидетелями «престранного чуда» становятся Перегринус Тис и Розочка. «Посреди красивого боскета за ночь вырос высокий *Cactus grandifloras*, его цветок поник, увянув в утренних лучах, а вокруг него любовно обивался лилово-желтый тюль-

пан, умершой тою же жизнью растения» [Гофман, 1962, с. 481]. В оригинальном тексте цвет тюльпана более нежный — *lila- und gelbgestreifte Tulpe* [Hoffmann, 1972, S. 509]. Любовь соединяет Дертье (тюльпан Гамахея) и Пепуша (чертополох Цехерит), при этом автором поддерживается мотив их внеземного бытия.

3.3. Природный фон героев Н. А. Полевого: гофмановский контекст

Антиох, герой повести «Блаженство безумия», также выступает защитником возлюбленной Адельгейды. Смерть как объединяющее метафизическое пространство — также свойство реминисценций из Гофмана. Перед дуэлью он говорит своему другу, что понимает загадку жизни: «Адельгейда умрет, и смерть соединит меня с нею» [Полевой, 1986а, с. 124]. Мотив воспоминания о доземной жизни, о существовании двух миров тоже значим в повести Н. А. Полевого. Антиох уверен, что «знал когда-то Адельгейду... Я знал ее где-то там» [Там же, с. 107]. Этот мотив повторяется, варьируется.

Георг Пепуш также «чем дольше вглядывался в милое личико голландки, тем более пробуждалось в глубине его души какое-то глухое воспоминание, как будто он уже где-то ее видел» [Гофман, 1962, с. 375]. Тайну «до-бытия земного» Антиох сначала связывает с Италией («Помню эту хижину в цветнике на берегу моря...») [Полевой, 1986а, с. 116], потом вспоминает «тот мир, где прежде, до Италии, мы жили некогда с нею» [Там же, с. 116]. Так возникает едва очерченное «райское» пространство в отличие от традиции представлять Италию идеальной страной, сферой искусства, сложившейся в эпоху романтизма, в том числе в творчестве Л. Тика (роман «Странствия Франца Штернбальда»), Э. Т. А. Гофмана (новеллы «Артуррова зала», «Выбор невесты»), самого Н. А. Полевого (повесть «Живописец»), в повести «Блаженство безумия» происходит снижение образа «обетованной страны искусства»: она называется «муравейником, на котором расцвела бедная незабудка» [Там же, с. 116]. Энтомологическая метафора подчеркивает природный код повествования, но формирует противопоставление «муравейник — цветок», что выводит на базовую романтическую оппозицию: «социум / толпа — индивидуум». Одно из поверьй, связанных с этим цветком незабудкой, — «присыпаемое с того света напоминание живущим о тех, кого с нами уже нет» [Любовь к ботанике ..., 2019, с. 99]. Восприятие незабудки как цветка памяти и забвения характерно для многих народов. Название *forget-me-not* (англ.) означает «не забывай меня». «Согласно немецкой легенде, когда Бог давал имена всем растениям, одно из них выкрикнуло: “Не забудь обо мне, Господи!”, на что тот ответил: “Так тебя и будут называть”» [Дэвис и др., 2023, с. 10].

«Другой» мир связан в этой повести Н. А. Полевого с Востоком, с «очарованными райскими садами», которые скрылись под землей. Архетип рая варьируется — потерянный рай преображается в благословенный «возвращенный рай» на основе избирательности: иногда они становятся видимыми для выбранных — золотистый виноград, райские ароматы, живая вода. «В этой невидимой стране было существо, которое теперь бродит двойственно по земле под именем Антиоха и Адельгейды» [Полевой, 1986а, с. 116]. (Амбивалентность этого образа Антиох + Адельгейда — отсылает к архаическому мотиву гермафродитизма, требующему дополнительных исследований применительно к русскому романтизму). В «Повелителе блох» Дертье Эльвердинк пытается вспомнить, где она встречалась с Пепушем: «У меня такое чувство, будто в очень давние времена нас связывала тесная дружба, но было то в очень далекой стране и при каких-то особых, странных обстоятельствах» [Там же, с. 377].

Соединение Антиоха и Адельгейды, как и Дертье с Пепушем, происходит не в земном мире. Антих говорит своему другу: «не знаю, как свершится таинственный союз души моей: останемся ли мы в мире или, говоря по-человечески, умрем — ведь мне все равно» [Там же, с. 117]. Если у Э. Т. А. Гофмана герои прямо соотносятся с образами цветов, то в «Блаженстве безумия» по отношению к героям Н. А. Полевой используется характеристики общего плана, «стертые» метафоры цветения. Встретив Адельгейду, Антиох «расцвел, казалось, новым здоровьем, был весел, мил, одевался щегольски» [Там же, с. 119]. Болезнь Адельгейды сравнивается с разрушением «прекрасного, юного, цветущего создания» [Там же, с. 127]. В культурной и литературной традиции Германии человеческая жизнь соотносится с цветком, что восходит к позиции Я. Беме, где запечатлена трансформация энергии в метафорическом плане. «И хотя животное тело подлежит истлению, однако сила его остается жить, из силы вырастают прекрасные розы и цветочки» [Беме, 2000, с. 316].

В повести «Эмма» Н. А. Полевой выстраивает традиционную для дискурса XVIII—XIX веков оппозицию культурного — природного, искусственного — естественного. Повествователь рассуждает о двух типах небольших московских садов, сравнивая их с «дамскими шемизетками»: одни создаются без души, в них — растения, «продаваемые в каждой цветочной лавочке», цветник с алебастровыми богинями, которых развозят по городу в лотках; другие, в которых «цветочная шемизетка бывает надета на грудь счаствия жизни», восхищают «и акациями, и дорожками, и цветниками» [Полевой, 1986б, с. 284]. Садик Эммы относится ко второму типу и создан с любовью. Значимый атрибут сада — цветы. Героиня говорит о цветах как об одушевленных существах, обладающих человечески-

ми качествами, живущих едва ли не полной жизнью: «Всякий раз, когда я смотрю на мои цветы, когда запахом их навевает ко мне ветерок, когда притом птичка так весело напевает мне своим голоском, — тут отзыается душа какая-то, душа в цветах, в звуках» [Там же, с. 290]. Любимый цветок геройни Н. А. Полевого — василек. Она называет его «милым цветочком», ухаживает за ним, «как за больным братом» [Там же, с. 285]; ей казалось, что он даже «гордился между другими цветами, как будто хотел сказать им: “Меня любит Эмма”» [Там же, с. 292].

Встреча Эммы с «бедным безумцем», молодым князем С***, произошла в «садике». Он перелез через ограду, отделявшую обширный княжеский сад от родного пространства геройни, стал топтать грядки с цветами, «уничищожать милые васильки» [Там же, с. 294]. Дальнейшие взаимоотношения этих героев будут ассоциативно связаны с разрушенным садиком Эммы. Особо выделяется образ василька, который автор наделяет символическим значением. Эмма «выхаживала» погибающий василек, он ожил, и девушка радостно говорит своей подруге Фанни: «Васильки! Бог и им велел жить; и не жалко ли, если они гибнут, не расцветая, не насладившись своею жизнью! а всего-то им жить одно лето...» [Там же, с. 285].

В научной сфере название этому цветку дал Карл Линней — *Centaurea cyanus*, что значит «кентавр синий». Знаменитый ботаник основывался на древнегреческой легенде, в которой говорится о кентавре Хироне, излечившемся от яда Лернейской гидры соком василька. Христианская культура привносит новые смыслы в символику цветов, в частности, василька. «Поскольку в христианской доктрине змея — символ дьявола, то василек, который излечивает змеиные укусы, ассоциируется с образом Иисуса, победившего демонов» [Импеллузо, 2009, с. 104]. Эмма спасает безумного соседа, который полностью подчиняется доброй, искренней, скромной девушке, лечащей «своей душой душу» другого человека. Дедушка Эммы был поражен силой духа своей робкой внучки, мгновенно усмирившей сумасшедшего: «Эмма казалась божеством, перед которым уничтожаются его злость и сила» [Полевой, 1986б, с. 297].

Нarrативные составляющие «Эммы» отсылают повествование к традициям сентиментализма: противопоставление разума и чувства, образ сельского кладбища, выраженные природные годовые циклы (здесь весна как центр), социальное неравенство. Князь, будучи безумным, подчинился «естественней» героине. Излечившись от сумасшествия, он постепенно отдалился от Эммы. Поль «не покорился» душой и светской красавице Мойне. Однако Эмма перестала быть его «прежней повелительницей».

Н. А. Полевой объясняет это не только социальными препятствиями, на которые указывает княгиня, но и глубинными противоречиями между со-

знательным (а потому далеким от интуитивной составляющей любви) и бессознательным устремлением к сродству душ. Показательна сцена, в которой выzdоравливающий князь затрудняется нарисовать цветок. Он мог только срисовать несколько цветочков Эммы, сорванных во время прогулки; затем обвести гирляндой свои цветочки и мастерски нарисованный цветочек Эммы. Соединяющая символическая гирлянда оказалась в земной жизни только на рисунке. Поль, не догадывающийся о своем глубоком чувстве к Эмме, все же вскоре оказывается рядом с ней на сельском кладбище.

Монах Паисий называет Эмму «жертвой судьбы», предлагая ей для спасения удалиться к родным и друзьям: «Ты здесь чужая — там родная» [Там, с. 358]. Жизнь Эммы и Поля, как недолгая жизнь василька, предрекаемая героиней, является в повести роковым образом предопределенной. Герои познакомились весной, а через год девушка умерла. «Эмма вспомнила, что такое же светлое небо было распостерто над нею, когда она в первый раз увидела сумасшедшего князя. Но тогда как высоко стояла она над миром! — Ее окружали родные в мирном приюте своем. А теперь она одна...» [Там же, с. 357]. Любовь, о которой мечтала Эмма, оказалась невозможной в земной жизни. Перед смертью она переходит в православную веру, чтобы быть похороненной в уединенном уголке сельского кладбища, где находился склеп предков князя. «Бренные кости мои возрадуются, что на одной божией ниве восстанем мы некогда: восстану я — не упрекать его, но встретить взором святой любви, которого не узнать ему в земной жизни; восстанет и он — не отвергнуть меня, но вместе приблизиться к трону любви бесконечной» [Там же, с. 363]. Судьба Эммы и Поля — это и яркое подтверждение романтической мечты об *устремленности к миру иному*, представленному здесь в христианских коннотациях.

4. Заключение = Conclusions

«Растительный орнамент действительности», созданный в произведениях Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого, восходит к натурфилософии Ф. Шеллинга, заслугу которого В. М. Жирмунский видел в «рассмотрении всей природы как единого организма, всех физических явлений как “категорий природы” на ее пути к сознанию» [Жирмунский, 1996, с. 49].

Обращаясь к ассоциациям мифопоэтического характера, связанным с миром природы, немецкий и русский романтики руководствовались не только своей фантазией, но использовали аллегорическое и символическое значение цветов, которое традиционно прочитывалось в мифах, а также легендах и сказках. Эстетически пересоздавая их, Э. Т. А. Гофман и Н. А. Полевой следовали определенной идейной установке: их герои-романтики представляли природу живой, одухотворенной; они обладали способностью

вступать с ней в диалог; тайны природы оказались подвластны Перегринусу Тису, Антиоху, Эмме. Романтическое одушевление сил природы писатели связывали с любовью, благодаря которой раскрывались тайны мира. Мотивы сродства душ, томления, уединения, воспоминания о прошлом («ином») мире выполняли сюжетообразующую роль. Гибель Георга Пепуша и Дертье Эльвердинк, Антиоха и Адельгейды, Эммы и молодого князя С*** соединила их после земной смерти в другом мире, который каждый из писателей представлял в соответствии со своей национальной традицией.

В известной мере благодаря «языку цветов» Э. Т. А. Гофман и Н. А. Полевой выразили свое представление о двойственности мира. Иносказательный смысл цветочной образности позволил им показать включенность образов цветов в общую картину «растительного орнамента действительности».

Выявление особенностей писательской манеры Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого через флористические «пристрастия» служит расширению представления об их творчестве и национальной самобытности романтизма Германии и России.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Гофман Э. Т. А. Маленький Цахес / Э. Т. А. Гофман ; Перевод под ред. З. А. Вершининой // Собрание сочинений в 6 тт. — Москва : НЕДРА, 1930. — Т. VI. — С. 115—215.
2. Гофман Э. Т. А. Повелитель блох / Э. Т. А. Гофман ; перевод М. Петровского // Избранная проза в 3 тт. — Москва : Художественная литература, 1962. — Т. 2. — С. 341—482.
3. Новалис. Гейнрих фон Офтердинген / Новалис ; перевод З. Венгеровой и В. Гиппиуса. — Петербург : Всемирная литература, 1922. — 174 с.
4. Полевой Н. А. Блаженство безумия / Н. А. Полевой // Избранная проза и письма. — Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1986а. — С. 89—133.
5. Полевой Н. А. Эмма / Н. А. Полевой // Избранная проза и письма. — Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1986б. — С. 277—366.
6. Тик Л. Странствия Франца Штернбальда / Л. Тик ; перевод С. С. Белокриницкой. — Москва : Наука, 1987. — 360 с.
7. Hoffmann E. T. A. MEISTER FLOH. Ten Märchen in sieben Abenteuern zweier Freunde / E. T. A. Hoffmann // Sämtliche poetischen Werke. Dritten Band. — Wiesbaden : Reclam Verlag, 1972. — S. 375—510.

Литература

1. Басманова Э. Старинный цветочный этикет. Цветочные традиции и цветочный этикет в частной и общественной жизни России XVIII — начала XX века / Э. Басманова. — Москва : Белый город, 2011. — 416 с. — ISBN 978-5-7793-2164-8.

2. *Беме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Я. Беме ; перевод А. Петровского. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 412 с. — ISBN 5-267-00123-6.
3. *Ботникова А. Б.* Немецкий романтизм: диалог художественных форм / А. Б. Ботникова. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. — С. 205—236. — ISBN 5-9273-0497-4.
4. *Ботникова А. Б.* Э. Т. А. Гофман и русская литература (Первая половина XIX) : к проблеме русско-немецких литературных связей / А. Б. Ботникова. — Воронеж : Воронежский институт, 1977. — 208 с.
5. *Вайсконф М.* Влюбленный демиург. Метафизика и эротика русского романтизма / М. Вайсконф. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 696 с. — ISBN 978-5-86793-976-2.
6. *Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля / А. Н. Веселовский // Историческая поэтика. — Москва : Высшая школа, 1989. — С. 262—268. — ISBN 5-06-000256-X.
7. *Гачев Г. Д.* Германский образ мира. Германия в сравнении с Россией / Г. Д. Гачев. — Москва : Академический проект, 2019. — 855 с. — ISBN 978-5-8291-2025-2.
8. *Горбовская С. Г.* Флорообраз во французской литературе XIX века / С. Г. Горбовская. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2017. — 273 с. — ISBN 978-5-288-05746-5.
9. *Грушко Е. А.* Словарь славянской мифологии / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. — Нижний Новгород : Русский купец, Братья славяне, 1995. — 368 с. — ISBN 5-88204-032-9.
10. *Дэвис Дж.* Тайный язык цветов / Дж. Дэвис, Дж. Сондерс ; перевод с английского О. Лисенковой. — Москва : Колибри, Азбука-Аттикус, 2023. — 128 с. — ISBN 978-5-389-17084-1.
11. *Жирмунский В. М.* Немецкий романтизм и современная мистика / В. М. Жирмунский. — Санкт-Петербург : Аксиома, 1996. — 232 с.
12. *Ильченко Н. М.* Цветочная и растительная символика в творчестве немецких и русских романтиков / Н. М. Ильченко // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2012. — № 18. — С. 92—103.
13. *Ильченко Н. М.* «Видимое есть символ» : Природа как одухотворенное начало в изображении русских и немецких романтиков / Н. М. Ильченко, Е. Г. Чернышева // Litera. — 2023. — № 12. — С. 15—27. — DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69146.
14. *Импеллузо Л.* Природа и ее символы. Растения. Цветы. Животные / Л. Импеллузо ; перевод с итальянского В. Ю. Траскина. — Москва : Омега, 2009. — 368 с. — ISBN 88-370-2040-6.
15. *Ионикс Г. Э.* Новалис и его голубой цветок / Г. Э. Ионикс // Золото Рейна. Сокровища немецкой культуры. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. — С. 130—141. — ISBN 978-5-91419-447-2.
16. *Козлова О.* Искусство и флора. От Аканта до Яблони / О. Козлова, С. Шехтер. — Москва : Слово / Slovo, 2022. — 320 с. — ISBN 978-5-387-01809-1.
17. *Левит Т.* Гофман в русской литературе / Т. Левит // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений. — Москва : НЕДРА, 1930. — Т. VI. — С. 333—371.
18. *Любовь к ботанике* / отв. редактор Е. Стрельцова. — Санкт-Петербург : Арка, 2019. — 224 с. — ISBN 978-5-91208-395-2.
19. *Марченко Н. А.* Быт и нравы пушкинского времени / Н. А. Марченко. — Санкт-Петербург : Азбука-плюс, 2005. — 432 с. — ISBN 5-352-01320-0.
20. *Микушевич В. Б.* Голубой цветок и дьявол / В. Б. Микушевич // Новалис. Генрих фон Оффердинген ; Новалис. Гимны к ночи ; Новалис. Духовные песни ; Бонавентура.

Ночные бдения ; Гофман Эрнест Теодор Амадей. Эликсиры сатаны. — Москва : ТЕПРА-Книжный клуб, 1998. — С. 7—11.

21. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. — Москва : Лабиринт, 2000. — 480 с. — ISBN 5-87604-107-6.

22. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 1998. — 352 с. — ISBN 5-87604-065-7.

23. Сахаров В. И. Прозаик-романтик и его издатель (А. А. Бестужев-Марлинский и Н. А. Полевой) / В. И. Сахаров // Русская проза XVIII—XIX веков. Проблемы истории и поэтики. Очерки. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — С. 43—55. — ISBN 5-9208-0103-4.

24. Соколов М. Н. Цветы в культуре Европы / М. Н. Соколов // Время и место. Время и место. Искусство Возрождения как перворубеж виртуального пространства. — Москва : Прогресс-традиция, 2002. — С. 99—111. — ISBN 5898261249, 978598261245.

25. Федоров А. Безумие, любовь, смерть (О повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия») / А. В. Федоров // Литературные взгляды и творчество Н. А. Полевого. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — С. 158—171. — ISBN 5-9208-0100-X.

26. Шарафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы): Науч. монография / К. И. Шарафадина. — Санкт-Петербург : Петербургский институт печати, 2003. — 320 с. — ISBN 5-8122-0303-2.

27. Шарафадина К. И. «Селам, откройся!». Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы / К. И. Шарафадина. — Санкт-Петербург : Нестор-история, 2018. — 544 с. — ISBN 978-4469-1451-7.

28. Шеллинг Ф. Философия искусства / Ф. Шеллинг ; перевод с немецкого П. С. Попова. — Москва : Мысль, 1999. — 608 с. — ISBN 5-244-00906-0.

29. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика в 2 т. / Ф. Шлегель ; Перевод с немецкого П. С. Попова. — Москва : Искусство, 1983. — Т. 1. — 479 с.

30. Schulz G. Universum und Blau Blume. Zum Gedenken an Novalis (1772—1801) / G. Schulz. — Oldenburg : BIS Universität Oldenburg, 2002. — 170 s.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.08.2024,
подготовлена к публикации 02.09.2024.

Material resources

Hoffman, E. T. A. (1930). Little Tsakhes. In: *Collected works in 6 volumes*, VI. Moscow: NEDRA. 115—215. (In Russ.).

Hoffman, E. T. A. (1962). The Lord of fleas. In: *Selected prose in 3 volumes*, 2. Moscow: Fiction. 341—482. (In Russ.).

Hoffmann, E. T. A. (1972). MEISTER FLOH. Ten Märchen in sieben Abenteuern zweier Freunde. In: *Sämtliche poetischen Werke. Dritten Band*. Wiesbaden: Reclam Verlag. 375—510. (In Germ.).

Novalis. (1922). *Heinrich von Ofterdingen*. St. Petersburg: World Literature. 174 p. (In Russ.).

Polevoy, N. A. (1986a). The bliss of madness. In: *Selected prose and letters*. Leningrad: Fiction. Leningrad Branch. 89—133. (In Russ.).

Polevoy, N. A. (1986b). Emma. In: *Selected prose and letters*. Leningrad: Fiction. Leningrad Branch. 277—366. (In Russ.).

Tick, L. (1987). *The Wanderings of Franz Sternbald*. Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.).

References

- Basmanova, E. (2011). *Ancient floral etiquette. Floral traditions and floral etiquette in the private and public life of Russia of the XVIII—early XX century*. Moscow: Bely Gorod. 416 p. ISBN 978-5-7793-2164-8. (In Russ.).
- Boehme, Ya. (2000). *Aurora, or the Morning Dawn in ascension*. St. Petersburg: Azbuka. 412 p. ISBN 5-267-00123-6. (In Russ.).
- Botnikova, A. B. (1977). *Russian literature (The first half of the XIX century): on the problem of Russian-German literary relations*. Voronezh: Voronezh Institute. 208 p. (In Russ.).
- Botnikova, A. B. (2004). *German romanticism: a dialogue of artistic forms*. Voronezh: Voronezh State University. 205—236. ISBN 5-9273-0497-4. (In Russ.).
- Davis, J., Saunders, J. (2023). *The Secret Language of Flowers*. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus. 128 p. ISBN 978-5-389-17084-1. (In Russ.).
- Fedorov, A. V. (2002). Madness, love, death (About the story of N. A. Polevoy “The Bliss of madness”). In: *Literary views and creativity of N. A. Polevoy*. Moscow: IMLI RAS. 158—171. ISBN 5-9208-0100-H. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (2019). *The German image of the world. Germany in comparison with Russia*. Moscow: Academic project. 855 p. ISBN 978-5-8291-2025-2. (In Russ.).
- Gorbovskaya, S. G. (2017). *Flora image in French literature of the XIX century*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 273 p. ISBN 978-5-288-05746-5. (In Russ.).
- Grushko, E. A., Medvedev, Yu. M. (1995). *Dictionary of Slavic Mythology*. Nizhny Novgorod: Russian Merchant, Slavs Brothers. 368 p. ISBN 5-88204-032-9. (In Russ.).
- Ilchenko, N. M. (2012). Floral and plant symbolism in the works of German and Russian romantics. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov*, 18: 92—103. (In Russ.).
- Ilchenko, N. M., Chernysheva, E. G. (2023). “The visible is a symbol”: Nature as a spiritual principle in the image of Russian and German romantics. *Litera*, 12: 15—27. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69146. (In Russ.).
- Impelluso, L. (2009). *Nature and its symbols. Plants. Flowers. Animals*. Moscow: Omega. 368 p. ISBN 88-370-2040-6. (In Russ.).
- Ionix, G. E. (2011). Novalis and his blue flower. In: *Gold of the Rhine. Treasures of German culture*. St. Petersburg: Aletheia. 130—141. ISBN 978-5-91419-447-2. (In Russ.).
- Kozlova, O., Shechter, S. (2022). *Art and flora. From Acanthus to Apple Tree*. Moscow: Slovo. 320 p. ISBN 978-5-387-01809-1. (In Russ.).
- Levit, T. (1930). Hoffman in Russian literature. In: *Hoffman E. T. A. Collected works*, VI. Moscow: NEDRA. 333—371. (In Russ.).
- Marchenko, N. A. (2005). *Life and customs of Pushkin's time*. St. Petersburg: Azbuka-plus. 432 p. ISBN 5-352-01320-0. (In Russ.).
- Mikushevich, V. B. (1998). The blue flower and the devil. In: *Novalis. Heinrich von Ofterdingen; Novalis. Hymns to the night; Novalis. Spiritual songs; Bonaventure. Night vigils; Hoffmann Ernest Theodor Amadeus. The elixirs of Satan*. Moscow: TERRA-Book Club. 7—11. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (2000). *Symbol and myth in folk culture*. Moscow: Labyrinth. 480 p. ISBN 5-87604-107-6. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1998). *Poetics of folklore*. Moscow: Labyrinth. 352 p. ISBN 5-87604-065-7. (In Russ.).

- Sakharov, V. I. (2002). The romantic novelist and his publisher (A. A. Bestuzhev-Marlinsky and N. A. Polevoy). In: *Russian prose of the XVIII—XIX centuries. Problems of history and poetics. Essays*. Moscow: IMLI RAS. 43—55. ISBN 5-9208-0103-4. (In Russ.).
- Schelling, F. (1999). *Philosophy of Art*. Moscow: Mysl. 608 p. ISBN 5-244-00906-0. (In Russ.).
- Schlegel, F. (1983). *Aesthetics. Philosophy. Criticism in 2 volumes, I*. Moscow: Iskusstvo. 479 p. (In Russ.).
- Schulz, G. (2002). *Universum und Blau Blume. Zum Gedenken an Novalis (1772—1801)*. Oldenburg: BIS Universität Oldenburg. 170 s. (In Germ.).
- Streltsova, E. (ed.). (2019). *Love of botany*. St. Petersburg: Arka. 224 p. ISBN 978-5-91208-395-2. (In Russ.).
- Sharafadina, K. I. (2003). “*The Alphabet of Flora*” in the figurative language of literature of the Pushkin era (sources, semantics, forms): Scientific monograph. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of Printing. 320 p. ISBN 5-8122-0303-2. (In Russ.).
- Sharafadina, K. I. (2018). “*Selam, open up!*”. *Floropoetics in the figurative language of Russian and foreign literature*. St. Petersburg: Nestor-istoriya. 544 p. ISBN 978-4469-1451-7. (In Russ.).
- Sokolov, M. N. (2002). Flowers in the culture of Europe. In: *Time and place. Time and place. The Art of Rebirth as the first frontier of virtual space*. Moscow: Progress-Tradition. 99—111. ISBN 5898261249, 978598261245. (In Russ.).
- Veselovsky, A. N. (1989). Psychological parallelism and its forms in reflections of poetic style. In: *Historical poetics*. Moscow: Higher School. 262—268. ISBN 5-06-000256-X. (In Russ.).
- Weiskopf, M. (2012). *The Demiurge in love. Metaphysics and eroticism of Russian Romanticism*. Moscow: New Literary Review. 696 p. ISBN 978-5-86793-976-2. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1996). *German romanticism and modern mysticism*. St. Petersburg: Axiom. 232 p. (In Russ.).

*The article was submitted 15.06.2024;
approved after reviewing 25.08.2024;
accepted for publication 02.09.2024.*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Киселева И. А. Текстологическая критика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1840) / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 276—292. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-276-292.

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2024). Textual Criticism of Mikhail Lermontov's Poem "Valerik" (1840). *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 276-292. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-276-292. (In Russ.).

Scopus®

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Текстологическая критика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1840)

Киселева Ирина Александровна
orcid.org/0000-0002-9629-0035
доктор филологических наук,
профессор, кафедра русской
и зарубежной литературы
79099227849@yandex.ru

Поташова Ксения Алексеевна
orcid.org/0000-0002-0164-0371
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русской
и зарубежной литературы,
корреспондирующий автор
kseniaslovo@yandex.ru

Государственный
университет просвещения
(Москва, Россия)

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-28-00207

Textual Criticism of Mikhail Lermontov's Poem "Valerik"

Irina A. Kiseleva
orcid.org/0000-0002-9629-0035
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
79099227849@yandex.ru

Ksenia A. Potashova
orcid.org/0000-0002-0164-0371
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature,
Corresponding author
kseniaslovo@yandex.ru

State University of Education
(Moscow, Russia)

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-00207

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проблема исследования связана с наличием в научных изданиях сочинений Лермонтова редакторских искажений стихотворения «Валерик» и необходимостью реконструкции дефинитивного текста в соответствии с авторской волей. Целью исследования стало выявление смысловых неточностей при публикациях «Валерика», объяснение выбора вариантов, наиболее приближенных к аутентичному тексту. Материалом для изучения выступили черновой автограф Лермонтова, список стихотворения, принадлежащий Ю. Ф. Самарину, первое издание стихотворения в альманахе «Утренняя заря» за 1843 год, издание сочинений Лермонтова под редакцией П. А. Ефремова, научные издания ХХ—XXI веков. На решение поставленной задачи направлен комплекс научных методов и подходов: источникovedческий метод, метод текстологической критики, логико-смысловой и сравнительный анализ произведения, позволяющий связать историю текста и его интерпретацию. Результатом сопоставления черновика, списка, первой и последующих публикаций стихотворения стали выявленные разночтения, связанные с несоблюдением авторской пунктуации, заменой некоторых слов, включая топонимы, отказом от части фраз, присутствующих в черновике, неточным воспроизведением авторских вариантов. Аргументирована необходимость освобождения текста от наложенных редакторами правок, которые смещают смысловые акценты лермонтовского стихотворения.

Ключевые слова:

Лермонтов; стихотворение *Валерик*; дефинитивный текст; конъектура; автограф; авторская воля; список.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The focus of this study lies in the editorial distortions present in the scientific editions of Lermontov's works concerning the poem “Valerik” and the necessity of reconstructing a definitive text in accordance with the author's intent. The objective of the research is to identify semantic inaccuracies in the publications of “Valerik” and to elucidate the choices of variants that are closest to the authentic text. The materials for this study include Lermontov's rough autograph, a manuscript of the poem belonging to Yu. F. Samarin, the first publication of the poem in the 1843 almanac “Morning Dawn,” the edition of Lermontov's works edited by P. A. Efremov, and scholarly editions from the 20th and 21st centuries. A comprehensive set of scientific methods and approaches has been employed to address the research question: source study methodology, textual criticism, logical-semantic analysis, and comparative analysis of the work, allowing for a connection between the history of the text and its interpretation. The comparison of the draft, manuscript, first, and subsequent publications of the poem revealed discrepancies related to noncompliance with the author's punctuation, substitutions of certain words, including toponyms, omissions of phrases present in the draft, and inaccurate reproductions of the author's variants. The necessity of liberating the text from editorial corrections that distort the semantic accents of Lermontov's poem is argued.

Key words:

Lermontov; poem Valerik; definitive text; conjecture; autograph; authorial intent; manuscript.

УДК 821.161.1 Лермонтов.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-276-292

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Текстологическая критика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1840)

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2024

1. Введение = Introduction

Начатая еще А. А. Краевским и Ю. Ф. Самариным и продолжавшаяся в течение второй половины XIX—XX веков работа над собиранием и публикацией рукописей Лермонтова до сих пор не получила системного освещения. Частично не раскрытым остается происхождение различных рукописных источников, требуют уточнения вопросы датировки некоторых произведений, необходима выверка орфографии и пунктуации печатного текста, зачастую отличающегося от автографа. Этот круг вопросов остро встает при обращении к стихотворению Лермонтова «Валерик» (1840), творческая история которого полна темных мест, а существующие исследования, затрагивающие процесс создания стихотворения, скорее порождают еще больше вопросов, нежели позволяют приблизиться к реконструкции творческой работы, помогающей понять движение мысли поэта. Актуальность исследования связана с уточнением закономерностей художественного мышления Лермонтова, проводимым посредством объективной реконструкции творческой истории стихотворения «Валерик» на основе сопоставления аутентичного текста 1840 года и его публикаций. Обращение к истории текста «Валерика» посредством всех доступных на настоящий день источников, всесторонний анализ автографа Лермонтова обеспечивают новизну настоящего исследования. В работе дана текстологическая критика сложившейся традиции публикации стихотворения и аргументированы возможные исправления.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для изучения стали черновой автограф Лермонтова «Я к вам пишу случайно...», хранящийся в ОР РГБ (НИОР РГБ, ф. 500 Лермонтов. К. 1, ед. хр. 4; далее — [Лермонтов, 1840]), список с этого стихотворения — «Рукопись стихотворения Лермонтова “Валерик”» (НИОР РГБ, ф. 265 Самариньи, ед. хр. 1264; далее — [Лермонтов, 1842]), первое издание стихотворения в альманахе «Утренняя заря» за 1843 год, издание

сочинений Лермонтова под редакцией П. А. Ефремова (далее — [Лермонтов, 1843]), советские академические издания 1935—1937, 1954—1957, 1979—1981 годов, а также издание 2014 года. Целостного сопоставления рукописных материалов и изданий стихотворения до сих пор не проводилось. На решение поставленной задачи направлен комплекс научных методов и подходов: источникovedческий метод, метод текстологической критики, логико-смысловой и сравнительный анализ произведения, позволяющие связать историю текста и его интерпретацию.

В дореволюционном, советском и современном лермонтоведении стоит отметить лишь единичные разыскания текстологического характера, связанные с датировкой, наличием вариантов и списков стихотворения «Валерик». Первым обратил внимание на скрупулезную работу поэта над совершенствованием замысла стихотворения от черновика к беловику Д. И. Абрамович: «Поэт по несколько раз вдумчиво и тщательно переделывал не только отдельные места, выражения или стихи, но даже целые произведения. Особенно бросается в глаза упорная работа над стихом в произведениях последнего времени, например в «Валерике» [Абрамович, 1910—1913, с. 200]. П. А. Висковатый указал, что при первой публикации «Валерика», сопровождающейся припиской «Последнее стихотворение Лермонтова», оно неверно датируется 1841 годом, тогда как создано в 1840 году [Висковатый, 1855, с. 3]. Эта датировка после издания сочинений Лермонтова 1891 года под редакцией П. А. Висковатого и закрепилась в лермонтоведении. Однако позднее Э. Г. Герштейн поставила под сомнение 1840 год, указав на «примитивный» характер «биографической связи», на то, что оно «не написано по свежим следам событий», а появилось спустя год и отражает «более зрелые впечатления поэта» [Герштейн, 1986, с. 191]. Более развернутые текстологические наблюдения над стихотворением оставила В. С. Нечаева, отметившая трудность прочтения черновика «Валерика», «изобилующего поправками, вставками, многочисленными зачеркиваниями, написанного вдоль и попереck страниц и к тому же местами залитого чернилами» [Нечаева, 1939, с. 70], в связи с чем констатирована затруднительность установления по нему канонического текста. Внимание В. С. Нечаевой было обращено к сверке автографа стихотворения со списком из коллекции Ю. Ф. Самарина, однако обстоятельства появления этого списка, а также его отношение к беловику и опубликованному варианту в статье не проясняются.

При публикации стихотворения в собраниях сочинений поэта только фиксировалось наличие чернового автографа, сообщалось о месте и времени первой публикации, ее «условном» названии, отмечалась владельческая надпись на черновой рукописи, что читаем в соответствующем примечании из собрания, подготовленного Б. М. Эйхенбаумом [Лермонтов, 1935—1937,

т II, с. 223]. При подготовке следующего (академического) издания собраний сочинений Лермонтова (1954—1957) была проведена более основательная текстологическая работа, результатом которой явилось расширение раздела «Варианты», приводящего теперь не только комментарии издателей, но и сами черновые мемоны. Комментарий к «Валерику» отражает «варианты копии» и перечисляет разночтения в стихах 89, 127, 139, 140, 142, 191, 192, 208, 257 [Лермонтов, 1954—1957, т. II, с. 287]. О том, что обозначается неточным словом *копия*, подразумевающим текстовую идентичность и оттого не сообразующимся с указанием вариантов, сказано в «Примечаниях» ко второму тому: «Имеется копия — ЛБ, IV, 5, 7 (из архива Ю. Ф. Самарина)» [Там же, с. 352]. Допущенная неточность, основанная на смежности понятий копии и списка, рождает предположение об идентичности существующего списка с возможным беловым автографом, сличие с которым невозможно в силу его отсутствия. Академическое издание 1979—1981 годов пополнилось указаниями на отсутствие «в черновом автографе заглавия» и на его появление «в копии из архива Ю. Ф. Самарина и в первопечатном издании», а также сведениями о ранее не указанных вычеркнутых из чернового автографа фрагментах («После стиха “Нам был обещан бой жестокий” в черновом автографе первоначально следовал другой текст»; «После стиха “Была тепла, была красна” вычеркнуто») [Лермонтов, 1979—1981, т. 1, с. 609]. В полном собрании сочинений Лермонтова, подготовленном в 2014 году в Институте русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН), как и прежде, приводятся общие сведения об автографе, однако появляется указание на еще одну копию: «копия чернового автографа, из собрания П. А. Ефремова» [Копия из ИРЛИ РАН, ф. 524, оп. 2, ед. хр. 57, л. 1—12]. Составители собрания отказались от точной датировки стихотворения, приводя диапазон: «1840—1841 гг.» [Лермонтов, 2014, с. 650], сославшись при этом на позицию Э. Г. Герштейн и отметив, что она не может быть «признана однозначно убедительной» [Там же, с. 650].

Обобщая приведенные наблюдения исследователей над «Валериком», стоит заметить, что открытыми остаются вопросы отказа от публикации отдельных фрагментов черновика и списков, не зафиксированных ни в черновике, ни в первой публикации, аргументации наличия заглавия, истории появления списков и их связи с первой публикацией.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Текстологическая дескрипция автографа стихотворения Лермонтова «Валерик»

Автограф стихотворения Лермонтова «Валерик» известен только в черновом варианте, входящем в состав рукописей фонда 500 (Фонд Лермонтова)

НИОР РГБ, перебеленные варианты отсутствуют, что вызывает сложности в определении источника для первой публикации стихотворения в 1843 году в альманахе «Утренняя заря», осуществленной уже после смерти поэта, а также обуславливает многочисленные разнотечения при сопоставлении чернового автографа и опубликованного текста. Владельческая надпись карандашом на черновике, сделанная И. Е. Бецким («Лермонтова. Подарено мне Л. Арнольди, он же получил от Столыпина с Кавказа»), говорит о поступлении автографа от близких лиц, окружавших Лермонтова на Кавказе. И хотя помета определенно сообщает цепочку передачи стихотворения, но, вероятно, в этом перечислении лиц был упущен А. П. Шан-Гирей, как раз встретившийся с Л. И. Арнольди в 1842 году и передавший большое собрание черновиков поэта, о чем он сообщил в своих воспоминаниях: «В 1842 году в Кременчуге встретился я со Львом Ивановичем Арнольди и по просьбе его оставил ему на некоторое время связку черновых стихотворений, отобранных Лермонтовым в 1841 году в Петербурге» [Лермонтов, 1989, с. 53]. Вполне возможно, что в этой связке оказался и черновик «Валерика».

Знакомство с автографом показывает, что работа Лермонтова над стихотворением «Валерик» велась довольно продолжительное время, что подтверждается значительной правкой в рукописи, которая пестрит зачеркиваниями и вставками, менами местами фраз, пометами на полях. Стихотворение написано на двух листах, заполненных с обеих сторон, мелким, но при этом достаточно разборчивым почерком острым пером темно-коричневыми, почти черными чернилами, во вставках обнаруживается и более светлый цвет чернил. Зачеркивания в тексте как отдельных слов и фраз, так и целых строф выполнены аккуратными горизонтальными или вертикальными линиями теми же чернилами, карандаш в рукописи не использовался. Для вставок по всему тексту применяются характерные для рукописей Лермонтова галочки с подписанными сверху словами. Такая правка носит характер уточнения и связана с добавлением дополнительных характеристик обстоятельственного или определительного значения, придающих описанию событий большую эмоциональную достоверность (например, в стих 62 «Дымятся фитили» добавляется наречие «едва» [Лермонтов, 1840, л. 2. об], в первоначальный вариант 198 стиха «Я слушаль равнодушно» вносится наречие «очень» [Там же, л. 2. об]). В случае возвращения к первоначальному варианту под зачеркнутым текстом поставлены множественные точки для обозначения восстановления, как это сделано с первоначально зачеркнутым стихом 92 («Подъемь удариль барабанъ»), который был возвращен и дополнен усиленными звуковыми характеристиками в стихах 93—95 («Гудить музыка полковая; // Между колоннами въезжая, // Звенять орудья» [Там же, л. 1 об]). Добавление больших фрагментов графически не отмечено и ведет-

ся на правой и левой половине листа, это касается части, посвященной собственно событиям сражения при реке Валерик. Оба листа рукописи заполнены очень плотно с задействованием всего пространства. Наличие второго параллельного столбца на лицевой и оборотной стороне листа 2, содержащего варианты, и использование поперечного письма, которое практически накладывается на правый столбец [Там же, л. 2 об], обуславливает сложность для реконструкции творческой истории стихотворения.

К поперечному письму поэт в двух случаях прибегает для окончания композиционных частей стихотворения, на лицевой стороне первого листа так закончена эпистолярная часть стихотворения, заключительные стихи 239—259 записаны в начале и сопровождены пометой Лермонтова «Окончание» [Там же, л. 1]; на обороте второго листа поперек записаны стихи 213—238, завершающие батальную часть. Черновик содержит множественные кляксы с обеих сторон и первого, и второго листа, которые при этом не залили основной текст стихотворения, за исключением начала вставки сцены с убитым капитаном и диалога лирического героя с кунаком (левый и правый край л. 2 с оборота). В незаполненном пространстве черновика имеются графические знаки расписывания чернил; их особенно много на обороте первого листа. Единожды поперечное письмо использовано поэтом для привнесения объемного фрагмента в текст, так в левом поле л. 2-оборот содержится сцена с раненым капитаном: «В груди его чернели // Две ранки; кровь его сочилась» [Там же, л. 2].

В силу чернового характера рукописи «Валерика» оформительская графика, к которой Лермонтов нередко обращался, используя росчерки и отчеркивания, отсутствует. Нет и заглавия произведения, однако на обороте второго листа обращает на себя внимание подчеркивание топонима «Валерикъ» [Там же, л. 2 об.]. Непосредственно в этой рукописи подчеркивание носит единичный характер, иные графические знаки привлечения внимания отсутствуют. Вместе с тем следует учитывать, что каждое подчеркивание в рукописях поэта несет определенную нагрузку (что уже рассматривалось нами ранее [Киселева и др., 2020]). Специальная отметка топонима в контексте диалога лирического поэта с кунаком («Кунакъ мой: я его спросиль, // Какъ mestу этому названье? // Онъ отвечаль мнѣ: Валерикъ» [Лермонтов, 1840, л. 2 об]) указывает на поставленный Лермонтовым смысловой акцент на этом слове, что дает возможность гипотетично предположить, что именно так поэт и собирался назвать свое стихотворение. Подобные формальные характеристики автографа могут служить подтверждением написания Лермонтовым стихотворения именно во время экспедиции и дают основания считать маловероятным предположение Э. Г. Герштейн о том, что «даже в апреле 1841 года “Валерик” не был еще

написан» [Герштейн, с. 191], тем более что с весны 1841 года поэт использовал так называемую «Записную книжку, подаренную В. Ф. Одоевским», и все свои черновики и беловики записывал в нее.

3.2. Типы текстовых мен при публикации стихотворения «Валерик»

Публикация стихотворения осуществлялась по спискам, сопоставление которых с черновиком и собственно опубликованным текстом обнаруживает ряд разночтений, вызванных, по всей вероятности, наличием ныне утраченного перебеленного самим Лермонтовым варианта, использовавшегося далее при подготовке текста к печати. Известен список, принадлежащий славянофилу Ю. Ф. Самарину с припиской «Подарено Лермонтовымъ» [Лермонтов, 1842, л. 1]. Сопоставление чернового автографа Лермонтова с самаринским списком, первой публикацией в альманахе «Утренняя заря» и последующими публикациями в собраниях произведений обнаруживает ряд неточностей и разночтений, связанных с расшифровкой и восстановлением трудночитаемых фрагментов рукописи, значительной редакторской работой при первой и последующих публикациях. Публикации стихотворения в собрании, подготовленном П. А. Ефремовым, в академических изданиях 1935—1937, 1954—1957, 1979—1981 годов имеют единичные разночтения. Наибольшее количество разночтений в сравнении с прочими обнаруживается у издания 1935—1937 годов. Издание 1979—1981 годов никаких кардинальных изменений относительно 1954—1957 годов по тексту «Валерика» не содержит, лишь убраны угловые и квадратные скобки, в которые были заключены редакторские конъектуры. Последнее научное издание полного собрания сочинений Лермонтова в 2014 году преодолевает орфографический кодекс советского периода и восстанавливает прописные буквы в стихах «Что помню вас? — но, Боже правый» [Лермонтов, 2014, т. I, с. 328], «У Бога счастья не прошу» [Там же, с. 329], «Затих и душу отдал Богу» [Там же, с. 333], «Как умирают. Дай вам Бог» [Там же, с. 334], которые у Лермонтова в черновике соблюдались. Других изменений относительно предыдущих изданий оно не содержит. Издания 1935—1937, 1978—1981, 2014 годов дают заглавие стихотворения по первому стиху «Я к вам пишу случайно; право...». Издание 1954—1957 годов предлагает заглавие «Валерик», как озаглавлены первая публикации (вариант написания «Валлерикъ») и самаринский список. Представляется, что публикация стихотворения под этим заглавием целесообразна: выделенный и разъясненный поэтом топоним фокусирует многие смыслы стихотворения; имеющее эпические формосодержательные элементы, оно тяготеет к номинативному заглавию, подобно другим сюжетным стихотворениям позднего периода творчества Лермонтова. В черновике Лермонтов с прописной буквы пишет и местоимение «Вам»

в первом стихе: «Я къ Вамъ пишу...» [Лермонтов, 1840, л. 1], в остальных стихах выраженной прописной буквы в личном местоимении второго лица нет. Ни одно издание это не воспроизводит. При переиздании стихотворения «Валерик» представляется целесообразным следовать авторской воле в написании местоимения «Вам» с прописной буквы и по аналогии прописную букву употреблять во всех случаях использования Лермонтовым в этом стихотворении местоимения «Вы».

Допущенные текстовые мены могут быть объединены в несколько групп. Первую группу составляют многочисленные несоблюдения авторской пунктуации. Это наиболее частые изменения, снижающие эмоциональный регистр, заданный Лермонтовым в черновике, как, например, восклицание в 5 стихе «Что помню вас? — но, Боже правый!» [Лермонтов, 1840, л. 1] во всех публикациях XX—XXI веков было заменено на интонационно нейтральный знак препинания — запятыю, подчеркнуто переводящую восклицание на уровень малозначимого вводного словосочетания. В издании 1935—1937 годов оно не выделялось с двух сторон: «Что помню вас? — но, боже правый // Вы это знаете давно» [Лермонтов, 1935—1937, т. II, с. 89]. Каждый знак препинания у Лермонтова несет значительную смысловую нагрузку. В издании 1979—1981 годов и издании 2014 года неоправданно выделены сравнительные обороты: «Судьбе, как турок иль татарин», «Рассыпались в широком поле, // Как пчелы, с гиком казаки», тогда как в черновике эти сравнения не обособлены. Нет графического выделения запятой в списках, в издании П. А. Ефремова, в академических изданиях 1935—1937 и 1954—1957 годов. Подобные графические разнотечения также наблюдаются в стихах 25 и 26 в связи с вводным словом и придаточным причины, которые в рукописи поэта не выделяются: «Во-первых потому что много // И долго, долго вас любил» [Лермонтов, 1840, л. 1]. Издатели «Утренней зары» не выделяют вводное слово, но разделяют союз *потому что* запятыми («Во-первых потому, что много // И долго, долго вас любил» [Лермонтов, 1843, с. 67]). П. А. Ефремов выделяет вводное слово «во-первых», не внося более никаких знаков препинания («Во-первых, потому что много // И долго, долго вас любил» [Лермонтов, 1882, т. I, с. 226]). Издания 1935—1937 и 1954—1957 следуют публикации в «Утренней заре», но ставят противоречащую правилам русского языка дополнительную запятыю перед сочинительным союзом «и»: «Во-первых потому, что много, И долго, долго вас любил» [Лермонтов, 1935—1937, т. II, с. 90; Лермонтов, 1954—1957, т. II, с. 170]. Издания 1979—1981 и 2014 годов исправляют эту ошибку, но вносят новую, связанную с пунктуационной избыточностью, создающей лишние речевые паузы: «Во-первых, потому, что много // И долго, долго вас любил» [Лермонтов, 1979—1981,

т. I, с. 451]. Как П. А. Ефремов, они выделяют вводное слово «во-первых», при этом разбивая последующий союз *потому что* запятой. Логична позиция «Утренней зари» или П. А. Ефремова, хотя сохранение авторской пунктуации предоставляется допустимым.

Вторую группу составляют разнотечения на лексическом уровне, проявившиеся в мене слов (в стихе 84 «жара уж спала» [Там же, л. 1 об.] — в черновике, «жара уж стала» [Лермонтов, 1842, с. 69] — в издании), отказе от топонимов (стих 121: «Разъ, это было подъ Гихами» [Лермонтов, 1840, л. 2] — в черновике, «Разъ, это было подъ горами» [Лермонтов, 1842, с. 72] — при публикации), замене предлогов и частиц (стих 123: «Огнемъ дыша, пылаль надъ нами» [Лермонтов, 1840, л. 2] — в черновике / «Огнем дыша пылал под нами» [Лермонтов, 1842, с. 72] — при публикации). В данном случае следует придерживаться последнего варианта черновика. Третью группу составляют случаи отказа от части фраз, присутствующих в черновике и отсутствующих при публикации. Так получилось с характеристикой внутреннего состояния лирического поэта в стихах 199—200 («И понесли. Тоской томимый // Имь вслѣдъ смотрель я недвижимый») — при первой публикации не приводились слова «тоской томимый» [Там же, с. 73], усиливающие личностное звучание батального эпизода о смерти генерала, что несколько искажает авторский замысел.

Подобные разнотечения могут быть объяснены как особенностями понимания текста при редакторской правке, так и особенностями источника, по которому делалась публикация. Конечно, в рамках научной статьи невозможно объяснить все различия в изданиях: нами были выделены наиболее значимые, помогающие направить читателя к верному пониманию авторского замысла.

3.3. Реконструкция дефинитивного текста стихотворения Лермонтова «Валерик»

Обрамляющая эпистолярная часть стихотворения содержит минимальную правку в черновике, оттого при ее воспроизведении разнотечения в основном касались пунктуации. Смыловые разнотечения на лексическом уровне отмечены в 38—44 стихах, являющихся рефлексирующим обобщением ситуации диалога с возлюбленной. Стих 39, в черновой рукописи читаемый как «То иль другое наказанье» [Лермонтов, 1840, л. 1], первично начинался со слова «одно», но дальнейшая работа над 40 стихом («Не все ль одно» [Там же, л. 1]) обусловила отказ в пользу более точного устойчивого выражения со значением любого, всякого. Однако и в списке, и в первой публикации эта мена передана искаженно, что породило варианты: «Другоель, то-ли наказанье?» (написание соответствует источнику и нормам русской орфографии XVIII—XIX веков) [Лермонтов, 1842,

л. 2], «И то и это — наказанье» [Лермонтов, 1843, с. 68]. Начиная с издания П. А. Ефремова, используется вариант последней правки черновика, и он, действительно, наиболее уместен, тогда как разнотечения в списке Самарина и в первой публикации говорят о существовании еще одного списка. Существование альтернативного списка подтверждают и другие несовпадения. Например, при публикации в «Утренней заре» 30 стих читается как «Влачиль я цепь бесплодныхъ леть» [Там же, с. 68], тогда как в списке Самарина эпитету «бесплодныхъ» соответствует эпитет «тяжелыхъ» («Влачиль я цепь тяжелыхъ леть» [Лермонтов, 1842, л. 2]), что совпадает и с последним вариантом черновика. Появление эпитета «бесплодныхъ» может быть объяснено опиской переписчика, который по инерции повторил слово из предыдущего стиха («Потом в раскаянии бесплодном» [Лермонтов, 1843, с. 68]). Невнимательность переписчика можно объяснить и изменение 43 стиха: заменой слова «Бог» на слово «небо» («У Бога щастя не прошу» — в черновике и списке Самарина [Лермонтов, 1842, л. 2], «У неба счастья не прошу» — в «Утренней заре» [Лермонтов, 1843, с. 68]).

В советский период была проведена значительная работа по выверке лермонтовского текста, хотя и она нуждается в текстологической критике. Стих 42 и в списке Самарина, и в первой публикации звучит так: «За все я равно благодарен» [Лермонтов, 1842, л. 2], в собрании под ред. П. А. Ефремова нарушен порядок слов («За все равно я благодарень» [Лермонтов, 1882, с. 227]). Все собрания сочинений Лермонтова, начиная с 1935—1937 годов, заменяют наречие «равно» на наречие «ровно», что соответствует автографу, но является опиской автора. Лексема «равно» синонимична лексеме «одинаково», что согласуется со смыслом всего предложения («Судьбѣ какъ Турокъ, иль Татаринъ // За все я равно благодарень. // у Бога щастя не прошу // И молча зло переношу» [Лермонтов, 1842, л. 2]), — тогда как лексема *ровно* имеет такие синонимы, как *гладко*, *прямо*, и не соответствует контексту «Валерика». Аргумент о механической ошибке авторской записи подкрепляется и употреблением в черновике лексемы *равно* в 40 стихе черновика: «не всѣль равно» [Лермонтов, 1840, л. 1]. В черновике это выражение затем меняется на лексически равнозначное «не всѣль одно» (в варианте, положенном в основу публикации «Утренней зарии»), тогда как лексема *равно*, дабы избежать повтора (согласно описке Лермонтова — *ровно*), заменяет лексему *молча* в 42 стихе: «За всѣя я молча благодарен» [Там же, л. 2]. Представляется, что при публикации 42 стиха следует придерживаться варианта первой публикации и самаринского списка, чему следует и первый издатель собрания сочинений Лермонтова П. А. Ефремов.

Сомнению стоит подвергнуть и введение редакторами советского периода в академическое издание наречия «там» в 69 стих: «Как там дрались, как

мы их били» [Лермонтов, 1935—1937, т. II, с. 91]. Наречие «там» в черновике, списке Самарина, в первой публикации отсутствует. В 69 стихе черновика на месте наречия «там» стоит местоимение «мы», которое затем повторяется: «Какъ мы дрались, какъ мы ихъ били» [Лермонтов, 1840, л. 1 об.]. В списке Самарина отсутствует первое «мы», тем самым ломается ритм 4-стопного ямба: стих в таком случае представляется написанным 3-иктным дольником на двухсложной основе: «Какъ дрались, какъ мы ихъ били» [Лермонтов, 1842, л. 3]. В первой публикации повторы организуются при помощи союза «и»: «И какъ дрались, и какъ ихъ били» [Лермонтов, 1843, с. 69]. Возможно, что введение союза «и» является конъектурой издателей «Утренней зари», где также не напечатан 70 стих: «Как доставалося и намъ» [Там же, с. 69]. Конъектура может объясняться общей направленностью «Утренней зари», связанной с идеей патриотического подъема и не подразумевающей публикацию произведений, которые бы показывали тяжесть военной жизни для русской стороны. Хотя нельзя отрицать и возможность точности воспроизведения, находящегося в распоряжении издателей списка с его вариациями.

Следующим значимым разночтением является мена конструкций с противительным союзом «а» и соединительным «и». В списке Самарина, в первой публикации, в издании П. А. Ефремова 75 стих читается как «И вотъ кружкомъ сидять другіе» [Лермонтов, 1882, с. 228]. Редакторы советских изданий выбирают в качестве начала предложения союз «а»: «А вот кружком сидят другие» [Лермонтов, 1935—1937, т. II, с. 91], — употребленный Лермонтовым в черновике. Эта замена не представляется в данном случае принципиальной, однако выбор союза «а» вполне оправдан и семантически поддерживается субстантивированным прилагательным «другие», носящим оттенок противопоставления. Так создается объемность мира горцев, поэт показывает его с разных сторон: и со стороны духовной сосредоточенности («Мирной татарин свой намаз // Творит не подымая глаз» [Там же, с. 91]), и со стороны природных черт («Их темный и лукавый взор // И их гортанный разговор» [Там же, с. 91]). Заслугой советских изданий является внимание к выбору эпитета к слову «взор». В самаринском списке, в «Утренней заре», в публикации П. А. Ефремова взор снабжался эпитетом «томный», тогда как в черновике отчетливо читается «тёмный» [Лермонтов, 1840, л. 1 об.]. И хотя слово «томный» во времена Лермонтова, наряду со значением «полный сладкого томления, устало-нежный и печальный, выражавший трогательную истому» [Виноградов, 1999, с. 701], еще имел значение «ослабевший, изнуренный, утомленный» [Виноградов, 1999, с. 701], что не противоречит контексту, но эпитет «тёмный», связанный с обозначением цвета глаз горцев, более отвечает образному строю близких стихов, передающих этнографический

образ горцев («цвет их желтых лиц», «их шапки, рукава худые»). Исправлениям, согласно черновику, относительно первой публикации подвергся в издании Б. М. Эйхенбаума и стих 92: «Подъем ударил барабан» [Лермонтов, 1935—1937, т. II, с. 91]. В самаринском списке так же, как и в первой публикации, стих строится в форме бессоюзного сложного побудительного предложения, состоящего из двух простых односоставных предложений («Подъемь, ударим в барабан» [Лермонтов, 1843, с. 70]). Выбор редакторов академических изданий представляется оправданным, тем более что далее при описании батальной картины последовательно используется активный залог («гудит музыка», «гримят орудья» [Там же, с. 70]).

Несмотря на то, что Б. М. Эйхенбаум в первом академическом издании 1935—1937 годов констатирует публикацию стихотворения по автографу, он ему следует не всегда. Так в стихе 95 он руководствуется самаринским списком и первой публикацией, предлагая вариант: «Звенят орудья. Генерал...» [Лермонтов, 1935—1937, т. II, с. 91], — тогда как в черновике Лермонтов зачеркивает слово «звенят» и заменяет его глаголом «гримят» [Лермонтов, 1840, л. 2]. Представляется, что лермонтовскую правку 95 стиха необходимо учитывать при установлении дефинитивного текста. В советских изданиях, в частности в академическом издании 1954—1957 годов, встречаются некоторые неточности при воспроизведении черновиков. Например, черновик стиха 101 печатался с редакторской правкой так: «Вон там в чалме один мюрид» [Лермонтов, 1954—1957, т. II, с. 288]. Этого варианта в черновике Лермонтова нет, указательная частица «вон» у Лермонтова отсутствует, вначале в черновике стояло наречие «там», которое затем заменяется на сочетание «а вот» с выраженной коннотацией зримого восприятия события «с той скоростью, как это и происходило в реальности» [Поташова, 2023, с. 189]. То есть этот стих следует печатать по черновику «А вотъ въ чалме одинъ мюридъ» [Лермонтов, 1840, л. 1 об.].

Представляется необоснованным выбор варианта 139 стиха, печатающегося со временем издания П. А. Ефремова в таком виде: «Вотъ ружья изъ кустовъ выносять» [Лермонтов, 1882, с. 230]. Самаринский список и первая публикация предлагают вариант: «Изъ за кустовъ вотъ ружья носять» [Лермонтов, 1843, с. 73]. Ни один из них не соответствует последней редакции черновика — единственного дошедшего до нас лермонтовского автографа стихотворения. В черновике начало 139 стиха «Вотъ ружья изъ кустовъ» [Лермонтов, 1840, л. 2] зачеркнуто, глагол «выносятъ» отсутствует (что, впрочем, оговаривается в академических изданиях 1935—1937 и 1954—1957 годов посредством заключения приставки «вы» в квадратные скобки: «[вы]носятъ» [Лермонтов, 1935—1937, т. II, с. 91]). Согласно правке черновика окончательным вариантом стал стих: «И многихъ тащать,

ружья носять» [Лермонтов, 1840, л. 2]. Однако последний вариант стиха черновика мог быть откинут Лермонтовым в беловике, так как следующий 140 стих повторяет глагол из предыдущего: «Воть тащать за ноги людей» [Лермонтов, 1840, л. 2], — что выразительно неоправданно. Представляется, что в таком случае следует руководствоваться совпадающим вариантом первой публикации и самаринского списка: «Из-за кустов вот ружья носят» [Лермонтов, 1842, л. 5]. Не оправдана и конъектура пропущенного в первой публикации 142 стиха: «Да вот и слева, из опушки» [Лермонтов, 1935—1937, т. II, с. 93]. В последующих изданиях этот стих приводится также с искажениями («Да вот из леса из опушки» [Лермонтов, 1954—1957, т. II, с. 170]), тогда как черновик правки не содержит, в черновике не имеет редакций и звучит так: «А воть и съ лѣса, изъ опушки» [Лермонтов, 1840, л. 2]. Публикация П. А. Ефремова здесь совпадает с самаринским списком: «И воть изъ лѣса, изъ опушки» [Лермонтов, 1882, с. 230]. Представляется, что в данном случае нужно следовать черновому стиху, который не имел исправлений. Конечно, сочетание «с леса» фонетически затруднено, но его выбор Лермонтовым, по всей вероятности обусловлен стремлением к географической точности при изображении картины боя при реке Валерик, где деревья расположены на горах, и атака горцев шла и с высоты, что подкрепляется как стихом 144: «И градом пуль с вершин дерев» [Лермонтов, 1954—1957, т. II, с. 170], — так и записями в «Журнале военных действий» («Добѣжавъ до лѣсу, войска неожиданно остановлены были отвѣсными берегами рѣчки Валарика» (название реки приводится в соответствии с источником) [Лебединец, 1891, с. 361]. «В военных изданиях, посвященных Кавказской кампании, не раз отмечалось то, что Лермонтов, состоящий в должности отрядного адъютанта при генерале Ап. В. Галафееве, фиксировал военные действия в журнале» [Киселева и др., 2023, с. 86]).

4. Заключение = Conclusions

Обращаясь к сопоставлению черновика с публикациями, необходимо последовательно освобождать текст от наложенных редакторами «слоев», восстанавливая те смыслы, которые вкладывал поэт, и, возвращая первоначальный вид, придерживаться доступного знания авторской воли. Сопоставление черновика, списка, первой и последующих публикаций стихотворения позволило выявить многочисленные разночтения, связанные с несоблюдением авторской пунктуации, заменой некоторых слов, включая топонимы, отказом от части фраз, присутствующих в черновике, неточным воспроизведением авторских вариантов. Тщательное изучение черновиков Лермонтова, списков, первого издания и последующих академических изданий открывает возможность исправить ряд неточностей при публика-

ции стихотворения «Валерик». Реконструкция дефинитивного текста «Валерика» без оглядки на условности советской атеистической идеологии, с пониманием важности авторского синтаксиса, не всегда совпадающего с привычными литературными нормами, с применением методик уточнения авторского словоупотребления является одной из важнейших задач современного лермонтоведения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Копия из ИРЛИ РАН — *Лермонтов М. Ю.* «Валерик» — стихотворение. Точная копия с рукописи, хранящейся в Московском Румянцевском музее, с пометами А. Е. Викторова // Институт русской литературы Российской академии наук. Ф. 524 (Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), поэт). Оп. 2. Ед. хр. 57.
2. Лермонтов, 1840 — *Лермонтов М. Ю.* «Я к вам пишу...» : стихотворение : Черновик : 1840 / М. Ю. Лермонтов // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 500 (Лермонтов). Ед. хр. 14. 2 лл.
3. Лермонтов, 1842 — *Лермонтов М. Ю.* «Валерик» — стихотворение : Список. 1842 / М. Ю. Лермонтов // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 265 (Самарин). Ед. хр. 1264.
4. Лермонтов, 1843 — *Лермонтов М. Ю.* «Валерик» / М. Ю. Лермонтов // Утренняя заря. — 1843. — С. 66—78.
5. *Лермонтов М. Ю.* в воспоминаниях современников / редколлегия : В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др. — Москва : Художественная литература, 1989. — 672 с.
6. *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений : в 5 т. / М. Ю. Лермонтов. — Москва ; Ленинград : Академия, 1935—1937.
7. *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. — Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1979—1981.
8. *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов — Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, 2014. — Т. 4. — 670 с. — ISBN 978-5-87781-057-0.
9. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения : в 6 т. / М. Ю. Лермонтов. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1954—1957.
10. *Самарин Ю. Ф.* Письма к М. И. Жихареву / Ю. Ф. Самарин // 1845. ОР РГБ. Ф. 103 (Жихарев, Михаил Иванович). К. 1033а. Ед. хр. 34.
11. *Самарин Ю. Ф.* Сочинения : в 12 т. / Ю. Ф. Самарин. — Москва : Д. Самарин, 1877—1911.

Литература

1. *Абрамович Д. И.* О языке Лермонтова / Д. И. Абрамович // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений : в 5 т. / Под ред. и с примеч. Д. И. Абрамовича. — Санкт-Петербург : Изд. Разряда изящ. словесности Имп. акад. наук, 1910—1913.

2. Виноградов В. В. История слов. Ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними / В. В. Виноградов. — Москва : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 1999. — 1138 с.
3. Висковатый П. А. Река смерти (Эпизод из кавказской жизни М. Ю. Лермонтова) / П. А. Висковатый // Исторический вестник. — 1855. — № 3. — С. 1—11.
4. Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова / Э. Г. Герштейн. — Москва : Художественная литература, 1986. — 240 с.
5. Киселева И. А. Кавказская тема Лермонтова в контексте рукописного наследия его современников / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — Т. 21. — № 4. — С. 82—101. — DOI: 10.15393/j9.art.2023.12862.
6. Киселева И. А. Проблема текстологического описания автографов М. Ю. Лермонтова из «Записной книжки В. Ф. Одоевского» (1841 г.) / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Canadian-American Slavic Studies. — 2020. — Т. 54. — № 4. — С. 387—402. — DOI: 10.30965/22102396-05404003.
7. Лебединец Г. С. Михаил Юрьевич Лермонтов в битве с черкесами в 1840 г. / Г. С. Лебединец // Русская старина. — 1891. — № 8. — С. 361—362.
8. Нечаева В. С. К истории текста стихотворения «Валерик» : список из архива Ю. Ф. Самарина / В. С. Нечаева // М. Ю. Лермонтов : Статьи и материалы. — Москва : Гос. соц.-эконом. изд-во «Соцэкгиз», 1939. — С. 70—73.
9. Поташова К. А. Батальная поэтика М. Ю. Лермонтова / К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — Т. 21. — № 2. — С. 176—195. — DOI: 10.15393/j9.art.2023.12183.
10. Пульхритудова Е. М. Валерик / Е. М. Пульхритудова // Лермонтовская энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1981. — С. 78—79.
11. Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819—1846 / Д. В. Ракович. — Тифлис : Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1900. — 462 с.
12. Сиренов А. В. Датировка рукописей по маркировочным знакам бумаги / А. В. Сиренов. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. — 58 с.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024,
одобрена после рецензирования 05.09.2024,
подготовлена к публикации 16.09.2024.

Material resources

Copy from the IRLI RAS — Lermontov, M. Yu. “Valerik” — poem. Exact copy from the manuscript stored in the Moscow Rumyantsev Museum, with notes by A. E. Viktorov. In: *Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences. Collection 524 (Lermontov Mikhail Yuryevich (1814-1841), poet). Inventory 2. Storage unit 57.* Lermontov, M. Yu. (1840). “I am writing to you ...” — a poem. In: *Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 500 (Lermontov).* Storage unit 14. (In Russ.). Lermontov, M. Yu. (1842). “Valerik” — a poem. In: *Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. F. 265 (Samarines).* Storage unit 1264. (In Russ.). Lermontov, M. Yu. (1843). “Valerik”. *Morning dawn.* 66—78. (In Russ.). Lermontov, M. Y. (1935—1937). *Complete works: in 5 volumes.* Moscow; Leningrad: Academia. (In Russ.). Lermontov, M. Y. (1954—1957). *Works: in 6 volumes.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).

- Lermontov, M. Y. (1979—1981). *Collected works: in 4 volumes*. Leningrad: Nauka. Leningrad department. (In Russ.).
- Lermontov, M. Yu. (2014). *Collected works: in 4 volumes, 4*. St. Petersburg: Pushkin House Publishing House. 670 p. ISBN 978-5-87781-057-0. (In Russ.).
- Lermontov, M. Yu. in the memoirs of contemporaries. (1989). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 672 p. (In Russ.).
- Samarin, Yu. F. (1877—1911). *Essays: in 12 volumes*. Moscow: D. Samarin. (In Russ.).
- Samarin, Yu. F. (1845). Letters to M. I. Zhikharev. In: OR RGB. F. 103 (Zhikharev, Mikhail Ivanovich). K. 1033a. Storage unit 34. (In Russ.).

References

- Abramovich, D. I. (1910—1913). On Lermontov's language. In: *Lermontov, M. Yu. Complete works: in 5 volumes*. St. Petersburg: Publishing House of the Category of fine arts. literature of the Academy of Sciences. (In Russ.).
- Gerstein, E. G. (1986). *The fate of Lermontov*. Moscow: Fiction. 240 p. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2023). Lermontov's Caucasian theme in the context of the handwritten heritage of his contemporaries. *Problems of historical poetics*, 21 (4): 82—101. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12862. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2020). The problem of textual description of M. Y. Lermontov's autographs from the “Notebook of V. F. Ddovskiy” (1841). *Canadian-American Slavic Studies*, 54 (4): 387—402. DOI: 10.30965/22102396-05404003. (In Russ.).
- Lebedinets, G. S. (1891). Mikhail Yuryevich Lermontov in the battle with the Circassians in 1840. *Russian antiquity*, 8: 361—362. (In Russ.).
- Nechaeva, V. S. (1939). On the history of the text of the poem “Valerik”: a list from the archive of Yu. F. Samarin. In: *M. Yu. Lermontov: Articles and materials*. Moscow: State Social Economy publishing house “Sotsekgiz”. 70—73. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2023). Battle poetics of M. Y. Lermontov. *Problems of historical poetics*, 21 (2): 176—195. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12183. (In Russ.).
- Pulkhritudova, E. M. (1981). Valerik. In: *The Lermontov Encyclopedia*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 78—79. (In Russ.).
- Rakovich, D. V. (1900). *Tenginsky regiment in the Caucasus. 1819—1846*. Tiflis: Type. Office of the Commander-in-Chief of the civil unit in the Caucasus. 462 p. (In Russ.).
- Sirenov, A. V. (2006). *Dating of manuscripts by paper markings*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 58 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1999). *The history of words. About 1,500 words and expressions and more than 5,000 words, with them*. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of Russian Literature. 1138 p. (In Russ.).
- Viskovaty, P. A. (1855). The River of death (An episode from the Caucasian life of M. Y. Lermontov). *Historical bulletin*, 3: 1—11. (In Russ.).

*The article was submitted 05.07.2024;
approved after reviewing 05.09.2024;
accepted for publication 16.09.2024.*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Кублицкая О. В. «Неизмеримое воздушное пространство» : образ России в traveloge М. И. Невзорова / О. В. Кублицкая // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 293—310. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-293-310.

Kublitskaya, O. V. (2024). “Incommensurable Airspace”: Image of Russia in Travelogue of Maxim Nezvorov. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 293-310. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-293-310. (In Russ.).

Clarivate
Web of Science™

Scopus®

DOAJ

NSD ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU
 РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**«Неизмеримое воздушное пространство»:
образ России в traveloge
М. И. Невзорова**

Кублицкая Ольга Викторовна
orcid.org/0000-0002-1411-1567
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра журналистики и
литературного образования
elkala@inbox.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

**“Incommensurable
Airspace”:
Image of Russia
in Travelogue
of Maxim Nezvorov**

Olga V. Kublitskaya
orcid.org/0000-0002-1411-1567
PhD of Philology, Associate Professor,
Department of Journalism
and Literary Education
elkala@inbox.ru

Pushkin Leningrad State University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье проанализирован образ России в травелоге «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» Максима Невзорова. На основе данных теоретических положений нами были выделены три аспекта анализа: жанровый, пространственный, субъектный. В исследовании использован структурно-описательный и культурно-исторический метод, а также основные положения теории жанра Н. Л. Лейдермана, концепции культурного ландшафта В. Л. Каганского и идеи субъекта художественного текста Б. О. Кормана. В результате было установлено, что выбор условно документальной формы эпистолярия позволил автору сформировать установку на достоверность, совмещенную с типично сентименталистской интенцией «чувствительного путешественника». Показано, что Невзоровым определена система обраzuющая дихотомия «центр — периферия», в контексте которой (ре)конструируется культурный ландшафт. Сделан вывод о том, что автор оценивает ключевую составляющую данного ландшафта — планировку и архитектуру населенных пунктов, а пейзаж выполняет вспомогательную функцию. Особое внимание Невзоров уделяет чрезвычайно пестрой этнической картине населения империи. Несмотря на то что он нечасто дает своим «собеседникам» право голоса, именно их комментарии и суждения позволяют частично реконструировать картину мира человека начала XIX столетия, одним из ключевых элементов которой выступает образ России.

Ключевые слова:

сентиментальные путешествия; Максим Невзоров; образ России; культурный ландшафт; имагология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the image of Russia in Maxim Nezvorov's travelogue "Journey to Kazan, Vyatka, and Orenburg in 1800." Based on theoretical frameworks, we identify three aspects of analysis: genre, spatiality, and subjectivity. The study employs structural-descriptive and cultural-historical methods, alongside the foundational principles of N. L. Leiderman's genre theory, V. L. Kaganovsky's concept of cultural landscape, and B. O. Korman's ideas on the subject of artistic text. Our findings indicate that the choice of a quasi-documentary epistolary form allowed the author to establish a commitment to authenticity, combined with a characteristically sentimental intention of the "sensitive traveler." It is demonstrated that Nezvorov delineates a system-forming dichotomy of "center-periphery," within which the cultural landscape is (re)constructed. We conclude that the author evaluates a key component of this landscape — urban planning and architecture — while the landscape itself serves a supportive role. Nezvorov pays particular attention to the extraordinarily diverse ethnic composition of the empire's population. Although he rarely grants his "interlocutors" a voice, their comments and judgments enable a partial reconstruction of the worldview of a person in the early 19th century, one of the key elements of which is the image of Russia.

Key words:

sentimental travels; Maxim Nezvorov; image of Russia; cultural landscape; imagology.

УДК 821.161.1Невзоров.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-293-310

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

«Неизмеримое воздушное пространство»: образ России в травелоге М. И. Невзорова

© Кублицкая О. В., 2024

1. Введение = Introduction

Рубеж XVIII—XIX веков в русской литературе отмечен интенсивным развитием путевой прозы, в частности сентиментальной. Географическое многообразие травелогов позволяет говорить о широте интересов их создателей, вместе с тем большая часть подобных текстов так или иначе связана с освоением территории Российской империи. И если крымские и малороссийские травелоги («Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием тех мест» (1800), «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» (в 2 ч., 1803) П. И. Сумарокова; «Путешествие в Малороссию» (1803), «Другое путешествие в Малороссию» (1804), (1817) П. И. Шаликова; «Путешествие в Полуденную Россию» В. В. Измайлова (в 4 ч., 1805)) уже получили некоторое осмысление в трудах отечественных и зарубежных литератороведов, то сюжеты путешествий по «центральной» России остаются в определенной степени исследовательской лакуной. Примером такого текста является «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» (1803) М. И. Невзорова (1762/1763—1827), публициста, прозаика, поэта, масона, издателя журнала «Друг юношества» (1807—1815).

Общая характеристика сентиментальных путешествий дана в программной статье Т. Роболи «Литература “путешествий”» [Роболи, 1926], разделе «Проза 1800—1810-х годов» академической «Истории русской литературы», подготовленном Н. Н. Петруниной [Петрунина, 1981], а также монографии Н. Д. Кочетковой «Литература русского сентиментализма» [Кочеткова, 1994]. Кроме того, подробно исследована специфика авторского самосознания в литературе путешествий на примере сочинений П. И. Шаликова, В. В. Измайлова и др. [Шенле, 2004]; прослежена «экспансия» жанра путешествия в русской беллетристике начала XIX века [Банах, 2005]; охарактеризовано место «Путешествия...» Измайлова в литературном процессе рубежа XVIII—XIX веков [Соловьев, 2011]; описан

образ Украины в травелогах Измайлова, Шаликова и Левшина [Киселев и др., 2015]; выявлена специфика травелога Сумарокова «Досуги крымского судьи...» [Фарафонова, 2017]; уточнена специфика субъектной структуры «Путешествия...» Шаликова [Кублицкая, 2022] и др.

Исследование творческого наследия М. И. Невзорова осуществлялось в основном в контексте его идеально-философских воззрений, в частности, принималась во внимание его принадлежность к масонству [Соколовская, 1999; Тукалевский, 1911]. О рецепции инонационального в «Путешествии...» Невзорова пишет Л. В. Сарбаш [Сарбаш, 2013]. Как источник ценных сведений о Нижегородском крае текст рассматривает И. А. Кирьянов [Кирьянов, 1981].

Как отмечает Н. Д. Кочеткова, «Путешествие...», по свидетельствам самого Невзорова, планировалось к изданию в пяти частях, однако была опубликована лишь одна. «В “Путешествии...” Н[евзоров] приводил исторические, географические и статистические сведения <...> включаял в текст моралистические рассуждения, пытался, хотя и не всегда удачно, придать повествованию некоторый лиризм <...> П. И. Макаров, упрекая автора в излишней «учености», в целом одобрительно отзывался о “Путешествии...” [Кочеткова, 1999, с. 338]. Отметим, что Макаров, будучи автором «Писем из Лондона» (1803), с большим вниманием относился к опытам собратьев по жанру — в частности, в этом же году он откликнулся рецензией на «Путешествие в Малороссию» (1803) П. И. Шаликова.

Вместе с тем именно исследование системы национальных образов и выявление специфики писательской «оптики», подходов к описанию пространства, его структуры и функций позволяет реконструировать представление автора о России, а через него — представления жителей, населявших империю в начале XIX столетия, что делает анализируемый травелог ценным историко-этнографическим источником. Кроме того, анализ пространственных отношений и субъектной структуры текста дополняет представления об особенностях развития художественной словесности рубежа веков, в частности сентиментального путешествия.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования состоит в описании образа России в травелоге М. Невзорова «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» и способов его конструирования. В работе использовался структурно-описательный метод, позволивший охарактеризовать модель образа России в анализируемом тексте, а также культурно-исторический метод, на основании которого была осуществлена интерпретация ландшафтных представлений в необходимом культурном контексте.

Важными для организации исследования стали основные положения теории жанра Н. Л. Лейдермана, концепции культурного ландшафта В. Л. Каганского, субъектной структуры текста Б. О. Кормана [Лейдерман, 2010; Каганский, 2001; Корман, 1972], а также категории национального образа, автообраза и стереотипа, разработанные в рамках имагологии [Поляков и др., 2013; Поляков, 2014].

В исследовании травелога как литературного жанра и практики повседневности мы опирались на анализ его терминосистемы и типологических моделей [Пономарёв, 2011], интерпретацию травелога в контексте «внутренней колонизации» Российской империи [Эткинд, 2013; Эткинд, 2022] и ориентализма [Алексеев, 2016], опыт систематизации обширного круга травелогов XVIII—XX веков [Русский травелог..., 2015; Русский травелог..., 2016], изучение травелога как особой дискурсивной практики [Русакова и др., 2021] и нарративной стратегии [Мамуркина, 2013], осмысление стратегии презентации пространства [Шпак, 2016] и др.

Характеризуя подходы Невзорова к организации текста «Путешествия...», Л. Н. Сарбаш отмечает, что «писатель одним из первых в начале XIX века обращается к описанию российской инородческой жизни» [Сарбаш, 2013, с. 64], то есть «чужого»; травелог же как сложное наджанровое образование основан именно на дихотомии «своё — чужое» и в концептуальном смысле ориентирован на осмысление образа Другого. Будучи принципиально пространственноцентричным, он реконструирует пространство, одновременно осуществляя декомпозицию. Маршруты путешественников, долгое время опосредованные внелитературными задачами, становятся векторами освоения чужих территорий, культур, ментальных моделей.

Н. В. Черепанова, исследовавшая путешествие как феномен культуры, дает ему следующее определение: «это перемещение (реальное или виртуальное) в чужое культурное пространство с целью выхода за пределы наличного бытия для познания себя и мира повседневности другого» [Черепанова, 2006б, с. 7]. Такое широкое толкование объясняется тем, что путешествие традиционно выступает предметом научного интереса в сфере социогуманитарного знания, в том числе в философии, культурологии, истории, филологии и др. Отдельную область составляют географические исследования, которые тесно соприкасаются с общественными науками и современной гуманистикой, например, социальная и историческая география, антропогеография и др.

Стабильный интерес исследователей к феномену путешествия объясняется прежде всего тем, что оно выступает одной из древнейших форм познания окружающего мира; неслучайно первые античные историки, именуемые логографами (др.-греч. λογογράφος), описывали в числе прочего опыт

своих странствий (например, Гекатей Милетский и Скилак Кариандский). Так, рассказы о путешествиях, войдя в круг исторических источников, значительно расширили представления о прошедшем. Вместе с тем отмечается, что «травелог никогда не был и никогда не будет просто путеводителем или туристическим описанием, это всегда личный сюжет, диалог авторского “я” или героя с местом, с городом, со своим прошлым, со своим настоящим, со своей историей, культурой. <...> И в этом смысле для историка, который ставит своей целью идеальную реконструкцию прошлого, травелог становится неоценимым источником» [Рокина, 2016, с. 5—6].

В связи с тем, что, и «как практика, и как идея, образ, путешествие занимает важное место в культуре» [Толстиков и др., 2010, с. 5], его можно считать способом измерения культурного пространства [Черепанова, 2006а] и механизмом формирования культурных ландшафтов. В. Л. Каганский пишет о том, что «путешествие — способ передвижения в ландшафте для постижения его разнообразия» [Каганский, 2001, с. 47]. Исследователь отмечает, что «[в]сякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей — культурный ландшафт, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» [Там же, с. 24].

М. Ю. Немцев подчеркивает, что «[о]пыт путешествий относится, возможно, лишь к немногому в современности, что невозможно воспроизвести цифровой симуляцией. Путешественник не может не путешествовать в физическом пространстве со всей его твёрдой, то есть не предсказуемой, часто неприятной, даже угрожающей, материальностью. Путешествие — торжество эмпиризма» [Немцев, 2021, с. 94]. Вместе с тем литературоведение, предметом интереса которого выступают разнообразные травелоги, безусловно, работает прежде всего с виртуальными пространствами; разнообразна и используемая им методология. В этом контексте одним из перспективных исследовательских направлений выступает литературная имагология, исследующая категории своего / чужого и их воплощение [Поляков, 2014, с. 125] и опирающаяся на два ключевых концепта: национальный образ и стереотип. Вместе с тем методология имагологии, ориентированная в концептуальном смысле на осмысление рецепции своего иной культурой, не может в полной мере быть использована для описания модели национального образа в национальной же литературе, однако в данном контексте значимыми выступают категории автообраза (представлений о собственной общности) и гетерообраза (образа иной нации, этноса) [Поляков и др., 2013, с. 22] как разновидностей национального.

Видится важным также суждение В. Б. Земскова о том, что «рецепционную “сетку”, так сказать, имагологический “зрачок” образуют система

ценностей и норм, основные константы национально-этнической ментальности, “через” которые оценивается, “рецензируется” и “цензурируется” другая / чужая культура» [Земсков, 2006, с. 11]. Следует подчеркнуть, что в многонациональной и поликультурной Российской империи «чужим» могло выступать даже территориально «своё».

Особо значимыми в контексте настоящего исследования явились и рассуждения Г. Д. Гачева о национальной картине мира, бытующей в пространстве культуры. Понимая под ней «[е]диное устроение бытия (интернациональное) в особой проекции» [Гачев, 1988, с. 364], исследователь выделяет параметры национальной образности литературы: «верх — низ, даль — ширь, вертикаль — горизонталь, земля — небо, мужское — женское, зенит — nadir, Пространство — Время (их национальные варианты), иерархия четырех стихий (земля, вода, воздух, огонь), времен года, органов чувств; соотношение животной и растительной символики» [Там же].

Наконец, мы опирались на опыт исследований в области этнопоэтики — «особой литературоведческой дисциплины, которая “должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур”» [Шешунова, 2008, с. 8] и национальный образ мира — «комплекс взаимодействующих компонентов литературного текста, обладающих этнокультурной спецификой» [Там же, с. 11]. Особую ценность в контексте настоящего исследования обнаружили изыскания А. Ф. Кофмана, в частности тезис о том, что «художественный образ “своего” пространства … является важнейшей частью национальных … культур» [Кофман, 1997, с. 25]. Репрезентативными оказываются и выделенные автором элементы национальной картины мира, такие как универсум, природа и человек [Там же].

На основе данных теоретических положений нами были выделены три аспекта анализа:

— жанровый: национальный автообраз понимается как элемент национального образа мира; образ мира в литературном тексте жанрово детерминирован [Лейдерман, 2010];

— пространственный: оценивается современный облик ландшафта с частичной исторической реконструкцией его элементов (расчленение ландшафтных многообразий, по В. Л. Каганскому) [Каганский, 2001];

— субъектный: пространство «насыщено» субъектами [Корман, 1972], через характеристику которых оно в том числе и оценивается.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. От структуры текста к структуре образа

Характеристика жанровых особенностей текста, как мы отмечали ранее, способствует выявлению механизмов конструирования национальной

картины мира. По мысли Н. Л. Лейдермана, жанры моделируют специфические мирообразы, и это является основой их дифференциации [Лейдерман, 2010, с. 49]. Длительная история путешествия как жанра сформировала множество его модификаций — от путевых заметок до дневника; письма путешественника — это не только дань традиции Карамзина, но и особый тип (условно) обратимой эпистолярной коммуникации [Белова, 2005], в ходе которой осуществляется непрерывное сопоставление и со-вмещение двух образов мира — своего и чужого.

«Путешествие...» Невзорова представляет собой эпистолярий, состоящий из 27 писем. Первое письмо написано во Владимире и датировано январем, последнее — в Казани в феврале. Маршрут путешествия таков: Владимир (письма 1—3); с. Мошки (письмо 4), Муром (письмо 5), с. Зябликовский Погост (письмо 6), с. Павловское (письмо 7), Нижний Новгород (письма 8—9), с. Осташиха (письмо 10), Василь-Сурск (письмо 11), с. Сумки (письмо 12), Кузьмодемьянск (письмо 13), Чебоксары (письма 14—15), Свияжск (письма 16—17), Казань (письма 18—27). 20-е письмо содержит копию письма Ивана Грозного Казанскому архиепископу Гурию, а 25-е — речь муллы, произнесенную перед верующими во Второй мечети Казани 10 февраля 1800 года, а также речь после богослужения.

Текст открывается предисловием, в котором автор сообщает, что письма сложились на основе путевых заметок, созданных с целью переписки «с одной почтеннейшей особой» [Невзоров, 1803, с. IV] (ответы «особы» в тексте отсутствуют). В качестве литературных образцов упомянуты «Письма русского путешественника» (1792) Н. М. Карамзина и «Путешествие в Полуденную Россию» (1805) В. В. Измайлова, с которыми, впрочем, автор не собирается состязаться: «всякой долженъ быть доволенъ своими талантами» [Там же, с. V].

Путешествие Невзорова началось в Москве; первой остановкой, как было указано ранее, стал Владимир, откуда автор обращается к своему собеседнику, сетя на то, что не смог должным образом описать переезд из столицы. Авторская интенция сформулирована следующим образом: «...буду сообщать по возможности прошедшія и настоящія исторіи мѣсть нами проезжаемыхъ, описаніе нравовъ, обычаевъ разныхъ народовъ и жителей разныхъ Губерній, гдѣ позволъте мне иногда прибавлять разсужденія свои» [Там же, с. 5].

Установка сентиментального путешественника выражена в следующей фразе: «Красота и прелести природы в своей чистой наготѣ, или прибранные искусством суть такъ велики, что по неволѣ действуютъ на чувства самаго непримечательнѣйшаго путешественника» [Там же, с. 6]. Впрочем, как мы увидим далее, способ восприятия окружающего мира

у Невзорова будет несколько отличаться от заявленного принципа, у него не выйдет быть «Флорианомъ и Бюфономъ, Дюпати и Делилемъ, Томпсономъ и Юнгомъ» [Там же, с. 7—8].

Иными словами, текст как художественный эпистолярий основан на личном сюжете путешествия автора, что находит отражение в том числе в сохранении установки на документальность повествования (датировка, наличие адресата, повествование от первого лица). В фокусе внимания автора — культурный ландшафт, представление о котором формируется в оппозициях «центр — периферия» и «реальное — воображаемое». Критериями оценки выступает масштаб и степень освоения (застройка).

3.2. Механизмы (ре)конструирования ландшафта

В ходе путешествия Невзоров формирует ведущую смысловую оппозицию «центр — периферия»: «Московскіе жители рѣдко, да и видять ли когда-нибудь естественную красоту сего неизмѣримаго воздушнаго пространства, окружающаго шар земной» [Невзоров, 1803, с. 6—7]. Перспектива путешествия явлена картографически: «...впереди нась находящиеся города селенія, уѣзды» [Там же, с. 14], в то время как «...шумъ въ оставшейся позади нась бѣзднѣ... едва даль намъ примѣтить нашъ выѣздъ» [Там же]. Это определяет и точку зрения Невзорова на крестьянский быт и городской образ жизни. Так, описывая дом крестьянина села Сумки, он замечает, что «[д]ом крестьянской зимою для хозяина есть тоже, что для богатыхъ дворянъ большой городъ <...> Крестьянская семья въ летнее врѣмя вся вѣдь дома, такъ какъ дворяне вѣдь города: лугъ, поля, лѣсы, рѣки и озера для крестьян тоже, что для богатыхъ дворянъ деревни» [Там же, с. 107—108]. Так микрокосм становится макрокосмом.

Еще одной оппозицией выступает диада «реальное — воображаемое пространство». Характеризуя местоположение Владимира, автор накладывает реальное географическое пространство на пространство памяти — «при напамятованіи о рѣкѣ Ворѣ я не могу ... не напомнить вамъ о пріятнѣшемъ удовольствіи, которое мы имѣли съ вами въ тихой деревнѣ благодѣтеля и друга нашего, прогуливаясь на берегахъ ея, где читали прогулки Руссовы» [Там же, с. 23].

России свойственен масштаб. В этом отношении любопытен воображаемый спор Невзорова с неким пермяком: «...осердился на него за то, что онъ мнѣ доказывалъ, что Кама рѣка гораздо болѣе Оки. — Я непременно хотѣль, чтоб Ока была болѣе всѣхъ рѣкъ въ России, кромѣ Волги; а сїя, самъ не знаю для какихъ причинъ, более всѣхъ рѣкъ не только въ Европѣ, но и во всѣмъ свѣтѣ» [Там же, с. 70].

Важным элементом характеристики ландшафта выступает его застроенность: так, особое место в формировании образа России играют разно-

образные культовые сооружения — церкви, соборы, монастыри и мечети, которые автор упоминает при посещении каждого нового места. Будучи во Владимире и Муроме, он осматривает Соборные церкви, в Нижнем Новгороде — Преображенский собор. Описывая Казань, он упоминает Соборную Благовещенскую церковь (дает подробную справку о ее строительстве), Спасо-Преображенский мужской и Казанский женский монастыри, церковь Киприана и Устины, Петропавловскую церковь, а также крупнейшие мечети. Особое внимание он уделяет просветительской и благотворительной деятельности епархии, рассказывая о приходских школах и домах призрения. В 25-м и 26-м письме Невзоров описывает посещение мечети, обращая особое внимание на ход мусульманского богослужения.

На формирование национального образа работают и исторические экскурсы, где ретроспектива обладает пространственным потенциалом. В частности, практически любой крупный город характеризуется с точки зрения истории его создания и расширения. «Князь Андрей, прозванный Боголюбскимъ, разпространилъ его (Владимир. — *O. K.*), украсиль и построилъ великолѣпную Соборную Пресвятыя Богородицы церковь» [Невзоров, 1803, с. 25]. В целом индикатором «уровня» города выступает наличие в нем каменных построек. Так, описывая Муром, Невзоров отмечает, что здесь «[д]омовъ великолѣпныхъ нетъ, однако есть порядочные, хотя деревянные» [Там же, с. 42]. Сходным образом Невзоров характеризует богатое село Павловское, принадлежащее графу Шереметьеву, которое он к тому же называет «селением Вулкановым» [Там же, с. 56] в связи с основным занятием населения — кузнецным делом. О Кузмодемьянске же автор отзываются снисходительно, отмечая, что «изъ семи сотъ безъ малаго обывательскихъ домовъ два только каменныхъ» [Там же, с. 115]; рассуждая о Чебоксарах, он пишет, что здесь около двадцати каменных строений; в Свияжске же их всего три.

Особый интерес для автора представляют и вопросы этимологии топонимов в контексте национальной картины мира, например: «[м]ы едва добрались ночевать до Мошекъ, большаго села, ... названного так, какъ нѣкоторые говорять, по причине топей и мховъ, со всѣхъ сторонъ его окружающихъ» [Там же, с. 34]. Кроме этого, он обращается к фольклору — например, описывая реку Суру: «течеть она тихохонъко, донышко у ней се ребреное, круты бережки позолоченые» [Там же, с. 101].

Таким образом, Невзоров очерчивает схему ландшафтной деконструкции: в центре — город, столица, которая ассоциируется с теснотой и суетой; за границей столицы простирается «неизмеримое пространство», основной характеристикой здесь выступает масштаб. Для автора оказывается важным культурный ландшафт, в частности, степень, качество и ре-

гулярность застройки — характеристика планировки населенных пунктов превалирует над пейзажными зарисовками, его интересует история формирования ландшафта и вопросы этимологии. Вместе с тем без характеристики жителей империи, населяющих это неизмеримое пространство, образ оказывается неполным. В связи с географией поездки речь пойдет о широком круге представителей различных национальностей.

3.3. Человек в пространстве России

Как мы указывали ранее, субъектом сознания и субъектом речи в анализируемом тексте выступает автор; в то время как субъектами речи — встреченные Невзоровым жители, через которых и транслируется образ России. Образ этот оказывается чрезвычайно пестрым: Невзоров пишет о том, что, проезжая Покров и «[в]ошедъ в одинъ купеческой домъ, нашли доброго хозяина в Русскомъ китайчатомъ кафтанѣ» [Невзоров, 1803, с. 20]. И далее: «Мы старались сократить время скучи разными разговорами, во время которых услышали приятное пѣніе: это кучерь нашъ и форейторъ, засыпанные свѣрху снегомъ, напѣвали деревенскую пѣсню» [Там же, с. 37]. Этот эпизод иллюстрирует, что сопровождающие Невзорова отличаются оптимизмом, который он связывает с натурой простолюдинов. Жители села Зябликовский Погост, как отмечает сам автор, характеризуются особой свежестью лиц: «...полнота их состава есть точное изображение Весны» [Там же, с. 50—51]. Зябликовских Ванюш и Дуняш он сравнивает с аркадскими Меналком и Дафной [Там же, с. 54]. Крестьянки села Павловское, в свою очередь, предстают перед Невзоровым одетыми в «богатое Русское шелковое платье, головы всѣ унизаны жемчугомъ» [Там же, с. 58].

Занятный эпизод описан Невзоровым в десятом письме (село Осташиха): в беседе с местным крестьянином обсуждался вопрос, люди ли немцы, и тот не смог дать однозначного ответа («Богъ знаетъ, образъ, кажется, человѣческой имеють» [Там же, с. 96]). Автор фиксирует, как работают национальные стереотипы: «Писатели называютъ Русскихъ еще варварами, а Русской мужикъ сомневается и людьми ихъ почесть» [Там же]. В сходном контексте он иронично отзыается о шотландском поэте Джеймсе Томсоне, авторе поэмы «Времена года»: во время ночлега в селе Сумки Невзоров проводит время в беседе с «шутливым старикомъ, начальникомъ семьи» [Там же, с. 109] (в конце письма сказано, что его зовут Логин Семенович), не обсуждая вопросы философии и истории, как призывает шотландец в упомянутой выше поэме — стариk, разумеется, не разбирается в этих вопросах, а «просто говоритъ, что все, что мы видимъ, Богъ сотвориль» [Там же, с. 110]. Здесь также подсведен контраст: «Будучи безграмотенъ, он не умеет бесѣдовать съ великими мудрецами древности <...> Онъ намъ рассказывалъ о упражненіяхъ и работахъ своихъ» [Там же, с. 110—111].

Все это вызывает у автора скорее симпатию, чем осуждение, чего не скажешь о разбойниках, промышляющих по берегам Волги — это еще один образ и элемент национальной картины мира, как и охраняющие от них казаки: «...встрѣтили насъ Донскіе Казаки, вооруженные страшными своими дротиками, разъѣзжающіе по Волгѣ и в окрестностях ея для безопасности путешествующихъ, на которыхъ иногда въѣстахъ нападают воры» [Там же, с. 113]. Особые надежды на процветание народа Невзоров связывает с просвещением. Так, посетив народное училище в Кузьмодемьянске, он с удовлетворением отмечает, что «[я]мщики, которыхъ дѣдушки и отцы съ трудностію умели счесть до сорока алтынъ по биркамъ, выкладываютъ теперь, сколько иголокъ ляжетъ отъ Кузьмодемьянска до С. Петербурга...; мѣщанские дѣти, которыхъ батюшки знали только отъ бабушекъ повѣсть о Чурилѣ Пленковичѣ и о Соловѣ разбойнике, имѣютъ уже нѣкоторое понятие о Титахъ, Генрихахъ и Антонинахъ» [Там же, с. 116—117].

Особо следует выделить рассуждения Невзорова об иных народах, населяющих Россию. Так, в 14-м письме он описывает чувашей, черемисов и мордву, отмечая не только их любовь к пестрым ярким одеяниям, но и общую склонность к лени. Показательно, что, когда проводник-чуваш запел песню, чтобы позабавить путешественников, они не смогли в полной мере проникнуть в ее смысл: «...надобно быть Чувашемъ, чтобы чувствовать приятность ихъ пѣнія» [Там же, с. 126]. Будучи в Казани, Невзоров подробно описывает быт и нравы татар. Л. Н. Сарбаш отмечает, что в тексте «с документальной точностью описывается инонациональный пласт бытия: от бытовой специфики до духовно-религиозной характеристики — свадебная и похоронная обрядность, описание мечети и мусульманского богослужения. “Татарское” идентифицируется как “мусульманское”, как особая национальная характерология российской действительности и предстает в детализированном изображении» [Сарбаш, 2013, с. 65].

Еще одним элементом конструирования образа России для Невзорова выступают значимые исторические фигуры и религиозные деятели. Так, например, в Муроме он поклонился мощам св. Петра и Февронии, а осмотр Нижнего Новгорода начинает с посещения могилы Кузьмы Минина.

Итак, Невзоров описывает широкий круг лиц — мужчин, женщин, молодых, пожилых, умудренных опытом, разговорчивых и лишенных голоса, русских, татар, чувашей, православных, мусульман и т. д. Все это создает пеструю картину: этническую, религиозную и половозрастную. Невзоров подмечает сходства и различия, описывая константы национально-этнической ментальности, значимую примету образа России.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, отметим, что модель образа России конструируется у Невзорова следующим образом: автор выбирает форму эпистолярия, которая имитирует документальный текст, следовательно, формирует иллюзию достоверности и установку на то, что представленный читателю образ России соответствует действительности.

Предметами осмысления в рамках заданной системы для автора становится ландшафт как «слепок» пространства и образы жителей, его населяющих. Невзорова интересует культурный ландшафт как совокупность природных и антропогенных реалий — с акцентом на последнее. Оптика восприятия основана на двух ключевых оппозициях: первая (и главная) — «центр — периферия», причем периферия рассматривается в положительном контексте — как простор, масштаб и «воздушное... пространство», второй — «реальный — воображаемый ландшафт» (или, точнее, пространство памяти). В характеристике населенных пунктов акцент сделан на значимые социальные объекты и / или культовые сооружения. Невзоров также обращает внимание на историю того или иного города или села, этимологию названия, местные легенды и верования. Автору удается одинаково объемно описать богатые русские села и величественную Казань, один из центров мусульманского мира империи. Критерием оценки для него выступает чистота, богатство построек, наличие каменных зданий, культовых сооружений и памятных мест.

По сходной схеме характеризуются и жители необъятной империи — здесь подразумевается типичная для трактата дилемма «свое — чужое», но Невзоров воздерживается от прямых оценочных суждений. Кажется, ему одинаково интересны и зажиточные русские крестьяне, и воинственные казаки, охраняющие путешествующих по берегам Волги от разбойников, и татары, населяющие Казань, — каждая встреча становится полноценным путевым впечатлением. Он убедительно демонстрирует, что наибольшая дистанция — не между православным и мусульманином, богачом и бедняком, а между жителем столицы, никогда не видевшим подлинных просторов родной страны, и крестьянином, чья жизнь подчинена годовому циклу и чей космос — его жилище.

Так перед нами возникает объемный и многомерный образ России, который был бы еще более полным, если бы Невзоров реализовал свой замысел и описал в полном сочинении не только Казань, но и Вятку и Оренбург.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Невзоров М. И. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году, Максима Невзорова / М. И. Невзоров. — Москва : В Университетской типографии, у Любви, Гария и Попова, 1803. — 270 с.

Литература

1. Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века : концептосфера русского ориентализма : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 16.03.16 / П. В. Алексеев. — Томск, 2016. — 40 с.
2. Банах И. В. Структура повествования в жанре путешествия : (на материале рус. лит. конца XVIII — первой трети XIX вв.) : монография / И. В. Банах. — Гродно : Учреждение образования «Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы», 2005. — 131 с. — ISBN 985-417-678-9.
3. Белова А. В. Лингвопрагматическая характеристика обратимой эпистолярной коммуникации : На материале переписки Ал. П. Чехова и А. П. Чехова : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Белова. — Санкт-Петербург, 2005. — 23 с.
4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира : Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский / Г. Д. Гачев. — Москва : Советский писатель, 1988. — 445 с. — ISBN 5-265-00506-4.
5. Земсков Б. В. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект : reception иreprезентация «другой» культуры) [Электронный ресурс] / Б. В. Земсков // Новые российские гуманитарные исследования. — 2006. — № 1. — Режим доступа : <http://nrgumis.ru/articles/81/> (дата обращения 19.06.2024).
6. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : сборник статей / В. Л. Каганский. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с. — ISBN 5-86793-142-0.
7. Кирьянов И. А. Путевые записи Максима Невзорова о Нижегородском kraе 1800 года / И. А. Кирьянов // Записки краеведов: Очерки, статьи, документы, хроника. — Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1981. — С. 150—153.
8. Киселев В. С. «Под отечественным небом странствую с мирною душою» : образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // Имагология и компаративистика. — 2015. — № 2 (4). — С. 20—42. — DOI: 10.17223/24099554/4/2.
9. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — Москва : Просвещение, 1972. — 110 с.
10. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира / А. Ф. Кофман. — Москва : Наследие, 1997. — 318 с. — ISBN 5-201-13298-7.
11. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма : (Эстетические и художественные искания) / Н. Д. Кочеткова. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 279 с. — ISBN 5-02-028096-8.
12. Кочеткова Н. Д. Невзоров Максим Иванович / Н. Д. Кочеткова // Словарь русских писателей XVIII века. — Санкт-Петербург : Наука, 1999. — Выпуск 2. К—П. — С. 336—340.
13. Кублицкая О. В. Субъектная структура путешествий «массового сентиментализма» (на материале «Путешествия в Малороссию» П. И. Шаликова) / О. В. Кублицкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 284—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303.

14. *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра : исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман. — Екатеринбург : УрГПУ, 2010. — 904 с. — ISBN 978-5-904205-64-1.
15. *Мамуркина О. В.* Травелог в русской литературной традиции : стратегия текстпорождения / О. В. Мамуркина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 9 (27) : в 2-х ч. Ч. II. — С. 110—113.
16. *Немцев М. Ю.* Семь фрагментов о гуманитарной географии, путешествиях и краеведении / М. Ю. Немцев // Labyrinth. Теории и практики культуры. — 2021. — № 1. — С. 89—97.
17. *Петрунина Н. Н.* Проза 1800—1810-х гг. / Н. Н. Петрунина // История русской литературы : в 4 томах : От сентиментализма к романтизму и реализму. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1981. — Т. 2. — С. 51—80.
18. *Поляков О. Ю.* Имагология : теоретико-методологические основы / О. Ю. Поляков, О. А. Полякова // Имагология : теоретико-методологические основы. — Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. — 162 с. — ISBN 978-5-906544-27-8.
19. *Поляков О. Ю.* Становление и развитие категориального аппарата имагологии / О. Ю. Поляков // Вестник Вятского государственного университета. — 2014. — № 9. — С. 125—134.
20. *Пономарев Е. Р.* Типология советского путешествия : советский путевой очерк 1920—1930-х годов : монография / Е. Р. Пономарев. — Санкт-Петербург : СПбГУТД, 2011. — 275 с. — ISBN 978-5-7937-0572-1.
21. *Роболи Т.* Литература «путешествий» / Т. Роболи // Русская проза. — Ленинград : Академия, 1926. — С. 42—73.
22. *Рокина Г. В.* Травелог как исторический источник / Г. В. Рокина // Запад — Восток. — 2016. — № 9. — С. 5—8.
23. *Русакова О. Ф.* Травелог: теоретико-методологический анализ : монография / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. — Екатеринбург : Дискурс-Пи : Ин-т философии и права Уральского отд-ния Российской акад. наук, 2021. — 265 с. — ISBN 978-5-98728-049-2.
24. *Русский травелог XVIII—XX веков : коллективная монография* / под ред. Т. И. Печерской. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. — 652 с. — ISBN 978-5-00023-767-0.
25. *Русский травелог XVIII—XX веков : маршруты, топосы, жанры и нарративы : коллективная монография* / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. — Новосибирск : НГПУ, 2016. — 461 с. — ISBN 978-5-00023-878-0.
26. *Сарбаш Л. Н.* Рецепция «Инонационального» в творчестве М. И. Невзорова : мусульманский мир в «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» / Л. В. Сарбаш // Rhema. Рема. — 2013. — № 1. — С. 63—67.
27. *Соколовская Т. О.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия) / Т. О. Соколовская. — Москва : Гос. публ. ист. б-ка России, 1999. — 172 с. — ISBN 5-85209-052-2.
28. *Соловьев А. Ю.* «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII — начала XIX веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. Ю. Соловьев. — Санкт-Петербург, 2011. — 24 с.
29. *Толстиков А. В.* HOMO VIATOR / А. В. Толстиков, О. Е. Кошелева // Путешествие как историко-культурный феномен. — Москва : ИВИ РАН, 2010. — С. 5—10. — ISBN 978-5-94067-317-0.
30. *Тукалевский В. Н.* Искаания русских масонов : [Из истории филос. направлений в рус. о-ве XVIII в.] / В. Н. Тукалевский. — Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1911. — 73 с.

31. Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») / О. А. Фарафонова // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 70—82. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-70-82.
32. Черепанова Н. В. Путешествие как способ измерения культурного пространства / Н. В. Черепанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2006а. — № 7. — С. 65—71.
33. Черепанова Н. В. Путешествие как феномен культуры : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Н. В. Черепанова. — Томск, 2006б. — 19 с.
34. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790—1840 / А. Шенле. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 271 с. — ISBN 5-7331-0287-X.
35. Шешунова С. В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности [Электронный ресурс] / С. В. Шешунова // Проблемы исторической поэтики. — 2008. — Т. 8. — Режим доступа : <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2589> (дата обращения 19.06.2024).
36. Шпак Г. В. Травелог : поиск универсальной definicijii. Четыре стратегии презентации пространства / Г. В. Шпак // Преподаватель XXI век. — 2016. — Т. 3. — № 2. — С. 261—277.
37. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд ; авториз. пер. с англ. В. Макарова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — 448 с. — ISBN 978-5-4448-0530-5.
38. Эткинд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. Эткинд. — Москва : Новое литературное обозрение, 2022. — 608 с. — ISBN 5-86793-141-2.

*Статья поступила в редакцию 18.06.2024,
одобрена после рецензирования 29.08.2024,
подготовлена к публикации 16.09.2024.*

Material resources

Nevzorov, M. I. (1803). *Journey to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800*, Maxim Nevzorov. Moscow: In the University Printing House, Lyubov, Garia and Popov. 270 p. (In Russ.).

References

- Alekseev, P. V. (2016). *The East and the Oriental text of Russian literature of the first half of the XIX century: the conceptual sphere of Russian orientalism*. Author's abstract of Doct. Diss. Tomsk. 40 p. (In Russ.).
- Banach, I. V. (2005). *The structure of the narrative in the genre of travel: (based on the material of the Russian lit. of the end of the XVIII — first third of the XIX centuries): monograph*. Grodno: Educational institution “Grodno State University named after Yanki Kupala”. 131 p. ISBN 985-417-678-9. (In Russ.).
- Belova, A. V. (2005). *Linguopragmatic characteristics of reversible epistolary communication: Based on the correspondence of Al. P. Chekhov and A. P. Chekhov*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 23 p. (In Russ.).
- Cherepanova, N. V. (2006). *Travel as a cultural phenomenon*. Author's abstract of PhD Diss. Tomsk. 19 p. (In Russ.).

- Cherepanova, N. V. (2006). Travel as a way of measuring cultural space. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 7: 65—71. (In Russ.).
- Etkind, A. (2013). *Internal colonization. The Imperial experience of Russia*. Moscow: New Literary Review. 448 p. ISBN 978-5-4448-0530-5. (In Russ.).
- Etkind, A. (2022). *Interpretation of travel: Russia and America in travelogues and intertexts*. Moscow: New Literary Review. 608 p. ISBN 5-86793-141-2. (In Russ.).
- Farafonova, O. A. (2017). Oriental Travelogue by Pavel Sumarokov (“Leisure of Crimean judge or Second journey to Tavrida”). *Nauchnyi dialog*, 7: 70—82. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-7-70-82> (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1988). *National images of the world: General issues. Russian. Bulgarian. Kyrgyz. Georgian. Armenian*. Moscow: Soviet Writer. 445 p. ISBN 5-265-00506-4. (In Russ.).
- Kagansky, V. L. (2001). *Cultural landscape and Soviet habitable space: collection of articles*. Moscow: New Literary Review. 576 p. ISBN 5-86793-142-0. (In Russ.).
- Kiryanov, I. A. (1981). Travel notes by Maxim Nevzorov about the Nizhny Novgorod Region in 1800. In: *Notes of local historians: Essays, articles, documents, chronicle*. Gorky: Volga-Vyatka Book Publishing House. 150—153. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S., Vasilyeva, T. A. (2015). “I travel with a peaceful soul under the domestic sky”: the image of Ukraine in Russian travelogues of the early XIX century (V. V. Izmailov, P. I. Shalikov, A. I. Levshin). *Imagology and comparative studies*, 2 (4): 20—42. DOI: 10.17223/24099554/4/2. (In Russ.).
- Kochetkova, N. D. (1994). *Literature of Russian sentimentalism: (Aesthetic and artistic searches)*. St. Petersburg: Nauka. 279 p. ISBN 5-02-028096-8. (In Russ.).
- Kochetkova, N. D. (1999). Nevzorov Maxim Ivanovich. In: *Dictionary of Russian writers of the XVIII century*, 2. K—P. St. Petersburg: Nauka. 336—340. (In Russ.).
- Kofman, A. F. (1997). *Latin American artistic image of the world*. Moscow: Heritage. 318 p. ISBN 5-201-13298-7. (In Russ.).
- Korman, B. O. (1972). *Studying the text of a work of art*. Moscow: Prosveshchenie. 110 p. (In Russ.).
- Kublitskaya, O. V. (2022). Subjective Structure of “Mass Sentimentalism” Travels (P. I. Shalikov “Journey to Malorossia”). *Nauchnyi dialog*, 11 (7): 284—303. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-7-284-303> (In Russ.).
- Leiderman, N. L. (2010). *Theory of genre: research and analysis*. Yekaterinburg: USPU. 904 p. ISBN 978-5-904205-64-1. (In Russ.).
- Mamurkina, O. V. (2013). Travelogue in the Russian literary tradition: the strategy of text generation. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 9 (27): in 2 hours II: 110—113. (In Russ.).
- Nemtsev, M. Yu. (2021). Seven fragments about humanitarian geography, travel and local history. *Labyrinth. Theories and practices of culture*, 1: 89—97. (In Russ.).
- Petrunina, N. N. (1981). Prose of the 1800s—1810s. In: *The history of Russian literature. In 4 volumes. From sentimentalism to romanticism and realism*, 2. Leningrad: Nauka: Leningrad Branch. 51—80. (In Russ.).
- Polyakov, O. Yu., Polyakova, O. A. (2013). Imagology: theoretical and methodological foundations. In: *Imagology: theoretical and methodological foundations*. Kirov: Raduga-PRESS LLC. 162 p. ISBN 978-5-906544-27-8. (In Russ.).
- Polyakov, O. Yu. (2014). The formation and development of the categorical apparatus of imagology. *Bulletin of Vyatka State University*, 9: 125—134. (In Russ.).

- Ponomarev, E. R. (2011). *Typology of Soviet travel: The Soviet travel essay of the 1920s—1930s: a monograph*. St. Petersburg: SPGUTD. 275 p. ISBN 978-5-7937-0572-1. (In Russ.).
- Roboli, T. (1926). Literature of “travels”. In: *Russian prose*. Leningrad: Academia. 42—73. (In Russ.).
- Rokina, G. V. (2016). Travelogue as a historical source. *West — East*, 9: 5—8. (In Russ.).
- Rusakova, O. F., Rusakov, V. M. (2021). *Travelogue: theoretical and methodological analysis: monograph*. Yekaterinburg: Discourse-Pi: Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 265 p. ISBN 978-5-98728-049-2. (In Russ.).
- Russian travelogue of the XVIII—XX centuries: a collective monograph*. (2015). Novosibirsk: NSPU Publishing House. 652 p. ISBN 978-5-00023-767-0. (In Russ.).
- Russian travelogue of the XVIII—XX centuries: routes, toposes, genres and narratives: a collective monograph*. (2016). Novosibirsk: NGPU. 461 p. ISBN 978-5-00023-878-0. (In Russ.).
- Sarbash, L. N. (2013). Reception of the “Foreign” in the work of M. I. Nevzorov: the Muslim world in the “Journey to Kazan, Vyatka and Orenburg in 1800”. *Rhema. Rema*, 1: 63—67. (In Russ.).
- Shenle, A. (2004). *Authenticity and fiction in the author’s self-consciousness of Russian travel literature, 1790—1840*. St. Petersburg: Academic Project. 271 p. ISBN 5-7331-0287-X. (In Russ.).
- Sheshunova, S. V. (2008). The national image of the world as a category of ethnopoetics of Russian literature. *Problems of historical poetics*, 8. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2589> (accessed 19.06.2024). (In Russ.).
- Shpak, G. V. (2016). Travelogue: the search for a universal definition. Four strategies of space representation. *Teacher of the XXI century*, 3 (2): 261—277. (In Russ.).
- Sokolovskaya, T. O. (1999). *Russian Freemasonry and its significance in the history of the social movement (XVIII and the first quarter of the XIX century)*. Moscow: State Publ. ist. b-ka of Russia. 172 p. ISBN 5-85209-052-2. (In Russ.).
- Solovyov, A. Yu. (2011). “*Journey to midday Russia*” by V. V. Izmailov in the context of Russian travel literature of the late XVIII — early XIX centuries. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 24 p. (In Russ.).
- Tolstikov, A. V., Kosheleva, O. E. (2010). HOMO VIATOR. In: *Travel as a historical and cultural phenomenon*. Moscow: IVI RAS. 5—10. ISBN 978-5-94067-317-0. (In Russ.).
- Tukalevsky, V. N. (1911). *The search for Russian Freemasons: [From the history of Philos. directions in the Russian language of the XVIII century]*. St. Petersburg: Senate. type. 73 p. (In Russ.).
- Zemskov, B. V. (2006). The image of Russia “at the turning point” of times (Theoretical aspect: reception and representation of the “other” culture). *New Russian humanitarian studies*, 1. Available at: <http://nrgumis.ru/articles/81/> (accessed 19.06.2024). (In Russ.).

*The article was submitted 18.06.2024;
approved after reviewing 29.08.2024;
accepted for publication 16.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Макаров С. С. Сюжетно-мотивные параллели в героических эпосах якутов, карачаевцев и балкарцев : испытания эпического героя / С. С. Макаров // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 311—332. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-311-332.

Makarov, S. S. (2024). Plot-Motivational Parallels in Heroic Epics of Yakuts, Karachays, and Balkars: Trials of Epic Hero. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 311-332. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-311-332. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сюжетно-мотивные параллели в героических эпосах якутов, карачаевцев и балкарцев: испытания эпического героя

Макаров Семен Семенович
orcid.org/0000-0002-5751-5967
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
отдел фольклора,
корреспондирующий автор
others3@mail.ru

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет
гранта Российского научного
фонда № 23-28-00655,
<https://rscf.ru/project/23-28-00655/>

Автор выражает благодарность
профессору С. Ю. Неклюдову за
консультации по монгольским
фольклорным материалам и помочь
в ознакомлении с соответствующей
научной литературой.

Plot-Motivational Parallels in Heroic Epics of Yakuts, Karachays, and Balkars: Trials of Epic Hero

Semen S. Makarov
orcid.org/0000-0002-5751-5967
PhD in Philology,
senior research scientist,
Department of Folklore,
Corresponding Author
others3@mail.ru

A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00655,
<https://rscf.ru/project/23-28-00655/>

The author wishes to express sincere
gratitude to Professor S. Yu. Neklyudov for
his invaluable consultations on Mongolian
folklore materials and for his generous
assistance in guiding the author through
the relevant scientific literature.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются сюжетно-мотивные параллели в записях карачаево-балкарского и якутского эпосов. В центре внимания находится узловая для жанра тема испытаний эпического героя. Основная цель работы — исследование особенностей разработки совпадающих сюжетных мотивов в двух тюркоязычных повествовательных традициях, прояснение на этой основе интегральных черт их тематики и поэтики. Исследование основано на представительном круге записей героического эпоса якутов, карачаевцев и балкарцев, выполненных на протяжении XIX—XX веков, а также эпических повествований других тюрко- и монголоязычных народов. Несмотря на значительную географическую и временную отдаленность двух тюркоязычных традиций, анализ выявляет значительное число совпадающих сюжетных ситуаций и образов, характерных для данных повествований. В работе исследуются особенности их воплощения и варьирования, прослеживаются возможные фольклорные связи и происхождение. Специальное внимание уделяется сюжетам: «стрельба в удаленный небесный объект», «искушение героя группой антагонистов», «камень, разрушающийся под ногами настоящего героя». Анализ текстов позволяет прийти к выводу о существенной близости концепции эпического героя в исследуемых традициях, бытования в них широкого числа сюжетов и мотивов, общий источник которых, вероятно, локализовался в Центральной Азии.

Ключевые слова:

сравнительное эпосоведение; фольклор тюркских народов; карачаево-балкарский фольклор; нартский эпос; якутский фольклор; олонхо.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the plot and motivational parallels present in the heroic epics of the Karachay-Balkar and Yakut traditions. It focuses on a central theme that is vital to the genre: the trials faced by the epic hero. The primary aim of this study is to investigate the unique features of overlapping plot motifs within these two Turkic narrative traditions, thereby illuminating their thematic and poetic characteristics. The research draws on a representative corpus of heroic epic recordings from the Yakuts, Karachays, and Balkars, collected throughout the 19th and 20th centuries, as well as narratives from other Turkic and Mongolic-speaking communities. Despite the significant geographical and temporal distances between these traditions, the analysis reveals a noteworthy number of coinciding plot situations and motifs. This study delves into the nuances of their representation and variation, tracing potential folkloric connections and origins. Particular attention is given to specific plots, such as “shooting at a distant celestial object,” “the hero’s temptation by a group of antagonists,” and “the stone that crumbles beneath the feet of the true hero.” The textual analysis concludes that there is a remarkable similarity in the concept of the epic hero across these traditions, alongside a rich variety of plots and motifs that likely trace back to a common source in Central Asia.

Key words:

comparative epic studies; folklore of Turkic peoples; Karachay-Balkar folklore; Nart epic; Yakut folklore; Olonko.

УДК 398.22 (=512.157)(=512.142)

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-311-332

Научная специальность ВАК
5.9.4. Фольклористика

Сюжетно-мотивные параллели в героических эпосах якутов, карачаевцев и балкарцев: испытания эпического героя

© Макаров С. С., 2024

1. Введение = Introduction

В развитии сравнительных исследований фольклора заметную роль сыграли материалы по устным традициям тюркских народов. Благодаря своему многообразию, достаточно подробной документированности, бытования до относительно недавнего времени в «живых» контекстах эти традиции дали замечательную эмпирическую базу для компаративных и типологических исследований повествовательного фольклора, и в частности развитого в культуре этих народов жанра героического эпоса. Активное включение в наши дни в научный оборот не публиковавшихся ранее архивных источников, усиление интереса ученых различного профиля и самих носителей традиций к текстам этнической культуры сообщают новую актуальность исследованиям этого материала.

Как известно, возникновение героического эпоса связывается с осознанием индивидуальных возможностей человека, и не в последнюю очередь — его физических способностей [Боура, 2002, с. 15—22]. Неслучайно «проверка» центрального персонажа различных героических повествований на его соответствие критериям во многом универсального воинского стереотипа, ведущее место среди которых занимают сила, ловкость, умение быстро преодолевать расстояния, становится обязательной и часто наиболее объемной частью эпических сюжетов. Эти типологически единые для жанра героического эпоса элементы, формирующие «ядро» его содержания, вероятно, и реализовывали в традиционной ситуации основные дидактические, развлекательные, а прежде и ритуальные его функции. Они же могут быть рассмотрены и как показательный материал для сравнительного изучения эпических традиций.

Настоящая статья посвящена анализу сюжетно-мотивных параллелей в эпическом фольклоре двух тюркоязычных народов — якутов, карачаевцев и балкарцев. Типологическое сходство и сюжетные совпадения эпосов тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии и карачаево-бал-

карской «Нартиады», не раз отмечались исследователями. Бесспорными, в частности, предстают соответствия на уровне персонажных систем, сюжетных мотивов эпосов, а также их заметная стадиальная близость [Хаджиева, 2018; Малкондуев, 2013 и др.]. Работа проведена в рамках научного проекта, нацеленного на специальное исследование интегральных черт карачаево-балкарской и якутской эпических традиций, прояснение их типологического соотношения и этнокультурного своеобразия.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Карачаево-балкарская «Нартиада» является одной из этнических версий общекавказского круга сказаний о богатырях-нартах, ближайшие фольклорные параллели для которой обнаруживаются в традициях других народов Кавказа, в их контексте она преимущественно и исследована, также она рассматривалась в сопоставлении с тюрко- и монголоязычными традициями Центральной Азии.

Героический эпос якутов (или олонхо), в свою очередь, несмотря на довольно длительный период развития вдали от основного тюркского этнокультурного континуума, обнаруживает системные сходства с кругом южносибирских традиций, естественным продолжением которых он, в сущности, и является.

Обращение к сравнительному исследованию этих, на первый взгляд, значительно удаленных друг от друга территориально и исторически эпических традиций, тем не менее имеет свои основания. Являясь модификациями изначально единого фольклорного комплекса, сформировавшегося в главных своих чертах предположительно на территории Центральной Азии, карачаево-балкарская «Нартиада» и якутские олонхо иллюстрируют различные возможности развития тюркского героического эпоса. Их компаративное исследование позволяет выявить общие и, вероятно, наиболее архаичные пластины в сюжетах обеих эпических традиций. Результаты работы также могут дать новый материал для расширения имеющихся реконструкций общетюркской мифологической системы и палеофонклора.

В соответствии с этим в работе реализованы принципы сравнительного, сравнительно-типологического исследования эпических сюжетов, разработанные в трудах С. М. Боура [Боура, 2002], Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 1968], Б. Л. Рифтина [Рифтин, 1970], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов, 1984]. Особое значение приобрели работы по компаративному изучению и стадиальной типологии тюркского эпоса В. М. Жирмунского [Жирмунский, 1974], И. В. Пухова [Пухов, 2004], К. Райхла [Райхл, 2008].

Вопрос о сюжетных связях карачаево-балкарского и тюрко-монгольских эпосов (в том числе якутского) ранее обсуждался в работах А. З. Хо-

лаева [Холаев, 1974] и Т. М. Хаджиевой [Хаджиева, 1994; Хаджиева, 2018]. Специальное внимание в них уделено сравнению демонологических персонажей в двух традициях, продемонстрирована плодотворность сравнительного изучения их сюжетов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В исследуемых эпосах помимо предсказуемого совпадения достаточно общих тем, характерных для поющиhsся героических повествований в целом (чудесное рождение и рост героя, обретение им богатырского коня, борьба и победа героя над демоническим противником и т. д.), определяется и круг некоторых специфичных сюжетных ситуаций и событий, показательных в отношении их «точек схождения». Масштаб этих элементов различен: от лаконичного мифологического представления, содержание которого может быть изложено простым утвердительным предложением¹, до объемных, достаточно сложных сюжетов, также получающих свою разработку в обеих этнических традициях².

Мы выделили три достаточно показательных мотивных комплекса, соответствующие избранной теме. Все они направлены на обоснование «истинности» героев-протагонистов, в обеих традициях так или иначе понимаемых как предки и зачинатели этнической (в перспективе архаического эпоса — всей человеческой) культуры. Приведем разбор их семантики и возможных фольклорных связей.

3.1. Состязание героев в стрельбе из лука в удаленный объект в небе

Как известно, умение владеть оружием с самого раннего детства, точно стрелять в цель является одним из отличительных признаков эпического героя [Жирмунский, 1974, с. 248]. Определения *алл*, *мерген* ‘меткий’ и синонимичные им слова включаются в качестве постоянных эпитетов в имена многих героев тюрко-монгольских эпических повествований. Помимо своего основного значения они приобретают в разных языках дополнительные смыслы, формирующие в совокупности целостный стереотип

1 К таким элементам может быть отнесен, например, мотив наличия в груди истинного героя нескольких сердец. Он имеется, в частности, в нартском сказании об Алаугане [Нарты ..., 1994, с. 401] и в якутском предании о юноше-хосуне Чаяппара [Исторические предания ..., 1960, ч. 1, с. 187].

2 Укажем в этом отношении, например, на адаптации сюжета AaTh 1137, повествующего о приключениях героя в плену у одноглазого великана, ср. карачаево-балкарские сказания «Ёрюзмек и одноглазый эмеген», «Сосурук и одноглазый эмеген — пастух коз» [Нарты ..., 1994, с. 338—339, 380—381], якутский вариант «Фома Тостоков» [Якутские сказки ..., 1967, с. 186].

воина: ‘отважный, храбрый, смелый’, ‘герой’, ‘находчивый’ и т. д. [Сравнительно-историческая грамматика ..., 1997, с. 560].

Обращает на себя внимание тот факт, что и в якутском, и в карачаево-балкарском языках сохранилось тюркское имя для боевого лука с колчаном — *саадах*, *садакъ джая* соответственно [СЯЯ, т. 2, стлб. 2022; КБРС, с. 533]. Стрельба из лука как действие и как характерная метафора, выражаяющая присутствие и активность эпического героя, занимает особое место в топике героических сказаний этих народов.

В одном из сюжетов карачаево-балкарской «Нартиады» находим следующее описание состязания нартских воинов, устраиваемого для них их соратником и главой Ёрюзмеком:

... Ёрюзмек укрепил на небе иголку и сказал:

— Кто попадет [в игольное ушко], том вместо меня станет предводителем нартов.

Воины Караашая, Сосурука и Ёрюзмека начали состязание. Но никто не смог попасть [в цель]. В конце, [когда очередь дошла до Ёрюзмека], Ёрюзмек метнул [стрелу] и сбил иголку.

— Тебе и быть главой, — сказали [нарты] ... [Нарты ..., 1994, с. 492].

Можно заметить, что по своему содержанию данная сюжетная ситуация фактически представляет собой реализацию «формулы невозможного», когда настоящий герой своей стрелой перебивает невероятно мелкую цель. Это довольно характерно для поэтики карачаево-балкарских сказаний. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что мотив соревнований в стрельбе из лука фигурирует в данном сюжете как замкнутая в себе часть обучения и испытаний молодых воинов. Впрочем, для этого мотива возможно предположить изначальную несколько иную — матри monialьную (связанную с кругом брачных испытаний героя) семантику. На это указывают и внутренне характерные для данной этнической традиции, и внешние, инокультурные сюжетно-тематические параллели.

Так, в другом сюжете карачаево-балкарской «Нартиады» находим схожий по структуре эпизод «испытания»: нартский герой Болат-Хымыч оказывается на турнире у аварского хана, готового выдать свою dochь за того, кто попадет издалека стрелой в иголку, воткнутую в зеркало [Нарты ..., 1994, с. 576].

Появляющаяся и здесь символика иглы (вероятно, как типично женского орудия), по всей видимости, является вариантом более ранних версий мотива, который находит и другие воплощения в родственных традициях. Важными для их интерпретации, как кажется, становятся такие признаки упомянутых предметов, как малый размер, острота (для иглы),

гладкая фактура, способность отражать свет и визуальная бездонность (для зеркала).

Согласно многим карачаево-балкарским сказаниям, одним из самых метких стрелков среди нартских героев являлся Сосурук — рожденный чудесным образом сын Сатанай. Судя по имеющимся записям, с именем этого героя в традиции часто связывался мотив стрельбы по небесным объектам. «А остры ли стрелы Сосурука? / Его стрелы до звезд долетают, / Упав оттуда, крепости пробивают», — поется в одной из нартских песен [Там же, с. 374]. В других текстах этому чудесному действию может придаваться подчеркнуто будничный, утилитарный смысл: «В древние времена нарты зажигали огонь так: они вырывали с корнем огромное сухое дерево и поджигали его, поднеся к солнцу, или разводили костер, сбив стрелой с неба звезду», — сообщается в начале одного из сказаний [Там же, с. 367]. Встречающемуся в этих примерах мотиву стрельбы в звезды в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев посвящаются и более развернутые сюжеты.

В числе ярких фрагментов сказаний можно назвать, в частности, описания состязаний нартских богатырей. Сосурук и другие герои стреляют по Полярной звезде (кар.-балк. *Темир-Къазыкъ* ‘Железный кол’) — по традиционным представлениям, центр всей небесной сферы, или же в «осколок зеркала», прикрепленный к этой звезде [Там же, с. 310]. Как известно, это единственный статичный астрономический объект во всем Северном полушарии, практически совпадающий с осью вращения ночного неба. Как отмечал еще Г. Н. Потанин, «неподвижное положение этой звезды среди других движущихся звезд подало повод смотреть на нее, как на основу правильного движения звезд, как на залог мирового порядка; мир движется правильно, пока Полярная звезда сохраняет свое положение; если пошатнуть ее, конец мировому порядку...» [Потанин, 1899, с. 742].

Это небесное тело имеет богатые мифологические ассоциации в мировом фольклоре. В традициях других тюркских народов имеются разнообразные представления о Полярной звезде, сохранившей во многих языках северной Евразии название «Небесный кол», в тюрко-монгольском ареале чаще — Железный (или Золотой) кол (*Темир- / Алтын-Казык*). Например, согласно текстам хакасской традиции, вокруг этой звезды ходит на приколе «вороная кобыла» (Малая медведица) [Буганаев, 1975, с. 235], в орнаменте ногайских войлочных ковров изображение пятиконечной Полярной звезды, как и в целом ряде иных традиций, знаменует вершину мирового древа Байтерек, оси и несущей структуры мира [Канокова, 2016, с. 168], в алтайском шаманизме звезда мыслилась как шестая сфера неба — своеобразная «резиденция» бога Ульгения, до которой позволялось доходить шаману и оставлять там ему свои дары [Анохин, 1924, с. 9]; в целом ряде

культур Полярная звезда — коновязь, к которой привязаны два коня небесного повелителя [Березкин и др., 185А].

В контексте анализируемого мотива обращают на себя внимание сюжеты с матrimониальной темой, в которых те или иные астральные объекты наделяются соответствующими гендерными чертами.

В одном из нартских сказаний юному Ёрюзмеку удается выполнить трудное задание: «...в блестевший на Полярной звезде / Осколок зеркала свою стрелу метнул. / Прямо в середину попав, вдребезги [зеркало] разбил. / Осколочки [его] с неба / На людей посыпались...» [Нарты ..., 1994, с. 310]. В данном варианте стрельба из лука выглядит испытанием силы и меткости героя, в других традициях за этим действием проглядывает другой подтекст. Рассмотрим семантику этого сюжета в контексте сюжетов и образов тюркского эпического фольклора.

По этнографическим данным, в якутской традиции (обрядах, народной мантике) стрела являлась обобщенным символом мужского начала. Например, в толкованиях сновидений стрела интерпретировалась как знак, предвещающий рождение сына [Каженкин, 2000, с. 57]. В текстах эпоса и мифологических рассказов якутов стрела выступает символическим «заместителем» героя, а лук — атрибутом, показывающим среди прочего силу и рост богатыря. ...*Саныгарсаалаахсаадаыншилтимитинэнайыллыбыт... КөмүсЧүчүлээнбухатыыр* [Ала Булкун ..., 1994, с. 33] (Сотворенный накинувшим свой лук и колчан через плечо), — говорится об одном из богатырей олонхо). Уезжая из дома, герой якутского эпоса, как и персонажи некоторых других тюрко-монгольских эпосов, нередко оставляет домочадцам стрелу, которая будет показывать остающимся его дальнейшую судьбу, см., например: [Емельянов, 1980, с. 43, 50].

В устной традиции якутов был популярен и другой сюжетный мотив о том, как заезжие воины примериваются к висящему у дома в отсутствие самого героя луку. В устном предании о силаче Бэрт Хара противники, намеревавшиеся сразиться с героем, испытывают сильное смятение, не сумев натянуть ни на малую толику тетиву его мощного лука [Исторические предания ..., 1960, с. 133]. «Обращенный» вариант этого мотива находим в сюжете олонхо «Дева-богатырка», в котором героиня поочередно сражается с тремя демоническими богатырями: каждый раз, подходя к их жилищам, она пробует натянуть висящий у дверей лук [Кызыдааннаахкыыс..., 2016, с. 108—140]. Перестрелка богатыря с противником зачастую заменяет в олонхо контактный бой.

Вполне закономерно, таким образом, что одним из основных испытаний героя в сюжетах якутского эпоса также становится соревнование в меткости с другими богатырями. Своебразной квинтэссенцией этой

темы в олонхе оказывается сюжет о стрельбе героев в висящий в небе на краю земли золотой мячик (ср. с образом зеркала в карачаево-балкарской традиции), представляющий собой душу (*кут*) девушки-невесты, за руку которой и конкурируют богатыри. «*Если отдаам [дочь] кому-то одному — великая вражда зародится ... пусть тот, кто имеет удачливые пальцы, меткий глаз ... прострелит насквозь его сердцевину. Тому и суждено взять ее в жены...*», — говорит отец девушки, устроитель испытания [Элик Боттур ..., с. 359—360] (перевод наш. — С. М.). Естественно, именно стрела героя и попадает в эту трудную мишень; поймать и увезти ее обычно помогает его богатырский конь.

Подробный анализ этого сюжета в контексте пространственной образности якутского эпоса дан Л. Н. Семеновой [Семенова, 2006, с. 137—151]. Образ виднеющегося из-за облаков крошечного мяча, согласно проведенному исследовательницей разбору, концентрирует в себе основные семантические характеристики девушки-невесты в олонхе: пространственную удаленность, статичность, связь с плодородным началом. Меткая стрельба же по мячу из лука, производимая героем, учитывая богатый ритуально-мифологический контекст данного жеста, прочитывается как знак осуществления брака, соединение мужского и женского начал.

В ряде вариантов вместо золотого мяча может фигурировать *шерстяной мяч*, см., например: [Мүгүлү Бөбө ..., 2010, с. 90]. Этот образ на фоне приведенных выше мотивов тюркских мифологических традиций выглядит поздней региональной новацией, обусловленной наличием схожего по семантике образа в мифоритуальной традиции якутов. В частности, он находит себе параллель в нарративах и обрядовых действиях, в которых смытый в шар комок шерсти выступает знаком плодородия и изобилия [Емельянов, 1980; Романова, 1999, с. 241—243]. В этот же символический ряд укладывается образ подвешенного между небом и землей светлого камня, подобного *яйцу*, на который садится юная девушка — будущая невеста героя [Емельянов, 1980, с. 163].

Появляющиеся также в сюжетах якутского эпоса на месте *шерстяного мяча* образы *золотой бабки* (надкопытный сустав животного, по форме напоминающий фигурку человека) и *золотого кольца* оказываются не менее примечательными. Они позволяют связать рассматриваемый сюжет с его региональными и международными контекстами. Два последних образа, в частности, явственно указывают на связь сюжета с широко распространенным в Южной Сибири и Монголии мифологическим сюжетом небесной охоты или погони, персонажи которой, как правило, действуют в небе именно вокруг Полярной звезды, и семантически близким ему мотивом богатырской стрельбы в астральный объект [Березкин и др., I85A].

Есть основания предположить, что прототип всех этих сюжетов сложился изначально в Центральной Азии — общем истоке обеих рассматриваемых и иных тюркских и монгольских фольклорных традиций. На это указывают совпадения, обнаруженные нами в фольклоре других сибирских и центральноазиатских народов.

В частности, весьма близкая параллель им обнаруживается в бурятском эпосе о Гэсэре. Рассматриваемая сюжетная ситуация возникает здесь дважды: в одном случае герою в облике мальчика-оборванца предлагается метнуть стрелу в золотой диск [Гэсэр ..., 1986, с. 129] (ср. с аналогичным мотивом олонхо), второй раз — в золотое кольцо молодой девушки-невесты, подвешенное на солнечном луче [Гэсэр ..., 1986, с. 141], что в целом говорит об укорененности мотива в этом регионе.

Особый интерес привлекает сюжет алтайского героического эпоса «Маадай-Кара», согласно которому звезда Золотой Кол — единственная дочь Ай-Каана (месяц) Алтын-Кюсю, что буквально означает ‘Золотое зеркало’. Совпадающей с содержанием анализируемых сюжетов оказывается и локализация этой эпической красавицы: «на грани неба и земли, где день сливаются и ночь...» [Маадай-Кара ..., 1979, с. 170].

Примечательно, что в некоторых тюркских языках Южной Сибири слово *казык* и его аналоги (в частности, в тув. *кажык*, хак. диал. *кызык*, алт. диал. *кажсык*) имеют также значение ‘лодыжка, щиколотка, бабка (надкопытный сустав)’ [Ооржак, 2022, с. 162], тем самым слово семантически совпадает с якутским *сы(a)бай*, с которым, возможно, имеет и этимологическую связь (ср. формы *ašuk*, *ašik* ‘бабка, игра в бабки’ и т. д. [Татаринцев, 2004, т. 5, с. 58]). Если эту региональную лексическую черту экстраполировать на тюркские лингвокультуры в целом, то проявляется интересная языковая и образная связка между эпическими мотивами стрельбы в золотую бабку животного и в Полярную звезду, объясняющая возможный переход между ними в результате лексической реинтерпретации.

Таким образом, есть достаточные основания рассматривать мотив стрельбы в светящийся небесный объект (неподвижную звезду, золотой диск и т. д.), встречающийся в карачаево-балкарском и якутском эпосах, как различные этнические рефлексы одного и того же фольклорного сюжета, имеющего непосредственную связь с астральной мифологией алтайских народов и относящегося к общему и, вероятно, довольно раннему пласту их традиционных представлений.

3.2. Искушение странствующего героя группой антагонистов

Данный мотив связан с более общей темой оборотничества антагонистов, предполагает появление зрительной иллюзии и, вероятно, развился в традициях независимо. Его структура имеет следующий вид. Герой

странствует в одиночестве вне пределов «своего» пространства. На его пути встречается группа незнакомцев (в некоторых примерах они изображаются как обманчиво похожие на представителей родного для него сообщества). Герою предлагается угощение, он поддается уговорам незнакомцев провести с ними время, отдохнуть в их стане. Основной причиной такого решения оказывается любовный соблазн: в легионе демонов имеется привлекательная для героя молодая женщина. Как правило, от беды героя спасает советчик (конь, мудрая жена); в некоторых случаях герой все же поддается соблазну.

В карачаево-балкарской традиции в роли персонажей-искусителей выступают *шайтаны* или *джинны* (мифологические персонажи — злые духи в исламских традициях), зазывающие нарта Ёрюзмека на свой свадебный пир. Этот сюжет записан в нескольких вариантах, встречается и как часть крупных сказаний, и как самостоятельный сюжет [Нарты ..., 1994, с. 351—355].

Инициальным событием всех имеющихся вариантов является отправление Ёрюзмека из дома, при этом причина самой поездки может быть различной (приглашение на другой *той*, случайно увиденные в долине кости, которые нельзя обойти стороной нарту, и т. д.), в пути герой встречает группу богато пирующих людей. Демоны приветствуют Ёрюзмека, просят его спешиться, приглашают в общий танец и на трапезу. Более ранним с точки зрения эволюции сюжета выглядит вариант, в котором герой не сразу распознает истинную природу пирующих.: ...*Ёрюзмек не сразу догадался, что они шайтаны, / Он их кривых ног и рогов не заметил...* А одна красивая девушка настойчиво предлагает: «*Возьми меня [в жены]*» [Там же, с. 354]. Герой подпадает под влияние чар антагонистов, на мгновение теряет волю: «...с шайтанами пляшет: / Скажут: “Направо” — в правую сторону танцует, / Скажут “Налево” — в левую сторону танцует...» [Там же]. Его спасает лишь поездка домой для совета с женой и клятва во что бы то ни стало вернуться к рассвету. Мудрая Сатанай задерживает мужа до наступления дня [Там же, с. 353] (по традиционным представлениям, *шайтаны* были видны людям только в темное время суток).

В некоторых вариантах вещая Сатанай знает заранее, какие испытания предстоят Ёрюзмеку. В сказании «Как Ёрюзмек побывал на тое нартов и на тое шайтанов» она придумывает, как спасти мужа от опьянения на пиру нартов; и, по-видимому, она же предупреждала его о том, как избежать опасности и вести себя на тое *шайтанов*. По примечанию собирателей и публикаторов записи, сказитель скорей всего пропустил или забыл этот фрагмент в рассказе, но показателен момент, когда Ёрюзмек не дает демонам привязать своего коня, а делает это самостоятельно [Там же, с. 351—352, 621; с. 353]. Исторически это может быть связано с грозящей герою

в демоническом стане опасностью и необходимостью иметь возможность уехать из него в любой момент. В рассматриваемом варианте, впрочем, сам нартский герой доставляет неудобство демонам: он не соглашается отпустить понравившуюся ему девушку до самого наступления утра, когда *шайтанам* уже пора скрываться. За согласие отдать красавицу Ёрюзмек получает в качестве откупа чудесный предмет — шапку-невидимку.

Известны также варианты сюжета, в которых герой вполне реализует свое намерение — увозит дочь падишаха *джиннов* с пира и живет с ней в лесной пещере, пока мудрая Сатанай не находит способа вернуть мужа домой [Там же, с. 352—353]. Как можно заметить, начальный и конечный фрагменты рассматриваемого сюжета могли варьировать в традиции, наиболее же стабильной частью нарратива оказывается интересующая нас ситуация столкновения героя с любовным наваждением в сонме демонических персонажей.

Примечательно, что сюжет о встрече героя с *шайтанами* связывался в карачаево-балкарской традиции именно с образом нарта Ёрюзмека. По традиционным представлениям, видеть *шайтанов* могли только враждущие с ними мифологические персонажи *алмосту*, а также волки [Там же, 1994, с. 581]. С последними у Ёрюзмека имеется безусловная связь, она выражается не только в его постоянном атрибуте — носимой им нараспашку волчьей шубе, согласно некоторым сказаниям, герой в младенчестве был вскормлен волчицей и имел в детстве прозвище *Бёрю эмчек* — ‘Волчий выкормыш’ [Там же, 1994, с. 308—309]. Исследователи небезосновательно полагают, что в его образе нашли отражение реликты раннего общетюрко-монгольского культа волка [Хаджиева, 1994, с. 36]. В свете этих представлений встреча Ёрюзмека с пирующими *шайтанами*, попытка его соблазнения девицами этого племени, предстает вероятным «осколком» более архаичных повествований об этом герое.

Якутская версия аналогичного сюжета также выступает как один из эпизодов испытания героя, проверки его воли и находчивости. Содержательно эти повествования отчасти близки мифологическому мотиву F40B. «Мужчина в селении женщин» [Березкин и др.], поскольку в местности, в которой останавливается странствующий герой, как правило, он оказывается окружен одними женщинами (впрочем, варианты этого мотива мало характерны для северо-сибирского фольклорного ареала). Уставшего от дороги и изнуренного сильной жарой богатыря встречает в пути красивая молодая женщина в сопровождении восьми девушек-прислужниц. В руках ее — сосуд, наполненный прохладным кумысом. Женщина приглашает героя спешиться, угоститься и отдохнуть у нее с дороги. Богатыря выручает его конь: как и мудрая жена и советчица героя нартского эпоса, в некото-

рых вариантах он предупреждает героя о близкой опасности, а в момент, когда богатырь уже готов спешиться, поддавшись искушению, он уносит его прочь быстрым галопом. Прекрасная женщина тотчас превращается в разъяренную демоницу, а солнечная страна и накрытый пир оказываются огромными красными гадами [Дырыай Бэргэн, 2009, с. 113—118].

В других вариантах герой поддается демоническому соблазну, что становится завязкой нового сюжетного хода. Так, например, в популярном в прошлом в якутской традиции эпическом сюжете о богатыре Эр Соготохе в результате попадания героя в подобную ловушку рождается богатырь «смешанного» происхождения (получеловек-полуубаасы) Харыаджылан Бэргэн, который, впрочем, подобно карачаево-балкарскому герою Караشاую, принимает родоплеменное самоопределение отца [Могучий Эр ..., 1996, с. 214—221].

Следует отметить, что в целом в сюжетах якутского эпоса представители враждебного племени проявляют заметный брачный интерес к людям «солнечного мира». Так, притязания богатыря *абаасы* к племени людей *айыы* практически всегда связаны с брачными намерениями антагониста; разнообразные демонические женщины Нижнего мира также зачастую преследуют героя олонхо в его пути, стремясь завлечь его к себе. Рассматриваемый элементарный сюжет, безусловно, находится в рамках этой же тематической константы якутского эпоса. Мы не находим специальной акцентуации подобного представления в карачаево-балкарской эпической традиции, хотя и в ней встречаются сюжеты о браке героя с демоницей из враждебного племени [Нарты ..., 1994, с. 403—421]. Любопытно, что в обеих традициях рассматриваемый элементарный сюжет получает двоякое разрешение (герой поддается / не поддается любовному искушению), что, вероятно, говорит о схожих принципах сюжетосложения, лежащих в их основе.

3.3. Камень, разламывающийся под ногами настоящего героя

Еще один общий для карачаево-балкарского и якутского героического эпосов мотив «испытания» героя составляет задание расколоть, сокрушить (обычно ногами) крепкий камень-валун. Распространенность данного мотива и разнообразие вариаций также позволяют предположить его достаточно древнее и единое для тюрksких (а возможно, и монгольских) народов происхождение.

В сюжетах якутских олонхо находим следующую ситуацию. Старуха-тельянница, первой встречающая богатыря у дома родителей его будущей невесты, рассказывает о прибытии важного гостя своим хозяевам и подсказывает им способ испытания героя на «богатырство». По ее указке юноши-послужники проделывают в доме следующие действия:

... Принесли круглый и массивный камень
Размером с живот лежащей коровы,
Покрыли его последами семи молодых коров.
Чтобы увечье случилось, копье [рядом] поставили,
Чтобы спор начался, пальму (то есть клинок. — С. М.) крепко всади-
ли... [Кэнэли Хаадыт ..., 2010, с. 255] (перевод наш. — С. М.).

При этом, по словам служанки, если гость добрым богатырем окажется, то легко расколет ногами камень, «как охлажденную кобылью печень»; если же поскользнется и расшибет себе затылок, то он слабый человек, недостойный стать зятем, а годный разве что для черной домашней работы.

В приведенном описании обращают на себя внимание детали. В тексте отмечается, что округлый камень, используемый в испытании героя, был «размером с живот лежащей коровы». Это довольно традиционный для олонхо сравнительный оборот: так может говориться, к примеру, о боевом каменном ядре героя [Ньургун Бootур ..., 1947, с. 88] или о его точильном камне [Мүлдүй Бөбө, 2012, с. 141]. В основе выражения — традиционная мера объема «коровья брюховина», обычно использовавшаяся для измерения количества добытой неводом мелкой рыбы [СЯЯ, т. 3, стлб. 3376]. В данном случае выражение, вероятно, используется для обозначения величины, массивности описываемых объектов.

Камень, принесенный для испытания героя, покрывают последами нескольких молодых коров — вероятно, чтобы сделать гладкую поверхность еще более скользкой. Несколько нарочитое наложение в разбираемом образе сем, ассоциированных в представлении якутов с рогатым («черным», «земным») скотом, может быть связано и с идеей устойчивости и прочности камня-валуна, его спаянности с самой землей. Образы расставляемых рядом острых орудий выглядят при этом индивидуальным нововворчеством сказителя, они не находят повторений в других сюжетах олонхо. Разумеется, герой, как настоящий богатырь, легко проходит это своеобразное испытание.

Олонхо, содержащие этот сюжет, были записаны, судя по имеющимся у нас данным, большей частью в западной части Якутии, на левобережье Лены и в вилуйской группе улусов (Вилуйский, Горный районы). В текстах центрально-якутской традиции нам не удалось его найти, однако и здесь обнаруживается сам характерный мотив-действие — разрушение камня-валуна под ногами богатыря (см., например, описание взлета при возвращении «небесного» богатыря Атыыр Умсуура в свой мир [Тойон Ньургун ..., 2003, с. 70]).

Аналогичное по своей сути испытание (впрочем, не всегда связанное с брачными коллизиями) в других тюрко-монгольских традициях могут

предлагать герою различные иные персонажи: отец девушки-невесты, иноземный хан или статусный воин-соплеменник. В карачаево-балкарском эпосе им выступает «отец нартов», воин и кузнец Дебет. Встретив юного Ёрзумека и предлагая ему различные нартские игры, он объясняет герою в том числе:

— ... *Вот этот широкий камень никто не может расколоть, надавив коленом.*

<...> *Юноша подошел... Потом он надавил коленом тот широкий камень и разломал его, словно гыржын* (традиционный вид хлеба). — С. М.)... *После всего этого нарты поняли, что этот мальчик-сирота будет настоящим батыром...* [Нарты ..., 1994, с. 310].

Как можно заметить, содержание этого отрывка также составляет описание «чуда», когда под ногами истинного героя с легкостью разламывается огромный камень. Разрубание, раскалывание массивных каменных глыб — вообще один из показателей богатырской силы и удали в тюркском и монгольском фольклоре, свойственной «настоящим» героям. Интересно, что территория его распространения во многом совпадает с ареалом бытования мотива о стрельбе богатыря в астральный объект, рассмотренный выше. Разрубают или иначе сокрушают большие камни-валуны герои татарского [Идегей ..., 1990, с. 194], тувинского [Боктут-Кириш ..., 1997, с. 375], шорского [Кан Перген ..., 1998, с. 310] эпосов. В качестве брачного испытания это действие выполняется героями алтайского [Маадай Кара, 1979, с. 190], бурятского [Гэсэр ..., 1986, с. 128—129; Бурчина, 2007, с. 61, 229] эпосов. При этом герой алтайского эпоса разламывает валун ногой, богатырю бурятских же сказаний предлагается «камень с быка огромного... одной стрелой рассечь», что, однако, можно интерпретироваться как варьирование этой же мифологической идеи (вспомним представление о своеобразном тождестве героя и его стрелы).

Семантику рассматриваемого мотива, по всей видимости, следует связывать с наиболее очевидным в данном случае и достаточно распространенным в фольклоре представлением о богатырской мощи и силе, присущей эпическим героям, непосредственным проявлением которой является незаурядный рост и вес персонажа. Эта идея плодотворна и разнообразно реализуется в обеих рассматриваемых нами традициях. Следует вспомнить богатыря-нарта Рачыкуа, под ногами которого также легко трескаются камни, кузнеца Дебета, которого способен поднять только особый — богатырский — конь, нарта-исполина Алаугана, с которым может жить только такая же мощная, как и он, женщина-эмегенша (эмегены — соседи и постоянные враги героев в карачаево-балкарском нартском эпосе; описыва-

ются как огромные грубого вида антропоморфные существа, населяющие пещеры и обладающие большой физической силой). Показательны и мотивы якутского эпоса, например, повторяющееся в сюжетах олонхо описание ситуации, когда не выдерживает веса героя и разламывается под ним лавка в доме других людей, богатырь от неловкости момента, как правило, не оказывает неудобства, а продолжает сидеть, опираясь на свои подколенки, см. [Тонг Саар ..., 2003, с. 66—67; Уолусхан улаан ..., 2015, с. 57]. Представляется, что этот частный, на первый взгляд, мотив также призван был указать на эту же достаточно архаичную и распространенную идею.

Одновременно с этим обращает на себя внимание и оттенок смысла разбираемого действия (раскалывания камня), связанный со значимым для жизни героя событием, знаменующим преодоление им той или иной важной «биографической» или социально-возрастной вехи. Как известно, из треснувшего камня в карачаево-балкарской версии «Нартиады» появляется на свет нарт Сосурук, у каменного столба божества судьбы благословляют на богатырство героя якутского эпоса светлые шаманки Верхнего мира (см.: [Емельянов, 1980, с. 229].), треснувший на глазах у богатыря олонхо камень-валун открывает ему проход в Нижний мир [Үөлэн Кыырдыт ..., 2009, с. 31] и т. п.

Учитывая подобную семантику мотивов, связанных с камнем, уместным оказывается вопрос об их параллелях и возможных истоках в обрядовой традиции. В литературе обнаруживается лишь одно более или менее близкое по своему значению ритуальное действие, описанное на некоторой периферии якутской традиции — в с. Ессей бывшего Эвенкийского автономного округа (ныне Эвенкийский район Красноярского края), населенном локальной группой якутов. Исследовательская группа якутских ученых застала церемонию традиционного сватовства, в ходе которой жениху предлагалось на входе в дом родителей невесты переломить ногой специально выставленную палку. Положительным знаком при этом считалось, когда палка легко переламывалась под женихом. По свидетельству лингвиста М. С. Воронкина, наблюдавшего за ритуализированным действом, такая практика применялась здесь в прошлом регулярно. С ней связывал значение рассматриваемого мотива олонхо эпосовед Н. В. Емельянов, благодаря которому и стали известны эти сведения [Емельянов, 1990, с. 130]. Учитывая представленность мотива в разных тюрко- и монголоязычных традициях, мы могли бы предположить широкую распространенность схожего ритуального действия в культуре этих народов в прошлом, однако пока эта идея не поддерживается этнографическими данными. Возможно, более пристальное исследование материалов по изучаемым традициям, в том числе локальных, в дальнейшем позволит выдвинуть более определенную гипотезу на этот счет.

4. Заключение = Conclusions

Героические фольклорные повествования (богатырская сказка, геройский эпос, некоторые сюжеты мифологической прозы), ядро которых составляют описания подвигов, совершенных некогда героями, в своей общей тематике несут определенные сюжетообразующие узлы, способные развиться независимо в различных культурах в конкретные совпадающие сюжетно-мотивные комплексы. Например, типологический характер предполагается в имеющих международное распространение сюжетных типах «Бой отца с неузнанным сыном», «Муж на свадьбе своей жены» и др. Рассмотренные в настоящей статье совпадающие сюжеты в героико-эпическом фольклоре якутов, карачаевцев и балкарцев, однако, вероятно, следует связывать с общностью этнокультурных истоков этих традиций.

В качестве главного вывода, следующего из проведенного анализа, можно выдвинуть замечание о значительном сходстве концепций эпического героя в изучаемых традициях. Близость характера предлагаемых герою-протагонисту испытаний позволяет говорить о единстве принципов его характеристики и в конечном итоге — обобщенных фольклорных представлений о нем в обеих традициях.

Описанный круг брачных испытаний богатыря, включающий стрельбу из лука в небесный объект, раскалывание камня-валуна и третье (вариативное) задание и обнаруживаемый в ряде саяно-алтайских, прибайкальских традиций и карачаево-балкарской «Нартиаде», а в виде разрозненных сюжетов и в якутских олонхо, свидетельствует о его вероятном давнем происхождении, возможно, относящемся еще к эпохе пратюркской общности. Другим возможным объяснением представляется влияние фольклора монгольских народов, так как все эти традиции в позднесредневековое время контактировали с различными монголоязычными группами, испытали их культурное воздействие. Обращает на себя внимание, например, то обстоятельство, какую важную роль стрельба из лука как означаемое действие играла в свадебных обрядах монгольских народов [Урай-Кёхальми, 1974].

В заключение подчеркнем, что каждый из рассмотренных в статье сюжетов, безусловно, требует отдельного более пристального исследования. Особого внимания заслуживает организующая роль внесюжетных явлений: лексических форм и их переходов, семиотизации астральных объектов и традиционно связываемых с ними мифологических рассказов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Ала Булкун : якутское олонхо / сказ. Т. В. Захаров-Чээбий. — Якутск : Сахаполиграфиздат, 2008. — 101 с.
2. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910—1912 гг. / А. В. Анохин // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. — Ленинград : [б. и.], 1924. — Т. 4. — Выпуск 2. — 148 с.
3. Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : аналитический каталог [Электронный ресурс] / Ю. Е. Березкин, Е. Н. Дувакин. — Режим доступа : <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения 05.04.2024).
4. Боктуг-Кириш, Бора-Шэлэй / сказ. О. Н. Манная // Тувинские героические сказания. — Новосибирск : Наука, 1997. — С. 299—527. (на тув. и рус. яз.).
5. Бурчина Д. А. Героический эпос унггинских бурят : указатель произведений и их вариантов / Д. А. Бурчина. — Новосибирск : Наука, 2007. — 542 с. — ISBN 978-5-02-032395-7.
6. Гэсэр. Бурятский народный героический эпос : в 2 томах / сводный текст Н. Балдано ; пер. В. Солоухина. — Улан-Удэ : Бур. кн. изд-во, 1986. — Т. 1. — 288 с.
7. Дыырай Бэрээн : олонхо / сказ. У. Г. Нохзоров. — Якутск : Бичик, 2009. — 333 с. — ISBN 978-5-7696-3147-4. (на якут. яз.).
8. Идегей : татарский народный эпос / пер. С. Липкина. — Казань : Тат. кн. изд-во, 1990. — 256 с. — ISBN 5-298-00896-8.
9. Исторические предания и рассказы якутов : в 2 ч. / сост. Г. У. Эргис, ред. А. А. Попов. — Москва, Ленинград : Изд-во АН СССР, 1960. — Ч. 1. — 323 с. (на якут. и рус. яз.)
10. Каженкин, 2000 — Сахаларга түүлү тойоннооңун = Толкование сновидений у якутов / сост. И. И. Каженкин. — Якутск : Бичик, 2000. — 88 с. (на якут. яз.).
11. Кан Перген / сказ. П. И. Кыдыяков // Шорские героические сказания. — Новосибирск : Наука, 1998. — С. 263—321. (на шорск. и рус. яз.).
12. КБРС — Карабаево-балкарско-русский словарь / С. А. Гочияева, Х. И. Суюичев ; под ред. Э. Р. Тенишева, Х. И. Суюичева. — Москва : Рус. яз., 1989. — 832 с.
13. Кызыдааннаа кыыс бухаатыр : олонхо / сказ. М. Н. Горохов. — Якутск : Бичик, 2016. — 205 с. — ISBN 978-5-7696-4964-6. (на якут. яз.)
14. Кэнэли Хаадыт : олонхо / сказ. Н. М. Захаров // Горной олонхолоро = Олонхо Горного района. — Якутск : Бичик, 2010. — С. 223—296. — ISBN 978-5-7696-3359-1. (на якут. яз.).
15. Маадай Кара : алтайский героический эпос / сказ. А. Калкин ; пер. А. Плитченко. — Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во, 1979. — 271 с.
16. Могучий Эр Соготох : якутский героический эпос / сказ. В. О. Каратаев. — Новосибирск : Наука, 1996. — 437 с.
17. Мүгүлүү Бөյө : олонхо / сказ. Г. М. Тарасов // Горной олонхолоро = Олонхо Горного района. — Якутск : Бичик, 2010. — С. 15—150. — ISBN 978-5-7696-3359-1.
18. Мүлдөү Бөйө : олонхо / сказ. И. А. Николаев. — Якутск : Бичик, 2012. — 253 с. — ISBN 978-5-7696-3489-5.
19. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. — Москва : Наука — Вост. лит., 1994. — 656 с. (на карач.-балк. и рус. яз.).
20. Нюргун Боотур Стремительный : олонхо / сказ. К. Г. Оросин. — Якутск : Як-ГИЗ, 1947. — 410 с. (на якут. и рус. яз.).

21. СЯЯ — *Словарь якутского языка* : в 3 т. / сост. Э. К. Пекарский. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958—1959. — 3858 стрл.
22. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка : в 5 т. — Новосибирск : Наука, 2004. — Т. 3. — 440 с. — ISBN 5-02-032304-7.
23. Тойон Ныургун : якутское олонхо / сказ. И. М. Давыдов. — Якутск : Бичик, 2003. — 240 с. — ISBN 5-7696-1726-8.
24. Тон Saap Бухатыр : якутское олонхо / сказ. С. Н. Карагаев. — Якутск : Бичик, 2003. — 237 с. — ISBN 5-7696-1886-8.
25. Уолусхан улаан аттаах Унук Туйгун бухатыр : олонхо / сказ. П. М. Терютина. — Якутск : Изд. дом СВФУ, 2015. — 192 с. — ISBN 978-5-7513-2123-9.
26. Уялэн Кыырдыт : олонхо / сказ. В.Н. Попов. — Якутск : Сайдам, 2009. — 224 с. — ISBN 978-5-7513-2332-5.
27. Элик Бootур Ныыгыл Bootур икки // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1907. — Ч. 1. — Выпуск 1. — С. 311—395. (на якут. яз.).
28. Якутские сказки : в 2 т. / подгот. Г. У. Эргис, отв. ред. Л. Н. Харитонов. — Якутск : Як. кн. изд-во, 1967. — Т. 2. — 292 с. (на якут. и рус. яз.).

Литература

1. Боура С. М. Героическая поэзия / С. М. Боура ; пер. с англ., вступит. ст. Н. П. Гринцера, И. В. Ершовой. — Москва : НЛО, 2002. — 791 с. — ISBN 5-86793-207-9.
2. Бутанаев В. Я. Представления о небесных светилах в фольклоре хакасов / В. Я. Бутанаев // Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. — 1975. — Выпуск 20. — С. 231—240.
3. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, 1980. — 375 с.
4. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, 1990. — 208 с.
5. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос : избранные труды / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, 1974. — 727 с.
6. Канокова Ф. Ю. Герменевтика мотивов различных видов орнамента в художественном войлоке ногайцев / Ф. Ю. Канокова // Успехи современной науки. — 2016. — № 10. — С. 166—171.
7. Малкондуев Х. Х. Особенности тюрко-монгольских архаических мотивов в карачаево-балкарском фольклоре / Х. Х. Малкондуев // Фольклор монгольских народов : историческая действительность. Материалы международного конгресса (2—5 октября 2013 г., г. Элиста) : Изд-во Калм. ун-та, 2013. — С. 68—81.
8. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса / Е. М. Мелетинский. — Москва : Наука, 1968. — 364 с.
9. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции / С. Ю. Неклюдов. — Москва : Наука, 1984. — 309 с.
10. Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / А. Ч. Ооржак. — Кызыл, 2022. — 274 с.
11. Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе / Г. Н. Потанин. — Москва : [б. и.], 1899. — 893 с.
12. Пухов И. В. Героический эпос алтай-саянских народов и якутские олонхо / И. В. Пухов. — Якутск : Изд-во СО РАН, 2004. — 326 с. — ISBN 5-8176-0052-8.

13. Райхл К. Тюркский эпос : традиции, формы, поэтическая структура / К. Райхл. — Москва : Вост. лит., 2008. — 383 с. — ISBN 978-5-02-036358-8.
14. Рифтин Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае / Б. Л. Рифтин. — Москва : Наука, 1970. — 482 с.
15. Романова Е. Н. Мифология и ритуал в якутской традиции: диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.07 / Е. Н. Романова. — Москва, 1999. — 388 с.
16. Семенова Л. Н. Эпический мир олонхо : пространственная организация и сюжетика / Л. Н. Семенова. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. — 232 с. — ISBN 5-85803-320-2.
17. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков : лексика : монография / авторы статей : Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов и др. — Москва : Наука, 1997. — Т. 4. — 799 с.
18. Урай-Кёхальмы К. Некоторые фольклорные данные о роли лука и стрелы в свадебных обрядах / К. Урай-Кёхальмы // Исследования по восточной филологии : к 70-летию проф. Г. Д. Санжеева. — Москва : ГРВЛ, 1974. — С. 256—260.
19. Хаджиева Т. М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев / Т. М. Хаджиева // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. — Москва : Наука — Вост. лит., 1994. — С. 8—66.
20. Хаджиева Т. М. Кавказская Нартиада : опыт сопоставительного исследования / Т. М. Хаджиева // Монголоведение. — 2018. — № 15. — С. 124—142. — DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2018-15-124-142>.
21. Холаев А. З. Карабаево-балкарский нартский эпос / А. З. Холаев ; отв. ред. А. И. Алиева. — Нальчик : Эльбрус, 1974. — 143 с.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024,
одобрена после рецензирования 31.08.2024,
подготовлена к публикации 05.09.2024.

Material resources

- Ala Bulkun: *Yakut olonkho*. (2008). Yakutsk: Sakhapoligrafizdat. 101 p. (In Yakut).
- Anokhin, A. V. (1924). Materials on shamanism among the Altaians, collected during a guide to Altai in 1910—1912. In: *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Russian Academy of Sciences*, 4 (2). Leningrad: [b. i.]. 148 p. (In Russ.).
- Berezkin, Yu. E., Duvakin, E. N. *Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by area: analytical catalog*. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (accessed 04.05.2024).
- Boktug-Kirish, Bora-Sheley. (1997). In: *Tuvan heroic tales*. Novosibirsk: Nauka. 299—527.
- Burchina, D. A. (2007). *The heroic epic of the Unga Buryats: index of deeds and their variants*. Novosibirsk: Nauka. 542 p. ISBN 978-5-02-032395-7.
- Dvirai Bergan: *olonkho*. (2009). Yakutsk: Bichik. 333 p. ISBN 978-5-7696-3147-4. (in Yakut.).
- Elik Bootur Nygyl Bootur ikki. (1907). In: *Images of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky, 1 (1)*: St. Petersburg: [b. i.]. 311—395. (In Yakut.).
- Ergis, G. U. (ed.). *Yakut fairy tales: in 2 volumes*, 2. (1967). Yakutsk: Yakutsk Publishing House. 292 p. (In Yakut. and Russ.).
- Geser. *Buryat folk heroic epic: in 2 volumes*, 1. (1986). Ulan-Ula: Yellow. Publishing house. 288 p. (In Russ.).

- Historical legends and stories of the Yakuts: in 2 hours, 1.* (1960). Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 323 p. (In Yakut. and Russ.).
- Idegey: Tatar folk epic.* (1990). Kazan: Tat. publishing house. 256 p. ISBN 5-298-00896-8. (In Russ.).
- Kan Pergen. (1998). In: *Shor heroic tales*. Novosibirsk: Nauka. 263—321. (In Shorsk. And Russ.).
- Kaneli Haadyt: olonkho. (2010). In: *Gornai oloñholoro = Olonkho of the Gorny district*. Yakutsk: Bichik. 223—296. ISBN 978-5-7696-3359-1. (In Yakut.).
- Kazhenkin, 2000 — *Sakhalarga tuulu toyonnoohun = Interpretation of dreams among the Yakuts*. (2000). Yakutsk: Bichik. 88 p. (In Yakut.).
- KBRS — *Karachay-Balkarian-Russian dictionary*. (1989). Moscow: Rus. yaz. 832 p. (In Russ.).
- Kydaannaah kyys bukhaatar: olonkho.* (2016). Yakutsk: Bichik. 205 p. ISBN 978-5-7696-4964-6. (In Yakut.).
- Maadai Kara: Altai heroic epic.* (1979). Gorno-Altaysk: Alt. book publishing house. 271 p. (In Russ.).
- Mighty Er Sogotokh: the Yakut heroic epic.* (1996). Novosibirsk: Nauka. 437 p. (In Russ.).
- Mugulu Bokho: olonkho. (2010). In: *Gornai oloñholoro = Olonkho of the Gorny district*. Yakutsk: Bichik. 15—150. ISBN 978-5-7696-3359-1. (In Yakut.).
- Muldu Bokho: olonkho.* (2012). Yakutsk: Bichik. 253 p. ISBN 978-5-7696-3489-5. (In Yakut.).
- Nyurgun Bootur the Impetuous: olonkho.* (1947). Yakutsk: Yakgiz. 410 p. (In Yakut. and Russ.).
- Sleds. (1994). The heroic epic of the Balkars and Karachays. Moscow: Nauka-Vostochny lit. 656 p. (In karach. - the bulk. and Russ.).
- Syas-Dictionary of the Yakut language: in 3 volumes.* (1958—1959). Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 3858 stlb.
- Tatarintsev, B. I. (2004). *Etymological dictionary of the Tuvan language: in 5 volumes, 3*. Novosibirsk: Nauka. 440 p. ISBN 5-02-032304-7.
- Toyon Nyurgun: Yakut olonkho.* (2003). Yakutsk: Bichik. 240 p. ISBN 5-7696-1726-8. (In Yakut.).
- Toñ Saar Bukhatyr: Yakut olonkho.* (2003). Yakutsk: Bichik. 237 p. ISBN 5-7696-1886-8. (In Yakut.).
- Ülen Kyrdyt: olonkho. (2009). Yakutsk: Saidam. 224 p. ISBN 978-5-7513-2332-5.
- Valushan ulaan attaah Ukhuk Tuigun bukhatyr: olonkho.* (2015). Yakutsk: Publishing House of NEFU. 192 p. ISBN 978-5-7513-2123-9. (In Yakut.).

References

- Bowra, S. M. (2002). *Heroic poetry*. Moscow: UFO. 791 p. ISBN 5-86793-207-9. (In Russ.).
- Butanaev, V. Ya. (1975). Representations of celestial bodies in Khakass folklore. *Scientific notes of the Khakass Research Institute*, 20: 231—240. (In Russ.).
- Comparative historical grammar of the Turkic languages: Vocabulary: monograph, 4.* (1997). Moscow: Nauka. 799 p. (In Russ.).
- Kanokova, F. Yu. (2016). Hermeneutics of motifs of various types of ornament in the artistic felt of nogaitsev. *Successes of modern science*, 10: 166—171. (In Russ.).
- Khadzhieva, T. M. (2018). Caucasian Nartiaida: the experience of comparative research. *Mongolian studies*, 15: 124—142. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2018-15-124-142>. (In Russ.).

- Khadzhieva, T. M. (1994). The Nart epic of the Balkars and Karachays. In: *Narty. The heroic epic of the Balkars and Karachays*. Moscow: Nauka — Vostochnaya lit. 8—66. (In Russ.).
- Kholaev, A. Z. (1974). *Karachay-Balkar Nart epic*. Nalchik: Elbrus. 143 p. (In Russ.).
- Malkonduev, H. H. (2013). Features of Turkic-Mongolian archaic motifs in Karachay-Balkarian folklore. In: *Folklore of the Mongolian peoples: historical reality. Proceedings of the International Congress (October 2—5, 2013, Elista)*. Elista: Publishing House of Kalm. Unita. 68—81. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (1968). "Edda" and early forms of the epic. Moscow: Nauka. 364 p. (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. (1984). *The heroic epic of the Mongolian peoples: oral and literary traditions*. Moscow: Nauka. 309 p. (In Russ.).
- Oorzhak, A. Ch. (2022). *Vocabulary of dishes and household utensils in the Tuval language and its dialects*. PhD Diss. Kyzyl. 274 p. (In Russ.).
- Potanin, G. N. (1899). *Oriental motifs in the medieval European epic*. Moscow: [b. i.]. 893 p. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (2004). *Heroic epic of the Altai-Sayan peoples and Yakut olonkhos*. Yakutsk: Publishing House of the SB RAS. 326 p. ISBN 5-8176-0052-8. (In Russ.).
- Reichl, K. (2008). *The Turkic epic: traditions, forms, poetic structure*. Moscow: East lit. 383 p. ISBN 978-5-02-036358-8. (In Russ.).
- Riftin, B. L. (1970). *Historical epic and folklore tradition in China*. Moscow: Nauka. 482 p. (In Russ.).
- Romanova, E. N. (1999). *Mythology and ritual in the Yakut tradition*. Doct. Diss. Moscow. 388 p. (In Russ.).
- Semenova, L. N. (2006). *The epic world of olonkho: spatial organization and plot*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 232 p. ISBN 5-85803-320-2. (In Russ.).
- Urai-Kehalmi, K. (1974). Some folklore data on the role of the bow and arrow in wedding ceremonies. In: *Studies in Oriental philology: to the 70th anniversary of Prof. G. D. Sanzhev*. Moscow: GRVL. 256—260. (In Russ.).
- Yemelyanov, N. V. (1990). *Olonkho plots about the ancestors of the tribe*. Moscow: Nauka. 208 p. (In Russ.).
- Yemelyanov, N. V. (1980). *Plots of Yakut olonkho*. Moscow: Nauka. 375 p. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1974). *The Turkic heroic Epic: selected works*. Leningrad: Nauka. 727 p. (In Russ.).

*The article was submitted 15.06.2024;
approved after reviewing 31.08.2024;
accepted for publication 05.09.2024.*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Подоксенов А. М. Пришвин о сталинской коллективизации : заметки современника / А. М. Подоксенов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 333—350. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-333-350.

Podoksenov, A. M. (2024). Prishvin on Stalin's Collectivization: Observations of a Contemporary. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 333-350. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-333-350. (In Russ.).

Clarivate
Web of Science™

Scopus®

DOAJ

NSD ERIH PLUS
BUDapest Reference Index for
Humanities and Social Sciences

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU
РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Пришвин о сталинской коллективизации: заметки современника

Подоксенов Александр Модестович
orcid.org/0000-0001-6405-6140
доктор философских наук, профессор
кафедры философии и социальных наук
podoksenov2006@rambler.ru

Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Prishvin on Stalin's Collectivization: Observations of a Contemporary

Alexander M. Podoksenov
orcid.org/0000-0001-6405-6140
Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Philosophy
and Social Sciences
podoksenov2006@rambler.ru

Bunin Yelets
State University
(Yelets, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале впервые вводимых в научный оборот сведений из вышедшего только в постсоветские годы «Дневника» писателя рассматриваются взгляды М. М. Пришвина на коллективизацию сельского хозяйства. Выбор данной проблематики обусловлен тем, что дискуссии о сталинском периоде жизни советского общества до сих пор не теряют своей остроты и актуальности. Предметом статьи выступает еще не исследованный в пришвиноведении вопрос об отношении писателя к процессу коренного перелома традиционного бытия русского крестьянства. Показано, что Пришвин, с одной стороны, критикует безжалостность методов проведения коллективизации, с другой стороны, видит положительные стороны экономических реформ в деревне. Отмечается, что значимость суждений Пришвина об истоках и причинах коллективизации еще и в том, что его выводы во многом предвосхищают заключения целого ряда позднейших исследователей советской эпохи. Пришвинский анализ субъективных и объективных факторов сталинской коллективизации свидетельствует, что перед нами не только талантливый писатель, но и незаурядный мыслитель с собственным взглядом на самые злободневные идеино-политические, экономические и социокультурные проблемы своего времени.

Ключевые слова:

Михаил Пришвин; Иосиф Сталин; большевизм; классовая борьба; коллективизация; государство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the perspectives of M. M. Prishvin on the collectivization of agriculture, utilizing materials from his “Diary”, which have only recently entered scholarly discourse in the post-Soviet years. The choice of this topic is motivated by the ongoing relevance and intensity of discussions surrounding the Stalin era in Soviet society. The focus of this study is a previously unexamined aspect within Prishvin studies: the writer’s attitude toward the radical transformation of traditional Russian peasant life. It is demonstrated that Prishvin, on one hand, critiques the ruthless methods employed in implementing collectivization, while on the other hand, acknowledges the positive aspects of the economic reforms occurring in rural areas. The significance of Prishvin’s insights regarding the origins and causes of collectivization is further underscored by the fact that his conclusions often predate those of several later researchers of the Soviet period. Prishvin’s analysis of both subjective and objective factors influencing Stalin’s collectivization reveals him not only as a gifted writer but also as an exceptional thinker with a distinct perspective on the pressing ideological, political, economic, and sociocultural issues of his time.

Key words:

Mikhail Prishvin; Joseph Stalin; Bolshevism; class struggle; collectivization; state.

УДК 821.161.1Пришвин.07+82:316.323.72

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-333-350

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Пришвин о сталинской коллективизации: заметки современника

© Подоксенов А. М., 2024

1. Введение = Introduction

Проблема отношения Михаила Михайловича Пришвина (1873—1954) к процессу коллективизации русской деревни до настоящего времени еще не получила достаточного освещения, на что указывает отсутствие в библиографическом указателе статей на тему «Пришвин и сталинская коллективизация» (см: [Михаил ..., 2013]). Актуальность исследования мировоззренческих взглядов Пришвина на процесс коренного переустройства тысячелетнего хозяйственного уклада русской деревни связана не только с ролью и местом писателя в отечественной литературе и культуре, но и с окончанием публикации его 18-томного «Дневника» (1991—2017). Освоение этого материала имеет большое значение, в том числе для анализа интеллектуальной истории советского общества в эпоху сталинского правления.

Несомненный успех Октябрьской социалистической революции, безусловно, был во многом предопределен тем, что с самого начала она была революцией крестьянской и ставила задачи решить самые жизненно важные проблемы Российской империи как страны с подавляющим большинством сельского населения. И основной массой крестьянства Октябрьский переворот был поддержан именно потому, что, захватив власть, большевики немедленно приняли Декрет о земле, законодательно провозгласив: «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа» [Декреты ..., 1957, с. 17].

Однако, утвердившись во власти, партия Ленина уже через три месяца отняла землю у крестьян, чтобы передать ее в собственность государства. Принятый в феврале 1918 года «Основной закон о социализации земли» одной из главных задач поставил переход к социалистическому хозяйству через «развитие колективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных» [Там же, с. 408]. Все это и стало юридическим основанием тотальной коллективизации деревни, идею которой после прихода партии большевиков

к власти еще в 1919 году выдвинул Ленин [Восьмой ..., 1959, с. 231], пропагандировал в 1923 году Троцкий [Двенадцатый ..., 1968, с. 398—417], но только Сталин в конце 1920-х годов приступил к полной ликвидации частной собственности крестьянства на землю. Так воплощался в жизнь один из фундаментальных тезисов Ленина: социализм можно построить лишь при условии, что «мы оторвем крестьян от собственности» [Ленин, 1981, с. 125].

Данная работа является продолжением серии публикаций в рамках исследования проблемы отношения Пришвина к советской действительности и роли в ней Сталина, см.: [Подоксенов, 2023 и др.].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Размышления Пришвина о коллективизации — важный исторический документ, передающий непосредственные впечатления очевидца о нравственной атмосфере советского бытия, о вождях и политических деятелях большевизма, о провозглашаемых ими идеях, планах и методах строительства первого в мире социалистического государства. Хотя ряд исследователей уже рассматривали проблему эволюции мировоззренческих взглядов Пришвина в советскую эпоху (см.: [Кузнецов, 1990; Павловский, 1993; Холодова, 2000; Варламов, 2003]), упомянутые авторы не касались в должной мере вопроса об оценке писателем форм и методов проведенного в столь сжатые исторические сроки насилиственного слома тысячелетнего бытия деревенской России.

Задачей статьи является анализ пришвинских взглядов и оценок сталинского преобразования деревни, которые существенно менялись по мере развития исторической ситуации. Чтобы более аргументированно показать идеино-политический контекст, обусловивший эволюцию отношения писателя к коллективизации, мы используем биографический метод, позволяющий рассмотреть личную биографию Пришвина в качестве одного из определяющих факторов направления его творческого пути. Безусловно, анализ основных этапов жизненного и творческого пути Пришвина позволит уточнить и более детально рассмотреть его мировоззренческие взгляды, которые были неразрывно связаны с общей духовной «атмосферой» бытия советского общества в один из ключевых периодов послереволюционного развития России как государства.

Решению этой задачи во многом способствуют материалы многотомного «Дневника» писателя. Опубликованный только в постсоветский период «Дневник» Пришвина вызывал и продолжает вызывать повышенный интерес исследователей его творческого наследия, см: [Апанович, 2002; Новоселова, 2004; Сова, 2015; Борисова, 2018; Летаева, 2021]. Метод реконструкции идеино-политического контекста и духовной атмосферы жиз-

ни советского общества, многие аспекты которого отражены в дневниковых записях писателя, позволит лучше понять особенности его отношения к эпохальным изменениям исторического бытия русского крестьянства.

Следует отметить, что в послеоктябрьский период сама идея о путях и сроках коренного преобразования традиционного уклада русской деревни вызвала многочисленные споры среди соратников вождя правящей партии. В исследовательской литературе, посвященной колLECTIVизации, при общем осуждении ее насильтственных методов наличествует ряд противоречащих друг другу мнений о социально-экономических и политических причинах данной реформы (См. напр.: [Данилов, 1999; Кожинов, 2011; Кондрашин, 2012; Попов, 2019]). Безусловно, что дневниковые записи Пришвина о колLECTIVизации как одно из ценнейших свидетельств очевидца о своем времени, о действующих лицах, идеино-политических спорах и нравственной атмосфере общества прольют дополнительный свет на особенности советско-коммунистического мироустройства в период сталинского всевластия.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Идейно-теоретические истоки и предпосылки сталинской колLECTIVизации

Отечественные и зарубежные критики сталинизма, как правило, утверждают, что почти все происходившее в советской стране свершалось под влиянием личного произвола Сталина. Однако анализ идеино-политического контекста свидетельствует, что многие судьбоносные для государства решения были обусловлены отнюдь не «замыслами» главного вождя, а прежде всего насущными потребностями общества. Сказанное касается и причин решения о коренном переустройстве хозяйственно-экономических основ бытия русской деревни.

Так, отстояв в ходе гражданской войны свое право на управление государством, партия большевиков все послеоктябрьское десятилетие старалась преодолеть издержки «военного коммунизма», существенно тормозившего развитие общества, надеясь с помощью новой экономической политики возродить экономику страны. Не случайно в ноябре 1927 года Stalin говорил о колLECTIVизации как далекой перспективе: «К этому дело еще не пришло и не скоро придет» [Stalin, 1949a, с. 225]. Однако уже через полгода в докладе «На хлебном фронте» (28 мая 1928 года) он заявляет прямо противоположное: для Советской власти самая неотложная задача на сегодняшний день — это отмена провозглашенной в 1921 году НЭП и колLECTIVизация сельского хозяйства. Дело в том, что в стране с середины 1920-х годов резко возросла нехватка продовольствия. Если в предреволюционные годы до 70 % производства товарного зерна обеспечивали круп-

ные помещичьи хозяйства, то после победы Октября эта форма земледелия была полностью уничтожена, а земля помещиков поделена между крестьянами-единоличниками. В 1929 году Stalin отмечал: «До революции было у нас около 16 млн дворов, а теперь их имеется не менее 25 млн» [Сталин, 1949д, с. 58]. И, по мнению вождя, продовольственный кризис стал прямым следствием «перехода от крупного помещичьего и крупного кулацкого хозяйства, дававшего наибольшее количество товарного хлеба, к мелкому и среднему крестьянскому хозяйству, дающему наименьшее количество товарного хлеба» [Сталин, 1949г, с. 84]. Отсюда следовал логичный вывод: создание коллективных земледельческих хозяйств — наиболее надежный способ выхода из катастрофической ситуации с нехваткой зерна.

Правда, постсоветские исследователи крестьянского вопроса в СССР отмечают, что нехватка зерна, резко обострившая продовольственное положение в стране, да и сама идея колLECTivизации были прежде всего результатом политики свертывания НЭПа, а не исключительно виной мелких крестьянских хозяйств. Сплошная колLECTivизация по-сталински не только оборвала альтернативные пути развития деревни, связанные с идеями Л. Троцкого, Н. И. Бухарина, А. В. Чаянова, но и возможность соревнования кооперативной и фермерско-предпринимательской практик в рамках советской сельскохозяйственной политики (см., например: [Теоретический ..., 1993, с. 3—28]). Однако, несмотря на все дискуссии, отмечает В. П. Попов, у нас до сих пор нет единой концепции, которая могла бы исчерпывающе раскрыть сущность феномена колLECTivизации, а преобладающие подходы анализа сквозь «призму модернизационного подхода <...> не объясняют ни хода, ни результатов, ни последствий», не говоря уже о том, что в «стране, где до конца 1950-х годов сельское население преобладало над городским, зерновая проблема так и не была решена до самого распада СССР» [Попов, 2019, с. 67, 71].

Вместе с тем исторические факты свидетельствуют, что решение о колLECTivизации со всей очевидностью было принято Сталиным не только исходя из-за реальных трудностей в стране с продовольствием, но и под давлением целого ряда внешне- и внутриполитических факторов. Одним из мотивов были конфликтные отношения СССР с Англией (1926—1929) и Китаем (1927—1929), которые, хотя и не содержали непосредственной военной угрозы, стали геополитическим поводом для разжигания классовой борьбы и начала первых массовых репрессий против оппозиционных сил как в городе, так и в деревне. Свою роль в смене политики отношения Сталина и его соратников к крестьянству сыграла и необходимость «развязки» внутрипартийной борьбы по вопросу путей экономического развития страны. Провозгласив курс на тотальную колLECTivизацию сельского хо-

зяйства, Сталин вполне удачно перехватил замысел Троцкого, который, как пишет Пришвин, «выдумал “левый курс” и сам первый от своей выдумки пострадал: Сталин взял его идею, осуществил, а самого автора выкинул вон» [Пришвин, 2006, с. 266]. Отметим: «левый курс» Троцкого — это выдвинутая им в середине 1920-х годов идея, что быструю индустриализацию экономики можно осуществить только за счет «военно-феодальной эксплуатации» крестьянства.

Нехватка продовольствия в начале 1928 года оказалась столь острой, что в городах вновь ввели карточную систему обеспечения хлебом. «Мы быстро идем к состоянию 18—19 гг., что очень скоро придется совершенно прекратить писание, рассчитывать только на свою корову и паек», — пишет Пришвин о нарастающей угрозе голода [Пришвин, 2004, с. 479]. Положение не спасло и решение Кремля вновь вернуться к проразверстке, год спустя писатель отмечал: «28 Октября [1929]. Почтово-телеграфная контора завалена телеграммами женщин из деревень к мужьям в Москву: “Приезжай немедленно, хлеб отобрали” <...> Внешняя картина очень напоминает 18-й год, но тогда грабеж оправдывался революцией, “грабь награбленное”, теперь социалистическим строительством» [Там же, с. 477, 480]. Писателю, всегда внимательно следившему за деятельностью правящей партии, ясно, что надежды на мирный переход от классовой борьбы к ненасильственным формам строительства социализма окончательно рушатся, и в апреле 1929 года он фиксирует признаки надвигающейся грозы: «Политическая атмосфера сгущается до крайности. <...> Кончилась “передышка” Ленина. Начинается сталинское наступление» [Там же, с. 389, 390].

Если для деревни суть новой экономической политики заключалась в развитии кооперации, где главным стимулом к увеличению производства был личный интерес, то с отменой НЭПа отношения государства с земле-пашцем путем регуляции закупочных цен на зерно перешли к насильственному изъятию всех «излишков» у крестьянства. К недоимщикам же Кремль предписывал применять самые жесткие революционные меры, что напрямую следовало из директивы ЦК ВКП (б) 14 января 1928 года «Об усилении мер по хлебозаготовкам» за подписью Сталина: «Спекулянт и кулак есть враг Советской власти» [Цит. по: Данилов, 1999, с. 33]. Так в конце 1920-х годов свершился переход отношения власти к кулакам как не просто к держателям хлеба, но уже как к классовым врагам пролетарского государства.

Однако при всей неприязни к политике классового насилия новой власти Пришвин признает, что после падения монархии партия большевиков стала единственной силой, которая способна обуздить разгул революционной анархии и осуществить столь необходимые для развития страны реформы. Понятно и то, что наведение государственного порядка деревен-

ский люд воспринял как прямое притеснение: «Огромная масса мужиков говорит о революции, что это обман. Кто обманул? Вожди. Например, говорили: “леса будут ваши”, а вот теперь тронь их, ответят: “не ваши, а государственные”» [Пришвин, 2004, с. 192]. В этом была сущая правда — Советская власть действительно обманула крестьянство, отняв у мужика не только леса, но и извечную мечту о вольготной жизни на собственной земле. И здесь решающим стал 1929 год, вошедший в советскую историографию как «год великого перелома». Это калька с названия статьи Сталина, опубликованной в «Правде» 7 ноября 1929 года, провозгласившей отказ партии от НЭПа и курс на ускоренную коллективизацию крестьянства как начало «великого перелома на всех фронтах социалистического строительства <...> под знаком решительного *наступления* социализма на капиталистические элементы города и деревни» [Сталин, 1949б, с. 118].

3.2. Пришвин о противоречиях сталинского курса тотальной кол-лективизации

Следует отметить, что взгляд Пришвина на крестьянство и деревенский образ жизни далеко не однозначен. Выросший в помещичьей усадьбе и сам занимавшийся землепашеством, исходя из личного опыта, он признавал экономическую необходимость для процветания общества перейти от «чесеполосицы» мелких собственников земли к созданию крупных сельскохозяйственных предприятий. Поэтому организация колхозов, по мнению писателя, могла бы стать верным решением извечного крестьянского вопроса, поскольку коллективизм органично выходил из многовековых обычаяев общинной жизни, во многом соответствуя миропониманию и душевному строю русского народа. Однако советско-коммунистическое коллективное хозяйство, по убеждению Пришвина, — это далеко не та традиционная крестьянская община, ибо колхоз не содержал в себе ни личного владения имуществом и кровной заинтересованности в труде, ни самоуправления и патриархальных отношений мирской взаимопомощи, основанных на православном мировоззрении. Внедрение колхозов не снижало противоречий между интересами государства и мужика: «Формировка государства истощает граждан, и они вонят. Идеи бессильны. Вопрос о хлебе. Зло крестьянства: их местные интересы. Уступить — все разберут, города вымрут. Прижимать — останутся без хлеба. Уступить идею Ленина — все уступить» [Пришвин, 2004, с. 362].

Пришвин искренне старается постичь историософскую логику деятельности партии большевиков по обустройству страны. «Почти все, что провозглашает революция: крупная индустрия, кооперация и т. д. — все это нужно нам и необходимо» [Там же, с. 478], — искренне убежден он. Необходима только добрая воля власти, которая примирит общественный

и личный интересы, поможет наладить взаимовыгодное сосуществование всех участников хозяйствственно-экономической деятельности. Именно в гармонии сочетания интересов государства с народным традиционно общинным мироустройством при обеспечении прав личности видится писателю будущее процветание России.

Выходец из деревни, хорошо знакомый со всеми изъянами «чеснеполосицы» и пороками мелкособственнической психологии мужика, Пришвин понимал, что коллективизация обусловлена экономическими и политическими причинами, а не одним лишь личным произволом Сталина, от которого, правда, во многом зависели методы и темпы ее проведения. И здесь начинается категорическое неприятие писателем того, как большевизм станет осуществлять необходимые реформы на практике. Память об атмосфере беззакония первых послевоенных лет уже в начале 1930-х годов подсказывает ему, что за возвратом к продразверстке неминуема полоса жесткой политической реакции. И хотя сам Пришвин вполне лояльно относился к коммунистическим идеям социального равенства и справедливого обустройства общества в интересах большинства, он был решительно против тех варварских методов, с помощью которых власть воплощала в жизнь свои планы.

Особо неприемлемой для Пришвина была классовая идеология, внедряемая на селе через «Комитеты бедноты», которая вела сельское хозяйство в неизбежный экономический тупик. Как до революции на селе было два враждебных класса — мужики и помещики, так и при советской власти возникало новое социальное расслоение деревни, два новых «смертельно-враждебных класса, беднота и середняки. <...> И как не враждовать! Середняк работает, платит налоги за “бедного”, а тот ничего не делает и притом “чванится” как “беднота”. Молодежь, глядя на все это, разлагается» [Пришвин, 2004, с. 434].

Если в период Октябрьского революционного беззакония мужики хаотично растаскивали по избам или мстительно сжигали имущество помещиков, то в годы коллективизации крестьянин уже сам был вынужден отдавать нажитое за бесценок или пускать под нож. «Крестьяне продают лошадей, потому что с лошадью и коровой гражданин считается “середняком”, а с одной коровой можно рассчитывать, что удастся пролезть в бедноту» [Там же, с. 478]. Так политика ускоренной коллективизации порождала новые формы разрушения производительных сил, когда из-за боязни прослыть кулаком — классовым врагом народа — сельские жители начали резать всю живность. «Вообще это мясо, которое теперь едят — это мясо, так сказать, деградационное, это поедание основного капитала страны» [Пришвин, 2006, с. 31.] При этом шло массовое уничтожение не только крупного скота, но и всякой

иной живности, вплоть до домашней птицы, то есть всего, что попадало под угрозу изъятия в общественный фонд колхозов.

Хотя мировая история знает немало случаев государственного террора, однако репрессии большевизма в отношении ни в чем не повинного крестьянства поражают своими масштабами. Безусловно, определяющее влияние здесь оказала политика коллективизации с ее тотальным изъятием зерна и всей живности у крестьянства для нужд ускоренной индустриализации страны. Так, если в мае 1928 года, говоря о бедственном положении с зерном, Сталин сетовал: «Мы производим товарного хлеба вдвое меньше, а вывозим за границу хлеба в двадцать раз меньше, чем в довоенное время» [Сталин, 1949г, с. 84], — то три года спустя летом 1931 года он уже с гордостью заявлял, что мудрая политика партии позволила в кратчайшие сроки преодолеть все трудности и теперь мы «вывозим за границу такое количество хлеба, какого не вывозили еще за время существования Советской власти» [Сталин, 1951, с. 71]. Поэтому понятно, почему неурожай зерна летом 1932 года привел к страшному голоду зимой 1932—1933 годов и гибели большого числа людей в разных регионах СССР.

3.3. Пришвин о духовной атмосфере советского общества в период коллективизации

Период коллективизации Пришвин оценивает в контексте той атмосферы революционной беспощадности, которая установилась в советском обществе после Октябрьского переворота. Не случайно Ленин в 1921 году писал: в стране, где огромное большинство составляет крестьянство, мелкобуржуазная стихия — это «опасность, во много раз превышающая всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе» [Ленин, 1963, с. 24]. Еще не остывшая от всепожирающего пламени гражданской войны местечковая партноменклатура, помнящая установки Ленина по отношению к крестьянству, с яростным фанатизмом ринулась на «окончательное» истребление «кулака», то есть крепкого, работающего и предприимчивого крестьянина, который имел лишнюю лошадь или корову, за что и объявлялся врагом народа. Именно поэтому сталинский курс на форсированную коллективизацию превратился в настоящую войну большевиков с мужиками.

Ожесточенное рвение низовых органов Советской и партийной власти при проведении тотальной коллективизации еще более усугублялось политическим давлением сверху. Правда, на короткое время у крестьянства воскресла некая надежда на смягчение политики государства в отношении села, связанная со сталинской статьей «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», опубликованной в «Правде» 2 марта 1930 года. Всю ответственность за репрессии и «перегибы» при коллективизации в этой статье генсек возложил на местное руководство, деликатно

назвав «забеганием вперед» попытки перейти к устройству колхозов, минуя стадию «сельскохозяйственной артели. <...> в ней не обобществляются: приусадебные земли (мелкие огороды, садики) жилые постройки, известная часть молочного скота, мелкий скот, домашняя птица и т. д.» [Сталин, 1949в, с. 196].

У жителей деревни эта статья Сталина вызвала настоящую бурю радости: оказалось, что принуждения нет и обобществлению не подлежат ни дом, ни корова, ни птица, ни огород. Однако уже на другой день у многих появилось сомнение: «Неужели Сталина совершенно переварили, не пролив капли крови?» [Пришвин, 2006, с. 46]. Воодушевление и надежды тех, кто понял эту статью Сталина как уступку от власти, за которой последуют и другие послабления, очень скоро сменятся пониманием, что власть просто хочет взять мужика в обход. И этот замысел не замедлит проявиться уже в начале апреля, о чем свидетельствует краткая дневниковая запись Пришвина: «Опубликованы льготы колхозникам <...> подчеркнуто, что крестьяне вне колхозов этих льгот иметь не будут. Иначе говоря, государственные налоги должны будут платить дикие крестьяне» [Там же, с. 66]. Говоря о «диких крестьянах», писатель имел в виду крестьян-единоличников, для которых государство ввело неподъемные и разорительные налоги, заменив политику принуждения к вступлению в колхозы принуждением экономическим.

Глубоко присущая Пришвину историчность мышления приводит его к выводу, что насилие как над отдельным индивидом, так и над всем обществом — это один из главных принципов всей русской государственности. «То, что совершается у нас, нельзя приписывать Сталину, или Энгельсу. <...> Все это делал сам народ, создавший Аракчеева и Петра Первого. Наша государственность устанавливается дубинкой Петра» [Пришвин, 2016, с. 113]. Действительно, в контексте поворотных событий мировой истории такие последствия русской революции, как коллективизация или индустриализация, отнюдь не были явлением какой-то необычайной жестокости отношения власти к своим подданным. Несмотря на все трагические недостатки, коллективизация стала той новой политико-технической моделью аграрной экономики, которая значительно усилила мощь советского государства, а оправданность ее была убедительно доказана в грозные годы Великой Отечественной войны.

Такой взгляд Пришвина на коллективизацию перекликается с выводами современных исследователей. Так, В. В. Кондрашин пишет о сходстве методов модернизации страны, примененных в первую очередь в отношении крестьянства, которые в совершенно разные эпохи были использованы Петром Великим и Сталиным: «Если Петербург был построен “на костях”, то есть Петровская имперская Россия, то СССР на этапе его утверждения

как сверхдержавы и мощного научно-индустриального центра — за счет лишений, тягот и даже миллионных жертв советского крестьянства, мужика» [Кондрашин, 2012, с. 11]. В. В. Кожинов отмечает, что движение истории определяется не субъективной волей индивида, а сложнейшим взаимодействием общественных сил. «Вообще все основное, что свершалось в стране, было порождено объективным — в конечном счете, необходимым, неизбежным — ходом истории, а не личной мыслью и волей Сталина» [Кожинов, 2011, с. 779].

Всегда будучи против достижения благой цели путем насилия, Пришвин тем не менее сознает, что для России большевизм — орудие исторической необходимости. Привыкший во всем искать положительный смысл, писатель, при всей жестокости методов коллективизации, пытается найти аргументы, если не оправдывавшие, то объяснявшие сталинскую политику в отношении деревни. Хотя колхозная жизнь и кажется кому-то фабричной, более тяжелой и скучной, тем не менее, пишет Пришвин, крестьянское здравомыслие уже начинает признавать экономическую выгоду коллективного хозяйства, и мужики сами «пойдут в коллективы: им тогда и луг прирежут и трактор дадут. Есть расчет!» [Пришвин, 2004, с. 360]. Действительно, уже простая коопeração, даже без применения машин, позволяла тратить на ту же работу гораздо меньше усилий, чем раньше. Производительность крестьянского труда стала расти еще быстрее с развитием сети машино-тракторных станций, когда трактора, грузовики и машины стали выполнять самую трудоемкую работу по вспашке, уборке и перевозке урожая.

Несмотря на все издержки, коллективизация все-таки меняла психологию жителей села, осуществляя трансформацию мелких собственников в коллектив тружеников, сплоченных не только делом развития своего хозяйства, но и общим интересом процветания государства. Аналогичного мнения о колхозах придерживались и другие видные деятели советской культуры. Так, летом 1930 года К. И. Чуковский писал, что, несмотря на множество проблем, коллективизация для России стала решением земельного вопроса, и в подтверждение своего вывода приводил разговор с Ю. Н. Тыняновым: «Говорил ему свои мысли о колхозах. Он говорит: я думаю то же. <...> в историческом аспекте Stalin как автор колхозов — величайший из гениев, перестраивавших мир» [Чуковский, 1994, с. 9].

Окончательный вывод об исторической необходимости перехода крестьянства к коллективным формам хозяйствования Пришвин делает незадолго до окончания Великой Отечественной войны: хотя многие из критически мыслящих советских людей проявляли сострадание к утраченной личной свободе «дореволюционных мужиков и, становясь на их место,

ненавидели колхозы. Между тем теперь после победы так ясно видно, что никто больше не сделал для победы, как эти колхозы» [Пришвин, 2013, с. 251]. Коллективизация, считает он, стала одной из несомненных заслуг советской власти, хотя это ни в коей мере не снимает ответственности Сталина и руководимой им партии большевиков за трагизм многочисленных жертв крестьянства при организации колхозов.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, следует отметить диалектичность взглядов Пришвина на глобальные социально-экономические, политические и культурно-нравственные процессы мироустройства нового общества. Анализ взглядов писателя на коллективизацию свидетельствует, что признание ее объективной необходимости сосуществует с признанием катастрофического характера борьбы с крестьянством. Но данное противоречие вытекает отнюдь не из непоследовательности мышления писателя, напротив, это свидетельство его включенности в исторический процесс формирования и развития советского миропорядка, противоречивого и сложного по самой своей природе.

Оценивая ключевые события своего времени, Пришвин искренне негодует по поводу многих отрицательных моментов отношения большевизма к деревне: насаждения классовой вражды, лишения крестьян паспортов, что фактически возвращало их к порядкам «крепостного права», и в его душе навсегда останется глубокое сожаление о беспощадности государства при коренной ломке мироустройства деревни и о множестве безвинных жертв. Однако, будучи человеком историософского мышления, даже в самые тяжелые годы коллективизации он проводил мысль о том, что «нельзя судить историю и нельзя даже понять ее, имея перед собой только жертвы» [Пришвин, 2010, с. 21]. Наряду с недостатками Пришвин видит и положительные изменения: вместе с экономическим прогрессом, механизацией производства и повышением производительности труда коллективизация несла в деревню образование, просвещение, культуру: «Колхозы посредством их “партийных прослоек” просветили темные массы крестьян. <...> Историческое значение колхозов в народном хозяйстве можно сравнить в духовной области русского народа лишь с расколом» [Пришвин, 2013, с. 202].

Пришвина всегда отличал исторический оптимизм, стремление снять противоречия и примирить враждующие социальные силы, когда одни воспринимали революцию большевиков как «окаянное время», а другие — как время великой идейной, политической и духовно-нравственной мобилизации всего народа, которая обусловила советскую действитель-

ность как эпоху великих свершений и побед. Безусловно, Пришвин был человеком своего времени, а потому и не мог видеть все экономические противоречия советского колхозного строя, которые еще не развились, и многим еще было не понятно, что мобилизационная экономика не может вечно демонстрировать свою эффективность. История последующих лет вполне наглядно продемонстрировала, что одной из причин падения советско-коммунистического государства в начале 1990-х годов стало именно давление продовольственной проблемы, которая была порождена коллективизацией и массовым террором, связанным с ней.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Восьмой съезд РКП (б). 18—23 марта 1919 г. Протоколы. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1959. — 602 с.
2. Двенадцатый съезд РКП (б) 17—25 апреля 1923 года : Стенографический отчет. — Москва : Политиздат, 1968. — 903 с.
3. Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. — Т. 1. — 626 с.
4. Ленин В. И. Речь о продовольственном и военном положении на Московской конференции фабзавкомов, представителей правлений профсоюзов, уполномоченных Московского центрального рабочего кооператива и совета общества «Кооперация» 30 июля 1919 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 тт. — Москва : Политиздат, 1981. — Т. 39. — С. 118—130.
5. Ленин В. И. X съезд РКП (б) 8—16 марта 1921 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 тт. — Москва : Политиздат, 1963. — Т. 43. — С. 1—127.
6. Михаил Михайлович Пришвин : библиографический указатель / сост. Н. В. Борисова, З. Я. Холодова. — Иваново : ЛИСТОС, 2013. — 175 с. — ISBN 978-5905158-21-6.
7. Пришвин М. М. Дневники. 1928—1929 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 2004. — 544 с. — ISBN 5-268-00566-9.
8. Пришвин М. М. Дневники. 1930—1931 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2006. — 704 с. — ISBN 5-94668-041-2.
9. Пришвин М. М. Дневники. 1938—1939 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010. — 608 с. — ISBN 978-5-94668-077-6.
10. Пришвин М. М. Дневники. 1944—1945 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый хронограф, 2013. — 944 с. — ISBN 978-5-94881-187-1.
11. Пришвин М. М. Дневники. 1950—1951 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2016. — 738 с. — ISBN 978-5-94668-186-5.
12. Stalin I. V. Беседа с иностранными рабочими делегациями. 5 ноября 1927 г. / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 тт. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1949а. — Т. 10. — С. 206—238.
15. Stalin I. V. Год великого перелома. К XII годовщине Октября / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 тт. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1949б. — Т. 12. — С. 118—135.

16. *Сталин И. В.* Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 тт. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1949г. — Т. 12. — С. 191—199.
13. *Сталин И. В.* На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 тт. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1949г. — Т. 11. — С. 81—97.
17. *Сталин И. В.* Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 тт. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951. — Т. 13. — С. 51—80.
14. *Сталин И. В.* О правом уклоне в ВКП (б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 тт. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1949д. — Т. 12. — С. 1—107.
18. Чуковский К. Дневник (1930—1969) / К. Чуковский. — Москва : Современный писатель, 1994. — 560 с.

Литература

1. Апанович Ф. Образы России и Европы в прозе и дневнике Михаила Пришвина / Ф. Апанович. — Катовице : Славск, 2002. — 172 с.
2. Борисова Н. В. «Безнадёжно... висим над бездной...» : революционная повседневность 1918 года в дневнике М. М. Пришвина / Н. В. Борисова // История : факты и символы. — 2018. — № 3 (16). — С. 15—28.
3. Варламов А. Н. Пришвин / А. Н. Варламов. — Москва : Молодая гвардия, 2003. — 548 с. — ISBN 5-235-02548-2.
4. Данилов В. П. Истоки и начало деревенской трагедии / В. П. Данилов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы : в 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — Т. 1. — С. 13—67. — ISBN 5-8243-0006-2.
5. Кожинов В. Россия. Век XX / В. Кожинов. — Москва : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 1040 с. — ISBN 978-5-699-53295-7.
6. Кондрашин В. В. Аграрная история России XX в. : актуальность, проблемы, состояние, перспективы изучения / В. В. Кондрашин // Вестник Самарского гос. ун-та. — 2012. — № 2.2 (93). — С. 11—13.
7. Кузнецов Ф. Бунт и примирение Пришвина / Ф. Кузнецов // Наше наследие. — 1990. — № 2. — С. 83—84.
8. Летаева Н. В. Дневники М. М. Пришвина на занятиях русского языка в иностранной аудитории / Н. В. Летаева // Русский язык в военном вузе. — 2021. — № 4. — С. 36—41.
9. Новоселова И. Г. Дневники М. М. Пришвина : духовный космос / И. Г. Новоселова. — Владивосток : Изд-во Дальневосточного государственного университета, 2004. — 216 с.
10. Павловский А. И. «...Сигналы людям будущего» (О дневнике М. Пришвина 1930 года) / А. И. Павловский // Русская литература. — 1993. — № 1. — С. 81—91.
11. Подоксенов А. М. Пришвин о культе личности Сталина: заметки современника / А. М. Подоксенов // Научный диалог. — 2023. — № 12(2). — С. 237—252. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-237-252.

12. Попов В. П. Запланированная трагедия : коллективизация в исторической ретроспективе / В. П. Попов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2019. — № 3 (51). — С. 67—80. — DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-7.
13. Сова М. Н. Дневники М. М. Пришвина в современных исследованиях / М. Н. Сова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2015. — № 1. — С. 361—366.
14. Теоретический семинар «Современные концепции аграрного развития» (обзор подготовлен В. В. Бабашкиным) // Отечественная история. — 1993. — № 2. — С. 3—28.
15. Холодова З. Я. Художественное мышление М. М. Пришвина : содержание, структура, контекст / З. Я. Холодова. — Иваново : Изд-во «Иваново», 2000. — 296 с. — ISBN 5-7807-0175-X.

*Статья поступила в редакцию 12.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 13.08.2024.*

Material resources

- Chukovsky K. (1994). *Diary (1930—1969)*. Moscow: Modern Writer. 560 p. (In Russ.).
- Decrees of the Soviet government. October 25, 1917 — March 16, 1918, I.* (1957). Moscow: State Publishing House of Political Literature. 626 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1981). Speech on the food and military situation at the Moscow conference of factory committees, representatives of trade union boards, authorized representatives of the Moscow Central Workers' Cooperative and the Council of the society "Co-operation" on July 30, 1919. In: Complete works: in 55 tt., 39. Moscow: Politizdat. 118—130. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1963). X Congress of the RCP (b) March 8—16, 1921. In: *Complete works: in 55 vols.*, 43. Moscow: Politizdat. 1—127. (In Russ.).
- Mikhail Mikhailovich Prishvin: bibliographic index.* (2013). Ivanovo: LISTOS. 175 p. ISBN 978-5905158-21-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2004). *Diaries. 1928—1929*. Moscow: Russian Book. 544 p. ISBN 5-268-00566-9. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2006). *Diaries. 1930—1931*. St. Petersburg: Rostock. 704 p. ISBN 5-94668-041-2. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2010). *Diaries. 1938—1939*. St. Petersburg: Rostock. 608 p. ISBN 978-5-94668-077-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2013). *Diaries. 1944—1945*. Moscow: Novy Chronograph. 944 p. ISBN 978-5-94881-187-1. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2016). *Diaries. 1950—1951*. St. Petersburg: Rostock. 738 p. ISBN 978-5-94668-186-5. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1949a). Conversation with foreign workers' delegations. November 5, 1927. In: *Works: in 13 tt., 10*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 206—238. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1949b). The year of the great turning point. To the XII anniversary of October. In: *Essays: in 13 tt., 12*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 118—135. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1949c). Dizziness from success. On the issues of the collective farm movement. In: *Works: in 13 volumes, 12*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 191—199. (In Russ.).

- Stalin, I. V. (1949d). On the grain front. From a conversation with students of the Institute of the Red Professorship, the Comacademy and the Sverdlovsk University on May 28, 1928. In: *Essays: in 13 tt., 11*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 81—97. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1949e). On the right bias in the CPSU (b). Speech at the plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b) in April 1929 (Transcript). In: *Works: in 13 tt., 12*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 1—107. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1951). The new situation — new tasks of economic construction. Speech at a meeting of business executives on June 23, 1931. In: *Works: in 13 tt., 13*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 51—80. (In Russ.).
- The Eighth Congress of the RCP(b). March 18—23, 1919 Protocols.* (1959). Moscow: State Publishing House of Political Literature. 602 p. (In Russ.).
- The Twelfth Congress of the RCP(b) on April 17—25, 1923: Verbatim report.* (1968). Moscow: Politizdat. 903 p. (In Russ.).

References

- Apanovich, F. (2002). *Images of Russia and Europe in the Prose and Diary of Mikhail Prishvin*. Katowice: Slavsk. 172 p.
- Borisova, N. V. (2018). “Hopelessly... hanging over the abyss...”: revolutionary everyday life of 1918 in the diary of M. M. Prishvin. *History: facts and symbols*, 3 (16): 15-28.
- Danilov, V. P. (1999). The origins and the beginning of the village tragedy. In: *The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927—1939. Documents and materials: in 5 volumes, 1*. Moscow: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN). 13—67. ISBN 5-8243-0006-2. (In Russ.).
- Kholodova, Z. Ya. (2000). *M. M. Prishvin's artistic thinking: Content, structure, context*. Ivanovo: Publishing house “Ivanovo”. 296 p. ISBN 5-7807-0175-X. (In Russ.).
- Kondrashin, V. V. (2012). Agrarian history of Russia of the twentieth century: relevance, problems, state, prospects of study. *Bulletin of the Samara State University*, 2.2 (93): 11—13. (In Russ.).
- Kozhinov, V. (2011). *Russia. The twentieth Century*. Moscow: Eksmo: Algorithm. 1040 p. ISBN 978-5-699-53295-7. (In Russ.).
- Kuznetsov, F. (1990). Revolt and reconciliation of Prishvin. *Our heritage*, 2: 83—84. (In Russ.).
- Letaeva, N. V. (2021). Diaries of M. M. Prishvin in Russian language classes in a foreign audience. *Russian language in a military university*, 4: 36-41.
- Novoselova, I. G. (2004). *Diaries of M. M. Prishvin: spiritual space*. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern State University. 216 p.
- Pavlovsky, A. I. (1993). “...Signals to the people of the future” (About the diary of M. Prishvin of 1930). *Russian literature*, 1: 81-91.
- Podoksenov, A. M. (2023). Prishvin about Stalin’s Cult of Personality: Notes of Contemporary *Nauchnyi dialog*, 12(2): 237-252. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-237-252.
- Popov, V. P. (2019). The planned tragedy: collectivization in historical retrospect. *Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Humanities*, 3 (51): 67—80. DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-7. (In Russ.).
- Sova, M. N. (2015). Diaries of M. M. Prishvin in modern research. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 1: 361-366.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Theoretical seminar “Modern concepts of agrarian development” (review prepared by V. V. Babashkin). (1993). *Russian history*, 2: 3—28. (In Russ.).
Varlamov, A. N. (2003). *Prishvin*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 548 p. ISBN 5-235-02548-2. (In Russ.).

*The article was submitted 12.06.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 13.08.2024.*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

- Александр Борисович Арбеков, канд. истор. наук (Тула)
Александр Геннадьевич Нестеров, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Андрей Александрович Авдашкин, канд. истор. наук (Челябинск)
Андрей Аркадьевич Пасс, д-р истор. наук (Челябинск)
Георгий Сергеевич Махрачев, канд. истор. наук (Тамбов)
Екатерина Олеговна Муслимова, канд. истор. наук (Тюмень)
Елена Ивановна Салганова, канд. соц. наук (Челябинск)
Наталья Александровна Жерлицына, д-р истор. наук (Москва)
Севиндж Мамед кызы Сейдова, д-р истор. наук (Баку, Азербайджан)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Авдашкин А. А. Мигранты из Китая и Вьетнама на Южном Урале (1991—2014 годы) / А. А. Авдашкин, Е. И. Салганова, А. А. Пасс // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 352—368. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-352-368.

Avdashkin, A. A., Salganova, E. I., Pass, A. A. (2024). Migrants from China and Vietnam in South Ural Region (1991–2014). *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 352–368. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-352-368. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мигранты из Китая и Вьетнама на Южном Урале (1991—2014 годы)

Авдашкин Андрей Александрович¹
orcid.org/0000-0001-8169-2755
кандидат исторических наук,
лаборатория миграционных исследований,
корреспондирующий автор
adrianmaricka@mail.ru

Салганова Елена Ивановна¹
orcid.org/0000-0002-1549-8425
кандидат социологических наук,
кафедра социологии
salganovaei@susu.ru

Пасс Андрей Аркадьевич²
orcid.org/0000-0002-5904-0643
доктор исторических наук,
кафедра политических наук
и международных отношений
pass_andrey@mail.ru

¹Южно-Уральский государственный
университет
(Челябинск, Россия)

²Челябинский государственный
университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 23-28-10211
<https://rscf.ru/project/23-28-10211/>

Migrants from China and Vietnam in South Ural Region (1991–2014)

Andrey A. Avdashkin¹
orcid.org/0000-0001-8169-2755
PhD of History,
Laboratory of Migration Studies,
Corresponding author
adrianmaricka@mail.ru

Elena I. Salganova¹
orcid.org/0000-0002-1549-8425
PhD of Sociology,
Department of Sociology
salganovaei@susu.ru

Andrey A. Pass²
orcid.org/0000-0002-5904-0643
Doctor of History,
Department of Political Science,
and International Relations
pass_andrey@mail.ru

¹South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia)

²Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-10211
<https://rscf.ru/project/23-28-10211/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме формирования сообществ китайских и вьетнамских мигрантов в крупных городах Южного Урала в постсоветский период. Внимание авторов сфокусировано на Челябинске и Магнитогорске, поскольку в этих городах продолжительное время функционировали китайский (в Челябинске) и вьетнамский (в случае Магнитогорска) рынки. Источниковую базу рукописи составляют архивные материалы Государственного архива Российской Федерации, Объединенного государственного архива Челябинской области, а также тексты региональной периодики. Методологически авторский коллектив опирался на теорию мобильности, концепцию о праве на город. Привлечение указанных выше источников позволило проследить, как менялась миграция из стран Юго-Восточной Азии на Южный Урал, как мигранты адаптировались под изменения ситуации в стране и осваивали новые социальные ниши, проявляли гибкость в модернизации и переориентации своей инфраструктуры, переходя от преимущественно рыночной торговли в сферу сельского хозяйства и т. д. На сегодняшний день китайские и вьетнамские мигранты не являются многочисленными, но институции, заложенные представителями первой волны постсоветской миграции, продолжают функционировать.

Ключевые слова:

миграция; китайские мигранты; постсоветский город; китайский рынок; Челябинск.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the formation of Chinese and Vietnamese migrant communities in major cities of the South Ural region during the post-Soviet period. The authors focus on Chelyabinsk and Magnitogorsk, as these cities have hosted functioning Chinese (in Chelyabinsk) and Vietnamese (in Magnitogorsk) markets for an extended period. The manuscript's source base consists of archival materials from the State Archive of the Russian Federation, the Unified State Archive of Chelyabinsk Region, as well as texts from regional periodicals. Methodologically, the authors draw upon mobility theory and the concept of the right to the city. By utilizing these sources, the study traces how migration from Southeast Asian countries to the South Ural region evolved, how migrants adapted to changes in the national context, and how they navigated new social niches, demonstrating flexibility in modernizing and reorienting their infrastructure — from predominantly market-based trading to agriculture, among other sectors. Although Chinese and Vietnamese migrants are not numerous today, the institutions established by the first wave of post-Soviet migration continue to operate.

Key words:

migration; Chinese migrants; post-Soviet city; Chinese market; Chelyabinsk.

УДК 94(470.55)“1991/2014”+94(=581)+94(=612.91)

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-352-368

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Мигранты из Китая и Вьетнама на Южном Урале (1991—2014 годы)

© Авдашкин А. А., Салганова Е. И., Пасс А. А., 2024

1. Введение = Introduction

Новейшая история миграции из стран Азии в Россию является важной исследовательской проблемой для историков и представителей смежных гуманитарных дисциплин. Однако в историографии за редким исключением преобладает макроподход, что оставляет без внимания региональные и локальные ракурсы проблемы, см.: [Мукомель, 2005]. Представленная статья посвящена миграции из Китая и Вьетнама на Южный Урал после распада СССР. Внимание авторов фокусируется на следующих сюжетах: динамика численности китайских и вьетнамских мигрантов, основные сферы занятости и создание ими своих специфических институций.

Выбор Челябинска и Магнитогорска в качестве основных единиц анализа обусловлен тем, что они входят в число крупнейших населенных пунктов в регионе, где складывались заметные для принимающей стороны сообщества мигрантов из Китая и Вьетнама. До настоящего времени в той или иной форме в этих населенных пунктах действуют крупные рыночные комплексы, маркированные горожанами в этнических терминах (*китайский и вьетнамский рынки*). Хронологические рамки предпринятого обзора охватывают период 1991—2014 годов. Нижняя граница обусловлена распадом СССР и началом масштабных трансграничных перемещений на территорию России. Верхняя обусловлена тем, что из-за колебаний курсов национальных валют в 2014 году миграция китайских граждан для работы в сельскохозяйственном секторе на Южном Урале утратила привлекательность, приводя к запустению когда-то значительных по своим площадям китайских теплиц.

Новейшая история миграций из стран Азии активно изучается историками и представителями ряда смежных областей научного знания. На сегодняшний день вышел ряд фундированных обзоров, посвященных китайской миграции как на общероссийском уровне [Ларин, 2009; Степанов, 2018], так и на уровне уральского региона [Каменских, 2011]. Однако проблема, затронутая в представленной статье, пока все же не получила широкого освещения в территориальных рамках Урала. Определенное раз-

вение в историографии китайской миграции получили изыскания в русле исторической урбанистики, в основном на примере сибирских городов или Москвы. Внимание авторов привлекли изменения постсоветских городов под влиянием китайской миграции, в частности формирование «китайских» рынков, поскольку последние не только служили важными логистическими центрами, но и воплощали в себе, с точки зрения принимающей стороны, зарождающиеся на российской территории чайна-тауны, более подробно см.: [Дятлов, 2008б; Дятлов, 2020; Малахов, 2020]. Однако в скромом времени выяснилось, что постсоветские миграции не привели к созданию крупных очагов концентрации мигрантов из КНР. Последние уезжали столь же быстро, как и появлялись, в последнее десятилетие значительно изменился коллективный портрет китайских мигрантов и сферы их занятости [Григорьев, 2020], эволюционировали или прекращали функционировать институты, созданные для пребывания, преимущественно временного, в российских мегаполисах [Ларин, 2017, с. 67; Авдашкин, 2023, с. 229]. Хотя показатели вьетнамской миграции после распада СССР были значительно меньше китайской, миграционным связям между Россией и Вьетнамом уже посвящен заметный пласт литературы. Показаны основные факторы постсоветских миграций из Вьетнама, охарактеризованы размещение мигрантов в российских регионах и сферы занятости [Соколов, 2016; Вьетнамская diáspora ..., 2022].

Несмотря на то, что современное влияние миграции на городское пространство хорошо изучено, возникает все больше новых вопросов, связанных с присутствием иноэтнических мигрантов в историческом измерении. Кроме того, большинство аналогичных исследовательских проектов реализовывались в рамках столичных городов — Москва, Санкт-Петербург [Ивлева, 2010; Баранова и др., 2020; Мигранты ..., 2021] — и некоторых региональных столиц Сибири — Томск, Иркутск [Дятлов, 2008а; Григорьев и др., 2017; Нам, 2015]. Исследования такого плана на уральском материале пока малочисленны, поэтому подготовленная статья призвана заполнить выявленные лакуны и способствовать дальнейшей «регионализации» изучаемой проблемы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основу источниковой базы составили архивные документы по теме китайской и вьетнамской миграции, выявленные в Объединенном государственном архиве Челябинской области [ОГАЧО] и Государственном архиве Российской Федерации [ГАРФ]. Данные о китайской и вьетнамской трудовой миграции, связанной со сферой торговли и предпринимательства, почерпнуты автором в фонде Федеральной миграционной службы [ГАРФ,

ф. 10349]. Существенную пользу в реконструкции картины китайской миграции на региональном уровне принесло изучение документов архива Челябинской области, в частности, фондов миграционной службы [ОГАЧО, ф. Р-705], управления по взаимодействию с правоохранительными и военными органами Челябинской области [ОГАЧО, ф. Р-1879] и Комитета по внешним связям и внешнеэкономической деятельности [ОГАЧО, ф. Р-1404]. Обращение к ним позволило почерпнуть официальную статистику по трудовой миграции граждан КНР, выявить основные районы, где работали китайцы и вьетнамцы, увидеть позицию региональных органов власти по отношению к приезжим из Азии. Важную роль играли материалы региональной периодической печати («Челябинский рабочий», «Вечерний Челябинск»), содержащие событийный контекст китайской миграции, названы городские и сельские локации, где она была представлена в 1990-х — начале 2000-х годов и т. д.

Концептуальные рамки статьи образуют идеи о праве на город [Lefebvre, 2000] и теория мобильности [Hannam et al., 2006]. Первая позволяет описать конкуренцию за символическую власть над городским пространством. В рассматриваемых случаях речь идет о локациях, которые рассматриваются жителями как «китайские» или «вьетнамские». Идеи об отторжении пространства дают возможность понять, как появление различных групп китайских мигрантов приводило к утрате принимающей стороной (по крайней мере, в ее собственном представлении) прав на определение функций городского пространства. Вторая фокусирует внимание на том, что для появления стабильно функционирующей и разветвленной инфраструктуры мигрантов необходимо их продолжительное пребывание в стране. Однако китайцы и вьетнамцы, находясь в постоянном движении и меняя сферы занятости, образуют группу преимущественно временных мигрантов, см.: [Ларин, 2017].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Китайская и вьетнамская миграция в 1990-е годы: членки и рыночная торговля

В 1990-е годы плачевное состояние российской экономики сдерживало темпы международной трудовой миграции. На этом этапе ее основу формировали преимущественно граждане Украины и Молдовы, выходцы из Центральной Азии на их фоне долгое время оставались сравнительно малочисленными. В то же время бурное развитие рынка потребительских товаров, преимущественно в сегменте эконом-класса, потребность наладить стабильные сети поставок делали Россию весьма привлекательной для торговой или членочной миграции, в том числе из таких азиатских

стран как Китай и Вьетнам. Сложились торговые сообщества граждан этих государств и в рассматриваемых авторами территориальных рамках.

Данные, обнаруженные в фонде миграционной службы, говорят о том, что в Челябинской области в 1990-е годы официально работало от 1 тыс. до 1,5 тыс. граждан КНР. Основными сферами их занятости являлись строительство и сельское хозяйство (подсчитано авторами по: [ОГАЧО, ф. Р-705, оп. 1, д. 12, 23, 33, 47, 59, 75, 80]). При этом занятость мигрантов носила «гибкий» характер. В частности, в ходе специальных проверок выяснялось, что, числясь официально строителями или работниками сельскохозяйственных предприятий, многие китайцы фактически торговали на местных рынках [Шанхаю жить по закону..., 1994, с. 1].

Китайские рынки долгое время являлись одним из наиболее ярких и узнаваемых воплощений присутствия китайских мигрантов в российском городе, превратившись в локацию, оспариваемую «другими» у местных жителей. Это связано, с одной стороны, с их очевидной «инаковостью», выражавшейся во внешнем облике, языке, стилизации окружающей обстановки посредством иероглифов, сочетания желтого и красного цветов в оформлении и др. С другой стороны, обсуждение в прессе «засилья» китайских мигрантов и перспектив скорого появления китайских кварталов хорошо укладывалось в популярные алармистские дискурсы тех лет, см.: [Дятлов, 2008б; Рыжова, 2008]. В Челябинске и Магнитогорске в 1990-е годы сложились торговые площади, маркированные населением в качестве «этнических» или «мигрантских». Что характерно: в Челябинске рынок маркировали как «китайский», а в Магнитогорске — в большей степени как «вьетнамский» (во всяком случае, до пандемии коронавируса). Об этом свидетельствуют пресса тех лет и материалы интервью с местными жителями.

Первые сведения о появлении заметного количества китайских членников в Челябинске зафиксированы после того, как глава Калининского района Челябинска съездил в командировку в Харбин в 1992 году и установил там прочные деловые связи с представителями китайского бизнеса в провинции Хэйлунцзян [Из Китая — с сахаром..., 1992, с. 1]. Частные торговцы преимущественно занимали территорию одного из крупных рынков, расположенного в Калининском районе Челябинска, — «Заречного» рынка. В повседневном обиходе жителей прилегающая к нему территория обозначалась как «Китайка» или «Китайский» рынок, а окрестные улицы назывались *китайским кварталом* или *местом будущего чайна-тауна* [Селябинска осень харасо..., 1994, с. 1—3].

Прошения о предоставлении вида на жительство для граждан КНР и Вьетнама содержали адреса, где они проживали. Авторами установлено, что практически все эти локации находились поблизости от крупных

рыночных комплексов в Челябинске и Магнитогорске [ОГАЧО, ф. Р-1404, оп. 1, д. 104, л. 19, 26—31, 38—41, 46—47, 54—55]. Более того, в нескольких случаях опрос старожилов указанных домов показал, что по данным адресам когда-то находились небольшие мигрантские общежития («резиновые квартиры»), склады с товаром, кухни для приготовления блюд, поставлявшихся в «китайские» кафе и т. д. Так, на улицах Кирова и Каслинской в Челябинске, примыкавших к территории Китайского рынка 1990-х годов, установлено не менее трех десятков таких квартир.

Рынок и ближайшая к нему застройка обрастили целой сетью институций, направленных как на мигрантов, так и на местных жителей. Это услуги перевозчиков, оформление и изготовление документов [Фальшивые паспорта ..., 1996, с. 1], подпольный обмен и хранение наличных денег, аренда жилья и складских помещений, кафе этнической, в данном случае китайской кухни. Эти объекты могли концентрироваться не только в пределах рынков. Свыше десятка гостиниц и общежитий в Челябинске, где проживали китайцы, находилось на определенном удалении от торговых площадок.

Много споров и оживленных дискуссий вызвал вопрос о численности китайских мигрантов, в том числе занятых в рыночной торговле. Местная пресса называла пугающие цифры, упоминая несколько десятков тысяч китайцев [Селябинска осень харасо..., 1994, с. 1], что, конечно, имело мало общего с реальностью. Практически все репортажи с китайского рынка в заметках «Челябинского рабочего» или «Вечернего Челябинска» сводились к описанию «антисанитарии, криминала и тотального беззакония» [Китайцы просыпаются рано..., 1993, с. 1; Мафия из Поднебесной..., 1997, с. 1; Чио-Чио-Сан ..., 1998, с. 4].

Непростой период 1990-х годов характеризуется ростом международной миграции и в сельскохозяйственный сектор. Исключением не были и регионы Южного Урала. Первые группы китайских овощеводов прибыли в Челябинскую область в начале 1990-х годов при посредничестве китайской фирмы «Хуаси». По оценкам областной администрации привлечение китайских рабочих позволяло сократить издержки при выращивании овощей в 2,6 раза в сравнении со случаями, когда набиралась местная рабочая сила [ОГАЧО, ф. Р-1404, оп. 1, д. 28, л. 6]. Однако на этом этапе именно розничные рынки, расположенные в крупных городах, рассматривались как источник быстрых и ощутимых заработков для граждан КНР и Вьетнама.

3.2. Китайские и вьетнамские рынки в условиях усиления государственного контроля в сфере миграции (2000—2008 годы)

Несмотря на то, что китайские рынки позволяли в сложных условиях перехода к рыночной экономике обеспечить население доступными товарами, власти в начале 2000-х годов предприняли ряд энергичных мер для

повышения качества управления в сфере миграции. Вызвано это было сложным комплексом факторов. К началу 2000-х годов значительно возрос объем трудовой и торговой миграции из Центральной Азии, что требовало выработки более эффективных практик регулирования. Поэтому государством наращивались усилия по борьбе с нелегальной миграцией и связанными с ней отраслями теневой экономики. Так в 2000 году принято решение об упразднении Федеральной миграционной службы (ФМС), а ее функционал временно передали Минфедерации России, и только в 2002 году миграционную службу вновь возрождают, но уже в структуре МВД, см.: [Мукомель, 2005]. В рамках этой линии по управлению миграцией из центральной части города в 2000 году перенесли на окраину китайский рынок в Челябинске, в 2006 году в Иркутске закрыли знаковый китайский рынок «Шанхай», в 2009 году в Москве прекращают деятельность Черкизовского рынка, ставшего к тому моменту одной из городских легенд.

Настойчивые попытки российских властей «навести порядок» в сфере миграции и розничной торговли привели в 2007 году к введению допустимой доли иностранных работников, занятых в сфере торговли [Михайлова и др., 2008]. В силу того, что эти экономические отношения практически полностью происходили в неформальном поле, мы не располагаем достоверными количественными данными о мигрантском присутствии на крупных рынках. По данным ФМС, выходцы из КНР и Вьетнама в основном были заняты в сфере доставки и продажи товаров на вещевых рынках. Меры, принятые правительством России с целью ограничения позиций иностранных граждан в сфере торговли, привели к тому, что численность китайцев в сфере торговли сократилась со 101 тыс. до 96 тыс., вьетнамцев — с 72 тыс. до 62 тыс. Однако в целом представительство иностранцев на рынках оставалось довольно значительным (в общей сложности 403 тыс.) [ГАРФ, ф. 10349, оп. 1, д. 261, л. 69—70].

Частично прояснить картину на региональном уровне помогают архивные документы, отложившиеся в ходе специальных проверок. Так, на 187 рынках области (69 в областном центре) до введения запрета осуществляли торговую деятельность 4316 иностранных граждан. Из них граждан КНР — 1290, Таджикистана — 1011, Узбекистана — 729, Казахстана — 537, Киргизстана — 393, Азербайджана — 166, Армении — 103, Вьетнама — 87 [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 46, л. 192]. Основными местами их концентрации являлись «Китайский рынок», «Восточный город» и «Каширинский рынок» в Челябинске.

После введения ограничений китайцы вынужденно покидали территорию России. К весне 2007 года из Челябинской области выехало свыше 1 тыс. китайских предпринимателей, ранее связанных с торговлей на рын-

ках [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 46, л. 197]. Многие спешно переориентировались на участие в производстве сельскохозяйственной продукции, находили возможность для сохранения своего бизнеса через фиктивное оформление на граждан РФ или уход в серую зону. Стоит сказать о том, что к моменту введения рестрикций существенная часть членов уже накопила необходимый капитал и покинула Челябинск.

Важную роль в сокращении численности китайских торговцев сыграло налаживание новых логистических цепочек между Россией и КНР. Здесь оказались негативные эффекты мирового финансового кризиса 2008. Нельзя забывать и о продолжении курса российских властей на постепенное сокращение деятельности «китайских» рынков. В 2009 году, как уже было сказано выше, ликвидировали Черкизовский рынок — один из крупнейших подобных объектов на территории России. По данным китайской стороны, эта мера нанесла тяжелейший удар по бизнесу примерно 50 тыс. граждан КНР, живших в Москве [Александрова, 2010; Zabyelina, 2012]. Резко сократились потоки китайских товаров, ранее ввозившихся через так называемые «серые» таможенные схемы.

После 2010 года китайцы практически исчезли с рынков. Деятельность продолжили только наиболее крупные оптовики. Постепенно место китайцев на рынках занимали выходцы из Центральной Азии, в основном мигранты из Таджикистана и Киргизстана. Одной из важных сфер занятости киргизских мигрантов являлось посредничество в доставке и распространении китайских товаров, поскольку существенная их часть так или иначе следовала через территорию Киргизстана [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 102].

Если говорить о Магнитогорске, то к моменту проведения авторами полевых исследований на одном из наиболее крупных рынков — «Восточный базар» и Центральная ярмарка — сохранилось сообщество вьетнамских торговцев численностью до ста человек, поскольку многие вернулись на родину или переехали в Москву, Уфу и др. российские города. По данным ФМС, в 2009 году в Челябинской области на основании вида на жительство находилось 800 иностранных граждан, из них порядка 190 вьетнамцев. Кроме того, разрешение на временное проживание имели еще 269 граждан Вьетнама [ГАРФ, ф. 10349, оп. 1, д. 263, л. 58]. К этим данным можно прибавить еще несколько сотен человек, статус которых не был урегулирован официально. Как удалось установить, значительная их часть вела предпринимательскую деятельность на рынках в Магнитогорске, где занимала несколько этажей в общежитиях, расположенных поблизости от крупных рынков. В целом до пандемии коронавируса в Магнитогорске осуществляли предпринимательскую деятельность порядка 500 граждан

Вьетнама, что вполне соответствует статистике, зафиксированной ФМС [Авдашкин, 2024, с. 48].

В Челябинске «Китайский» рынок продолжил оставаться одним из эпицентров активности китайской общины, сложившейся в городе. Большинство китайских студентов, обучающихся в Южно-Уральском государственном университете, поддерживали прочные связи с торговцами на рынке, посещали китайские столовые, торговые точки. На рынке долгое время действовала возможность обмена валюты (рубль — юань). На территории рынка по сей день действуют две парикмахерских, ориентированные на «стрижку азиатского волоса». Крупные китайские оптовики, работающие на рынке уже около двадцати лет, собираются в кафе для празднования китайского нового года. Отдельную группу китайских мигрантов, о которой речь пойдет ниже, составили китайские предприниматели, вложившие средства в развитие тепличных хозяйств после вытеснения иностранных граждан с рынков.

3.3. Переориентация китайской миграции в сельские районы Южного Урала (2008—2014 годы)

Начиная с 2008 года китайские теплицы начали стремительно наращивать свои площади, хотя и ускользали от контроля со стороны местных властей. По сведениям регионального управления ФСБ, после введения запретов на осуществление торговой деятельности для иностранных граждан интересы многих китайских предпринимателей сместились в сельскохозяйственный сектор, где за счет увеличения площади арендуемых сельскохозяйственных угодий при минимальных вложениях удавалось добиваться высокой прибыли [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 101—102]. Так в 2010—2014 годы только по официальным данным численность граждан КНР оценивалась в 4—5 тыс [Там же, л. 102]. В 2014 году Челябинская область входила в перечень российских регионов с наибольшим количеством трудовых мигрантов из КНР, официально зарегистрированных для осуществления трудовой деятельности [Рязанцев и др., 2015, с. 7]. Анализ архивных документов показал, что подавляющее большинство занималось организацией тепличных комплексов. В эти же годы такие теплицы для выращивания огурцов и помидоров достигали максимальных площадей, что привело к образованию в ряде муниципальных районов общежитий для китайских овощеводов, прибывавших из наиболее бедных районов северного Китая [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 102].

По данным ФМС, в 2010 году разрешения на работу в хозяйствах области получили 1467 китайских граждан (табл. 1). Однако реальная численность была существенно выше. Так, по данным министерства сельского хозяйства Челябинской области, количество граждан КНР, занятых

Таблица 1

Официальные данные о численности граждан КНР,
привлеченных хозяйствами Челябинской области в 1998 и 2010 годах *

Территории	1998 год	2010 год
Челябинск	Нет данных	456
Магнитогорск	40	Нет данных
Красноармейский р-он	101	327
Аргаяшский р-он	66	235
Сосновский	149	92
Анаповский р-он	115	84
Копейск	Нет данных	28
Саткинский р-он	Нет данных	27
Каслинский р-он	Нет данных	23
Верхнеуральский	59	50
Миасс	35	12
Чебаркульский р-он	Нет данных	10
Еткульский р-он	54	Нет данных

* Составлено авторами по: [ОГАЧО, ф. Р-1404, оп. 1, д. 28, л. 6; ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 19—20].

в тепличных хозяйствах, доходило до 1985 чел. [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 29]. В документах совещаний по проблеме миграции регулярно подчеркивалось, что ситуация с привлечением китайских граждан в аграрный сектор требует постоянного контроля и проверок пребывания иностранцев, применения ими удобрений, организации полива, соблюдения санитарных норм проживания и организации питания [Там же, л. 29—30]. Кроме того, большинство иностранных граждан не проходили при трудоустройстве медицинскую комиссию [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 73, л. 44].

Важным фактором, который способствовал негативному восприятию деятельности граждан КНР в сельскохозяйственном секторе региона, служила активная работа так называемых перекупщиков. В связи с частым выявлением фактов недобросовестной конкуренции на рынке компаний, привлекавшие китайский капитал и рабочую силу, часто попадали в сферу интересов надзорных органов. Собранный урожай скаплялся фактически за бесценок, часто с применением различных форм давления, а потом реализовывался населению по рыночной цене [ОГАЧО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 85, л. 103]. Происходили многочисленные нападения на тепличные хозяйства и отъем выручки. Некоторые факты грабежа тепличных хозяйств нашли отражение в материалах электронных медиа.

После 2014 года большинство «китайских» теплиц в Челябинской практически исчезли или площади, занятые под тепличные комплексы, значительно сократились. В данном случае важно учитывать изменения макроэкономического контекста. Дело в том, что китайские крестьяне приезжали в сельскую местность российских регионов на сезонную работу из приграничных уездов провинции Хэйлунцзян, где безработица заметно сокращалась, к тому же у населения появлялись новые возможности для заработка в южных провинциях Китая. Причем китайские мигранты, работавшие сезонно в сельском хозяйстве, тратили заработанные деньги в Китае. Но колебания курсов национальных валют привели к резкому падению доходов, а значит, к сокращению трудовой миграции, поскольку требовалось повышать заработную плату или искать иные трудовые ресурсы.

4. Заключение = Conclusions

Исследование, казалось бы, локальных случаев миграций из Азии плотно связано с более широкими историческими контекстами. Сообщества китайских и вьетнамских мигрантов в своем развитии прошли несколько стадий. В 1990-е годы происходил быстрый рост численности за счет наращивания способов доставки и торговли товарами массового потребления. После того, как вмешательство государства в сферу мобильности и функционирование розничных рынков стало более настойчивым, в особенности в 2007—2008 годы, сложились более или менее стабильные группы крупных оптовиков и преуспевших предпринимателей, которые остались на постоянное проживание и (или) искали новые источники дохода, в том числе активно инвестируя в сельское хозяйство. Так, на несколько лет миграция граждан КНР сместилась преимущественно в сельскую местность и способствовала появлению китайских теплиц вместо китайских рынков, сложилась разветвленная система набора жителей бедных районов провинции Хэйлунцзян для работы на полях Челябинской области.

Судя по всему, на этом закончился длительный этап трудовой и предпринимательской миграции уроженцев Китая и Вьетнама на Южный Урал. После 2014 года она уже практически полностью определяется выходцами из других районов Азии, в данном случае Центральной (Таджикистан, в меньшей степени Узбекистан и Кыргызстан). Всякий раз, несмотря на осложнение экономической ситуации и введение новых мер контроля со стороны государства, мигранты вырабатывали стратегии для адаптации, меняли сферы деятельности с рыночной торговли на овощеводство. Несколько волн китайской и вьетнамской миграции привели к созданию и развитию в Челябинске и Магнитогорске специфичной инфраструктуры, ориентированной на потребности граждан КНР и Вьетнама. Это доставка

и распространение товаров в 1990-е годы, прочные связи со страной исхода, места компактного расселения вблизи от рабочих мест на рынках и теплицах, заведения национальной кухни и др.

Формат представленной рукописи не позволил осветить ряд важных исследовательских вопросов: почему в одних постсоветских городах сложились китайские рынки, а в других вьетнамские; каков механизм формирования указанных объектов, каким образом уральские регионы в последние три десятилетия встраивались в процессы китайской и вьетнамской миграции. Кроме того, в научный оборот в перспективе планируется ввести больше материалов устной истории, выстроить и осмысливать биографические траектории различных групп мигрантов из стран Азии.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 261 ; Д. 263.
2. Из Китая — с сахаром // Вечерний Челябинск : [газета]. — 1992. — 4 марта. — С. 1.
3. Китайцы просыпаются рано, но и наши не дремлют // Вечерний Челябинск : [газета]. — 1993. — 21 июня. — С. 1.
4. Мафия из Поднебесной // Челябинский рабочий : [газета]. — 1997. — 30 октября. — С. 1.
5. ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 12, 23, 33, 47, 59, 75, 80 ; Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 28 ; Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 104 ; Ф. Р-1879. Оп. 1. Д. 46, 73, 85,
6. Селябинска осень харасо? Китайские проблемы областного центра // Челябинский рабочий : [газета]. — 1994. — 9 августа. — С. 1—3.
7. Фальшивые паспорта // Челябинский рабочий : [газета]. — 1996. — 28 мая. — С. 1.
8. Чио-Чио-Сан, я хочу быть с тобой... // Челябинский рабочий : [газета]. — 1998. — 8 октября. — С. 4.
9. Шанхаю жить по закону // Челябинский рабочий : [газета]. — 1994. — 18 августа. — С. 1.

Литература

1. Авдашкин А. А. В поисках районов концентрации китайцев в российском городе / А. А. Авдашкин // Этнография. — 2023. — № 2. — С. 215—239. — DOI: 10.31250/2618-8600-2023-2(20)-215-239.
2. Авдашкин А. А. Вьетнамский рынок в постсоветском городе : история, социальные границы и инфраструктура (на примере Магнитогорска) / А. А. Авдашкин // Журнал фронтирных исследований. — 2024. — Т. 9. — № 1 (33). — С. 36—59. — DOI: 10.46539/jfs.v9i1.540.

3. Александрова М. Закрытие «Большого рынка», или уход от «серых таможенных схем» / М. Александрова // Проблемы Дальнего Востока. — 2010. — № 4. — С. 65—75.
4. Баранова В. Видимо-невидимо : миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга / В. Баранова, К. Федорова // Laboratorium : журнал социальных исследований. — 2020. — № 1. — С. 48—80. — DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80.
5. Вьетнамская диаспора в России и ее вклад в развитие двусторонних отношений / С. В. Рязанцев, А. Ле ДиК, Х. Фунг Хай, Е. М. Моисеева // Вьетнамские исследования : электронный научный журнал. — 2022. — Т. 6. — № 3. — С. 34—45. — DOI: 10.54631/VS.2022.63-106318.
6. Григорьев К. В. «Китайские» рынки России : роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) / К. В. Григорьев, В. И. Дятлов // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 419. — С. 121—132. — DOI: 10.17223/15617793/419/16.
7. Григорьев К. В. «Неправильные» китайцы и «захваченный» город : оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с другим / К. В. Григорьев // Журнал исследований социальной политики. — 2020. — № 4. — С. 593—608. — DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-593-608.
8. Дятлов В. И. «Китайские рынки» российских городов — «Уходящая натура»? / В. И. Дятлов // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Политология. Религиоведение. — 2008а. — № 1. — С. 20—30.
9. Дятлов В. И. Россия. В предчувствии чайнатаунов / В. И. Дятлов // Этнографическое обозрение. — 2008б. — № 4. — С. 6—16.
10. Дятлов В. И. «Этнические рынки» — мигрантские локальности в постсоветском городском пространстве / В. И. Дятлов // Журнал исследований социальной политики. — 2020. — № 4. — С. 577—592. — DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592.
11. Ивлева И. В. Уличная экономика в повседневности переходного периода : торговцы и рынки в Санкт-Петербурге и Ленинградской области / И. В. Ивлева. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2010. — 264 с. — ISBN 978-5-288-05060-2.
12. Каменских М. С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. / М. С. Каменских. — Санкт-Петербург : Маматов, 2011. — 350 с. — ISBN 978-5-91076-046-6.
13. Ларин А. Г. Китайская диаспора в России / А. Г. Ларин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № 5. — С. 65—82. — DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82.
14. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России : история и современность / А. Г. Ларин. — Москва : Восточная книга, 2009. — 511 с. — ISBN 978-5-7873-0493-0.
15. Малахов В. С. От сообществ к пространству : исследуя изменения городской среды под влиянием миграций / В. С. Малахов // Журнал исследований социальной политики. — 2020. — № 4. — С. 561—576. — DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-561-576.
16. Мигранты в российских городах : расселение, концентрация, интеграция / Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, А. С. Андреева. — Москва : Дело, 2021. — 226 с. — ISBN 978-5-85006-321-4.
17. Михайлова Е. Мигранты в розничной торговле: эффект запретов / Е. Михайлова, Е. Тюрюканова // Миграционное законодательство Российской Федерации : право-применительная практика / под ред. Г. Витковской, А. Платоновой и В. Школьникова. — Москва : Адамантъ, 2008. — С. 237—266.
18. Мукомель В. И. Миграционная политика России : Постсоветские контексты / В. И. Мукомель. — Москва : Диполь-Т, 2005. — 351 с. — ISBN 5-901144-15-5.

19. Нам И. В. «Новые» этнические группы (диаспоры) в г. Томске / И. В. Нам // Вестник Томского государственного университета. История. — 2015. — № 5. — С. 33—43.
20. Рыжова Н. П. Благовещенск : в поисках «Чайна-тауна» / Н. П. Рыжова // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 4. — С. 17—31.
21. Рязанцев С. В. Китайские трудовые мигранты на российском рынке труда / С. В. Рязанцев, Цюнлань У // Научное обозрение. Серия 1 : Экономика и право. — 2015. — № 6. — С. 5—11.
22. Соколов А. Вьетнамцы в России : история миграций и диаспоры / А. Соколов // Восток на Востоке, в России и на Западе : Трансграничные миграции и диаспоры / ред. В. С. Панарин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. — С. 145—158. — ISBN 978-5-4469-0883-7.
23. Степанов В. В. Китайцы в России / В. В. Степанов // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. — Москва : ИЭА РАН, 2018. — С. 417—436. — ISBN 978-5-4211-0205-2.
24. Hannam K. Editorial : Mobilities, Immobilities and Moorings / K. Hannam, M. Sheller, J. Urry // Mobilities. — 2006. — Vol. 1. — Iss. 1. — Pp. 1—22. — DOI: 10.1080/17450100500489189.
25. Lefebvre H. Writing on City / H. Lefebvre. — Oxford : Blackwell, 2000. — 272 p.
26. Zabyelina Y. Costs and benefits of informal economy : Shuttle trade and crime at Cherkizovsky market / Y. Zabyelina // Global Crime. — 2012. — Vol. 13. — Iss. 2. — Pp. 95—108. — DOI: 10.1080/17440572.2012.674185.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023,
одобрена после рецензирования 07.09.2024,
подготовлена к публикации 10.09.2024.

Material resources

- Cio-Cio-San, I want to be with you ... (1998). In: *Chelyabinsk worker: [newspaper]*. October 8. P. 4. (In Russ.).
- Fake passports. (1996). In: *Chelyabinsk worker: [newspaper]*. May 28. P. 1. (In Russ.).
- From China — with sugar. (1992). In: *Evening Chelyabinsk: [newspaper]*. March 4. P. 1. (In Russ.).
- GARF — State Archive of the Russian Federation. (In Russ.).
- Mafia from China. (1997). In: *Chelyabinsk worker: [newspaper]*. October 30. P. 1. (In Russ.).
- OGACHO — United State Archive of the Chelyabinsk region. (In Russ.).
- Selyabinsk autumn kharaso? Chinese problems of the regional center. (1994). In: *Chelyabinsk worker: [newspaper]*. August 9. 1—3. (In Russ.).
- Shanghai to live by the law. (1994). In: *Chelyabinsk worker: [newspaper]*. August 18. P. 1. (In Russ.).
- The Chinese wake up early, but our people do not doze off either. (1993). In: *Evening Chelyabinsk: [newspaper]*. June 21. P. 1. (In Russ.).

References

- Alexandrova, M. (2010). The closure of the “Big Market”, or the departure from the “gray customs schemes”. *Problems of the Far East*, 4: 65—75. (In Russ.).
- Avdashkin, A. A. (2023). In search of areas of concentration of Chinese in a Russian city. *Ethnography*, 2: 215—239. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-2(20)-215-239. (In Russ.).

- Avdashkin, A. A. (2024). The Vietnamese market in a post-Soviet city: history, social boundaries and infrastructure (on the example of Magnitogorsk). *Journal of Frontier Studies*, 9 / 1 (33): 36—59. DOI: 10.46539/jfs.v9i1.540. (In Russ.).
- Baranova, V., Fedorova, K. (2020). Visibly-invisibly: migration and transformation of the linguistic landscape of St. Petersburg. *Laboratory: Journal of Social Research*, 1: 48—80. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80. (In Russ.).
- Dyatlov, V. I. (2008a). “Chinese markets” of Russian cities — “Outgoing nature”? *Izvestiya Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*, 1: 20—30. (In Russ.).
- Dyatlov, V. I. (2008b). Russia. In anticipation of Chinatowns. *Ethnographic review*, 4: 6—16. (In Russ.).
- Dyatlov, V. I. (2020). “Ethnic markets” — migrant localities in the post-Soviet urban space. *Journal of Social Policy Research*, 9: 577—592. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-577-592. (In Russ.).
- Grigorichev, K. V., Fedorova, V. I. (2017). “Chinese” markets of Russia: the role in post-socialist transformation (the case of Irkutsk). *Bulletin of Tomsk State University*, 419: 121—132. DOI: 10.17223/15617793/419/16. (In Russ.).
- Grigorichev, K. V. (2020). “Wrong” Chinese and the “captured” city: challenging urban space as the development of practices of interaction with another. *Journal of Social Policy Research*, 4: 593—608. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-593-608. (In Russ.).
- Hannam, K., Sheller, M., Urry, J. (2006). Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. *Mobilities*, 1 (1): 1—22. DOI: 10.1080/17450100500489189.
- Ivleva, I. V. (2010). *Street economy in the everyday life of the transition period: merchants and markets in St. Petersburg and the Leningrad region*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-288-05060-2. (In Russ.).
- Kamenskikh, M. S. (2011). *The Chinese in the Middle Urals at the end of the XIX — beginning of the XXI century*. St. Petersburg: Mamatov. 350 p. ISBN 978-5-91076-046-6. (In Russ.).
- Larin, A. G. (2009). *Chinese migrants in Russia: history and modernity*. Moscow: Vostochnaya kniga. 511 p. ISBN 978-5-7873-0493-0. (In Russ.).
- Larin, A. G. (2017). The Chinese Diaspora in Russia. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 5: 65—82. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-65-82. (In Russ.).
- Lefebvre, H. (2000). *Writing on City*. Oxford: Blackwell. 272 p.
- Malakhov, V. S. (2020). From communities to space: exploring changes in the urban environment under the influence of migration. *Journal of Social Policy Research*, 4: 561—576. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-561-576. (In Russ.).
- Mikhaylova, E., Tyryukanova, E. (2008). Migrants in retail trade: the effect of prohibitions. In: *Migration legislation of the Russian Federation: law enforcement practice*. Moscow: Adamant. 237—266. (In Russ.).
- Mukomel, V. I. (2005). *Migration policy of Russia: Post-Soviet contexts*. Moscow: Dipol-T. 351 p. ISBN 5-901144-15-5. (In Russ.).
- Nam, I. V. (2015). New ethnic groups (diasporas) in Tomsk. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 5: 33—43. (In Russ.).
- Ryazantsev, S. V., Ciyunlan Wu. (2015). Chinese labor migrants on the Russian labor market. *Scientific review. Series 1: Economics and Law*, 6: 5—11. (In Russ.).
- Ryazantsev, S. V., Le Duc, A., Fung Hai, H., Moiseeva, E. M. (2022). The Vietnamese diaspora in Russia and its contribution to the development of bilateral relations. *Vietnamese*

- studies: electronic scientific journal, 6 (3): 34—45. DOI: 10.54631/VS.2022.63-106318. (In Russ.).
- Ryzhova, N. P. (2008). Blagoveschensk: in search of “Chinatown”. *Ethnographic review*, 4: 17—31. (In Russ.).
- Sokolov, A. (2016). Vietnamese in Russia: the history of migrations and diaspora. In: *East in the East, in Russia and in the West: Cross-border migrations and diasporas*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 145—158. ISBN 978-5-4469-0883-7. (In Russ.).
- Stepanov, V. V. (2018). Chinese in Russia. In: *Ethnic and religious diversity of Russia*. Moscow: IEA RAS. 417—436. ISBN 978-5-4211-0205-2. (In Russ.).
- Varshaver, E. A., Rocheva, A. L., Ivanova, N. S., Andreeva, A. S. (2021). *Migrants in Russian cities : settlement, concentration, integration*. Moscow: Delo. 226 p. ISBN 978-5-85006-321-4. (In Russ.).
- Zabyelina, Y. (2012). Costs and benefits of informal economy: Shuttle trade and crime at Cherkizovsky market. *Global Crime*, 13 (2): 95—108. DOI: 10.1080/17440572.2012.674185.

*The article was submitted 02.08.2023;
approved after reviewing 07.09.2024;
accepted for publication 10.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Арбеков А. Б. Армии Германии и Австро-Венгрии в восприятии российского офицерства в 1870—80-е годы / А. Б. Арбеков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 369—390. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-369-390.

Arbekov, A. B. (2024). German and Austro-Hungarian Armies in Perception of Russian Officer Corps in 1870s and 1880s. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 369-390. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-369-390. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Армии Германии
и Австро-Венгрии
в восприятии российского
офицерства в 1870—80-е
годы**

Арбеков Александр Борисович
orcid.org/0009-0006-4855-5533
кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
кафедра истории и археологии
arbekoff-alex@ya.ru

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00325
«Российская армия
XVIII — начала XX веков
как социокультурный феномен»

**German and
Austro-Hungarian Armies
in Perception
of Russian Officer Corps
in 1870s and 1880s**

Alexander B. Arbekov
orcid.org/0009-0006-4855-5533
PhD of History,
Senior lecturer,
Department of History
and Archaeology
arbekoff-alex@ya.ru

Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(Tula, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00325
“Russian army
of the XVIII — early XX centuries
as a sociocultural phenomenon”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье изучаются взгляды, формировавшиеся в среде российского офицерства в 1870—80-е годы, на германскую и австро-венгерскую армии. Цель исследования — осветить процесс формирования этих представлений, проследить их историческую динамику, а также выявить факторы, оказывавшие влияние на трансформацию взглядов российских офицеров в обозначенный период. Изучение данной проблематики способствует более глубокому пониманию российской внешней и военной политики в 1870—80-е годы, когда в Европе складывалась определенная расстановка сил и вырисовывались контуры военно-политических союзов, определивших характер блокового противостояния в годы Первой мировой войны. Основное внимание удалено изучению взглядов корпуса офицеров Генерального штаба, так как в их обязанности входило систематическое изучение иностранных армий и применение этих знаний для российских военных нужд. На основе проведенного исследования формулируется вывод о том, что в 1870—80-е годы отношение российского офицерства к германской армии претерпевало изменения, которые укладывались в последовательность «противник» — «соперник» — «враг», в то время как армия Австро-Венгрии воспринималась в качестве ключевого «соперника» России на Балканах.

Ключевые слова:

российское офицерство; Германская империя; Австро-Венгрия; Генеральный штаб; военные агенты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the views that emerged among the Russian officer corps during the 1870s and 1880s regarding the German and Austro-Hungarian armies. The aim of the study is to illuminate the process of shaping these perceptions, trace their historical dynamics, and identify the factors influencing the transformation of Russian officers' views during this period. Investigating this topic contributes to a deeper understanding of Russian foreign and military policy in the 1870s and 1880s, a time when a specific balance of power was taking shape in Europe and the outlines of military-political alliances that defined the nature of bloc opposition during World War I began to emerge. The study focuses primarily on the perspectives of the General Staff officer corps, as their responsibilities included the systematic study of foreign armies and the application of this knowledge for Russian military needs. Based on the conducted research, it is concluded that between the 1870s and 1880s, the attitude of the Russian officer corps towards the German army underwent changes that aligned with a sequence of “adversary” — “competitor” — “enemy,” while the Austro-Hungarian army was perceived as Russia's key “competitor” in the Balkans.

Key words:

Russian officer corps; German Empire; Austro-Hungary; General Staff; military agents.

УДК 94:355.351(430+436)“187/188”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-369-390

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Армии Германии и Австро-Венгрии в восприятии российского офицерства в 1870—80-е годы

© Арбеков А. Б., 2024

1. Введение = Introduction

«Объединительные войны» Пруссии 1860—1870-х годов кардинально изменили расстановку сил в Европе. В центре субконтинента была выкова на «железом и кровью» единая Германская империя, обладавшая огромным экономическим потенциалом и могущественными вооруженными силами. Новая внешнеполитическая конфигурация создавала серьезную опасность территориальной целостности России, особенно ее западным пределам. Теперь, помимо российско-австрийского антагонизма на Балканах и российско-британского противоборства в зоне черноморских проливов и на Среднем Востоке, прибавлялась потенциальная угроза германо-австрийского союза. Эти факторы, с учетом тяжелого положения Третьей республики во Франции, в случае очередного международного кризиса могли привести к полной изоляции России, как и во времена Крымской войны 1853—1856 годов.

В связи со сложившимся внешнеполитическим «пасьянсом» в Европе в 1870—80-х годах в среде российского офицерства складывались конкретные представления о потенциальных «врагах», «противниках», «соперниках» и «союзниках» Российской империи на международной арене. Особое место в данной мировоззренческой системе координат занимали армии Германии и Австро-Венгрии. Невзирая на формирование «Союза трех императоров» в 1873 году, отношения России с этими странами в течение 1870—80-х годов носили весьма напряженный характер, что находило непосредственное отражение в воззрениях российских офицеров и в военно-стратегических планах империи Романовых. Американский историк Д. Рич констатировал, что «независимо от того, что делали царь, министр иностранных дел или даже военный министр, Главный штаб следовал своей собственной логике» [Rich, 1998, p. 159].

Проблематика восприятия российским офицерством европейских армий в 1870—80-х годах не получила широкого научного освещения. Среди работ, касающихся этой тематики, необходимо указать исследования

Г. Перссон [Persson, 2010], Д. Рича [Rich, 1998], Б. Меннинга [Меннинг, 2015], Л. В. Ланника [Ланник, 2018] и Е. С. Сергеева [Сергеев, 2001]. Отдельные аспекты взглядов российских офицеров на европейские армии в контексте развития военного дела в России нашли отражение в биографических трудах О. Р. Айрапетова [Айрапетов, 2017], В. Н. Масальского [Масальский, 1998] и С. С. Юдина [Юдин, 2021], а также в коллективной монографии «Армия и флот в geopolитических интересах России» [Армия и флот ..., 2019]. В этой связи представляется необходимым заполнить образовавшуюся лакуну и проанализировать взгляды российского офицерства на армии Германии и Австро-Венгрии в 1870—80-е годы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Под «офицерством» в настоящей статье понимаются преимущественно офицеры, причисленные к Генеральному штабу (ГШ), в профессиональные обязанности которых входил сбор и анализ информации об иностранных армиях и о развитии военного дела за рубежом. Эти сведения позволяли заранее определять потенциальных противников, врагов и союзников России, обеспечивая тем самым «мозг» армии необходимыми данными для проведения соответствующих военных реформ и для осуществления военно-стратегического планирования в мирное время [Ганин, 2009, с. 4].

Во второй половине XIX века в связи с индустриализацией, ростом численности армий и военно-техническим прогрессом появляется необходимость в «научном» подходе к организации сухопутных вооруженных сил. Если ранее образование и самостоятельность в офицерском корпусе, по выражению П. А. Зайончковского, представляли собой «отрицательные качества, совершенно не нужные офицеру» [Зайончковский, 1945, с. 7], то после Крымской войны 1853—1856 годов возникла насущная потребность в «профессионалах», способных эффективно обучать армию в мирное время и управлять ею на поле боя. В этой связи в период военных реформ 1860—70-х значительное внимание уделялось повышению качества образования офицеров и его престижа [Там же, с. 15—16]. Наиболее заметным образом профессионализация офицерского корпуса прослеживается по российским военным агентам. Если до конца 1860-х годов главными критериями при назначении на соответствующий пост в европейской столице являлись знатность происхождения, высокое материальное положение и знание иностранных языков, то к 1870-м годам на первый план выходит именно наличие высшего военного образования. Так, в исследуемый период практически все военные агенты имели за плечами успешно освоенный «курс наук» либо в Николаевской академии Генерального штаба (Ф. А. Фельдман, л. А. Фредерикс, Н. В. Каульбарс), либо в Михайлов-

ских артиллерийских академии и училище (А. А. Даллер, А. П. Горлов, К. К. Ланц) [Алексеев, 2010, с. 447—477].

В период военных реформ Д. А. Милютина в развитие военной печати также вкладывалось много сил и средств для распространения новых знаний в «военном сословии», то есть в офицерском корпусе. На страницах ведомственных изданий, таких как «Военный сборник» и «Русский инвалид», объединенных в рамках единой редакции в 1869 году [Голиков, 2016, с. 6], печатались статьи, которые носили не только образовательный, но и прикладной характер, так как имели цель, с одной стороны, познакомить читателей с актуальными тенденциями в военном деле за рубежом, с другой — дать представление российским офицерам о потенциальных «противниках», «врагах», «соперниках» и «союзниках» России в 1870—80-х годах.

Источниковой базой исследования послужили воспоминания российских офицеров рассматриваемого исторического периода, таких как Д. А. Милютин [Милютин, 2006], А. Н. Куропаткин [Куропаткин, 2023], В. А. Сухомлинов [Сухомлинов, 1924], А. Н. Витмер [Витмер, 2005] и Л. Л. Зедделер [Зедделер, 1896; Зедделер, 1909]. Воззрения российских офицеров на армии европейских государств также нашли отражение на страницах ведомственных изданий «Военный сборник» и «Русский инвалид», где публиковались как общие сведения, почерпнутые из зарубежной военной прессы, так и отчеты по итогам командировок для наблюдений за военными маневрами и действиями экспедиционных войск, например, при оккупации австро-венгерской армией Боснии и Герцеговины в 1878—1879 годах [Оккупация Боснии ..., 1880].

Не менее важным источником являются донесения российских военных агентов [РГВИА], регулярно поставлявших сведения о зарубежных армиях в центральный орган Российской военной разведки Военно-ученый комитет Главного штаба (ВУК ГШ). Их аналитика отражала не только актуальные взгляды российского офицерства на армии европейских государств, но и оказывала существенное влияние на формирование данных воззрений в среде высоких чинов Генерального штаба и офицеров строевой службы. Например, сведения военного агента в Париже Л. А. Фредерикса о Тунисской экспедиции французских войск печатались в «Военном сборнике» и «Русском инвалиде» [РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1881, д. 8, л. 19, 93, 137].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Армия Германии в представлениях российского офицерства в 1870—80-е годы

В восприятии германской армии российским офицерством в течение 1870—80-х годов прослеживаются две взаимосвязанные тенденции:

1) представление о германской армии как об идеальной на тот момент военной организации в наиболее важных компонентах строительства сухопутных вооруженных сил, а именно: система комплектования на основе всеобщей воинской повинности, подготовка нижних чинов, унтер- и обер-офицерского состава, уровень военно-технического оснащения и механизм высшего военного управления; 2) восприятие германской армии как наиболее грозного военного противника России.

По воспоминаниям адъюнкт-профессор Николаевской академии Генерального штаба (НАГШ) А. Н. Витмера, до Франко-германской войны 1870—1871 годов многим российским офицерам «и в голову никогда не приходила возможность пересаживания всех прусских порядков на нашу почву» [Витмер, 2005, с. 269]. Во многом это обуславливалось ориентацией российского Военного ведомства в тот период на французскую армию, считавшуюся с 1856 по 1870 годы самой сильной в Европе [Свечин, 1928, т. 2, с. 339]. В то же время победы прусского оружия в кампаниях 1864 и 1866 года не воспринимались именно как торжество собственно германской военной мысли и прусской армейской организации. В российской офицерской среде царили представления о том, что поражение Австрии в «Семинедельной войне» являлось результатом скорее технической отсталости ее армии в области стрелкового вооружения и следствием грубых ошибок австрийского командования, нежели достоянием прусского военного мастерства [Витмер, 2005, с. 256—257].

Однако последовавшие события Франко-германской войны 1870—1871 годов полностью перевернули прежние взгляды российских офицеров о германской армии. Военный министр Д. А. Милютин в своих воспоминаниях указывал: «Даже прежние противники немцев начали восторгаться необыкновенным совершенством, до которого доведено военное устройство в Пруссии, и глубокими, дальновидными соображениями прусских военачальников в противоположность французской неурядице и легкомыслию» [Милютин, 2006, с. 292]. Схожие комментарии содержатся в мемуарах полковника ГШ барона Л. Л. Зедделера, назначенного в июле 1870 года официальным российским военным наблюдателем при прусской армии [Зедделер, 1896, с. 490].

Сразу после событий 1870—1871 годов германский военный опыт стал объектом пристального изучения в среде российского офицерства с целью его приложения к системе Российской военной подготовки. Как указывал в мемуарах Д. А. Милютин, под живым впечатлением громких успехов германской армии «все главные начальники более или менее взялись за дело рационального обучения войск, за распространение тактических знаний между офицерами и командирами частей» [Милютин, 2006, с. 442].

Так, крупнейший российский военный теоретик генерал-майор Г. А. Леер читал лекции по истории Франко-германской войны офицерам, обучавшимся в НАГШ. По воспоминаниям А. Н. Куропаткина, «в его талантливом изложении мы познакомились с ходом войны и причинами поражения французов. Мы увидели, как немцы систематично много лет подряд готовили себе победу...» [Куропаткин, 2023, с. 375]. Среди штабных офицеров российской армии в первой половине 1870-х годов получила распространение и практика проведения полевых поездок и военных игр по прусскому образцу [Юдин, 2021, с. 96], нацеленных на изучение потенциальных театров военных действий и подготовку офицеров к действиям в условиях военного времени.

На страницах российской военной периодики обсуждению Франко-германской войны и изучению германской армии также посвящалось значительное количество материалов. Так, за 1870—80-е годы в «Русском инвалиде», не считая рецензий на труды зарубежных авторов, было напечатано около двухсот заметок и статей [Систематический указатель Русского инвалида, 1891], а в «Военном сборнике» — более 160 [Систематический указатель Военного сборника, 1891]. О пристальном внимании российских властей к германскому военному опыту свидетельствуют и продолжительные командировки, которые организовывались для изучения военной системы Второго рейха. Так, полковник ГШ Н. В. Каульбарс в течение 1875—1876 годов неоднократно направлялся в Германию и совокупно провел там 8 месяцев с целью ознакомления с системой обучения в различных родах германских войск. На основе своих наблюдений он опубликовал цикл из 17 статей в «Военном сборнике», напечатанных в 1878 году отдельным изданием под заглавием «Заметки о германской армии» [Каульбарс, 1878]. В своей работе Н. В. Каульбарс подробно рассматривал процесс поступления новобранцев на военную службу, ход обучения солдат всех родов войск в течение года, обязанности и положение офицерского состава, внутренний армейский быт и т. д.

На страницах «заметок» полковника Н. В. Каульбара германская армия представляла практически идеальным военным механизмом, главной характеристикой которого являлись «систематизм и методичность обучения, имеющего единственной целью боевую готовность войск» [Там же, с. 5]. В этом процессе автор отводил ведущую роль именно офицерскому корпусу, составлявшему, с его слов, «душу всей германской армии» [Там же, с. 423].

Несмотря на повышенный интерес к германской системе военной подготовки, стоит указать, что в среде российского офицерства были и сторонники более критического взгляда на ее организацию, полагавшие, что все ее элементы невозможно экстраполировать на российские реалии. На-

пример, полковник ГШ А. К. Пузыревский, читавший в НАГШ курс лекций по истории военного искусства, опубликовал в «Русском инвалиде» рецензию на «Заметки о германской армии» полковника Н. В. Каульбарса. В целом полковник А. К. Пузыревский высоко оценил данный труд, указав, что «преподаватели тактики и военной администрации найдут [в нем] немало поучительного каждый по своему предмету, тем более, что наша военная литература крайне бедна работами, относящимися до вопросов воспитания и обучения солдата». Но вместе с тем он критиковал Н. В. Каульбарса за излишнее преклонение перед германской военной системой без попытки ее критического анализа, без которого было невозможно сделать «общие выводы, равно приложимые для всех армий, и отбросить все то, что составляет в ней результат местных особенностей, предрассудков и традиционных привычек» [Пузыревский, 1879]. В частности, высокие результаты германской военной подготовки были обусловлены собственно высоким уровнем образования среди германского населения. Так, доля безграмотных из новобранцев призыва 1874 года в Германии составляла всего 3,72 % [Каульбарс, 1878, с. 63], в то время как в России — примерно 79 % от общего числа призванных в 1875 году в армию и на флот [Бескровный, 1973, с. 165]. В свою очередь А. К. Пузыревский в своих последующих трудах справедливо утверждал, что «воспитание [солдата] находится в тесной зависимости от образования, ибо род занятий определяет склад понятий и характер отношений» [Пузыревский, 1889, с. 68].

Следует отметить, что в этот в период в целом, как указывал в воспоминаниях В. А. Сухомлинов, «опыт франко-германской войны вызвал партийную рознь» [Сухомлинов, 1924, с. 16], выразившуюся в дебатах в среде российского офицерства относительно применимости / неприменимости германских военных практик в российской армии. Наиболее ярко эти дискуссии проявились в спорах, развернувшихся на страницах военной периодической печати, о наиболее оптимальной пехотной тактике [Юдин, 2021, с. 98—99, 195—197].

Также острыми дискуссиями сопровождались обсуждения реформы системы высшего военного управления в России на прусский манер. 31 октября 1872 года полковник ГШ Ф. А. Фельдман, посетивший Германию для изучения практики проведения полевых поездок, составил для военного министра Д. А. Милютина пространную записку об устройстве «мозга» армии Второго рейха. В ней прослеживалась мысль о необходимости переложения германского опыта на российский военный механизм [РГВИА, ф. 401, оп. 2, 1872, д. 71, л. 58; РГВИА, ф. 432, оп. 1, д. 202, л. 2—17 об.]. В Пруссии к 1860-м годам постепенно сложилась система высшего военного управления, центральным звеном которой являлся Большой Генеральный штаб во

главе с Г. фон Мольтке. Состоявшие в данной структуре офицеры полностью отвечали, по словам Ф. А. Фельдмана, «научным требованиям» в подготовке государства к войне. В мирное время они занимались сбором военно-статистических данных об иностранных армиях, «необходимых для разработок планов кампаний», изучением военно-топографических сведений о сопредельных с Германией странах и составлением планов перевозок германских войск по железным дорогам для сосредоточения армии на ключевых стратегических направлениях [Там же, л. 4 об.]. При этом Большой Генеральный штаб представлял собой учреждение, «независимое от Военного министерства и подчиненное особому начальнику», который был ответственен только перед верховным главнокомандующим вооруженными силами — германским кайзером [Там же, л. 2 об.].

В России же в результате реформ Д. А. Милютина сложился механизм, при котором ГШ, как и во Франции, полностью подчинялся компетенциям военного министра. Это способствовало частому преобладанию экономических потребностей над военной целесообразностью. Опыт последующей Русско-турецкой войны 1877—1878 годов наглядно показал, что такой подход к организации военного управления приводил к игнорированию мнения высококвалифицированных офицеров ГШ при оценке средств и военных возможностей противника [Айрапетов, 2017, с. 207—209].

Заметки полковника Ф. А. Фельдмана встретили резкое неприятие со стороны военного министра. Ознакомившись с их содержанием, Д. А. Милютин указывал: «По моему мнению, это сравнение прусского Генерального штаба с нашим <...> не должно вести к безусловному подражанию и к переделке нашего Генерального штаба. Каждое государство, а также и каждая армия — имеют свои условия, свои традиции, свои обычаи. Что хорошо для одной, может быть совершенно непригодно для другой...» [РГВИА, ф. 401, оп. 2, 1872, д. 71, л. 65—65 об.]. Частичное объяснение реакции военного министра представлено в мемуарах барона Л. Л. Зедделера. По его свидетельствам, для Д. А. Милютина в целом было свойственно «нерасположение к Пруссии» [Зедделер, 1909, с. 925]. К тому же проводимые им реформы встретили резкую критику в конце 60-х — начале 70-х годов со стороны консервативной прослойки российской военной элиты и ее наиболее видного представителя в лице фельдмаршала А. И. Барятинского [Зайончковский, 1945, с. 19; Менninger, 2015, с. 34—39]. По воспоминаниям того же Л. Л. Зедделера, «не меньшее влияние на министра произвело то обстоятельство, что успехи германцев разрушили верования его в силу французской организации, которой он придерживался при преобразованиях, предпринятых им в нашей армии» [Зедделер, 1909, с. 925—926]. Соответственно, предложение о реорганизации российского ГШ по образцу

германского становилось очередным «камнем в огород» Д. А. Миллютина. Поэтому скромные рекомендации полковника Ф. А. Фельдмана, вероятно, воспринимались военным министром не иначе как прямая критика программы его собственных армейских преобразований.

Несмотря на сопротивление господству германских порядков в российских войсках, в целом армия Второго рейха воспринималась российскими офицерами в качестве идеала. Военный агент в Берлине полковник А. А. Даллер по итогам осенних маневров 1879 года в отчете указывал: «Нельзя не высказать своего глубокого убеждения в том, что армия эта с ее отличной, испытанной организацией, с ее боевой готовностью относительно вооружения, обмунирования и ее безграничной преданности императору, наконец, с вдохновляющим ее патриотизмом, есть армия образцовская...» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 17, л. 199].

Данные воззрения на германскую армию неизбежно влекли за собой формирование представлений о ней как о грозном военном противнике, столкновение с которым могло оказаться весьма вероятным в обозримом будущем ввиду политических и географических факторов. Кроме того, после достижения победы над Францией правительство единой Германии продолжало осуществлять последовательные меры по развитию своих вооруженных сил. Как писал российский военный агент в Берлине А. А. Даллер, «после французской войны Германия употребила все свои усилия для увеличения, насколько было возможно, не только своих наступательных средств, но и средств оборонительных» [Там же, л. 202—202 об.]. В течение 1870-х годов, согласно его донесениям, в Германии увеличивалось количество крупных тактических единиц, строились новые линии стратегических железных дорог, быстрыми темпами шел процесс перевооружения армии новыми винтовками Маузера образца 1871 года и крупнокалиберной артиллерией Круппа [РГВИА, ф. 432, оп. 1, д. 201]. В записке о «численности германской армии» от 15 мая 1879 года полковник А. А. Даллер указывал, что в случае большой европейской войны Германия была состояния выставить в кратчайшие сроки полевую армию численностью более 1 млн чел., «укомплектованную исключительно людьми, служившими и вполне обученными, снабженную полным числом лучших офицеров, вооруженными ружьями новейшей системы и снабженную современной дальнобойной артиллерией» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 17, л. 119 об. — 120 об.].

Учитывая появление могущественного потенциального противника на западной границе Российской империи, глава ВУК ГШ генерал-майор Н. Н. Обручев (с 1881 года — начальник ГШ) в 1873 году подготовил для военного министра Д. А. Миллютина записку об обороне России, в которой был изложен план потенциальной войны с Германией и Австро-Венгрией,

а также масштабная программа по возведению крепостей и развитию железнодорожной сети [Айрапетов, 2017, с. 130—131; Зайончковский, 1952, с. 280—288; Меннинг, 2015, с. 35—37; Армия и флот ..., 2019, с. 107]. В течение последующих десятилетий эта программа составляла фундамент российского военного строительства на западных границах империи.

Стратегические замыслы генерала Н. Н. Обручева, изложенные им в записке 1873 года, ложились в основу системы обучения офицеров корпуса ГШ. В 1874 году офицерам-выпускникам НАГШ на дополнительном курсе помимо сочинений по военной истории и военному искусству ставилась «стратегическая задача», в рамках которой им следовало разработать в течение трех месяцев отдельные положения плана войны с Германией и Австро-Венгрией. Так, В. А. Сухомлинову было поручено составить проект вторжения российской кавалерии в пределы Второго рейха для разрушения железных дорог с целью сорвать мобилизацию и развертывание германских войск и тем самым нивелировать затяжной процесс сосредоточения российской армии на западной границе империи. Данный маневр являлся одним из краеугольных камней стратегического видения генерала Н. Н. Обручева [Сухомлинов, 1924, с. 13]. А. Н. Куропаткину в свою очередь было дано задание составить план наступательных операций отдельного армейского корпуса для вторжения в Западную Галицию [Куропаткин, 2023, с. 383].

Несмотря на преобладание в 1870-х годах тенденции восприятия германской армии как потенциального военного противника, многие представители российского офицерства все же четко отделяли вопросы собственно внешней политики от чисто военной сферы, придерживаясь знаменитой формулы Карла фон Клаузевица, что «война есть продолжение политики другими средствами». Генерал В. А. Сухомлинов впоследствии в своих мемуарах писал: «Многозначительный вопрос германо-австро-венгерского союза, волновавший тогда кабинеты всех государств, в нашем [офицерском] кругу не играл никакой роли. Это было дело министерства иностранных дел, а моя задача — чисто технико-кавалерийская» [Сухомлинов, 1924, с. 14]. Генерал А. Н. Куропаткин в воспоминаниях также указывал, что в этот период «вопросами политическими мы интересовались только в связи с вопросами военными» [Куропаткин, 2023, с. 379].

Однако российско-германские отношения во второй половине 1870-х годов, несмотря на формирование в 1873 году «Союза трех императоров» — России, Германии и Австро-Венгрии, стали резко ухудшаться в свете «военной тревоги» 1875 года и последующего Восточного кризиса 1875—1878 годов. Камнем преткновением между Россией и Германией стали результаты Берлинского конгресса 1878 года, в ходе которого Берлин поддержал претензии Вены и Лондона к Петербургу по итогам Русско-ту-

рецкой войны 1877—1878 годов. В связи с этим германская армия в представлении российского офицерства постепенно трансформировалась из потенциального «противника» в наиболее вероятного и самого грозного «врага». Генерал Н. Н. Обручев в записке от 15 марта 1879 года констатировал: «Немецкая политика все теснее связывает против нас совокупные силы Германии, Австро-Венгрии и Румынии, и наши границы уже тесно обложены целым поясом параллельных и перекрестных путей с сильными опорными пунктами и выгодными узлами для сосредоточения вторгающихся армий» [РГВИА, ф. 401, оп. 2, 1868, д. 75, л. 52 об.].

Также об этой трансформации свидетельствуют отчеты о маневрах германских войск в 1879 году, составленные полковником А. А. Даллером и генерал-адъютантом М. Д. Скобелевым. Последний искренне считал Второй рейх врагом, война с которым неизбежна в обозримом будущем [Масальский, 1998, с. 144]. Поэтому в германских армейских учениях он стремился выявить прежде всего недостатки системы подготовки немецких войск, чтобы использовать эти слабости в предстоявшем столкновении. В этой связи в рапорте М. Д. Скобелева по итогам маневров 1879 года содержалась значительная критика германских военных порядков, прежде всего преобладания «рутины наступательных охватов» и чрезмерного стремления атаковать «в лоб» наиболее труднодоступные позиции противника, и «притом в боевом порядке до крайности сгущенном» [Там же, с. 217—218; Юдин, 2021, с. 192; Апушкин, 1914, с. 22—23].

Отношение «Белого генерала» к германской армии во многом обуславливалось не только сложившейся внешнеполитической обстановкой после Берлинского конгресса, но и его симпатиями к славянофильству, в связи с чем М. Д. Скобелев рассматривал будущее противостояние России и Германии как «священную войну» между «славянами» и «тевтонами» [Там же, с. 86—87]. В свою очередь полковник А. А. Даллер заочно полемизировал с «Белым генералом», упрекая его в недооценке боеспособности германских войск. На страницах своего рапорта он указывал, что « тот, кто будет судить о германских войсках исключительно по их большим маневрам, жестоко ошибется. Означенные некоторые несообразности сознаются очень хорошо и самими прусскими офицерами <...>. На своих же летних полевых занятиях войска маневрируют совсем иначе и вполне сообразно с преследуемой целью, то есть подготовлением войск к действию в действительном (то есть в реальном. — A. A.) бою» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 17, л. 195—195 об.]. В конце своего отчета полковник А. А. Даллер обоснованно заключал, что германская армия «вряд ли сокрушимая в данную минуту» [Там же, л. 199].

Несмотря на попытки российско-германского сближения, которые выражались в возобновлении «Союза трех императоров» в 1881 году и

продлении договоренностей в 1884 году, все же в течение 1880-х годов сохранялась высокая напряженность в отношениях между Петербургом и Берлином. Помимо поддержки амбиций Австро-Венгрии в ее балканской политике в противовес России, Германия постепенно увеличивала свое влияние на Высокую Порту за счет отправления военной миссии, в обязанности которой входило реформирование и обучение турецкой армии. Также российский военный агент в Константинополе полковник ГШ В. Н. Филиппов в 1882 году докладывал в Петербург, что под начальством шефа Большого Генерального штаба Г. фон Мольтке в Берлине занимались составлением проекта обороны Босфора [Томилин, 2020, с. 22]. Поэтому Германия стала восприниматься российским офицерством как барьер на пути к достижению ключевой внешнеполитической цели империи Романовых — к захвату Константинополя и черноморских проливов. Генерал М. Д. Скобелев считал, что «путь в Константинополь должен быть избран не только через Вену, но и через Берлин» [Апушкин, 1914, с. 68]. В данном вопросе особенного внимания заслуживает пространная записка генерал-майора Л. Н. Соболева от 22 марта 1887 года, представленная им на рассмотрение начальника ГШ Н. Н. Обручева. Автор приводил последовательную аргументацию о необходимости переконфигурировать стратегию империи Романовых на внешнем контуре, особенно в контексте сотрудничества с блоком Центральных держав — Германии и Австро-Венгрии, которые, по его мнению, выступали серьезным препятствием на пути к Босфору. Согласно аргументации Л. Н. Соболева, овладение проливом давало «России твердую базу для военных действий как в Малой Азии, так и на Балканском полуострове, то есть поставило бы ее в угрожающее положение относительно Австро-Венгрии, и вместе с тем позволило бы перевести все войска с черноморского побережья к западной границе, иначе говоря, усилило бы нашу западную пограничную армию на три корпуса» [РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 596, л. 40 об.]. Автор справедливо задавался вопросом: «Может ли Германия искренно желать подобного оборота дел?» [Там же].

Стоит отметить, что после Берлинского конгресса 1878 года высшее российское командование выстраивало стратегические планы исходя из логики коалиционного противостояния. Предполагалось, что будущий вооруженный конфликт будет носить общеевропейский характер [Айрапетов, 2018, с. 643]. В одной из записок, составленных в январе 1888 года, генерал-майор А. Н. Куропаткин указывал: «Эта война, вероятные размеры которой должны превзойти все, что до сих пор видело грозного человечество, для всех народов Европы представляется страшным бедствием» [РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1887, д. 60, л. 107]. В случае войны с Австро-Венгрией и Германией одной из зон противостояния должен был стать Босфор,

что, согласно воззрениям генерала Н. Н. Обручева, подразумевало возможность «вмешательства румын, турок и англичан» [РГВИА, ф. 402, оп. 2, д. 76, л. 10 об.]. Соответственно, в этой комбинации именно Германия воспринималась как «опаснейший враг, располагающий наиболее прочно-устроенной, опытной и хорошо командуемой армией. Только победа над Германией может нам дать окончательную победу [в общеевропейской войне]» [Там же, л. 23].

3.2. Армия Австро-Венгрии в представлениях российского офицерства в 1870—80-е годы

Если Германия к 80-м годам прочно заняла место «врага» России, то в качестве ее естественного «соперника» воспринималась Австро-Венгрия. Основные разногласия между двумя империями касались раздела сфер влияния на Балканах в рамках Восточного вопроса. После поражений в войнах 1859 и 1866 года Дунайская монархия стала ориентироваться на расширение своего политического и экономического присутствия в балканских владениях османского султана в противовес России. Это коренное противоречие отмечали российские офицеры. Военный агент в Вене полковник ГШ Ф. А. Фельдман в рапорте от 14 ноября 1876 года указывал, что, в отличие от России, добивавшейся независимости христианских народов от Высокой Порты, Австро-Венгрия направляла «все усилия к принижению Сербии и турецких славян, ввиду опасности, угрожающей <...> в случае образования на Балканском полуострове независимых славянских государств» [РГВИА, ф. 431, оп. 1, д. 49, л. 15 об.]. В 1870—80-е годы в среде российского офицерства формировались представления о неизбежности в скором времени военного столкновения между Россией и Австро-Венгрией, несмотря на заключенный «Союз трех императоров» в 1873 году. Однако армия последней, в отличие от германской, не воспринималась в качестве сильного военного противника и злейшего врага, поскольку считалось, что империя Габсбургов, по выражению генерал-майора А. Н. Куропаткина, «шла все это время на буксире у своей могущественной союзницы [Германии]» [РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1887, д. 60, л. 70].

Организация сухопутных вооруженных сил Двуединой монархии, по мнению российских офицеров, повторяла германскую, но при этом уступала ей практически по всем ключевым параметрам. Как писал в одном из рапортов военный агент в Вене Ф. А. Фельдман, в австро-венгерской армии «в новейшее время многое перенято у пруссаков, однако больше внешняя сторона, суть осталась неусвоенной» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 60, л. 91 об.]. После поражения в «Семинедельной войне» 1866 года в империи Габсбургов начались структурные реформы в военной сфере. Указом от 5 декабря 1868 года была введена всеобщая воинская повинность. Вооруженные силы

Австро-Венгрии во многом копировали структуру германской армии и подразделялись на: 1) регулярные войска и резерв; 2) ландвер в Австрии и гонвед в Венгрии; 3) ландштурм; 4) эрзац-резерв. По данным Ф. А. Фельдмана на 1878 год, в мирное время вооруженные силы Двуединой монархии составляли 269 тыс. чел. при 716 орудиях, но в случае войны правительство могло развернуть армию численностью чуть более 1 млн чел. при 1604 орудиях [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 14, л. 37 об.–38]. По наблюдениям российского военного агента в Вене, «в действующих войсках тактическое образование хорошее, пехота стреляет очень недурно, тщательно обучена рассыпному строю и умеет применяться к местности, егеря во всех отношениях выше линейной пехоты» [Там же, л. 38—38 об.]. Но, комментируя уровень подготовки вспомогательных категорий вооруженных сил, генерал Ф. А. Фельдман писал: «Ландвер и гонвед значительно отстали от армии. Состоя преимущественно из новобранцев, они имеют вид милиции и до введения в бой нуждаются в серьезном обучении» [Там же, л. 38 об.]. Также, по замечаниям Ф. А. Фельдмана, во всех родах оружия австро-венгерской армии серьезно сказывался «недостаток вunter-офицерах» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 60, л. 89/об.], а «состав австрийских офицеров незавиден», поскольку «умственное их развитие и образование одинаково скучны» и «любовь к ремеслу составляет редкое исключение» [Там же, л. 90 об.–91].

Критике российские офицеры подвергали и принцип формирования высших тактических единиц, а также механизм мобилизации австро-венгерских войск. В отличие от российской и германской армий, австро-венгерские дивизии с целью экономии средств формировались как из регулярных и резервных частей, так и из ландвера и гонведа, вследствие чего уровень боеспособности подобных соединений оставлял желать лучшего [Оккупация Боснии, 1880, с. 354]. Кроме того, генерал Ф. А. Фельдман указывал, что в Австро-Венгрии была принята территориальная система укомплектования полков, однако зачастую она не совпадала с местом их фактической дислокации. Но при этом в случае мобилизации «австрийские войска приводятся на военное положение не на месте своего расположения, а в соответствующих округах пополнения» [РГВИА, ф. 428, оп. 1, д. 119, л. 20; РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 14, л. 75]. В результате происходила, по замечаниям российского военного агента в Вене полковника Н. В. Каульбарса, «коренная перетасовка частей, собирание отдельных батальонов и полков, разбросанных по корпусам и дивизиям, одним словом, формирование из тех же войск мирного времени новых бригад и дивизий» [РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1883, д. 3, л. 42].

Не менее существенным недостатком австро-венгерской армии российские офицеры считали ее пестрый этноконфессиональный состав, по-

скольку идея национального сплочения, по мнению многих современников, являлась одним из главных элементов формирования надежных вооруженных сил. Как указывал полковник ГШ Л. Л. Зедделер, опиравшийся на германский военный опыт, было необходимо, «чтобы при слове война вся нация, вся интеллигенция, все средства государства жили и служили для одной войны» [Зедделер, 1872, с. 35].

Согласно данным военного агента в Вене Ф. А. Фельдмана на 1875 год, численность австрийских немцев от общего числа солдат, состоявших на службе, составляла всего 29,3 %, венгров — 17,7 %, а оставшуюся часть представляли чехи, словаки, поляки, хорваты, румыны, сербы, итальянцы и другие народы [Австро-Венгрия ..., 1879, с. 30]. Эта особенность австро-венгерской армии, с точки зрения генерала Ф. А. Фельдмана, наиболее явственно проявляла себя в кавалерии, где «драгуны — немцы или чехи, нередко говорящие по-немецки, уланы — сплошь поляки, а гусары — все мадьяры. Это весьма неблагоприятно для разведывательной службы; при нетвердом знании полкового языка и свой офицер не всегда поймет сведения...» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1879, д. 60, л. 88 об.]. В то же время российские офицеры видели в «племенном» составе австро-венгерской армии слабость, которой следовало воспользоваться в случае войны с Двунадесятой монархией. В феврале 1878 года генерал Н. Н. Обручев, составляя план кампании против коалиции Турции, Великобритании и Австро-Венгрии, чтобы отстоять итоги Русско-турецкой войны, особо указывал: «...надо иметь в виду, что в войне с нами Австрия будет крайне затруднена распределением своих сил. Составленная наполовину из славян, австро-венгерская армия будет представлять великую рознь в своих стремлениях, и, если немцы и венгерцы будут рваться вперед, зато другие национальности отнесутся к делу апатично или положительно враждебно» [Алпеев, 2021, с. 46].

Воззрения российских офицеров на австро-венгерскую армию, сформировавшиеся к концу 1870-х годов, подтверждала кампания в Боснии и Герцеговине, право оккупации которых Австро-Венгрия получила по итогам Берлинского конгресса. Помимо российского военного агента Ф. А. Фельдмана, следившего за ходом экспедиции из Вены, к штабу оккупационного корпуса в качестве официальных российских военных наблюдателей были причислены полковник ГШ Н. В. Каульбарс и капитан ГШ Ф. Ф. Палицын [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 14, л. 447]. Последний по итогам кампании опубликовал серию заметок в «Военном сборнике», где подробно раскрывал ход военных действий, а также недостатки военной организации Австро-Венгрии и прогнозы ее высшего военного командования [Оккупация Боснии ..., 1880].

В целом российские офицеры отмечали, что ход мобилизации и со-редоточения экспедиционного корпуса прошли успешно, несмотря на

существенные недостатки австрийской военной системы. Первоначально общая численность оккупационного 13-го корпуса составила 94 233 чел. при 128 орудиях [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 14, л. 175 об.]. Однако капитан Ф. Ф. Палицын считал, что данное количество войск было недостаточно для оккупации Боснии и Герцеговины, а военное министерство и правительство Двуединой монархии, стремясь сэкономить финансовые средства, совершили грубую ошибку, имевшую серьезные военные последствия [Оккупация Боснии ..., 1880, с. 354]. Невзирая на первоначальные успехи в борьбе с повстанцами, вскоре восстание в Боснии и Герцеговине приобрело масштабы, из-за которых «правительство <...> сочло нужным значительно усилить оккупационный корпус» [РГВИА, ф. 401, оп. 3, 1878, д. 14, л. 279 об.]. Вскоре была сформирована особая II армия общей численностью 160 тыс. чел. [Там же, л. 322], в результате чего «оккупация Боснии обошлась Австрии так дорого, что теперь внимание правительства поглощено исключительно финансовым вопросом» [Там же, л. 447 об.].

Общее отношение российского офицерства к результатам кампании в Боснии и Герцеговине ярко характеризует следующий эпизод. В начале апреля 1879 года в венгерской газете «Пестер Ллойд» была опубликована заметка. По сведениям редакции, российский военный агент Ф. А. Фельдман представил военному министру Д. А. Милотину подробные отчеты о состоянии австро-венгерской армии, сделанные на основе анализа кампании в Боснии и Герцеговине. Эти рапорты, как заявлялось в газете, содержали довольно резкую критику в адрес австрийского ГШ и аппарата высшего военного управления вооруженными силами Двуединой монархии, а также замечания генерала Ф. А. Фельдмана относительно низкой эффективности механизма мобилизационного развертывания и снабжения австро-венгерских войск. В частности, приводилась следующая сентенция: «Ввиду возможной войны между нашей монархией и Россией военный атташе [Фельдман] охарактеризовал австро-венгерскую армию как “неопасную” в настоящее время» [Pester Lloyd, 1879, № 80].

Касаясь достоверности истории, опубликованной на страницах «Пестер Ллойд», стоит допустить, что подобный эпизод вполне мог иметь место в реальности. Как указывалось выше, для генерала Ф. А. Фельдмана действительно был характерен критический взгляд на армию Двуединой монархии. Кроме того, в Петербурге прекрасно осознавали, что в актуальных внешнеполитических реалиях главная опасность для России исходила не от Австро-Венгрии, а от Германии, которая все более активно вовлекала в орбиту своего влияния ближайших соседей.

Таким образом, по мнению многих российских офицеров, в обозримом будущем Россия могла быть вынуждена противостоять сильной военной ко-

алиции, в которой прежде было необходимо найти слабое звено, чтобы избежать перспективы ведения строго оборонительной войны, медленно истощающей ресурсы государства, как в 1853—1856 годах. И в качестве такого слабого звена как Ф. А. Фельдманом, так и Н. Н. Обручевым вполне обоснованно признавалась именно Австро-Венгрия. Комментируя заключение Двойственного союза между Веной и Берлином 7 октября 1879 года, генерал Ф. А. Фельдман в донесении от 8 февраля 1880 года подмечал это обстоятельство, указывая, что «Австро-Венгрия не имеет в виду в ближайшем будущем воевать с нами, а скорее боится нападения с нашей стороны» [РГВИА, ф. 428, оп. 1, д. 194, л. 71]. Генерал Н. Н. Обручев, составляя новый план кампании против Австро-Венгрии и Германии в 1887 году, в свою очередь писал, что «армия австрийская многочисленна, но не высокой пробы, как и сама монархия Габсбургов обширна, но плохо в частях своих спаяна» [РГВИА, ф. 402, оп. 2, д. 76, л. 24об.]. В этой связи неудивительно, что из трех вариантов развертывания российских вооруженных сил на западной границе империи на 1887 год в двух — «А» и «Б» — предполагалось прежде всего «нанести быстрое и решительное поражение австрийцам» [Там же, л. 27].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В течение 1870—80-х годов в среде российских офицеров складывались представления о «соперниках», «противниках» и «врагах» Российской империи. Формирование и трансформация данных взглядов были обусловлены сразу несколькими факторами, прежде всего дальнейшим развитием военного дела как в самой России, так и в европейских государствах, а также конкретными внешнеполитическими обстоятельствами. Это приводило к созданию образа «идеальной армии», которая одновременно выступала «грозным военным противником» в представлении российских офицеров. При этом наличие такого «противника» создавало серьезную угрозу безопасности империи, в связи с чем было необходимо своевременно определить «врагов», «соперников» и «союзников» во внешнеполитической конфигурации. Исходя из данной парадигмы, можно заключить, что к 1880-м годам в качестве главного «врага» и наиболее опасного «противника» воспринималась Германия, которая обеспечивала политическую поддержку ключевому «сопернику» России в Восточном вопросе — Австро-Венгрии. Поэтому, несмотря на неоднократную пролонгацию «Союза трех императоров», армии Германии и Австро-Венгрии в исследуемый период рассматривались российскими офицерами в качестве «врагов» и «соперников» России. Даные представления оказывали непосредственное влияние на процесс российского военно-стратегического планирования в 1870—80-х годах.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Австро-Венгрия. Отдел II. Вооруженные силы. — Санкт-Петербург : Воен. учен. ком. Гл. штаба, 1879. — Ч. 1. — 476 с.
2. Витмер А. Н. Что видел, слышал, кого знал / А. Н. Витмер. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2005. — 749 с. — ISBN 5-7331-0332-9.
3. Зедделер, 1896 — Зедделер Л. Л. Двадцать пять лет назад (отрывок из дневника) / Л. Л. Зедделер // Исторический вестник. — 1896. — Т. 64. — С. 480—508.
4. Зедделер, 1909 — Зедделер Л. Л. Отрывки из воспоминаний / Л. Л. Зедделер // Исторический вестник. — 1909. — Т. 115. — С. 918—941.
5. Зедделер, 1872 — Зедделер Л. Л. Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя, в германо-французской войне 1870—71 годов / Л. Л. Зедделер // Военный сборник. — 1872. — № 7. — С. 33—114.
6. Каульбарс Н. В. Заметки о германской армии, составленные по сведениям, собранным во время командировок в Германию в 1875—1876 годах / Н. В. Каульбарс. — Санкт-Петербург : Типография В. А. Полетики, 1878. — 500 с.
7. Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни : воспоминания А. Н. Куропаткина : в 3 томах / А. Н. Куропаткин. — Челябинск : Авто Граф, 2023. — Т. 1. — 750 с. — ISBN 978-5-98518-142-5.
8. Милютин Д. А. Воспоминания. 1868—1873 / под ред. Л. Г. Захаровой. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 736 с. — ISBN 5-8243-0350-9.
9. Оккупация Боснии. Из записок очевидца // Военный сборник. — 1880. — № 6. — С. 341—347.
10. Пузыревский, 1879 — Пузыревский А. К. Заметки о германской армии / А. К. Пузыревский // Русский инвалид [газета]. — 1879. — № 37. — С. 78—84.
11. Пузыревский, 1889 — Пузыревский А. К. Русская армия передвойной 1877—1878 годов / А. К. Пузыревский. — Санкт-Петербург : В. Березовский, 1889. — 79 с.
12. РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400 (Главный штаб Военного министерства). Оп. 4. Д. 596 ; Ф. 401 (Военно-ученый комитет Главного штаба). Оп. 2. 1868. Д. 75 ; Ф. 401. Оп. 2. 1872. Д. 71 ; Ф. 401. Оп. 3. 1878. Д. 14 ; Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 17 ; Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60 ; Ф. 401. Оп. 4. 1881. Д. 8 ; Ф. 401. Оп. 4. 1883. Д. 3 ; Ф. 401. Оп. 4. 1887. Д. 60 ; Ф. 402 (Комитет по мобилизации войск Главного штаба). Оп. 2. Д. 76 ; Ф. 428 (Австрия). Оп. 1. Д. 119 ; Ф. 428. Оп. 1. Д. 194 ; Ф. 431 (Великобритания). Оп. 1. Д. 49 ; Ф. 432 (Германия). Оп. 1. Д. 201 ; Ф. 432. Оп. 1. Д. 202.
13. Систематический указатель Военного сборника за 1858—1890 гг. — Санкт-Петербург : Типография Департамента Уделов, 1891. — 304 с.
14. Систематический указатель Русского инвалида за 1869—1890 гг. — Санкт-Петербург : Типография Департамента Уделов, 1891. — 392 с.
15. Сухомлинов В. А. Воспоминания / В. А. Сухомлинов. — Берлин : Рус. универс. изд-во, 1924. — 438 с.
16. Pester Lloyd [Zeitung]. — 1879.— Nr. 80.

Литература

1. Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи. 1801—1914 гг. : в 4 т. Внешняя политика императоров Александра II и Александра III. 1855—1894 / О. Р. Айрапетов. — Москва : Кучково поле, 2018. — Т. 3. — 904 с. — ISBN 978-5-9950-0905-4.

2. *Айрапетов О. Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830—1904) : портрет на фоне эпохи : биография / О. Р. Айрапетов. — Москва : Русская книга : Алгоритм, 2017. — 496 с. — ISBN 978-5-906914-73-6.
3. Армия и флот в geopolитических интересах России. — Москва : Институт российской истории РАН ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2019. — 368 с. — ISBN 978-5-8055-0354-3.
4. Алексеев М. Н. Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II / М. Н. Алексеев. — Москва : Вече, 2010. — 480 с. — ISBN 978-5-9533-4485-2.
5. Алпеев О. Е. Война после победы? Планы генерала Н. Н. Обручева на случай борьбы с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции (1878 г.) / О. Е. Алпеев // Вопросы истории. — 2021. — № 11—1. — С. 28—55. — DOI: 10.31166/VoprosyIstori202111Statyi03.
6. Апушкин В. А. Скobelев о немцах. Его заветы Славянству / В. А. Апушкин. — Петроград : Издание Товарищества И. Д. Сытина, 1914. — 100 с.
7. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России / Л. Г. Бескровный. — Москва : Наука, 1973. — 616 с.
8. Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917—1922 гг. : Справочные материалы / А. В. Ганин. — Москва : Русский путь, 2009. — 895 с.
9. Голиков А. Г. «В нашей армии настало время коренных и обширных преобразований» (журнал «Военный сборник» и газета «Русский инвалид» в период милитаристских реформ 1860—1870-х гг.) / А. Г. Голиков // Российская история. — 2016. — № 6. — С. 3—14.
10. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 гг. В России / П. А. Зайончковский. — Москва : Издательство Московского университета, 1952. — 368 с.
11. Зайончковский П. А. Военные реформы Д. А. Милютина / А. П. Зайончковский // Вопросы истории. — 1945. — № 2. — С. 3—26.
12. Ланник Л. В. Русский фронт, 1914—1917 годы / Л. В. Ланник. — Санкт-Петербург : Наука, 2018. — 287 с. — ISBN 978-5-02-039679-1.
13. Масальский В. Н. Скobelев : Исторический портрет / В. Н. Масальский. — Москва : Андреевский флаг, 1998. — 414 с. — ISBN 5-85608-248-6.
14. Меннинг Б. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861—1914 / Б. Меннинг. — Москва : Модест Колеров, 2015. — 424 с. — ISBN 978-5-905040-19-1.
15. Свечин А. А. Эволюция военного искусства / А. А. Свечин. — Москва — Ленинград : Гос. изд-во, Отдел военной лит., 1928. — Т. 2. — 619 с.
16. Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России. 1900—1914 гг. / Е. Ю. Сергеев. — Москва : Российская акад. наук. Ин-т всеобщ. Истории, 2001. — 282 с. — ISBN 5-94067-045-8.
17. Томилин А. Р. Русская военная разведка на Босфоре в 1878—1885 гг. / А. Р. Томилин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2020. — № 4 (23). — С. 6—32. — DOI 10.24411/2409-1413-2020-10090.
18. Юдин С. С. Солдат империи. Генерал М. И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник / С. С. Юдин. — Москва : Язу-каталог : Издательский дом «Российское военно-историческое общество», 2021. — 336 с. — ISBN 978-5-00155-437-0.
19. Persson G. Learning from Foreign Wars : Russian Military Thinking, 1859—73 / G. Persson. — Solihull, West Midlands : Helion, 2010. — 182 p. — ISBN 9781906033613.
20. Rich D. A. The Tsar's Colonels : Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia / D. A. Rich. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1998. — 293 p. — ISBN 0-674-91111-3.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024,
одобрена после рецензирования 09.09.2024,
подготовлена к публикации 18.09.2024.

Material resources

- Austria-Hungary. Division II. The armed forces, I. (1879). St. Petersburg: Military. scientific Committee of the General Staff. 476 p. (In Russ.).
- Kaulbars, N. V. (1878). *Notes on the German army, compiled according to information collected during business trips to Germany in 1875—1876*. St. Petersburg: V. A. Politekničeskij Knigopress. 500 p. (In Russ.).
- Kuropatkin, A. N. (2023). *70 years of my life: memoirs of A. N. Kuropatkin: in 3 volumes*, I. Chelyabinsk: Avto Graf. 750 p. ISBN 978-5-98518-142-5. (In Russ.).
- Milyutin, D. A. (2006). *Memoirs. 1868—1873*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 736 p. ISBN 5-8243-0350-9. (In Russ.).
- Pester Lloyd [Zeitung]. —1879.— Nr. 80.
- Puzyrevsky, 1879 — Puzyrevsky, A. K. (1879). Notes on the German army. *Russian invalid [newspaper]*, 37: 78—84. (In Russ.).
- Puzyrevsky, 1889 — Puzyrevsky, A. K. (1889). *The Russian army before the war of 1877—1878*. St. Petersburg: V. Berezovsky. 79 p. (In Russ.).
- RGVIA — Russian State Military Historical Archive. F. 400 (Main Headquarters of the Ministry of War). (In Russ.).
- Sukhomlinov, V. A. (1924). *Memoirs*. Berlin: Russian University Publishing House. 438 p. (In Russ.).
- Systematic index of the Military Collection for 1858—1890. (1891). St. Petersburg: Printing House of the Department of Estates. 304 p. (In Russ.).
- Systematic index of the Russian invalid for 1869—1890. (1891). St. Petersburg: Printing House of the Department of Estates. 392 p. (In Russ.).
- The occupation of Bosnia. From the notes of an eyewitness. (1880). *Military collection*, 6: 341—347. (In Russ.).
- Vitmer, A. N. (2005). *What he saw, heard, whom he knew*. St. Petersburg: Academic Project. 749 p. ISBN 5-7331-0332-9. (In Russ.).
- Zeddeler, 1872 — Zeddeler, L. L. (1872). Infantry, artillery and cavalry in battle and out of battle, in the German-French war of 1870—71. *Military collection*, 7: 33—114. (In Russ.).
- Zeddeler, 1896 — Zeddeler, L. L. (1896). Twenty-five years ago (excerpt from diary). *Historical Bulletin*, 64: 480—508. (In Russ.).
- Zeddeler, 1909 — Zeddeler, L. L. (1909). Excerpts from memoirs. *Historical Bulletin*, 115: 918—941. (In Russ.).

References

- Airapetov, O. R. (2017). *Adjutant General Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830—1904): portrait against the background of the epoch: biography*. Moscow: Russian Book: Algoritm. 496 p. ISBN 978-5-906914-73-6. (In Russ.).
- Airapetov, O. R. (2018). *Foreign policy of the Russian Empire. 1801—1914: in 4 volumes. The foreign policy of Emperors Alexander II and Alexander III. 1855—1894*, 3. Moscow: Kuchkovo Field. 904 p. ISBN 978-5-9950-0905-4. (In Russ.).
- Alekseev, M. N. (2010). *Military intelligence in the Russian Empire — from Alexander I to Alexander II*. Moscow: Veche. 480 p. ISBN 978-5-9533-4485-2. (In Russ.).

- Alpeev, O. E. (2021). The war after the victory? Plans of General N. N. Obruchev in the event of a struggle against the coalition of Great Britain, Austria-Hungary and Turkey (1878). *Questions of History*, 11—1: 28—55. DOI: 10.31166/VoprosyIstori202111Statyi03. (In Russ.).
- Apushkin, V. A. (1914). *Skobelev about the Germans. His testaments to the Slavs*. Petrograd: Publishing House of the I. D. Sytin Association. 100 p. (In Russ.).
- Beskrovny, L. G. (1973). *The Russian army and navy in the XIX century. The military-economic potential of Russia*. Moscow: Nauka. 616 p. (In Russ.).
- Ganin, A. V. (2009). *The corps of officers of the General Staff during the Civil War of 1917—1922: Reference materials*. Moscow: Russian Way. 895 p. (In Russ.).
- Golikov, A. G. (2016). “The time has come for radical and extensive transformations in our army” (the magazine “Military Collection” and the newspaper “Russian Invalid” during the Milutin reforms of the 1860s—1870s). *Russian History*, 6: 3—14. (In Russ.).
- Lannik, L. V. (2018). *The Russian Front, 1914—1917*. St. Petersburg: Nauka. 287 p. ISBN 978-5-02-039679-1. (In Russ.).
- Masalsky, V. N. (1998). *Skobelev: Historical portrait*. Moscow: Andreevsky flag. 414 p. ISBN 5-85608-248-6. (In Russ.).
- Menning, B. (2015). *Bullet and bayonet. The Army of the Russian Empire, 1861—1914*. Moscow: Modest Kolerov. 424 p. ISBN 978-5-905040-19-1. (In Russ.).
- Persson, G. (2010). *Learning from Foreign Wars: Russian Military Thinking, 1859—73*. Solihull, West Midlands: Helion. 182 p. ISBN 9781906033613.
- Rich, D. A. (1998). *The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 293 p. ISBN 0-674-91111-3.
- Sergeev, E. Yu. (2001). “Another earth, another sky ...” *The West and the military elite of Russia. 1900—1914*. Moscow: Russian Academy of Sciences. In-t is universal. Histories. 282 p. ISBN 5-94067-045-8. (In Russ.).
- Svechin, A. A. (1928). *Evolution of military art*, 2. Moscow — Leningrad: State Publishing House, Department of Military Literature. 619 p. (In Russ.).
- The army and navy in the geopolitical interests of Russia*. (2019). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 368 p. ISBN 978-5-8055-0354-3. (In Russ.).
- Tomilin, A. R. (2020). Russian military intelligence on the Bosphorus in 1878—1885. *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, 4 (23): 6—32. DOI 10.24411/2409-1413-2020-10090. (In Russ.).
- Yudin, S. S. (2021). *Soldier of the Empire. General M. I. Dragomirov. The reformer. Teacher. Military commander*. Moscow: Yauza-catalog: Publishing House “Russian Military Historical Society”. 336 p. ISBN 978-5-00155-437-0. (In Russ.).
- Zayonchkovsky, P. A. (1945). Military reforms of D. A. Milyutin. *Questions of history*, 2: 3—26. (In Russ.).
- Zayonchkovsky, P. A. (1952). *Military reforms of 1860—1870. In Russia*. Moscow: Moscow University Press. 368 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.07.2024;
approved after reviewing 09.09.2024;
accepted for publication 18.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Жерлицына Н. А. Трансформация системы религиозного образования в постколониальном Марокко / Н. А. Жерлицына // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 391—409. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-391-409.

Zherlitsyna, N. A. (2024). Transformation of Religious Education System in Postcolonial Morocco. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 391-409. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-391-409. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Трансформация системы религиозного образования в постколониальном Марокко

Жерлицына Наталья Александровна^{1,2}

orcid.org/0000-0001-8647-9419

доктор исторических наук,

¹ведущий научный сотрудник,

Центр изучения стабильности и рисков;

²ведущий научный сотрудник

ns_inafr@mail.ru

¹ Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

² Институт Африки
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-18-00662

Transformation of Religious Education System in Postcolonial Morocco

Natalia A. Zherlitsina^{1,2}

orcid.org/0000-0001-8647-9419

Doctor of History,

¹leading research scientist,
Centre for Stability and Risk Analysis;

²leading research scientist

ns_inafr@mail.ru

¹ National Research University
Higher School of Economics
(Moscow, Russia)

² Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-00662

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье изучаются изменения в системе исламского образования в Королевстве Марокко за период независимого развития. Основная цель исследования — изучить уникальный марокканский опыт сочетания двух различных систем образования, исламской и светской. Марокканская практика может стать полезным примером ввиду актуальности вопросов противодействия исламистскому радикализму и экстремизму. Рассмотрены предыстория вопроса, причины внимания властей и общества к данной теме, основные этапы трансформации системы религиозного образования. Проведен анализ перспектив исламского образования в современном марокканском обществе. Источниками для исследования выступили официальные документы Министерства образования Марокко, национальные законы, тронные речи короля Марокко по данной теме. Доказано, что на протяжении второй половины XX и первых десятилетий XXI веков власти Марокко рассматривали систему исламского образования как один из основных инструментов воздействия на политическую сферу страны, ключевой институт формирования национальной культуры и укрепления пребданности государству. Утверждается, что реформы системы исламского образования в Марокко позволили ему стать более современным и востребованным, одновременно сохранив культурные традиции и самобытность страны.

Ключевые слова:

Марокко; исламское образование; постколониальное развитие; арабизация; национальная идентичность; борьба с исламистским радикализмом.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the changes in the Islamic education system in the Kingdom of Morocco during the period of independent development. The primary objective of the study is to explore the unique Moroccan experience of integrating two distinct educational systems: Islamic and secular. The Moroccan practice may serve as a valuable example in light of the pressing issues of countering Islamist radicalism and extremism. The paper discusses the historical context, the reasons for governmental and societal attention to this topic, and the key stages in the transformation of the religious education system. An analysis of the prospects for Islamic education in contemporary Moroccan society is also provided. The research draws on official documents from the Moroccan Ministry of Education, national legislation, and royal speeches addressing this issue. It is demonstrated that throughout the second half of the 20th century and into the early decades of the 21st century, Moroccan authorities viewed the Islamic education system as a primary tool for influencing the political sphere, a key institution for shaping national culture, and a means to strengthen loyalty to the state. It is asserted that reforms in the Islamic education system in Morocco have enabled it to become more modern and relevant while simultaneously preserving the cultural traditions and uniqueness of the country.

Key words:

Morocco; Islamic education; postcolonial development; Arabization; national identity; combating Islamist radicalism.

УДК 94:37(64)“1912/1956”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-391-409

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Трансформация системы религиозного образования в постколониальном Марокко

© Жерлицына Н. А., 2024

1. Введение = Introduction

Общим для всех арабских стран, получивших независимость от колониального правления европейских метрополий в 1950—1960-х годах, являлось официальное утверждение ислама в конституциях в качестве государственной религии. В процессе государственного строительства они нуждались в стимулировании идей национальной идентичности, от устойчивости которой зависели в конечном итоге политическая стабильность и легитимность властей. Было очевидно, что именно система образования является ключевым институтом формирования национальной культуры и укрепления преданности государству. Поэтому с самых первых дней независимости системы образования новых государств оказались в центре общественного внимания и политической борьбы.

В своем стремлении к контролю системы образования власти арабских стран сталкивались с проблемами и ограничениями, когда речь заходила о традиционном исламском образовании. В отличие от стран Запада, где церковь давно, примерно с XVI века была отделена от государства и утратила контроль над такими сферами, как гражданское право, образование и наука, в исламском мире такая связь сохранялась, и религиозные элиты продолжали контролировать эти стратегические сегменты [Исаев и др., 2022, с. 10—11].

Особый статус религиозного образования в мусульманских странах, и в Марокко в частности, объясняется тем, что образование для мусульман обязательно включает в себя изучение религии. Духовное знание также важно, как и научное, и дополняет его. Если в европейской традиции в основу положен интеллект, то образование в исламе уделяет большое внимание развитию духовной сущности человека. Система религиозного образования в Марокко сложилась еще в средние века и сохранялась в период французского протектората (1912—1956).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической основой для данного исследования стали принципы историзма и объективизма, что позволило рассмотреть процесс трансформации традиционного исламского образования в Марокко на основе комплексного исследования источников и литературы. Применение таких общеначальных методов, как метод анализа и синтеза, системный метод, способствовало концептуальному обобщению исследования. Также были использованы такие общеисторические методы, как сравнительно-исторический и проблемно-хронологический. При изучении истории исламского образования в Марокко, являющегося многогранным социальным феноменом, и рассмотрении идейно-ценностных аспектов его развития целесообразным было реализовать принцип междисциплинарности и полипарадигмальный подход.

Источниками для данного исследования выступили официальные документы Министерства образования Марокко, национальные законы, тронные речи короля Марокко по данной теме. Изучению истории становления и современных трендов исламского образования посвящены работы российских, арабских и западных авторов. Российские авторы уделяют внимание как общим вопросам развития систем религиозного образования [Музыкина, 2023; Яковлева, 2020], так и его региональным особенностям [Грибанова, 2022; Ерохин, 2020]. В работах арабских ученых аль-Айади и аль-Катири рассмотрена сложная проблема взаимосвязи исламского образования и радикализма [El Ayadi, 2004; El Katiri, 2013]. Работы западных авторов, посвященные опыту Марокко, раскрывают такие аспекты вопроса, как взаимодействие французской колониальной власти и традиционной сферы Марокко, уникальные методы обучения в коранических школах страны [Segalla, 2006; Boyle, 2006].

Новизна данного исследования заключается в отсутствии работ на русском языке, посвященных обобщению опыта независимого Марокко по управлению сферой религиозного образования. Данный вопрос представляется актуальным на фоне неослабевающего интереса к тематике в российских мусульманских регионах, а также в свете общих проблем борьбы с радикализмом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Структура и методы системы исламского образования в Марокко

Система религиозного образования в Марокко трехступенчатая, включает школы-куттабы, училища-медресе и университеты-мечети. В доколониальные и колониальные времена куттабы, как сельские, так и городские,

служили для детей в возрасте от четырех до десяти лет первым учебным заведением, часто являясь единственным формальным образованием, которое мог получить ребенок из небогатой семьи. Учебная программа состояла в основном из заучивания Корана. Медресе и, в значительной степени, мечети-университеты, как правило, располагались только в городах. Медресе обычно предназначались для детей постарше, которые отличались в куттабе или чьи родители были достаточно богаты, чтобы отправить их в город и оплатить учебу. В медресе студенты изучали широкий спектр предметов, акцент смещается с арабского языка и заучивания Корана на более глубокое изучение религиозных текстов.

Мечети-университеты были местами получения высшего образования. Мечети-университеты Каравийин и Юсуфийя были не просто образовательными центрами Марокко, но отличались высоким культурным престижем и политическим значением как ведущие центры передового исламского образования. С XVII века ученые-исламоведы мечети-университета Каравийин обладали привилегией придавать легитимность правящей династии, заявляя о своей лояльности данному султану посредством ритуальной церемонии посвящения в сан [Vermeren, 2007, р. 124].

Традиционно учреждения исламского образования не имели единого центра регулирования, обычно поддерживались и управлялись членами местной общины, а в крупных городах — богатыми меценатами. Куттабы и медресе в Марокко никогда не финансировались государством. Они полагались на доходы от частных благотворительных фондов. Кроме того, местные общины часто предлагали учителям пожертвования в виде продуктов питания и других товаров в обмен на занятия. Учреждения исламского образования можно назвать подлинно общественными институтами, отвечавшими потребностям и ценностям сообщества, не обремененными высокой степенью централизации или чрезмерной бюрократизацией.

Отличительной особенностью исламского образования в Марокко можно считать мягкий индивидуальный подход к учащимся. Ученики исламских школ проходили учебную программу и прогрессировали в усвоении материала каждый в своем собственном темпе. Не было установленного учебного года и формальных тестов. Уделяя особое внимание тому, чтобы учащиеся усваивали материал в соответствии с личными способностями, без единообразных стандартов и страха не сдать экзамен, исламские учебные заведения столетия назад воплотили в жизнь многие образовательные идеалы, которые современная педагогика только сегодня начинает воспринимать как передовые и ориентированные на студентов. Учителя занимались с учениками индивидуально или в небольших группах, слушая, как они декламируют, и исправляя их ошибки, как устные, так и письменные.

Методы обучения также эволюционировали, со временем больше внимания стало уделяться объяснению материала [Boyle, 2006, р. 486].

Система обучения в исламских высших учебных заведениях Марокко может быть охарактеризована как открытая, с акцентом на выбор, автономию, доступность и личностное развитие. В процессе обучения упор делается на свободе выбора учащегося и на продолжении индивидуальных усилий по приобретению знаний. Кроме того, исламские университеты традиционно пользовались большой степенью независимости от административных и политических властей [Schooling Islam ..., 2007, р. 31].

Первые изменения в традиционную систему внесли французы с началом колониального правления в Марокко в 1912 году. Ими была внедрена альтернативная модель школьного образования, предназначенная, в первую очередь, для подготовки кадров для службы во французской колониальной администрации. Однако это имело долгосрочные последствия, выходящие за рамки простого обеспечения рабочей силой французской администрации. Поскольку французские принципы колонизации предполагали сильную тенденцию к ассимиляции «туземцев» во французскую культуру, институты, создаваемые в колониях, были точными копиями французских институтов во Франции. Поэтому преподавание в Марокко стало осуществляться на французском языке и по французским учебникам. Так, широко известен такой сакральный пример, когда маленькие марокканцы читали в учебнике истории: «Наша родина — Франция...». Основополагающие принципы, которые пронизывали колониальное и постколониальное государственное образование в Марокко, были основаны на французских образовательных ценностях и идеях, которые имели мало общего с исламскими принципами и ценностями первоначальной системы. Например, французская школьная система базировалась главным образом на принципах рационализма, универсальности и полезности, которые требовали централизованной, стандартизированной учебной программы, прививающей научное мировоззрение. Учащиеся получали знания в одинаковом порядке и в одинаковом темпе по всей стране. Оценка знаний основывалась на системе национальных экзаменов, которые также были полностью стандартизованы для обеспечения единства. Эти стандарты сильно отличались от традиционного исламского метода, согласно которому учащиеся должны прогрессировать в своем собственном темпе, основываясь на усвоении материала, а не на результатах тестов.

Во время протектората большинство марокканских детей, посещавших куттабы, продолжали учиться по традиционным учебным программам, существовавшим в стране с момента прихода сюда ислама в VIII веке. К 1920-м годам в начальные школы, управляемые французами, поступило

несколько тысяч марокканских детей-мусульман, в основном в городских центрах. В 1950-е годы только 13 % мусульманских детей младшего школьного возраста посещали государственную школу [Segalla, 2006, р. 96].

3.2. Увеличение религиозной составляющей в системе образования в 1950—1990-х годах

После достижения независимости система образования, оставшаяся от французов, не была ликвидирована, ведь государственное школьное образование действительно обеспечивало рабочие места и способствовало экономическому развитию Марокко. Эта система претерпела некоторые изменения, была арабизирована, особенно в том, что касается языка обучения. Весь постколониальный период государственные школы оставались основным источником образования для марокканских детей [Marshallsay, 2012, р. 183]. Однако система исламского образования, несмотря на такую серьезную конкуренцию, смогла адаптироваться к современности и найти свое место в современном марокканском обществе. Подавляющее большинство традиционных мусульманских школ после обретения независимости продолжали функционировать при минимальном вмешательстве государства, оставаясь автономными и лишенными государственного финансирования вплоть до 2000-х годов.

Тем не менее с первых лет независимости Марокко правящая династия Алауитов сделала упор на упрочение позиций религиозно-культурной идентичности как опоры легитимности властей. Именно в этом ключе следует рассматривать такие шаги правительства, как введение курсов религиозного образования в государственных школах в 1957 году. В том же году был разработан проект будущей образовательной политики, кратко сформулированный в четырех пунктах: «унификация, обобществление, арабизация и марокканизация» [Royal Decree ..., 1957, р. 417]. Примерно в тот же период стала очевидна и другая тенденция развития независимого Марокко: некоторая часть образованной религиозной элиты страны входила в состав оппозиционных партий и движений или сочувствовала им. Стремясь ослабить их позиции, власти Марокко проявляли большую осторожность в дальнейшей «исламизации» образования [El Katiri, 2013, р. 58]. Так, в государственных школах сохранялось двуязычие, несмотря на протесты религиозных деятелей.

Начиная с конца 1960-х годов, а это был период наибольшей популярности в арабском мире идей светской, арабского социализма и левых взглядов, наблюдалось неуклонное расширение исламского образования в учебных планах Марокко. Стремясь не допустить распространения левых и либеральных идей в королевстве, власти поддерживали консервативный тренд через образование: увеличился объем курсов по исламу, и заметно изменилась тональность изложения материала. Религия стала рас-

сматриваться как морализаторская сила, призванная защитить учащихся от опасных, как правило, светских идеологий. Эти тенденции были очевидны в королевских речах, указах, постановлениях и отчетах Министерства образования, в которых подробно описывались существенные изменения в программах исламского образования средних школ.

В 1966 году король Хасан II объявил, что отныне молитва будет обязательной во всех государственных школах, а также во всех государственных высших учебных заведениях [The speech of Hassan II ..., 1967, p. 305]. Затем, начиная с середины 1970-х годов, Министерство образования провело ряд реформ, увеличив объем религиозного образования в государственных школах. В нормативные акты были внесены следующие изменения: количество часов, отводимых на изучение ислама, удвоилось; правительство также добавило религиозные темы в учебные программы по истории, арабской литературе и философии и увеличило количество направлений бакалавриата, требующих от студентов прохождения тестирования по исламоведению [El Ayadi, 2004, p. 117].

В 1970-х и 1980-х годах тенденция к большей исламизации образования продолжалась, и к 1987 году государство сделало исламское образование обязательным предметом на каждом экзамене на степень бакалавра. В учебные планы также были внесены существенные изменения, о которых сообщалось в королевских речах, произнесенных в 1972, 1974 и 1975 годах и посвященных религиозному образованию [Boutieri, 2013, p. 372]. Например, 6 апреля 1974 года Хасан II объявил о намерении пересмотреть все учебные программы и учебники по исламоведению. Король считал, что религиозное образование должно служить нравоучительной силой для марокканской молодежи, и эта идея содержалась в новых программах исламского образования и учебниках.

Важными событиями политической жизни Марокко, оказавшими влияние на дальнейшую трансформацию системы исламского образования, стали две неудачные попытки государственного переворота в 1971 и 1972 годах. Эти нападения показали уязвимость короля и побудили монархию искать пути укрепления своей легитимности. Решение выделить больше места для религии в школах было частью этой более широкой стратегии. В попытках установить контакт с элементами марокканского общества, которые могли бы подорвать позиции основных оппозиционных партий, режим обратился к религиозной элите как очевидному противовесу для опасных левых идеологий иностранного происхождения, одной из которых был марксизм. Растущее включение исламского образования в национальные учебные программы стало мощным инструментом в руках режима. В 1985 и 1987 годах государство возобновило арабизацию сред-

них школ и сделало исламское образование обязательным предметом для получения степени бакалавра, повторив прежнее использование религиозного образования режимом. Исламское образование, таким образом, стало своего рода инструментом антикризисного управления.

3.3. Основополагающие документы системы исламского образования в Марокко

Основные тенденции развития системы образования за годы независимости были суммированы в принятой в 1999 году «Национальной хартии образования и профессиональной подготовки». Во вступительном разделе, посвященном «Основополагающим принципам», говорилось: «Система образования Королевства Марокко основана на принципах и ценностях ислама. Она стремится воспитывать добродетельных граждан, образцы честности, умеренности и терпимости, которые открыты науке и знаниям и проникнуты духом инициативы, творчества и предпримчивости. Система образования уважает и отражает самобытность нации, унаследованную от предков, священные и неосязаемые ценности нации: веру в Аллаха, любовь к Родине и приверженность конституционной монархии» [Charte Nationale ..., 1999]. Таким образом, этот документ ясно указывал, что целью религиозного образования является воспитание «добропорядочного гражданина», что несколько смешало акценты с изучения ислама на гражданские ценности, и это впоследствии и отразилось в учебных программах.

Руководствуясь принципами, изложенными в Хартии, министерство образования Марокко издало в 2002 году широкий свод правил для всех учебных программ, учебников и педагогических материалов. В этих правилах содержался призыв к тому, чтобы «ценности ислама, ценности современной идентичности и ее этические и культурные принципы, ценности гражданства» учитывались во всех будущих учебных планах. Правила указывали, что школьная система должна уделять внимание религиозным и духовным потребностям учащихся. В документах подчеркивалось, что марокканские учащиеся должны хорошо знать свою религию, родной язык и историю своей страны [Document on the Framework ..., 2002].

Важным этапом в интеграции исламского образования в государственную систему стало принятие в 2002 году Закона от 13 января, в котором цели традиционного религиозного образования были определены как «направленные на то, чтобы дать возможность учащимся выучить Коран наизусть, изучать науки шариата, овладевать принципами современной науки, развивать свои знания в области исламской культуры и открывать себя другим наукам и культурам, уважая принципы и ценности терпимости, содержащиеся в исламе» [Law 13.01 ..., 2002]. Эта фраза была знаменательной: государство впервые установило стандартное определение традиционно-

го религиозного образования, и это образование должно было включать в себя некоторые светские предметы. Смешение религиозных и светских предметов указывало на еще один аспект усиления государственного контроля: растущую эквивалентность между системой традиционного религиозного образования и системой государственного образования. Закон 13 января предусматривает, что традиционное религиозное образование предоставляется в куттбах, медресе и университете Каравийин, то есть в учреждениях, которые функционируют параллельно с государственной системой образования. Новые правила также требовали, чтобы все традиционные религиозные школы, такие как коранические дошкольные учреждения и университет Каравийин, преподавали иностранные языки и посвящали две трети своих учебных часов предметам, включенными в национальные учебные планы государственных школ. Согласованные учебные планы позволяли навести мосты между двумя системами, чтобы учащиеся могли при желании переходить из одной в другую.

3.4. Усиление государственного контроля и увеличение светских предметов в религиозном образовании в 2000—2020-х годах

Растущий уровень государственного контроля над институтами исламского образования был обусловлен изменениями в восприятии правящим режимом политических угроз в сочетании с укреплением бюрократического потенциала государства, особенно в религиозной сфере. Растущая исламизация системы образования в 1970—1980-х годах привела к ослаблению влияния левых движений, мода на которые прошла к этому времени не только в Марокко, но и в арабском мире вообще. На смену пришел новый, не менее серьезный тренд: политизация ислама, рост влияния исламских партий и радикальных исламистских движений. В Марокко отсутствие государственного надзора за куттбами и медресе создало благоприятную почву для роста религиозной оппозиции режиму. За десятилетия лояльного отношения властей Марокко к исламизации в страну пришли и развернули здесь свою пропагандистскую работу ультраконсервативные салафитские организации, финансируемые богатыми монархиями Персидского залива. Тип ислама, который проповедовался салафитами, существенно отличался от марокканской североафриканской модели. Во время своих проповедей салафиты ставили под сомнение единство и гегемонию маликитского обряда, который превалировал в Марокко на протяжении веков, отвергали роль короля как повелителя правоверных мусульман Марокко и заявляли о своей конечной цели — установлении единого исламского халифата во всем исламском мире [Saada, 2018, p. 415].

Осознать новую угрозу и опасность ваххабитской пропаганды властям страны пришлось после терактов 11 сентября 2001 года в США и особенно

после атаки радикалов на Марокко — трех террористических актов в Касабланке в 2003 году. К этому времени на трон взошел Мухаммед VI, и начать свое правление ему предстояло с коррекции всей системы религиозного образования как основного инструмента формирования лояльности граждан Марокко [Wainscott, 2015, р. 646].

Мухаммед VI ответил на вызов международного исламистского радикализма запуском политических и религиозных реформ в Марокко. Процесс начался с выступления короля с программной речью в апреле 2004 года, в ней содержался призыв защитить исламское образование от «эксплуатации или отвлечения внимания, затрагивающих марокканскую идентичность». Король также выступал за интеграцию частных религиозных учебных заведений в государственную систему, чтобы гарантировать, что они обучают современным ценностям «вместо того, чтобы формировать закостенелый и упрямый дух» [Throne speech ..., 2004]. Эта цитата наводит на мысль, что король считал частное религиозное образование ответственным за противодействие современным ценностям, которые стремилась продвигать монархия. В речи король настаивал на необходимости поддержки исконно марокканских элементов религиозной сферы, основы идентичности: «Вопрос религии требует, чтобы мы сосредоточились на наших уникальных исторически сложившихся традициях, а именно на суннитском обряде Малики, на котором основано единство нашей нации и защита которого является долгом и миссией» [Жерлицына, 2021, с. 57].

С 2004 года в рамках реформ в сфере исламского образования были проведены многие из наиболее далеко идущих преобразований, демонстрирующих, как война с терроризмом создала возможности для более масштабных реформ высших исламских учебных заведений, чем в предыдущие десятилетия. Эти реформы, продиктованные политическими мотивами, могут быть оправданы как необходимый в такой ситуации шаг в упорядочении ситуации в религиозном образовании, несмотря на то, что они представляют собой потерю автономии для религиозных учебных заведений.

В соответствии с речами короля, целью реформ было содействие воспитанию «независимых, открытых и уравновешенных» учащихся. Министерство образования заявило, что реформа учебной программы основывалась на четырех наборах ценностей: «исламские ценности», «ценности современной идентичности», «национальные ценности» и «ценности прав человека» [Sahin, 2018, р. 16]. Основным изменением в учебных программах религиозного образования стало усиление акцента на гражданских ценностях. Частичное изъятие религиозного содержания из учебных программ распространилось и на другие предметы, такие как арабский язык и философия [Panjwani, 2013, р. 161].

Вслед за средним образованием продолжился процесс установления контроля и над высшими исламскими учебными заведениями страны. Поскольку деятели религиозной сферы в период независимости неоднократно выступали как оппозиционная сила по отношению к властям Марокко, то последние решили, что контроль над институтами, которые выпускают ученых-религиоведов, является средством создания лояльного класса религиозных элит. Реформирование высшего исламского образования — это проект, нацеленный на всю религиозную сферу, на создание механизма регулирования сложных общественных процессов [Philosophies ..., 2016, р. 23—27].

3.5. Реорганизация институтов исламского образования

Кульминацией процесса реформирования системы религиозного образования можно назвать реорганизацию в 2015 году мечети-университета Каравийин. Реформы эффективно интегрировали его в систему государственного образования страны, он стал, по сути, государственным религиозным университетом. Королевский указ перевел его из ведения Министерства образования в ведение Министерства благотворительных фондов и по делам ислама, которое непосредственно подчиняется Мухаммеду VI, в отличие от Министерства образования, которое контролируется политической партией или коалицией, находящимися в власти в данный момент.

В состав реорганизованного Каравийина вошли учреждения, связанные с религиозной сферой, такие как Институт чтения и изучения Корана имени Мухаммеда VI, Институт образования имамов, Королевский институт исследований истории Марокко, Институт Мусульманской мысли и цивилизации в Касабланке [Bruce, 2018, р. 49]. Объединение религиозных учреждений усилило правительственный контроль и было направлено на устранение угрозы проникновения радикализма в мароккансскую духовную сферу.

В результате реформы Каравийина был расширен прием студентов: по конкурсному экзамену в вуз зачислили около 1800 человек. В дополнение к изучению исламских наук они проходят в обязательном порядке французский и английский языки, философию и программирование. После третьего года обучения к этим дисциплинам добавляются лекции по общественным наукам, латынь, греческий язык и иврит. Цель новой учебной программы — «подготовить новый тип религиозного ученого», хорошо укорененного в маликитской традиции, но способного ориентироваться в современных формах знания. Глобальная цель реформы — продвигать умеренный, толерантный ислам, соответствующий культурной идентичности Марокко.

В результате реформы часть куттабов, большинство медресе и все мечети-университеты в конечном счете были включены в государственную

систему под эгидой Министерства благотворительности и по делам религий. Во всех этих учебных заведениях преподаются не только религиозные предметы, но и обязательные светские дисциплины — в соответствии с унифицированными государственными программами. Эти учебные заведения получили право выдавать официальные дипломы, эквивалентные тем, что выдаются в государственных школах и университетах.

По официальным данным, в Марокко в настоящее время насчитывается 499 традиционных исламских школ, 68 % из которых находятся в сельской местности. Только пять из них полностью финансируются и управляются министерством, еще 156 школ обеспечены грантами и компенсациями для учащихся и учителей. Остальные куттабы существуют на пожертвования благотворителей из местных сообществ, что продолжает давнюю мароккансую традицию. В этих 499 школах обучается около 30 тыс. учащихся, из которых 13 % — девочки. Куттабы по-прежнему практикуют заучивание Корана наизусть, но также предлагают более формализованное изучение исламских тем, а также светских предметов [Ulfat, 2019, р. 88].

Реформы в исламском образовании открыли больше возможностей для выпускников, которые при старой системе становились в основном сельскими проповедниками. Теперь выпускники имеют право претендовать на более широкий спектр профессий, включая преподавание и другие должности в государственном и частном секторе.

В то время как некоторые куттабы были вовлечены в государственную программу исламского образования, описанную выше, многие остались вне ее. Те, кто остался, столкнулись с дилеммой, поскольку их способность привлекать учеников начала снижаться. Они нашли выход, преобразовав себя в дошкольные учреждения, изучающие Коран, что также поощрялось и одобрялось монархией. Ученики проводили год или два в куттабах, а затем переходили в первый класс школы. В дополнение к этому учителя куттаба открыли летние религиозные школы, чтобы дети могли продолжать заучивать Коран традиционным способом даже после того, как они поступят в государственную школу. В этих двух формах куттабы продолжают активно участвовать в образовательной жизни Марокко. Такие коранические дошкольные учреждения в определенной степени поощряются и регулируются правительством, поскольку они находятся под определенным надзором Министерства образования и считаются частью школьной системы, хотя министерство не оказывает им никакой финансовой поддержки. Министерство не утвердило специального учебника для куттабов, но в ходе тренингов, организованных провинциальными департаментами образования, учителям было рекомендовано включить в программу дополнительные предметы: изучение алфавита, письма, счета и даже знакомство

с французским алфавитом. В дошкольных учреждениях, занимающихся изучением Корана, детей учат сидеть в ряд, читать в унисон, читать по отдельности, общаться с другими детьми, уважать учителя и учиться считать и распознавать цифры, а также распознавать и писать буквы [Agbaria, 2018, р. 23]. Куттабы знакомят детей с культурой, поведением и ожиданиями, связанными с формальным школьным обучением, что, возможно, делает их более подготовленными к обучению в школе.

Несмотря на то, что куттабы адаптируются к методам и укладу жизни государственных школ, важно отметить, что с точки зрения марокканских традиций и развития культурной идентичности дошкольные исламские учреждения играют более важную роль, чем просто подготовка учащихся к поступлению в государственную школу. Родители и члены общин хотят, чтобы их дети следовали путем ислама и были добродорядочными гражданами в своих общинах, а также в национальных и глобальных сообществах. Навыки, приобретенные в школе изучения Корана, помогают растущему ребенку ориентироваться в традициях и современности, находить направление и ориентацию, а также принимать решения о том, какой путь выбрать.

В дополнение к заучиванию Корана дошкольные учреждения обеспечивают традиционную дисциплину для детей, оберегая их от уличной праздности и обучая их культурно значимым формам поведения, в том числе тому, как быть вежливыми, приветствовать старших, как молиться, умываться перед молитвой, и другим аспектам традиционных знаний и поведения. Родители в Марокко действительно хотят, чтобы их дети усвоили и демонстрировали эти традиционные модели поведения, даже если в дальнейшем они отправят ребенка в государственные школы для изучения современных наук. На национальном уровне дошкольные исламские учреждения выступают одним из источников формирования у детей марокканской исламской идентичности, что имеет решающее значение для политической культуры Марокко на национальном уровне, ведь монархия черпает легитимность в своей родословной от пророка Мухаммада. Поскольку куттабы обеспечивают ощущимую связь с прошлым и к тому же оказывают услугу родителям с низким доходом, они являются источником — одним из многих, безусловно, — политической стабильности.

4. Заключение = Conclusions

За годы независимости Марокко удалось создать уникальную модель религиозного образования, сочетающую вековые традиции и современный ислам. Эта модель использует передовую педагогику государственных школ и сочетание религиозных и современных учебных программ. Религиозное направление в системе государственного образования и сами куттабы от-

крывают перед учащимися возможности для получения государственных дипломов и высшего образования, предлагают различные виды обучения и открывают карьерные пути после окончания школы, увязывая это с экономической продуктивностью и возможностью зарабатывать на жизнь.

Действительно, Марокко удалось объединить две совершенно разные образовательные традиции — религиозную и светскую. Поощряя использование своей традиционной системы куттабов в виде дошкольных учреждений и школ дополнительного образования, Марокко поддерживает связь с основами священной марокканской традиции и развивает чувство преемственности образования с прошлым. Кроме того, превращая эту традицию в средство поддержки сектора государственного образования в целом, две системы становятся связанными общей миссией по содействию образованию, а также религиозной практике и знаниям Корана. Хотя исламские школы в целом адаптировались к нынешней ситуации, их выживание указывает на взаимодополняемость этих двух несхожих образовательных традиций в Марокко. Действительно, продвигая исламское образование таким новым способом, правительство сохраняет особую традицию Марокко по заучиванию Корана наизусть, поощряя открытость, терпимость и взаимодополняемость как религиозных, так и современных знаний.

На протяжении второй половины XX века традиционалистская идеология легитимации, политическая оппозиция, в которой доминировали религиозные националисты и левые, обеспечивали автономию и государственную поддержку куттабов, медресе и мечетей-университетов. Затем, на фоне появления новых политических противников в виде исламистских движений, режим короля Мухаммеда VI в первые десятилетия XXI века обратился к усилению контроля в сфере образования. Религиозное образование стало развиваться в направлении большей ориентации на современность.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Charte Nationale d'Education et de Formation. Ministère de l'Éducation Nationale et de la Formation Professionnelle Royaume du Maroc [Electronic resource] // October 8, 1999. — Access mode : www.men.gov.ma/sites/fr/Lists/Pages/charter.aspx (accessed 21.07.2024).
2. Document on the Framework of Educational Choices and Orientations. Rabat : Moroccan High Council of Education [Electronic resource] // 2002. — Access mode : <https://www.csefrs.ma/the-council/council-presentation/the-council/> (accessed 21.07.2024).
3. Law 13.01 of January 29, 2002. Bulletin Officiel du Royaume du Maroc № 4980 of February 21, 2002, Article 1.
3. Royal Decree 2-57-0084 of March 14, 1957. In Bulletin Officiel du Royaume du Maroc of March 29, 1957, № 2318.

4. The speech of Hassan II in «Annuaire de l'Afrique du Nord», № 6, 1967.
5. Throne speech of King Mohamed VI [Electronic resource] // July 30, 2004. — Access mode : <https://aua.ma/wp-content/uploads/2018/02/Royaume-du-Maroc.pdf> (accessed 23.07.2024).

Литература

1. Грибанова В. В. К вопросу о тенденциях развития ислама в Южной Африке / В. В. Грибанова // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2022. — Т. 13. — № 3 (113). — С. 46—49. — DOI: 10.18254/S207987840020261-6.
2. Ерохин А. К. Влияние ислама на становление образования в Африке / А. К. Ерохин // Карельский научный журнал. — 2020. — Т. 9. — № 3 (32). — С. 31—35. — DOI: 10.26140/knz4-2020-0903-0008.
3. Исаев Л. М. Исламское высшее образование в России : локальный опыт и влияние Ближнего Востока / Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Е. А. Иванов // Азия и Африка сегодня. — 2022. — № 1. — С. 5—14. — DOI: 10.31857/S032150750018302-4.
4. Жерлицына Н. А. Марокко : «духовная безопасность» как императив национальной контртеррористической стратегии / Н. А. Жерлицына // Азия и Африка сегодня. — 2021. — № 4. — С. 59—65. — DOI: 10.31857/S032150750014657-4.
5. Музыкина Е. В. Образы исламского образования : нарративы скрытого потенциала / Е. В. Музыкина // Исламоведение. — 2023. — Т. 14. — № 3 (57). — С. 27—42. — DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-3-27-42.
6. Яковлева А. В. Проектирование и развитие государственно — общественной системы управления исламской образовательной организацией в контексте основных тенденций стратегического развития систем образования / А. В. Яковлева // Ислам в современном мире : внутригосударственный и международно-политический аспекты. — 2020. — Т. 16. — № 4. — С. 183—194. — DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-4-183-194.
7. Agbaria A. State Accommodation of Islamic Education : Review of Policy Frameworks / A. Agbaria // Al Qasemi Journal of Islamic Studies. — 2018. — № 3 (1). — Pp. 1—25.
8. Boutieri C. Inheritance, Heritage, and the Disinherited : Ambiguities of Religious Pedagogy in the Moroccan Public School / C. Boutieri // Anthropology & Education Quarterly. — 2013. — Vol. 44. — Issue 4. — Pp. 363—380. DOI: <https://doi.org/10.1111/aeq.12037>.
9. Boyle H. N. Memorization and Learning in Islamic Schools / H. N. Boyle // Comparative Education Review. — 2006. — № 50 (3). — Pp. 478—495.
10. Bruce B. Morocco on the Road to European Islam / B. Bruce // Oasis. — Year XIV. — December 2018. — № 28. — Pp. 45—53.
11. El Ayadi M. Entre Islam et Islamisme : La Religion Dans L'école Publique Marocaine / M. El Ayadi // Revue Internationale d'Éducation de Sèvres. — 2004. — № 36. — Pp. 111—121.
12. El Katiri M. The Institutionalisation of Religious Affairs : Religious Reform in Morocco / M. El Katiri // Journal of North African Studies. — 2013. — № 18 (1). — Pp. 53—69. — DOI: <https://doi.org/10.1080/13629387.2012.712886>.
13. Marshallsay Z. Twists and Turns of Islamic Education across the Islamic World / Z. Marshallsay // International Journal of Pedagogies and Learning. — 2012. — № 7 (3). — Pp. 180—90.
14. Panjwani F. From ‘Islamic’ Values to ‘Religio-secular’ Values in Muslim Contexts : Pedagogical Implications of a Conceptual Shift / F. Panjwani // International Handbook of Education, Religion and Values. — Edited by J. Arthur and T. Lovat. — London : Routledge, 2013. — Pp. 158—167.
15. Philosophies of Islamic Education : Historical Perspectives and Emerging Discourses / edited by N. A. Memon and M. Zaman. — New York & London : Routledge. — 2016. — 270 p. — ISBN 9781315765501.

16. Saada N. The Theology of Islamic Education from Salafi and Liberal Perspectives / N. Saada // Religious Education. — 2018. — № 113 (4). — Pp. 406—418. — DOI: 10.1080/00344087.2018.1450607.
17. Sahin A. Critical Issues in Islamic Education Studies : Rethinking Islamic and Western Liberal Secular Values of Education / A. Sahin // Religions. — 2018. — № 9 (11). — Pp. 1—29. — DOI: 10.3390/rel9110335.
18. Schooling Islam : The Culture and Politics of Modern Muslim Education / Edited by Robert W. Princeton. — NJ : Princeton University Press, 2007. — 296 p. — ISBN 9781400837458.
19. Segalla S. D. French Colonial Education and Elite Moroccan Muslim Resistance, from the Treaty of Fes to the Berber Dahir / S. D. Segalla // The Journal of North African Studies. — 2006. — № 11 (1). — Pp. 85—106.
20. Ulfat F. Researching Non-Formal Religious Education in Islamic Contexts / F. Ulfat // Researching Non-Formal Religious Education in Europe / Edited by F. Schweitzer, P. Schreiner, and W. Ilg. — Münster : Waxmann, 2019. — Pp. 85—94.
21. Vermeren P. Une Si Difficile Réforme : La Réforme de L'université Qarawiyyin de Fès Sous Le Protectorat Français Au Maroc, 1912—1956 / P. Vermeren // Cahiers de La Méditerranée. — 2007. — № 75. — Pp. 119—132.
22. Wainscott A. M. Defending Islamic education : War on Terror discourse and religious education in twenty-first-century Morocco / A. M. Wainscott // The Journal of North African Studies. — 2015. — Volume 20. — Issue 4. — Pp. 635—653. — DOI: doi.org/10.1080/13629387.2015.1041108.

*Статья поступила в редакцию 17.07.2024,
одобрена после рецензирования 01.09.2024,
подготовлена к публикации 06.09.2024.*

Material resources

- Charte Nationale d'Education et de Formation. Ministère de l'Éducation Nationale et de la Formation Professionnelle Royaume du Maroc. October 8, 1999. Available at: www.men.gov.ma/sites/fr/Lists/Pages/charthe.aspx (accessed 21.07.2024).
- Document on the Framework of Educational Choices and Orientations. Rabat: Moroccan High Council of Education, 2002. Available at: <https://www.csefrs.ma/the-council/council-presentation/the-council/> (accessed 21.07.2024).
- Law 13.01 of January 29, 2002. (2002). Bulletin Officiel du Royaume du Maroc № 4980 of February 21. Article 1.
- Royal Decree 2-57-0084 of March 14, 1957. (1957). Bulletin Officiel du Royaume du Maroc of March 29. № 2318.
- The speech of Hassan II in «Annuaire de l'Afrique du Nord», 6. (1967).
- Throne speech of King Mohamed VI. (2004). July 30. Available at: <https://aua.ma/wp-content/uploads/2018/02/Royaume-du-Maroc.pdf> (accessed 23.07.2024).

References

- Agbaria, A. (2018). State Accommodation of Islamic Education: Review of Policy Frameworks. Al Qasemi Journal of Islamic Studies, 3 (1): 1—25.
- Boutieri, C. (2013). Inheritance, Heritage, and the Disinherited: Ambiguities of Religious Pedagogy in the Moroccan Public School. Anthropology & Education Quarterly, 44 (4): 363—380. DOI: <https://doi.org/10.1111/aeq.12037>.

- Boyle, H. N. (2006). Memorization and Learning in Islamic Schools. *Comparative Education Review*, 50 (3): 478—495.
- Bruce, B. (2018). Morocco on the Road to European Islam. *Oasis. Year XIV. December*, 28: 45—53.
- El Ayadi, M. (2004). Entre Islam et Islamisme: La Religion Dans L'école Publique Marocaine. *Revue Internationale d'Éducation de Sèvres*, 36: 111—121. (In Frenc.).
- El Katiri, M. (2013). The Institutionalisation of Religious Affairs: Religious Reform in Morocco. *Journal of North African Studies*, 18 (1): 53—69. DOI: <https://doi.org/10.1080/13629387.2012.712886>.
- Erokhin, A. K. (2020). The influence of Islam on the formation of education in Africa. *Karelian Scientific Journal*, 9 / 3 (32): 31—35. DOI: 10.26140/knz4-2020-0903-0008. (In Russ.)
- Gribanova, V. V. (2022). On the issue of trends in the development of Islam in South Africa. *Electronic scientific and educational magazine "History"*, 13 / 3 (113): 46—49. DOI: 10.18254/S207987840020261-6. (In Russ.).
- Isaev, L. M., Shishkina, A. R., Ivanov, E. A. (2022). Islamic higher education in Russia: local experience and influence of the Middle East. *Asia and Africa today*, 1: 5—14. DOI: 10.31857/S032150750018302-4. (In Russ.).
- Marshallsay, Z. (2012). Twists and Turns of Islamic Education across the Islamic World. *International Journal of Pedagogies and Learning*, 7 (3): 180—90.
- Muzykina, E. V. (2023). Images of Islamic education: narratives of hidden potential. *Islamic Studies*, 14 / 3 (57): 27—42. DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-3-27-42. (In Russ.).
- Panjwani, F. (2013). From 'Islamic' Values to 'Religio-secular' Values in Muslim Contexts: Pedagogical Implications of a Conceptual Shift. In: *International Handbook of Education, Religion and Values*. London: Routledge. 158—167.
- Philosophies of Islamic Education: Historical Perspectives and Emerging Discourses. (2016). New York & London: Routledge. 270 p. ISBN 9781315765501.
- Saada, N. (2018). The Theology of Islamic Education from Salafi and Liberal Perspectives. *Religious Education*, 113 (4): 406—418. DOI: 10.1080/00344087.2018.1450607.
- Sahin, A. (2018). Critical Issues in Islamic Education Studies: Rethinking Islamic and Western Liberal Secular Values of Education. *Religions*, 9 (11): 1—29. DOI: 10.3390/rel9110335.
- Schooling Islam: The Culture and Politics of Modern Muslim Education. (2007). NJ: Princeton University Press. 296 p. ISBN 9781400837458.
- Segalla, S. D. (2006). French Colonial Education and Elite Moroccan Muslim Resistance, from the Treaty of Fes to the Berber Dahir. *The Journal of North African Studies*, 11 (1): 85—106.
- Ulfat, F. (2019). Researching Non-Formal Religious Education in Islamic Contexts. In: *Researching Non-Formal Religious Education in Europe*. Münster: Waxmann. 85—94.
- Vermeren, P. (2007). Une Si Difficile Réforme: La Réforme de L'université Qarawiyin de Fès Sous Le Protectorat Français Au Maroc, 1912—1956. *Cahiers de La Méditerranée*, 75: 119—132. (In Frenc.).
- Wainscott, A. M. (2015). Defending Islamic education: War on Terror discourse and religious education in twenty-first-century Morocco. *The Journal of North African Studies*, 20 (4): 635—653. DOI: doi.org/10.1080/13629387.2015.1041108.
- Yakovleva, A. V. (2020). Design and development of the state-public management system of an Islamic educational organization in the context of the main trends in the stra-

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

tegic development of education systems. Islam in the modern world: domestic and international political aspects, 16 (4): 183—194. DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-4-183-194. (In Russ.).

Zherlitsyna, N. A. (2021). Morocco: “spiritual security” as an imperative of the national counter-terrorism strategy. Asia and Africa today, 4: 59—65. DOI: 10.31857/S032150750014657-4. (In Russ.).

*The article was submitted 17.07.2024;
approved after reviewing 01.09.2024;
accepted for publication 06.09.2024.*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Колпаков П. А. Полицейский надзор за законностью железнодорожных грузоперевозок в Российской империи в годы Первой мировой войны / П. А. Колпаков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 410—426. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-410-426.

Kolpakov, P. A. (2024). Police Oversight of Legality in Railway Freight Transport in Russian Empire During World War I. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 410-426. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-410-426. (In Russ.).

Scopus®

DOAJ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Полицейский надзор за законностью железнодорожных грузоперевозок в Российской империи в годы Первой мировой войны

Колпаков Петр Александрович
orcid.org/0000-0002-1600-9937
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
1kolpakov1@rambler.ru

Российский университет дружбы
народов
им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Police Oversight of Legality in Railway Freight Transport in Russian Empire During World War I

Petr A. Kolpakov
orcid.org/0000-0002-1600-9937
PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian History
1kolpakov1@rambler.ru

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализирована деятельность жандармской железнодорожной полиции по обеспечению исполнения грузоперевозчиками запретов и ограничений на вывоз за границу отдельных наименований сырья и товаров в годы Первой мировой войны. На основе документальных материалов раскрыто содержание государственной политики Российской империи в отношении принятия мер к прекращению поставок ресурсов, необходимых армиям Центральных держав. Было определено, что особое внимание к организации надзора за грузоперевозками было обращено в пределах приграничных станций. Раскрыта проблема политического обеспечения стабильного функционирования железных дорог в условиях военного времени. Чиня жандармской полиции содействовали содействию приоритета движения по стальным магистралям воинских грузов. Важной обязанностью жандармерии являлось вскрытиеговоров железнодорожных служащих и грузоотправителей о манипуляциях со скоростью перемещения составов в целях извлечения незаконной спекулятивной прибыли в условиях дефицита товаров. Сделан вывод о том, что жандармская железнодорожная полиция выполняла значимую роль в надзоре за законностью грузоперевозок в годы Первой мировой войны. Однако в условиях дезорганизации государственного механизма и углубления кризисных явлений в российском обществе обеспечить бесперебойную работу железнодорожного транспорта было невозможно.

Ключевые слова:

жандармская железнодорожная полиция; грузоперевозки; ограничение экспорта; спекуляция; железная дорога; Первая мировая война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the activities of the gendarmerie railway police in ensuring compliance by freight carriers with prohibitions and restrictions on the export of certain raw materials and goods during World War I. Based on documentary materials, it reveals the content of the state policy of the Russian Empire regarding measures to halt the supply of essential resources to the Central Powers' armies. The study of the administrative documentation of the railway police indicates that particular attention was paid to monitoring freight transport at border stations. The issue of police support for the stable functioning of railways under wartime conditions is explored. Gendarmerie officers facilitated the prioritization of military cargo movement along steel corridors. A critical responsibility of the gendarmerie was uncovering collusion among railway employees and shippers to manipulate train speeds for illicit speculative profit amid commodity shortages. The study concludes that the gendarmerie railway police played a significant role in overseeing the legality of freight transport during World War I. However, amid the disorganization of state mechanisms and deepening crises in Russian society, ensuring uninterrupted and effective railway operations proved impossible.

Key words:

gendarmerie railway police; freight transport; export restrictions; speculation; railway; World War I.

УДК 94.(47):351.741:625.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-410-426

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Полицейский надзор за законностью железнодорожных грузоперевозок в Российской империи в годы Первой мировой войны

© Колпаков П. А., 2024

1. Введение = Introduction

Широкое использование в военных целях железных дорог в годы противостояния Антанты и Тройственного союза в значительной степени повлияло на характер войсковых маневров, стало одним из «новых элементов» военной мысли и технологического соперничества армий, виток которого был обусловлен внедрением достижений индустриализации [Strachan, 2000, р. 22]. Особое значение стальные магистрали приобрели для организации снабжения армий и перемещения живой силы. Не менее важным для воюющих стран являлось сохранение способности железных дорог обеспечивать связь между административными и хозяйственными центрами в условиях возрастания нагрузки на железнодорожную инфраструктуру во время войны.

Задачи общей (охрана порядка и противодействие уголовной преступности) и политической полиции в пределах железных дорог Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны выполнялись входившими в Отдельный корпус жандармов (ОКЖ) жандармскими полицейскими управлениями железных дорог (ЖПУЖД). Данная статья посвящена одному из направлений служебной деятельности железнодорожной жандармерии — надзору за законностью грузоперевозок в период противостояния со странами Тройственного союза.

Научная проблема заключается в необходимости заполнения лакуны в знаниях об обеспечении стабильности работы железнодорожного транспорта Российской империи в части надзора за соблюдением экспортных запретов и порядка следования составов в годы Первой мировой войны.

Актуальность темы определяется необходимостью осмысления мер полицейской защиты железнодорожного транспорта в прошлом, в частности, обеспечения приоритета военного и гражданского снабжения над коммерческими интересами и реализации мер государственной санкцион-

ной политики в период ведения масштабных военных действий в пределах стальных магистралей Российской империи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целями статьи являются реконструкция исторического опыта организации жандармского надзора за законностью грузоперевозок в пределах стальных магистралей и определение основных мер, предпринимавшихся железнодорожной полицией в этом направлении служебной деятельности.

Современный этап развития отечественной исторической науки характеризуется повышением внимания исследователей к изучению событий Первой мировой войны. Влияние условий военного времени на функционирование железнодорожного транспорта нашло отражение в исследованиях Н. И. Богомазова, И. А. Еремина, С. Б. Жихарева, А. С. Сенина [Богомазов, 2021; Еремин, 2021; Жихарев, 2023; Сенин, 2009]. Однако предпринимавшиеся в 1914—начале 1917 годов государством полицейские меры обеспечения стабильности работы железных дорог и надзора за соблюдением в их пределах экспортных запретов и ограничений не получили достаточного освещения.

Источниковой базой исследования являются отложившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации делопроизводственные документы жандармских железнодорожных полицейских управлений и отделений. Кроме того, для отражения мер государственной политики в области безопасности железнодорожного транспорта и выполнения грузоперевозчиками санкционных ограничений, наложенных на экспорт, использованы дела Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива и Центрального государственного архива города Москвы.

Методологической основой исследования является комплекс фундаментальных принципов: объективности, историзма, всесторонности. Автор опирался на аппарат общенаучных методов анализа, синтеза, индукции, конкретизации. Посредством применения специально-исторических методов исследования раскрыты особенности наблюдения за законностью грузоперевозок. Историко-системный метод позволил осмыслить служебную деятельность жандармской железнодорожной полиции как целостный комплекс взаимосвязанных мероприятий; историко-генетический — описать основные направления надзора: полицейское обеспечение соблюдения грузоперевозчиками запретов на вывоз отдельных наименований товаров и надзор за очередностью движения железнодорожных грузов с учетом установленных приоритетов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Полицейское сопровождение железнодорожных перевозок Госбанка накануне Первой мировой войны

Признаки приближения грядущей войны выполнявшие на железных дорогах функции общей и политической полиции жандармы распознали задолго до ее начала. В конце декабря 1912 года перед жандармскими полицейскими управлениями железных дорог секретным распоряжением была поставлена задача обеспечить безопасность многочисленных составов, направлявшихся из Варшавы, Либавы, Лодзи, Виндавы, Винницы, Ревеля, Ковно и других крупных западных городов России. Вглубь империи поезда вывозили ценности Государственного Банка на миллионы рублей [ГАРФ, ф. 75, оп. 1, д. 216, л. 49—50]. Захват противником огромных финансовых ресурсов, хранившихся в денежных знаках и ценных металлах, мог обернуться катастрофой. Интенсивность таких перевозок оставалась высокой и в 1913 году, о чем свидетельствуют, например, множественные запросы Госбанка в адрес Санкт-Петербургского жандармского полицейского управления железных дорог о необходимости направления нарядов для охраны золота, транспортировавшегося в вагонах до Нижнего Новгорода [ГАРФ, ф. 126, оп. 1, д. 140, л. 1—1 об., 18—18 об., 24—24 об., 30—30 об., 37—37 об., 42—42 об., 50—50 об., 55—55 об., 60—60 об., 65—65 об., 70—70 об.]. Железнодорожной жандармерией к этому времени уже был накоплен богатый опыт сопровождения грузов. Впоследствии в военное время вовлеченность транспортной полиции в обеспечение грузоперевозок возросла еще более сильно и вышла далеко за рамки охраны в пути и в местах хранения.

3.2. Экспортные ограничения и запреты в период борьбы Российской империи с Центральными державами

Важнейшим инструментом защиты государственных интересов в период Первой мировой войны стало введение запретов на вывоз из Российской империи стратегически значимого сырья и готовых изделий. Коммерческая выгода от внешнеэкономической деятельности была оттеснена на второй план приоритетом сохранения в империи нужных для армии и флота ресурсов. Кроме того, было недопустимо, чтобы их конечными потребителями стали государства Тройственного союза. Первый нормативный акт, принятый для реализации политики ограничения экспорта, был издан 29 июля 1914 года; он запрещал вывоз лошадей. В дальнейшем такое решение распространялось на чрезвычайно широкий перечень наименований: хлеб, мясо, рыба, консервы, нефть и продукты ее переработки, уголь, железная руда и мн. др. Такие меры координировались союзниками по Антанте для выработки общей политики в целях закрытия каналов поставок в Центральные державы

товаров, необходимых для обеспечения армии и флота. Например, 4 и 19 ноября 1914 года посольство Великобритании в Петрограде направило в адрес российского министерства иностранных дел «*aide memoire*» — вид дипломатической ноты с изложением развития какого-либо вопроса в прошлом. Эти «памятные записки» содержали изложение убежденности британского министра иностранных дел Эдуарда Грея относительно скорейшего устранения возможностей для Германии завозить добывшую в Российской империи и Индии необходимую военной промышленности марганцевую руду [АВПРИ, ф. 158, оп. 450, д. 34. л. 2—2 об., 4].

Для обобщения всех экспортных ограничений 3 мая 1915 года были утверждены «Списки товаров, запрещенных к вывозу из России за границу по обстоятельствам военного времени». Впоследствии они постоянно дополнялись [Федякин, 2023, с. 19]. Предельной аккуратности требовала торговля с нейтральными государствами, откуда ресурсы и изделия могли попасть к противнику. В структуре российского министерства торговли и промышленности был учрежден комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля. На заседании этого комитета 14 июня 1916 года в качестве меры предотвращения преодоления Центральными державами введенных ограничений с помощью посредничества нейтральных государств обсуждалось контингетирование — определение объемов экспорта товаров в не вовлеченные в мировой конфликт страны, исходя из их довоенных потребностей [АВПРИ, ф. 158, оп. 450, д. 701, л. 2—2 об.].

Для надзора за соблюдением принятых экспортных запретов и ограничений требовалось усилить контроль железнодорожных грузоперевозок.

Только в предвоенный 1913 год по железным дорогам России было перевезено 15 610 млн пудов грузов, из них: 15,8 % — хлеб, 9,2 % — лес, 6,1 % — дрова и торф, 21,7 % — уголь, 3,4 % — нефть, 10,6 % — руда и металл, 9,8 % — стройматериалы [Павленко и др., 2019]. Значимость «чугунки» для вывоза сырья, продовольствия и продукции промышленности определила вовлечение жандармской железнодорожной полиции в обеспечение выполнения санкционных решений правительства.

3.3. Жандармский контроль железнодорожных грузоперевозок на приграничных станциях

Делопроизводственная документация ЖПУЖД раскрывает принимавшиеся меры контроля за недопущением вывоза по железным дорогам отдельных категорий товаров.

Особое внимание уделялось важным для армии и флота грузам, прибывавшим на приграничные территории империи, в частности на железнодорожные станции Великого княжества Финляндского. Такое положение вещей объяснялось тем, что из Финляндии грузы могли быть вывезены

в Швецию. Вектор внешнеполитического курса Стокгольма в Первую мировую войну был направлен на извлечение выгод от нейтрального статуса. Лавирование Стокгольма между Антантою и Тройственным союзом легло в основу допущения того, что из Швеции необходимые для армий противников ресурсы и изделия могли быть вывезены в Германию и Австро-Венгрию [Европа и Россия ..., 2014, с. 474—475]. Так, например, 25 ноября 1914 года ЖПУЖД Финляндских железных дорог направило на пограничные пункты Раумо, Мянтюлусто и Торнео уведомление относительно запрета на вывоз за границу лыж, потребность в которых должна была обостриться у вражеских армий с течением осенне-зимнего периода [ГАРФ, ф. 495, оп. 6, д. 2, л. 11].

Жандармами осуществлялся сбор сведений о намерениях грузополучателей. 30 декабря 1916 года унтер-офицером станции Або (современное наименование финского города — Турку) была получена копия накладной № 451, согласно которой из Петрограда на подчиненный ему по полицейской части пункт железной дороги был доставлен груз — 831 кг медных труб. На обороте этого сопроводительного документа начальником Абосского отделения ЖПУЖД Великого княжества Финляндского было написано указание: «Дознайся и донеси» [ГАРФ, ф. 495, оп. 2, д. 2, л. 4—4 об.].

Сведения, поступавшие со станций железных дорог Финляндии, аккумулировались жандармскими отделениями и поступали в ЖПУЖД в виде ведомостей, где отражалась информация о наименованиях грузов (медь, руда и прочее), о станциях назначения и отправления, номерах накладных, весе грузов в пудах и фунтах. В графе «кем получено и для какой надобности» отмечались имена грузополучателей и их намерения относительно использования ожидавшихся ими материальных ценностей. Так, в ведомости об отправленной и полученной меди в районе Абосского отделения с 8 по 31 января 1917 года значилось 22 записи. Вся медь предназначалась трем лицам: «Вуплану — для выделки снарядов и ремонта военных судов», «Линдквисту — для оборудования земледельческих машин» и «Крейтону — для ремонта судов» [ГАРФ, ф. 495, оп. 2, д. 2, л. 38—38 об.]. Проверка целей поставки груза и благонадежности его получателя была направлена на исключение возможности его транспортировки за пределы империи.

В контексте изучения проблематики нарушений запретов на вывоз из Российской империи сырья и изделий интерес представляет секретное отношение начальника ЖПУЖД Финляндских железных дорог генерал-майора Ю. Э. Фрейберга, направленное им в адрес канцелярии генерал-губернатора Великого княжества Финляндского 11 июля 1915 года Ф.-А. А. Зейна.

В документе начальник жандармского железнодорожного управления выражает свое отношение к сведениям Главного управления Генерального штаба относительно большого количества муки, произведенной в России,

которая через Швецию была доставлена в немецкий Гамбург, отмечая, что «безусловно верит» в их полную действительность. Вместе с тем жандармский генерал настаивал на том, что «мука была выведена через Швецию не негласно, а вполне открыто». Вывод был сделан им на основании ряда статей в прессе, посвященных нападениям германских кораблей на следовавшие с севера на юг шведские торговые суда с мукой. Русское происхождение муки не ставилось Ю. Э. Фрейбергом под сомнение вследствие того, что в течение зимы и весны 1915 года Швеция испытывала ее острый дефицит, а по всему вероятно, что она перемещала на этих пароходах ту муку, которой столь щедро ее снабжала Россия. Не выдвигая обвинений ввиду отсутствия прямых доказательств того, что шведы имели умысел передавать продовольствие германцам, начальник ЖПУЖД Финляндии сообщал генерал-губернатору о том, что нейтральные соседи по меньшей мере создавали условия для того, чтобы мука оказалась в руках противника: «Подобные отправления шведским правительством муки, именно морем, меня всегда поражали, так как сильно развитая сеть железных дорог, казалось, давала Швеции полную возможность отправлять муку, полученную из России, не морским путем, а по железным дорогам, особенно же ввиду особой ценности в данное время вследствие полного недостатка.». Такие странности в организации грузоперевозок нейтральной Швецией Ю. Э. Фрейберг воспринимал как причину для ужесточения учета запрещенных к вывозу наименований, в частности, меди и алюминия, по аналогии с установленным порядком регистрации перемещений оружия, пороха и динамида. Свои опасения он подтверждал уже вскрытыми к моменту подготовки отношения фактами содействия искавшими наживы злонамеренными лицами в получении германской армии необходимых ресурсов из России. Так, перед отступлением в 1915 году из Либавы было обнаружено значительно количество меди, заготовленной германской агентурой. В июле этого же года на фабрике по производству непромокаемой ткани в Митаве также был выявлен склон этого металла, в Киеве у двух евреев найдено 350 пудов медного лома, рассортированного в укупоренные подготовленные к отправке бочки [ГАРФ, ф. 495, оп. 4, д. 2, л. 46—47].

3.4. Вопросы исключений в экспортных запретах и реквизации грузов в деятельности железнодорожной жандармерии

Об исключениях в запретах на экспорт товаров за границу правительство уведомляло железнодорожную жандармерию для снятия полицейского барьера на пути груза. В октябре 1914 года влиятельное «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» исходатайствовало для себя разрешение на вывоз до 130 тысяч пудов машинного масла в Швецию и Норвегию. Стокгольм и Осло дали гарантии того, что предназначавшиеся для

них соответственно 12 и 2 тысячи бочек не попадут в неприятельские для Российской империи страны. Решение было оформлено постановлением Совета министров от 17 октября, которым также на министерство финансов был возложен контроль над исполнением гарантий. В свою очередь министерство финансов обратилось в МВД с просьбой обеспечить на станции Раумо полицейский контроль объема подлежащего вывозу машинного масла, произведенного предприятием братьев Нобель, с тем чтобы он не превысил указанные 130 тысяч пудов. Также железнодорожным жандармам было предписано проверить, чтобы из России в бочках было вывезено именно машинное масло, для чего им были сообщены пределы значений плотности вещества, а прозрачность предлагалось определить «на глаз» [ГАРФ, ф. 495, оп. 6, д. 2, л. 12—12 об.].

Вопросы реквизиции грузов, включенных в «Списки товаров, запрещенных к вывозу», находились в совместном ведении таможенников и железнодорожных жандармов. Начальникам таможен надлежало уведомлять транспортных полицейских о движении грузов на вверенном пункте. Арест налагался не только на вывозившиеся грузы, но и на импортируемое сырье и товары в случае их наличия в «Списках». Особый акцент делался на отслеживании прибытия металлов: свинца, сурьмы в порошке или плитках, цинка, магния [ГАРФ, ф. 495, оп. 9, д. 1, л. 9]. Вместе с тем металлы, выписанные из-за границы по заказам управлений казенных и частных железных дорог, реквизиции для потребностей военного ведомства не подлежали. Грузы такого рода пропускались жандармами вглубь страны без принятого в таких случаях уведомления Главного артиллерийского управления [ГАРФ, ф. 495, оп. 6, д. 2, л. 16].

3.5. Противодействие незаконным манипуляциям с порядком следования грузов жандармской железнодорожной полицией

Нагрузка на железнодорожную инфраструктуру в военное время значительно увеличилась. Нарушалась стройная система перевозок. Обострялась необходимость обеспечения приоритета следования грузов для армии и флота. Ситуация на стальных магистралях развивалась столь сложно, что в отдельных случаях ответственные военные чины вынужденно докладывали своему руководству, что ввиду интенсивного движения обеспечить приоритет даже для проезда санитарных составов не представлялось возможным [РГВИА, ф. 13221, оп. 1, д. 16, л. 6]. Спешка в организации работы и плотность следования поездов становились причиной крушений, которые, в свою очередь, ограничивали или вовсе делали невозможным движение на отдельных участках [РГВИА, ф. 13221, оп. 1, д. 7, ч. 1, л. 218—218 об.]. Полицейская служебная переписка содержит сведения о том, что в 1917 году, когда проблема уничтожения товаров в процессе транспортировки по сталь-

ным магистралям чрезвычайно обострилась, жандармские отделения направляли унтер-офицеров для участия в составлении актов «о погибших и поврежденных товарах взрывом и пожаром» [ЦГА г. Москвы, ф. 1286, оп. 1, д. 2, л. 221]. Такая мера требовалась в том числе для предотвращения хищений грузов, которые могли списать как уничтоженные.

Дефицит жизненно необходимых населению товаров открывал возможности незаконного заработка для спекулянтов. Они, вступая в сговор с железнодорожными служащими, для извлечения своей выгоды влияли на движение грузов по железной дороге, ускоряя или замедляя его. В этих условиях, наряду с надзором за исполнением ограничений экспорта, важной функцией железнодорожной жандармерии являлся контроль соблюдения очередности следования составов и недопущение незаконных манипуляций с порядком отправления грузов.

На железной дороге жандармам встречались настоящие авантюристы, без стеснений заявлявшие о наличии у них знакомств среди представителей правящей элиты и в высшем звене государственной охранительной системы. В июне 1915 года из Швеции в Россию прибыл бакинский купец Дмитрий Захарьенко. После пересечения границы указанный делец обратился к железнодорожным жандармам с просьбой оказать ему содействие в скорейшем отправлении вглубь страны его грузов. Свою просьбу Д. Захарьенко подкрепил заявлением о том, что обращаться об оказании помощи к транспортной полиции его уполномочил командир Отдельного корпуса жандармов В. Ф. Джунковский, при этом купец «старался особенно подчеркнуть свои близкие отношения к Его Превосходительству». После разъяснений с жандармами купец продолжил свой путь, а о его появлении было доложено начальнику Финляндского ЖПУЖД полковнику А. М. Еремину. Жандармский офицер перепроверил предоставленные сведения. На его запрос штаб корпуса ответил сообщением о том, что В. Ф. Джунковский не только не давал полномочий Дмитрию Захарьенко требовать приоритета в порядке следования грузов, но и вовсе с бакинским купцом не был знаком. 29 июня начальники отделений Финляндского ЖПУЖД получили секретное циркулярное распоряжение за подписью А. М. Еремина о задержании Д. Захарьенко [ГАРФ, ф. 495, оп. 4, д. 2, л. 55—55 об.]. Замысел дельца был прост: для того чтобы опровергнуть его знакомство с командиром ОКЖ, финляндскому жандармскому управлению необходимо было обратиться к вышестоящему начальству с вопросом, который будто бы касался частных дел самого В. Ф. Джунковского. Полковник А. М. Еремин вполне мог рассудить, что исполнительность в данном случае могла быть расценена как излишнее любопытство с вытекающими из этого негативными последствиями для карьеры.

Снабжение продовольствием, боеприпасами, вооружением было жизненно необходимо фронтам. В условиях войны железнодорожные перевозки, осуществлявшиеся для удовлетворения нужд войск, получили приоритетное значение. Надзор над скорейшим отправлением и транспортировкой грузов армии и флота без задержек осуществлялся уполномоченными чинами военного ведомства совместно с железнодорожной жандармерией [ГАРФ, ф. 495, оп. 5, д. 1, л. 207]. 26 января 1916 года для централизации управления железнодорожными перевозками в составе министерства путей сообщения был учрежден временный распорядительный комитет [РГИА, ф. 1276, оп. 20, д. 103, л. 95—95 об.].

С каждым годом войны возможности тыла сокращались, а потребности армии увеличивались, что в конечном счете вылилось в продовольственный кризис зимы 1916—1917 годов. С 1916 года уже половина зерна шла в армию, а накануне Февральской революции практически все товарные излишки хлеба должны были поступить на ее довольствие [Оськин, 2017, с. 138]. Необходимость кормить огромную армию и, как следствие, перераспределение продовольствия в ее пользу особенно остро чувствовалась в городах.

Опыт надзора за соблюдением приоритета движения грузов учреждений, созданных для преодоления продовольственного кризиса, был получен железнодорожной жандармерией в последнем десятилетии XIX века во время вызванного сильным неурожаем голода 1891—1892 годов. В этот период на жандармскую железнодорожную полицию была возложена обязанность «настойчиво и неуклонно следить за точным исполнением подлежащими железнодорожными агентами распоряжения Министра путей сообщения» о перевозке по железной дороге вне очереди грузов «Особого комитета по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая», состоявшего под председательством наследника цесаревича Николая Александровича. Станционными унтер-офицерами были заведены специальные тетради для отражения в них сведений о прибытии грузов «Особого комитета», ими осуществлялся надзор за наклеиванием специальных ярлыков на его вагоны, а также скорейшей их отправкой с ближайшими отходившими поездами [ГАРФ, ф. 74, оп. 1, д. 473, л. 1—2].

Прекращение с началом Первой мировой войны импорта и экспорта по Балтийскому и Черному морям привело к кардинальному перераспределению грузопотоков в России, что особенно тяжело сказалось на Северо-Западном регионе, и в частности на Петрограде. Грузы, жизненно важные для столицы, в первую очередь уголь и продовольствие, теперь можно было доставить только по железным дорогам, что стало причиной их чрезвычайной перегрузки [Богомазов, 2021, с. 1157].

С начала 1916 года доставка продовольствия в Петроград по «чугунке» осуществлялась по особым планам, утверждавшимся времененным распорядительным комитетом. Для предупреждения злоупотреблений при транспортировке в столицу продуктов питания их отправление вне очереди допускалось исключительно в случае, если груз был адресован на имя петроградского градоначальника, о чем сопровождавшим продовольствие лицам выдавались особые удостоверения. Для отслеживания потоков продовольствия, поступавших в столицу, петроградский градоначальник генерал-майор А. Н. Оболенский отношением № 1005 от 30 января 1916 года обратился к начальнику Московского ЖПУЖД с просьбой организовать передачу информации о прохождении грузов, следовавших в его адрес [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 397, л. 50—50 об.]. Станционным унтер-офицерам в случае прибытия такого рода транспортов надлежало телеграфировать начальникам своих отделений о наименовании груза, номерах специальных удостоверений и количестве вагонов, следовавших по каждому удостоверению [ГАРФ, ф. 75, оп. 1, д. 278, л. 1]. Требовалось предупредить возможность использования поддельных удостоверений для перевозки в Петроград грузов вне очереди, а также попытки транспортировки вагонов сверх количества, допустимого по документам, выдававшимся градоначальником.

Проверочные мероприятия проводились железнодорожными жандармами и на ближайших к Москве станциях. В январе 1916 года московский градоначальник Е. К. Климович телеграммой уведомил Московское ЖПУЖД о вовлечении железнодорожных служащих в продовольственные спекуляции. В ходе дознания было установлено, что на станциях Перово и Люберцы выгружались свиные и бараньи туши, мороженое мясо, мука. С указанных железнодорожных пунктов продовольственные товары в Москву завозились гужевым транспортом, минуя процедуру регистрации. Так комиссионеры уходили от обязанности реализовывать свой товар по фиксированным ценам и получали большие прибыли в условиях дефицита продовольствия. В связи с раскрытием спекулятивной схемы начальники отделений Московского ЖПУЖД 27 января 1916 года получили распоряжение принять меры к строгой ежедневной регистрации продовольственных грузов, сообщать об их прибытии в канцелярию градоначальника, а для выявления перевозок гужом — взаимодействовать с чинами общей полиции [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 396, л. 47].

Незаконные манипуляции с очередностью грузов в ходе войны приобрели массовый характер. Так, в газете «Новое время» от 2 мая 1915 года была размещена статья «Злоупотребления с отправкой грузов», автор которой раскрыл проблему появления на железных дорогах дельцов, «ухитряющихся какими-то средствами отправлять грузы не только в ближайшую

очередь, но даже и вне очереди» [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 493, л. 2]. Очевидно, что участники манипуляций с вагонами осознавали противозаконность своих действий, однако значительность прибылей толкала их к совершению преступлений в военное время. Например, в апреле 1916 года негласным путем были получены сведения о том, что на станции Муром Московско-Казанской железной дороги действовали две организованные группы, первая из которых на злоупотреблениях с грузами заработала 3000 рублей, а вторая — целых 20 000 рублей [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 493, л. 9].

Незаконное обогащение являлось не самым опасным из последствий деятельности таких групп, складывавшихся из числа железнодорожных служащих или с их участием. Обострялся дефицит товаров первой необходимости, сырья для промышленности. Начальник Муромского отделения Московского ЖПУЖД 2 февраля 1915 года в циркуляре, направленном станционнымunter-офицерам, сообщал, что в «некоторых местностях Империи вследствие несвоевременной поставки угля фабрики и заводы испытывают недостаток в топливе и поэтому работа их в близком будущем может приостановиться». Такое явление было объяснено вступлением железнодорожных служащих в споры с владельцами частных грузов о предоставлении последним права пользоваться товарными вагонами, которые при соблюдении строгой очереди должны были перевозить уголь. Кроме того, имели место факты умышленного направления вагонов с углем не в места назначения в целях содействия росту закупочных цен, а также распродажи части угля в пути следования железнодорожниками. По фактам выявления недостач угля в порядке статьи 13 Устава российских железных дорог железнодорожными жандармами проводились дознания [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 493, л. 3].

Переписка железнодорожных жандармов содержит упоминания о погромах торговцев, заподозренных населением в сокрытии запасов продовольствия, а также в ухищрениях с перевозками. Цены на хлеб и иные продукты питания искусственно взвинчивались тем же образом, что и на уголь: вагоны умышленно направлялись не по месту назначения либо задерживались. Для контроля прибытия и отправления продовольствия с железнодорожных станций жандармам было предписано, как и во время голода 1891—1892 годов, завести специальные тетради, а также осуществлять обходы станционных путей для выявления застоявшихся вагонов [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 493, л. 4—4 об.]. С осени 1915 года регистрации в тетрадях стали подлежать не только вагоны с продовольствием, но и военные грузы всех наименований [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 493, л. 5—5 об.].

Важно было обеспечить войска не только хлебом, но и фуражом для лошадей. 17 февраля 1915 года Советом министров было утверждено положение, согласно которому командующие армиями получили право по

соглашению с Главным управлением землеустройства и земледелия и губернаторами устанавливать предельные цены на фураж, реквизизировать его и запрещать к вывозу. Надзор за соблюдением этих мер в пределах стальных магистралей возлагался на жандармскую железнодорожную полицию [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 390, л. 72, 73—73 об.].

Для организации жандармского надзора за порядком отправления грузов на железной дороге разрабатывались подробные инструкции. Примером такого нормативного документа является инструкция, изложенная в секретном приказе по Муромскому отделению Московского ЖПУЖД от 18 ноября 1915 года № 39. Инструкция состояла из четырех разделов: меры наблюдения при отправлении грузов со станций; меры наблюдения, принимаемые по прибытии вагонов с грузами на станции; меры наблюдения, принимаемые при следовании в пути транзитного груза; и меры наблюдения, принимаемые при передаче вагонов. Все обязанности жандармов, предусмотренные документом, были детально регламентированы и заключались в их непосредственном участии в постоянном сборе информации о движении составов через вверенные станции, обеспечении порядка очередности без промедлений с учетом приоритетности отправки военных грузов, а также в выявлении и пресечении злоупотреблений, связанных с удержанием вагонов или наоборот — содействием в продвижении частных грузов за материальное вознаграждение [ГАРФ, ф. 59, оп. 1, д. 493, л. 6—7].

4. Заключение = Conclusions

Жандармская железнодорожная полиция осуществляла надзор за законностью грузоперевозок в годы Первой мировой войны по двум основным направлениям: наблюдение за выполнением запретов на вывоз грузов за границу и обеспечение порядка следования составов и приоритета отправления военных грузов. Жандармерия осуществляла сбор сведений о деятельности железнодорожных служащих, получавших прибыль от незаконных манипуляций с вагонами, пресекала спекуляции продовольствием и топливом.

Развитие обстановки на фронте и обострение кризиса в социально-политической и экономической сферах стали причиной крушения Российской империи в 1917 году, разрушения ее государственного механизма. Жандармская железнодорожная полиция была составной частью этого механизма и в условиях его полного расстройства не имела возможности обеспечить бесперебойную и эффективную работу железнодорожного транспорта.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив внешней политики Российской империи*. Ф. 158 (Экономический департамент). Оп. 450. Д. 34, 701.
2. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 59 (Московское жандармское полицейское управление железных дорог). Оп. 1. Д. 390, 396, 397, 49 ; Ф. 74 (Московско-Архангельское жандармское полицейское управление железных дорог). Оп. 1. Д. 473 ; Ф. 75 (Московско-Камышинское жандармское полицейское управление железных дорог). Оп. 1. Д. 216, 278 ; Ф. 126 (Петроградское жандармское полицейское управление железных дорог). Оп. 1. Д. 140 ; Ф. 495 (Жандармское полицейское управление Финляндских железных дорог). Оп. 2. Д. 2 ; Оп. 4. Д. 2 ; Оп. 5. Д. 1 ; Оп. 6. Д. 2 ; Оп. 9. Д. 1.
3. ЖПУЖД — *Жандармское полицейское управление железных дорог*.
4. ОКЖ — *Отдельный корпус жандармов*.
5. РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 13221 (Заведующие передвижением войск по железным дорогам и водным путям Галицийского района). Оп. 1. Д. 7. Ч. 1, Д. 16.
6. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 20. Д. 103.
7. ЦГА г. Москвы — *Центральный государственный архив города Москвы*. Ф. 1286 (Московско-Архангельскоежандармское полицейское управление железных дорог ведомства штаба Отдельного корпуса жандармов, г. Москва). Оп. 1. Д. 2.

Литература

1. Богоузов Н. И. Первая мировая война и переустройство Петроградского железнодорожного узла. 1914—1918 гг. / Н. И. Богоузов // Вестник архивиста. — 2021. — № 4. — С. 1155—1167. — DOI: 10.28995/2073-0101-2021-4-1155-1167.
2. Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны / В. Р. Мединский, вступ. слово — (Военная история Российского государства / под ред. В. А. Золотарева). — Москва : ИНЭС, РУБИН, 2014. — 880 с. — ISBN 978-5-93618-211-2.
3. Еремин И. А. Железнодорожный транспорт Западной Сибири в деле обеспечения продовольствием вооруженных сил и населения крупных городов европейской России в годы Первой мировой войны / И. А. Еремин // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. — 2021. — № 3 (48). — С. 71—76. — DOI: <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2021-3-71-76>.
4. Жихарев С. Б. Кризис железнодорожных перевозок и его влияние на экономическое положение Гродненской губернии в начале Первой мировой войны / С. Б. Жихарев // Метаморфозы истории. — 2023. — № 4 (27). — С. 1—19. — DOI: 10.37490/S230861810024390-9.
5. Оськин М. В. Питание солдата в окопах Первой мировой войны / М. В. Оськин // История повседневности. — 2017. — № 3 (5). — С. 127—142.
6. Павленко Д. А. Оценка развития и работы железнодорожного транспорта Российской империи в начале XX в. / Д. А. Павленко, В. П. Махонько, И. Е. Гуров // Специальная техника и технологии транспорта. — 2019. — № 2 (40). — С. 171—177.
7. Сенин А. С. Железнодорожное хозяйство России в годы Первой мировой войны : к вопросу о «расстройстве транспорта» / А. С. Сенин // Труды по россиведению: сборник научных трудов. — 2009. — № 1. — С. 239—261.

8. Федякин В. В. Защищая национальные интересы России : отечественный опыт контранакционной политики периода Первой мировой войны / В. В. Федякин // Вестник Российской нации. — 2023. — № 1—2 (89). — С. 9—43.

9. Strachan H. From Cabinet War to Total War : The Perspective of Military Doctrine, 1861—1918 / H. Strachan // Great War, Total War : Combat and mobilization on the Western front, 1914—1918 / edited by Roger Chickering and Stig Foster. — Cambridge : German Historical Institute, Cambridge University press, 2000. — Pp. 19—35.

Статья поступила в редакцию 17.07.2024,
одобрена после рецензирования 12.09.2024,
подготовлена к публикации 20.09.2024.

Material resources

AVPRI — *Archive of the Foreign policy of the Russian Empire. F. 158 (Economic Department). Op. 450. 34, 701.* (In Russ.).

Central State Administration of Moscow — *Central State Archive of the city of Moscow. F. 1286 (Moscow-Arkhangelsk Gendarmerie Police Department of Railways department of the headquarters of the Separate Corps of Gendarmes, Moscow). Op. 1. d. 2.* (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. 59 (Moscow Gendarmerie Police Department of Railways). Op. 1. D. 390, 396, 397, 49; F. 74 (Moscow-Arkhangelsk Gendarmerie Police Department of Railways). Op. 1. D. 473; F. 75 (Moskovsko-Kamyshinsky Gendarmerie police Department of railways). Op. 1. d. 216, 278; F. 126 (Petrograd Gendarmerie Police Department of Railways). Op. 1. d. 140 ; F. 495 (Gendarmerie Police Department of the Finnish Railways). Op. 2. D. 2 ; Op. 4. D. 2 ; Op. 5. D. 1 ; Op. 6. D. 2 ; Op. 9. D. 1.* (In Russ.).

OKJ — *Is a separate corps of gendarmes.* (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1276 (Council of Ministers). Op. 20. d. 103.* (In Russ.).

RGVIA — *Russian State Military Historical Archive. F. 13221 (Heads of the movement of troops on railways and waterways of the Galician region). Op. 1. D. 7. Part 1, D. 16.* (In Russ.).

ZHPZHD — *Gendarmerie Police Department of Railways.* (In Russ.).

References

Bogomazov, N. I. (2021). The First World War and the reconstruction of the Petrograd railway junction. 1914—1918. *Bulletin of the archivist*, 4: 1155—1167. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-4-1155-1167. (In Russ.).

Eremin, I. A. (2021). Railway transport of Western Siberia in the provision of food to the armed forces and the population of large cities of European Russia during the First World War. *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*, 3 (48): 71—76. DOI: <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2021-3-71-76>. (In Russ.).

Fedyakin, V. V. (2023). Protecting the national interests of Russia: the domestic experience of counter-sanctions policy during the First World War. *Bulletin of the Russian Nation*, 1—2 (89): 9—43. (In Russ.).

Oskin, M. V. (2017). Nutrition of a soldier in the trenches of the First World War. *History of everyday life*, 3 (5): 127—142. (In Russ.).

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

- Pavlenko, D. A., Makhonko, V. P., Gurov, I. E. (2019). Assessment of the development and operation of railway transport of the Russian Empire at the beginning of the XX century. *Special equipment and technologies of transport*, 2 (40): 171—177. (In Russ.).
- Senin, A. S. (2009). The railway economy of Russia during the First World War: on the issue of the “disorder of transport”. *Proceedings on Russian studies: a collection of scientific papers*, 1: 239—261. (In Russ.).
- Strachan, H. (2000). From Cabinet War to Total War: The Perspective of Military Doctrine, 1861—1918. In: *Great War, Total War: Combat and mobilization on the Western front, 1914—1918*. Cambridge: German Historical Institute, Cambridge University press. 19—35.
- Zhikharev, S. B. (2023). The crisis of railway transportation and its impact on the economic situation of the Grodno province at the beginning of the First World War. *Metamorphoses of history*, 4 (27): 1—19. DOI: 10.37490/S230861810024390-9. (In Russ.).
- Zolotarev, V. A. (ed.). (2014). *Europe and Russia in the fire of the First World War. To the 100th anniversary of the beginning of the war*. Moscow: INES, RUBIN. 880 p. ISBN 978-5-93618-211-2. (In Russ.).

*The article was submitted 17.06.2024;
approved after reviewing 12.09.2024;
accepted for publication 20.09.2024.*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для нитирования:

Махрачев Г. С. Промысловая кооперация на территории Тамбовской губернии в 1920-х годах / Г. С. Махрачев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 427—444. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-427-444

Makharachev, G. S. (2024). Fishers Cooperation in Tambov Province during 1920s. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 427-444. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-427-444. (In Russ.).

Scopus®

 NSD ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Промысловая кооперация на территории Тамбовской губернии в 1920-х годах

Махрачев Георгий Сергеевич
orcid.org/0000-0002-8279-243X
Scopus Author ID: 58164619600
Scopus Author ID: 58164323300
WoS ResearcherID: IZE-0621-2023
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории
и философии
mahrachova@mail.ru

Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

Fisheries Cooperation in Tambov Province during 1920s

Georgiy S. Makhachev
orcid.org/0000-0002-8279-243X
Scopus Author ID: 58164619600
Scopus Author ID: 58164323300
WoS ResearcherID: IZE-0621-2023
PhD in History, Senior Lecturer
Department of History
and Philosophy
mahrachova@mail.ru

Derzhavin Tambov
State University
(Tambov, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению опыта регионального кооперативного строительства в годы нэпа. Основное внимание было уделено раскрытию специфики объединения первичных промысловых кооперативов в союзы уездного и губернского масштабов. Автор выделил два этапа в этом процессе: 1) с 1921 по 1924 год, когда промысловая кооперація имела собственные специализированные союзы; 2) с 1924 по 1928 год, когда промысловая кооперація являлась составной частью смешанных союзов. В статье приводятся данные о составе и количестве кооперативов, задействованных в деятельности союзов. Анализируется работа союзов в условиях изменявшихся реалий: перехода от военного коммунизма к нэпу, уменьшения площади губернии, принятия постановлений XIV Всесоюзной конференции ВКП(б) и III Всесоюзного съезда советов, утверждения курса на индустриализацию. В заключение статьи делается вывод о том, что постепенное исчезновение специализированных союзов негативно повлияло на кооперативное строительство в губернии. Большинство проектов и начинаний, разработанных и организованных правлением специализированных союзов, не успели в полной мере воплотиться в жизнь. А в смешанных союзах внимание промысловой коопераціи уделялось по остаточному принципу.

Ключевые слова:

нэп; промысловая кооперація; кустарно-промышленный союз; кустарь; Тамбовская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the experience of regional cooperative development during the New Economic Policy (NEP) years. It focuses on the specifics of the unification of primary fisheries cooperatives into district and provincial unions. The author identifies two stages in this process: 1) from 1921 to 1924, when fisheries cooperatives had their own specialized unions; 2) from 1924 to 1928, when fisheries cooperation became part of mixed unions. The article presents data on the composition and number of cooperatives involved in the activities of these unions. It analyzes the functioning of the unions against the backdrop of changing realities, including the transition from War Communism to NEP, reduction of the province's territory, the resolutions of the XIV All-Union Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), and the III All-Union Congress of Soviets, as well as the adoption of a course towards industrialization. In conclusion, it is asserted that the gradual disappearance of specialized unions had a detrimental effect on cooperative development in the province. Most projects and initiatives developed and organized by the leadership of specialized unions were not fully realized. In mixed unions, attention to fisheries cooperation was given only as an afterthought.

Key words:

NEP; new economic policy; fisheries cooperation; artisanal-fisheries union; artisan; Tambov Province.

УДК 94(47).084.3+94(470.326)“192”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-427-444

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Промысловая кооперация на территории Тамбовской губернии в 1920-х годах

© Махрачев Г. С., 2024

1. Введение = Introduction

За последнюю сотню лет Российская государственность прошла уникальный путь развития. В течение более полувека все средства производства находились в государственной собственности, что аннигилировало всякую предпринимательскую инициативу. Начатые в годы перестройки реформы возродили рыночные отношения, которые, как считалось, должны были привести к скорому решению всех накопившихся в государстве экономических противоречий. Однако безапелляционная вера в силу рынка и безоговорочное равнение на западные образцы уже в скором времени привели к многочисленным кризисам и разочарованию населения. Тем не менее государство в 2000-х и 2010-х годах по инерции продолжало ориентироваться на западную экономическую модель. Сегодня, в условиях кризиса международных отношений, правительство России вырабатывает новое стратегическое направление дальнейшего развития страны, ориентируясь прежде всего на национальные интересы.

В сложившихся обстоятельствах все больше привлекает к себе внимание опыт предпринимательской деятельности позднеимперского времени и периода нэпа. В конце XIX — начале XX веков крестьянство стало активно практиковать кустарное производство. Одной из форм такого производства была кооперация. Выросшая из семейной формы организации труда, она объединяла не только капитал, но и трудовую деятельность. Именно поэтому после установления советской власти кооперация стала рассматриваться как главное направление для дальнейшего развития крестьянской промысловой деятельности. Новое правительство предполагало для кооперации будущее, в котором последняя будет существовать как целостная иерархическая структура. Основные усилия были направлены не только на агитацию мастеров создавать объединения, но и на организацию по всей стране многоуровневой системы этих объединений. А потому обращает на себя внимание вопрос, часто выпадавший из поля зрения историков, об организации уездных и губернских союзов,

которые служили связующим звеном между первичными и общероссийскими кооперативами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Первые работы, посвященные проблемам кооперативного строительства в годы нэпа, были написаны и опубликованы современниками. Так, Б. Р. Фромметт рассмотрел деятельность Всекомпромсоюза: состав, финансовый оборот, снабжение сырьем и материалами, сотрудничество с национальными союзами [Фромметт, 1927, с. 37—47]. Примечательно, что автор обратил внимание и на гендерный аспект темы, указав на деятельность Союза елецких кружевниц — специального женского промыслового союза [Там же, с. 49]. О положительном влиянии на развитие кустарного труда социалистических соревнований промысловых союзов писал В. А. Тихомиров [Тихомиров, 1929, с. 11]. П. И. Василевский и Е. И. Шлифтейн изучили состояние кожевенных, сапожных, шорных и трикотажных промысловых кооперативов. В их труде можно найти сведения и о деятельности промысловых союзов, однако авторов интересовала преимущественно экономическая сторона вопроса: количество и стоимость произведенной продукции [Василевский и др., 1930, с. 127, 281].

В 1930—1950-х годах эта тема совсем исчезает со страниц научных публикаций. Только в 1957 году в свет выходит работа П. И. Яковлева, в которой он попытался проследить этапы эволюции промысловой кооперации во второй половине XIX — первой половине XX веков. Автор изучил декреты и постановления, принятые советской властью в отношении промысловой кооперации и ее союзов [Яковлев, 1957, с. 17—20]. В работе А. И. Бузлаевой все начинания советской власти в отношении промысловой кооперации рассматривались исключительно с положительной стороны, а сама кооперация характеризовалась как средство борьбы с частным капиталом и оппозиционными политическими силами. В этой логике союзы промысловой кооперации были представлены как наилучшая форма ведения кустарного производства [Бузлаева, 1969, с. 59, 62—63, 94]. В. П. Дмитренко, Л. Ф. Морозов и В. И. Погудин исследовали этапы внутрипартийной борьбы по вопросам кооперативного строительства. Важно, что авторы обратили внимание на резкий спад числа промысловых кооперативов и, как следствие, союзов в 1923 году [Дмитренко и др., 1978, с. 162]. В. А. Архипов и Л. Ф. Морозов отметили, что наибольшие льготы предоставлялись кустарям, которые не просто были объединены в кооператив, а являлись составной частью союза [Архипов и др., 1978, с. 50].

На рубеже 1980—1990-х годов была опубликована серия статей, в которых отечественные историки попытались переосмыслить опыт нэпа. Так,

А. М. Свищев описал положительное влияние частного капитала на восстановление хозяйства и механизм его взаимодействия с государственным и кооперативным секторами экономики [Свищев, 1989, с. 13—14]. И. А. Козлов упомянул о союзах промысловой кооперации только в контексте ее насилиственного огосударствления [Козлов, 1990, с. 82]. Л. Е. Файн акцентировал внимание на аннулировании советским правительством решения Всероссийского съезда промысловой кооперации о создании Всероссийского союза кустарно-промышленной кооперации в 1921 году, проиллюстрировав таким образом тезис о том, что государство постоянно стремилось сломить самостоятельность промысловой кооперации [Файн, 1994, с. 37].

В 2002 году Файн опубликовал свой фундаментальный труд, посвященный отечественной кооперации, в котором можно встретить информацию о финансовом обороте Всекопромсоюза, а также о числе союзов и кооперативов первой степени, входивших в его состав [Там же, с. 440—441]. Монография В. Г. Егорова, опубликованная в 2005 году, стала чуть ли не первой работой, отличившейся заметной объективностью в оценке происходивших событий. Например, автор опроверг тезис о том, что аннулирование решений Всероссийского съезда промысловой кооперации 1921 года было актом наступления большевиков на свободу кооперации, поскольку на съезд изначально не были приглашены представители тех союзов, члены которых лояльно относились к новой власти [Егоров, 2005, с. 221]. Также в этом труде можно найти сведения о финансовых оборотах Всекопромсоюза, о социально-имущественном положении его членов и о политике властей в его отношении [Там же, с. 240—250].

Во всех вышеобозначенных работах ученые рассматривали преимущественно деятельность Всекопромсоюза, обращаясь к региональным союзам лишь для иллюстрации редких примеров. О промысловых союзах Сибири писал А. А. Николаев. Интересным в его работе выглядит тезис о заметной роли частников в жизни не только отдельных кооперативов, но и целых союзов [Николаев, 2007, с. 243]. В монографии О. В. Ягова целых две главы посвящены выявлению организационной структуры кустарно-промышленной кооперации Поволжья [Ягов, 2008, с. 106—139]. Автор уделил внимание дискуссиям, проходившим вокруг вопроса о развитии региональных союзов, а также представил как положительные, так и отрицательные последствия деятельности этих союзов. О работе Ленинградского союза промысловой кооперации (Производсоюза) писал А. Ю. Давыдов. Причем автор не ограничился традиционным изучением численности членов союза и его финансовых оборотов, а обратился также к его повседневной жизни [Давыдов, 2011, с. 161—163]. Кроме того, региональная специфика построения союзов промысловой кооперации была отражена

в научных статьях Е. В. Бородулиной и С. А. Семиной [Бородулина, 2018; Бородулина, 2020; Семина, 2018].

И хотя в отечественной историографии уже стали появляться исследования, базирующиеся на региональном материале, не всегда тенденции, наблюдавшиеся в тех или иных губерниях, можно распространить на всю страну. Например, вывод Ягова о выделении в 1924 году промысловых кооперативов из состава смешанных союзов [Ягов, 2008, с. 120] нельзя применить к Тамбовской губернии. В данном исследовании мы подробно рассмотрели трансформацию и деятельность союзов, охватывавших промысловую кооперацию, с учетом численности ее членов. В конечном итоге такой подход позволил понять, как менялось положение промысловой кооперации в губернии в эпоху нэпа.

В ходе исследования были использованы неопубликованные документы из государственного архива Тамбовской области и государственного архива социально-политической истории Тамбовской области. Кроме того, были изученные сведения, сохранившиеся в опубликованных источниках. Это делопроизводственная документация, данные статистики, справочные издания, материалы периодики.

В основу исследования легли несколько специально-исторических методов: историко-генетический, системный и историко-сравнительный. Первый метод позволил изучить динамику изменений форм объединений промысловой кооперации. Он был необходим, поскольку, во-первых, произошло преобразование хозяйственного уклада страны от командно-административных методов управления к рыночным, во-вторых, менялись сами формы объединения промысловой кооперации. Второй метод был связан с объектом исследования — союзами промысловой кооперации, которые рассматривались в качестве действовавшей полноценной системы. Третий метод позволил сравнить положение промысловой кооперации на начальном и конечном этапе нэпа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Деятельность специализированных промысловых союзов

В первые месяцы нэпа промысловая кооперация еще оставалась в подчинении потребительской. Управление промысловыми кооперативами происходило через автономные секции, функционировавшие при потребительских союзах на всех государственных уровнях. В подавляющем большинстве случаев объединенные кустари выполняли государственные заказы, предоставляемые Главкустпромом или его местными отделами.

В кооперативах велась работа по повышению производительности кустарей. Об этом свидетельствовали доклад члена коллегии Шацкого укуст-

прома Ф. И. Казьмина и последовавшая реакция властей. Казьмин обратил внимание на снижение мотивации к работе у мастеров, объединенных в укустпромсекцию, из-за плохих условий труда. Он предложил отчислять часть готовых изделий в премиальный фонд, который впоследствии служил бы источником для поощрения наиболее трудоспособных мастеров [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2241, л. 31].

Предложение было принято на совместном заседании укустпрома и укустпромсекции. В результате было установлено денежное премирование за превышение норм выработки в следующем эквиваленте: более чем на 25 % — 3 % от стоимости готовых изделий; более, чем на 50 % — 7 %; более, чем на 100 % — 12 %. Денежное поощрение было установлено и за самостоятельную добывчу сырья. За добросовестное выполнение своей работы предполагалось натуральное премирование в конце месяца. Соответствующий фонд формировался из отчисления 30 % всех готовых изделий [Там же, л. 30].

В это же время встречались случаи проявления высокой степени самостоятельности укустпромсекций: она могла выходить за рамки политики местных властей. Так, Усманская укустпромсекция проигнорировала поступивший от губкустпрома заказ на выделку крупной партии валенок. Виной тому было предоставление мастерам некачественного сырья, а в некоторых случаях — и вовсе его отсутствие. В этих условиях укустпромсекция переориентировалась на выполнение заказов Воронежского губкустпрома, вероятно, предоставлявшего сырье в должном объеме. Кроме того, кооперированные мастера производили изделия для продажи на вольный рынок [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2268, л. 8].

В процессе перехода к нэпу, направленного на возрождение рыночных отношений, постепенно происходило восстановление былой промысловой активности. Стала поощряться самостоятельность как отдельных, так и кооперированных кустарей. Произошло освобождение промысловой коопeraçãoции от опеки со стороны потребительской.

1 августа 1921 года был образован Тамбовский губернский союз кустарно-промышленной кооперации (губкустпромсоюз), в который постепенно перетекли промысловые кооперативы, ранее входившие в состав упраздненной к этому моменту кустпромсекции губпотребсоюза. Губкустпромсоюз объединил уездные и районные союзы, а последние — кооперативы первой степени. По данным на 1 июля 1922 года, в состав губкустпромсоюза входили следующие союзы:

1) Борисоглебский союз кустарно-промышленных кооперативов, объединивший 24 первичных кооператива с 418 членом;

2) Кирсановский уездный кустарно-производственный союз — 13 первичных кооперативов с 361 членом;

- 3) Козловский уездный союз кустарно-производственной кооперации — 18 первичных кооперативов с 201 членом;
- 4) Лебедянский союз производственной кооперации, объединивший 12 первичных кооперативов с 272 членами;
- 5) Липецкий кустарно-производственный кооперативный союз — 12 первичных кооперативов с 126 членами;
- 6) Моршанский союз производственных кооперативов — 26 первичных кооперативов с 856 членами;
- 7) Сасовский союз производственной кооперации — 13 первичных кооперативов с 237 членами;
- 8) Спасский союз производственной кооперации («кустарьсоюз») — 18 первичных кооперативов с 356 членами;
- 9) Тамбовский уездный союз кустарно-производственной кооперации — 26 первичных кооперативов с 1 028 членами;
- 10) Темниковский союз производственной кооперации — 14 первичных кооператива с 250 членами;
- 11) Усманский уездный союз производственной, сельскохозяйственной и кустарно-промышленной кооперации — 18 первичных кооперативов с 839 членами;
- 12) Шацкий союз кустарно-промышленной и кредитной кооперации — 11 первичных кооперативов с 298 членами;
- 13) Рассказовский районный производственный союз кооперативов — 17 первичных кооперативов с 4 951 членом. Примечательно, во-первых, то, что этот союз был зарегистрирован 23 ноября 1920 года, а все вышеуказанные — во второй половине 1921 года. Во-вторых, то, что кустари, работавшие в составе этого объединения, в отличие от своих кооперированных коллег, избежали захвата со стороны потребительской кооперации, сохранив трудовую самостоятельность. В-третьих, то, что этот союз также являлся членом губернского союза сельскохозяйственной, кустарно-промышленной и кредитной кооперации (губселькоопсоюза) [Краткий..., без года, с. 442].

Несложно посчитать, что 1 июля 1922 года губкустпромсоюз охватывал 222 первичных кооператива с 10 193 членами. А кустпромсекция губпотребсоюза 1 августа 1921 года, то есть в день ее преобразования в губкустпромсоюз, охватывала 551 первичный кооператив с 29 790 членами [Там же, с. 459]. Сравнив цифры за эти два года, можно сделать очевидный вывод о развале кооперативного строительства в губернии.

Частично это явление объяснялось тем, что не все кооперативы успели перейти в новую организацию. Однако в большей степени оно было обусловлено другими причинами. Около 50 % из всех учтенных 1 августа

1921 года кооперативов не имели уставов, а значит, не были официально зарегистрированы [Там же]. Некоторые впоследствии получили регистрацию и стали членами вторичных кооперативов, а остальные так и не смогли интегрироваться в новые условия. Вполне вероятно, что большинство из этих последних изначально имели лжекооперативный уклон. Причем тенденция привлекать к работе неучтенные официально кооперативы еще какое-то время сохранялась даже в годы нэпа. Об этом свидетельствовало, в частности, замечание от 30 октября 1922 года Спасскому укустпромсоюзу, исходившее от ГСНХ [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2838, л. 41].

Другая причина снижения числа учтенных промысловых кооперативов была связана со сложной экономической обстановкой в стране и изменениями в структуре власти. В 1920—1921 годах главным лоббистом интересов тамбовских мастеров был губкустпром. Однако в 1922 году этот орган власти был упразднен, в результате количество выделявшихся для кооперированных мастеров заказов, сырья и денежных средств снизилось [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2831, л. 11]. Можно встретить разные данные о степени загруженности кооперативов во второй половине 1922 года. В «Кратком обзоре деятельности ГИК и его Президиума за 1921/22 отчетный год» приводятся данные о том, что только 67 % кооперированных кустарей имели работу [Краткий..., без года, с. 459]. В неопубликованном отчете губстатбюро эта цифра значительно ниже — всего 10 % [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2831, л. 11]. При этом и губкустпромсоюз, и укустпромсоюзы были плохо осведомлены о деятельности подчиненных им кооперативов, о чем говорилось в соответствующем отчете [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2819, л. 3 об.] и свидетельствовал следующий пример. На запрос ГСНХ от 4 декабря 1921 года о темпах реализации заказа на 2 000 пар валенок губкустпромсоюз ответил, что данное поручение было передано Козловскому укустпромсоюзу и о его дальнейшей судьбе ничего не известно [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2834, л. 37]. Очевидно, что в подобных обстоятельствах кустари не видели смысла держаться за кооператив.

Руководство губкустпромсоюза прекрасно осознавало специфику проблем, тормозивших процесс кооперативного строительства, а потому разрабатывало планы по их решению. Предполагалось вывести на качественно новый уровень работу инструкторов, которые должны были, во-первых, заниматься статистическим учетом кустарей, изучать технологии производства и фиксировать проблемы, с которыми в процессе работы сталкивались мастера, во-вторых, оказывать кооперативам юридическую помощь, в-третьих, консультировать местные органы власти по работе с кустарями, в-четвертых, вести соответствующую агитационную работу. Особое место в дальнейшей работе союза отводилось культурно-просветительской рабо-

те, которая должна была осуществляться через издательскую деятельность и организацию соответствующих музеев и библиотек [Краткий..., без года, с. 459—460].

Подобно вышестоящей инстанции руководство укустпромсоюзов также пыталось вывести работу с первичными кооперативами на должный уровень. В качестве примера можно привести деятельность руководства Козловского союза. Во-первых, оно вело работу по ликвидации тех кооперативов, которые были созданы «мобилизационным порядком и жили лишь военными заказами военных учреждений, являясь по существу лишь простыми раздаточными пунктами для отдельных кустарей» [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2834, д. 18]. Во-вторых, оно поддерживало самостоятельность в кооперативах, облегчая получение необходимого для работы сырья и инструментов. В-третьих, оно оказывало помощь кооперативам при разработке хозяйственных планов работы, сырьевых и сбытовых планов, поскольку их наличие было обязательным условием для получения кредитов Госбанка.

Всем этим планам и начинаниям было не суждено реализоваться в полной мере. 4 августа 1921 года — уже в первые дни существования губкустпромсоюза — был поднят вопрос о необходимости слияния промысловой и сельскохозяйственной кооперации. Руководство губкустпромсоюза сразу же выступило против подобного развития событий. Более того, в ответ на начавшийся процесс объединения двух видов кооперации оно отправило сообщение ГСНХ с требованием разъяснения законности подобных действий [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2838, л. 6]. Однако к июлю 1922 годаправление союза изменило свое мнение. В северной части губернии, издавна ориентированной на кустарную деятельность, было решено сохранить автономию промысловой кооперации; а в центральной и южной, ориентировавшейся на земледелие, — произвести слияние промысловой и сельскохозяйственной кооперации. В результате были образованы следующие союзы, которые в начале 1923 года оказались в составе Тамбовского губселькосоюза:

1) 19 июля 1922 года был зарегистрирован Кирсановский уездный союз сельскохозяйственной, кустарно-промышленной и кредитно-производственной кооперации. 17 августа 1923 года в его состав входило 6 первичных промысловых кооператива со 140 членами [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, л. 22, 23, 25, 25 об.];

2) 27 июля 1922 года — Лебедянский уездный союз сельскохозяйственной, кустарно-промышленной и кредитно-производственной кооперации («Селькосоюз»). 31 августа 1923 года — 3 первичных промысловых кооператива со 122 членами [Там же, л. 28, 29];

3) 30 июля 1922 года — Липецкий районный союз сельскохозяйственной кредитно-производственной и кустарно-промышленной кооперации. 9 августа 1923 года — 9 первичных промысловых кооперативов с 91 членом [Там же, л. 30, 31];

4) 14 августа 1922 года — Моршанский уездный союз кредитных, сельскохозяйственных и кустарно-промышленных кооперативов. 14 августа 1923 года — 2 первичных промысловых кооператива со 124 членами [Там же, л. 21];

5) 14 сентября 1922 года — Борисоглебский союз кредитно-производственной и кустарно-промышленной кооперации. 28 августа 1923 года — 1 первичный промысловый кооператив с 36 членами [Там же, л. 27];

6) 22 февраля 1923 года был направлен на регистрацию устав Козловского районного производственного союза сельскохозяйственной, кустарно-промышленной и кредитной кооперации. 13 июля 1923 года — 13 первичных промысловых кооператива со 130 членами [Там же, л. 20].

Слияние двух видов кооперации фактически привело к перетеканию уездных союзов центральной и южной части губернии из ведения губкустпромсоюза в губсельскосоюз. Это в значительной степени усложнило положение губкустпромсоюза, однако событие, которое окончательно подорвало его жизнедеятельность, было еще впереди. В течение 1923 года из состава губернии были выведены Елатомский, Спасский, Темниковский, Усманский и Шацкий уезды. В непосредственном ведении губкустпромсоюза остался только Тамбовский уездный союз кустарно-производственной кооперации и Рассказовский районный производственный союз кооперативов. Причем последний, как было сказано ранее, входил также в состав губсельскосоюза. 23 февраля 1923 года прошло объединенное собрание уполномоченных этих двух союзов, в ходе которого было принято решение о слиянии [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3322, л. 3]. 1 марта 1923 года устав нового Тамбовского районного союза кустарно-промышленной кооперации был отправлен на регистрацию в ГСНХ [Там же, л. 1]. Поскольку в новых условиях губкустпромсоюз потерял свою былую актуальность, 19 мая 1923 года произошло ликвидационное собрание его уполномоченных [Ликвидационное..., 1923, с. 5].

1 мая 1923 года новый зарегистрированный Тамбовский районный союз кустарно-промышленной кооперации включал в свой состав 35 первичных кооперативов с 1 690 членами [Грызлов, без года, с. 123]. Примечательно, что Рассказовское промысловое кооперативное товарищество кустарей-вязальщиков, которое некогда составляло костяк Рассказовского районного производственного союза кооперативов (по состоянию на 1 июля 1922 года из 4 951 членов союза 4 446 были объединены именно

в этот кооператив [Кустарные..., 1922, с. 2]), осталось в составе губсельскосоюза и не вошло в только что образовавшийся союз.

За время своего существования Тамбовский районный союз кустарно-промышленной кооперации провел ряд важных для развития кооперации мероприятий. Причем особое внимание было уделено рассказовским мастерам, для чего в этом селе было даже открыто отделение, подотчетное правлению союза и являвшееся «его посредником по нагрузке работой, снабжению средствами производства и сбыту изделий данного района» [ГАСПИТО, ф. 842, оп. 1, д. 1095, л. 4 об.]. Само же правление союза юридически было закреплено за г. Тамбовом [Грызлов, без года, с. 119].

Во-первых, для повышения производительности объединенных кооперативов в Тамбове были организованы овчинно-дубовый завод, мастерская валяльной обуви, столярная фабрика, жестяночная фабрика [Там же, с. 121]. Во-вторых, для кустарей были открыты два специализированных магазина. Один — «Кустарь» — в Тамбове, другой — «Универсал» — в Рассказове. Эти магазины должны были предоставлять мастерам все необходимое для работы сырье и инструменты, а также скупать готовые кустарные изделия [ГАСПИТО, ф. 842, оп. 1, д. 1095, л. 4 об.]. В-третьих, велась работа по урегулированию вопроса налогообложения, предполагавшая, с одной стороны, разъяснительную деятельность в кустарной среде, а с другой — ходатайство перед местными и центральными органами власти о предоставлении дополнительных льгот. В-четвертых, было наложено сотрудничество с волостными органами власти.

Была активизирована деятельность инструкторов. Они принимали участие в выборах органов правления кооперативов, консультировали мастеров по юридическим, организационным и хозяйственным вопросам, вели обследование кустарного производства. Заметное внимание уделялось агитационной работе. Инструкторы занимались обустройством кооперативных уголков в избах-читальнях, организовывали кружки «кооперативных работников из среды наиболее сознательных работников на местах» [Там же, л. 5 об.], читали тематические лекции.

Постепенное восстановление экономики и активность руководства Тамбовского районного союза кустарно-промышленной кооперации привели к росту числа его членов. Уже 16 февраля 1924 года в его состав входило 47 первичных кооперативов с 2 193 членами [Там же, л. 5]. Причем можно обратить внимание на то, что деятельность этого союза осуществлялась в русле планов и начинаний губкустпромсоюза. И подобно своему предшественнику, новый районный союз просуществовал недолго. 5 сентября 1924 года прошло ликвидационное собрание его уполномоченных [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3499, л. 25]. В итоге тамбовская промысловая коопе-

рация лишилась самостоятельных союзов и полностью перешла под контроль сельскохозяйственных союзов [Отчет о работе..., 1927, с. 53].

3.2. Промысловая кооперация в смешанных союзах

В вышеописанном случае деятельность кооперативного союза отражала интересы исключительно объединенных в него кустарей. Но в это же время промысловая кооперация входила в состав губселькосоюза. И здесь удовлетворению потребностей товаропроизводителей явно уделялось меньшее внимание. Об этом свидетельствовали анкетные данные уездных и районных союзов, предоставленные в Тамбовский ГСНХ летом 1923 года. Моршанский, Кирсановский, Лебедянский союзы указали на отсутствие каких-либо заказов для промысловых кооперативов, в связи с чем последние теряли всякую заинтересованность в этих объединениях. Объяснялись подобные обстоятельства тем, что поступавшие заказы не предполагали сырьевого и денежного авансирования, и в условиях скучности собственных финансовых ресурсов руководство союза их отвергало [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, с. 21, 22, 28]. Но даже наличие заказов не гарантировало вовлеченность кооперативов в работу союза. Так, Липецкому союзу удалось наладить реализацию заказов, однако выполняли их не кооперированные кустари, а одиночки, работавшие на договорных началах и использовавшие собственное сырье [Там же, л. 30]. Попытки увеличить производительность мастеров также терпели неудачу из-за нехватки денежных средств. Руководство Кирсановского союза указывало на проблемы с окончанием строительства кирпичного завода. В то же время была действующая черепичная мастерская, но не хватало финансов для приобретения необходимого для производства цемента. [Там же, л. 22]. Очевидно, эти факторы и повлияли на уменьшение числа первичных кооперативов и их членов при слиянии двух видов кооперации.

Подобное положение дел сохранялось до 1925 года. Однако принятые делегатами XIV Всесоюзной конференции ВКП(б) и III Всесоюзного съезда советов решение о поддержке кустарей побудило правление губселькосоюза уделять большее внимание промысловой кооперации. Например, Козловский союз пригласил на работу специального инструктора, который должен был заниматься непосредственно вопросами кустарного производства. Кроме того, планировалось заняться разрешением вопросов об отпуске кредитов для мастеров [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3499, л. 138]. Примечательно, что в это же время прошло собрание уполномоченных данного объединения, на котором название «районного производственного союза сельскохозяйственной, кустарно-промышленной и кредитной кооперации» было заменено на «союз кредитных и сельскохозяйственных кооперативов», поскольку в его составе преобладали именно эти виды кооперации [Отчет Правления..., 1925, с. 2].

Широкую программу поддержки запланировало правление Моршанского союза. Проанализировав специфику работы мастеров, оно пришло к выводу о необходимости предоставления разных видов кредитов: 1) краткосрочных (до года), 2) долгосрочных (многолетних, так как древесину, необходимую для производства, требовалось высушивать годами), 3) под товар (поскольку зачастую кустарные изделия имели сезонный характер, то мастеру предоставлялась возможность обменять их на ссуду до наступления подходящего момента для реализации на рынке), 4) полуфабрикатов с государственных предприятий (кожи для сапожников). Предполагалось также упорядочить процесс добычи мастерами местной древесины, так как в существовавших условиях мастера предпочитали отправляться за сырьем в другие губернии, а в целях удовлетворения потребностей сапожников в полуфабрикатах было предложено оборудовать пять кожевенных заводов. Важной задачей было налаживание сбыта готовых изделий через сельскохозяйственную кооперацию [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3499, л. 133—133 об.].

И действительно, Моршанский союз вел работу по реализации задуманных планов. За 1924—1925 финансовый год для кустарей союзом было выделено 30 000 руб. и еще 18 000 руб. предоставил губсельскбанк. Однако этих начинаний было явно недостаточно, о чем хорошо свидетельствовала динамика числа кооперированных в уезде мастеров. В составе союза 14 августа 1923 года числилось 2 первичных промысловых кооператива со 124 членами; 1 октября 1924 — 5 кооперативов со 155 членами; 1 января 1925 — 9 кооперативов с 222 членами; 1 января 1926 — 13 кооперативов со 159 членами [ХV-му..., без года, с. 79]. Число кооперативов росло, но вот о количестве вовлеченных в их работу людей такого сказать было нельзя. А если учесть, что согласно проводившемуся губстатбюро в 1925 году обследованию в уезде промысловой деятельностью занимались 3 937 человек, то окажется, что процент объединенных мастеров был крайне низок [Бюллетень..., 1926, с. 18, 19, 22, 23].

Несмотря на некоторые начинания уездных союзов в отношении промысловой кооперации, в целом органами правления уделялось этому виду кооперации крайне мало внимания. Так, в 1926 году губкоопсовет запросил данные о положении местных кустарей. Только три союза из шести действовавших: Тамбовский, Козловский и Борисоглебский — смогли представить требовавшуюся информацию, которая носила самый общий и к тому же устаревший характер [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 4046, л. 46].

В условиях того, что промысловая кооперация утратила собственное союзное объединение и входила лишь составной второстепенной частью в губсельскосоюз, логичным выглядит заявление автора статьи в газете «Тамбовская правда»: «Кооперирование кустарной промышленности про-

ведено у нас слабо» [А., 1927, с. 6]. В 1928 году по решению губкоопсовета вновь был создан губкустпромсоюз. Однако период его деятельность проходил уже в рамках колхозизации и индустриализации [П-ский, 1928, с. 4].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, одним из ключевых факторов, тормозивших кооперативное строительство в области промысловой деятельности населения губернии, было отсутствие специализированных союзов. После освобождения промысловой кооперации от опеки потребительской в 1921 году был образован губкустпромсоюз, правление которого, несмотря на глубокий экономический кризис, стремилось навести порядок в среде своих подчиненных. Однако постепенно этот союз стал распадаться. Во второй половине 1922 года произошло перетекание части уездных союзов, а соответственно, и входивших в них кооперативов в состав губсельскосоюза. А в 1923 году от губернии были оторваны наиболее значимые в промысловом секторе уезды. В итоге место губкустпромсоюза занял новый Тамбовский союз, районного значения. Но и он просуществовал недолго. С сентября 1924 года в губернии не осталось союзов, отвечавших напрямую потребностям промысловой кооперации. А промысловым кооперативам, входившим в состав сельскохозяйственных союзов, отводилась второстепенная роль. Новая попытка создать сеть промысловых союзов была предпринята только в 1928 году и была связана с начавшимися колхозификацией и индустриализацией.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *A. C. Наша кустарная промышленность / С. А. // Тамбовская правда : [газета]. — 1927. — № 75. — С. 6.*
2. *Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро № 8. 1-го июля 1926 года. — Тамбов : Издание Тамбовского губернского статистического бюро, 1926. — 128 с.*
3. ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. 842 (Тамбовский уездный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 1095).
4. ГАТО — Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-727 (Совет народного хозяйства исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 2241, 2268, 2819, 2831, 2834, 2838, 3322, 3325, 3499, 4046.
5. *Грызлов П. Вся Тамбовская губерния : Справочная книга на 1923 год / П. Грызлов, М. Хрунов. — Тамбов : Пролетарский светоч. — 530 с.*
6. *Краткий обзор деятельности ГИК и его Президиума за 1921—22 отчетный год. — Без места и года. — 553 с.*
7. *Кустарные артели в Тамбовской губернии // Тамбовская правда : [газета]. — 1922. — № 164. — С. 2.*

8. *Ликвидационное собрание уполномоченных Тамбовского губкустпромсоюза // Тамбовская правда : [газета]. — 1923. — № 113. — С. 5.*
9. *Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва. — Тамбов : [б. и.], 1927. — 96 с.*
10. *Отчет Правления Козловского кредсельсоюза за время с 1 янв. по 1 окт. 1925 года. — Козлов : Типография при уездном исполнительном комитете, 1926. — 42 с.*
11. *П-ский С. Организовать кустпромсоюз / С. П-ский // Тамбовская правда : [газета]. — 1928. — № 21. — С. 4.*
12. *XV-му Уездному съезду Советов : Отчет Моршанского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с октября 1924 по февраль 1926 г. — Моршанска : Моршанская типография уездного исполнительного комитета, 1926. — 91 с.*

Литература

1. *Архипов В. А. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х годов / В. А. Архипов, Л. Ф. Морозов. — Москва : Мысль, 1978. — 263 с.*
2. *Бородулина Е. В. Первые шаги сибирского промкооперативного строительства в условиях перехода к новой экономической политике (1921—1923 годы) / Е. В. Бородулина // Научный диалог. — 2018. — № 3. — С. 116—135. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-116-135.*
3. *Бородулина Е. В. Промысловая кооперация Сибири на исходе новой экономической политики (1926—1929 годы) / Е. В. Бородулина // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 298—318. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-298-318.*
4. *Бузлаева А. И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности / А. И. Бузлаева. — Москва : Наука, 1969. — 175 с.*
5. *Василевский П. И. Очерки кустарной промышленности СССР / П. И. Василевский, Е. И. Шлифштейн. — Москва : Государственное издательство, 1930. — 293 с.*
6. *Давыдов А. Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. — 216 с. — ISBN 978-5-91419-488-5.*
7. *Дмитренко В. П. Партия и кооперация / В. П. Дмитренко, Л. Ф. Морозов, В. И. Погудин. — Москва : Политиздат, 1978. — 296 с.*
8. *Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве : становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века) / В. Г. Егоров. — Казань : Издательство Казанского университета, 2005. — 332 с. — ISBN 5-7464-1320-8.*
9. *Козлов И. А. Революция, нэп и судьбы мелкого производства / И. А. Козлов // Историческое значение нэпа : сборник научных трудов. — Москва : Институт истории СССР, 1990. — С. 61—85.*
10. *Николаев А. А. Основные виды кооперации в России : историко-теоретический очерк / А. А. Николаев — Новосибирск : Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2007. — 278 с.*
11. *Свищев М. А. Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе / М. А. Свищев // История СССР. — 1989. — № 1. — С. 3—23.*
12. *Семина С. А. Деятельность Иркутского кооперативного кустарно-промышленного союза (вторая половина 1920-х годов) / С. А. Семина. — Иркутск : Байкальский государственный университет, 2018. — С. 232—237.*

13. Тихомиров В. А. Социалистическое соревнование и промысловая кооперація / В. А. Тихомиров. — Москва : Всекомпромсоюз ; Крестьянская газета, 1929. — 13 с.
14. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк : 1861—1930 / Л. Е. Файн. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2002. — 298 с. — ISBN 5-7807-0272-1.
15. Файн Л. Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е гг.) / Л. Е. Файн // Вопросы истории. — 1994. — № 9. — С. 35–47.
16. Фромметт Б. Р. Десять лет советской промысловой кооперации. 1917—1927 / Б. Р. Фромметт. — Москва : Книгосоюз, 1927. — 70 с.
17. Ягов О. В. Кустарно-промышленная кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики / О. В. Ягов. — Самара ; Пенза : Издательство Самарского научного центра Российской академии наук ; Пензенский государственный педагогический университет имени В. Г. Белинского, 2008. — 335 с. — ISBN 978-5-93424-385-3.
18. Яковлев П. И. Промысловая кооперация СССР за 40 лет. / П. И. Яковлев. — Москва : Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1957. — 51 с.

Статья поступила в редакцию 09.06.2024,
одобрена после рецензирования 12.09.2024,
подготовлена к публикации 19.09.2024.

Material resources

- A brief overview of the activities of the GIC and its Presidium for the 1921—22 reporting year.*
553 p. (In Russ.).
- A. S. (1927). Our handicraft industry. *Tambovskaya pravda: [newspaper]*, 75: P. 6. (In Russ.).
Artisanal artels in Tambov province. (1922). *Tambovskaya pravda: [newspaper]*, 164: P. 2. (In Russ.).
- Bulletin of the Tambov Provincial Statistical Bureau № 8. July 1, 1926.* (1926). Tambov: Edition of the Tambov Provincial Statistical Bureau. 128 p. (In Russ.).
- GASPITO — State Archive of socio-political history of the Tambov region. F. 842 (Tambov district Committee of the CPSU(b)). Op. 1. d. 1095. (In Russ.).
- GATO — State Archive of the Tambov region. FR-727 (Council of National Economy of the Executive Committee of the Tambov Provincial Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies). (In Russ.).
- Gryzlov, P., Khrunov, M. *The whole Tambov province: A reference book for 1923.* Tambov: Proletarian light, without a year. 530 p. (In Russ.).
- Liquidation meeting of the authorized representatives of the Tambov gubkustpromsoyuz. (1923). *Tambovskaya Pravda: [newspaper]*, 113: P. 5. (In Russ.).
- P-skiy, S. (1928). Organize kustpromsoyuz. *Tambovskaya pravda: [newspaper]*, 21: P. 4. (In Russ.).
- Report of the Board of the Kozlovsky Credit Union for the period from January 1 to October 1, 1925.* (1926). Kozlov: Printing house at the county Executive Committee. 42 p. (In Russ.).
- Report on the work of the Tambov Provincial Executive Committee of the XII convocation.* (1927). Tambov: [b. i.]. 96 p. (In Russ.).
- To the xvth Uyezd Congress of Soviets: Report of the Morshansky Uyezd Executive Committee of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies from October 1924 to February 1926.* (1926). Morshansk: Morshanskaya printing house of the Uyezd executive committee. 91 p. (In Russ.).

References

- Arkhipov, V. A., Morozov, L. F. (1978). *The struggle against capitalist elements in industry and trade. 20th — early 30s*. Moscow: Mysl. 263 p. (In Russ.).
- Borodulina, E. V. (2020). Industrial Cooperation in Siberia at the End of the New Economic Policy (1926—1929). *Nauchnyi dialog*, 9: 298—318. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-298-318> (In Russ.).
- Borodulina, E. V. (2018). The First Steps of the Siberian Industrial-Cooperative Construction in the Context of the Transition to a New Economic Policy (1921—1923). *Nauchnyi dialog*, 3: 116—135. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-116-135> (In Russ.).
- Buzlaeva, A. I. (1969). *Lenin's plan for cooperation of small industry*. Moscow: Nauka. 175 p. (In Russ.).
- Davydov, A. Y. (2011). *Cooperators of the Soviet city during the NEP years. Between "war communism" and Socialist reconstruction*. St. Petersburg: Aleteya. 216 p. ISBN 978-5-91419-488-5. (In Russ.).
- Dmitrenko, V. P., Morozov, L. F., Pogudin, V. I. (1978). *Party and cooperation*. Moscow: Politizdat. 296 p. (In Russ.).
- Egorov, V. G. (2005). *Domestic cooperation in small-scale industrial production: formation, stages of development, nationalization (the first third of the XX century)*. Kazan: Kazan University Press. 332 p. ISBN 5-7464-1320-8. (In Russ.).
- Fine, L. E. (2002). *Russian cooperation: a historical and theoretical essay: 1861—1930*. Ivanovo: Ivanovo State University. 298 p. ISBN 5-7807-0272-1. (In Russ.).
- Fine, L. E. (1994). Soviet cooperation in the grip of the command and administrative system (the 20s). *Questions of history*, 9: 35—47. (In Russ.).
- Frommett, B. R. (1927). *Ten years of Soviet fishing cooperation. 1917—1927*. Moscow: Knigosoyuz. 70 p. (In Russ.).
- Kozlov, I. A. (1990). Revolution, NEP and the fate of small-scale production. In: *The historical significance of NEP: a collection of scientific papers*. Moscow: Institute of History of the USSR. 61—85. (In Russ.).
- Nikolaev, A. A. (2007). *The main types of cooperation in Russia: a historical and theoretical essay*. Novosibirsk: Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 278 p. (In Russ.).
- Semina, S. A. (2018). *Activity of the Irkutsk cooperative handicraft union (the second half of the 1920s)*. Irkutsk: Baikal State University. 232—237. (In Russ.).
- Svishchev, M. A. (1989). The experience of NEP and the development of small-scale production at the present stage. *History of the USSR*, 1: 3—23. (In Russ.).
- Tikhomirov, V. A. (1929). *Socialist competition and industrial cooperation*. Moscow: Vsekompromsotuz; Krestyanskaya gazeta. 13 p. (In Russ.).
- Vasilevsky, P. I., Shlifstein, E. I. (1930). *Sketches of the handicraft industry of the USSR*. Moscow: State Publishing House. 293 p. (In Russ.).
- Yagov, O. V. (2008). *Handicraft and industrial cooperation of the Volga region in the context of the implementation of a new economic policy*. Samara; Penza: Publishing House of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. 335 p. ISBN 978-5-93424-385-3. (In Russ.).
- Yakovlev, P. I. (1957). *Fishing cooperation of the USSR for 40 years*. Moscow: All-Union Cooperative United Publishing House. 51 p. (In Russ.).

*The article was submitted 09.06.2024;
approved after reviewing 12.09.2024;
accepted for publication 19.09.2024.*

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Морозова Т. И. Самоубийства в Сибири в 1925—1937 годы : причины, динамика, значение / Т. И. Морозова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 445—469. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-445-469.

Morozova, T. I. (2024). Suicides in Siberia from 1925 to 1937: Causes, Dynamics, and Significance. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 445-469. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-445-469. (In Russ.).

Clarivate
Web of Science™

Scopus®

DOAJ

NSD ERIH PLUS
BESCHLEUNIGTES REFERIERTES
INHALTSVERZEICHEN
INHALTSVERZEICHEN
BIBLIOTHEKSRATIFIKATION
BIBLIOTHEKSRATIFIKATION

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU
РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Самоубийства в Сибири в 1925—1937 годы: причины, динамика, значение

Морозова Татьяна Игоревна
orcid.org/0000-0002-8601-1290

кандидат исторических наук,
научный сотрудник сектора истории
общественно-политического развития
mti137@yandex.ru

Институт истории
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:
Статья выполнена в рамках темы
государственного задания
Минобрнауки РФ
«Социум и власть в России
в XX — начале XXI века:
политическое участие,
коммуникация, идентичность
акторов» (FWZM-2024-0008)

Suicides in Siberia from 1925 to 1937: Causes, Dynamics, and Significance

Tatiana I. Morozova
orcid.org/0000-0002-8601-1290
PhD in History, Researcher,
Sector of the History of Social and
Political Development
mti137@yandex.ru

Institute of History
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:
This article was written as part
of the theme of the state assignment
of the Ministry of Science
and Education of the Russian
Federation “Society and Power
in Russia in the 20th — early 21st century:
political participation, communication,
identity of the actors”
(FWZM-2024-0008)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предпринята попытка установить причины, проследить динамику и оценить значение самоубийств, совершенных в Сибирском и Западно-Сибирском краях в 1925—1937 годы. Источниковую базу исследования составили статистические сборники, протоколы заседаний и постановления партийных, советских и комсомольских органов, заключения специальных комиссий, делопроизводственная переписка, материалы периодической печати. На основе комплексного анализа разнородной информации показан рост численности самоубийств в Сибири, выяснен половозрастной и социально-профессиональный состав добровольно ушедших из жизни, определены способы и наиболее распространенные причины совершения суицида. Перечисленные параметры проанализированы в сравнении с аналогичными показателями по РСФСР и СССР, что позволило установить наличие региональной специфики. В статье опровергается утверждавшаяся в историографии точка зрения, согласно которой ответственность за суицид возлагалась исключительно на самих самоубийц. На конкретном материале показано, что одним из значимых направлений борьбы с самоубийствами являлось привлечение к ответственности тех, кто своим действием или бездействием способствовал их совершению. Сделан вывод, что, не добившись реальных успехов в предотвращении самоубийств, высшее и краевое политическое руководство сумело, однако, создать иллюзию того, что это явление полностью изжито.

Ключевые слова:

суицидальное поведение; суицид; уровень самоубийств; политическая адаптация; политическая дезадаптация; Сибирский край; Западно-Сибирский край.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article attempts to establish the causes, trace the dynamics, and assess the significance of suicides that occurred in the Siberian and West Siberian regions between 1925 and 1937. The research is based on a diverse array of sources, including statistical compilations, minutes from meetings, resolutions from party, Soviet, and Komsomol bodies, reports from special commissions, administrative correspondence, and materials from periodical publications. Through a comprehensive analysis of this heterogeneous information, the article demonstrates an increase in the number of suicides in Siberia, elucidates the demographic and social-professional composition of those who voluntarily ended their lives, and identifies the methods employed as well as the most common reasons for suicide. These parameters are analyzed in comparison with similar indicators across the RSFSR and the USSR, revealing the presence of regional specificity. The article challenges the prevailing historiographical view that placed sole responsibility for suicides on the individuals themselves. It presents evidence that one significant avenue for combating suicides involved holding accountable those whose actions or inactions contributed to these tragic events. The conclusion drawn is that, despite failing to achieve tangible success in preventing suicides, the higher political leadership at both regional and provincial levels managed to create an illusion that this phenomenon had been entirely eradicated.

Key words:

suicidal behavior; suicide; suicide rate; political adaptation; political maladaptation; Siberian region; West Siberian region.

УДК 94:314.424.2(571.1/.5)“1925/1937”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-445-469

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Самоубийства в Сибири в 1925—1937 годы: причины, динамика, значение

© Морозова Т. И., 2024

1. Введение = Introduction

В большинстве цивилизованных обществ самоубийства принято считать социальной аномалией. Однако многочисленные и разнообразные исторические источники свидетельствуют, что практика добровольного ухода человека из жизни имела место почти у всех народов на всех этапах их существования.

Значимость и одновременно сложность этого феномена обусловили пристальный интерес к нему со стороны представителей самых разных научных дисциплин: криминалистики, медицины, психологии, социологии и девиантологии. На рубеже XIX—XX веков проблема самоубийств впервые стала рассматриваться также в исторической ретроспективе.

Важнейшим основанием для изучения суицидального поведения учеными-историками, по всей видимости, послужили выводы социологов о наличии непосредственной взаимосвязи между количеством добровольных смертей и состоянием общества в целом [Durkheim, 1897]. Выявление динамики численности самоубийств и установление наиболее распространенных причин суицида являются важным задачами исторического исследования, поскольку позволяют судить об адаптации или, напротив, дезадаптации населения к социальным и политическим реалиям на разных этапах развития общества.

В России в этом отношении особый интерес представляют два первых постреволюционных десятилетия, характеризовавшихся неоднократной и зачастую радикальной сменой политического курса. На это время пришлись широкомасштабная гражданская война, новая экономическая политика, коллективизация сельского хозяйства, форсированная индустриализация страны и развертывание массовых политических репрессий. К происходившим в это время общественно-политическим и социально-экономическим изменениям в той или иной степени были вынуждены приспосабливаться самые разные слои и когорты населения. Признаками крайней дезадаптации служили эмиграция из страны или во-

оруженное сопротивление советскому политическому режиму. Но наиболее радикальным её проявлением, несомненно, являлся добровольный уход из жизни.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Первые попытки изучения самоубийств в Советской России были предприняты созданным в 1919 году в составе Центрального статистического управления (ЦСУ) отделом моральной статистики под руководством профессора М. Н. Гернeta (подробнее см.: [Филиппов, 2015]). С начала 1920-х годов отдел приступил к регистрации завершенных самоубийств по специальным статистическим листкам (анкетам). Эти документы легли в основу четырех статистических сборников, аккумулировавших информацию о самоубийствах в РСФСР/СССР с группировкой по Москве и Ленинграду, другим городам и в сельской местности [Гернет, 1922; Гернет, 1927; Самоубийства в СССР..., 1927; Самоубийства в СССР..., 1929]. Сборники включали статистические сведения о возрасте, половой принадлежности, национальности, социальному статусу и уровню образования самоубийц, мотивах и способах суицидов, а также частоте их совершения в зависимости от месяца, дня недели и времени суток.

В начале 1930-х годов ЦСУ было упразднено, централизованный сбор информации о случаях добровольного ухода из жизни прекращен, а на изучение этой темы по идеологическим соображениям фактически было наложено табу. В результате к полноценному исследованию проблемы самоубийств в Советской России сначала отечественные, а потом и зарубежные ученые смогли приступить только после распада СССР.

В постсоветской историографии самоубийства, совершенные в 1920—1930-е годы, рассматривались с разных ракурсов: как одна из разновидностей девиантного поведения [Гилинский, 2013; Богданов, 2020], неотъемлемый элемент советской повседневности [Лебина, 1994; Лебина, 1999; Лебина, 2015; Васильевский и др., 2016], фактор формирования советского некрологического дискурса [Малышева, 2017; Малышева, 2020], самостоятельное явление [Тяжельникова, 1998; Мирошниченко и др., 2021] или событие [Исаев, 2007; Базанов, 2018; Морозова, 2022]. Авторы, работавшие в русле девиантологии, в значительной мере опирались на статистические сборники под редакцией М. Н. Гернeta, заимствовав из них не только фактический материал, но и основные параметры анализа. Выгодно отличаются в этом смысле исследования Н. Б. Лебиной и В. С. Тяжельниковой, использовавших в своей работе также делопроизводственные документы партийных и советских органов, материалы периодической печати, предсмертные записки и другие доступные источники. Значимое место в публикациях

обеих исследовательниц занимает проблема отношения к самоубийствам со стороны Советской власти. Оригинальный подход продемонстрировал американский историк Кеннет Мартин Пинноу, стремившийся выяснить, как к проблеме самоубийств в Советской России относилась судебно-медицинская экспертиза, органы статистического учета и Политуправление Рабоче-крестьянской Красной армии [Pinnow, 2010].

Несмотря на наличие расхождений между авторами по отдельным вопросам, можно утверждать, что в современной историографии сложилось довольно целостное представление о проблеме самоубийств в Советской России 1920-х годов. Так, было убедительно доказано, что на протяжении нэпа наблюдался последовательный и быстрый рост случаев добровольного ухода из жизни среди разных категорий населения, включая коммунистов и военнослужащих. Многочисленные причины самоубийств исследователи условно разделили на общечеловеческие (бытовые) и идеологические (расхождение большевистской идеологии с повседневной практикой). И первые, и вторые плохо вписывались в концепцию построения счастливого социалистического общества. Кроме того, факт самоубийства расценивался как проявление свободного выбора человеком собственной судьбы, что было категорически неприемлемо для Советской власти. Поэтому на протяжении 1920-х годов партийные и советские органы не просто собирали информацию о суицидах, но и пытались бороться с этим явлением, главным образом путем его публичного осуждения.

Более противоречива позиция исследователей по отношению к проблеме самоубийств в 1930-е годы. Соглашаясь с тем, что к началу нового десятилетия самоубийства стали рассматриваться как патология, аномалия, не характерная для социалистического общества, авторы акцентировали внимание на разных методах борьбы с этим явлением. В. С. Тяжельникова, например, полагала, что внедрение с конца 1920-х годов различных форм «спецобслуживания» для партийной номенклатуры было не чем иным, как попыткой минимизировать бытовые причины самоубийств среди коммунистов [Тяжельникова, 2011, с. 171]. Н. Б. Лебина неоднократно утверждала, что с начала 1930-х годов властные и идеологические структуры стали намеренно замалчивать сведения о суицидах, а в тех случаях, когда это не удавалось, возлагали вину за произошедшее на самого самоубийцу, выставляя его девиантом, социальное происхождение или идейные воззрения которого чужды советскому обществу [Лебина, 1994, с. 36; Лебина, 2015, с. 372—376]. Близка к этому точка зрения К. М. Пинноу, который пришел к выводу, что в 1930-е годы ответственность за самоубийства оказалась в принципе снята с общества и переложена на отдельного человека [Pinnow, 2010, с. 231—252].

Признавая существенный вклад предшественников в изучение проблемы самоубийств в Советской России, необходимо констатировать, что большинство упомянутых исследований выполнено преимущественно в территориальных рамках РСФСР / СССР. По всей видимости, единственной к настоящему времени попыткой проанализировать динамику суицидов в масштабе одной отдельно взятой области является совместная статья М. И. Мирошниченко и В. А. Журавлевой, посвященная самоубийствам на Урале в 1920-е годы [Мирошниченко, 2021]. Однако выявленный авторами статистический материал введен в научный оборот без сравнения с всероссийскими / всесоюзными показателями, а итоговые выводы носят исключительно формальный характер. Это значит, что вопрос о региональной специфике данного явления по-прежнему открыт.

Ответить на него попробуем в настоящей статье, посвященной проблеме самоубийств двух наиболее крупных административно-территориальных единицах РСФСР: Сибирском (1925—1930) и Западно-Сибирском (1930—1937) краях. Такой выбор территориальных и хронологических рамок исследования обусловлен стремлением глубже понять адаптивные возможности и психологическое состояние населения названных территорий, а также выяснить насколько отношение краевого партийно-советского руководства к проблеме самоубийств соответствовало установкам, задававшимся на вершине советскойластной пирамиды.

Решение поставленных задач заметно осложняется состоянием источниковой базы. Наиболее информативные документы — анкеты, составлявшиеся в 1922—1929 годах на каждого отдельного самоубийцу, — направлялись в Москву. Отдел моральной статистики ЦСУ анализировал их в обобщенном виде, после чего публиковал сведения по СССР и входившим в него республикам без выделения более мелких административно-территориальных единиц. Учитывая, что исходные анкеты в настоящее время считаются утраченными, исследователи, по сути, оказались лишены возможности анализировать самоубийства в отдельных краях и областях РСФСР по целому ряду традиционных для этой темы параметров: социальный состав, уровень образования и семейное положение самоубийц, время, способ и мотивы совершения суицида.

Поэтому настоящее исследование в значительной мере основано на комплексном анализе разнородной информации. Она извлечена из хранящихся в Государственном архиве Новосибирской области фондов Сибирского и Западно-Сибирского краевых комитетов ВКП(б) (П-2 и П-3), Сибирской краевой контрольной комиссии ВКП(б) (П-6), Сибирского краевого исполкома Советов (Р-47) и Западно-Сибирского краевого комитета ВЛКСМ (П-189), а также из окружной, губернской и краевой периодической печати.

Например, в результате изучения документов органов партийного контроля и годовых подшивок трех сибирских газет — «Советская Сибирь» (Новосибирск), «Власть труда» (Иркутск) и «Красное знамя» (Томск) — удалось идентифицировать 79 из 526 сибиряков, скончавшихся в результате суицида в 1926 году. Одновременно были установлены еще 24 попытки добровольного ухода из жизни (16 человек были доставлены в больницы и восемь выжили), благодаря чему стало возможным составить представление о масштабах и характере не только завершенных, но и незавершенных самоубийств.

Выявленные в ходе исследования газетные публикации, материалы специальных комиссий по расследованию фактов самоубийства, доклады о состоянии тех или иных парторганизаций, протоколы заседаний партийных, советских и комсомольских органов, принятые по итогам этих заседаний постановления, делопроизводственная (в том числе секретная) переписка и другие источники не являются исчерпывающими, однако в целом позволяют ответить на поставленные вопросы или, в отдельных случаях, выдвинуть гипотезы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Самоубийства в Сибирском крае в 1925—1926 годах: количественные и качественные характеристики

Сибирский край был образован на основании постановления Президиума ВЦИК от 25 мая 1925 года. К концу года в результате административно-территориальной реформы в его состав входили Ачинский, Барабинский, Барнаульский, Бийский, Каменский, Канский, Красноярский, Кузнецкий, Минусинский, Новониколаевский, Омский, Рубцовский, Славгородский, Тарский, Томский и Хакасский округа, Иркутская губерния и Ойротская автономная область.

В 1925 году на указанной территории проживало около 8,1 млн человек. К 1926 году численность населения Сибирского края почти достигла 8,5 млн. Из них ежегодно умирало около 218 тыс. человек (табл. 1).

На этом фоне количество завершенных (то есть окончившихся смертью) самоубийств выглядит незначительным. Однако изучение статистических сведений в динамике свидетельствует о быстром росте не только абсолютного числа, но и уровня самоубийств, под которым в настоящей статье подразумевается количество суицидов на 100 тыс. населения (табл. 1).

В масштабах РСФСР с 1925 по 1926 годы уровень самоубийств вырос с 6,3 до 6,4 [Гилинский, 213, с. 410]. Противоположную динамику ЦСУ фиксировало по Советскому Союзу в целом, оговариваясь, однако, что понижение уровня самоубийств в СССР с 8,6 в 1925 году до 7,8 в 1926 году могло быть следствием неточности данных [Самоубийства в СССР..., 1929,

Таблица 1

Смертность населения Сибири в результате суицида, 1925—1926 годы*

Mortality of the Siberian population due to suicide in 1925—1926

	Численность населения, чел.	Количество умерших, чел.		Уровень самоубийств (количество смертей на 100 тыс. населения)	Доля самоубийств от общего числа смертей, %
		всего	из них в результате суицида		
1925	8 089 379	218 101	416	5,1	0,19
1926	8 485 923	218 649	526	6,2	0,24

* Составлено по: [Естественное движение населения..., 1930, с. 36—40, 52].

с. 9]. Так или иначе в Сибирском крае в середине 1920-х годов уровень смертности в результате суицида, несмотря на наметившуюся тенденцию к его повышению, был ниже всероссийских и всесоюзных показателей.

Объяснение этой особенности, по всей видимости, следует искать в уровне урбанизации. Так, М. Н. Гернет утверждал, что города (не только в СССР, но и в других странах) «всегда служат значительно чаще местом совершения самоубийств, нежели сельские местности» [Самоубийства в СССР..., 1929, с. 11]. Главная причина, вероятно, крылась в том, что городское общество, как правило, значительно более атомизировано, а одиночество, по утверждению социологов, является одной из важных предпосылок суицида. В сельской местности, напротив, имел место сдерживающий фактор: традиционный уклад, основанный на многовековой христианской традиции. Несмотря на антирелигиозную пропаганду, к середине 1920-х годов значительная часть крестьян всё еще относилась к самоубийству как к тяжкому греху.

В Сибирском крае в 1926 году на 100 тыс. городского населения приходилось 22,9 самоубийств, что почти в шесть раз превышало аналогичный показатель по сельской местности (табл. 2). Однако столь высокий уровень самоубийств нивелировался малочисленностью городов и городских поселков, в которых проживало в общей сложности только 11,8 % жителей Сибирского края.

По-разному самоубийства распределялись также среди различных половозрастных групп. В 1926 году в Сибирском крае покончили с собой в общей сложности 366 мужчин и 160 женщин [Естественное движение населения..., 1930, с. 22]. То есть «мужские» самоубийства происходили в 2,3 раза чаще «женских». Такое же соотношение наблюдалось в масштабах РСФСР и СССР [Самоубийства в СССР..., 1929, с. 8].

Таблица 2

Уровень самоубийств в городах и селах Сибирского края, 1926 год*

The suicide rate in cities and villages of the Siberian Krai in 1926

	Численность населения, чел.	Количество завершенных самоубийств, шт.	Уровень самоубийств
В городах	1 005 476	229	22,9
В сельской местности	7 480 447	297	4,0

* Составлено по: [Естественное движение населения..., 1930, с. 22, 36, 40].

Заведующий Центральной судебно-медицинской лабораторией Наркомздрава РСФСР Я. Л. Лейбович утверждал, что до Мировой войны в России мужчины прибегали к самоубийствам в четыре раза чаще женщин [Лейбович, 1923, с. 5]. Сокращение разрыва между «мужскими» и «женскими» самоубийствами Я. Л. Лейбович связывал с Октябрьской революцией 1917 года, объясняя его расширением прав женщин и в том числе более активным вовлечением их в общественно-политическую жизнь страны [Там же, с. 6].

Вероятно, по этой же причине представительницы женского пола в РСФСР чаще прибегали к самоубийствам в молодом и даже юном возрасте [Самоубийства в СССР..., 1929, с. 38]. Аналогичная закономерность прослеживается по неполным данным сибирских ЗАГСов (табл. 3).

Таблица 3

Половозрастной состав самоубийц Сибирского края, 1926 год*

Sex and age composition of suicides in the Siberian Krai in 1926

Возраст	В сельской местности				В городах			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
до 14	8	3,6	1	1,3	3	2,1	1	1,2
15—19	18	8,2	11	14,3	7	4,8	25	30,1
20—24	23	10,5	11	14,3	22	15,1	23	27,7
25—29	23	10,5	5	6,5	18	12,3	13	15,7
30—39	22	10,0	9	11,7	16	11,0	10	12,0
40—49	28	12,7	5	6,5	21	14,4	6	7,2
50—59	17	7,7	2	2,6	10	6,8	0	0,0
60 и старше	27	12,3	1	1,3	9	6,2	0	0,0
нет сведений	54	24,5	32	41,6	40	27,4	5	6,0
Итого:	220	100,0	77	100,0	146	100,0	83	100,0

* Составлено по: [Естественное движение населения..., 1930, с. 22].

Более противоречивым выглядит возрастной состав самоубийц-мужчин. В масштабах РСФСР чаще лишали себя жизни молодые люди в возрасте от 20 до 24 лет. Второе место и в городе, и в деревне, по данным ЦСУ, занимали мужчины, достигшие 30—39 лет [Самоубийства в СССР..., 1929, с. 38], тогда как в Сибири, по данным ЗАГСов, в том же 1926 году возраст самоубийц мужского пола заметно отличался в зависимости от места проживания (табл. 3). В городах, например, суициды были наиболее распространены среди мужчин в возрасте от 20 до 24 и затем — от 40 до 49 лет, а в сельской местности — от 40 до 49, а также от 60 лет и старше.

Среди жителей Сибирского края, покончивших с собой в декабре 1925 — декабре 1926 годов, были рабочие и крестьяне, учителя и ученики, врачи и пациенты, милиционеры и преступники, коммунисты и беспартийные. Пожалуй, наиболее статусными из них оказались член президиума Киренского уездного комитета ВКП(б) Н. В. Овсянников (подробнее см.: [Морозова, 2022]), председатель Боготольского райисполкома Советов А. И. Старостин [ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 33], бывший заведующий томской конторой отделения газеты «Советская Сибирь» А. Л. Кюменкер [Самоубийство ..., 1926] и «старейший работник просвещения Сибири» П. И. Макушин [П. И. Макушин ..., 1926]. Таким образом, самоубийцы вовсе не были «идейно чуждыми элементами», какими их порой пыталась представить советская пропаганда [Богданов, 2020, с. 189].

Почти половина всех самоубийств в РСФСР в 1926 году была совершена через повешение [Самоубийства в СССР..., 1929, с. 39], этот способ выбирали и мужчины, и женщины. Распространенность остальных способов имела гендерную специфику. Так, среди самоубийц-мужчин вторым по частоте было использование огнестрельного оружия. Право на его хранение и ношение к середине 1920-х годов официально имели военнослужащие, милиционеры, сотрудники органов ОГПУ, коммунисты и охотники. Представители других категорий населения зачастую владели оружием нелегально. На третьем месте, по статистике, оказалось отравление, затем по мере убывания — применение холодного оружия, утопление, намеренное попадание под транспорт и падение с высоты. Иначе выбирали способы самоубийства женщины. Второе место среди них в масштабах РСФСР занимало отравление различными веществами, третье — использование огнестрельного оружия, четвертое — утопление и только потом холодное оружие, попадание под транспорт и падение с высоты.

Сложнее ранжировать способы совершения самоубийств по частоте их использования в территориальных рамках Сибирского края. Отсутствие статистики самоубийств по способам их совершения в Сибири удалось ча-

стично компенсировать выборкой, составленной по материалам краевой контрольной комиссии ВКП(б) и трех сибирских газет (табл. 4).

Таблица 4

Попытки суицида в Сибирском крае по способу совершения, 1926 год*

Suicide attempts in the Siberian Krai by method of execution in 1926

	Завершенные (кол-во скончав- шихся)			С неизвестным исходом (кол-во попавших в больницу)			Неудачные (кол-во выжив- ших)			Всего попы- ток
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	
Повешение	15	8	23	1	1	2	2	0	2	27
Отравление	6	11	17	1	10	11	0	2	2	30
Использование огнестрельного оружия	13	3	16	1	1	2	0	0	0	18
Утопление	4	0	4	0	0	0	1	2	3	7
Использование холодного ору- жия	2	2	4	1	0	1	0	0	0	5
Попадание под транспорт	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1
Нет сведений	11	3	14	0	0	0	0	1	1	15
Итого:	52	27	79	4	12	16	3	5	8	103

* Составлено по: [ГАНО, ф. П-6, оп. 1, д. 248, 253; Власть труда, 1926, №№ 4, 11, 30, 32, 38, 45, 49, 72, 74, 77, 78, 81, 104, 127, 130, 133, 139, 141, 142, 150, 155, 162, 171, 176, 257, 265; Красное знамя, 1926, №№ 4, 10, 14, 17, 24, 28, 44, 45, 54, 61, 64, 74, 75, 96, 100, 111, 120, 146, 152, 168, 174, 175, 185, 186, 188, 205, 220, 247, 253, 258; Советская Сибирь, 1926, №№ 4, 6, 16, 36, 56, 61, 102, 112, 118, 128, 133, 135, 142, 143, 145, 176, 179, 207, 214, 242].

Анализ выявленных сведений позволяет предположить, что большое число самоубийств через повешение во многом было связано с надежностью данного способа. Из 27 человек, пытавшихся покончить с собой таким образом, только двое были спасены и двое доставлены в больницу, причем один — в тяжелом состоянии (табл. 4).

Еще чаще желающие свести счеты с жизнью прибегали к отравлениям различными веществами: от обычной уксусной эссенции, широко применявшейся для консервирования продуктов и потому имевшейся почти в каждом доме, до стрихнина, цианистого калия и прочих ядов. Однако почти половине отравившихся была оказана медицинская помощь, что заметно снижало число завершенных самоубийств, осуществленных таким способом (табл. 4).

Приведенные цифры также свидетельствуют, что в Сибири, как в РСФСР, отравления были более распространены среди женщин, применение огнестрельного оружия — среди мужчин. Региональной особенностью можно считать отсутствие случаев падения с высоты: объективной причиной этого служила малоэтажная застройка большинства сибирских городов.

Серьезную проблему для исследователей представляет выяснение мотивов самоубийств: в одних случаях они не были установлены следствием, в других — намеренно скрывались, что негативно отразилось на состоянии источниковой базы. Так, отдел моральной статистики ЦСУ, проанализировав анкеты, содержащие информацию о 6410 самоубийствах, совершенных в 1926 году в СССР (без учета Грузии и Украинской ССР), обнародовал информацию о мотивах только 1796 из них, что составило всего 28 % [Самоубийства в СССР ..., 1929, с. 41]. Перечень включал «душевные и нервные расстройства и болезни» (8,2 %), «физические болезни и страдания» (4,2 %), «семейные неприятности» (3,4 %), «отвращение к жизни, разочарование в ней» (2,8 %), «любовь и ревность» (2,7 %), «материальные лишения» (2,6 %), «раскаяние, стыд, боязнь наказания» (2,0 %), «горе и обиды» (1,8 %) и «изменение материального положения» (0,3 %). Тем самым официальная статистика объясняла суициды прежде всего морально-психологическим и физиологическим состоянием самоубийц, реже — социально-экономическими проблемами. Вероятность добровольного ухода из жизни в результате политической дезадаптации (недовольства действующим политическим режимом, несогласия с политикой партии и государства и т. п.) по понятым причинам не допускалась.

Сведения по Сибири также отличаются неполнотой и субъективизмом. Выявленные источники содержат информацию о мотивах совершения только 25 из 79 совершенных самоубийств (31,7 %). В их числе — ревность (8,9 %), семейные или личные неурядицы (7,6 %), обвинение в растрате или мошенничестве (5,1 %), болезнь (3,8 %), психическое расстройство (2,5 %) и систематическое пьянство (1,3 %). Публикация такого рода сведений в периодической печати, по всей видимости, должна была подтолкнуть читателя к мысли, что самоубийство — поступок, как минимум, неуравновешенного или нездорового человека, как максимум — преступника.

Однако по меньшей мере два из 79 случаев (2,5 %) выделяются из общего ряда. Первый из них — самоубийство некого Новикова, совершенное в Новониколаевске 20 января 1926 года. Процитированная «Советской Сибирию» предсмертная записка гласила: «Ввиду нового быта (жена не пускает), на выборном собрании присутствовать не мог и, считая это за позор, решил умереть» [Серп ..., 1926]. Второй случай произошел в Хакасском округе 19 апреля 1926 года, когда покончил с собой учитель шко-

лы второй ступени, коммунист с 1919 года И. А. Яковлев. Партиколлегия Сибирской краевой контрольной комиссии впоследствии установила, что причинами суицида стали «перегруженность» И. А. Яковлева работой, «чрезмерная требовательность» к нему со стороны районного комитета партии, «отсутствие товарищеской поддержки со стороны самого райкома, а также отдельных членов ВКП(б)» [ГАНО, ф. П-6, оп. 1, д. 253, л. 474—475]. Еще до заключения партиколлегии Хакасский окружком партии пришел к аналогичным выводам и снял с работы секретаря райкома и нескольких сотрудников его аппарата.

Приведенные факты дают основания полагать, что за «семейными и личными неурядицами» порой скрывалась неспособность человека адаптироваться к текущим общественно-политическим реалиям. Еще важнее, что это осознавало партийно-советское руководство разных уровней, контролировавшее работу по выявлению и наказанию тех, кто своим действием или бездействием способствовал суициду.

3.2. Борьба с самоубийствами и ее влияние на динамику суицидов в Сибирском kraе в 1927—1930 годах

Начиная с 1922 года в Советской России существовала уголовная ответственность за «содействие или подговор к самоубийству» несовершеннолетних или лиц, неспособных «понимать свойства или значение... совершающего или руководить своими поступками» [Уголовный кодекс..., 1922, с. 20]. Наказание по этой статье предполагало лишение свободы на срок до трех лет. Однако в силу узости формулировок применялась она крайне редко. Например, в 1926 году за содействие и подговор к самоубийству в РСФСР были осуждены всего 11 человек [Статистика осужденных..., 1930, с. 90].

С 1 января 1927 года вступил в силу новый Уголовный кодекс. В измененной редакции вышеупомянутая статья была не просто сохранена, но и существенно дополнена. Отныне уголовная ответственность вводилась также за «доведение... до самоубийства или покушения на него» не только несовершеннолетних и недееспособных граждан, но вообще любого человека, «находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица» [Уголовный кодекс..., 1926, с. 38]. Наказание по этой части статьи предполагало лишение свободы на срок до пяти лет.

Коммунисты, уличенные в доведении до самоубийства, подвергались в первую очередь партийным взысканиям. Наиболее серьезным являлось исключение из РКП(б)—ВКП(б), после чего могла наступить и уголовная ответственность.

Особое внимание партийно-советское руководство уделяло самоубийствам, совершенным непосредственно коммунистами. Секретарь парткол-

легии Центральной контрольной комиссии РКП(б) Е. М. Ярославский, выступая на пленуме ЦКК в октябре 1924 года, в качестве главной причины суицида членов РКП(б) назвал их «отрыв от партии». Полагая, что «кончают самоубийством люди усталые, ослабленные», Е. М. Ярославский предлагал, во-первых, «сурохо осудить факты самоубийства», во-вторых, добиться установления в коммунистической среде «внимательного отношения к живым товарищам, попавшим в трудное положение» [Ярославский, 1925, с. 23].

Свообразным способом профилактики суицидов среди населения являлось освещение отдельных случаев в периодической печати. Окружные, губернские и краевые газеты, публикуя краткие сообщения о добровольном уходе из жизни того или иного человека, наряду с его фамилией указывали зачастую способ, обстоятельства и даже адрес совершения самоубийства, лишая данный акт какой бы то ни было интимности. Неудачные покушения порой описывались с явной издевкой [Упорный самоубийца ..., 1927; Упрямый самоубийца ..., 1928]. Таким образом, самоубийства должны были стать предметом не только обсуждения и осуждения, но и насмешки.

Однако усилия властей по борьбе с самоубийствами не давали заметного эффекта. 23 июля 1927 года «Советская Сибирь» сообщала, что в Новосибирске «каждодневно в скорую помощь привозят одного или двух человек, покушавшихся на свою жизнь» [Самоубийства ..., 1927, 23 июля]. Официальная статистика, обнародованная Сибирским краевым плановым управлением в начале 1930 года, свидетельствует о быстром росте не только абсолютного числа, но и уровня самоубийств (табл. 5).

Таблица 5

Смертность населения Сибири в результате суицида, 1927—1929 годы*

Mortality of the Siberian population due to suicide in 1927—1929

	Численность населения, чел.	Количество умерших, чел.		Уровень самоубийств (количество на 100 тыс. населения)	Доля самоубийств от общего числа смертей, %
		всего	из них покончили самоубийством		
1927	8 879 354	217 121	598	6,7	0,28
1928	9 260 603	210 414 **	660	7,1	0,32
1929	9 694 471	213 278 **	346 ***	н/д	н/д

* Составлено по: [Сибирский край..., 1930, с. 16—17, 802].

** Рассчитано на основе сведений о количестве умерших на 1000 жителей.

*** Данные за первое полугодие 1929 года.

Из 598 человек, покончивших с собой в 1927 году, 428 были мужчинами (71,6 %) и 170 женщинами (28,4 %). В последующие полтора года это соотношение изменилось в сторону увеличения доли «женских» суицидов: 214 случаев, или 32,4 % — в 1928 году и 115 случаев, или 33,2 % — в первой половине 1929 года [Сибирский край..., 1930, с. 802].

Следуя логике Я. Л. Лейбовича, данную тенденцию уместно объяснить дальнейшей эмансипацией женщин в СССР, а точнее — массовым нарушением тех прав, которые женщины стали считать своими. В декабре 1927 года, например, «Советская Сибирь» сообщала, что из-за отсутствия общежития при Томском медицинском техникуме его «стипендиаткам приходится ютиться в невозможных условиях на частных квартирах, где квартирохозяйки из многих сделали домашних работниц, эксплуатируя студентов за сданные на “льготных условиях” углы». По сведениям томского корреспондента, как минимум одна студентка на этой почве покончила с собой [Тяжелое материальное положение ..., 1927]. Тремя неделями спустя в Новосибирске к одному году и двум месяцам лишения свободы был приговорен милиционер ведомственной милиции И. Гилев, осужденный за доведение до самоубийства своей жены [Довел до петли, 1927].

Рост уровня самоубийств в целом, несомненно, являлся признаком нараставшей социальной и политической дезадаптации среди самых разных когорт, категорий и слоев населения. Наиболее неожиданными в 1927—1928 годах стали самоубийства пожилого крестьянина И. И. Заверткина, лично знакомого с В. И. Лениным со времен шушенской ссылки вождя [Смерть Заверткина, 1927], и директора мыловаренного завода Сибирского краевого союза кооперации П. М. Жаркова [Исаев, 2007].

Самоубийства в принципе и особенно самоубийства лиц, считавшихся опорой действующего режима, дискредитировали советский строй. Возможно, именно поэтому после ликвидации ЦСУ в начале 1930 года и передачи основных его функций экономико-статистическому сектору Госплана СССР централизованный учет суицидов фактически был прекращен. С тех пор требование заполнять анкеты на каждого самоубийцу оставалось обязательным только для лечебных заведений [Справочник ..., 1931, с. 239—240]. Оттуда анкеты направлялись в Народный комиссариат здравоохранения, где они анализировалась преимущественно с медицинской точки зрения. В результате начиная с середины 1929 года установить динамику и определить уровень самоубийств в Сибири не представляется возможным.

Вместе с тем анализ косвенных источников позволяет утверждать, что на рубеже 1929—1930 годов сибиряки нередко сводили счеты с жизнью не только по семейно-бытовым и социально-экономическим, но и по общественно-политическим причинам. Важным триггером для этого послужи-

ли две масштабные чистки: советских учреждений и партийных рядов. Связь суицидов с этими кампаниями редко выносилась на страницы периодической печати, но с особой тщательностью изучалась органами партийного и советского контроля (см., например: [ГАНО, ф. П-2, оп. 4, д. 35, л. 52—53, 90—91]).

3.3. Самоубийства в Западно-Сибирском крае (август 1930 — сентябрь 1937)

Летом 1930 года Сибирь подверглась очередной административно-территориальной реформе. В соответствии с постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 года из 13 округов Сибирского края и входившей в его состав Ойротской автономной области был образован Западно-Сибирский край. Следующим шагом стала ликвидация округов и установление прямой связи краевого партийно-советского руководства со 172 районами, в которых проживало в общей сложности около 8,1 млн человек.

Реформирование административно-территориального устройства Сибири хронологически совпало с изменением подхода Советской власти к проблеме самоубийств. Не добившись успехов в борьбе с суицидом как таковым, партийно-советское руководство разных уровней стало искать пути минимизации связанного с этим явлением идеологического ущерба.

На протяжении 1931—1932 годов «Советская Сибирь» изобиловала сообщениями об «эпидемии самоубийств» в Германии, Польше, США, Франции и Японии. Причинами суициdalного поведения граждан за рубежом газета называла массовую безработицу, голод и нужду.

В то же время периодическая печать перешла к тактике замалчивания фактов добровольного ухода из жизни советских граждан. Как справедливо полагают Н. Б. Лебина и К. М. Пиннуо, в 1930-е годы самоубийства в РСФСР стали рассматриваться как не свойственная советскому строю аномалия. Поддерживать данную версию было возможно только путем скрытия информации о массовости этого явления.

В реальности же число и уровень самоубийств в РСФСР в целом и в Западно-Сибирском крае в частности, по всей вероятности, продолжали расти. В условиях отсутствия статистических сведений основанием для такого утверждения служат источники, свидетельствующие о повышенном внимании к проблеме самоубийств со стороны партийных, советских и правоохранительных органов. Если за всю вторую половину 1920-х годов бюро краевого партийного комитета касалось проблемы самоубийств только дважды, то к середине 1930-х годов обсуждение таких вопросов приобрело относительно регулярный характер.

Еще одним подтверждением гипотезы о заметном росте числа и уровня самоубийств в Сибири является докладная записка, под грифом «совершен-

но секретно» поступившая в Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б) в марте 1935 года. Из нее следовало, что только в одном Барабинском (с марта 1935 года — Куйбышевском) районе за 1934 — начало 1935 года покончил с собой 31 человек: пять колхозников, пять служащих различных учреждений, четыре ответственных работника, три студента, три крестьянина-единоличника, три пенсионера, инженер, кустарь, рабочий, учительница и четверо неизвестных [ГАНО, ф. П-3, оп. 1, д. 645, л. 109—110]. Приведенный перечень убедительно свидетельствует, что едва ли ни большей проблемой, чем рост численности самоубийств, являлся социальный состав сводивших счеты с жизнью.

Пожалуй, одним из наиболее резонансных стало произошедшее 4 октября 1934 года самоубийство директора сельскохозяйственного предприятия Кемеровского комбинатстроя Т. К. Войтенко — коммуниста с 1918 года, кандидата в члены Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). Непорядарности этому случаю добавляло то, что Т. К. Войтенко застрелился в своем рабочем кабинете по сути во время допроса по факту срыва уборочной компании: в тот момент, когда следователь оставила его без присмотра. В секретной докладной записке, пять дней спустя направленной краевым прокурором И. И. Барковым председателю Западно-Сибирского крайисполкома Советов Ф. П. Грядинскому, главной причиной самоубийства было объявлено «нежелание [подозреваемого] предстать перед судом» [ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 192, л. 147].

Опасения Т. К. Войтенко были более чем обоснованы. Осенью 1934 года по делам, связанным с хлебоуборочной или хлебозаготовительной кампаниями, на судами Западно-Сибирского края наряду с крестьянами-единоличниками были осуждены также 160 рабочих совхозов и машинотракторных станций, 1048 колхозников и 1900 должностных лиц. В числе последних — председатели колхозов, совхозов и сельсоветов, «за невыполнение плана зернопоставки» снятые со своих постов, исключенные из партии и приговоренные, нередко в ходе показательных процессов, к лишению свободы на сроки от полутора до пяти лет [ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 192, л. 122—125, 178].

На этом фоне в течение 1935 года совершили начальник политотдела 164-го мясомолочного совхоза Жирков [ГАНО, ф. П-3, оп. 1, д. 629, л. 5, 61], председатель колхоза «Прогресс» Купинского района, делегат второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников П. И. Воеводин [Там же, л. 2, 68—71], председатель колхоза «Верный путь» Маслянинского района, коммунист с 1932 года Н. И. Панов [ГАНО, ф. П-3, оп. 1, д. 678, л. 176], ударница-долярка 230-го совхоза Солонешенского района, член ВЛКСМ с 1934 года Е. А. Крючкова [ГАНО, ф. П-189, оп. 1, д. 801, л. 27—28].

Иначе говоря, пока советская пропаганда пыталась утвердить в обществе представление о суициде как о важнейшем признаке кризиса капитализма, внутри РСФСР, в том числе в Западной Сибири, всё чаще сводили счёты с жизнью именно те, кого считали непосредственными строителями социализма.

Краевое партийно-советское руководство, по всей видимости, не только осознавало данное противоречие, но искренне стремилось его разрешить. Докладные записки и спецсообщения краевого прокурора, протоколы заседаний и постановления бюро Запсибкрайкома ВКП(б), а также обвинительные заключения за 1933—1937 годы убедительно опровергают сложившееся в историографии представление о том, что ответственность за суицид возлагалась исключительно на самих самоубийц.

Стремясь остановить волну суицида в колхозах и совхозах, партийные и государственные органы вели работу по установлению обстоятельств произошедшего и поиску виновных. Так, ответственными за самоубийство П. И. Воеводина бюро Запсибкрайкома ВКП(б) признало секретаря Купинского райкома ВКП(б) Ленкова и председателя одноименного райисполкома Советов Шипицына. «За полную потерю классовой бдительности, преступное администрирование в руководстве колхозами, за травлю и шельмование» П.И. Воеводина оба были сняты с работы и исключены из ВКП(б). Членам бюро райкома за «полную бездеятельность» и «непринятие мер против травли тов. Воеводина» в соответствии с постановлением бюро Запсибкрайкома от 31 мая 1935 года был объявлен выговор [ГАНО, ф. П-3, оп. 1, д. 629, л. 70].

Несколько дней спустя, 2 июня, в «Советской Сибири» вышла заметка, в которой «купинские руководители» обвинялись в «нечуткости к живому человеку» и доведении до самоубийства «лучшего борца за колхозное дело». 18 июня в той же газете были опубликованы передовая статья «Уроки купинского дела» и полный текст вышеупомянутого постановления. Тем самым самоубийство П. И. Воеводина было предано огласке, а наказание виновных носило максимально демонстративный характер.

Довольно быстро логика Запсибкрайкома ВКП(б) была усвоена на местах. В декабре 1935 года, например, анализируя самоубийство доярки Е. А. Крючковой, сначала бюро Солонешенского райкома, а затем помощник начальника политотдела по комсомолу совхоза № 230 В. Шанаев пришли к выводу, что гибель Е. А. Крючковой являлась ничем иным, как «результатом политической близорукости комсомольской организации» [ГАНО, ф. П-189, оп. 1, д. 801, л. 27].

Добровольный уход из жизни комсомольцев и/или студентов беспокоило партийное руководство разных уровней едва ли не больше, чем само-

убийства председателей колхозов. Между тем в Западно-Сибирском крае в середине 1930-х годов такие случаи были далеко не единичными.

В феврале 1934 года в Коммунаровском золотодобывающем районе застрелился член ВЛКСМ, преподаватель истории и обществознания фабрично-заводской девятилетней школы В. С. Ляпунов, сознательно отравились цианатом натрия молодые комсомолки, работницы Балахтинской амальгационной фабрики Афиногенова и Фарина [ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 192, л. 2—3]. В феврале 1935 года покончила с собой студентка зоовет-техникума Асафова, в апреле того же года — студент Куйбышевского педагогического техникума Рыбаков, в марте — апреле 1936 года — студентка фармацевтического техникума в г. Томске О. Веникова и ученик Троицкой средней школы Н. Смирнов — оба кандидаты в члены ВЛКСМ [ГАНО, ф. П-3, оп. 1, д. 645, л. 97—98; П-189, оп. 1, д. 801, л. 1—12, 22—24].

Партийное и комсомольское руководство, указывая в ряде случаев на незрелость и неустойчивость юных самоубийц, зачастую вменяло произошедшее в вину педагогическому составу образовательного учреждения, не сумевшему обеспечить должное воспитание и тем самым предотвратить трагедию. Реже ответственность возлагалась на руководителей комсомольских организаций или родителей, не проявивших должного участия или, напротив, оказывавших на юношей и девушек избыточное давление.

4. Заключение = Conclusions

Самоубийства, то и дело случающиеся в любом обществе, к середине 1920-х годов стали почти неотъемлемой частью советской повседневности. Мужчины и женщины, взрослые и дети, рабочие и крестьяне, коммунисты и беспартийные, оказавшись в отчаянном положении, нередко сводили счёты с жизнью. Не менее 15 % всех завершенных самоубийств, произошедших в Сибири в 1926 году, освещались в периодической печати, информация об остальных циркулировала в обществе в виде слухов и пересудов.

Суициdalному поведению сибиряков способствовали личные и семейные неурядицы, тяжелое материально-бытовое положение, их социальная и политическая дезадаптация. Влияние названных факторов усиливалось по мере свертывания нэпа, начала ускоренной индустриализации страны, массовой коллективизации сельского хозяйства и усиления репрессивной политики в целом.

За время существования Сибирского края число ежегодно совершаемых самоубийств выросло не менее чем в полтора раза. Однако по сравнению с РСФСР уровень самоубийств в Сибири выглядел относительно невысоким. Причины этого, по всей видимости, крылись в составе и менталитете населения. От 80 до 90 % жителей Сибирского края составляли крестьяне,

большинство — беспартийные, не успевшие полностью порвать с традиционным укладом жизни, основанным на христианских ценностях и нормах.

Возможно, поэтому с 1925 по 1928 годы доля самоубийств в структуре смертности населения Сибири с 0,19 выросла только до 0,32 %. Для сравнения — процент умерших в результате несчастного случая, убийства или иных внешних факторов за тот же промежуток времени увеличился приблизительно с 1,2 до 1,9 % [Естественное движение..., 1930, с. 49]. Основной причиной смерти сибиряков на всем протяжении исследуемого периода являлись различные хронические и заразные заболевания. Таким образом, самоубийства не оказывали существенного влияния на демографические параметры населения Сибири.

Пристальное внимание к суицидам со стороны Советской власти было вызвано не столько опасениями за здоровье общества, сколько заботой о собственной репутации. Самоубийства учеников и учителей, ударников и инженеров, председателей колхозов и совхозов, ответственных работников и рядовых членов ВКП(б) подрывали доверие общества к советской политической системе. Поэтому на протяжении 1930—1937 годов партийные и государственные органы прикладывали почти равные усилия к тому, чтобы, с одной стороны, снизить реальный уровень самоубийств, а с другой — утвердить представление о практически полном искоренении этого явления в СССР.

Отсутствие данных моральной статистики за 1930-е годы не позволяет в должной мере оценить успехи высшего и краевого политического руководства в решении первой задачи. Протоколы и постановления бюро Запсибкрайкома ВКП(б) свидетельствуют, что новые самоубийства совершились, а их расследования продолжались как минимум до 1937 года, когда Западная Сибирь была разделена на Новосибирскую область и Алтайский край.

Гораздо больших успехов партийные и советские органы достигли на идеологическом поприще. После принятия VIII Всесоюзным чрезвычайным съездом Советов в декабре 1936 года новой Конституции, объявившей о построении социализма СССР, советские газеты перестали упоминать о случаях добровольного ухода из жизни. В первый день 1937 года «Советская Сибирь» презентовала читателям обновленную социально-политическую реальность, не вмешавшую в себя даже теоретическую возможность суицида: «В стране, над которой реет победное знамя великой Сталинской Конституции, люди заранее знают, что их завтрашний день будет еще прекраснее вчерашнего».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.
--

Источники и принятые сокращения

1. Власть труда (Иркутск) : [газета]. — 1926. — №№ 4, 11, 30, 32, 38, 45, 49, 72, 74, 77, 78, 81, 104, 127, 130, 133, 139, 141, 142, 150, 155, 162, 171, 176, 257, 265.
2. ГАНО — Государственный архив Новосибирской области, Ф. П-2 (Сибирский краевой комитет ВКП(б)), Оп. 4, Д. 35 ; Ф. П-3 (Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б)), Оп. 1, Д. 629, 645, 678 ; Ф. П-6 (Сибирская краевая контрольная комиссия ВКП(б)), Оп. 1, Д. 248, 253 ; Ф. П-189 (Западно-Сибирский краевой комитет ВЛКСМ), Оп. 1, Д. 801 ; ГАНО, Ф. Р-47 (Сибирский краевой исполком Советов), Оп. 5, Д. 33, 192.
3. Гернет М. Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств) : пособие для статистиков и криминалистов / М. Н. Гернет. — Москва : Центр. стат. упр., 1922. — 269 с.
4. Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после неё / М. Н. Гернет. — Москва : ЦСУ, 1927. — 270 с.
5. Довел до петли // Советская Сибирь (Новосибирск) : [газета]. — 1927. — № 296. — С. 3.
6. Естественное движение населения в Сибкрае за 1925—1927 гг. — Новосибирск : Сибкрайлито, 1930. — 95 с.
7. Красное знамя (Томск) : [газета]. — 1926. — №№ 4, 10, 14, 17, 24, 28, 44, 45, 54, 61, 64, 74, 75, 96, 100, 111, 120, 146, 152, 168, 174, 175, 185, 186, 188, 205, 220, 247, 253, 258.
8. Лейбович Я. 1000 современных самоубийств (социологический очерк) / Я. Лейбович. — Москва : Главлит, 1923. — 20 с.
9. П. И. Макушин // Советская Сибирь : [газета]. — 1926. — № 128. — С. 1.
10. Самоубийства // Советская Сибирь : [газета]. — 1927. — № 166. — С. 4.
11. Самоубийства в СССР. 1922—1925. Труды ЦСУ СССР. Отдел моральной статистики. — Москва : [б. и.], 1927. — 77 с.
12. Самоубийства в СССР в 1925—1926. ЦСУ. Сектор социальной статистики. — Москва : [б. и.], 1929. — 57 с.
13. Самоубийство // Красное знамя : [газета]. — 1926. — № 120. — С. 4.
14. Серп. Приняты меры (к сведению всех избирателей) // Советская Сибирь : [газета]. — 1926. — № 16. — С. 9.
15. Сибирский край : статистический справочник. — Новосибирск : [б. и.], 1930. — 805 с.
16. Смерть Заверткина // Советская Сибирь : [газета]. — 1927. — № 40. — С. 2.
17. Советская Сибирь : [газета]. — 1926. — №№ 4, 6, 16, 36, 56, 61, 102, 112, 118, 128, 133, 135, 142, 143, 145, 176, 179, 207, 214, 242.
18. Справочник по судебно-медицинской экспертизе для врачей, работников расследования и судей / сост. проф. Я. Л. Лейбович. — Москва : Государственное медицинское издательство, 1931. — 272 с.
19. Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926 и 1927 гг. — Москва : [б. и.], 1930. — 256 с.
20. Тяжелое материальное положение медтехникума // Советская Сибирь : [газета]. — 1927. — № 279. — С. 3.
21. Уголовный кодекс РСФСР. — Омск : Издание Омского Губернского Отдела Юстиции, 1922. — 30 с.
22. Уголовный Кодекс РСФСР редакции 1926 года. — Москва : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. — 78 с.
23. Упорный самоубийца // Советская Сибирь : [газета]. — 1927. — № 77. — С. 6.

24. Упрямый самоубийца // Советская Сибирь : [газета]. — 1928. — № 9. — С. 4.
25. Ярославский Ем. О партэтике : доклад тов. Ярославского на пленуме ЦКК, изд. 3-е. — Ленинград : Изд-во Кубуч, 1925. — 30 с.

Литература

1. Базанов М. А. Самоубийство Бориса Яковлевича Елькина : один из эпизодов борьбы с левой оппозицией в г. Челябинске (1927 г.) / М. А. Базанов // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2018. — № 2. — С. 46—63.
2. Богданов С. В. За фасадом нэповской России : преступность, алкоголизм, наркомания, проституция, самоубийства : монография / С. В. Богданов. — Москва : РУСАЙНС, 2020. — 274 с. — ISBN 9785466024654.
3. Василевский В. П. Суицид среди сотрудников советских спецслужб в 1920-е гг. (на примере Омского окружного отдела ОГПУ) / В. П. Василевский, А. В. Сушко // Вопросы истории. — 2016. — № 6. — С. 121—127.
4. Гилинский Я. Девиантология : социология преступности, наркотизма, простиции, самоубийств и других «отклонений» : монография / Я. Гилинский; 3-е издание, исправленное и дополненное. — Санкт-Петербург : Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013. — 634 с. — ISBN 978-5-905966-15-6.
5. Исаев В. И. Жизнь и смерть инженера Петра Михайловича Жаркова / В. И. Исаев // Личность в истории Сибири XVIII—XX веков : сборник биографических очерков. — Новосибирск : ИД Сова, 2007. — С. 235—248.
6. Лебина Н. Б. Советская повседневность : нормы и аномалии о военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. — Москва : НЛО, 2015. — 483 с. — ISBN 978-5-4448-1950-0.
7. Лебина Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20—30-х годов / Н. Б. Лебина // Вопросы истории. — 1994. — № 2. — С. 30—42.
8. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920—1930-е годы / Н. Б. Лебина. — Санкт-Петербург : Нева, 1999. — 320 с. — ISBN 5-87516-133-7.
9. Малышева С. Ю. «Лучше, когда это решено для всех» : индивидуальное и социальное в осмыслиении смерти в записках Л. Я. Гинзбург 1920—1940-х гг. / С. Ю. Малышева // Уральский исторический вестник. — 2020. — № 4 (69). — С. 127—135. — DOI: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-127-135.
10. Малышева С. Ю. «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий / С. Ю. Малышева // Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований : сборник научных трудов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 103—110. — ISBN 978-5-7996-2273-2.
11. Мирошниченко М. И. Историко-демографический анализ самоубийств на Урале в 1920-е годы / М. И. Мирошниченко, В. А. Журавлева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2021. — Т. 21. — № 4. — С. 22—29. — DOI 10.14529/ssh210403.
12. Морозова Т. И. «...До смерти хочется стать секретарем укома». Борьба за власть в Киренском уезде Иркутской губернии (сентябрь — декабрь 1925 года) / Т. И. Морозова // Исторический курьер. — 2022. — № 6 (26). — С. 39—54. — DOI: 10.31518/2618-9100.
13. Тяжельникова В. С. Самоубийства коммунистов в 1920-е гг. / С. В. Тяжельникова // Отечественная история. — 1998. — № 6. — С. 158—173.

14. Филиппов П. А. Профессор Гернет Михаил Николаевич : жизнь и научно-творческая деятельность / П. А. Филиппов. — Москва : ИКД Зерцало-М, 2015. — 88 с. — ISBN 978-5-94373-321-5.

15. Durkheim E. Le suicide : etude de sociologie / E. Durkheim. — Paris, 1897. — 462 p.

16. Pinnow K. M. Lost to the collective : suicide and the promise of Soviet socialism, 1921—1929 / K. M. Pinnow. — Ithaca ; London : Cornell univ. press, 2010. — XI, 276 p. — ISBN 978-0-8014-4766-2.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024,
одобрена после рецензирования 06.09.2024,
подготовлена к публикации 19.09.2024.

Material resources

Criminal Code of the RSFSR, edited in 1926. (1926). Moscow: Legal Publishing House of the NKYU RSFSR. 78 p. (In Russ.).

Criminal Code of the RSFSR. (1922). Omsk: Edition of the Omsk Provincial Department of Justice. 30 p. (In Russ.).

GANO — *State Archive of the Novosibirsk Region.* (In Russ.).

Gernet, M. N. (1927). *Crime and suicide during the war and after it.* Moscow: CSU. 270 p. (In Russ.).

Gernet, M. N. (1922). *Moral statistics (criminal statistics and suicide statistics): a handbook for statisticians and criminologists.* Moscow: The Center. stat. upr. 269 p. (In Russ.).

Death of Zavertkin. (1927). In: *Sovetskaya Sibir:* [newspaper], 40: 2. (In Russ.).

Difficult financial situation of the medical college. (1927). In: *Sovetskaya Sibir:* [newspaper], 279: 3. (In Russ.).

Dovvol do petli (1927). In: *Sovetskaya Sibir' (Novosibirsk)*, n. 296. (In Russ.).

Krasnoye znamya (Tomsk). (1926). №№ 4, 10, 14, 17, 24, 28, 44, 45, 54, 61, 64, 74, 75, 96, 100, 111, 120, 146, 152, 168, 174, 175, 185, 186, 188, 205, 220, 247, 253, 258. (In Russ.).

Leibovich, Ya. (1923). *1000 modern suicides (a sociological essay).* Moscow: Glavlit. 20 p. (In Russ.).

Leibovich, Ya. (ed.). (1931). *Handbook of forensic medical examination for doctors, investigative workers and judges.* Moscow: State Medical Publishing House. 272 p. (In Russ.).

Natural movement of the population in Sibkrai for 1925—1927. (1930). Novosibirsk: Sibkrailito. 95 p. (In Russ.).

P. I. Makuscin/ (1926). In: *Sovetskaya Sibir'*, n. 128, p. 1. (In Russ.).

Serp. Measures have been taken (for the attention of all voters). (1926). In: *Sovetskaya Sibir:* [newspaper], 16: 9. (In Russ.).

Siberian Region: a statistical reference book. (1930). Novosibirsk: [b. i]. 805 p. (In Russ.).

Sovetskaya Sibir'. (1926). №№ 4, 6, 16, 36, 56, 61, 102, 112, 118, 128, 133, 135, 142, 143, 145, 176, 179, 207, 214, 242. (In Russ.).

Statistics of convicts in the USSR in 1925, 1926 and 1927. (1930). Moscow: [b. i]. 256 p. (In Russ.).

Stubborn Suicide. (1927). In: *Sovetskaya Sibir:* [newspaper], 77: 6. (In Russ.).

Stubborn Suicide. (1928). In: *Sovetskaya Sibir:* [newspaper], 9: 4. (In Russ.).

Suicide. (1926). In: *Krasnoye Znamya:* [newspaper], 120: 4. (In Russ.).

- Suicides. (1927). In: *Sovetskaya Sibir*: [newspaper], 166: 4. (In Russ.).
Suicides in the USSR. 1922—1925. Proceedings of the Central Executive Committee of the USSR.
Department of Moral Statistics. (1927). Moscow: [b. i.]. 77 p. (In Russ.).
Suicides in the USSR in 1925—1926. CSU. The sector of social statistics. (1929). Moscow: [b. i.]. 57 p. (In Russ.).
Vlast' truda (Irkutsk). (1926). №№ 4, 11, 30, 32, 38, 45, 49, 72, 74, 77, 78, 81, 104, 127, 130, 133, 139, 141, 142, 150, 155, 162, 171, 176, 257, 265. (In Russ.).
Yaroslavsky Em. (1925). *On Party Ethics : Report of Comrade Yaroslavsky at the Plenum of the Central Control Commission.* Leningrad: Kubuch Publishing House. 30 p. (In Russ.).

References

- Bazanov, M. A. (2018). Suicide of Boris Yakovlevich Elkin: one of the episodes of the fight against the left opposition in Chelyabinsk (1927). *Magistra Vitae: electronic journal on historical sciences and archeology*, 2: 46-63. (In Russ.).
- Bogdanov, S. V. (2020). *Behind the facade of NEP Russia: crime, alcoholism, drug addiction, prostitution, suicide: monograph.* Moscow: RUSAINS. 274 p. ISBN 9785466024654. (In Russ.).
- Durkheim E. (1897). *Le suicide : etude de sociologie.* Paris. 462 p.
- Filippov, P. A. (2015). *Professor Gernet Mikhail Nikolaevich: life and scientific and creative activity.* Moscow: IKD Zertsalo-M. 88 p. ISBN 978-5-94373-321-5. (In Russ.).
- Gilinsky, Ya. (2013). *Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations": monograph.* St. Petersburg: Alef-Press Publishing House. 634 p. ISBN 978-5-905966-15-6. (In Russ.).
- Isaev, V. I. (2007). The life and death of engineer Pyotr Mikhailovich Zharkov. In: *Personality in the history of Siberia of the XVIII—XX centuries: a collection of biographical essays.* Novosibirsk: Sova Publishing House. 235—248. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (1999). *Daily life of the Soviet city. Norms and anomalies. 1920s—1930s.* St., Petersburg: Neva. 320 p. ISBN 5-87516-133-7. (In Russ.).
- Lebina N. B. (2015). *Soviet everyday life: norms and anomalies of war Communism to a great style.* Moscow: UFO. 483 p. ISBN 978-5-4448-1950-0. (In Russ.). (In Russ.).
- Lebina, N. B. (1994). The shadow sides of the life of the Soviet city of the 20—30s. *Questions of history*, 2: 30—42. (In Russ.).
- Malysheva, S. Yu. (2020). “It is better when it is decided for everyone”: the individual and the social in the understanding of death in the notes of L. Ya. Ginzburg of the 1920s—1940s. *Ural Historical Bulletin*, 4 (69): 127-135. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-127-135. (In Russ.).
- Malysheva, S. Yu. (2017). “The good death” in the obituary discourse of the first Soviet decades. In: *The Era of Socialist Reconstruction: ideas, myths and programs of social transformation: a collection of scientific papers.* Yekaterinburg: Publishing House of the Urals. un-ta. 103—110. ISBN 978-5-7996-2273-2. (In Russ.).
- Miroshnichenko, M. I., Zhuravleva, V. A. (2021). Historical and demographic analysis of suicides in the Urals in the 1920s. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*, 21 (4): 22-29. DOI: 10.14529/ssh210403. (In Russ.).
- Morozova, T. I. (2022). “... I am dying to become the secretary of the UKOM.” The struggle for power in the Kirensky district of the Irkutsk province (September — December 1925). *Historical Courier*, 6 (26): 39—54. DOI: 10.31518/2618-9100. (In Russ.).

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(7), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

- Pinnow, K. M. (2010). *Lost to the collective: suicide and the promise of Soviet socialism, 1921—1929*. Ithaca; London: Cornell univ. press. XI, 276 p. ISBN 978-0-8014-4766-2.
- Tyazhelnikova, V. S. (1998). Suicide of communists in the 1920s. *Russian history*, 6: 158—173. (In Russ.).
- Vasilevsky, V. P., Sushko, A. V. (2016). Suicide among employees of the Soviet special services in the 1920s (on the example of the Omsk district department of the OGPU). *Voprosy istorii*, 6: 121-127. (In Russ.).

*The article was submitted 30.06.2024;
approved after reviewing 06.09.2024;
accepted for publication 19.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Нестеров А. Г. Регионы Италии в контексте итальянско-китайских отношений в XXI веке / А. Г. Нестеров, Е. О. Муслимова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 471—485. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-471-485.

Nesterov, A. G., Muslimova, E. O. (2024). Regions of Italy in Context of Italian-Chinese Relations in 21st Century. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 471-485. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-471-485. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Регионы Италии в контексте итальянско-китайских отношений в XXI веке**Нестеров Александр Геннадьевич¹**

orcid.org/ 0000-0002-3349-6204
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой
зарубежного регионоведения,
корреспондирующий автор
alexander.nesterov@urfu.ru

Муслимова Екатерина Олеговна²

orcid.org/0000-0003-3866-450X
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных
отношений и регионоведения
e.o.muslimova@utmn.ru

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

² Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

Regions of Italy in Context of Italian-Chinese Relations in 21st Century**Alexander G. Nesterov¹**

orcid.org/0000-0002-3349-6204
Doctor of History,
Head of the Department
of Foreign Region Studies,
Corresponding author
alexander.nesterov@urfu.ru

Ekaterina O. Muslimova²

orcid.org/0000-0003-3866-450X
PhD in History, Associate Professor,
Department of International
Relations and Regional Studies
e.o.muslimova@utmn.ru

¹ Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

² University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о развитии трансрегиональных отношений регионов Италии с регионами Китая, включая специальные административные районы Гонконг и Макао. Уделяется внимание сопряжению центробежных и центростремительных тенденций в системе отношений «центр — регионы» Италии. Представлены результаты анализа нормативных основ международной и внешнеполитической деятельности территориальных сообществ Италии (на основе национальной Конституции и законодательства). Доказано, что итальянские регионы имеют очень ограниченные возможности для самостоятельной внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Это обусловлено итальянской конституцией, которая допускает сотрудничество на региональном уровне лишь в сферах экономики и культуры. Показано, что среди регионов Китая возможность самостоятельной внешней деятельности имеют только Гонконг и Макао. Выявлено, что существенную роль в развитии итальянско-китайских межрегиональных связей играют китайские мигранты в Италии, сохраняющие связь с исторической родиной. Установлено, что итальянские регионы значительно менее активны за пределами Италии, чем регионы других стран ЕС.

Ключевые слова:

трансрегиональное сотрудничество; регионы; Европейский союз; Италия; Китай; международные отношения; международные экономические отношения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the development of transregional relations between the regions of Italy and those of China, including the Special Administrative Regions of Hong Kong and Macau. It highlights the interplay between centrifugal and centripetal tendencies within the framework of Italy's 'center — regions' relationship system. The analysis provides insights into the normative foundations of international and foreign policy activities of Italy's territorial communities, grounded in the national Constitution and relevant legislation. The findings demonstrate that Italian regions possess very limited capabilities for independent foreign and economic policy initiatives, a restriction stemming from the Italian Constitution, which permits regional cooperation only in the realms of economy and culture. In contrast, among the regions of China, only Hong Kong and Macau exhibit the capacity for autonomous external activities. Furthermore, it is revealed that Chinese migrants in Italy play a significant role in fostering Italian-Chinese interregional ties, maintaining connections with their homeland. The study concludes that Italian regions are notably less active internationally compared to regions in other EU countries.

Key words:

transregional cooperation; regions; European Union; Italy; China; international relations; international economic relations.

УДК 94(450+510)“199/202”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-471-485

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Регионы Италии в контексте итальянско-китайских отношений в XXI веке

© Нестеров А. Г., Муслимова Е. О., 2024

1. Введение = Introduction

Региональный уровень является одним из продуктивных и перспективных в вопросах установления межрегиональных связей в Европе. Это проявляется как в установлении экономических, культурных и иных связей с аналогичными территориями других стран, так и в самостоятельной внешнеполитической и международной деятельности в рамках различных организаций и объединений. Особый интерес представляют трансрегиональные отношения регионов — сотрудничество с территориями и странами, расположенными на достаточном географическом удалении.

Как уже отмечалось, концепция «Европы регионов» набрала популярность в Европейских сообществах на этапе новой активизации евроинтеграции в 1980-е годы — в период председательства в Европейской Комиссии «архитектора единой Европы» Жака Делора (1985—1995) [Муслимова, 2024, с. 466]. Однако идея приоритезации европейских регионов и расширения их прав и полномочий зародилась гораздо раньше. Идея регионализации европейского пространства и формирования региональных идентичностей активно обсуждалась в монархии Габсбургов во второй половине XIX века, вплоть до идеи румынско-австрийского политолога Аурела Поповичи о создании Соединенных Штатов Великой Австрии, основанных на регионалистическом подходе [Нестеров, 2013 и др.]. В работах теоретиков европейского федерализма Дени де Ружмона и Ги Эро подчеркивалась необходимость продвижения европейской интеграции именно на региональном уровне [De Rougemont, 1966; Héraud, 1974]. Так, Г. Эро видел Европу в качестве федерации регионов, а не конфедерации национальных государств [Héraud, 1974]. После введения принципа субсидиарности в статью ЗВ Маастрихтского договора в 1992 году территориальная дипломатия стала инструментом участия территориальных сообществ в европейской политике; в рамках ЕС последние проводят ограниченную внешнюю политику путем развития межрегионального, трансгранично-

го, транснационального и макрорегионального сотрудничества [Treaty on European Union ..., 1992].

Итальянский регионализм представляет собой достаточно нестандартное явление в контексте современных процессов европейской интеграции. С одной стороны, на протяжении полутора тысячелетий Италия представляла собой раздробленную на отдельные государства территорию, и региональные особенности в различных частях Италии исторически обусловлены и вполне ярко выражены. С другой стороны, объединенная в середине XIX века Италия формировалась как унитарное государство, одной из целей которого было формирование у народа общегенитальянской идентичности. «Италия создана, теперь необходимо создать итальянцев», — отметил в 1896 году итальянский журналист и политик Фердинандо Мартини (занимавший пост министра народного просвещения в нескольких правительствах Италии начала XX века; эту фразу часто приписывают первому премьер-министру объединенной Италии графу Камилло Кавуру).

Целью данной статьи является рассмотрение формирования и развития связей регионов Италии с провинциями и регионами Китая как особого вида трансрегионального сотрудничества. Особый акцент сделан на изучении влияния региональных и местных властей, оказываемого ими на деятельность промышленных округов и способствующего их активному функционированию, в том числе в международной сфере.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В основе методологического базиса исследования лежит комплекс научных принципов, подходов и методов. Изучение особенностей итальянско-китайского трансрегионального сотрудничества в системе общественно-политического развития указанных стран, Европы и Азии в целом было реализовано с помощью принципов системности, объективности и всесторонности. Принцип историзма позволил рассмотреть особенности взаимодействия территорий в динамике его изменения. Рассмотрение международной и внешнеполитической деятельности регионов Италии осуществлялось с применением историко-системного и историко-сравнительного подходов. Теоретическая концептуализация регионального подхода была произведена с опорой на пространственный подход: регионы рассматривались в качестве территориального, функционального и политического пространства, продукта изменений общественной жизни в структурном международно-политическом и экономическом пространстве.

В качестве источников были задействованы Конституция и национальное законодательство Италии, Китая и его специальных административных районов, материалы центральных, местных и региональных органов

власти Италии и Китая, общественных и иных структур. Особое внимание удалено «Плану действий Китая и Италии по укреплению экономического, торгового, культурного и научного сотрудничества» [План 2017], в котором последовательно ставятся задачи для развития китайско-итальянского сотрудничества в различных сферах.

Хронологически исследование ориентировано на период с 90-х годов XX века по 20-е годы XXI века, так как именно в этих временных рамках произошло становление и развитие самостоятельной международной и внешнеполитической деятельности итальянских территорий.

Историография вопроса достаточно обширна, но затрагивает в основном общие вопросы итало-китайских отношений. К сожалению, региональный аспект остался вне поля зрения исследователей, которые рассматривают именно общие вопросы. Такой подход ярко отражен и в коллективной монографии «На перекрестке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века» (2011) [На перекрестке ..., 2011], отдельные главы которой написаны О. Н. Барабановым, Т. В. Зоновой, Е. А. Масловой, А. Г. Нестеровым, М. Филиппаци и др., а также в отдельных публикациях перечисленных авторов. Регионы Италии в своей кандидатской диссертации и публикациях рассматривал Г. Т. Сардарян [Сардарян, 2015], но в его исследовании анализируются прежде всего отношения между регионами и центральной властью страны. В связи с этим обращение к анализу внешнеполитической деятельности итальянских регионов представляется вполне обоснованным и целесообразным.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основы международной и внешнеполитической деятельности регионов Италии

Конституция Италии, принятая в 1947 году, не предусматривает федеративного устройства государства, но в то же время в ней оговаривается существование регионов, обладающих определенным уровнем автономии. Прежде всего это касается островных регионов и регионов с присутствием существенных этнических меньшинств: Сицилии, Сардинии, Южного Тироля, Фриули-Венеция-Джулия и т. д. Следует отметить, что закрепленные конституцией права регионов вплоть до середины 1970-х годов оставались в основном теоретическими, реальное создание автономных в ограниченной степени регионов относится к более позднему времени, и в настоящий период итальянские регионы обладают намного более широкими полномочиями, чем это предлагалось в 1947 году при разработке республиканской конституции Италии.

Конституционные изменения в Италии привели к тому, что возможности для внешнеполитической деятельности итальянских регионов зна-

чительно расширились, и право на самостоятельную международную деятельность было внесено в статуты практически всех регионов Италии. Для такой деятельности в итальянском региональном праве появилось понятие «внешние сношения» (*poteri estero*); в статутах регионов зафиксировано, что все договоры и соглашения регионов с иностранными регионами должны быть ратифицированы региональными законами [Богатырева и др., 2012, с. 90]. В частности, уже в 1997 году в измененной редакции статута Тосканы было отмечено, что регион имеет право сотрудничества «с другими европейскими регионами и другими иностранными государствами». Статья 71 действующего статута, утвержденного в 2004 году, констатирует, что регион имеет право заключать договоры с «внутренними территориальными образованиями» других государств [*Statuto della Regione Toscana*]. Возможности взаимодействия на межрегиональном уровне предусмотрены также подписанным в 2000 году Совместным китайско-итальянским заявлением о сотрудничестве между странами [Совместное заявление ..., 2000].

Также стоит подчеркнуть, что итальянские регионы могут вести международную и внешнеполитическую деятельность как самостоятельно, так и посредством различных организаций — неправительственных, общественных, коммерческих, научных, культурных и иных. В то же время для Италии более характерно активное участие в международной деятельности региональных промышленных округов, а не административных структур регионов. Как уже отмечалось в исследовательской литературе, итальянские промышленные (индустриальные) округа (официально признанные только в 1991 году) имеют возможность привлечения иностранных инвестиций и инвестирования своего капитала за рубежом и активно пользуются такой возможностью [Нестеров и др., 2014, с. 47—48].

Особенности итальянской политической и экономической жизни позволяют включаться в международную деятельность муниципальным образованиям (коммунам) Италии. Это явление стало фактором, способствующим межрегиональному сотрудничеству Италии и Китая. Так, ряд итальянских городов был представлен в Шанхае на муниципальном уровне, что было отмечено и мэром Шанхая, и итальянским послом в Китае. Мэр Шанхая Ян Сюн поблагодарил за вклад Италии в Шанхайскую выставку в 2010 году и выразил готовность Китая поддержать «Милан ЭКСПО 2015». Посол Италии Альберто Браданини поблагодарил за инвестиции в Шанхайский итальянский центр и заверил, что Италия продолжит инвестировать в стратегическое развитие структуры, постоянно обновляя ее содержание благодаря вкладу итальянских компаний, присутствующих в Китае. Первый гражданин китайской столицы внима-

тельно выслушал предложение Италии о создании аналогичной структуры в Милане для Китая [Italia-Cina..., 2013].

В то же время очень существенной для межрегионального сотрудничества Италии и Китая является миграционная политика Италии. Одной из сложностей, препятствовавших развитию межрегиональных связей, являлось присутствие в Италии нелегальных мигрантов китайского происхождения, и обе стороны приложили немало усилий для легализации китайских мигрантов и придания им в Италии легального экономического статуса (подробнее о миграционной политике в Италии — в публикациях Т. П. Нестеровой [Нестерова, 2013; Nesterova, 2020]).

3.2. Реализация китайско-итальянского сотрудничества в регионах Италии

Регионы и более мелкие территории Италии традиционно имеют тесные связи с партнерами из европейских стран. Так, регион Ломбардия совместно с французским Овернь-Роной-Альпами, Федеральной землей Баден-Вюртемберг (ФРГ) и Автономным сообществом Каталония (Испания) участвуют в программе «Четыре мотора Европы», обеспечивающей сотрудничество между различными субъектами в каждом из регионов (включая коммерческие компании и научные организации) и представляющей на международном уровне деятельность и проекты, осуществляемые на четырех территориях [«Quatre moteurs...»].

В то же время нельзя недооценивать объемы сотрудничества регионов Италии с Китаем. Одним из примеров партнеров, предлагающих возможности плодотворного сотрудничества с Китаем для итальянских промышленных районов, является область Тоскана, прежде всего район Санта-Кроче сулл'Арно в Тоскане, который является основным центром производства итальянской кожи. Этот район включает около 600 малых и средних предприятий, которые производят высококачественную замшу и кожу для одежды, обуви и сумок, в основном для известных марок итальянской моды. Местные фирмы сгруппированы в бизнес-ассоциацию. В 1990-х годах Ассоциация получила государственное финансирование для налаживания отношений с аналогичной Ассоциацией, действующей в китайской провинции Хэнань. Исходя из этого первого опыта, итальянская ассоциация продолжала строить отношения с китайскими учреждениями, чтобы прокладывать путь к развитию межрегионального сотрудничества. Тоскана также активно развивает сотрудничество с городом Нинбо — побратимом Флоренции, центра Тосканского региона; в Нинбо создается эко-промышленный итальянский кластер, где будут работать компании, специализирующиеся на твердых отходах, утилизации отработанных масел, технологиях для очистки угля [Zhang Gaoheng, 2015].

Другим примером трансрегионального сотрудничества являются кластеры, локализованные в городах-побратимах Прато (Тоскана, Италия) и Вэньчжоу (провинция Чжэцзян, Китай). Прато — центр знаменитого промышленного района, специализирующегося на текстиле, и на протяжении нескольких десятилетий в нем размещается большая группа китайских малых и средних предприятий, производящих одежду. Прато очень специфичен. В нем проживает одно из крупнейших китайских сообществ в Европе, и подавляющее большинство иммигрантов прибыли из города Вэньчжоу. В отличие от того, что происходит в других европейских городах, китайцы в Прато создали большой кластер, объединяющий предприятия швейной промышленности, который производит текстильные изделия и экспортит их по всему миру. Существование двух бизнес-сообществ в одном и том же промышленном районе способствовало возникновению многочисленных совместных итalo-китайских проектов, направленных на экспорт товаров «made in Italy» в Китай или на продвижение интернационализации производства итальянских фирм. В Прато был создан первый итальяно-китайский исследовательский центр, посвященный текстильному производству, который совместно финансировался провинцией Чжэцзян и Тосканой. Центр нацелен на развитие ряда деловых отношений между районом Прато и другими китайскими кластерами [Competition ..., 2015].

Реализуемый в Прато проект «Новый взгляд», получающий щедрую финансовую поддержку от регионального правительства Тосканы, управляется как региональными, так и местными учреждениями. Его цель — бороться с привлечением нелегальной рабочей силы и решать проблемы безопасности на рабочем месте. Проект предусматривает внедрение нового подхода и новую локальную политику в отношении иммиграントского предпринимательства. Он характеризуется как новая модель отношений сотрудничества в местной среде, которая благоприятствует доверию и межэтническим деловым контактам. Тем не менее проект ориентирован только на предпринимателей-иммигрантов; более узко — на китайские фирмы. Прато — это не только типичный итальянский промышленный район, но и центр производственно-сбытовой цепочки, которая к настоящему времени простирается от Китая и Турции до большинства европейских стран.

По данным местной торговой палаты, около 5000 китайских предприятий активно работают в Прато, 75 % из них задействованы в производстве. С прибытием мигрантов и созданием международного центра моды Прато стал полноправным транснациональным городом [Zhang Gaoheng, 2015]. Новая политика, принятая в Прато благодаря проекту, существенно отличается от предыдущей, которая в течение ряда лет криминализировала китайское предпринимательство. Этот проект получил поддержку практиче-

ски всех китайских ассоциаций, в том числе институтов, которые обычно уклоняются от политических вопросов, таких как Ассоциация буддистов. Более того, в первые месяцы, прошедшие с момента начала реализации проекта в сентябре 2014 года, был организован ряд встреч, направленных на повышение осведомленности китайских мелких предпринимателей относительно меняющегося политического климата и новой политики. Поэтому китайским предпринимателям было рекомендовано приступить к осуществлению всех мер, необходимых для обеспечения безопасности на рабочем месте, если они не хотят, чтобы их бизнес был закрыт властями. Среди обязательств, которые налагает проект на местные модные фирмы, устранение «спящего режима», при котором рабочие работают и спят в помещениях мастерской.

Успех промышленного района в Прато объясняется «мобильным режимом» труда, принятым сетью китайских подрядчиков в итальянской индустрии моды, в соответствии с которым рабочие временно переходят от одной фирмы к другой для выполнения срочных заказов. Режим, основанный на мобильности рабочих, в значительной степени способствует конкурентоспособности всей сети китайских подрядчиков в индустрии моды.

В Прато индустрия одежды четко разделена по этническому признаку, причем итальянцы владеют большей частью текстильной промышленности, а китайцы доминируют в большинстве предприятий швейной промышленности. В Прато китайские мигранты создали почти с нуля процветающую индустрию одежды [Cessagno, 2015].

Прато фактически стал главным европейским экспортёром модных изделий «Сделано в Италии» с низким и средним уровнем, изготовленных китайскими мигрантами. В конце 2000-х годов местное правительство Прато принудительно вмешалось в предпринимательство китайских мигрантов. Муниципальные выборы в 2009 году сделали Роберто Ченни, поддержанный партиями «Народ свободы» (PDL) и Лигой Севера (Lega Nord), первым консервативным мэром города со времен Второй мировой войны.

В конце 2009 года Ченни одобрил частые полицейские рейды на китайские фабрики в Прато, особенно в промышленном районе Макролotto, что вызвало острую социальную напряженность. Полицейские рейды достигли кульминации 19 января 2010 года. При помощи вертолета 120 итальянских агентов из разных спецслужб вошли «в величественном стиле» в Виа Россини, сердце Чайнатауна, недалеко от средневековых стен города [Cessagno, 2015]. Между тем Ченни предложил концепцию итальянско-китайского сотрудничества, которое могло бы привлечь в Прато крупные модные бренды, такие как «Зара» (Zara) и «Эйч энд Эм» (H&M). Такой подход, по его мнению, создал бы беспрогрышную ситуацию; итальянцы

в Прато будут продавать свои ткани китайским мигрантам, которые затем будут производить аутентичную модель «made in Italy» для обеспечения распределения среди глобальных компаний. Чтобы эта стратегия работала среди итальянских и китайских рабочих-мигрантов и предпринимателей, а также потенциальных международных работодателей и клиентов, местная специфика Прато и ее общеевропейское влияние должны быть убедительно аргументированы и переданы в средства массовой информации [Zhang Gaocheng, 2015]. Таким образом, можно отметить, что именно Тоскана является наиболее ярким примером успешной реализации европейско-китайского сотрудничества в производственной и торговой сферах.

3.3. Реализация совместных итальянско-китайских межрегиональных проектов в Китае

Как уже отмечалось, на переднем плане итальянско-китайского сотрудничества находится регион Тоскана. Миссия итальянского региона Тоскана по содействию торговле началась в Пекине 2 и 3 июля 2012 года при содействии посольства Италии. Следующими шагами стали Шанхай, Ханчжоу, Гуанчжоу и Наньнин. Среди вопросов, обсуждавшихся в ходе круглых столов и специальных совещаний с китайскими собеседниками, были политика Тосканы в области здравоохранения и безопасности пищевых продуктов, деятельность в области исследований и разработок новых технологий. Другие обсуждения были посвящены электронной коммерции с презентацией веб-платформы, которую Тоскана разработала для продвижения своих продуктов (в моде, кожаных изделий и т. д.), и сайта «tasteit. сп» для продажи тосканских сельскохозяйственных и пищевых продуктов, а также вопросам высоких технологий и привлечения инвестиций, расширения объектов недвижимости и отношений с китайскими университетами [Pechino: missione ..., 2012].

Миссия региона Тоскана в китайской провинции Чжэцзян состоялась в октябре 2013 года в городе науки и техники Циньшань. Делегацию возглавлял руководитель Координационной группы по социальной политике региона Тоскана Винчио Бьяджи в сопровождении представителей 11 компаний текстильного сектора, которые смогли встретиться с китайскими партнерами. Во время визита было решено открыть «Итало-китайский центр текстильных исследований» в Чжэцзяне. Таким образом, в Китае также создается центр, схожий с аналогичным в Прато. По словам генерального консула Винченцо де Лука, «это прекрасная возможность для итальянских компаний, которые могут развивать сеть китайских партнеров и клиентов в секторе, в котором итальянские ткани все больше воспринимаются китайцами как ключ к качественному скачку в китайском производстве» [Cina — Missione ..., 2013].

Особое место занимает сотрудничество Италии и итальянских регионов со специальным административным районом Китая — Гонконгом. Среди регионов Италии на первый план в этом отношении выступает Ломбардия, прежде всего сфера ее индустрии моды. Итальянские фирмы по производству модной одежды и аксессуаров активно участвуют в проведении Гонконгской недели моды и реализации своих брендовых товаров через систему торговли Гонконга [Yang Xiaojun, 2019, р. 87—88].

Наряду с экономическим сотрудничеством важную роль в межрегиональном сотрудничестве Италии и Китая играет реализация культурных региональных проектов Италии в Китае. Продвижение флорентийского, тоосканского и итальянского культурного наследия в Китае стало целью визита в Пекин 7 июня 2012 года президента Ассоциации «Палаццо Строцци Партерс» (Palazzo Strozzi Partners) Леонардо Феррагамо. Его встретил посол Италии в Китае Аттилио Массимо Януччи, который собрал ведущих представителей китайского предпринимательства для обсуждения конкретных возможностей и форм культурного сотрудничества с использованием огромного потенциала Флоренции, Тосканы и Италии в целом. Во время встреч Феррагамо представил инициативу «Опыт открытия Флоренции», в рамках которой будут организованы взаимные визиты китайских и итальянских журналистов для обмена опытом в контексте культур двух стран [Pechino — Fondazione ..., 2012]. В рамках реализации проектов культурного сотрудничества 6 июля 2012 года в Пекине была открыта выставка «Возрождение во Флоренции», а 23 июля 2012 года — выставка «Новый итальянский дизайн», на которой представили свои работы прежде всего мастера Ломбардии. В Чэнду (провинция Сычуань) в 2014 году был открыт Итальянский центр архитектуры и дизайна, созданный по инициативе властей региона Ломбардия и Миланского политехнического университета. В том же году миланские архитекторы приняли активное участие в работе Шанхайской недели дизайна, в результате чего были подписаны соглашения о сотрудничестве между итальянскими промышленными районами региона Ломбардия и фирмами Восточного Китая, направленные на создание в Шанхае и прилегающих районах провинции Цзянсу промышленного кластера, связанного с дизайном и производством мебели [Shanghai..., 2014].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, стоит сказать, что процесс децентрализации управления в Италии прошел достаточно долгий путь и очень далек от завершения. В настоящее время в государстве законодательно закреплена ограниченная возможность участия территориальных единиц в международной и внешнеполитической деятельности, прежде всего в экономической и культур-

ной сферах. Международная деятельность доступна как крупным регионам, так и отдельным городам. Однако сложная система территориального управления, сложившаяся в Италии и включающая коммуны, провинции, регионы, автономные территории, накладывает отпечаток в виде пересечения интересов и компетенций.

Также в Италии, как и во Франции отмечается гораздо более низкое по сравнению с Испанией и Португалией участие регионов и более мелких территорий в международных объединениях и организациях. В основном такая возможность касается экономической сферы и сферы культуры. Во многом это обусловлено концептуальным отношением властей Италии к внешнеполитической деятельности, которая является прерогативой государства, а не регионов, и лишь под давлением правил общеевропейской региональной политики Италия допускает некоторые возможности для региональной международной деятельности в отдельных сферах, прежде всего в сферах экономики и культуры.

Итальянские регионы имеют достаточно небольшие возможности для реализации своих внешнеэкономических и культурных амбиций, поскольку реально международная политика и в этих сферах в основном остается в руках государства и его структур. Аналогичная ситуация существует и в Китайской Народной Республике, где возможности самостоятельной деятельности провинций и городов центрального подчинения за пределами страны очень ограничены. Особое место в этой сфере занимают только специальные административные районы Китая (Гонконг и Макао), но их отношения с регионами Италии также относительно невелики, их интересы, как правило, касаются Италии в целом, а не отдельных ее регионов.

Международная деятельность регионов Италии в настоящее время однозначно менее заметна, чем аналогичная деятельность регионов многих других стран Европейского Союза, однако в то же время можно отметить, что в XXI веке она все же существенно активизировалась по сравнению с предшествующим периодом.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. План 2017 — План действий Китая и Италии по укреплению экономического, торгового, культурного и научно-технического сотрудничества на 2017—2020 годы) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Р

спублики. — 2017. — Режим доступа : https://www.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/zcwj_674915/201705/t20170516_7949963.shtml (дата обращения 02.05.2024) (中国和意大利关于加强经贸、文化和科技合作的行动计划（2017年—2020年）// 中华人民共和国外交部).

2. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Итальянской Республики [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 2000. — Режим доступа : https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679882/1207_679894/200011/t20001107_9352360.shtml (дата обращения 03.05.2024) (中华人民共和国和意大利共和国联合声明 // 中华人民共和国外交部).

3. *Cina — Missione della regione Toscana nel Zhejiang* [Electronic resource] // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. — 2013. — 29 Ottobre. — Access mode : https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2013/10/20131029_cina_toscana/ (accessed 05.05.2024).

4. *Italia-Cina* : Amb. Bradanini incontra sindaco Shanghai [Electronic resource] // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. — 2013. — 17 Giugno. — Access mode : https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2013/06/20130617_italia_cina_amb_bradanini_sindaco_shanghai/ (accessed 03.05.2024).

5. *Pechino* : missione della regione Toscana per favorire gli scambi commerciali [Electronic resource] // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. — 2012. — 04 Luglio. — Access mode : https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2012/07/20120704_pechino/ (accessed 07.05.2024).

6. *Pechino* — Fondazione Palazzo Strozzi in Cina per promuovere il patrimonio culturale toscano e italiano [Electronic resource] // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. — 2012. — 07 Giugno. — Access mode : https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2012/06/20120607_pechstroz/ (accessed 08.05.2024).

7. «*Quatre moteurs pour l'Europe*» : Auvergne-Rhône-Alpes, Bade-Wurtemberg, Catalogne et Lombardie unies pour la compétitivité de leurs territoires en Europe [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales/exemples-de-projets-de-cooperation-decentralisee/la-cooperation-decentralisee-franco-allemande/article/quatre-moteurs-pour-l-europe-auvergne-rhone-alpes-bade-wurtemberg-catalogne-et> (accessed 02.05.2024).

8. *Shanghai — Architetti italiani in mostra* [Electronic resource] // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. — 2014. — 25 Settembre. — Access mode : https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2014/09/20140925_shanghai_design/ (accessed 09.05.2024).

9. *Statuto della Regione Toscana* [Electronic resource] // Edscuola.it. — Access mode : <https://www.edscuola.it/archivio/handicap/italia/srtoscana.pdf> (accessed 04.05.2024).

10. *Treaty on European Union* // Official Journal C 191, 29/07/1992. — Pp. 0001—0110.

Литература

1. Богатырева О. Н. Регионы Италии в современной международной деятельности : правовой аспект / О. Н. Богатырева, Е. Д. Крапивницкая // Известия Уральского федерального университета. — 2012. — № 4. — С. 82—96.

2. Муслимова Е. О. ТERRITORIALНЫЕ сообщества Франции в системе международного сотрудничества со странами и регионами Востока (XX—XXI вв.) / Е. О. Муслимова, А. Г. Нестеров // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 464—482. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-464-482.

3. На перекрестке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / под ред. Т. В. Зоновой. — Москва : Весь мир, 2011. — 456 с. — ISBN 978-5-7777-0519-8.
4. Нестеров А. Г. Австро-Венгрия как интеграционный проект : опыт для Центрально-Восточной Европы XXI века / А. Г. Нестеров // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. — 2013. — № 5 (122). — С. 67—72.
5. Нестеров А. Г. Экономика Италии / А. Г. Нестеров, Т. П. Нестерова. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. — 112 с. — ISBN 978-5-7996-1327-3.
6. Нестерова Т. П. Нормативно-правовое регулирование миграционных процессов в Италии в начале XXI века / Т. П. Нестерова // Научный диалог. — 2013. — № 7. — С. 159—178.
7. Сардарян Г. Т. Политические проблемы взаимоотношений регионов с центральной властью в Италии : диссертация ... кандидата исторических наук : 23.00.02 / Г. Т. Сардарян. — Москва, 2015. — 161 с.
8. Ceccagno A. Global labour regimes and local policies : the Chinese-run fast fashion industry in Prato, Italy [Electronic resource] / A. Ceccagno. — 2015. — October 20. — Access mode : https://www.academia.edu/17042652/Global_labor_regimes_local_policies_the_Chinese_run_Fast_Fashion_Industry_in_Prato_Italy (accessed 06.05.2024).
9. Competition and collaboration between Chinese and Italian industries and cluster-to-cluster relations [Electronic resource] // China Policy Institute : Analysis. — 2015. — Access mode : <https://cpianalysis.org/2015/10/19/competition-and-collaboration-between-chinese-and-italian-industries-and-cluster-to-cluster-relation> (accessed 05.05.2018).
10. De Rougement D. The Idea of Europe / D. de Rougement. — New York : Collier-Macmillan, 1966. — 434 p.
11. Héraud G. L'Europe des Ethnies / G. Héraud. — Paris : Presses d'Europe, 1974. — 223 p.
12. Nesterova T. Immigration Legislation in Italy in the late 20th — early 21st century / T. Nesterova // Journal of Science. Lyon (France). — 2020. — № 11. — Vol. 2. — Pp. 60—66.
13. Yang Xiaojun. Xiānggǎng zhì yǔ luàn : 2047 de zhèngzhì xiǎng xiàng / Yang Xiaojun. — Beijing : Renmin chubanshe, 2019. — 220 p. (阎小骏。香港治与乱: 2047的政治想象。北京: 人民出版社, 2019. — 220 p.).
14. Zhang Gaoheng. “Made in Italy” by Chinese in Prato : The “Carrot and Stick” Policy and Chinese Migrants in Italy, 2010—11 [Electronic resource] / Gaoheng Zhang. — 2015. — October 22. — Access mode : https://www.academia.edu/17263527/_Made_in_Italy_by_Chinese_in_Prato_The_Carrot_and_Stick_Policy_and_Chinese_Migrants_in_Italy_2010_11 (accessed 06.05.2024).

Статья поступила в редакцию 11.06.2024,
одобрена после рецензирования 22.08.2024,
подготовлена к публикации 02.09.2024.

Material resources

Cina — Missione della regione Toscana nel Zhejiang. (2013). *Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale*. Available at: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2013/10/20131029_cina_toscana/ (accessed 05.05.2024). (In Ital.).

Italia-Cina: Amb. Bradanini incontra sindaco Shanghai. (2013). *Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale*. Available at: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2013/10/20131029_italia_cina_shanghai/ (accessed 05.05.2024). (In Ital.).

- pa/archivionotizie/approfondimenti/2013/06/20130617_italia_cina_amb_brada-nini_sindaco_shanghai/ (accessed 03.05.2024). (In Ital.).
- Joint Statement of the People's Republic of China and the Italian Republic. (2000). In: *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679882/1207_679894/200011/t20001107_9352360.shtml (accessed 03.05.2024). (In Chin.).
- Pechino — Fondazione Palazzo Strozzi in Cina per promuovere il patrimonio culturale toscano e italiano. (2012). *Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale*. Available at: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2012/06/20120607_pechstroz/ (accessed 08.05.2024). (In Ital.).
- Pechino: missione della regione Toscana per favorire gli scambi commerciali. (2012). *Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale*. Available at: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2012/07/20120704_pechino/ (accessed 07.05.2024). (In Ital.).
- Plan 2017 — The Action Plan of China and Italy to strengthen economic, trade, cultural, scientific and technical cooperation for 2017—2020. (2017). In: *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/ziliao_674904/zcwj_674915/201705/t20170516_7949963.shtml (accessed 02.05.2024). (In Chin.).
- “Quatre moteurs pour l'Europe”: Auvergne-Rhône-Alpes, Bade-Wurtemberg, Catalogne et Lombardie unies pour la compétitivité de leurs territoires en Europe. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales/exemples-de-projets-de-cooperation-decentralisee/la-cooperation-decentralisee-franco-allemande/article/quatre-moteurs-pour-l-europe-auvergne-rhone-alpes-bade-wurtemberg-catalogne-et> (accessed 02.05.2024). (In French).
- Shanghai — Architetti italiani in mostra. (2014). *Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale*. Available at: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2014/09/20140925_shanghai_design/ (accessed 09.05.2024). (In Ital.).
- Statuto della Regione Toscana. *Edscuola.it*. Available at: <https://www.edscuola.it/archivio/handicap/italia/srtoscana.pdf> (accessed 04.05.2024). (In Ital.).
- Treaty on European Union. (1992). *Official Journal C 191, 29.07. 0001—0110*.

References

- Bogatyreva, O. N., Krapivnitskaya, E. D. (2012). Regions of Italy in modern international activity: a legal aspect. *Proceedings of the Ural Federal University*, 4: 82—96. (In Russ.).
- Ceccagno, A. (2015). *Global labour regimes and local policies: the Chinese-run fast fashion industry in Prato, Italy*. Available at: https://www.academia.edu/17042652/Global_labor_regimes_local_policies_the_Chinese_run_Fast_Fashion_Industry_in_Prato_Italy (accessed 06.05.2024).
- Competition and collaboration between Chinese and Italian industries and cluster-to-cluster relations. (2015). *China Policy Institute: Analysis*. Available at: <https://cpianalysis.org/2015/10/19/competition-and-collaboration-between-chinese-and-italian-industries-and-cluster-to-cluster-relation> (accessed 05.05.2018).
- De Rougement, D. (1966). *The Idea of Europe*. New York: Collier-Macmillan. 434 p.

- Héraud G. (1974). *L'Europe des Ethnies*. Paris: Presses d'Europe. 223 p.
- Muslimova, E. O., Nesterov, A. G. (2024). Territorial Communities of France in International Cooperation with Eastern Countries and Regions (20th-21st Centuries). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 464-482. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-464-482. (In Russ.).
- Nesterov, A. G. (2013). Austria-Hungary as an integration project: experience for Central and Eastern Europe of the XXI century. *Izvestiya Ural Federal University. Series 3. Social Sciences*, 5 (122): 67—72. (In Russ.).
- Nesterov, A. G., Nesterova, T. P. (2014). *Economics of Italy*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 112 p. ISBN 978-5-7996-1327-3. (In Russ.).
- Nesterova, T. P. (2013). Regulatory regulation of migration processes in Italy at the beginning of the XXI century. *Nauchnyj dialog*, 7: 159—178. (In Russ.).
- Nesterova, T. P. (2020). Immigration Legislation in Italy in the late 20th — early 21st century. *Journal of Science. Lyon (France)*, 11 (2): 60—66.
- Sardaryan, G. T. (2015). *Political problems the relationship of the regions with the central government in Italy*. PhD Diss. Moscow. 161 p. (In Russ.).
- Yang Xiaojun. (2019). *Xiānggǎng zhì yǔ luàn: 2047 de zhèngzhì xiāng xiàng*. Beijing: Renmin chubanshe. 220 p. (In Chin.).
- Zhang Gaocheng. "Made in Italy" by Chinese in Prato: The "Carrot and Stick" Policy and Chinese Migrants in Italy, 2010—11. (2015). Available at: https://www.academia.edu/17263527/_Made_in_Italy_by_Chinese_in_Prato_The_Carrot_and_Stick_Policy_and_Chinese_Migrants_in_Italy_2010_11 (accessed 06.05.2024).
- Zonova, T. V. (ed.). (2011). *At the crossroads of the Mediterranean. The "Italian boot" facing the challenges of the 21st century*. Moscow: The Whole World. 456 p. ISBN 978-5-7777-0519-8. (In Russ.).

*The article was submitted 11.06.2024;
approved after reviewing 22.08.2024;
accepted for publication 02.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Сейдова С. М. Национальные конфликты на Северном Кавказе : истоки и урегулирование / С. М. Сейдова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 486—504. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-486-504.

Seyidova, S. M. (2024). National Conflicts in North Caucasus: Origins and Resolution. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 486-504. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-486-504. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ**Национальные конфликты
на Северном Кавказе:
истоки и урегулирование**

Сейдова Севиндж Мамед кызы
orcid.org/0009-0003-8839-3506
доктор исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории
и технологии обучения истории
seyidovasevinj7@gmail.com

Азербайджанский государственный
педагогический университет
(Баку, Азербайджан)

**National Conflicts
in North Caucasus:
Origins and Resolution**

Sevinj M. Seyidova
orcid.org/0009-0003-8839-3506
Doctor of History, Associate Professor,
Department of General History
and History Teaching Technologies

Azerbaijan State
Pedagogical University
(Baku, Azerbaijan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются причины и последствия национальных конфликтов на Северном Кавказе. Затрагиваются вопросы, связанные с источниками этнических конфликтов в наше время. Подчеркивается, что Северный Кавказ играет роль моста с севера на юг, с запада на восток и имеет огромное значение для Российской Федерации. С геостратегической точки зрения регион, играющий роль ворот в Центральную Азию, также открывает путь на западные рынки. Уделяется внимание событиям, которые произошли с конца 1980-х годов на Кавказе. Там имели место наиболее острые этнополитические конфликты и войны. Шесть из восьми вооруженных этнополитических, гражданских конфликтов на постсоветском пространстве развернулись в кавказском регионе. Поднимается вопрос о том, что в результате этих событий Кавказский регион стал полем действия сепаратистских организаций на постсоветском пространстве. Вооруженные конфликты приводили к многочисленным человеческим жертвам, материальным потерям, экономическому спаду и к другим трагедиям. На основе изученных материалов сделан вывод о том, что в целом этнические конфликты разнообразны по своему выражению. Освещаются условия политизации этнических конфликтов на Северном Кавказе.

Ключевые слова:

конфликт; Северный Кавказ; Чеченская республика; Ингушетия; международное право; сепаратизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the causes and consequences of national conflicts in the North Caucasus. It addresses issues related to the sources of ethnic conflicts in contemporary times. The significance of the North Caucasus as a bridge connecting north to south and west to east is emphasized, highlighting its immense importance for the Russian Federation. From a geostrategic perspective, this region serves as a gateway to Central Asia while also providing access to Western markets. The paper pays particular attention to events that have transpired since the late 1980s in the Caucasus, where some of the most acute ethnopolitical conflicts and wars have occurred. Six out of eight armed ethnopolitical civil conflicts in the post-Soviet space unfolded in this region. The article raises the issue that, as a result of these events, the Caucasian region has become a battleground for separatist organizations within the post-Soviet context. Armed conflicts have led to numerous human casualties, material losses, economic downturns, and other tragedies. Based on the materials studied, it is concluded that ethnic conflicts are diverse in their manifestations. The conditions for the politicization of ethnic conflicts in the North Caucasus are also explored.

Key words:

conflict; North Caucasus; Chechen Republic; Ingushetia; international law; separatism.

УДК 323.1+316.485.6+94

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-486-504

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Национальные конфликты на Северном Кавказе: истоки и урегулирование

© Сеидова С. М., 2024

1. Введение = Introduction

В конце XX столетия были отмечены глобальные политические трансформации, политико-территориальные изменения, которые во многом определили распад системы социализма, в том числе Советского Союза. Все эти изменения привели к большим геополитическим последствиям. Такие изменения затронули также республики бывшего СССР, в том числе Россию. Распад СССР основательно изменил геополитическую ситуацию на Северном Кавказе, который является неотъемлемой частью России.

Если рассмотреть геополитическое положение современной России и ее составной части Северного Кавказа, следует отметить процессы, которые произошли в конце 1980-х — начале 1990-х годов. На Северном Кавказе отражение геополитических процессов имело черты спонтанности, было связано с нарастанием этнополитических конфликтов. Следует отметить, что в различные периоды в эти процессы были вовлечены и некоторые государства мира, такие как США, страны Европейского Союза и др.

Чтобы сохранить территориальную целостность, государственный суверенитет России в 1980—1990-е, было необходимо ликвидировать очаги сепаратизма и терроризма. Российская Федерация должна была обеспечить правопорядок и соблюдение прав граждан РФ на Северном Кавказе. Для урегулирования этих конфликтов на Северном Кавказе требовалось использовать дифференцированные методы, и необходимо было разработать стратегию на общероссийском уровне.

В целом этнические конфликты разнообразны по степени и формам проявления — в экономической, политической, идеологической и морально-культурной сферах.

В международном праве *конфликт* трактуется как «спор». В Уставе ООН термины *спор* и *ситуация* используются для объяснения конфликтных ситуаций. *Международный спор* относится к взаимным претензиям

государств друг к другу. В качестве причин международных споров можно назвать экономические, социально-политические, идеологические, военные, международно-правовые факторы. В международном праве международные споры классифицируются по разным основаниям: по объекту или предмету споров, по географии распространения (местные, локальные или глобальные), по количеству субъектов (двусторонние или многосторонние). В статье 33 главы VI Устава ООН рассматриваются виды и установлены правила регулирования конфликтных ситуаций [Устав ООН...].

Межэтнические конфликты занимают особое место среди конфликтов в силу своего происхождения и характера. Они могут стать фактором, способным изменить geopolитическое пространство мира, создать условия для формирования новых центров geopolитического влияния, создать угрозу суверенитету и территориальной целостности государства, находящегося в состоянии нестабильности.

Целью данной статьи является определение причин возникновения национальных конфликтов на территории Северного Кавказа в 1980—1990-е годы и основных последствий этих конфликтов и условий их политизации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В научной литературе термин *конфликт* трактуется по-разному. Известный американский ученый Л. Козер отмечал, что конфликт между коллективными акторами предполагает борьбу за ценности, статус, власть, природные ресурсы, а также противники стремятся нейтрализовать, ослабить или исключить друг друга [Coser, 1956, р. 8].

В статье в качестве источников задействованы Устав ООН, Конституция России, нормативные акты, такие как Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-І «О реабилитации репрессированных народов», Закон РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» от 04.06.1992 N 2927-1, Указ Президента РФ от 23 сентября 1999 г. № 1255с «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) и Указ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 6 октября 2004 г. № 1285 «О мерах по совершенствованию деятельности государственных органов по развитию отношений между Республикой Северная Осетия — Алания и Республикой Ингушетия» [Конституция ...; Устав ООН и др.].

Проблемы конфликтов на Северном Кавказе рассмотрены в некоторых исследовательских работах. В числе этих научных работ следует назвать исследования Г. Б. Вока [Вок, 2006], В. Н. Давыдова [Давыдов,

2004], К. С. Гаджиева [Гаджиев, 2010], Е. С. Карсановой [Карсанова, 2003], Э. М. Магарамова [Магарамов, 2007] и др.

Г. Б. Вок в своей диссертации «Современная geopolitika Северного Кавказа: теоретические и прикладные аспекты» поставил целью выявить теоретические и прикладные аспекты современной geopolitiki в Северо-Кавказском регионе (1992—2006 годы) [Вок, 2006]. Одним из результатов данного исследования является то, что geopolitika России на Северном Кавказе должна носить последовательный и настойчивый характер.

Диссертационное исследование В. Н. Давыдова включает анализ воздействия этнополитических факторов в условиях вооруженных конфликтов и проявлений международного терроризма на государственную безопасность РФ [Давыдов, 2004]. В работе сформулированы выводы теоретического и прикладного характера, способствующие пониманию закономерностей развития этнополитических процессов на Северном Кавказе.

Регулирование этнополитических конфликтов, выявление политico-правовых проблем в сфере регулирования межнациональных отношений на Северном Кавказе подробно проанализированы Е. С. Карсановой [Карсанова, 2003]. В контексте необходимости поиска действенного подхода к выработке управленческих стратегий и реализации политico-правовых основ регулирования этнополитических противоречий в регионе автор анализирует различные методы и возможности государства в решении этнополитических процессов.

Особенности современной geopolitической ситуации на Северном Кавказе с точки зрения обеспечения национальной и региональной безопасности России отметил исследователь Э. М. Магарамов [Магарамов, 2007]. Он выявил ключевые региональные этнополитические конфликты, влияющие на geopolitiku России, и указал, что их неурегулированность выступает одним из главных факторов, тормозящих оздоровление социально-экономической ситуации и стимулирующих высокие темпы миграционных процессов, которые пагубно влияют на этнодемографическую структуру населения в регионе и на политическую ситуацию.

Рассмотрев историографию вопроса, следует отметить, что в трудах таких ученых, как Н. И. Доронина, А. Р. Аклаев, З. Ализаде, А. Аббасбейли, А. Зверев, С. М. Сейдова [Аклаев, 2005; Доронина, 1981; Зверев, 1996; Спорные границы ..., 1996 и др.], исследованы этнопсихологические, социально-экономические, политические, социальные и культурные аспекты конфликта. Н. И. Доронина считала конфликт последней формой обострения противоречий [Доронина, 1981, с. 31]. По классификации и типологии А. Р. Аклаева, существует несколько типов конфликта (преимущественно горизонтальный и вертикальный) [Аклаев, 2005, с. 112]. З. Ализаде пока-

зал, что конфликтность заложена в сущности человека как биологического и социального существа. Он отмечал 4 основных среды существования: индивидуум, общество, государство и время [Əlizadə, 2002, s. 184—185].

Анализируя причины межэтнических конфликтов, А. Аббасбейли показал, что это была борьба за контроль над распределением материальных и моральных ресурсов [Abbasbəyli et al., 2006, s. 143—153]. В зависимости от целей национально-этнических движений он различает следующие виды конфликтов в различных сферах: в социальной, экономической — борьба за перераспределение ресурсов в свою пользу; в сфере культуры и языка — защита родного языка и национальной культуры; в территориально-статусной сфере — борьба за изменение границ, повышение статуса и увеличение реальных прав и полномочий этноса; сепаратистская борьба направлена на создание собственного независимого государства путем выхода из состава существующего государства [Ibid., 2006, s. 151—152].

Говоря о типах этнических конфликтов, Л. М. Дробижева особенно выделяет среди прочих видов конфликт со статусными институтами. Этнический фактор играет большую роль в этом конфликте, силы мобилизуются по этническому принципу, и начинается борьба за независимость [Дробижева, 1993, с. 240—242].

П. А. Цыганков делит конфликты на внутренние и внешние в зависимости от того, возникают ли они между индивидами, группами или государствами [Цыганков, 2013, с. 24]. Внутренние конфликты могут возникать внутри группы, внутри государства. Внешние конфликты могут возникать из-за территориальных претензий, дипломатических споров и экономических конфликтов между государствами.

По мнению А. Зверева, геополитические изменения в регионе явились одной из основных глубинных причин этнических конфликтов [Зверев, 1996, с. 11].

С. М. Сейдова считает, что конфликты могут проявляться в разных формах, чаще всего в насильственных — военных, но также и в ненасильственных, то есть в форме дипломатической деятельности и экономических санкций [Seyidova, 2021]. При проявлении конфликта в насильственной форме применяются различные методы. Среди них: 1) геноцид, то есть планомерное, санкционированное государством массовое уничтожение какой-либо этнической группы; 2) этническая депортация, то есть массовое изгнание этнической группы с родной земли; 3) принудительный метод: искусственно стимулируемая ассимиляция; 4) метод консенсуса: политика интеграции и мультикультурализма; 5) территориальный метод: недовольный этнос отделяется от государства [Seyidova, 2014, с. 152].

Некоторые аспекты современной геополитики на Северном Кавказе были рассмотрены в работах К. С. Гаджиева, В. В. Дегоева, А. А. Цуциева, Э. А. Позднякова и др. К. С. Гаджиев комплексно рассмотрел Кавказский регион в качестве самостоятельного геополитического феномена [Гаджиев, 2003]. Он проанализировал различные формы внутрирегиональных и внерегиональных взаимодействий. В. В. Дегоев рассмотрел ряд проблем истории Кавказа, постарался раскрыть сущность политического соперничества на Кавказе и международного противоборства по поводу Кавказа [Дегоев, 2003]. А. А. Цуциев поставил целью своей работы рассмотреть, как формировались исторические предпосылки конфликта и какими были основные факторы, способствующие его разворачиванию в открытую, насилиственную fazu [Цуциев, 1998]. Э. А. Поздняков в своем труде утверждает, что обеспечение целостности территории и границ является главной задачей политики безопасности государства [Поздняков, 1995]. Статья М. Д. Розина и С. Я. Сущего посвящена современному Северному Кавказу. В работе представлен анализ конфликтогенного потенциала Северного Кавказа как одного из наиболее проблемных регионов современной России [Розин и др., 2012].

Однако, несмотря на относительную многочисленность публикаций в рамках рассматриваемой темы, в ее историографии есть пробелы. В частности, отсутствуют комплексные исследования проблемы. В статье на основе типологического анализа впервые комплексно изучаются вопросы исторических, экономических, политических и культурных отношений коренного населения Северного Кавказа с Россией. Актуальность исследования определяется тем, что безопасность на Северном Кавказе является одним из приоритетов внутренней политики Российской Федерации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Обострение национальных конфликтов на Северном Кавказе в 1980—1990-е годы: чеченский конфликт

Северный Кавказ — один из 8 федеральных округов России. В него входят такие субъекты федерации, как Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чеченская Республика, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область. Этот регион составляет 21 % территории Российской Федерации. Северный Кавказ играет важную роль со стратегической точки зрения. Регион, в историческом смысле являющийся пересечением основных путей север — юг и восток — запад, имеет огромное значение как с точки зрения логистики, так и с точки зрения ресурсов. В частности, Северный Кавказ имеет большое значение для России как транзитный регион.

Одной из важнейших особенностей Северного Кавказа является многонациональность его населения. В регионе проживает более 40 этнических общин. Среди них в одну общину объединены кабардинцы, черкесы и адыги. Они проживают в трех республиках Российской Федерации: Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Еще одним полиглосским регионом является Дагестан, в границах которого проживают аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, табасаранцы, рутульцы, агулы и др. Нахские народы (чеченцы, ингушки) проживают в Чечне и Ингушетии. Большинство этих народов относятся к кавказско-иберийской языковой семье, другие принадлежат к индоевропейской языковой семье, а некоторые относятся к тюркской языковой группе.

Начиная с конца 80-х годов XX века на Кавказе происходили наиболее острые этнополитические конфликты и войны. Шесть из восьми вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве разворачивались в Кавказском регионе. Это армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха, грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты, гражданская война в Грузии, осетино-ингушский и российско-чеченский конфликты внутри России. Кавказский регион стал полем действия для сепаратистских организаций. Реализация сепаратистских проектов не делала невозможной политическую интеграцию разных этносов в рамках одного государства, но превращала ее в проблему.

Движение в Чечне — яркий пример этих процессов. Исторически чеченцы играли важную роль в движении имама Шамиля. После вхождения Кавказа в состав Российской империи значительная часть местного населения покинула территорию империи. На освободившихся землях расселились русские казаки и переселенцы. Земли чеченцев постепенно сокращались, и этот народ постоянно контролировался российскими правящими кругами. В 1944 году чеченцы были высланы со своих исторических земель в Казахстан и Среднюю Азию. Хотя им удалось вернуться в 1956 году, политика в период их ссылки сформировала у чеченцев психологию выживания. В период распада СССР в Чечне возникло сепаратистское движение под руководством Джохара Дудаева, в основе которого лежала идея борьбы против России; кроме того, новые руководители Чечни имели большие экономические интересы, так как этот регион не только является логистически важным, но и обладает собственными ресурсами, в частности нефтью. В результате в 1991 году Чечня предприняла попытку отделения от России и создания независимого государства.

26 апреля 1991 года Верховный Совет РСФСР во главе с Борисом Ельциным принял закон «О реабилитации репрессированных народов», призванный восстановить историческую справедливость и заложить основы

демократизации межэтнических отношений [О реабилитации ..., 1991]. Закон осуждал репрессивные действия советской власти по отношению к отдельным народам как «политику деформации и искажения общечеловеческих ценностей» и объявлял тех, кто это делал, «беззаконными и преступными». В законе было определено понятие «репрессированные народы»; отменены все положения и правовые акты (в том числе изданные органами местного самоуправления), дискриминирующие жертвы репрессий, декларировалась ответственность государства за компенсацию, были приняты конкретные меры в этом направлении.

27 октября 1991 года Дж. Дудаев был избран президентом Чеченской Республики [Мурзаев]. В ней прошли парламентские выборы, была создана чеченская армия, в составе которой числилось около 2 000 добровольцев. 8 ноября 1991 года указом президента России на территории Чеченской и Ингушской республик было введено чрезвычайное положение. Результаты выборов были отменены. Таким образом, центральная власть выступила против сепаратизма Дж. Дудаева, но не предприняла адекватных мер. Начались совершенно неподготовленные военные действия. В Грозном были захвачены все здания силовых управлений, сотрудники МВД перешли на сторону Дж. Дудаева. Практически всё вооружение на территории Чечни оказалось под контролем сил, поддерживающих Дж. Дудаева. Регулярные войска России не смогли предотвратить эти события.

С самого начала событий позиция центральной власти была неоднозначной; ситуация быстро менялась. Чечня де facto вышла из состава РСФСР.

2 марта 1992 года парламент Ичкерии принял конституцию республики, провозгласив Чеченскую Республику «суверенным демократическим правовым государством, созданным в результате самоопределения чеченского народа» [Чеченская республика Ичкерия]. 26 мая 1992 года по инициативе чеченской стороны состоялись консультации между руководством России и экспертными группами Дж. Дудаева по выработке взаимоприемлемых подходов к проведению широкомасштабных переговоров по регулированию отношений между Чечней и Центром, определению статуса Чечни и развитию основ двусторонних отношений. К 8 июня 1992 года все российские (бывшие советские) войска были выведены из Чечни. Так начался чеченский конфликт, продолжавшийся около 10 лет.

30 октября 1992 года в Пригородном районе Северной Осетии произошел вооруженный осетино-ингушский конфликт. Этот инцидент стал поводом для ввода российских войск на территорию Ингушетии. Было объявлено чрезвычайное положение в связи с эскалацией югоосетинского конфликта.

13—15 ноября в Назрани представители правительства России (Э. Гайдар, С. Шахрай, А. Котенков) и представители руководства Чечни (Яраги Мамадаев, Ибрагим Сулейменов) достигли соглашения об условиях и правилах разделения российских войск и чеченских частей.

19 ноября 1992 года приказом заместителя Председателя Правительства Российской Федерации С. Шахрая в регионе Чечено-Ингушского конфликта была объявлена боевая готовность. В ходе эскалации осетино-ингушского конфликта российские войска вышли к границам Чечни [Мурзаев].

В 1994 году политическая ситуация в Чечне ухудшалась. Произошел экономический спад. Воровство нефтепродуктов и другие проблемы не нашли своего решения. Руководство Чечни не смогло принять необходимые меры. Начались теракты и захваты заложников. В этой ситуации Дж. Дудаев действовал как солдат, а не как политик. Он выслал из Чечни всех российских журналистов и представителей миротворческих и правоохранительных организаций. Все идеи извне были отвергнуты.

В Москве все политические силы единогласно осудили военную операцию и заявили, что начало широкомасштабного вооруженного конфликта недопустимо. Однако 11 декабря 1994 года части МВД, Минобороны и Внутренних войск Российской Федерации вошли на территорию Чечни. Войска, двигавшиеся с севера, почти беспрепятственно прошли через территорию, контролируемую антидудаевской оппозицией. Но в Чечне они встретили серьезное сопротивление. Началась первая чеченская война.

С 1991 по 1994 годы Чечня была де-факто независимой и пыталась создать функционирующее этнократическое государство, но к 1993 году экономика, системы образования и социального обеспечения практически рухнули, и более 90 тысяч русских и русскоязычных жителей покинули республику. Чечня стала свободной экономической зоной. В 1993 году возникла сильная оппозиция Дж. Дудаеву, были организованы массовые митинги с требованием создания работоспособного государства и заключения соглашения с Россией. В ответ Дж. Дудаев распустил парламент и закрыл оппозиционные газеты. В то время мирное урегулирование было еще возможно с предоставлением Чечне широкой автономии, но Дж. Дудаев безуспешно настаивал на личной встрече с Б. Ельциным для обсуждения вопроса о статусе республики.

Весной 1995 года Совет полевых командиров обратился к Дж. Дудаеву с просьбой перенести боевые действия с территории Чечни на другие регионы России. Были созданы первые батальонысмертников (камикадзе), велась подготовка к диверсионно-террористическим операциям. 14 июня в городе Буденновске было взято 1500 заложников. В результате была достигнута договоренность о прекращении боевых действий и начале мас-

штабных мирных переговоров. «Свободные выборы» прошли в Чечне 14—17 декабря 1995 года.

9 января 1996 года группа боевиков из 256 человек захватила город Кызлар. Первой целью боевиков стала российская вертолетная база и склад оружия. В городе начали собираться российские военные и правоохранительные органы, поэтому боевики захватили больницу и роддом. Ситуация в Чеченской республике вследствие этого резко ухудшилась.

22 апреля 1996 года первый президент сепаратистской Чечни Джохар Дудаев был убит. Его сменил Зелимхан Яндарбиев, а в 1997 году — Аслан Масхадов.

3.2. Урегулирование Чеченского конфликта во второй половине 1990-х — 2000-х годах

В августе 1996 года, после длительной упорной борьбы центральной власти за восстановление своих позиций в Чечне, президент Б. Ельцин объявил о Хасавюртовских соглашениях в Чечне. Боевые действия завершились, и было достигнуто примирение (А. Лебедь и А. Масхадов подписали в Хасавюрте «Совместное заявление» о принципах, по которым в дальнейшем будет вестись переговорный процесс) [Северный Кавказ ..., 2012, с. 13—14].

Выход всех федеральных войск с территории Чечни был объявлен 31 декабря 1996 года. Так закончилась первая чеченская война.

Создать стабильный в политическом и социально-экономическом отношении режим в фактически независимой Чечне А. Масхадов не сумел. Как отмечают исследователи, во время его президентства социальная и экономическая сфера республики деградировали; сам А. Масхадов поддержал сторонников военных действий и отказался от сотрудничества с центральными властями России [Культура Чечни..., 2002].

7 августа 1999 года началась Вторая Чеченская война (день перехода чеченских боевиков в Дагестан).

23 сентября 1999 года президент России Борис Ельцин подписал указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации» [О мерах по повышению ..., 1999]. Указ предусматривал создание Объединенной группировки сил на Северном Кавказе для проведения контртеррористической операции.

Активная фаза боевых действий продолжалась в 1999—2000 годах, после чего сепаратисты были оттеснены в горную местность, а российские федеральные вооруженные силы передали контроль над регионом местным силам чеченского самоуправления и самообороны. Главой администрации Чечни стал Ахмад Кадыров, который в 2003 году был избран пре-

зидентом Чеченской Республики. Была принята новая конституция Чечни как субъекта Российской Федерации. Утратившие даже теоретическую легитимность сепаратисты все в большей степени теряли характер борцов за национальную независимость; фактически имела место «джихадизация» провстанцев. В итоге в 2007 году «президент Чеченской Республики Ичкерия в изгнании» Доку Умаров провозгласил Кавказский эмират (Имарат Кавказ), одновременно заявив о ликвидации Чеченской Республики Ичкерия и ее правительства, так как Эмират не должен иметь границ, а должен охватывать все мусульманские земли Кавказа [Official Release ..., 2007]. Таким образом, можно сделать вывод о фактической трансформации Чеченского конфликта из этнополитического в политico-религиозный. Тенденция к такому перерастанию стала отмечаться еще в середине 1990-х годов, когда на смену достаточно спокойно относившемуся к религии Джохару Дудаеву пришли новые лидеры, стремившиеся придать этнополитическому конфликту оттенок джихада. Новые руководители Чечни — Ахмат Кадыров и сменивший его Рамзан Кадыров — сумели найти равновесие между интересами чеченского этноса, исламской религией и интересами России на Северном Кавказе, и в регионе установилось относительное спокойствие, а Эмират Кавказ фактически к 2015 году прекратил существование, продолжившись только как виртуальное государство в сети Интернет.

Две Чеченских войны и партизанская сепаратистская деятельность привели к крупным разрушениям инфраструктуры Чеченской республики, пострадало большое количество мирного населения. В Чечне с 2006 года начали восстанавливать разрушенную во время войны инфраструктуру, дороги, объекты общественного питания и здания, начались масштабные работы по реконструкции. Грозный снова был восстановлен. Здесь были построены самая большая в Европе мечеть, огромный стадион и единственный на Северном Кавказе комплекс многоэтажных зданий «Грозный-Сити». Зимой 2012 года только в одном районе города было отстроено 54 улицы, а также здания Национальной библиотеки, Национального музея и Государственного русского драматического театра. Уборку развалин, благоустройство улиц, парков и кладбищ, посадку деревьев и покраску осуществляли сотрудники государственных органов.

Однако серьезной проблемой здесь осталось обеспечение жильем. Жильцы, чьи дома и имущество были полностью уничтожены, имели право на получение либо дома, либо компенсации в размере 350 000 рублей [Северный Кавказ ..., 2012, с. 17—18].

Президент Р. Кадыров разрабатывает новую государственную идеологию, основанную на исламе и национальных интересах. Активно поддержи-

вает развитие культуры, искусства и спорта в Чечне, способствует внедрению и закреплению чеченских обычаев и традиционного образа жизни, создает комиссии по разрешению семейных споров, одновременно ведет кампанию против наркомании. Исследователи считают, что Р. Кадыров добился независимости Чечни при полной поддержке России больше, чем Д. Дудаев мог мечтать [Там же, с. 19]. Здесь были предприняты очень серьезные усилия по установлению верховенства права, прозрачной системы управления и политического плюрализма. Это улучшило международный имидж Чечни. Прозрачность и контроль над использованием государственных средств, направляемых на развитие экономики, восстановление республики и помошь гражданам, способствуют социальному миру и стабильности в обществе, а также углублению интеграции с остальной Россией.

3.3. Ингушетия и Северная Осетия как конфликтные зоны

В октябре 1992 года начался конфликт между ингушами и осетинами. Ингуши требовали восстановить то, что было утрачено в 1934 году (15 января 1934 года Чеченская и Ингушская автономные области были объединены; в 1937 году Чечено-Ингушская автономная область была преобразована в Чечено-Ингушскую АССР). Это были требования о возвращении части ингушских земель, переданных Северной Осетии. Обе стороны начали формировать отряды самообороны. На территории этих республик действие законов Российской Федерации было приостановлено. Начался фактический вооруженный межэтнический конфликт.

В июне 1992 года Верховный Совет России принял закон об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации [Об образовании ..., 1992].

В 1991—1992 годах начался грузино-осетинский межэтнический конфликт, в результате которого погибли 1 тыс. человек [Окунев, 2021]. Причиной его стал отказ пришедших к власти в Грузии националистов признать право на автономное существование Южной Осетии, при СССР входившей как автономная область в состав Грузинской ССР. В ответ лидеры Южной Осетии провозгласили независимость республики от Грузии (декабрь 1991 года). В ходе этнического конфликта тысячи беженцев из Южной Осетии пересекли Кавказский хребет и попали на Северный Кавказ. В то же время осетины были готовы с оружием в руках защищать интересы единого этноса. В октябре 1992 года конфликт вылился в открытые вооруженные столкновения между осетинами и ингушами. Однако следует отметить, что вооруженные действия продолжались лишь несколько месяцев в 1992 году. Постепенное урегулирование конфликта привело к тому, что столкновения прекратились, а действия сторон перешли в форму редких террористических актов. Одним из них стало убийство руководителя Ин-

гушетии Виктора Поляничко 1 августа 1993 года [Смирнов, 2022]. В дальнейшем накал конфликта между Осетией и Ингушетией ослабевал.

В результате осетино-ингушского конфликта, по официальным данным, погибло более 546 человек (105 осетин, 407 ингушей и др.), пропали без вести 198 человек. Было разграблено и разрушено более 4 тыс. домовладений и квартир. В результате депортации было изгнано 60 тыс. ингушей [Албогачиева, 2012, с. 58].

6 октября 2004 года президент Владимир Путин подписал указ «О мерах по совершенствованию деятельности государственных органов по развитию отношений между Республикой Северная Осетия-Алания и Республикой Ингушетия» [О мерах по совершенствованию ..., 2004]. К 2007 году конфликт в основном был урегулирован. В 2010 году была подписана «Программа совместных действий по развитию добрососедских отношений между Республикой Северная Осетия — Алания и Республикой Ингушетия». Постконфликтные взаимоотношения между двумя народами начали налаживаться.

4. Заключение = Conclusions

Анализируя конфликт 90-х годов XX века, мы видим, что в регионе были как политические, так и экономические факторы для возникновения конфликтов. Ситуация усугублялась экономическими параметрами кризиса: 1) отсутствие развитой экономической инфраструктуры в Ингушетии, разрушение административно-хозяйственных отношений, размещение основных производственных структур в Чечне и Северной Осетии создавали большую проблему; 2) произошел спад производства; 3) имел место отток высококвалифицированных кадров из региона; 4) хотя регион и входил в состав России, в нем был самый низкий уровень трудоспособного населения, не работавшего на производстве; 5) обострился дефицит продовольствия и товаров народного потребления.

Суть проблемы в том, что она затрагивала интересы многих народов и республик, проживающих на Кавказе. Народы Северного Кавказа веками были соседями, и все возникающие здесь проблемы они решали мирным путем. Однако политический и экономический кризис, случившийся в самой России, привел к опустошительным конфликтам.

В целом этнические конфликты разнообразны по формам выражения — в экономической, политической, идеологической и морально-культурной сферах. В статье освещены условия политизации этнических конфликтов на Северном Кавказе.

Современные конфликты стали одним из ведущих факторов нестабильности на Земле. Межэтнические конфликты занимают особое место

среди конфликтов в силу своего происхождения и характера. Этнические конфликты могут стать фактором, способным изменить геополитическое пространство мира, создать условия для формирования новых центров геополитического влияния, создать угрозу суверенитету и территориальной целостности государств, находящихся в состоянии нестабильности.

В результате земельной политики и миграции переселенцев в равнинные районы во времена СССР на Северном Кавказе произошли демографические изменения. Эти изменения создали условия для возникновения различных проблем среди этнических групп. Этнические и религиозные различия, терроризм и земельные конфликты также стали проблемами на Северном Кавказе. Вооруженные конфликты приводили к многочисленным человеческим жертвам, материальным потерям, экономическому спаду и к другим трагедиям. Сотни тысяч людей стали беженцами и вынужденными переселенцами. Неурегулированность этих конфликтов негативно сказывается на экономическом положении кавказских республик, на свободном развитии их глобальных и региональных отношений, не позволяет им в полной мере реализовать свой потенциал.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.constitution.ru> (дата обращения 22.07.2024).
2. Мурзаев Т. Чеченская Республика Ичкерия. Общий обзор [Электронный ресурс] / Т. Мурзаев. — Режим доступа : http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_97/chechen.html (дата обращения 26.07.2024).
3. Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации : Закон РФ от 04.06.1992 № 2927-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15526/ (дата обращения 21.07.2024).
4. Окунев Д. (05 января 2021). Расстреляли флаг СССР : как начиналась война Грузии и Южной Осетии. 30 лет назад началась война Грузии и Южной Осетии [Электронный ресурс] / Д. Окунев // Газета.Ru. — 2021. — 05 января. — Режим доступа : https://www.gazeta.ru/science/2021/01/04_a_13425956.shtml (дата обращения 26.07.2024).
5. О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации: Указ Президента РФ от 23 сентября 1999 г. N 1255с (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118538/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения 24.07.2024).
6. О мерах по совершенствованию деятельности государственных органов по развитию отношений между Республикой Северная Осетия — Алания и Республикой Ингушетия : Указ Президента Российской Федерации от 6 октября 2004 г. № 1285 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://mvd.consultant.ru/documents/51218?items=1&page=1> (дата обращения 23.07.2024).

7. *O реабилитации репрессированных народов* : Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://base.garant.ru/10200365/> (дата обращения 21.07.2024).

8. *Устав ООН* (полный текст) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 25.07.2024).

9. *Official Release of the Statement by Amir Dokka Umarov about the Declaration of the Caucasus Emirate* [Electronic resource] // The Caucasus Blog. 07/10/ 2007. — Access mode : <https://web.archive.org/web/20090524194330/http://caucasus.wordpress.com/2007/12/02/the-statement-by-amir-dokka-umarov-about-the-declaration-of-the-caucasus-emirate-07102007/> (дата обращения 26.07.2024).

Литература

1. Аклаев А. Р. Этнополитическая конфликтология / А. Р. Аклаев. — Москва : Дело, 2005. — 472 с. — ISBN 5-7749-0388-5.

2. Албогачиева М. Осетино-ингушский конфликт : причины и последствия трагедии осени 1992 года / М. Албогачиева // Кавказ и глобализация. — 2012. — Т. 6, № 4. — С. 48—60.

3. Вок Г. Б. Современная geopolитика Северного Кавказа : теоретические и прикладные аспекты : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Г. Б. Вок. — Краснодар, 2006. — 244 с.

4. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. 2-е издание, переработанное и дополненное / К. С. Гаджиев. — Москва : Международные отношения, 2003. — 464 с. — ISBN 5-7133-1070-1.

5. Гаджиев К. С. Кавказский узел в geopolитических приоритетах России / К. С. Гаджиев. — Москва : Логос, 2010. — 532 с. — ISBN 978-5-98704-460-5.

6. Давыдов В. Н. Этнополитические конфликты на Северном Кавказе и проблемы государственной безопасности Российской Федерации : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / В. Н. Давыдов. — Москва, 2004. — 162 с.

7. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе : история и современность. Статьи, очерки, эссе / В. В. Дегоев. — Москва : SPSL — «Русская панорама», 2003. — 512 с. — ISBN 5-93165-105-5.

8. Доронина Н. И. Международный конфликт / Н. И. Доронина. — Москва : Международные отношения. 1981. — 179 с.

9. Дробижева Л. М. Этнополитические конфликты : причины и типология (конец 1980-х — начало 1990-х годов) / Л. М. Дробижева // Россия сегодня : Трудные поиски свободы. — Москва : Международные отношения. 1993. — С. 227—236.

10. Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе в 1988—1994-х годах / А. Зверев // Спорные границы на Кавказе / Ред. Бруно Копптерс. — Москва : Весь Мир, 1996. — 226 с.

11. Карсанова Е. С. Регулирование этнополитических конфликтов на Северном Кавказе (Опыт и политico-правовые проблемы) : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Е. С. Карсанова. — Москва, 2003. — 168 с.

12. Культура Чечни : история и современные проблемы / под ред. Х. В. Туркаева. — Москва : Наука, 2002. — 382 с. — ISBN 5-02-008832-3.

13. Магарамов Э. М. Современная geopolитическая ситуация на Северном Кавказе : проблемы национальной и региональной безопасности России : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Э. М. Магарамов. — Махачкала, 2007. — 174 с.

14. Розин М. Д. Современный Северный Кавказ между системным кризисом и инерционным развитием [Электронный ресурс] / М. Д. Розин, С. Я. Сущий // Инженерный вестник Дона. — 2012. — № 2. — С. 585—594.
15. Северный Кавказ : Сложности интеграции (i), этничность и конфликт. Доклад № 220 (Европа) — 19 октября 2012 [Электронный ресурс] // Кавказский узел. — Режим доступа : https://www.kavkazuzel.eu/system/uploads/article_attachment/0003/38550/Severnyy_Kavkaz_slozhnosti_integratsii_I_etnichnost_i_konflikt_Doklad_MKG_220.pdf (дата обращения 26.07.2024).
16. Смирнов С. Три жизни Виктора Поляничко [Электронный ресурс] / С. Смирнов // Миссия. — 2022.— № 182. — Режим доступа : <https://missiya.info/articles/26720> (дата обращения 26.07.2024).
17. Поздняков Э. А. Геополитика / Э. А. Поздняков. — Москва : Международные отношения, 1995. — 570 с.
18. Спорные границы на Кавказе / под ред. Бруно Коппитерса. — Москва : Весь мир, 1996. — 226 с.
19. Цуциев А. А. Осетино-ингушский конфликт (1992) : его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк / А. А. Цуциев. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 1998. — 188 с. — ISBN 9785860041783.
20. Цыганков П. А. Системный подход в теории международных отношений / П. А. Цыганков // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2013. — № 5. — С. 3—25.
21. Abbasbəyli A. N. Konfliktologiya / A. N. Abbasbəyli, P. Darabadi, Ə. İbrahimov. — Bakı : Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2006. — 286 s.
22. Coser L. The Functions of Social Conflicts / L. Coser. — New York : Routledge, 1956. — 188 p. — ISBN 978-04151-7627-9.
23. Əlizadə Z. Münaqişə sistemli tamdır / Z. Əlizadə // Qarabağ Azadlıq Təşkilatı. Qarabağ dünən, bu gün, sabah I Ümumrespublika elmi-əməli konfransı-tezislər. — Bakı : Şuşa, 2002. — S. 184—185.
24. Seyidova S. Ermənistanın Azərbaycana qarşı təcavüzü və Ermənistan — Azərbaycan, Dağılıq Qarabağ münaqişəsində beynəlxalq təşkilatların mövqeyi / S. Seyidova. — Bakı : AD-PU-nun nəşriyyatı. 2014. — 411 s.
25. Seyidova S. M. Ermənistan-Azərbaycan Dağılıq Qarabağ münaqişəsinin tənzimlənməsində beynəlxalq təşkilatların iştirakı (1991—2005-ci illər) / S. M. Seyidova. — Bakı : Elm və Təhsil, 2021. — 405 s. — ISBN 978-9952-8421-9-7.

Статья поступила в редакцию 19.06.2024,
одобрена после рецензирования 22.08.2024,
подготовлена к публикации 02.09.2024.

Material resources

Murzaev, T. *Chechen Republic of Ichkeria. General overview*. Available at: http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_97/chechen.html (accessed 26.07.2024). (In Russ.). Official Release of the Statement by Amir Dokka Umarov about the Declaration of the Caucasus Emirate. (2007). *The Cuacasus Blog*. 07.10. Available at <https://web.archive.org/web/20090524194330/http://caucasus.wordpress.com/2007/12/02/the-statement-by-amir-dokka-umarov-about-the-declaration-of-the-caucasus-emirate-07102007/> (accessed 26.07.2024).

- Okunev, D. (2021). The USSR flag was shot: how the war between Georgia and South Ossetia began. 30 years ago, the war between Georgia and South Ossetia began. *Gazeta.ru*. January 05. Available at: https://www.gazeta.ru/science/2021/01/04_a_13425956.shtml (accessed 26.07.2024). (In Russ.).
- On measures to improve the activities of state bodies for the development of relations between the Republic of North Ossetia — Alania and the Republic of Ingushetia": Decree of the President of the Russian Federation dated October 6, 2004 № 1285.* Available at: <https://mvd.consultant.ru/documents/51218?items=1&page=1> Конституция (accessed 23.07.2024). (In Russ.).
- On measures to improve the effectiveness of counter-terrorism operations in the North Caucasus region of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation, September 23, 1999 № 1255c (with amendments and additions).* Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118538/942772dce30cfa36b671bef19ca928e4d698a928/ (accessed 24.07.2024). (In Russ.).
- On the Formation of the Ingush Republic as part of the Russian Federation : The Law of the Russian Federation, 04.06.1992 № 2927-1 (latest edition).* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15526/ (accessed 21.07.2024). (In Russ.).
- On the Rehabilitation of repressed peoples": The Law of the RSFSR № 1107-I, April 26, 1991.* Available at: <https://base.garant.ru/10200365/> (accessed 21.07.2024). (In Russ.).
- The Constitution of the Russian Federation.* Available at: <http://www.constitution.ru> (accessed 22.07.2024). (In Russ.).
- The UN Charter (full text).* Available at: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed 25.07.2024). (In Russ.).

References

- Abbasbeyli, A. N., Darabadi, P., İbrahimov, Ə. (2006). *Konfliktologiya*. Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı. 286 s. (In Azer.).
- Aklaev, A. R. (2005). *Ethnopolitical conflictology*. Moscow: The case. 472 p. ISBN 5-7749-0388-5. (In Russ.).
- Albogachieva, M. (2012). Ossetian-Ingush conflict: causes and consequences of the tragedy of autumn 1992. *Caucasus and globalization*, 6(4): 48-60. (In Russ.).
- Coppiters, B. (ed.). (1996). *Disputed borders in the Caucasus*. Moscow: The Whole World. 226 p. (In Russ.).
- Coser, L. (1956). *The Functions of Social Conflicts*. New York: Routledge. 188 p. ISBN 978-04151-7627-9.
- Davydov, V. N. (2004). *Ethnopolitical conflicts in the North Caucasus and problems of state security of the Russian Federation*. PhD Diss. Moscow. 162 p. (In Russ.).
- Degoev, V. V. (2003). *The Big Game in the Caucasus: history and modernity. Articles, essays, essays*. Moscow: SPSL — "Russian Panorama". 512 p. ISBN 5-93165-105-5. (In Russ.).
- Doronina, N. I. (1981). *International conflict*. Moscow: International Relations. 179 p. (In Russ.).
- Drobizheva, L. M. (1993). Ethnopolitical conflicts: causes and typology (late 1980s — early 1990s). In: *Russia today: The difficult search for freedom*. Moscow: International Relations. 227—236. (In Russ.).
- Əlizadə, Z. (2002). Münaqişə sistemli tamdır, In: *Qarabağ Azadlıq Təşkilati. Qarabağ dünən, bu gün, sabah 1 Ümumrespublika elmi-əməli konfransı-tezislər*. Bakı: Şuşa. 184—185. (In Azer.).

- Gadzhiev, K. S. (2003). *Geopolitics of the Caucasus. 2nd edition, revised and expanded.* Moscow: International Relations. 464 p. ISBN 5-7133-1070-1. (In Russ.).
- Gadzhiev, K. S. (2010). *The Caucasian knot in Russia's geopolitical priorities.* Moscow: Logos. 532 p. ISBN 978-5-98704-460-5. (In Russ.).
- Karsanova, E. S. (2003). *Regulation of ethnopolitical conflicts in the North Caucasus (Experience and political and legal problems).* PhD Diss. Moscow. 168 p. (In Russ.).
- Magaramov, E. M. (2007). *The modern geopolitical situation in the North Caucasus: problems of national and regional security of Russia.* PhD Diss. Makhachkala. 174 p. (In Russ.).
- Pozdnyakov, E. A. (1995). *Geopolitics.* Moscow: International Relations. 570 p. (In Russ.).
- Rozin, M. D., Sushchii, S. Ya. (2012). Modern North Caucasus between systemic crisis and inertial development. *Engineering Bulletin of the Don*, 2: 585—594. (In Russ.).
- Seyidova, S. (2014). *Ermənistanın Azərbaycana qarşı təcavüzü və Ermənistən — Azərbaycan, Dağlıq Qarabağ münaqişəsində beynəlxalq təşkilatların mövqeyi.* Bakı: ADPU-nun nəşriyyatı. 411 s. (In Azer.).
- Seyidova, S. M. (2021). *Ermənistən-Azərbaycan Dağlıq Qarabağ münaqişəsinin tənzimlənməsində beynəlxalq təşkilatların iştirakı (1991—2005-ci illər).* Bakı: Elm və Təhsil. 405 s. ISBN 978-9952-8421-9-7. (In Azer.).
- Smirnov, S. (2022). Three lives of Viktor Polyanichko. *Mission*, 182. Available at: <https://missiya.info/articles/26720> (accessed 26.07.2024). (In Russ.).
- The North Caucasus: The difficulties of integration (i), ethnicity and conflict. Report № 220 (Europe) — October 19, 2012 to *Caucasian Knot*. Available at: https://www.kavkazuzel.eu/system/uploads/article_attachment/attach/0003/38550/Severny_Kavkaz_slozhnosti_integratsii_I_etrnichnost_i_konflikt_Doklad_MKG_220.pdf (accessed 26.07.2024). (In Russ.).
- Tsutsiev, A. A. (1998). *The Ossetian-Ingush conflict (1992): its background and development factors. Historical and sociological essay.* Moscow: Russian Political Encyclopedia. 188 p. ISBN 9785860041783. (In Russ.).
- Tsygankov, P. A. (2013). Systems approach in the theory of international relations. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*, 5: 3-25. (In Russ.).
- Turkaev, H. V. (ed.). (2002). *Chechen culture: History and modern problems.* Moscow: Nauka. 382 p. ISBN 5-02-008832-3. (In Russ.).
- Vok, G. B. (2006). *Modern geopolitics of the North Caucasus: theoretical and applied aspects.* PhD Diss. Krasnodar. 244 p. (In Russ.).
- Zverev, A. (1996). *Ethnic conflicts in the Caucasus in 1988—1994-x years. Disputed borders in the Caucasus.* Moscow: The Whole World. 226 p. (In Russ.).

*The article was submitted 19.06.2024;
approved after reviewing 22.08.2024;
accepted for publication 02.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Татаров А. А. Община горских евреев Кабардино-Балкарии в 1944—1965 годах / А. А. Татаров // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 505—521. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-505-521.

Tatarov, A. A. (2024). Mountain Jewish Community of Kabardino-Balkaria from 1944 to 1965. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 505-521. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-505-521. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ**Община горских евреев
Кабардино-Балкарии
в 1944—1965 годах**

Татаров Азамат Амуревич
orcid.org/0000-0003-3626-3913
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
traveller9090@mail.ru

Кабардино-Балкарский
государственный университет
им Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00106
«Западнокавказский
культурный ареал горских евреев:
история, идентичности, общинные
структуры», реализуемого Южным
федеральным университетом

**Mountain Jewish Community
of Kabardino-Balkaria
from 1944 to 1965**

Azamat A. Tatarov
orcid.org/0000-0003-3626-3913
PhD of History, Associate Professor,
Department of General History
traveller9090@mail.ru

Kabardino-Balkarian
State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00106
“Cultural area of the mountain Jews
of the Western Caucasus: history,
identities,
communal structures”, implemented
by the Southern Federal University

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме государственно-конфессиональных отношений на примере зарегистрированной религиозной общины горских евреев города Нальчика Кабардино-Балкарии. Выбранный период 1944—1965 годов охватывает функционирование Совета по делам религиозных культов и его регионального представительства. Цель статьи заключается в выявлении политики государства в отношении верующих горских евреев на основе архивных документов и тематического анализа. Исследование показало, что с начала 1950-х годов усилился бюрократический натиск на религиозную общину в условиях многоуровневой системы контроля. Протоколы, кассовые чеки, отчеты, получаемые от общины горских евреев, служили информационной базой для регионального уполномоченного Совета по делам религиозных культов при составлении документов для центрального ведомства. Закрытие синагоги, ограничения кооперации при подготовке верующих к праздникам, а также различные бюрократические приемы не принесли властям желаемые результаты. Несмотря на официальное закрытие синагоги в 1951 году, религиозные праздники получили широкий отклик среди верующих за пределами зарегистрированной группы и официальных предписаний. В контексте финансовых потоков и хозяйственно-материальных вопросов верующие горские евреи находили возможность обхода установленных государством рамок.

Ключевые слова:

община горских евреев; Кабардино-Балкария; синагога; Совет по делам религиозных культов; религиозные праздники; научный atheism.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of state-religious relations through the lens of the registered religious community of Mountain Jews in the city of Nalchik, Kabardino-Balkaria. The selected period from 1944 to 1965 encompasses the operations of the Council for Religious Affairs and its regional representation. The aim of this study is to identify state policies regarding the Mountain Jewish believers based on archival documents and thematic analysis. The research reveals that from the early 1950s, bureaucratic pressure on the religious community intensified within a multi-tiered system of control. Protocols, cash receipts, and reports obtained from the Mountain Jewish community served as an informational basis for the regional representative of the Council for Religious Affairs when preparing documents for the central authority. The closure of the synagogue, restrictions on cooperation in preparing believers for holidays, and various bureaucratic maneuvers did not yield the desired results for the authorities. Despite the official closure of the synagogue in 1951, religious holidays resonated widely among believers beyond the registered group and official mandates. In the context of financial flows and material concerns, Mountain Jewish believers found ways to circumvent the constraints imposed by the state.

Key words:

Mountain Jewish community; Kabardino-Balkaria; synagogue; Council for Religious Affairs; religious holidays; scientific atheism.

УДК 94(470.64)(=411.16) “1944/1965”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-505-521

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Община горских евреев Кабардино-Балкарии в 1944—1965 годах

© Татаров А. А., 2024

1. Введение = Introduction

До середины XIX века горские евреи Кавказа проживали преимущественно в ряде районов Дагестана и Азербайджана, пока их община не образовалась в районе крепости Нальчик. Несколько десятков семей обосновались в поселении Еврейская Колонка, которое по сей день остается неотъемлемым элементом этно-территориальной карты Кабардино-Балкарии. Термин *Кабардино-Балкария* в данном исследовании служит универсальным обозначением различных административных форм: Кабардино-Балкарская Автономная Советская Социалистическая Республика (с 1936), Кабардинская АССР после депортации балкарцев (с 1944 года), восстановленная Кабардино-Балкарская АССР (с 1957).

В довоенный период советской власти горские евреи Нальчика получили статус автономной колонии (1925—1938 годы) [Сень, 2023, с. 58]. Численность общины по переписям населения 1939, 1959 и 1970 годов составляла 3414, 2219 и 2546 чел. соответственно [Население ...].

Горским евреям удалось спастись от массового уничтожения в период нацистской оккупации 1942—1943 годов, а спустя два года вместе с группами верующих других конфессий получить доступ к осуществлению публичных религиозных практик. В данной статье предпринята попытка осветить малоизученный период истории горских евреев Кабардино-Балкарии с точки зрения государственно-конфессиональных отношений, которые заняли одно из центральных мест в повседневной жизни общины. Хронологические рамки обусловлены периодом деятельности Совета по делам религиозных культов (далее — СпДРК) при советском правительстве в 1944—1965 годах.

Рассматриваемый период охватил переход от сталинской политики до-зволения ограниченной публичности религии к ужесточению контроля и научно-атеистической кампании периода «оттепели». В самой среде «культовой бюрократии» происходили институциональные и тактические изменения на уровне центра и регионов. Наконец, в годы своего существования СпДРК,

ставший наряду с духовными управлениями официальным каналом проникновения государства в жизнь религиозных групп, претерпел смену акторов.

Опыт изучения проблемы имеет многоуровневый характер. Различные авторы освещают послевоенную повседневность, религиозные практики горских евреев и евреев в целом в рамках всесоюзного контекста [Горские, 1999; Дымшиц, 2018; Королева, Молькин, 2015; Микдаш-Шамаилова, 2018; Чарный, 2003, Чарный, 2008; Altshuler, 2012] и на уровне советских республик, регионов, локальных обществ [Герасимова, 2019; Карпекин, 2022; Карпекин, 2017; Снопов, 2021]. В целом исследователи сходятся в том, что послевоенная конфессиональная политика властей имела двойственный характер и была нацелена на поступательную «деиудализацию» [Членов, 2000]. В исследованиях по истории северокавказских горских евреев, в том числе общины Кабардино-Балкарии [Данилова, 1997; Мурзаханов, 1994; Перельгут, 2001], публичные религиозные практики 1944—1965 годов остались малоизученным исследовательским объектом. Введение в научный оборот архивных данных по линии работы СпДРК в региональном измерении позволяет восполнить пробел.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изменения политики в отношении горско-еврейской общины Нальчика касались таких вопросов, как регистрация, финансовые потоки, прохождение праздников, состояние молитвенного дома и кладбища, выбор лидеров и состава общины и др. Это отражается в содержании фонда Р-780 Центрального государственного архива Кабардино-Балкарии, материалы которого предоставляют широкую возможность проанализировать особенности организации официального государственного мониторинга религиозной жизни изучаемой общины. Использованные документы — отчеты, переписка, справки, журналы приема посетителей — позволяют проследить процедуры дозволения и сдерживания религиозных практик в публичном пространстве, делопроизводство региональных уполномоченных СпДРК, повседневные аспекты религиозных практик (праздники, хозяйственно-финансовые вопросы, обряды обрезания, венчания и погребения и т. д.), деятельность религиозных акторов.

Помимо численных показателей архивные данные дают представление о проникновении светских принципов в жизнь общины (кассовые операции, протоколы заседаний), о тактических соображениях лиц, вовлеченных в деятельность СпДРК, о бюрократических проволочках и других аспектах.

С точки зрения метода тематического анализа сведений из архивных документов 1944—1965 годов определен ряд направлений: формирование основы региональной политики СпДРК в отношении горско-еврейской об-

щины Нальчика в послевоенную эпоху, проблема закрытия синагоги, мониторинг религиозных праздников.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Становление системы СпДРК и его практик по горско-еврейскому вопросу в Кабардинской АССР

После испытаний войны государство было готово во всяком случае временно признать публичную силу религии, которой было дозволено выйти на территорию, где заправляла бюрократия поздней сталинской эпохи.

В рамках подготовительной кампании сбор данных в Кабардинской АССР (далее — КАССР) проходил в сентябре — ноябре 1944 года и охватывал сведения как о действующих молитвенных домах, так и о пустующих [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5 а., л. 7]. 19 ноября 1944 года Совнарком СССР издал постановление о порядке открытия молитвенных зданий. Основная работа с населением по этим вопросам находилась в ведении уполномоченных СпДРК, которые на местах были в подчинении Совнаркома (с 1946 года — Совмина) региона. Для открытия религиозного здания, в том числе синагоги, требовалось предоставить местному уполномоченному ходатайство, подписанное не менее чем 20 гражданами (так называемые «двойдцатки») [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5, л. 2]. Одновременно состоялось освобождение раввинов, как и других священнослужителей, от военного призыва.

Более конкретные положения — составление договоров с общинами, процедуры регистрации и лишения регистрации и т. п. — нашли выражение в специальных брошюрах-инструкциях, высланных каждому уполномоченному в 1945 году. Первоначальная юридическая база регистрации и проявления бюрократизма постепенно усложнялись. В инструктивном письме СпДРК (декабрь 1948 года) уже говорилось о необходимости учета подробной информации о ходатайствующей группе. Теперь региональные уполномоченные СпДРК должны были ежеквартально предоставлять сведения о численности населения в пункте потенциального открытия молитвенного дома, причинах неоднократных ходатайств и т. д. [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5, л. 9]. Общины получали право открывать счета в отделениях Госбанка. При этом в Центре строго пресекали случаи передачи уполномоченными верующим нормативных актов, принятых СпДРК.

Открытие официальной общины было многоэтапным: предварительное рассмотрение и проверка ходатайства верующих, регистрация религиозного общества с его исполнительным органом и служителями, регистрация молитвенных зданий, заключение договора об их использовании и т. п. [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 54 а., л. 75].

В течение 1945 года в СпДРК сделали предварительные выводы по иудейскому вопросу в работе региональных уполномоченных. Первый уполномоченный СпДРК по КАССР М. Гешев в феврале 1945 года получил рабочие инструкции с установкой на укрупнение групп ходатайствующих иудеев «путем возможного их слияния» в связи с малочисленностью [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5 а., л. 9]. Не считалось целесообразным поддержать «чрезвычайно сложное мероприятие» по производству партий кошерного мяса. Помимо этого отмечалось, что необходимо обязательно регистрировать общины вместе с раввинами и, несмотря на некоторые обращения, не придавать сугубо религиозный характер еврейским общинам [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5 а., л. 22].

Позднее (в апреле 1946 года) вышло пояснение к последнему вопросу: синагоги не должны были стать площадкой развития социально-политических и национальных интересов общин; предполагалось, что они должны были служить лишь религиозным целям [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5 а., л. 35].

Регистрация официальной еврейской общины Нальчика оказалась довольно быстрым процессом. Точкой отсчета можно считать 9 марта 1945 года, день посещения Ш. Х. Амировым (с февраля 1946 года упоминается как раввин в документах) уполномоченного СпДРК по КАССР по вопросу оформления документов [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 11, л. 2]. Окончательная регистрация общины по адресу ул. Осетинская, д. 15, ее исполнительного комитета (3 чел.) и ревизионной комиссии (3 чел.) состоялась 5 мая 1945 года [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 9, л. 2]. После повторных посещений, 10 июня 1946 года запускается процедура оформления документов по ремонту синагоги. Однако вопрос остается нерешенным в последующие два года, согласно журналу посещения уполномоченного [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 11, л. 4—5 об.].

С 1949 года уполномоченный СпДРК по КАССР ежегодно отсыпал в Отдел пропаганды и агитации обкома ВКП (б) справку о деятельности религиозных культов. Первая из таких справок содержала краткие сведения о горских евреях. Отмечалось, что в будние дни и в субботу община не проявляет активности, однако все меняется во время праздников. Подвергалось критике проведение обрезания новорожденных мальчиков «в антисанитарных условиях» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 54 а., л. 59]. В 1950 году «специально выделенный еврейской общиной гр-н» Н. Х. Амиров совершил 26 обрезаний [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 54 а., л. 80].

На 1949 год община была зарегистрирована по адресу: г. Нальчик, ул. Красная, д. 112. Доходы раввина Ш. Х. Амирова составляли 200 руб.

в месяц, не считая доходов от совершения обрядов [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 54 а., л. 21]. Синагога (ул. Подгорная, д. 75), построенная еще до революции, открылась снова в 1945 году. Но спустя шесть лет она была снята с регистрации за «систематическое нарушение Советского Законодательства о религиозных культурах» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 54 а., л. 74]. Впрочем, это было частью общей тенденции сокращения числа официальных молитвенных зданий и организаций с начала 1950-х годов.

3.2. Ремонт синагоги: камень преткновений

В ноябре 1948 года И. В. Полянский в письме уполномоченному СпДРК по КАССР отметил, что в случае невозможности проведения ремонта синагоги необходимо подыскать для еврейской общины новое здание [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5 а., л. 122—122 об.]. Но в августе 1949 года вопрос о судьбе синагоги Нальчика был поставлен в более строгую плоскость в связи информацией от уполномоченного Х. Иванова (сменил М. Гешева в 1948 году) об отказе общины проводить ремонт и, соответственно, нарушении договора о передаче в пользование здания и имущества [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5, л. 37]. В октябре 1950 года Полянский предложил также поставить перед нальчикским раввином строгие требования о пресечении таких практик, как сбор средств среди евреев за пределами синагоги и препятствование захоронению умерших, чьи родственники не внесли в синагогу плату [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5, л. 42]. В апреле 1951 года из СпДРК пришло указание создать через Горсовет Нальчика техническую комиссию, которая составит акт о безальтернативной необходимости проведения в синагоге капитального или текущего ремонта. В случае официального отказа исполнкома общины ее дальнейшая судьба уже решалась окончательно [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5, л. 44]. В ноябре 1951 года синагога была закрыта. Двухлетняя эпопея с ремонтом показывает, что для органов власти было важно показать принципиальность, приверженность строгим рамкам юридических договоренностей, отсутствие шансов на свободный выход религии в публичное пространство.

С конца 1951 года по февраль 1953 года здание синагоги занимали различные организации, с марта 1953 года здесь расположилась скульптурно-художественная мастерская. Однако в связи с тем, что объект не состоял на балансе мастерской, никакого технического восстановления произведено не было, горком «не принял мер к ремонту здания как национализированного фонда, и здание пришло в аварийное состояние» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 104, л. 24].

31 октября 1955 года председатель общины Н. Х. Амиров и новый раввин С. Р. Шаулов (Раввин горских евреев Нальчика в 1918—1923 годах)

на приеме нового уполномоченного Л. Аисова (приступил к обязанностям в апреле 1955 года) выразили готовность ходатайствовать о возврате синагоги. Сам Аисов хоть и дал разъяснения о порядке подачи этого дела в Горсовет, скептически оценивал финансовые возможности общины и объем денежных поступлений от верующих (1000—1500 руб. за квартал) для содержания большого здания [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 90, л. 30].

Несмотря на отсутствие конкретных данных, финансовые источники общины включали не только официальные поступления, но и пожертвования от многих горских евреев, работавших в 1950-х годах в кооперативах, на швейной, обувной, кожевенной фабриках и других предприятиях Нальчика [Дымшиц, 2018, с. 206]. К тому же праздники давали значительные финансовые потоки руководству общины. В марте 1959 года во время праздника Пурим разовые пожертвования достигали 600—800 рублей [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, л. 38].

16 сентября 1955 года к уполномоченному на прием пришел глава ревизионной комиссии общины А. Ю. Шамилов, отметивший, что с приближением осенних еврейских праздников встает вопрос о месте прохождения сборов, на которых ожидалось около 200—300 чел. В отсутствие синагоги в предыдущие годы верующим приходилось довольствоваться небольшим молитвенным зданием и его двором. Шамилов обратился с просьбой «построить во дворе синагоги молитвенный дом стоимостью 10—15 тыс. руб.» для обеспечения участия общины в годовых праздниках. Представитель общины был озабочен плохим состоянием здания синагоги, «отобранный Горсоветом», а также запущенностью старого еврейского кладбища, не имевшего ограды и ставшего проходным местом с тропинками для горожан [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 89, л. 51—52]. В таком же духе апеллировали к властям и другие религиозные общины республики, которые указывали властям на то, что выведенные из публичного пространства физические объекты не обеспечиваются в должной мере ремонтом и содержанием и просили чиновников вернуть им возможность справиться с техническими препятствиями.

В июне 1956 года община подала в Горисполком ходатайство о возврате синагоги, в сентябре оно было отклонено. На март 1957 года Горкомхоз так и не провел капитальный ремонт здания, несмотря на предписания. Л. Аисов отмечал по этому поводу: «Это вызвало тревогу и возмущение верующих евреев, которые поставили перед собой задачу вернуть здание бывшей синагоги. В данное время актив религиозного общества ведет агитацию среди жителей ..., направленную на сбор средств и командировку в Москву с ходатайством к правительству представителей верующих» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 104, л. 24].

В январе 1958 года представители общины (Н. Х. Амиров, С. Р. Шаулов, А. Ю. Шамилов) снова пришли на прием к Л. Аисову, заявив, что выбрано новое здание для совершения молитв и его ремонт начался уже до получения разрешения на приобретение. На замечание Л. Аисова о нарушении правил покупки здания для общины посетители ответили, что 5 лет разговоров о решении вопроса с домом для молитв и праздничных собраний дают общине надежду, что правительство не откажет верующим. Уполномоченный не пообещал поддержку с вопросом по синагоге, но выразил готовность помочь с заброшенным еврейским кладбищем [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 112, л. 17].

Хотя летом 1958 года комиссия Горисполкома осмотрела потенциальный молитвенный дом (ул. Осетинская, д. 15) и не выявила препятствий для его покупки членами общины, Совмин КБАССР не издал решающее постановление [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 121, л. 21]. Во время осенних праздников этого года в молитвенном доме поместились около 100 чел., а больше половины верующих были вынуждены расположиться во дворе [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 112, л. 96]. Документы последующих 7 лет более не касаются проблемы синагоги.

3.3. Мониторинг еврейских праздников

В СпДРК были твердо убеждены, что основной всплеск религиозности связан с праздниками. В августе 1950 года в одном из официальных актов И. В. Полянский подчеркивал: «Религиозное движение среди еврейского населения еще задолго до начала праздников оживляется. Этому способствует активизация деятельности в этот период времени духовенства и активных религиозников, которые стремятся привлечь в синагогу как можно больше евреев, независимо от их религиозности» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5, л. 20].

По аналогии с мониторингом обрядов и праздников других религий, во второй половине 1940-х годов уполномоченный СпДРК приступает к учету еврейских праздников. На 1949 год было установлено, что годовые праздники собирают в районе нальчикской синагоги до 500—600 чел. [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 54 а., л. 59]. В 1950 году в ходе празднования еврейской пасхи (2—8 апреля) СпДРК обратился к уполномоченному по КАССР с требованием обеспечить строгие рамки проведения мероприятия, которые включали запрет пасхальных трапез в синагоге и раздачу мацы бедным (маца — традиционная лепешка из теста на воде). В этом же году с 11 сентября по 4 октября горские евреи праздновали «Рош ха-Шана», «Йом-Кипур» и «Сукот» (табл. 1). Уполномоченный СпДРК получил из Москвы следующие инструкции:

- препятствовать расширению молитвенных зданий за счет пристроек;

- предотвратить деятельность явочных групп верующих (миньянов);
- не допускать установки радиорепродуктора внутри и в районе синагоги;
- запретить продажу мест в синагоге и выдачу квитанций;
- обеспечить противопожарные и санитарные меры;
- собрать необходимую информацию (возрастной, половой и социальный состав участников; факты нарушения дисциплины и законов; характеристика проповедей и деятельности духовенства; участие коммунистов и комсомольцев) [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 5, л. 13, 21].

Таблица 1

Посещаемость евреями религиозных праздников в Нальчике
в 1950 года*

Название	Характеристика	Дата	Количество участников
Рош ха-Шана	Еврейский Новый год	12—13 сентября	200—250 чел.
Йом-Кипур	«Судный день», день поста и искупления грехов.	21 сентября	453 чел.
Суккот	Семидневный праздник, напоминающий о кущах (шалаших), в которых евреи жили после исхода из Египта	28—29 сентября — 3—4 октября	По 200—250 чел. (в первые и последние два дня)

* Составлено по: [УЦГА АС КБР, ф. Р-780. оп. 1, ед. хр. 5, л. 21].

Несмотря на последующее закрытие синагоги и отсутствие зданий для приемлемого размещения верующих, руководители общины находили возможности организации собраний сотен человек в дни религиозных праздников. Статистика демонстрировала возрождение и неуклонный рост популярности этих институтов с 1953 года (Табл. 2) и одновременно побуждала власти к созданию новых бюрократических препятствий.

Таблица 2

Участие иудеев Нальчика в богослужениях *

Посещение молитвенного дома	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Обычные дни	10—15	20—25	30—35	35—40	35—45
Суббота	30—40	35—45	50—60	55—70	60—80
Праздники	50—60	65—75	80—90	100—150	200—250

*Составлено по: [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 112, л. 34].

В качестве примера можно привести ситуацию с еврейской Пасхой в 1958 года (6—13 апреля). На общесоюзном уровне в эти годы действовала практика об ограничении кустарного производства мацы как запрещенного с точки зрения документации Минфина СССР промысла [Королева и др., 2015]. Накануне праздника исполком общины организовал артель по выпечке мацы, «но горфинотдел внес возражения, мотивируя тем, что маца является пищевым продуктом и лица, выпекающие ее, не имеют разрешения и медицинского заключения». Исполком общины был вынужден перестроить свою работу, распределив выпечку по группам из 5—8 семей. Позже раввин Шаулов подтвердил, что ритуальный хлеб был приготовлен в необходимом количестве, а семьи, не имевшие возможности приобретения, были обеспечены им за счет пожертвований. В отдельные дни того праздничного периода численность присутствующих на богослужениях достигала 300 чел., преимущественно мужчин среднего и старшего возраста, основная часть которых была размещена во дворе дома, в котором община была официально зарегистрирована (ул. Осетинская, д. 15). К периоду осенних праздников здесь сделали ремонт и провели электричество [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 112, л. 61—62, 97].

3.4. Наступление бюрократии и научного атеизма в период «оттепели»

С середины 1950-х годов намечается усиление административного контроля над ходатайствами по регистрации молитвенных зданий. Если с 1944 года этот вопрос принимался СпДРК и выносился на одобрение Правительства СССР, то с 1955 года порядок стал обратным [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 88 а., л. 7]. Увеличилась активность партийных органов. Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС углубился в тактическую работу, что отразилось на распространении в союзных республиках постановления «О недостатках в научно-атеистической пропаганде» (ноябрь 1954 года).

С 1957 года новый председатель СпДРК А. А. Пузин через уполномоченных реализовывал программу более тонкого характера. Научная атеистическая политика требовала новых методов религиозной пропаганды, в том числе для мобилизации религиозных лидеров «в борьбе за мир и запрещение испытаний ядерного оружия» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 92, л. 14]. Теперь появились отдельные направления сборов данных, за каждым из которых закреплялись инспекторы и сотрудники СпДРК.

На рассвете хрущевской антирелигиозной кампании была объявлена политическая амнистия, которая коснулась и религиозных деятелей. В СпДРК были обеспокоены возможными эксцессами. В августе 1956 года новый уполномоченный Л. Аисов получил предписание об усилении бди-

тельности в отношении служителей иудаизма, освобождённых из лагерей [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 92, л. 6].

Согласно официальному отчету за первую половину 1955 года, иудейская община Нальчика объединяла на регулярной основе 60—70 чел. без наличия обособленного молитвенного дома, но с арендаемой комнатой площадью в 12,5 кв. м. Однако тут же приводилась статистика посещения синагоги, под которой подразумевалось не юридически закрепленное, а неформальное место собрания верующих (табл. 3). В отчете также отмечалось: «В силу того, что религиозное общество находится в той части города, население которой составляют исключительно только евреи, очень трудно лично понаблюдать за практической деятельностью общества» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 90, л. 10—11]. За I и II квартал 1963 года в будние дни посещение «неофициальной синагоги» составляло 20—30 чел., в субботние — 60—70 чел., в праздничные — до 150—200 чел. [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 9, л. 51—22].

Таблица 3

Посещаемость молитвенного дома иудеев г. Нальчика
в первой половине 1955 года *

Будни	Суббота	Цурим (февраль)	Дни торжеств (апрель)	Троица (июнь)	Рош ха- Шана	Йом- Кипур
25—35	65—70	150—160	160—170	126	150	200

*Составлено по: [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 90, л. 11, 31—32].

Уполномоченный по КАССР Л. Аисов в сентябре 1955 года получил предписание из Совета о том, что впредь он должен высыпать докладные записки с информацией о прохождении осенних еврейских праздников (Рош ха-Шана, Йом-Кипур, Суккот) «через два-три дня после их окончания» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 88 а., л. 30].

Во второй половине 1950-х годов плотность протоколов и документации регионального отдела СпДРК возросла, и это позволяет проводить более подробно отследить изменения официального статуса. На июнь 1956 года исполнительный комитет общины включал Н. Х. Амирова, И. Х. Ханукаева и Г. Д. Нафталиева, ревизионная комиссия — А. Ю. Шамилова (председатель), А. Х. Симахова и Ш. Ю. Ягудаева. 25 декабря 1957 года состоялось первое в восстановленной Кабардино-Балкарской автономии переизбрание «двадцатки» общины, куда вошли К. Ш. Шамилов, А. Б. Шамилов, А. Н. Давыдов, Г. Д. Нафталиев, Ш. Г. Шагабаев, А. Р. Давыдов, Х. Н. Шабаев, Ш. Г. Шалумов, М. М. Амиров, Х. Х. Бабижаев, И. И. Ифраимов, М. Н. Алхасов, Ш. П. Изгияев, И. М. Алхасов,

Н. Г. Мигиров, Ю. М. Матаев, М. М. Ягудаев, Ш. Я. Алхасов, С. Э. Матаев, П. А. Шабаев. Согласно протоколу на общем собрании присутствовали 125 чел. [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 9, л. 21].

Рост бюрократизации вылился в то, что смещение официальных лидеров (председателя или раввина) проводилось впредь с протоколом. Так, 15 апреля 1963 года на заседании «президиума горско-еврейской религиозной общины города Нальчика» Н. Х. Амиров был освобождён от должности председателя общины с запретом «обслуживать население какими бы то ни было религиозными обрядами» [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 9, л. 12].

15 мая 1963 года прошли новые выборы «двадцатки» общины, состав которой претерпел заметные изменения, но, как прежде, состоял исключительно из мужчин, представляющих основные горско-еврейские фамилии Нальчика: Б. М. Амиров, Д. И. Амирамов, Г. Д. Нафталиев, Е. Т. Шабаев, С. Р. Шаулов, Ш. Ю. Ягудаев, Х. С. Шабаев, Ш. М. Давыдов, И. Б. Шамилов, А. Ю. Шамилов, З. У. Шамилов, А. Х. Симахов, И. Х. Ханукаев, Я. Ш. Ягудаев, Я. А. Абрамов, Ш. П. Шагабаев, Ш. П. Изхияев, Н. Я. Алхасов, М. М. Кишеев, Ж. М. Кабижаев [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 9, л. 14].

В этот же день новым председателем общины стал Ш. Ю. Ягудаев (оклад 50 руб. в месяц). Раввином остался С. Р. Шаулов (оклад 80 руб. в месяц). Кассиром-счетоводом назначили И. Х. Ханукаева (оклад 50 руб. в месяц). Обновился состав ревизионной комиссии — А. Ю. Шамилов (председатель), А. Х. Симахов, З. Ц. Шамилов. Обязанности раввина по протоколу включали трёхкратный ежедневный молебен в молитвенном доме; обслуживание населения с 9 до 18 часов с часовым перерывом кроме субботы; венчание после регистрации в ЗАГСе или же развод после утверждения суда; ритуальный убой птиц и баранов. Предписывалось также «всякое обслуживание населения раввином производить после предъявления квитанции от кассира об оплате за услугу». Цены на некоторые услуги раввина выглядели следующим образом: венчание — 5 руб., развод — 5 руб., обрезание — 5 руб., поминки — 2 руб., похороны — 3 руб. Все поступающие денежные средства по квитанциям и пожертвованиям должны были своевременно сдаваться в Госбанк под ответственностью кассира. Регламентация охватила и процедуру вскрытия копилки пожертвований, в ходе которой следовало присутствовать председателю общины, председателю ревизионной комиссии и кассиру [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 9, л. 15—16].

Для начала 1960-х годов характерна такая сторона отчетности, как подача ежеквартальных сведений по совершению ритуалов. Однако остается

открытым вопросом о том, насколько официальная статистика вбирала в себя все ритуальные действия. В частности, в 1963 году по обрядам было похоронено 48 чел., в то время как в ЗАГСе Нальчика было зафиксировано 33 смерти [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 2, ед. хр. 21, л. 13].

Данные документов несколько обрывочны, но позволяют оценить число зафиксированных и квитационно оплаченных актов венчания, обрезания, погребения (табл. 4).

Таблица 4

Официальная статистика актов религиозных практик *

Обряды	1959	1960	1962	1963 (I и II квартал)	1964
Венчание	12	5	17	7	9
Обрезание	13	10	17	8	30
Погребение	32	22	39	29	26

* Составлено по: [УЦГА АС КБР, ф. Р-780, оп. 1, ед. хр. 116, 87; оп. 2. ед. хр. 9, л. 22, 23, 26, 27, 29].

4. Заключение = Conclusions

В 1944—1965 годах в рамках работы Совета по делам религиозных культов и его регионального отделения горско-еврейская религиозная община Кабардино-Балкарии была интегрирована в поле официального пространства, созданного советским государством для воздействия на религиозную жизнь общества. Регулярный мониторинг, отчеты и протоколы предоставляли органам власти информацию о посещении молитвенных мероприятий, проведении обрядов, связи религиозных практик и актов гражданского состояния, прохождении праздников.

Бюрократические преграды, связанные с процедурами регистрации и официальными санкциями органов исполнительной власти, являются общей характеристикой рассматриваемого периода. Особенно отчетливо это проявилось с начала 1950-х годов, когда была закрыта синагога. Вместе с тем усиливающийся нажимластей на горско-еврейскую общщину имел незапланированные результаты. Религиозные праздники приобрели широкий отклик среди верующих за пределами зарегистрированной группы и официальных предписаний. В контексте финансовых потоков и хозяйствственно-материальных вопросов верующие горские евреи находили возможность обхода установленных государством рамок.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Население Кабардино-Балкарии* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ethno-kavkaz.narod.ru/rnkbr.html> (дата обращения 19.05.2024).

2. УЦГА АС КБР — Управление Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. ф. Р-780 (Уполномоченный совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по КБАССР) Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 24 ; Ф. Р-780. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2, 4—5 об. ; Ф. Р-780. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 17, 61—62, Л. 96—97 ; Ф. Р-780. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 38 ; Ф. Р-780. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 21 ; Ф. Р-780. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 2, 9, 13, 20—21, 37, 42, 44 ; Ф. Р-780. Оп. 1. Ед. хр. 5 а. Л. 7, 9, 22, 35, 122—122 об. ; Ф. Р-780. Оп. 1. Ед. хр. 54 а. Л. 21, 59, 74—75, 80 ; Ф. Р-780. Оп. 1. Ед. хр. 88 а. Л. 7, 30 ; Ф. Р-780. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 51—52 ; Ф. Р-780. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 10—11, 30 ; Ф. Р-780. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 6, 14 ; Ф. Р-780. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 13 ; Ф. Р-780. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 2, 12, 14—16, 21—22.

Литература

1. Герасимова В. А. Иудейские общины Западной Сибири и уполномоченные Совета по делам религиозных культов (1944—1953) : контроль и коммуникация / В. А. Герасимова // Конфессиональная политика советского государства в 1920—1950-е годы : материалы XI Международной научной конференции. Великий Новгород, 11—13 октября 2018 года. — Москва : РОССПЭН, 2019. — С. 212—220. — ISBN 978-5-8243-2337-5.

2. Горские евреи : История, этнография, культура / сост. В. Дымшиц. — Москва : Знание, 1999. — 462 с. — ISBN 5-86993-003-0.

3. Данилова С. А. Горские евреи в Кабардино-Балкарии / С. А. Данилова. — Нальчик : Эльбрус, 1997. — 168 с. — ISBN 5-7680-1242-7.

4. Дымшиц В. Советская модернизация / В. Дымшиц // История и культура горских евреев. — Москва : Всемирный конгресс горских евреев, 2018. — С. 160—207. — ISBN 978-5-7164-0767-1.

5. Карпекин К. Г. История иудейских общин Белорусской ССР в 1950-е — первой половине 1960-х гг. через призму документов фондов уполномоченных советов по делам религиозных культов / К. Г. Карпекин // Белорусский исторический обзор. — 2022. — № 2 (7). — С. 41—59.

6. Карпекин К. Г. Иудейские общины Белорусской ССР в первые годы после Великой Отечественной войны / К. Г. Карпекин // Труды по еврейской истории и культуре : Материалы XXIII Международной ежегодной конференции по иудаике / отв. ред. В. В. Мочалова. — Москва : Пробел-2000, 2017. — С. 159—176. — ISBN 978-5-7576-0367-4.

7. Королева Л. А. Еврейская оппозиция в СССР. 1950—1970-е гг. [Электронный ресурс] / Л. А. Королева, А. Н. Молькин // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1—1. — Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18743> (дата обращения 22.05.2024).

8. Микдаш-Шамаилова Л. Религиозные праздники горских евреев / Л. Микдаш-Шамаилова // История и культура горских евреев. — Москва : Всемирный конгресс горских евреев, 2018. — С. 405—415. — ISBN 978-5-7164-0767-1.

9. Мурзаханов Ю. И. Современная семья у горских евреев Кабардино-Балкарии / Ю. И. Мурзаханов. — Москва : Чоро, 1994. — 101 с. — ISBN 5-8497-0013-7.

10. Перельгут В. М. Горские евреи — от прошлого к настоящему (на примере Кабардино-Балкарии) / В. М. Перельгут // Евразийское ожерелье. — 2001. — Выпуск 2. — С. 64—74. — ISBN 5-85859-129-9.

11. Сень Д. В. Горско-Еврейская колония Кабардино-Балкарской автономной области во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. / Д. В. Сень // Северокавказский город как пространство социально-экономического развития и межкультурного диалога (к 300-летию города Нальчика) : материалы Международной научно-практической конференции (Нальчик, 28—30 сентября 2023 г.) : в 2 частях / отв. ред. В. М. Грусман. — Нальчик : Кабардино-Балкарский государственный университет, 2023. — Ч. 1. — С. 57—68. — ISBN 978-5-7558-0676-3.
12. Снопов Ю. А. Посещаемость московских синагог в 1945—1950 годах по данным уполномоченного по делам религиозных культов по Москве и Московской области / Ю. А. Снопов // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике. — Москва : Сэйфер, 2021. — Выпуск 21. — С. 170—195. — ISBN 978-5-7576-0460-2.
13. Чарный С. А. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели» : 1953—1964 : диссертация ... кандидата исторических наук / С. А. Чарный. — Москва, 2008. — 215 с.
14. Чарный С. Кровавые наветы в СССР / С. Чарный // Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике. — Москва : Сэйфер, 2003. — Выпуск 6. — С. 207—217.
15. Членов М. А. Между Сциллой деиндузилизации и Харибдой сионизма : горские евреи в XX веке / М. А. Членов // Диаспоры. — 2000. — № 3. — С. 174—197.
16. Altshuler M. Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941—1964 / M. Altshuler — Waltham, MA : Brandeis University Press, 2012. — 324 p. — ISBN 9781611682731.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024,
одобрена после рецензирования 09.09.2024,
подготовлена к публикации 20.09.2024.

Material resources

- The population of Kabardino-Balkaria.* Available at: <https://ethno-kavkaz.narod.ru/rnkbr.html> (accessed 19.05.2024). (In Russ.).
- UCGA AS KBR — Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. (In Russ.).

References

- Altshuler, M. (2012). *Religion and Jewish Identity in the Soviet Union, 1941—1964*. Waltham, MA: Brandeis University Press. 324 p. ISBN 9781611682731.
- Charny, S. A. (2008). *State policy towards Jewish religious communities during the “thaw”:* 1953—1964. PhD Diss. Moscow. 215 p. (In Russ.).
- Charny, S. (2003). Bloody slander in the USSR. In: *Tyrosh. Works on Judaism, Slavistics, Orientalism*, 6. Moscow: Sefer. 207—217. (In Russ.).
- Danilova, S. A. (1997). *Mountain Jews in Kabardino-Balkaria*. Nalchik: Elbrus. 168 p. ISBN 5-7680-1242-7. (In Russ.).
- Dymshits, V. (2018). Soviet modernization. In: *The history and culture of the mountain Jews*. Moscow: World Congress of Mountain Jews. 160—207. ISBN 978-5-7164-0767-1. (In Russ.).
- Gerasimova, V. A. (2019). Jewish communities of Western Siberia and the commissioners of the Council for Religious Cults (1944—1953): control and communication. In: *Confessional policy of the Soviet state in the 1920s—1950s: proceedings*

- of the XI International Scientific Conference. *Veliky Novgorod, October 11–13, 2018.* Moscow: ROSSPAN. 212—220. ISBN 978-5-8243-2337-5. (In Russ.).
- Karpekin, K. G. (2022). History of Jewish communities of the Belarusian SSR in the 1950s — the first half of the 1960s through the prism of documents of funds of authorized councils for religious cults. *Belarusian Historical Review*, 2 (7): 41—59. (In Russ.).
- Karpekin, K. G. (2017). Jewish communities of the Belarusian SSR in the first years after the Great Patriotic War. In: *Works on Jewish history and culture: Materials of the XXIII International Annual Conference on Judaism*. Moscow: Blank Space-2000. 159—176. ISBN 978-5-7576-0367-4. (In Russ.).
- Koroleva, L. A., Molkin, A. N. (2015). The Jewish opposition in the USSR. 1950—1970-ies. *Modern problems of science and education*, 1—1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18743> (accessed 22.05.2024). (In Russ.).
- Members, M. A. (2000). Between the Scylla of de-judalization and the Charybdis of Zionism: Mountain Jews in the XX century. *Diasporas*, 3: 174—197. (In Russ.).
- Mikdash-Shamailova, L. (2018). Religious holidays of mountain Jews. In: *The history and culture of the mountain Jews*. Moscow: World Congress of Mountain Jews. 405—415. ISBN 978-5-7164-0767-1. (In Russ.).
- Mountain Jews: History, ethnography, culture.* (1999). Moscow: Znanie. 462 p. ISBN 5-86993-003-0. (In Russ.).
- Murzakhanov, Yu. I. (1994). *Modern family among the mountain Jews of Kabardino-Balkaria*. Moscow: Choro. 101 p. ISBN 5-8497-0013-7. (In Russ.).
- Perelgut, V. M. (2001). Mountain Jews — from the past to the present (on the example of Kabardino-Balkaria). *Eurasian Necklace*, 2: 64—74. ISBN 5-85859-129-9. (In Russ.).
- Senj, D. V. (2023). Gorsko-Jewish colony of Kabardino-Balkarian Autonomous Region in the second half of the 1920s — early 1930s. In: *The North Caucasian city as a space of socio-economic development and intercultural dialogue (to the 300th anniversary of the year of Nalchik): materials of the International Scientific and Practical Conference (Nalchik, September 28—30, 2023): in 2 parts, 1*. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University. 57—68. ISBN 978-5-7558-0676-3. (In Russ.).
- Snopov, Yu. A. (2021). Attendance of Moscow synagogues in 1945—1950 according to the data of the Commissioner for Religious cults in Moscow and the Moscow region. In: *Tirosh. Works on Judaism, Slavistics, Orientalism*, 21. Moscow: Sefer. 170—195. ISBN 978-5-7576-0460-2. (In Russ.).

*The article was submitted 14.06.2024;
approved after reviewing 09.09.2024;
accepted for publication 20.09.2024.*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Тишкина К. А. Мемориализация В. И. Сурикова в культурно-историческом и городском пространстве Красноярска (1916—1926 годы) / К. А. Тишкина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 522—539. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-522-539.

Tishkina, K. A. (2024). Memorialization of V. I. Surikov in Cultural-Historical and Urban Space of Krasnoyarsk (1916–1926). *Nauchnyi dialog* 13 (7): 522–539. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-522-539. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Мемориализация
В. И. Сурикова
в культурно-историческом
и городском пространстве
Красноярска (1916—
1926 годы)**

Тишкина Ксения Алексеевна
orcid.org/0000-0002-2342-0548
кандидат исторических наук,
научный сотрудник офиса развития
научной деятельности
ksetishkina@mail.ru

Сибирский
федеральный университет
(Красноярск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ
в рамках реализации проекта
№ 22-78-00160

**Memorialization
of V. I. Surikov
in Cultural-Historical and
Urban Space of Krasnoyarsk
(1916–1926)**

Ksenia A. Tishkina
orcid.org/0000-0002-2342-0548
PhD in History,
Researcher, Office of Scientific
Activity Development
ksetishkina@mail.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-78-00160

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья освещает процесс мемориализации наследия В. И. Сурикова (1848—1916) в дореволюционный и советский периоды. Став известным художником, он не забывал своей малой Родины, оказывая существенное влияние на развитие художественной жизни Сибири. Основное внимание уделено участию сотрудников Красноярского городского музея (позже — Музей Приенисейского края) в сохранении наследия художника, а также в мероприятиях в 1926 году, приуроченных к десятилетней годовщине его смерти. Актуальность исследования обусловлена не только интересом к жизни и творчеству знаменитого художника, но и анализом влияния выдающейся личности на формирование исторической памяти и историко-культурного потенциала региона. На основе широкого круга источников удалось охватить значительный исторический период и выстроить в хронологической последовательности комплекс мероприятий, направленных на сохранение памяти об известном земляке на его родине в Красноярске. Обращается внимание на тесное сотрудничество красноярского музея с членами семьи Суриковых — А. И. Суриковым и О. В. Кончаловской. Сделаны выводы, что без активного участия сотрудников Музея Приенисейского края сохранение памяти об известном земляке было бы невозможным. В заключении отмечается, что процесс мемориализации осуществлялся в течение длительного времени и в настоящее время имя художника используется как бренд Красноярска.

Ключевые слова:

Василий Суриков; Ольга Кончаловская; Красноярск; Музей Приенисейского края;увековечение памяти; мемориализация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of memorializing the legacy of V. I. Surikov (1848–1916) during the pre-revolutionary and Soviet periods. As a renowned artist, he remained connected to his homeland, significantly influencing the development of artistic life in Siberia. The focus is on the involvement of staff from the Krasnoyarsk City Museum (later known as the Museum of the Yenisei Region) in preserving the artist's heritage, as well as their activities in 1926, marking the tenth anniversary of his death. The relevance of this study is underscored not only by an interest in the life and work of this eminent artist but also by an analysis of how his remarkable persona shaped historical memory and the cultural-historical potential of the region. Utilizing a wide range of sources, the research encompasses a significant historical period and outlines, in chronological order, a series of initiatives aimed at preserving the memory of this notable figure in his native Krasnoyarsk. The article highlights the close collaboration between the Krasnoyarsk Museum and members of the Surikov family — A. I. Surikov and O. V. Konchalovskaya. The findings conclude that without the active participation of the Museum of the Yenisei Region, preserving the memory of this distinguished local figure would have been impossible. In conclusion, it is noted that the memorialization process unfolded over an extended period, and today, the artist's name serves as a brand for Krasnoyarsk.

Key words:

Vasily Surikov; Olga Konchalovskaya; Krasnoyarsk; Museum of the Yenisei Region; commemoration; memorialization.

УДК 929Суриков“1916/1926”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-522-539

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Мемориализация В. И. Сурикова в культурно-историческом и городском пространстве Красноярска (1916—1926 годы)

© Тишкина К. А., 2024

1. Введение = Introduction

Изучение истории возникновения и развития культурно-просветительских организаций в Сибири конца XIX — начала XX веков имеет большой исследовательский потенциал, поскольку позволяет составить объективное представление о развитии общественного самосознания изучаемого периода. В большинстве случаев формирование культурного имиджа региона шло по пути сохранения исторической памяти об известных земляках. Для Красноярска такой личностью являлся Василий Иванович Суриков (1848—1916) — один из выдающихся российских художников конца XIX — начала XX веков. В. И. Суриков, попавший в Петербург с рыбным обозом, окончил Академию художеств, сформировал новое направление в исторической живописи. «Я не понимаю действия отдельных исторических лиц без народа, без толпы, — говорил Суриков, — мне нужно вытащить их на улицу» [Никольский, 1918, с. 52].

Художник неразрывно связывал свое творчество с Сибирью, черпал вдохновение в местном колорите, принимал участие в общественной жизни. Так, при его непосредственном участии, силами его учеников в 1910 году в Красноярске была открыта рисовальная школа. Последний раз художник побывал на родине в 1914 году. Имя В. И. Сурикова имеет большое значение для региональной культуры Красноярского края, что находит отражение в различных формах его мемориализации.

Историография исследования включает целый ряд общих работ о развитии художественных объединений на территории России [Золотой век ..., 1992], и в частности Сибири [Муратов, 1974; Попов, 2003; Виницкая и др., 2020]. Авторы отмечают, что на рубеже XIX — XX веков активно развиваются сибирские культурно-просветительские объединения, стремившиеся к консолидации творческих сил региона.

Одним из актуальных направлений в современной отечественной историографии являются работы, связанные с сохранением в общественном сознании исторической памяти об известных личностях прошлого. Среди

работ общего характера можно отметить статьи о формировании образа и роли значимых фигур в коллективной памяти [Емельянова и др., 2013; Марков, 2016]. Особого внимания заслуживает раскрытие темы на примерах таких персон, как Ю. А. Гагарин [Дмитриева и др., 2023], С. Я. Соколов [Ярмишко, 2023], М. А. Врубель [Тишкина и др., 2024], А. Н. Радищев [Меленчук, 2023] и др. Кроме этого, современные исследователи все чаще обращают внимание на место исторической личности в формировании имиджа или бренда региона [Левочкина, 2013; Использование ..., 2016; Краснов и др., 2018; Иван Ползунов ..., 2023; Синенко и др., 2022]. Роли и месту В. И. Сурикова в развитии культурного потенциала региона посвящены публикации Л. Р. Стой, А. П. Дворецкой, приуроченные к столетию со дня смерти художника [Стой и др., 2016; Использование ..., 2016].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью исследования является отображение участия населения Красноярска в сохранении памяти о своем земляке — В. И. Сурикове — в дореволюционный и советский период. Одной из задач являлось подробное освещение процесса подготовки и проведения в Сибири мероприятий к десятой годовщине со дня смерти художника в 1926 году. Исследование основывается на принципах историзма и объективности. Использование хронологического метода позволило изложить и осмыслить фактологические данные во временной последовательности; историко-типологический метод предоставил возможность комплексно представить основные мероприятия десятилетней годовщины смерти В. И. Сурикова на родине художника в Красноярске и в других городах Сибири; благодаря историко-системному методу удалось рассмотреть процедуру мемориализации В. И. Сурикова как часть общей системы построения связей между различными структурами (в первую очередь государственными) для достижения цели.

В ходе исследования были выявлены документы, отложившиеся в фондах Р-631 «Исполком Красноярского горсовета (горисполком)», Р-795 «Красноярский краевой краеведческий музей управления культуры Красноярского крайисполкома», Р-941 «Красноярская городская школа № 5 1-й ступени Красноярского горно» Государственного архива Красноярского края [ГАКК]. Кроме этого, использовались материалы из фондов Красноярского краеведческого музея, размещенные в Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации (Госкаталог.рф). Для расширения информации были привлечены сведения, выявленные в периодических изданиях («Енисейский край», «Сибирская мысль», «Красноярский рабочий», «Советская Сибирь», «Сибирские огни»).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Увековечение памяти В. И. Сурикова в 1916—1917 годах

6 марта 1916 года в Москве скончался художник-сибиряк В. И. Суриков. Смерть художника получила широкий отклик общественности. В «Русских ведомостях» М. В. Нестеров написал: «Суриков умер. Суриков поведал людям страшные были прошлого, показал героев минувшего, представил человечеству в своих образах трагическую, загадочную душу своего народа <...> Суриков и Достоевский — два великих национальных таланта, родственных в их трагическом пафосе. Оба они прошли свой земной путь, как великий подвиг» [Нестеров, 2014, с. 68—69].

«Смотришь, бывало, на Василия Ивановича и думаешь: “Вот она, могучая, стихийная сила Сибирская! Самородок из диких гор и тайги необъятного края!”» — вспоминал один из устроителей выставок художников-передвижников Я. Д. Минченков [Минченков, 1961, с. 281]. Несмотря на то, что В. И. Суриков покинул родной край в подростковом возрасте, его связь с малой Родиной впоследствии не ослабла. Художник черпал идеи новых картин в сибирском колорите. После смерти жены в 1888 году вместе с дочерьми на время вернулся в родной дом в Красноярске [Гомберг-Вержбинская, 1970, с. 137].

В. И. Суриков придерживался активной гражданской позиции, проводил прямую параллель между событиями в России рубежа веков и событиями XVII века, обнажая в исторических полотнах недостатки современного ему общества. Одной из важнейших тем в его творчестве была проблема «герой и народ» [Сарабьянов, 1989, с. 219; Очерки ..., 1976, с. 369]. Во многом благодаря этому внимание к личности Сурикова не угаснет после революционных событий 1917 года и в последующие годы.

В статье, опубликованной 9 марта 1916 года в газете «Сибирская мысль», отмечалось: «Красноярск не должен забывать своего талантливого сына и должен посвятить имени его что-нибудь существенное и значительное» [Крутовский, 1916, с. 3]. Автор публикации — общественный деятель В. М. Крутовский — предлагал выполнить копии с картин В. И. Сурикова и создать художественное отделение в тематическом музее — «Картины красноярца Василия Ивановича Сурикова».

Члены Красноярского отдела Императорского географического общества приняли решение об учреждении картинной галереи имени В. И. Сурикова. В Красноярском городском музее имелась работа художника «Милосердный самарянин», которая стала центральным экспонатом «Уголка В. И. Сурикова» на выставке «Старый Красноярск» (начала свою работу в апреле 1916 года). С целью сбора материалов для будущей галереи было направлено обращение к дочери художника О. В. Кончаловской.

В апреле 1916 года от нее было получено письмо, в котором Ольга Васильевна обещала выслать в конце года в Красноярский городской музей «... некоторые вещи <...> отца; его маску, снятую в гробу, бюст, фотографические портреты; некоторые его произведения масляными красками, акварелью и карандашом, а также снимки с картин...» [Письмо Кончаловской Ольги Васильевны, 1916].

Осенью 1916 года в Красноярске была сформирована городская комиссия по увековечению памяти В. И. Сурикова. В ее состав вошли А. И. Суриков (брать художника), П. И. Гадалов, В. М. Крутовский, Н. И. Любимов и т. д. На заседании 29 октября 1916 года П. И. Гадалов сделал пожертвование в фонд комиссии в размере 500 руб., а А. И. Суриков сообщил, что ведет переписку со своими племянницами по вопросу получения мемориальных вещей. В ходе заседания было предложено переименовать улицу Благовещенскую, на которой располагался дом семьи Суриковых, в улицу Суриковскую; установить в городе памятник художнику в сквере на Театральной площади, а сам сквер переименовать в Суриковский; организовать в Красноярском городском музее Суриковский зал с размещением как оригинальных картин, так и копий; учредить фонд для дальнейшего приобретения копий картин В. И. Сурикова; издать биографию художника, а также напечатать открытки с репродукциями картин для массового распространения [В комиссии ..., 1916, с. 4].

В начале февраля 1917 года О. В. Кончаловская подтвердила В. М. Крутовскому свое желание принять участие в устройстве экспозиции в память о В. И. Сурикове в Красноярском городском музее и передачу мемориальных предметов [Письмо Кончаловской Ольги Васильевны, 1917]. К первой годовщине смерти художника была приурочена художественная выставка, организованная в марте 1917 года [Строй и др., 2016, с. 139]. Инициаторами мероприятия выступили местные художники и члены Красноярского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. В качестве образца для устройства экспозиции использовался опыт выставки 1916 года. К участию приглашались сибирские художники. Центральным местом выставки предполагался отдел, посвященный В. И. Сурикову. Кроме этого, в день ее открытия планировалась лекция о творчестве художника. Все вырученные от продажи билетов средства предполагалось направить в пользу Красноярского отдела Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны [Вторая художественная выставка в Красноярске, 1917, с. 2]. Еще одно мероприятие — вечер «Памяти Сурикова» — состоялось 5 марта 1917 года в Доме ЮНОШЕСТВА в Красноярске.

3.2. Участие сотрудников Музея Приенисейского края в сборе материала о В. И. Сурикове в первой половине 1920-х годов

В декабре 1920 года Музей Приенисейского края (с 7 января 1920 года название Городского музея Красноярска) приобрел у А. И. Сурикова ряд работ Василия Сурикова. Из-за некоторых обстоятельств, в первую очередь связанных с необходимостью приведения в порядок помещения и экспозиции, учреждение не принимало посетителей [Бершадская, 2022, с. 271].

10 января 1921 года на заседании Коллегии Музея Приенисейского края было принято решение о создании отдела с присвоением ему имени «крупного Красноярского художника Сурикова». В феврале 1921 года, на очередном заседании, художник Г. Я. Троицкий доложил о проведенных им в Москве переговорах по поводу пополнения работами В. И. Сурикова художественного собрания Музея Приенисейского края. Из Государственного музейного фонда было выделено десять работ художника и его посмертная маска. Кроме этого, в музей поступил этюд М. В. Нестерова «В Пасхальную заутреню». Г. Я. Троицкий посетил О. В. и П. П. Кончаловских, которые передали в Красноярск 32 репродукции с картин В. И. Сурикова и книгу В. А. Никольского «В. И. Суриков» [ГАКК, ф. Р-795, оп. 1, д. 5, л. 8].

По случаю пятилетней годовщины смерти В. И. Сурикова — 19 марта 1921 года (дата смерти указана по новому стилю) — сотрудники Музея Приенисейского края приняли решение устроить для всех желающих лиц в Доме работников Просвещения вечер памяти. Считая, что из-за празднования 18 марта Дня Парижской коммуны возникнут проблемы с получением свободного помещения, датой назначения мероприятия было определено 21 марта 1921 года. Для вечера памяти В. И. Сурикова была подготовлена тематическая лекция о жизненном и творческом пути художника с демонстрацией репродукций его работ [ГАКК, ф. Р-795, оп. 1, д. 5, л. 9].

В декабре 1921 года директор музея О. Я. Тугаринов привез из Москвы переданные Ольгой Кончаловской вещи Василия Сурикова: палитру, этюдник и различные документы. Ольга Васильевна обещала в дальнейшем передать личную Библию художника, на страницах которой была записана родословная Суриковых. Кроме этого, О. Я. Тугаринов озвучил пожелание Кончаловских передать все имеющиеся у них работы В. И. Сурикова в Третьяковскую галерею или в Красноярск.

В феврале 1922 года Музей Приенисейского края (после перерыва в работе) вновь был открыт для посетителей [Открытие музея ..., 1922, с. 3]. Первым для просмотра стал доступен «Отдел искусства и художественной старины имени В. И. Сурикова», который возглавила М. В. Красноженова. В так называемом «уголке В. И. Сурикова» сотрудники разместили оригинальные работы художника и репродукции картин, посмертную маску,

личные вещи В. И. Сурикова, этюдник с палитрой и кистями и т. д. [Красноженова, 1925, с. 17]. Сотрудники музея приступили к сбору воспоминаний о художнике и его семье. В марте 1922 года, к годовщине смерти В. И. Сурикова, на основе материалов экспозиции В. А. Смирновым была подготовлена и дважды — 5 и 11 марта — прочитана лекция «В. И. Суриков как художник» [ГАКК, ф. Р-795, оп. 1, д. 1, л. 14].

Осенью 1923 года собрание Музея Приенисейского края пополнилось 20 оригинальными рисунками и этюдами В. И. Сурикова, тремя фотографиями и материалами, собранными В. А. Никольским для книги «В. И. Суриков». Все это было передано О. В. Кончаловской [ГАКК, ф. Р-795, оп. 1, д. 16, л. 70 об.].

В первой половине 1925 года осмотр экспозиции «уголка В. И. Сурикова», содержащей более 50 оригинальных работ художника, осуществлялся «... по особому соглашению...» с администрацией музея [ГАКК, ф. Р-795, оп. 1, д. 1, л. 87]. В пятилетний план работы Музея Приенисейского края была заложена смета на покупку картин В. И. Сурикова (1000 руб.) и на изготовление копий полотен «Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни», «Взятие снежного городка» и т. д. (3000 руб.) [ГАКК, ф. Р-795, оп. 1, д. 26. л. 5 об.].

3.3. Мероприятия Музея Приенисейского края, приуроченные к десятилетию смерти В. И. Сурикова

В конце января 1926 года на заседании коллегии Музея Приенисейского края был заслушан доклад директора учреждения А. Н. Соболева о плане мероприятий, посвященных годовщине смерти В. И. Сурикова. В день смерти художника — 19 марта — предполагалось проведение совместного заседания сотрудников музея, Союза Рабпроса, отдела ИЗО и членов Географического общества. Помимо этого было решено открыть в музее выставку работ В. И. Сурикова, издать открытки сrepidукциями картин и т. д. Для информирования населения о жизни и творчестве мастера, сотрудники музея намеревались подготовить и опубликовать ряд статей в сибирских периодических изданиях [ГАКК, ф. Р-795, оп. 1, д. 28, л. 67].

7 марта 1926 года в художественном отделе имени В. И. Сурикова Музея Приенисейского края открылась выставка в честь художника, которая действовала по воскресным дням с 11:00 до 15:00. На ней демонстрировались некоторые из первых работ В. И. Сурикова: рисунок карандашом «Гамлет» и акварельный портрет П. Н. Замятнина, а также репродукции его картин, разнообразная печатная продукция, посвященная творчеству именитого земляка. Организаторы выставки привлекли к участию местных художников. Так, например, художник Д. И. Карапанов (ученик В. И. Сурикова) передал свои картины «Ночь в тундре», «Илимки енисейских оstäиков», «Станок Подкаменная Тунгуска» [И. Л., 1926, с. 3]. Экскурсии по экс-

позиции проводил ученик В. И. Сурикова — скульптор и педагог А. Г. Попов. Выставка привлекла к себе большое внимание со стороны жителей Красноярска. Сотрудники музея были вынуждены регулировать прием посетителей. Так, например, экскурсии для школьников стали проводить только в будни. Выставка продолжила работу до конца апреля 1926 года.

К этому сложилась Группа красноярских художников (1926—1929 годы), избравших в качестве основной цели деятельности «...борьбу с халтурой в искусстве, повышение квалификации художников и проведение планомерной просветительской работы в массах» [Золотой век ..., 1992, с. 57]. 19 марта 1926 года на нескольких площадках города — во Дворце труда, в кинотеатрах, в Доме работников Просвещения — читались тематические лекции, посвященные В. И. Сурикову.

22 марта 1926 года в 19:00 в Доме работников Просвещения состоялось объединенное торжественное заседание сотрудников Музея Приенисейского края, художников, членов Географического общества и представителей от научных и общественных организаций, посвященное памяти В. И. Сурикова. Для желающих лиц вход на мероприятие был свободный. В президиум заседания был приглашен А. И. Суриков. Вниманию собравшихся были представлены доклады А. Д. Лаппо «Жизнь и творчество В. И. Сурикова», М. В. Красноженовой «Сибирские мотивы в творчестве Сурикова», воспоминания Д. И. Караганова о художнике и т. д.

В честь десятилетней годовщины смерти В. И. Сурикова горсовет Красноярска приобрел и передал Музею Приенисейского края эскизы художника, выполненные маслом и акварелью. Среди них — изображение голов татар к картине «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем» и головы Степана Разина к картине «Степан Разин» [Соболев, 1927, с. 4].

3.4. Открытие мемориальной доски на доме художника

Местная общественность неоднократно выступала с инициативой открытия мемориального музея, посвященного жизни и творчеству В. И. Сурикова. В Красноярске сохранился дом семьи Суриковых (он располагается по адресу: пр. Ленина, 76, бывшая ул. Благовещенская), в котором, вплоть до своей смерти в 1930 году проживал брат художника — Александр Иванович [Черкасов, 2013, с. 16]. Это здание 1830 года постройки представляло ценность как мемориальный объект и как историческое сооружение. Дом находился на учете Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса. В июле 1923 года квартиранты были выселены, здание и участок при нем отмечены как необлагаемые налогом.

В октябре 1925 года В. Тольский со страниц газеты «Рабочий путь» обратился к проблеме сохранение ряда домов Красноярска, представлявших мемориальное значение. Среди них было указанное здание на пр. Ленина,

76, в котором жила семья Суриковых. Несмотря на то, что по инициативе сотрудников Музея Приенисейского края дом был освобожден от «частных жильцов», он оказался вновь на учете жилотдела горкоммунахоза и заселен. Автор заметки призывал освободить мемориальные дома от жильцов и привести их в порядок [Тольский, 1925, с. 4].

В преддверии десятилетней годовщины памяти В. И. Сурикова, на январском заседании коллегии Музея Приенисейского края в 1926 году был поднят вопрос о ходатайстве перед горсоветом и комиссией жилотдела о признании необходимости выселения жильцов, о проведении ремонта дома, а также о размещении таблички на стене здания. В начале марта на изготовление памятного бронзового знака горсоветом было выделено 50 руб. [ГАКК, ф. Р-795, оп. 1, д. 2А, л. 51].

19 марта 1926 года в 16:00 у памятника В. И. Ленину состоялся сбор участников торжественного шествия и музыкантов. Демонстрация прошлась по ул. Советской до пр. Перенсона. В 17:00 у дома Суриковых состоялся митинг. Тов. Кузнецов от имени исполкома и горсовета открыл медную памятную доску, на которой была выполнена надпись «Здесь родился и жил Василий Иванович Суриков 1848—1916 г.». Затем с докладом о жизни и творчестве художника выступил А. Н. Соболев.

Сотрудники Музея Приенисейского края рассчитывали, что здание перейдет в ведение учреждения и города. Однако в апреле 1926 года М. В. Красноженова получила письмо от О. В. Кончаловской, сообщавшей о ее нежелании устройства в доме Суриковых музея. Ольга Васильевна сообщала о возможном временном переезде в Красноярск, так как ее супруг — художник П. П. Кончаловский — планировал работать в Сибири над своими картинами [Письмо Кончаловской Ольги Васильевны, 1926].

На Первом сибирском съезде художников в Новосибирске 3—6 января 1927 года представитель от Красноярска художник В. Л. Петраков обратился к присутствовавшим с просьбой зафиксировать в протоколе проблему состояния исторических памятников в Красноярском крае. Он отметил, что, несмотря на хлопоты сотрудников Музея Приенисейского края, дом Суриковых «... до сих пор не закреплен как памятник, требующий охраны» [Первый сибирский съезд художников, 1927, с. 228]. В июне 1927 года центральный исполком поднял вопрос перед окрисполком о выселении жильцов и передаче дома в ведение Музея Приенисейского края [Выселение жильцов из дома Сурикова, 1927, с. 4].

3.5. Школа I-ой ступени № 5 имени В. И. Сурикова

В начале 1926 года сотрудники Музея Приенисейского края выступили с ходатайством в горсовет о присвоении имени В. И. Сурикова школе № 5. Учебное заведение действовало с 1920 года. В 1922 году оно размещалось

в помещении бывшего городского училища по ул. Ленина, 79. К началу 1926 года количество учащихся составляло 315 чел. Здание было построено в 1839 году. С 1856 по 1861 годы в училище обучался В. И. Суриков. В годы Первой мировой и Гражданской войн помещение использовалось для размещения воинских частей [ГАКК, ф. Р-941, оп. 1, д. 6А, л. 108].

С декабря 1925 года в учебном заведении, действовал художественный кружок имени В. И. Сурикова, созданный по инициативе Е. И. Громовой, члены которого занимались изучением творчества художника, изготовлением плакатов и стенгазет, украшением здания школы. При кружке был открыт памятный уголок в честь знаменитого выпускника [ГАКК, ф. Р-941, оп. 1, д. 6А, л. 12].

Постановлением секции народного образования от 25 февраля 1926 года учреждению было присвоено имя В. И. Сурикова [ГАКК, ф. Р-631, оп. 1, д. 2, л. 7] (в 1927 году школа стала именоваться «школа № 7 II ступени им. Сурикова»). С весны 1926 года в школе стали проводить памятные мероприятия. Члены кружка имени В. И. Сурикова подготовили выпуск тематической стенгазеты в честь годовщины смерти художника. 19 марта 1926 года учащиеся школы были приглашены на торжественное открытие мемориальной доски на доме Суриковых.

8 апреля 1926 года в школе были организованы торжества, на которых были представлены доклады о жизни и творчестве художника, а также выступления с декламацией [ГАКК, ф. Р-941, оп. 1, д. 6А, л. 43об.].

3.6. Мероприятия в честь В. И. Сурикова в городах Сибири в 1926 году

По инициативе членов художественного общества «Новая Сибирь» в Новосибирске прошли памятные мероприятия, посвященные В. И. Сурикову. Данная организация функционировала с января 1926 года. «Новая Сибирь» объединила художников, графиков, скульпторов, архитекторов и т. д., а также людей, интересующихся искусством. Общество действовало под лозунгом: «Близость к трудящимся массам, единение с ними, работа для них...» [Цит. по: Муратов, 1974, с. 74].

19 марта 1926 года в помещении Охотниччьего клуба прошел «Вечер памяти В. И. Сурикова» с участием представителей художественной интеллигенции города. Художница Н. Н. Нагорская выступила с докладом о творчестве знаменитого сибиряка, отметив «... тяготение художника к толпе, к массе, в противовес другим историческим живописцам...» [Вечер памяти Сурикова, 1926, с. 4]. После выступления состоялось обсуждение. Собравшиеся отметили значительную роль сибирской тематики в творчестве художника. В конце мероприятия было принято решение о проведении «общедоступного вечера» в честь В. И. Сурикова.

В красноярский Музей Приенисейского края от членов «Новой Сибири» и новосибирского отдела «Ассоциации художников революционной России» была направлена телеграмма, в которой говорилось: «Художники <...> в день 10-летия смерти Сурикова приветствуют Красноярский музей, как собирателя и хранителя работ художника-сибиряка, поднявшего ценность своих исторических картин до значения общечеловеческих» [В Красноярский музей..., 1926, с. 4] (телеграмма была зачитана на объединенном торжественном заседании 22 марта 1926 года в Доме работников Просвещения.).

10 апреля 1926 года мероприятие памяти В. И. Сурикова прошло в зале Товарной биржи. Ответственными за проведение были художник А. В. Вощакин и П. П. Подосенов. Входная плата составляла от 30 коп. до 1 руб. 25 коп. К началу вечера зал Товарной биржи был украшен декоративными панно с изображением портрета В. И. Сурикова (работа Н. Н. Нагорской) и репродукциями его работ — «Боярыня Морозова», «Меншиков в Березове», «Утро стрелецкой казни». В начале торжества с речами выступили художники А. В. Вощакин и Сафонов, писатель В. Я. Зазубрин [А., 1926, с. 3]. Последовавшая основная программа вечера была разделена на две части. В первом отделении прозвучали доклады заведующей художественным отделом имени В. И. Сурикова Музея Приенисейского края М. В. Красноженовой «О сибирских мотивах в творчестве В. И. Сурикова» (в программе тема доклада «Жизнь В. И. Сурикова») и Н. Н. Нагорской «О творчестве Сурикова с художественной точки зрения». Выступавшие использовали диапозитивы с видами Красноярска, репродукциями картин и т. д. Вторая часть вечера была музыкальной. Артисты Сибгосоперы исполнили арии из опер «Хованщина», «Царская невеста», «Русалка» и романсы. Концертная часть составлялась «...созвучно суриковскому творчеству...» [Суриковский вечер, 1926, с. 3].

Мероприятия в честь В. И. Сурикова в 1926 году состоялись в Томске при участии Общества по изучению художественного творчества [Первый сибирский съезд художников ..., 1927, с. 229]. Данная организация действовала с марта 1926 года при художественном отделе Томского краевого музея и объединяла художников, музыкантов и любителей искусства. В музее хранились работы В. И. Сурикова, например этюд «Голова девушки» (Портрет З. Ф. Хаминовой, 1908). В 1926 году художник и член томского отдела Ассоциации художников революционной России И. Я. Назаров передал в Томский краевой музей, созданный им в апреле 1926 года портрет В. И. Сурикова [120 лет со дня рождения художника И. Я. Назарова].

4. Заключение = Conclusions

Процесс мемориализации наследия В. И. Сурикова в культурно-историческом и городском пространстве Красноярска начался сразу после его

кончины в 1916 году. Отметим, что при жизни художник уделял особое внимание развитию художественного образования и просвещения. Являясь членом Товарищества передвижных художественных выставок (до 1908 года), Суриков принимал активное участие в художественном просвещении провинции. В 1908 году В. И. Суриков и И. Е. Репин вошли в состав Томского общества любителей художеств в качестве почетных членов. Суриков оказал существенное влияние на развитие художественного образования в Красноярске. С 1911 года он являлся почетным членом общества художников «Бубновый валет», преследовавшего цель «распространение современных понятий по вопросам изобразительных искусств [Золотой век ..., 1992, с. 311, 31].

Большая заслуга в мемориализации принадлежит сотрудникам Красноярского городского музея (позже — Музей Приенисейского края), которые смогли установить контакты с членами семьи художника — А. И. Суриковым и О. В. Кончаловской. Благодаря этому музейное собрание пополнилось подлинными работами В. И. Сурикова и мемориальными предметами. Сотрудники осуществляли популяризаторскую деятельность: проводили экскурсии по экспозиции, выступали с лекциями и докладами о жизни и творчестве художника. Масштабным событием в культурной жизни Сибири стала десятая годовщина со дня смерти В. И. Сурикова. Идея создания мемориального музея не была реализована в 1920-е годы. Между тем в 1926 году была установлена памятная доска на фасаде дома Суриковых. Школе I-ой ступени № 5 было присвоено имя В. И. Сурикова.

Увековечение памяти В. И. Сурикова в городском пространстве Красноярска продолжилось и в последующие годы. В декабре 1939 года решением президиума Красноярского горсовета улица Крестьянская была переименована в улицу Сурикова. В 1948 году в честь 100-летия со дня рождения знаменитого художника в городе был организован ряд торжественных мероприятий, самым главным из которых стало открытие музея в доме семьи Суриковых. В 1954 году в сквере им. Сурикова был установлен памятник художнику работы скульптора Л. Ю. Эйдлина и архитектора В. Д. Кирхоглани. В 1957 году была реализована идея по созданию художественной галереи имени знаменитого земляка, см. подробнее: [Дворецкая]. Начиная с 2006 года ежегодно в Красноярске проходит Зимний Суриковский фестиваль искусств. Сегодня образ художника В. И. Сурикова используется в качестве бренда города Красноярска, см. подробнее: [Использование ..., 2016].

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. 120 лет со дня рождения художника И. Я. Назарова (1897—1948) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://artmuseumtomsk.ru/page/10/20/363> (дата обращения 11.01.2024).
2. А. Памяти сибиряка-художника / А. // Советская Сибирь : [газета]. — 1926. — № 85. — С. 3.
3. В комиссии по увековечиванию памяти В. И. Сурикова // Енисейский край : [газета]. — 1916. — № 6. — С. 4.
4. В Красноярский музей послана телеграмма Суриков // Советская Сибирь : [газета]. — 1926. — № 65. — С. 4.
5. Вечер памяти Суриков // Советская Сибирь : [газета]. — 1926. — № 65. — С. 4.
6. Вторая художественная выставка в Красноярске // Енисейский край : [газета]. — 1917. — № 112. — С. 2.
7. Выселение жильцов из дома Сурикова // Красноярский рабочий: [газета]. — 1927. — № 143. — С. 4.
8. ГАКК — Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-631 (Исполком Красноярского горсовета (горисполком)). Оп. 1. Д. 2. Л. 7 ; Р-795 (Красноярский краевой краеведческий музей управления культуры Красноярского крайисполкома). Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 87 ; Д. 2А. Л. 51 ; Д. 5. Л. 8, 9 ; Д. 16. Л. 70 об. ; Д. 26. Л. 5 об. ; Д. 28, Л. 67 ; Ф. Р-941 (Красноярская городская школа № 5 1-й ступени Красноярского гороно). Оп. 1. Д. 6А. Л. 43 об., 108.
9. Дворецкая А. П. К 165-летию со дня рождения В. И. Сурикова. Формирование мемориальной зоны в городе Красноярске [Электронный ресурс] / А. П. Дворецкая. — Режим доступа : <http://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyi-arkh/users/articles/173> (дата обращения 11.01.2024).
10. И. Л. На выставке / И. Л. // Красноярский рабочий : [газета]. — 1926. — № 62. — С. 3.
11. Красноженова М. В. И. Суриков / М. Красноженова // Сибирь : [журнал]. — 1925. — № 7—8. — С. 17.
12. Крутовский В. Василий Иванович Суриков / В. Крутовский // Сибирская мысль : [газета]. — 1916. — № 35. — С. 3.
13. Открытие музея // Красноярский рабочий : [газета]. — 1922. — № 39. — С. 3.
14. Первый сибирский съезд художников // Сибирские огни : [журнал]. — 1927. — № 3. — С. 204—231.
15. Письмо Кончаловской Ольги Васильевны. 1916 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7608931> (дата обращения 11.01.2024).
16. Письмо Кончаловской Ольги Васильевны. 1917 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7608873> (дата обращения 11.01.2024).
17. Письмо Кончаловской Ольги Васильевны. 1926 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8652484> (дата обращения 11.01.2024).
18. Соболев. Ценный подарок музею / Соболев // Красноярский рабочий : [газета]. — 1927. — № 33. — С. 4.
19. Суриковский вечер // Советская Сибирь : [газета]. — 1926. — № 81. — С. 3.
20. Тольский В. Как мы относимся к памятникам / В. Тольский // Красноярский рабочий : [газета]. — 1925. — № 232. — С. 4.

Литература

1. Бершадская С. В. Музейные практики в структуре досуга горожан Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. / С. В. Бершадская // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2022. — № 3 (25). — С. 265—282. — DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-265-282.
2. Виницкая Н. В. О развитии изобразительного искусства в Западной Сибири в первой трети XX в. / Н. В. Виницкая, А. В. Литягина // Сибирь в изменяющемся мире. история и современность : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора В. И. Дулова. — Иркутск : Оттиск, 2020. — С. 66—70.
3. Гомберг-Вержбинская Э. Передвижники / Э. Гомберг-Вержбинская. — Ленинград : Искусство, 1970. — 235 с.
4. Дмитриева О. О. Увековечивание памяти о Юрии Алексеевиче Гагарине на территории Чувашии как пример реализации коммеморативных практик / О. О. Дмитриева, А. А. Атаева, С. В. Соловьев // Яковлевские чтения : патриотизм, гражданственность, духовность в аспекте современных социокультурных процессов : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 175-летию со дня рождения И. Я. Яковлева. — Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т., 2023. — С. 218—223.
5. Емельянова Т. П. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества / Т. П. Емельянова, А. В. Кузнецова // Знание. Понимание. Умение. — 2013. — № 2. — С. 123—129.
6. Золотой век художественных объединений в России и СССР / сост. Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. — Санкт-Петербург : Изд-во Чернышева, 1992. — 402 с.
7. Иван Ползунов и Григорий Чорос-Гуркин как значимые для имиджа региона фигуры в истории Алтая / Ю. Г. Чернышов, А. Д. Дереняева, С. Н. Исакова, П. В. Ульянов // Былые годы. — 2023. — № 18 (1). — С. 64—75. — DOI: 10.13187/bg.2023.1.64.
8. Использование имени Василия Ивановича Сурикова в конструировании положительного образа города Красноярска / А. В. Кистова, М. В. Москалюк, Е. А. Сертакова, А. П. Дворецкая // NB : Административное право и практика администрирования. — 2016. — № 6. — С. 1—13. — DOI: 10.7256/2306-9945.2016.6.20967.
9. Краснов С. В. Формирование имиджа городского округа — г. Барнаула Алтайского края : теория и практика, история и современность / С. В. Краснов, В. Г. Лякишева, И. Ю. Добринина // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. — 2018. — № 16. — С. 16—20.
10. Левочкина Н. А. Культурный бренд территории урбанистического города / Н. А. Левочкина // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2013. — Т. 195. — С. 233—241.
11. Марков В. И. Формирование образа исторического деятеля в культуре : методологические заметки / В. И. Марков // Вестник культуры и искусств. — 2016. — № 4 (48). — С. 59—64.
12. Меленчук В. И. К вопросу о мемориализациях радищевских мест на Калужской земле / В. И. Меленчук // Наука. Искусство. Культура. — 2023. — № 3 (39). — С. 115—129.
13. Минченков Я. Д. Воспоминания о передвижниках / Я. Д. Минченков. — Ленинград : Художник РСФСР, 1961. — 361 с.
14. Муратов П. Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х годов / П. Д. Муратов. — Ленинград : Художник РСФСР, 1974. — 141 с.

15. Нестеров М. В. Давние дни : рассказы и очерки / М. В. Нестеров. — Санкт-Петербург : Команда А, 2014. — 256 с. — ISBN 978-5-4453-0192-9.
16. Никольский В. А. В. И. Суриков. Творчество и жизнь / В. А. Никольский. — Москва : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1918. — 150 с.
17. Очерки истории русской культуры второй половины XIX века / под ред. Н. М. Волынкина. — Москва : Просвещение, 1976. — 430 с.
18. Попов Д. И. Культурно-просветительные организации и общественное движение в Сибири в конце XIX — начале XX веков / Д. И. Попов // Ползуновский вестник. — 2003. — № 3—4. — С. 161—169.
19. Сарабьянов Д. В. История русского искусства второй половины XIX века / Д. В. Сарабьянов. — Москва : Изд-во МГУ, 1989. — 384 с.
20. Синенко Е. А. Использование образа В. М. Шукшина в имиджформирующей политике Алтайского края (1976—2021 гг.) / Е. А. Синенко, Ю. Г. Чернышов // Известия Алтайского государственного университета. — 2022. — № 5 (127). — С. 38—45. — DOI: 10.14258/izvasu(2022)5-06.
21. Страй Л. Р. Влияние художника В. И. Сурикова на становление праздничной культуры города Красноярска / Л. Р. Страй, Н. В. Малащук // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2016. — № 11—3. — С. 138—141.
22. Тишкина К. А. Увековечивание памяти выдающегося земляка как социальная практика : имя М. А. Врубеля в городском пространстве Омска в 1923 г. / К. А. Тишкина, К. В. Валькова, Т. В. Тишкина // Genesis : исторические исследования. — 2024. — № 1. — С. 180—190. — DOI: 10.25136/2409-868X.2024.1.69435.
23. Черкасов И. А. А. И. Суриков — делопроизводитель и архивариус, хранитель памяти о суриковском роде / И. А. Черкасов // Отечественные архивы. — 2013. — № 5. — С. 10—17.
24. Ярмишко В. Т. Увековечивание памяти выдающегося ученого-дendролога Сергея Яковлевича Соколова / В. Т. Ярмишко // Леса России : политика, промышленность, наука, образование : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции 24—26 мая 2023. — Санкт-Петербург : СПбГЛТУ, 2023. — С. 767—769. — ISBN 978-5-9239-1411-5.

Статья поступила в редакцию 28.04.2024,
одобрена после рецензирования 07.09.2024,
подготовлена к публикации 20.09.2024.

Material resources

- A telegram from Surikov was sent to the Krasnoyarsk Museum (1926). *Soviet Siberia: [newspaper]*, 65: P. 4. (In Russ.).
- A. (1926). In memory of the Siberian artist. *Soviet Siberia: [newspaper]*, 85: P. 3. (In Russ.).
- Dvoretskaya, A. P. On the 165th anniversary of the birth of V. I. Surikov. Formation of a memorial zone in the city of Krasnoyarsk. Available at: <http://красноярские-архивыRussian Federation/gosudarstvennyi-arkh/users/articles/173> (accessed 11.01.2024). (In Russ.).
- Evening in memory of Surikov. (1926). *Soviet Siberia: [newspaper]*, 65: P. 4. (In Russ.).
- Eviction of tenants from Surikov's house. (1927). *Krasnoyarsk worker: [newspaper]*, 143: P. 4. (In Russ.).
- GAKK — The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. (In Russ.).
- I. L. (1926). At the exhibition. *Krasnoyarsk worker: [newspaper]*, 62: P. 3. (In Russ.).

- In the Commission for perpetuating the memory of V. I. Surikov. (1916). *Yenisei Region: [newspaper]*, 6: P. 4. (In Russ.).
- Krasnozhenova, M. (1925). V. I. Surikov. *Siberia: [journal]*, 7—8: S. 17. (In Russ.).
- Krutovsky, V. (1916). Vasily Ivanovich Surikov. *Siberian thought: [newspaper]*, 35: P. 3. (In Russ.).
- Letter from Konchalovskaya Olga Vasilyevna. 1916.* Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7608931> (accessed 11.01.2024). (In Russ.).
- Letter from Konchalovskaya Olga Vasilyevna. 1917.* Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7608873> (accessed 11.01.2024). (In Russ.).
- Letter from Konchalovskaya Olga Vasilyevna. 1926.* Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8652484> (accessed 11.01.2024). (In Russ.).
- Opening of the museum. (1922). *Krasnoyarsk worker: [newspaper]*, 39: P. 3. (In Russ.).
- Sobolev. (1927). A valuable gift to the museum. *Krasnoyarsk worker: [newspaper]*, 33: P. 4. (In Russ.).
- Surikov evening. (1926). *Soviet Siberia: [newspaper]*, 81: P. 3. (In Russ.).
- The first Siberian Congress of Artists. (1927). *Siberian lights: [journal]*, 3: 204—231. (In Russ.).
- The second art exhibition in Krasnoyarsk. (1917). *Yenisei Region: [newspaper]*, 112: P. 2. (In Russ.).
- Tolsky, V. (1925). How we treat monuments. *Krasnoyarsk worker: [newspaper]*, 232: P. 4. (In Russ.).
- 120 years since the birth of the artist I. Y. Nazarov (1897—1948).* Available at: <https://artmu-seumtomsk.ru/page/10/20/363> (accessed 11.01.2024). (In Russ.).

References

- Bershadskaya, S. V. (2022). Museum practices in the structure of leisure of citizens of the Yenisei province in the first half of the 1920s. *Socio-economic and humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University*, 3 (25): 265—282. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-265-282. (In Russ.).
- Cherkasov, I. A. (2013). A. I. Surikov — clerk and archivist, keeper of the memory of the Surikov family. *Domestic archives*, 5: 10—17. (In Russ.).
- Dmitrieva, O. O., Ataeva, A. A., Solovyeva, S. V. (2023). Perpetuating the memory of Yuri Alekseevich Gagarin on the territory of Chuvashia as an example of the implementation of commemorative practices. In: *Yakovlev readings: patriotism, citizenship, spirituality in the aspect of modern socio-cultural processes: a collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 175th anniversary of the birth of I. Ya. Yakovlev*. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. 218—223. (In Russ.).
- Gomberg-Verzhbinskaya, E. (1970). *Perekvizhnikи*. Leningrad: Iskusstvo. 235 p. (In Russ.).
- Ivan Polzunov and Grigory Choros-Gurkin as figures significant for the image of the region in the history of Altai. (2023). *Bygone years*, 18 (1): 64—75. DOI: 10.13187/bg.2023.1.64. (In Russ.).
- Krasnov, S. V., Lyakisheva, V. G., Dobrynina, I. Y. (2018). Formation of the image of the city district — Barnaul, Altai Territory: theory and practice, history and modernity. *Altai Bulletin of the state and Municipal service*, 16: 16—20. (In Russ.).
- Levochkina, N. A. (2013). Cultural brand of the territory of an urban city. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*, 195: 233—241. (In Russ.).
- Markov, V. I. (2016). The formation of the image of a historical figure in culture: methodological notes. *Bulletin of culture and arts*, 4 (48): 59—64. (In Russ.).

- Melenchuk, V. I. (2023). On the issue of memorializations of Radishchev sites on Kaluga land. *Nauka. Art. Culture*, 3 (39): 115—129. (In Russ.).
- Minchenkov, Ya. D. (1961). *Memories of the wanderers*. Leningrad: Artist of the RSFSR. 361 p. (In Russ.).
- Muratov, P. D. (1974). *The artistic life of Siberia in the 1920s*. Leningrad: Artist of the RSFSR. 141 p. (In Russ.).
- Nesterov, M. V. (2014). *Long ago days: stories and essays*. St. Petersburg: “Team A”. 256 p. ISBN 978-5-4453-0192-9. (In Russ.).
- Nikolsky, V. A. (1918). *V. I. Surikov. Creativity and life*. Moscow: I.D. Sytin’s Type T-va. 150 p. (In Russ.).
- Popov, D. I. (2003). Cultural and educational organizations and social movement in Siberia in the late XIX — early XX centuries. *Polzunovsky bulletin*, 3—4: 161—169. (In Russ.).
- Sarabyanov, D. V. (1989). *History of Russian art of the second half of the XIX century*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 384 p. (In Russ.).
- Sinenko E. A. The use of the image of V. M. Shukshin in the image-forming policy of the Altai Territory (1976-2021) / E. A. Sinenko, Yu. G. Chernyshov // Izvestiya Altai State University. — 2022. — № 5 (127). — Pp. 38-45. — DOI: 10.14258/izvazu(2022)5-06. (In Russ.).
- Story, L. R., The influence of the artist V. I. Surikov on the formation of the festive culture of the city of Krasnoyarsk. *Modern trends in the development of science and technology*, 11—3: 138—141. (In Russ.).
- The Golden Age of artistic associations in Russia and the USSR*. (1992). St. Petersburg: Cherynshev Publishing House. 402 p. (In Russ.).
- Tishkina, K. A., Valkova, K. V., Tishkina, T. V. (2024). Perpetuating the memory of an outstanding countryman as a social practice: the name of M. A. Vrubel in the urban space of Omsk in 1923. *Genesis: historical research*, 1: 180—190. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.1.69435. (In Russ.).
- Using the name of Vasily Ivanovich Surikov in constructing a positive image of the city of Krasnoyarsk. *NB: Administrative law and practice of administration*, 6: 1—13. DOI: 10.7256/2306-9945.2016.6.20967. (In Russ.).
- Vinitskaya, N. V., Lityagina, A. V. (2020). On the development of fine arts in Western Siberia in the first third of the twentieth century. In: *Siberia in a changing world. history and modernity: materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences, Professor V. I. Dulov*. Irkutsk: Ottisk LLC. 66—70. (In Russ.).
- Volynkin, N. M. (ed.). (1976). *Essays on the history of Russian culture of the second half of the XIX century*. Moscow: Prosveshchenie. 430 p. (In Russ.).
- Yarmishko, V. T. (2023). Perpetuating the memory of the outstanding scientist-dendrologist Sergei Yakovlevich Sokolov. In: *Forests of Russia: politics, industry, science, education: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference on May 24—26, 2023*. St. Petersburg: SPbGLTU. 767—769. ISBN 978-5-9239-1411-5. (In Russ.).
- Yemelyanova, T. P., Kuznetsova, A. B. (2013). Significant figures of Russian history in the collective memory of different groups of society. *Knowledge. Understanding. Ability*, 2: 123—129. (In Russ.).

*The article was submitted 28.04.2024;
approved after reviewing 07.09.2024;
accepted for publication 20.09.2024.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор

Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.

Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.

Индексируется в Scopus

Индексируется в Google Академия

Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).

Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.

Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Прессы России».

Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.

Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru

Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ

Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей

5.9. Филология

Научные специальности

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

5.6. Исторические науки

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разнотечения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова — шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — И. Ф.). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «*жизнь*», концепт *ЖИЗНЬ*, лексико-семантическое поле «*Жизнь*».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив авторов.*

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.*

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.*

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.*

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е. На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.*

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).*

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovaniii-2013>.*

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.*

Ф. 1148. Д. 56. Грэвс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Грэвс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.*

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).*

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:

<https://www.sciencedirect.com/>

<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>

<https://doaj.org/>

<https://mjl.clarivate.com/home>

сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. Гадомский А. К. Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. Зализняк А. А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. Иоанесян Е. Р. Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. Орлов Э. Д. Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. Содержание понятия «эффективность образования» в контексте инклузивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. Lakoff G. Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. Makuchowska M. Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование.

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Golikov, L. M.</i> . National Question and Its Resolution: Semantics of Ethnic Disintegration and Integration in Russian History Textbooks of 20th-21st Centuries	9
<i>Goryaev, S. O., Ryabtseva, E. S.</i> Gottlieb Siegfried Bayer and Classical Latin Poetry in Scholarly Debate on Early History of Ancient Rus	28
<i>Gu Junling, Zhang Xiaoyu, Pogrebnyak, Yu. V.</i> Methods of Translating Names of Material Culture Objects into Russian (Translation of Yuan Ke's "Myths of Ancient China")..	49
<i>Dzaparova, E. B.</i> Author's Identity and Translator's Identity: A Clash of Positions and Creative Synthesis.....	70
<i>Melnik, N. V., Savelieva, I. V., Nikiforova, E. V.</i> Actualization of Axiolemmas in Political Discourse of Russia and China (New Year Addresses of V. V. Putin and Xi Jinping)	89
<i>Nenashева, Л. В.</i> Names of Russian Oven and Its Components in Arkhangelsk Dialects...	110
<i>Radbil, T. B.</i> Linguistic Manifestation of Concept of HEALTH in Contemporary Domestic Discursive Practices (Newspaper Corpora).....	128
<i>Shigurov, V. V., Shigurova, T. A.</i> Hybrid 'seldom' [follows] in Area of Interaction of Nouns and Adverbs: Semantics and Grammar	154

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Efimova, A. D.</i> Media Representation of Tutoring as a Phenomenon of Pedagogical Discourse.....	172
<i>Radiontseva, E. S.</i> Media Communications as a Context for Imprinting Formation	196
<i>Rebrova, A. D.</i> Integration of Blogging and Children's Television: Issues and Perspectives.....	217

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Voronchenko, T. V., Fomina, M. N., Fyodorova, E. V.</i> Transcendentalist Ideas in Works of Mexican-American Border Writers of 20th Century: Mary Hunter Austin and Rudolfo Anaya	237
<i>Ilchenko, N. M., Chernysheva, E. G.</i> "Floral Ornament of Reality": Flowers in Worldview of E. T. A. Hoffmann and N. A. Polevoy	256
<i>Kiseleva, I. A., Potashova, K. A.</i> Textual Criticism of Mikhail Lermontov's Poem "Valerik" (1840).....	276
<i>Kublitskaya, O. V.</i> "Incommensurable Airspace": Image of Russia in Travelogue of Maxim Nezvorov	293

Makarov, S. S. Plot-Motivational Parallels in Heroic Epics of Yakuts, Karachays, and Balkars: Trials of Epic Hero..... 311

Podoksenov, A. M. Prishvin on Stalin's Collectivization: Observations of a Contemporary 333

HISTORY

Avdashkin, A. A., Salganova, E. I., Pass, A. A. Migrants from China and Vietnam in South Ural Region (1991–2014)..... 352

Arbekov, A. B. German and Austro-Hungarian Armies in Perception of Russian Officer Corps in 1870s and 1880s..... 369

Zherlitsyna, N. A. Transformation of Religious Education System in Postcolonial Morocco 391

Kolpakov, P. A. Police Oversight of Legality in Railway Freight Transport in Russian Empire During World War I..... 410

Makhrachev, G. S. Fisheries Cooperation in Tambov Province during 1920s..... 427

Morozova, T. I. Suicides in Siberia from 1925 to 1937: Causes, Dynamics, and Significance..... 445

Nesterov, A. G., Muslimova, E. O. Regions of Italy in Context of Italian-Chinese Relations in 21st Century 470

Seyidova, S. M. National Conflicts in North Caucasus: Origins and Resolution..... 486

Tatarov, A. A. Mountain Jewish Community of Kabardino-Balkaria from 1944 to 1965 505

Tishkina, K. A. Memorialization of V. I. Surikov in Cultural-Historical and Urban Space of Krasnoyarsk (1916–1926). 522

TO AUTHORS 540

ПОДПИСКА на журнал «Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru**.

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»
Подписано в печать 20.09.2024. Формат 31,96. Тираж 500 экз. Заказ 20/09-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2024
Свободная цена

